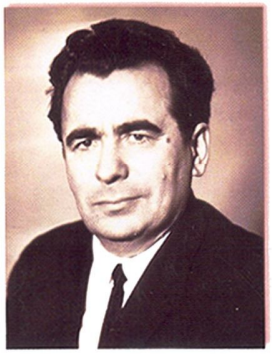


ПАВЛОВ ИВАН ПАВЛОВИЧ – один из создателей современного чувашского языкознания. Неутомимый, разносторонний учёный, талантливый педагог, активный гражданин – таким он остался в памяти современников.

Родился 23 августа 1928 г. в д. Челкасы Аликовского района Чувашской Республики. Окончил Чувашский государственный педагогический институт (1949), аспирантуру Института языка и мышления АН СССР (1953). Работал заведующим сектором языка НИИЯЛИЭ при Совете министров Чувашской АССР (1953–1957), доцентом Чувашского государственного педагогического института (1957–1967) и Чувашского государственного университета (1967–1981). С 1981 по 1999 г. – в ЧНИИ (с 1994 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук): заведующим отделом языка (1981–1990), старшим научным сотрудником.

Автор около 200 научных работ по чувашской морфологии, синтаксису, словообразованию, культуре речи, истории чувашского языкознания, в том числе монографии «Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи» (1965). Впервые описал морфонологическую систему чувашского языка («Краткий очерк морфонологии современного чувашского языка», 1974–1975). Подготовил учебники по чувашскому языку для 4, 5–6 и 6–7 классов (в соавт.) (1963–1993).

Заслуженный учитель Чувашской АССР (1988).

Умер 20 июня 2002 г. в г. Чебоксары. Публикация этой книги – дань памяти учителю от его учеников.

ЧИГИ

И.П. Павлов СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК II

И.П. Павлов

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

II

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

И.П. Павлов

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

В 2 томах

Чебоксары
2017

УДК 811.512.111
ББК 81.635.1-2
П 12

Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук

Научный редактор, автор примечаний и комментариев –
доктор филологических наук В.И. Сергеев

Павлов И.П.
Современный чувашский язык : монография : в 2 т. Т. 2 : Морфология / И.П. Павлов ; науч. ред., авт. примеч. и коммент. В.И. Сергеев ; Чувашский государственный институт гуманитарных наук. – Чебоксары, 2017. – 448 с.

В монографии рассмотрены части речи как лексико-морфологические классы слов чувашского языка с присущими им категориальными формами.

ISBN 978–5–87677–214–5 (2)
ISBN 978–5–87677–190–2 (общ.)

© Павлов И.П., 2017
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2017

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

ТОМ 2

*

МОРФОЛОГИЯ

Раздел 1

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 1. К истории изучения

В каждом языке десятки или сотни тысяч слов. Неграмматисту может казаться, что в словарном составе языка нет никакого порядка и системы, но наблюдения за употреблением слов в речи, за их формами и другими особенностями показывают, что ряд слов принимает один и тот же аффикс, а остальные не принимают; одни слова понятны в одиночном, самостоятельном употреблении, другие – только в контексте; большинство слов может связываться с другими словами, а немало таких слов, которые стоят вне такой связи; одни слова называют предметы, другие – процессы, третьи – количество и т.д. Значит, в словарном составе нет хаотичности, в нем имеется определенная организованность. Это заметили еще ученые античного мира. Разряды слов, характеризующиеся определёнными лексико-грамматическими особенностями, были названы ими частями речи.

Сначала в языке выделяли пять-шесть частей речи, затем, по мере развития языкознания, – восемь и более разрядов. В настоящее время в индоевропейских, урало-алтайских и других языках фиксируется более десяти частей речи.

В истории изучения морфологии чувашского языка частям речи уделялось больше внимания, чем фонетике, синтаксису и другим разделам, начиная с первой же грамматики, которая, как и последующие, была написана в подражание грамматикам латинского и русского языков. Авторами их были служители духовенства, практически не владеющие или слабо владеющие научным подходом к проблеме не только разграничения слов по частям речи, но и выявления падеж-

ных фактов и факторов. Многие слова относили к той или иной части речи исходя из особенностей не чувашского языка, а русского. В качестве основного признака частей речи рассматривалось только словоизменение (склонение, спряжение), и остались невыявленными многие особенности той или иной части речи.

Инвентаризацией и систематизацией фактографии, относящейся к вопросам о частях речи, мы обязаны выдающемуся исследователю чувашского языка Н.И. Ашмарину, «Материалы для исследования чувашского языка» которого долго служили и продолжают служить в качестве главного пособия по чувашскому языку для лингвистов-тюркологов.

Ученый выявил в чувашском языке десять частей речи. Как и в большинстве грамматик индоевропейских языков XIX в., части речи он делит на три большие группы: имена, глаголы и частицы. В группу имен входят существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Вторую группу составляет глагол. Следует отметить, что причастия и деепричастия рассматриваются Ашмариным не как самостоятельные части речи, что видим в некоторых грамматиках того времени, а как глагольные формы. В третью группу включены все неизменяемые слова (послелоги, наречия, собственно частицы, союзы и междометия). Но труд Н.И. Ашмарина на даёт частеречной теории. Здесь не обосновываются принципы классификации слов по частям речи, без чего невозможна оценка классификации в целом; имеются положения, с которыми трудно согласиться. Во-первых, в группу частиц он необоснованно включал слова разных частей речи: наряду с полнозначными словами (наречиями) сюда вошли неполнозначные слова (послелоги, союзы, частицы), а также стоящие вне ряда частей речи междометия. Из-за отсутствия единых критериев и принципов выделения частей речи не получил должного освещения вопрос о послелогах. К ним Н.И. Ашмарин причислял, наряду с собственно послелогами, и существительные, выступающие в качестве названий частей предметов и связанных с ними пространственных характеристик типа *ум* «перед», *çи* «поверхность», *ай* «низ» и др. Ученый включал их в число послелогов, особенно тогда, когда пространственные конструкции переводятся на русский язык локальными предлогами; ср.: *сĕтел çинче* «на столе» (букв.

«на поверхности стола»). Здесь не учитывалось, что такие названия мало отличаются от существительных и в семантическом, и в морфологическом отношении. В числе послелогов обнаруживаем такие форманты, которые полностью утратили признаки самостоятельного слова и отвечают только требованиям аффиксов; ср., например: *-шăн (-шĕн)* «из-за, для», *-сăр (-сĕр)* «без».

Отсутствием единых требований к классификации объясняется и отнесение подражательных слов к разряду междометий. Хотя в последующие годы им детально изучена структура подражательных слов, Н.И. Ашмарин не нашел нужным выделить подражательные слова в самостоятельную часть речи [2; 3].

В трудах по грамматике чувашского языка Т.И. Матвеева, Ф.Т. Тимофеева части речи описываются в том же виде, что и в «Материалах...» Н.И. Ашмарина, без особых изменений.

Показательно, что чувашские лингвисты не занимались специально классификацией слов по частям речи. Для своих трудов общего характера они брали готовую номенклатуру частей речи и сложившуюся схему для описания различных языков, очень часто приписывали словам чувашского языка несвойственные им грамматические особенности. Поэтому возникли трудности как при составлении учебников, так и в преподавании, и одним из острых вопросов в дискуссии по грамматике чувашского языка, развернувшейся в печати в 1953–1955 гг., был вопрос о частях речи. В итоге дискуссии обнаружилось, что следует дифференцировать существительные и прилагательные (в сочетаниях типа *йывăç çурт* «деревянный дом», *кĕмĕл сехет* «серебряные часы»), прилагательные и наречия (в сочетаниях типа *тирпейлĕ тумлан* «опрятно одеваться»); что подражательные слова отличаются от междометий не только в семантическом, но и в структурном и синтаксическом отношении, поэтому было бы целесообразно выделять их в самостоятельную часть речи; что совершенно не изучены слова с модальными значениями типа *пур* «есть; имеющийся», *çук* «нет; отсутствующий», *паллах* «конечно», *ахăртнех* «возможно, пожалуй» и др.; что с учетом лексико-грамматических особенностей словоформы типа *çине* «на его (ее) поверхность», *тăрринче* «на его (ее) вершине» следовало

бы рассматривать не в разряде послелогов, а в разряде имен существительных. Эти актуальные вопросы требовали серьезного анализа языковых фактов и выявления критериев. С учетом результатов дискуссии Н.А. Андреев, В.Г. Егоров и И.П. Павлов опубликовали книгу «Материалы по грамматике современного чувашского языка», где даются описания всех частей речи, но сама система частей речи все же осталась невыявленной, так как каждый разряд слов был описан вне связи с другими и без обоснования каких-либо критериев. М.Р. Федотов откликнулся на итоги вышеуказанной дискуссии и обосновал необходимость выделения модальных слов в особую часть речи в своей работе «Средства выражения модальности в чувашском языке».

В тюркологии имеют место в основном те же трудности и проблемы, что и в чувашском языкознании. Например, в ряде работ по тюркским языкам их авторы пишут о недифференцированности существительных, прилагательных и наречий. Ввиду того, что слово не имеет специфических формальных показателей, принадлежность его к той или иной части речи языковеды пытаются объяснить в зависимости от того, каким членом предложения оно является. Мы не можем отрицать роль синтаксических функций при определении частеречного статуса слова, но допустимо ли определять этот статус только по одной определенной синтаксической функции слова?

Также серьезным препятствием является неразрешенность в тюркологии проблемы конверсии. Омонимичные основы слова, имеющие парадигмы форм и другие признаки двух или трех частей речи, некоторыми тюркологами, а также чувашеведами рассматриваются в качестве одного слова. Например, чув. *йӑнӑш* «ошибка», «ошибочный», «ошибиться» может иметь парадигмы трех частей речи: существительного (*йӑнӑш-у-сен-че*[1*] «в (твоих) ошибках»), прилагательного (*йӑнӑш-рах* «более ошибочный, ошибочнее») и глагола (*йӑнӑш-маст-п-ӑр* «не ошибаемся»). Если бы мы признали весь этот комплекс парадигм в качестве признака одного слова, то в лингвистике трудно было бы объективно решить вопрос о

[*] Цифры на верхней линии шрифта совпадают с порядковыми номерами примечаний и комментариев, имеющихся в конце книги к каждому разделу. – *Ред.*

классификации слов по частям речи и части речи не отражали бы объективное состояние языка. Конечно, в данном случае признание способа словообразования по конверсии явилось бы выходом из тупика. В грамматиках по тюркским языкам, в том числе и по чувашскому, по традиции в качестве одного из критериев определения частей речи выдвигается аффиксальный способ словообразования. И, как правило, при каждом разряде слов приводится список деривационных аффиксов. Действительно, имеется много формантов, образующих слова только определенной части речи, и по ним легко можно ориентироваться в частях речи. Но в то же время в чувашском, а также в других тюркских языках, немало аффиксов, образующих слова двух частей речи (существительного и прилагательного). Например, а) аффикс *-лăх (-лĕх)*: *пуҫлăх* «начальник», *минутлăх (ĕҫ)* «минутная» (работа)»; б) аффикс *-ăк (-ĕк)*: *сыпăк* «узел (на месте обрыва)», «раздел»; *хăсăк* «рвота»; *хĕсĕк* «узкий, тесный», *пăсăк* «испорченный», *пиҫĕк* «воспаленный (о глазах)» и др. Ориентир на деривационный аффикс в таких случаях может подвести. Кроме того, в языке имеется немало непроизводных (первичных) слов, значит, нельзя считать аффиксы словообразования основным или единственным способом установления частеречного статуса слова.

В общем языкознании теоретическая проблема частей речи также относится к числу спорных. Об этом свидетельствуют материалы конференций, специально посвященных этой проблеме. Языковеды признают объективность существования частей речи, исторический характер их развития, специфичность структуры частей речи. Разные ответы находим и на следующие вопросы. Во-первых, составляет ли каждая часть речи отдельную категорию или они вместе образуют одну категорию? Во-вторых, какую же категорию они составляют – морфологическую или лексико-грамматическую?

§ 2. Требования к классификации слов по частям речи

При классификации любых лингвистических единиц необходимо исходить из возможностей самого языка, потому что, как писал Э. Сепир, у языка есть «могучая тенденция, способствующая развитию формальных противопоставлений, не соответствующих в точности определенным концептуаль-

ным различиям. Это – тенденция к построению классификационных схем, по которым обязаны распределяться все выражаемые в языке понятия» [5, с. 77]. Но это правильное утверждение не было аргументировано Э. Сепиром при классификации слов по частям речи. Более того, такую классификацию он считает лишь логической схемой [5, с. 93]. Многими учеными показано, что части речи – это не мыслительное построение лингвиста, не логический конструкт, а объективная категория языка, реальность языковых единиц. Академик Л.В. Щерба писал по этому поводу, что «в вопросе о частях речи исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, – ибо дело вовсе не в "классификации",– под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или, еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе» [8, с. 64].

При классификации слов по частям речи, как показывает опыт, невозможно полностью исходить из особенностей других языков. В языках мира нет универсальных частей речи, почти в каждом из них проявляются свои особенности, поэтому классификация должна в первую очередь учитывать специфику исследуемого языка и выявлять структуру каждой части речи.

Важно отметить и следующее. Если слово не омономично другому, то как бы оно ни меняло своих форм или синтаксических функций, оно должно относиться только к одной части речи. Такое требование к классификации вполне правомерно. Ведь на практике (в преподавании, в составлении школьных учебников) часто бывают случаи, когда одно и то же слово в одной и той же форме относят к разным частям речи в зависимости от его синтаксической функции. Например, слово *вăйлă* «сильный» считают прилагательным, когда оно определяет имя существительное (*Вăйлă çил вĕрет* «Дует сильный ветер»), наречием, когда оно поясняет глагол, т.е. является обстоятельством образа действия (*Çил вăйлă вĕрет* «Ветер дует сильно»). Это похоже на то, как одну и ту же книгу невозможно поместить одновременно на две полки.

Другое дело, когда, не зная шифра, читатель ищет ее на разных полках. Ни в какой другой науке не допускают подобных вольностей. В ботанике липу невозможно отнести одновременно к двум видам растений за такие ее «функции», что она используется как медонос и что из ее древесины можно делать игрушки, или в зоологии – отнести корову к двум видам животных потому, что она дает молоко и бодается.

Лексический состав включает в себя несколько тысяч слов (изолекс, вокабуляр). Их можно классифицировать с разных точек зрения:

а) смысловой связи между словами (синонимы, антонимы, омонимы);

б) происхождения слов (исконные слова, заимствования);

в) сферы употребления (разговорно-бытовая лексика, книжная лексика и др.);

г) степени употребительности (архаизмы, историзмы, неологизмы и др.) и т.д.

Кроме этого, слова принято классифицировать по частям речи. Цель таких классификаций – выявление грамматических (большей частью морфологических) особенностей слов разных категорий. В основе деления слов на части речи в разных грамматиках разные категории: семантические, морфологические или синтаксические. Рассмотрим их вкратце.

Установить часть речи исходя только из морфологических признаков было бы невозможно, так как некоторые классы слов не могут образовать те или иные формы. Даже если отдельным классам свойственно формообразование, то ряд морфологических категорий может фигурировать в пределах двух или нескольких классов. Категорию лица, например, имеет в чувашском языке не только имя существительное, но другие части речи (глагол, числительное, местоимение).

Трудно группировать слова и по их синтаксическим функциям, потому что 1) словесных классов больше, чем членов предложения; 2) нет и не может быть полной параллели между членами предложения и частями речи. Если бы удалось установить такую исчерпывающую параллель, то отпала бы необходимость иметь две категории, т.к. одна клас-

сификация повторяла бы другую; 3) в чувашском языке ни один класс не выступает в единственной синтаксической функции; 4) ни один член предложения не выражен словами или формами только одного класса.

Надежным критерием определения частей речи является семантический, поскольку он охватывает весь словарный состав языка. Слова группируются не по темам и не по родовидовым признакам, а по общим значениям, свойственным тому или иному классу. Одни исследователи называют их грамматическими значениями, или грамматической семантикой (А.Е. Супрун, С.Е. Яхонтов, П.Я. Скорик и др.), другие – категориальными значениями, или категориальной семантикой (И.Е. Анчиков, Б.А. Ильиш, В.М. Никитевич и др.), третьи – классифицирующими (категориальными) значениями (А.Н. Тихонов), а некоторые вовсе отрицают наличие тех или иных значений (А.М. Мухин, А.А. Леонтьев).

По нашему мнению, значение, связанное с классом (разрядом), правильнее было бы назвать классным, или разрядным, значением. Оно непосредственно входит в содержание (в семантику) каждого слова в качестве одного из основных компонентов. Как в логике понятие вида объясняется через понятие рода, так и значение лексемы объяснимо только через разрядное значение. Последнее можно подтвердить фактами. Так, впервые встретив слово в книгах, чувашский школьник начальных классов может уяснить себе, например, что слово *атом* – это название предмета (чув. *япала ячĕ*), и применять его, как и другие названия предметов, знакомых ему, грамматически правильно, хотя он еще не имеет понятия об атоме или не знает конкретного значения этого слова. Ср. правильное грамматическое использование слова в вопросах, заданных старшим: *Мĕн вăл атом?* «Что такое атом?»; *Атом-ран мĕн тăваççĕ?* «Что делают из атома?»; *Атомсене мĕнле курма пулать?* «Как можно видеть атом?» и т.д.

Ср. такой вопрос: *Турă лаша мĕнле лаша вăл?* «Гнедой конь какой?» Спрашивающему неясно значение слова *турă*, но он хорошо представляет, что оно относится к словам, выражающим признак (т.е. к прилагательным). Это видно по вопросительному местоимению.

Данные примеры показывают, что категориальное значение слова уясняется говорящим раньше, чем лексическое.

Грамматические категории созданы не для отдельного слова, а для большого круга слов. Но как же абстрактное значение грамматической категории совмещается с «индивидуальным», конкретным значением основы слова? Таким необходимым звеном связи, согласующим лексическое и грамматическое значения, является категориальное значение, оно важно прежде всего для говорящего или пишущего при установлении парадигмы слова, при определении правосторонней и левосторонней дистрибуций, а также при установлении синтаксической функции.

Другое дело, если речь идёт о слушающем и читающем. Они устанавливают категориальное значение, тем самым и часть речи только из контекста, по указанным выше признакам.

Теперь рассмотрим грамматические признаки, которые материализуют категориальное значение, делают его эксплицитным.

Значительная часть словарного состава (но не все слова большинства частей речи) связана со словоизменительными категориями. Однако эти морфологические категории не равноценны при установлении говорящим принадлежности слова к тому или иному классу. Имеются, во-первых, морфологические категории, связанные только с отдельным классом. Наличия признака одной такой категории достаточно, чтобы безошибочно определить, к какому классу относится то или иное слово. Подобные категории представляют сильный дифференциальный признак. Например, по суффиксу отрицательного аспекта уверенно можно сказать, что словоформа *курмасан* «если не увидеть» является глагольной формой.

Есть, во-вторых, морфологические категории, которые охватывают слова не одного, а нескольких классов (например, категория выделения). Они выражают слабый дифференциальный признак. По ним невозможно точно определить принадлежность слова к той или иной части речи. В таких случаях требуется учет целого комплекса словоизменительных категорий. Например, слова с предметным значением определяются только по их способности образовывать три вида форм: лица, числа и падежа. Исходя из этого узнаем, что словоформы типа *вуланисене* «тем, кто читал», «тем, что прочитано», *лайӑхскерӗн* «у хорошего», «у того, кто хорош» не являются существительными.

Имеется и третий вид морфологических категорий, которые присущи не целому классу, а лишь подклассу. К ним относится, например, категория степеней сравнения качественных прилагательных. Такого рода категории следует относить к ущербным дифференциальным признакам.

Следует отметить редкие случаи, не умещающиеся в указанные рамки и вызывающие трудности при определении класса слов. Так, слово *нумай* «много» может иметь форму сравнительной степени (*нумайрах* «больше») и разделительную форму (*нумайшар* «помногу»). Первая форма свойственна качественным прилагательным, а вторая – числительным. И обе являются показателем неслабого дифференциального признака. Это явление можно объяснить наличием у слова в силу семантических особенностей двух категориальных значений: значения признака и значения числа. Правда, второе значение не является основным, поэтому слово *нумай* не может образовать другие формы числительных. Эту лексему мы не можем относить только к прилагательным.

Вот парадигма форм этого прилагательного: *нумай, нумайрах, чи нумай, нумайĕн, нумайскер, нумайшар* и др.

Ср.: *ачасемпе* «с детьми», *ачарах* «моложавый» (букв. «больше ребенок»).

Этот факт помогает выяснить связь между конкретным лексическим и категориальным значениями слова.

§ 3. Иерархия частей речи

В чувашском языке двенадцать частей речи, они расположимы иерархически, т.е. от классов низших к классам высшим в порядке нарастания их грамматических признаков по дихотомическому делению, сущность которого в том, что словарный состав языка представляется в виде двух противопоставленных по семантическим и грамматическим признакам групп слов. В свою очередь, если одна из групп неоднородна по другим семантическим и грамматическим признакам, то их можно разделить на следующие две взаимоисключающие, но уже меньшие группы и т.д.

1. В первую очередь из словарного состава языка выделяется небольшая группа слов, обладающих экспрессивно-семантической функцией и выражающих чувства и волевые

состояния говорящего без элементов мысли. Эта группа называется в лингвистике междометием, она противопоставлена всей остальной массе слов тем, что у последней нет этих качеств. В то же время наибольшая часть слов лексики не выражает, а называет предметы, явления, свойства, чувства и т.д., т.е. имеет номинативное назначение. Конечно, междометные слова тоже могут иметь чувственные компоненты, но они проявляются лишь в виде коннотации при основной информации слова.

Одной из важнейших особенностей междометия является наличие разнообразной интонации, при помощи которой передается её содержание (значение). Интонация как бы оформляет или обрамляет междометие. Ввиду такой специфики содержания слова рассматриваемой части речи отличаются отсутствием тех или иных грамматических особенностей: не признают словоизменительных категорий, не сочетаются с другими словами и не являются членами предложения. Но в речи они могут выступать в роли эквивалента предложения: *Эх-ха-хай!*

Ученые по-разному относились к междометиям: одни признавали их словами и выделяли в отдельную часть речи, другие не признавали в качестве слов и поэтому исключали их из состава частей речи.

В пользу признания междометий словами говорят следующие данные: 1) междометие – это «несомненный факт второй сигнальной системы и является средством общения» [6]; 2) междометия, как и другие коммуникативные единицы языка (знаки), характеризуются воспроизводимостью; их нельзя путать с непроизвольными выкриками людей; 3) в каждом языке имеется свой состав междометий, например: а) междометия сожаления: чув. *эккей, эх-ха-хай*, каз. *эттеген-ай*, рус. *эхе-хе, эхма, эхма-хма-хма*; б) междометия, служащие для подзывания кошек; чув. *кĕç-кĕç*; каз. *мыш-мыш, пыш-пыш*; рус. *кис-кис*; 4) во многих языках для выражения эмоций и воли в разряд междометий переходят полнозначные слова путем утраты лексического значения и некоторого изменения фонетического облика слова; ср. чув. *айтурух!* (< *ай турă* «о боже»), рус. *господи!*

2. Масса слов, характеризующихся номинативной (назывной) функцией, также неоднородна в лексико-грамма-

тическом отношении. Так, небольшая закрытая группа слов отличается от остальных тем, что специально выражает модальность высказывания или его части. Слова же другой, большей группы участвуют в структуре самого высказывания. Значит, модальные слова как бы стоят над высказыванием и не могут иметь грамматической связи с членами высказывания. У них нет поясняющих слов, и сами они не могут пояснять другие слова. Здесь не может быть речи о членстве предложения и морфологических индикаторах. Тем не менее модальные слова сами могут быть предложениями. Некоторые языковеды не находят возможным рассматривать модальные слова в качестве самостоятельной части речи потому, что у них нет «никаких признаков морфологизации». Так, ряд исследователей считает их только лексическими эквивалентами грамматических выражений модальности (наклонения, полувспомогательных глаголов). Здесь, во-первых, забываются исходные позиции классификации. Мы должны классифицировать весь словарный состав языка по семантическому признаку и грамматическим показателям. Если единицы типа *ахăртнех* «может быть», *шет* «вероятно, возможно» считать словами, но не включать их в самостоятельную часть речи, то следует присовокупить их к какой-то другой части речи. Но если они не подходят ни к одному из классов слов. Во-вторых, из-за отсутствия средств морфологизации пришлось бы выключить из системы частей речи не только модальные слова, но и некоторые другие классы слов. Спрашивается: какая же другая классификационная категория имеется вне пределов частей речи? Об этом ничего не сказано. В-третьих, модальные слова образуют класс, который противопоставлен другим классам отсутствием не только морфологических, но и вообще каких-либо грамматических признаков. В-четвертых, лексические эквиваленты грамматических выражений имеются не только у категории модальности, но и у ряда других грамматических категорий. Например, в чувашском языке значение лица может быть выражено как морфологически, так и лексико-синтаксически: *юлташăм — ман юлташ* «мой товарищ», *юлташу — сан юлташ* «твой товарищ», таким же образом может быть выражено значение места: *çулпа пыр — çул тăрăх пыр* «идти по дороге» и др. Но слова *ман, сан, тăрăх* при распределении по частям речи на-

ходят своё место, несмотря на то что являются лексическими эквивалентами грамматических выражений лица и пространства. Значит, и модальные слова не должны быть исключены из системы частей речи.

Во множестве слов, участвующих в построении того или иного высказывания, выделяется бинарная оппозиция «полнозначные слова – неполнозначные слова». Иногда в данном случае применяются термины «знаменательные слова», «незнаменательные слова». Но термин «служебные слова» в паре с термином «полнозначные слова» не может отражать бинарность двух групп, т.к. они (термины) отражают разные исходные позиции – семантическую и грамматическую.

Полнозначные и неполнозначные слова отличаются друг от друга тем, что первые могут быть членами предложения, а вторые не могут и служат полнозначными словами в оформлении их синтаксической функции.

Как полнозначные, так и неполнозначные слова неоднородны по значению и грамматическим особенностям. В обеих группах слова подвергаются дальнейшему бинарному членению.

3. В составе полнозначных слов устанавливается бинарная оппозиция «подражательные слова – неподражательные слова». Подражательные слова обозначают понятия через подражание звукам и движениям предметов и явлений природы, обозначают, в отличие от неподражательных, понятия без какого-либо подражания и в известном смысле – произвольно. В структурном отношении подражательные слова состоят из изобразительных, имеющих смысл звуков, а у неподражательных слов звуки не имеют такого смысла. Подражательные слова свободно могут служить в качестве адъюнкта, но в качестве ядра словосочетания не выступают, т.к. они не нуждаются в нем. При образовании вторичных подражательных слов используются средства, специфичные только для данной части речи. Слова других частей речи не переходят в подражательные слова, а сами они, утрачивая свой изобразительный характер, могут перейти с течением времени в другие части речи. Заимствования среди подражательных слов не встречались. Таким образом, своеобразие данной части речи весьма очевидно, и возражения некоторых языковедов против выделения подражательных слов в самостоятельный класс

считаем необоснованными. В чувашском языке, как и в других тюркских языках, эта часть речи составляет довольно значительную группу.

4. Неподражательные слова в семантическом плане поддаются бинарному членению на процессуальные и непроцессуальные.

Для процессуальных слов характерно обозначение процесса, т.е. действия, состояния наличия-отсутствия или становления. Этот класс слов носит название «глагол». Для актуализации процессуального значения глагол пользуется большим количеством дифференциальных признаков: в морфологии – словоизменительными показателями, в синтаксисе – валентностными свойствами и синтаксическими функциями.

Словоизменительные форманты можно подразделять на две группы: 1) аффиксы, наличные во всех глагольных формах, и 2) аффиксы, участвующие только в предикативной или непредикативной форме.

К первой группе относятся индикаторы залога, кратности и аспекта (утвердительного и отрицательного, возможности и невозможности). Их можно назвать общими дифференциальными признаками глаголов. Ко второй группе относятся все остальные частные дифференциальные признаки.

Если глагол выступает в предикативной временной форме, то его должны сопровождать показатели лица, времени или наклонения. К непредикативным временным формам глагола относятся инфинитив, атрибутивная временная форма и обстоятельственная временная форма. Для последних нет специальных сопровождающих показателей, кроме показателей самого инфинитива или непредикативных временных форм. В целом, кроме показателей лица и числа, все индикаторы являются сильными дифференциальными признаками глагола.

Достаточно наличия хотя бы одного из вышеперечисленных показателей у слова, чтобы относить его к классу глаголов. Показатели же лица и личного числа присущи не только глаголу, но и некоторым другим частям речи, поэтому они являются слабыми дифференциальными признаками.

Валентностные свойства глагола также отличны от валентностных свойств других частей речи. Приглагольный

адъюнкт может выступать в значениях прямого и/или косвенного объекта, пространства, времени, цели, причины и т.д., всегда служит в качестве актуализатора значения процесса.

Синтаксические функции глагола разнообразны. Но здесь все зависит от формы глагола: а) в предикативной форме он выступает в роли сказуемого; б) в непредикативной форме – в роли обстоятельства. Поскольку атрибутивным временным формам свойственно принимать аффиксы выделения и изменяться по падежам, то они могут употребляться также в функции подлежащего и дополнения.

5. Непроцессуальные слова в грамматиках принято называть именами. Состав имен неоднороден. В их пределах можно противопоставить две группы, различающиеся прежде всего в семантическом отношении. Слова первой группы называют содержание прямо, слова другой группы не называют содержание, а ссылаются на него и обобщают его (в речи или ситуации). Слова, употребляющиеся вместо содержательных имен, называются местоимениями, их возможно установить только в условиях контекста или в определенной ситуации речевого общения.

Поскольку местоимения не имеют обобщающего лексического значения, к денотату относятся через посредство другого слова и являются лишь ссылочными словами, то и в морфологическом отношении пользуются только теми формами, какими пользуются содержательные имена. В силу тех же причин у местоимений не бывает особых словоизменительных форм. Правда, в склонении некоторых местоимений обнаруживаем своеобразные морфологические особенности, связанные с историческими изменениями основ. Ср.: *эпĕ* «я», *манăн* «мой», «у меня», *эпир* или *эпĕр* «мы», *пирĕн* «наш», «у нас». Производных форм у местоимений почти не бывает. У них не может быть также препозитивных необособленных адъюнктов, т.е. они не актуализируются поясняющими членами. Все это связано с отсутствием у местоимений обобщающего лексического значения.

6. В пределах содержательных имен устанавливается бинарная оппозиция «предметные имена – непредметные имена». Предметные имена в языкознании – это имена существительные. Существительные называют предмет в широком

смысле этого слова, т.е. вещи, лица, вещества, организмы, живые существа, свойства в отвлечении от их носителя, действия и состояния в отвлечении от их производителя. Предметное значение выражается в грамматических категориях лица, числа и падежа, в валентных свойствах и синтаксических функциях. В качестве препозиционных адъюнктов существительных выступают слова, выражающие материал, принадлежность, место, время, качество, число и др. Имена существительные в основном падеже могут быть подлежащим, прямым дополнением, сказуемым, в редких случаях – обстоятельством времени, меры. А если учесть возможные формы существительных, то круг их синтаксических функций увеличится значительно.

7. Непредметные имена связаны с обозначением свойств предмета и действий. Они поддаются дальнейшему бинарному членению. Это слова, обозначающие количество, и слова, выражающие качество.

В грамматиках слова со значением числа называются именами числительными. Им свойственны предметные формы количества, порядка, распределения и собирательности. Валентность числительных развита очень слабо *(вĕсенчен пĕри, икĕ пин)*. В предложении они выполняют, как правило, роль определения и обстоятельства меры, изредка – роль других членов.

8. Слова со значением признака предмета делятся на две группы. Первая группа – прилагательные. Они определяют признак предмета, а также признак действия (*вăйлă çил* «сильный ветер»; *Çил вăйлă вĕрет* «Ветер дует сильно»). Начальная форма прилагательных в предложении может выполнять синтаксические функции определения, обстоятельства образа действия, сказуемого. А если облечь их в форму выделения и падежа, то они могут находиться в роли любого члена предложения.

Оттого что прилагательные сочетаются с глаголом, в чувашском языке не происходит смена их частеречного статуса.

Слова второй группы – наречия – выражают, как правило, признак действия (*Ачасем шашкăлла выляççĕ* «Дети играют в шашки»). Наречия в предложениях выполняют функции обстоятельства времени, места, причины, цели, образа

действия, меры. По сравнению с падежными, глагольными формами, выражающими признак действия, они отличаются абстрактивностью своих лексических значений, в силу этого не принимают поясняющих слов, не имеют форм словоизменения.

Теперь вернемся к неполнозначным словам, они несамостоятельны в речи: не выступают в качестве членов предложения, у них не может быть, за некоторыми исключениями, поясняющих слов (адъюнктов), и сами не могут выполнять роль адъюнкта.

9. В составе неполнозначных слов наблюдается бинарная оппозиция «слова, выражающие значения отношений между членами или между предложениями, и слова, выражающие различные смысловые оттенки при членах предложения или предложениях».

Слова, выражающие различные смысловые оттенки при членах предложения или предложениях, называются частицами. Ср.: *Эпĕ ыран таврънӑтӑп* «Я вернусь завтра». – *Эпĕ ыран кӑна таврънӑтӑп* «Я вернусь только завтра»; *Вӑл кайрĕ* «Он ушел». – *Вӑл кайрĕ-и?* «Ушел ли он?»

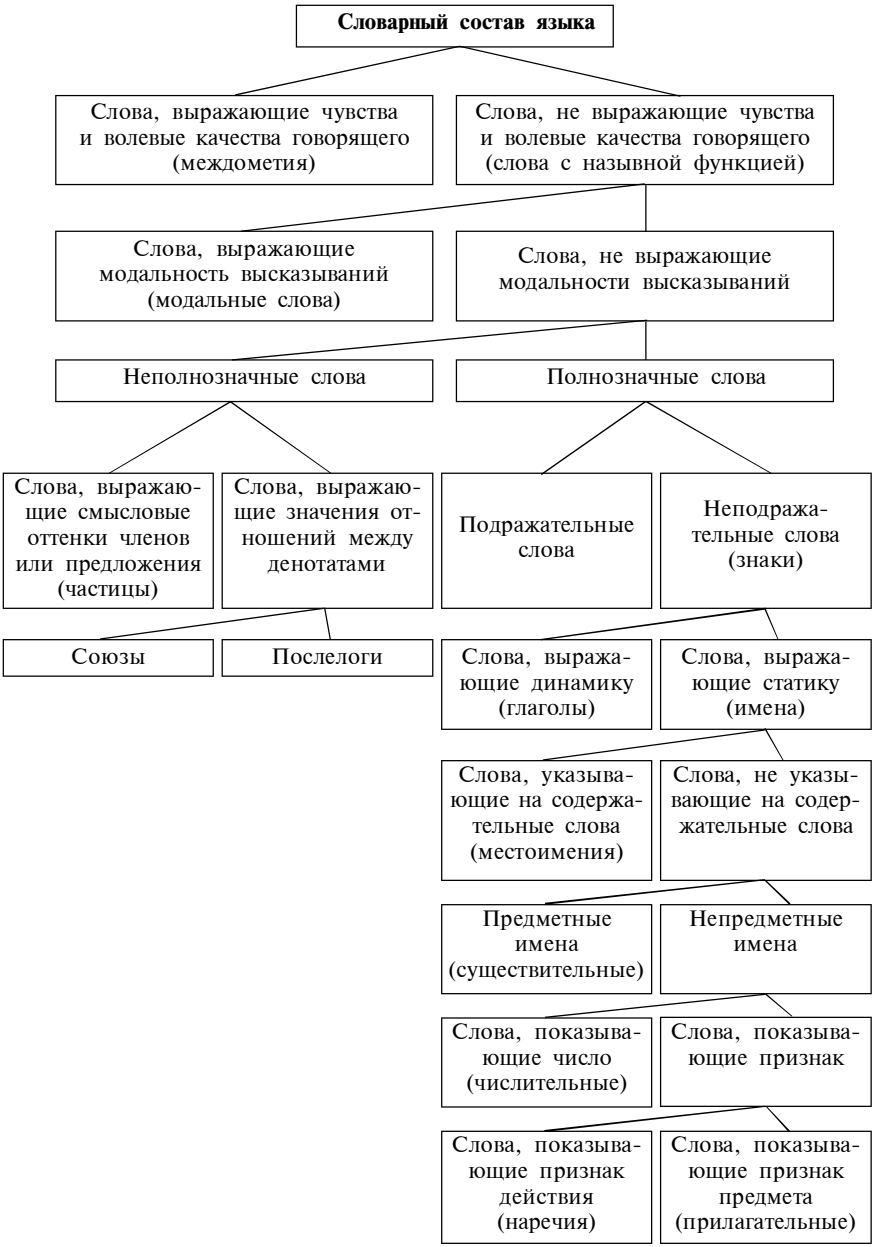
10. Слова же, выражающие значения отношений между словами или предложениями, не совсем однородны, они в своем составе имеют бинарно противопоставленные группы.

Слова первой группы этого противопоставления отличаются тем, что соединяют именные слова или предложения, принявшие именные формы, с другими словами или предложениями. Подобные неполнозначные слова, как известно, называются послелогами. По функции послелоги весьма близки к падежным аффиксам; ср.: *Эпĕ аннене тутӑр туянтӑм.* – *Эпĕ анне валли тутӑр туянтӑм* «Я купил матери платок». Послелоги выражают только значения подчинительных отношений.

Слова второй группы соединяют собой члены предложения, имеющие однотипные формы, и называются союзами.

Ср.: *Эпĕ васкарӑм, анчах ĕлкĕреймерĕм* «Я торопился, но не успел»; *Нина вĕренӳре ĕлкĕрсе пытӑр тесе пиччĕшĕ ӑна кулленех пулӑшса пычĕ* «Чтобы Нина успевала в учебе, брат помогал ей каждый день». Одни союзы выражают значения подчинительных отношений, другие – значения сочинительных.

Иерархию частей речи можно отразить в виде таблицы:



Из таблицы видно следующее.

1. Каждая вышестоящая клетка (рамка) с исходящими от нее двумя линиями охватывает (включает в свой состав) все содержание, что имеется в нижестоящих клетках. Иными словами, нижестоящие клетки являются как бы компонентами вышестоящей клетки.

2. Находящиеся рядом клетки выражают противопоставленность групп друг другу.

Таблица показывает, что все части речи отличаются друг от друга как минимум одной семантической особенностью.

Чем выше по расположению в таблице часть речи, тем меньше у нее семантических признаков, отличающих ее от других частей речи; чем ниже она находится в таблице, тем больше у нее семантических признаков, отличающих ее от «вышестоящих» частей речи.

Кроме того, «вышестоящие» части речи, как правило, характеризуются малочисленностью своего состава, служебным характером составляющих, неразвитостью грамматических признаков. И наоборот, нижестоящие – многочисленны по словарному составу, имеют развитую парадигму или валентность.

Эта таблица – единственно возможная, отражающая объективные свойства частей речи.

Настоящая таблица удобна в практическом отношении: она способствует всестороннему описанию любого слова каждой части речи, отличающему от другой (от других); является своеобразным ключом определения частей речи. Она держит в едином фокусе все разнообразие частей речи.

Например, для разбора по частям речи, используя данную схему, из предложения *Паян çанталăк сивĕ мар* «Сегодня погода нехолодная» возьмем последние два слова. *Сивĕ* является словом с назывной функцией, оно не выражает модальности высказывания, это полнозначное слово, обозначает статику, относится к словам, не указывающим на содержательные слова, относится к непредметным именам, показывает признак предмета, это прилагательное. *Мар* – слово с назывной функцией, не выражает модальности высказывания, неполнозначное, обозначает смысловой оттенок члена предложения, это частица.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что все части речи вместе образуют лексико-грамматическую классификационную категорию, так как являются в оппозиции не форм, а слов и при этом ярко обнаруживаются их грамматические особенности. Поскольку в каждом классе слов обнаруживаются своеобразные особенности категориального значения, морфологии, словообразования и способности слова вступать в словосочетания с другими словами (т.е. в валентности), то вполне позволительно сказать, что части речи являются узловым звеном грамматики.

Раздел 2

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

§ 1. Понятие о морфологической категории

Морфологической категорией принято называть систему противопоставленных друг другу морфологических форм с однородным содержанием[2]. В этом определении учитываются и форма, и содержание грамматической категории.

Существует несколько иное определение: «Грамматические категории – это обобщенные типы грамматических значений, реализуемые в парадигмах форм».

Парадигмы морфологических категорий чаще всего состоят из двух членов, но могут быть из трех и более членов.

У грамматической категории имеется характерный признак. Любая словоформа, конституирующая (определяющая) какую-либо морфологическую категорию, должна находиться в зависимости от лексического значения слова, с которым сочетается показатель данной категории в процессе словоизменения. А независимость словоформы от лексического значения выражается в том, что она образуется от любой единицы определенного разряда, т.е. можно предсказать возможность образования данной словоформы от любого слова определенного разряда.

Далее. Независимость словоформы связана с наличием некоего общего функционального инварианта, для которого не представляет важности лексическое значение конкретных основ. Например, для форм *куртăм* «(я) видел», *илтрĕм* «(я) слышал», *каларăм* «(я) сказал», *сăнарăм* «(я) наблюдал» инвариантом значения, по сравнению с формами *куратăп* «(я) вижу», *илтетĕп* «(я) слышу», *калатăп* «(я) говорю», *пĕлетĕп*

«(я) знаю», *сăнатăп* «(я) наблюдаю», является значение так называемого однократного прошедшего времени, независимое от лексического значения глагольных основ. Такое значение словоформы называется свободным, парадигматическим, это инвариантный план содержания. Оно основывается на парадигматических противопоставлениях и составляет ядро смысловой структуры грамматической категории.

Парадигматическое значение по отношению к синтагматическому первично. Синтагматическое значение основывается на первичном и является контекстуальным вариантом.

§ 2. Установление статуса некоторых морфологических категорий чувашского языка

Морфологические категории представляют собой многопризнаковые величины. Отсюда вытекает необходимость такого подхода к их классификации, который основан на учете этой множественности и разноплановости членения.

Прежде чем приступить к классификации морфологических категорий, следует определить их наличие в чувашском языке и уточнить грамматические статусы. В настоящее время в морфологии чувашского языка немало невыясненных вопросов по установлению ряда морфологических категорий.

1. Так, в грамматиках тюркских народов мы не видим категории выделения. Словоформы типа чув. *вăрманти*, тат. *урмандагы* авторами грамматик рассматриваются как вторичные прилагательные, суффикс *-дагы (-деги)* будто бы относится к деривационным суффиксам прилагательных. В тюркских языках, кроме чувашского, в плане выражения указанной словоформы не хватает противопоставленной словоформы. Поэтому нет возможности отнести ее к какой-либо определенной морфологической категории.

В чувашском языке форма на *-и (-хи)* в парадигме имеет свою пару или соответствующую противопоставленную словоформу на *-скер*. Словоформы, образованные при помощи этих аффиксов, выражают однородные значения и имеют бесспорный статус морфологической категории. Функцию этой категории следует называть выделительной.

2. В чувашском языке, как и в других тюркских, ряд частей речи образует однотипные морфологические формы при помощи аффиксов лица. Однако в описании этих форм наблюдаются противоречивые моменты. Во-первых, авторы грамматик тюркских языков сегменты *-ым-ыз*, *-ынь-ыз* и др. при именах и глаголах не делят на аффиксы лица и числа, а рассматривают как самостоятельные, неделимые аффиксы 1 и 2 лица. Во-вторых, именные и глагольные формы, образованные при помощи этих аффиксов, называют по-разному: именные формы – притяжательными (будто бы они образуют категорию принадлежности), глагольные формы – личными (будто бы они образуют категорию лица). Формы числительных, а также атрибутные формы глагола со значением последующего действия, принявшие аффиксы лица, или не включаются ни в одну категорию, или в грамматиках некоторых языков относятся к формам принадлежности.

На наш взгляд, формы имен существительных и числительных, а также предикативные и атрибутивные временные формы глагола, выступающие с аффиксами лица, логичнее и предпочтительнее рассматривать как личные формы существительных, числительных и глаголов. Значение принадлежности и другие дополнительные значения образуются при сочетании аффикса лица с категориальным значением основы слова (существительного, числительного и глагола).

В чувашском языке аффиксы лица и аффиксы личной множественности членятся довольно четко, о слиянии или фузии этих аффиксов не может быть и речи. Морфонологические явления, подобные чередованию, отсечению, не должны быть основанием для отрицания деления их на морфемы. К тому же в агглютинативных языках, как правило, отсутствуют флективные морфемы. Поскольку для выражения единичности или множественности лица имеются специальные формы, отличные от форм единичности и множественности предметов, то их следует рассматривать как выразители категории личного числа.

Наличие двух типов категорий числа – категорий предметного числа – отражает специфику языка, помогает яснее толковать лингвистические явления. В одной и той же словоформе существительного могут выступать оба типа категорий числа: первая морфологическая категория связана с катего-

риальным значением слова, другая – с категориальным значением личного суффикса (ср. *юлташ-ăм-ăр-сем* «(наши) товарищи»), обе выражаются самостоятельными формантами.

3. Видимо, по традиции и, может быть, следуя авторитету русистов, тюркологи количественную, порядковую и собирательную формы рассматривают не как словоформы числительных, а как дериваты. Но если учитывать их независимость от лексического значения слова и то, что они образуются от любой единицы данной части речи и что их служебные морфемы участвуют в соединении числительных с другими словами предложения, приходится признать наличие здесь морфологической категории нумеративности.

4. В грамматиках не только тюркских, но и языков других групп причастия и деепричастия не относятся ни к одной из морфологических категорий. Это противоестественно. Но в ряде исследований стали доказывать, что не только причастия, но и деепричастия выражают временное значение. А по отношению к предикативному (абсолютному) времени их время является относительным. Кроме того, причастные и деепричастные формы наряду с предикативными являются функциональными формами глагола: они употребляются для выражения определительной и обстоятельственной функций. Примечательно то, что у каждой функциональной временной формы имеется возможность выражать предшествование, одновременность и следование. Таким образом, категория времени глагола, в составе которой одна группа функциональных форм противостоит другой (атриб. → обст.), а эти последние противостоят предикативной группе временных форм.

5. В связи с этим надо сказать особо о наклонениях. Исследования последних лет отмечают, что как наклонение, так и время не имеют собственных самостоятельных выразителей. Наши наблюдения показывают, что первичным и главным в глагольных формах является выражение времени. Модальные значения привносятся под влиянием контекста. Значит, наклонения несамостоятельны и присущи только категории времени.

6. Ряд тюркологов пытается доказать наличие категории вида в тюркских языках. По их мнению, значение вида выражается вспомогательным глаголом в составе конструкции так называемого «сложного глагола». Но большинство вспо-

могательных глаголов многозначно, в сочетании с одними глаголами они выражают длительное действие, например: *алтса кай* «много вскопать земли», *каласа кай* «слишком много сказать». В этих примерах вспомогательный глагол не выражает результативность действия. В сочетании с другими глагол *кай* выражает однократное, результативное действие: *манса кай* «позабыть» (букв. «забывая, идти»), *тарăхса кай* «рассердиться». Из примеров видно, что значение вспомогательного глагола (выразителя значения вида) зависит от лексического значения основного компонента.

В выражении видового значения участвуют не только вспомогательные глаголы, но и обстоятельственные (деепричастные) формы: 1) *пырса пар* «принести» и *пыра пар* «неожиданно встретиться»; 2) *каласа яр* «через кого-нибудь передать что-либо», *каласа яр* «проговориться».

Кроме всего, ни один вспомогательный глагол не может сочетаться с любым глаголом в роли основного компонента. И наоборот, каждый глагол, выступающий как основной компонент сложного глагола, не может сочетаться с каждым вспомогательным глаголом. Значит, мы не можем утверждать о независимости «выразителя вида» от лексического значения: видовая форма не образуется от любой единицы (от любого глагола).

Во многих сложных глаголах налицо те же закономерности, что и в обычных синтаксических словосочетаниях. Поэтому изучение конструкций так называемых сложных глаголов не должно быть в рамках морфологии.

В настоящее время о морфологизации вспомогательного глагола трудно говорить. Значит, нет в чувашском языке категории вида.

В грамматике чувашского языка не нашли объяснения некоторые формативы: а) чем является *-ла (-ле)*, употребленный после дательного падежа (*хуланалла* «по направлению к городу»); б) как рассматривать *-чĕ* после именных и глагольных форм, например: *каясчĕ* «пойти бы (мне, тебе, ему, нам и др.)», *студентчĕ* «был студентом», *çумăрччĕ пĕрре* «дождя бы сейчас». Поскольку у них нет противопоставленных форм с однородным значением, то они не образуют морфологических категорий.

У частей речи мы имеем следующие морфологические категории словоизменительной системы.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е : предметное число, падеж, лицо, личное число, выделение. Например, *вӑрманӗсенчисене* «тем, кто находится в их лесах».

П р и л а г а т е л ь н ы е : степени сравнения, выделение, предметное число, падеж. Например, *лайӑхраххисемпе* «с теми, кто лучше».

Ч и с л и т е л ь н ы е : квантитатив, лицо, личное число, падеж, выделение, предметное число. Например, *иксӗмӗрӗннисемшӗн*[3] «для тех, что (кто) принадлежит нам с тобой».

М е с т о и м е н и я могут иметь те же категории, какие имеют заменяемые части речи.

Г л а г о л ы : кратность, возможность, аспект, время, лицо, личное число, выделение, предметное число, падеж. Например, *курӑнкалайманнисенчен* «из тех, кто не мог показываться».

Н а р е ч и е : степени сравнения, выделения.

Мы не включили сюда те категории, которые употребляются ущербно (не во всех формах) в результате эллиптирования ядерного (главного, поясняемого) слова в словосочетании.

Морфологические категории весьма разнородны, тем не менее в них можно выявить общие и различительные признаки.

§ 3. Систематизация морфологических категорий

В зависимости от участия морфем в соединении слов в предложении грамматические категории бывают снтаксическими и несинтаксическими.

1. С и н т а к с и ч е с к и е к а т е г о р и и реализуются в предложении. Они участвуют в соединении данного слова с другим словом настоящего предложения. В их составе морфемы располагаются ближе к концу словоформы.

К синтаксическим категориям относятся глагольное время, лицо, число, личное число, субстантивное предметное число, падеж, нумеративный квантитатив и общие категории выделения.

К несинтаксическим относятся только те категории, которые не участвуют ни в образовании слова, ни в соединении данного слова с другим словом, а только реализуются в составе словоформы и уточняют категориальное значение основы слова. В составе словоформы их морфемы располагаются после основы, перед синтаксическими морфемами. К несинтаксическим категориям относятся аспект, кратность, возможность, степени сравнения прилагательных и наречий.

2. Морфологические категории можно разделить на группы по наличию и отсутствию в парадигме немаркированного члена.

Бывает парадигма форм морфологической категории с одним слабым, немаркированным членом оппозиции, т.е. с нулевой формой. Обычно слабым членом оппозиции является форма, нейтральная в плане значения, выраженного в сильном члене оппозиции. Нейтральная – значит не выражающая ни значения, равного значению сильного члена отношения, ни значения, противоположного ему, но способная в зависимости от контекста выразить или первое, или второе значение.

Например, у категории предметного числа слабый член оппозиции сам по себе не выражает ни единичности, ни множественности, т.е. нейтрален в отношении числа. Однако в соответствующем контексте он может получить значение единичности или множественности. Ср. примеры со значением множества и единичности: *Ачасем садра панулми татăççĕ* «Ребята в саду убирают яблоки»; *Мана шăллăм панулми пачĕ* «Мне младший брат дал яблоко»; *Сĕтел çинче панулми выртать* «На столе лежит яблоко».

В чувашском языке в своих парадигмах имеют немаркированные члены следующие категории: падеж и предметное число существительных, степени сравнения прилагательных, залог, кратность, возможность, время глагола.

Морфологических категорий, все члены которых маркированы, в языке сравнительно немного. Это категории лица и выделения.

По нашим наблюдениям, любая грамматическая категория, имеющая в парадигме немаркированный (неотмеченный) член, является категорией, постоянно присущей любой словоформе части речи.

Если же у грамматической категории все члены маркированы, то такая категория не является постоянной и обязательной в составе словоформы, она появляется по мере необходимости для выражения дополнительного значения. Для примера из предложения *Эпир юлташпа кăмпана кайрăмăр* «Мы с товарищем пошли по грибы» возьмем словоформу *юлташпа*. Достаточно ли сказать, что данное существительное находится только в форме творительного падежа? Разумеется, недостаточно. Несмотря на отсутствие маркера предметного числа, мы говорим, что существительное в форме единственного числа, потому что предмет всегда находится или во множественном, или в единственном числе. В данном случае существительное показывает единичный предмет без специального выразителя.

Если же у существительного нет показателя лица, мы не говорим, что это существительное находится в форме того или иного лица, т.к. предмет часто находится без связи с лицом. Значит, категория лица для существительных не является постоянной.

Точно так же при отсутствии маркера выделения мы не можем сказать, что существительное находится в форме выделения, ибо его суффикс прибавляется к существительному только при необходимости выделить предмет по связи с другим предметом. Например, форма *вăрмантаскере* «одному из тех, кто находится в лесу» употребляется лишь в условиях, когда нет необходимости повторно выразить название предмета или лица, находящегося в лесу, предмет выделяется по его свойству (по нахождению в определенной местности).

3. Обычно отмечается, что в языках других семей та или иная часть речи обладает определенными морфологическими категориями, т.е. по требованию категориального значения в определенной части речи употребляется конкретное число морфологических категорий. В тюркских языках, в том числе и в чувашском, тоже самостоятельные части речи наделены конкретными морфологическими категориями. Это можно проиллюстрировать на примере. Поскольку существительное имеет обобщенное значение предметности, для его выражения требуются морфологические категории предметного числа, лица и падежа. Бывают единичный предмет и множество предметов, для выражения этих значений нужна категория

числа. Предмет может принадлежать говорящему (1 л.), собеседнику (2 л.) и лицу, находящемуся вне беседы (3 л.), для показа связи предмета с лицами, конечно, необходима категория лица. Наконец, предмет бывает связан с действием, качеством и другим предметом, для связи предмета с указанными единицами существительному требуется категория падежа.

Грамматическими категориями владеют и другие самостоятельные части речи: глагольными категориями являются кратность, возможность, аспект, время и др., у числительных имеется категория нумератива.

В чувашском языке морфологическими категориями обладают не только категориальные значения частей речи, но и значения или синтаксические функции словоформ, а также значения морфем. Так, категория выделения употребляется в зависимости от синтаксической функции словоформ, а именно когда словоформы имен и глаголов выполняют атрибутивную функцию. Имена для этого должны находиться или в падежной форме, или в формах степеней сравнения: *юлташӑнни* «то, что принадлежит товарищу», *вуннӑраскер* «тот, кому 10 лет», *вӑйлӑраххи* «тот, кто посильнее». А глаголы должны иметь атрибутивную временную форму: *вӗренни* «то, что изучено» и т.п.

Поскольку суффиксы выделения *-и (-хи), -скер* служат словоизменительным средством субстантивации, то они сами могут принимать аффиксы, присущие именам существительным: аффикс предметного числа и аффикс падежа. Перефразируя, можем сказать, что аффиксы выделения, располагаясь на вершине слова[4], образуют опору для дальнейшего размещения именных аффиксов: *курманн-и-сен-чен* «от (из) тех, кого (я, ты, он) не видел».

Что же касается категории личной множественности, то она употребляется рядом с категорией лица в любом случае, независимо от того, с какой частью речи употребляется, ср.: существительное *юлташ-ӑм-ӑр* «(наш) товарищ», глагол *вулар-ӑм-ӑр* «(мы) читали», числительное *тӑват(с)-ӑм-ӑр* «мы вчетвером»[5].

Наконец, употребление морфологических категорий в чувашском языке может зависеть и от ряда неморфологических факторов. Рассмотрим некоторые из них.

Так, в результате элиминирования ядерного (поясняемого) слова из словосочетания прилагательные, а также числительные могут получить контекстуальную, временную и лишь частичную субстантивацию без каких-либо морфологических выразителей и принимать некоторые аффиксы, свойственные существительным.

Указанным способом прилагательные могут принимать некоторые падежные аффиксы. Например, из синтаксической конструкции *хаклăрах хака сут* «продать по более дорогой цене» по законам экономии языковых средств опускается поясняемое существительное *хак* «цена», а его аффикс дательного падежа *-а* переносится к поясняющему слову (к прилагательному) *хаклăрах* «более дорогой», и образуется конструкция *хаклăраха сут* «продать подороже». От опущения поясняемого слова не пострадает смысл конструкции, ибо семантика слова *хак* поддерживается значениями поясняющего его прилагательного *хаклăрах* и управляющего глагола *сут*. Ср. также: *вăрттăнра пăшăл-пăшăл калаç* «шушукать в тайном (месте)» < *вăрттăн вырăнта пăшăл-пăшăл калаç*; *вĕр çĕнĕрен кĕрĕк çĕлетрĕм* «(я) сшил(а) шубу из совершенно новой (овчины)» < *вĕр çĕнĕ тиртен кĕрĕк çĕлетрĕм*; *Мĕн çăмăлпа килтĕн?* «По какому поводу ты пришел?» < *Мĕн çăмăл ыйтупа (ĕçпе) килтĕн?* Прилагательные в подобных случаях не могут принимать аффикс предметного множественного числа.

Числительные же, кроме падежного аффикса, могут принимать и аффиксы предметного множественного числа: *Эпĕ вулама пиллĕкрех вĕреннĕ* «Я научился читать уже в пять (лет)» < *Эпĕ вулама пилĕк çултах вĕреннĕ; Сан пата пĕр тăххăрсенче пырăп* «Я приду к тебе к (часам) девяти» < *Эпĕ сан пата тăхăр сехетсенче пырăп.*

Изредка из синтаксической конструкции эллиптируется не поясняемое слово, а поясняющее. В результате словоизменительный аффикс поясняющего слова переносится к поясняемому. Так, аффикс разделительной формы *-шар (-шер)* при опущении определяющего числительного переносится к существительному: *пăтшар валеç* «раздавать по (одному) пуду» вместо *пĕрер пăт валеç*. Но разделительные формы других числительных подобному изменению не подвергаются.

Падежные аффиксы могут употребляться со словами других частей речи также благодаря аналогии. Так, наречия

времени, вызванные влиянием временных существительных, очень часто употребляются в дательном и местном падежах. Примеры:

çĕрлене юл «запоздать ночью» (ср. *каçа юл* «запоздать вечером»);

варана хăвар «оставить на потом (ср. *ыранхи куна хăвар* «оставить на завтрашний день»);

Кайрана шанмалли çук «Трудно надеяться на потом»;

Наччасра чей вĕретрĕм «(Я) быстро вскипятил чай» (ср. *çирĕм минутра чей вĕретрĕм*).

По неморфологическим причинам некоторые падежные аффиксы могут присоединяться к прилагательным, числительным, атрибутивным временным формам глагола и др. при употреблении последних в качестве сказуемого придаточного предложения для связи одной конструкции с другой: *Халăх питĕ нумайран стадионра тăвăрччĕ* «Из-за того что народу было очень много, на стадионе было тесно».

Такое разнообразие морфологических категорий в составе языка отражается прежде всего на структуре слова. В составе одной и той же словоформы может участвовать много словоизменительных морфем. Иногда их количество доходит до 7–8 единиц. При этом показатели таких категорий, как падеж и предметное число, могут употребляться дважды-трижды. Например: *ялăмăрсенчисене* «тем (из них), кто находится в наших деревнях».

Раздел 3

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Общие сведения

Именем существительным называется знаменательная часть речи, в которой значение предметности сочетается с грамматическими категориями лица, числа и падежа.

Основу существительных составляют названия живых существ (*сухаҫă* «пахарь», *лаша* «лошадь», *путене* «перепелка») и конкретных предметов (*ҫăкăр* «хлеб», *кĕнеке* «книга»). Немало существительных, которые обозначают определенные качества (*ырлăх* «доброта», *меллĕх* «удобство») и свойства (*пултарулăх* «одаренность»), действия (*вĕренӳ* «учеба») и состояния (*хавхалану* «энтузиазм», *хаваслăх* «веселье»), явления (*ҫумăр* «дождь») и события (*пăлхав* «мятеж, бунт»). Хотя действия, состояния, признаки выражаются именем существительным отвлеченно, без отношения к предмету или лицу, они могут иметь свои признаки (*ăшă ҫумăр* «теплый дождь», *тĕлĕнмелле хаваслăх* «удивительное веселье»), а также способность производить действия (*Пăлхав пуҫланнă* «Начался мятеж»; *Меллĕх ҫитмест* «Не хватает удобств»).

Морфологически имя существительное характеризуется категориями лица, числа и падежа. По отдельности эти категории не могут гарантировать, что слово относится к существительным. Надо, чтобы все три категории наличествовали у слова, и тогда его можно считать полноценным существительным.

Если изменение слова по числам и падежам называется склонением, а изменение по лицам – спряжением [31, с. 79], то можно утверждать, что существительные чувашского языка и склоняются, и спрягаются.

Изменение по числам и падежам является постоянным признаком существительного. Иными словами, категории числа и падежа присущи существительным в любом случае. Что же касается категории лица, то она употребляется с существительным только по необходимости, когда требуется показатель связи предмета с лицом. Но это не означает, что наличие (отсутствие) данной категории не имеет принципиального значения при определении имени существительного. Напротив, каждое существительное должно иметь возможность употребляться в том или ином лице. Если слово употребляется в форме определенного числа и падежа и не может иметь формы лица, то его трудно отнести к именам существительным. Например, словоформа *вулани* «тот, кто читал», «то, что прочитано» может изменяться по числам и падежам (*вуланисем* «те, кто читал», «те, что прочитано», *вуланисемпе* «с теми, кто читал», «с теми, что прочитано»), но не может изменяться по лицам. Поэтому невозможно рассматривать ее как существительное. К тому же словоформа *вулани* сохраняет признаки глагола (время, переходность, аспект и др.). Ее нельзя смешивать с существительными, а следует трактовать как выделительную форму глагола.

В словоформе имени существительного одновременно могут функционировать два словоизменительных аффикса: а) аффикс лица, применяемый для присоединения к себе левостороннего, поясняющего слова (личного или возвратно-личного местоимения либо имени существительного), и б) аффикс падежа, используемый для соединения (подчинения) имени существительного к правостороннему слову (глаголу, прилагательному и др.).

В структуре словоформы имени существительного, лица, числа и падежа могут употребляться показатели и других грамматических категорий, последние не связаны непосредственно с основой слова и не способствуют раскрытию значения предметности, а прикреплены к той или иной падежной форме и выражают ее особенности. Сюда относятся категория выделения, категория направления и категория степеней сравнения[1].

Исходя из вышеизложенного грамматические категории имен существительных можно разделить на две группы: 1) грамматические категории, зависящие от категориального

значения слова; 2) грамматические категории, зависящие от значения падежных форм.

Вне этих групп находится категория личного числа. Употребление её зависит от значений личных форм.

Имена существительные выступают в предложении прежде всего в качестве подлежащего и дополнения: *Ир енелле ăшă çумăр çуса иртрĕ* (А. Артемьев) «К утру прошел теплый дождь»; *Питĕр хули салтаксемпе тулса ларнă* (Ç. Элкер) «Петроград полон солдат». Кроме того, существительные могут употребляться в качестве любого другого члена предложения, а именно сказуемого: *Кашни çын пурнăçĕ – çырса пĕтермен пысăк кĕнеке* (П. Львов) «Жизнь любого человека – незаконченная большая книга»; определения: *Тухчĕ, тусăм, Атăл хĕррине итлеме хумсенĕн кĕввине* (И. Ивник) «Выйди, милая, на берег Волги слушать напевы волн»; обстоятельства: *Ĕçрен вĕсем каçпа çеç таврăнаççĕ* (В. Ухли) «С работы они возвращаются только вечером».

Каждое существительное может иметь в качестве определения слова всех автосемантических частей речи: прилагательные (*çĕнĕ кĕнеке* «новая книга»), причастия (*вуланă кĕнеке* «прочитанная книга»), числительные (*виçĕ кĕнеке* «три книги»), местоимения (*санăн кĕнеке* «твоя книга»), существительные (*библиотека кĕнеки* «библиотечная книга», *интеллигентла çын* «интеллигентный человек»), подражательные слова (*вăштăр-вăштăр çил* «легкий ветер»).

§ 2. Лексико-грамматические разряды имен существительных

Имена существительные делятся на имена нарицательные *(пайăр мар ятсем)* и имена собственные *(пайăр ятсем)*.

Нарицательные имена существительные – это обобщенные названия для всех однородных предметов.

К ним относятся:

а) существительные к о н к р е т н ы е, обозначающие отдельные предметы или живые существа: *пукан* «стул», *республика* «республика», *кĕтӳç* «пастух»;

б) существительные с о б и р а т е л ь н ы е, обозначающие совокупность однородных предметов или лиц, рассматриваемых как единство или неделимое целое: *кĕтӳ* «стадо», *ушкăн*

«толпа, группа», *яш-кĕрĕм* «молодежь», *атă-пушмак* «обувь», *çипуç* «одежда; внешность». Подобные существительные иногда возможно определять количественными числительными: *пĕр кĕтӳ* «одно стадо»; *виç ушкăн* «три группы».

в) существительные в е щ е с т в е н н ы е, обозначающие материал или вещество (пищевые продукты, сельскохозяйственные культуры, минералы, металлы, химические элементы и т.д., поддающиеся измерению, но не счету): *çу* «масло», *тулă* «пшеница», *сĕт* «молоко», *кĕмĕл* «серебро», *тăм* «глина»;

г) существительные о т в л е ч е н н ы е (абстрактные), обозначающие качество, действие, состояние или общие понятия: *хăюлăх* «смелость», *хаваслăх* «веселье», *хăвăртлăх* «скорость», *çамрăклăх* «молодость». Они не образуют форм числа и не сочетаются с количественными числительными: *вĕренӳ* «учеба», *чухăнлăх* «бедность», *юрату* «любовь», *тунсăх* «тоска». Некоторые отвлеченные существительные употребляются во множественном числе, если приобретают конкретное значение: *хĕл сиввисем* «зимние холода». Грамматическим показателем таких существительных являются наличие у них формы только одного числа (обычно – единственного, реже – множественного) и несочетаемость с количественным числительным, поскольку они служат названиями предметов, не поддающихся счету.

С о б с т в е н н ы е имена существительные представляют собой названия единичных предметов, выделенных из ряда однородных. К собственным существительным относятся тематические группы:

а) имена, отчества, фамилии, псевдонимы и прозвища людей: *Константин Васильевич Иванов, Çеçпĕл Мишши, Яхраш, Тимĕркке, Çӳппи;*

б) клички животных: *Юрттай, Çӳренкке* (клички лошадей), *Пуркань, Улашка* (клички телят), *Улай, Хураçка, Улайкка* (клички собак);

в) географические названия: *Йăлăм* «Заволжье» (левая сторона Волги), *Çĕньял* «Синьялы» (*çĕн ял* «новая деревня»), *Вилĕ тинĕс* «Мертвое море»; *Ирçе* «Чебаково» (*ирçе* «эрзя»), *Вăтаçĕр тинĕс* («Средиземное море»), *Выçă çеçен хир* «Голодная степь»;

г) астрономические названия: *Ĕлкер (Ала Çăлтăр)* «Плеяды»; *Плутон, Меркурий, Сатурн.*

д) названия государств, республик, организаций, произведений, праздников, исторических событий и т.п.: *«Хурçă карап»* – название стихотворения, *«Малалла»* «Вперед» – название колхоза, *Çĕнĕ çул* «Новый год».

К собственным именам относятся также названия типов, марок, сортов предметов: *«Антей»* – название самолета, *«Рубин»* – марка телевизора.

Имена нарицательные и собственные отличаются друг от друга и в грамматическом плане. Существительные собственные, как правило, употребляются только в единственном числе, а нарицательные имена – и в единственном, и во множественном: *ял* «деревня» – *ялсем* «деревни», но *Апаш* «Абашево», *шыв* «река» – *шывсем* «реки», но *Сурăм* «Сорма». Собственные имена в определенных случаях употребляются во множественном числе: 1) при обозначении разных лиц и предметов, одинаково называющихся: *Пирĕн класра Кураковсем иккĕ* «В нашем классе двое Кураковых»; 2) при обозначении смежных предметов, связанных какими-либо отношениями со словом, имеющим аффикс *-сем (-сен): Эпĕ Петĕрсем патне кайса килем-ха* «Схожу-ка я к Петру (в дом, где живут Петр и остальные)»; 3) при обозначении жителей населенного пункта: *Пĕлтĕр çулла Минсксем Шупашкара килсе кайнăччĕ, халь вара Шупашкарсем Минска каяççĕ...* (И.Г.) «В прошлом году в Чебоксары приезжали минчане, теперь же чебоксарцы едут в Минск».

В чувашской речи некоторые нарицательные имена перешли в собственные: а) личные имена: мужское имя *Шăнкăрч* (< *шăнкăрч* «скворец»), женское имя *Чĕкеç* (< *чĕкеç* «ласточка»), женское имя *Пăрчкан* (< *пăрчкан* «трясогузка»), мужское или женское имя *Тимĕр* (< «железо») и т.п.; б) названия деревень: *Хăмăш* (< «камыш»), *Чăрăш* (< «ель»), *Лапра* (< «грязь, грязный»).

Семантическая категория предметности имен существительных проявляется в наличии двух классов слов: 1) слова, выражающие имя человека (антропонимы); 2) слова, обозначающие не человека (неантропонимы).

Существительные-антропонимы отвечают на вопрос *кам?* «кто?», а существительные-неантропонимы – на вопрос *мĕн?* «что?».

Антитеза антропономичности-неантропономичности существительных выявляется также путем замещения (субстанции) их местоимениями. Антропонимы могут заменяться местоимениями *кам* «кто», *такам* «кто-то, некто», *никам* «никто», неантропонимы – местоимениями *мӗн* «что», *темӗн* «что-то, нечто», *нимӗн* «ничто».

Такое семантическое деление существительных подтверждается и грамматическими данными. Антропонимы при обозначении прямого объекта главным образом выступают в дательно-винительном падеже: *Институтра Васильевӑна куртӑн-и?* «Видел ли ты Васильеву в институте?»; *Пушкина вулатӑп* «читаю Пушкина». Неантропонимы при обозначении прямого объекта могут употребляться и в основном, и в дательно-винительном падежах: *кино кур* «смотреть кино»; *Ку кинона эпӗ курман* «Это кино я не видел».

Нарицательные неантропонимы целесообразно делить на две группы: пространственные имена и непространственные имена. Из-за того что значения пространственных имен во флективных языках передаются предлогами, в тюркологии эти имена называют также служебными: *ман çинчен калаççӗ* «говорят обо мне».

Характерной особенностью пространственных имен является их употребление в субъективном и локальных падежах (дат.-вин., мест., исх. и твор.), им несвойственно применение объектных падежей. Отнесение пространственных имен к служебным словам только потому, что их значения часто переводятся на русский язык предлогами и изменение по падежам является ущербным, неубедительно, ибо эти имена не утратили морфологических и синтаксических свойств и свободно употребляются без поясняющих слов.

§ 3. О так называемых служебных именах

Существительные, обозначающие пространственную ориентацию, в грамматиках тюркских языков рассматриваются неоднозначно: в первый период их относили к послелогам, в последнее время вслед за Н.К. Дмитриевым [6, с. 114–132] многие авторы воспринимают их как служебные имена. По объяснению Н.К. Дмитриева, служебные имена находятся в средней стадии развития между обычным именем с его пред-

метной семантикой и возможностью нормального для имен морфологического изменения, с одной стороны, утратой предметной и наличием чисто грамматической семантики – с другой [6, с. 119].

Прав был Н.К. Дмитриев, исключая группу имен с пространственным значением из числа послелогов, ибо они (имена) и в плане выражения, и в плане содержания далеки от послелогов. Но едва ли можно согласиться с мнением ученого о том, что существительные указанного типа находятся в средней стадии их развития в послелоги.

Как показывают исторические данные языка, полнозначные слова не переходили группами в служебные слова. Процесс перехода знаменательных единиц в послелоги, союзы и частицы каждый раз происходит индивидуально и специфическими путями. А также трудно предписать определенные правила диахроническим процессам, происходящим в целой группе слов, в какую группу послелогов попадают они в конце концов. Так, в чувашском языке имеются два послелога, отпочковавшиеся от пространственных имен существительных. На это прозрачно намекают их формы. Это послелог *пуçне* «кроме», восходящий к существительному *пуç* «голова», «начало» в 3 лице, дательно-винительном падеже, и послелог *çинчен* «о», имеющий своим началом существительное *çи* «поверхность», в 3 лице, исходном падеже. Казалось бы, семантически они должны были попасть в группу пространственных послелогов, но оба оказались в классе послелогов с объектным значением.

Несмотря на то что падежные формы имен с пространственным значением на русский язык переводятся предлогами, в чувашском языке их следует рассматривать не как служебные имена, а как имена существительные с переносным значением.

Дело в том, что название части (стороны) предмета (дома, стола, дерева и др.) ничем не отличается от названия любого предмета: оно склоняется по всем падежам, например: *тăрă* «крыша, кровля» (*тимĕр тăрă* «железная кровля»): *тăрă – тăррăн, тăрра, тăрăра, тăрăран* и т.п. Когда же это название с части предмета переносится на пространство, связанное с данной частью по смежности, оно (название) может измениться только по локальным падежам (дат.-вин., мест., исх.,

твор.): ввиду ситуативных ограничений слово с метонимическим значением не может находиться в остальных падежах. Ср. *Пӳрт умӗ малалла чалӑшнӑ* (основное значение) «Передняя часть дома накренилась вперед»; *Автомашина пирӗн пӳрт умӗнченех иртсе кайрӗ* (переносное значение) «Автомашина проехала перед самым нашим домом»; *Сӗтел ҫийӗ тап-таса* «Поверхность стола чиста»; *Лампа сӗтел ҫинче ҫакӑнса тӑрать* «Лампа висит над столом». Пространственное значение не подвергается грамматикализации. Об этом говорит ряд фактов: 1) основы слов *ум, ҫи* употреблены в форме лица, числа и падежа имен существительных; 2) эти пространственные имена при наличии в них показателя 1 или 2 лица могут употребляться и без определяющего имени существительного, ибо морфологический показатель 1 лица замещает имя говорящего субъекта, а показатель 2 лица – имя слушающего субъекта или собеседника: *Ҫак ватӑ хӗрарӑмӑн савӑнӑҫсӑр, нушаллӑ, тертлӗ кун-ҫулӗ умӑма тухса тӑчӗ* (Ҫ. Элкер) «Мне представилась безрадостная, тяжелая, мучительная жизнь этой старой женщины»; 3) у пространственных имен могут быть определители, выраженные не только именами существительными, но и именами прилагательными, числительными и местоимениями: *Борис малтан вӑрманӑн ҫӳллӗ енӗпе ҫӳрерӗ* (М. Трубина) «Борис вначале ходил по высокой стороне леса»; *Ҫул икӗ енӗпе те тем ҫӳллӗш хырсем* (В. Алентей) «По обеим сторонам дороги высоченные сосны»; *Ҫырман ку енче те, леш енче те шурӑ чечексем, чечексем* (В. Алентей) «И на этой стороне реки, и на той стороне одни белые цветы».

Следовательно, употребление пространственного имени после другого существительного не является его важнейшим (релевантным) признаком. Как имя существительное, оно сохраняет все субстантивные признаки. Что касается того, что подобные имена употребляются не во всех косвенных падежах, то это связано с их лексическими свойствами. Пространственное имя употребляется только в локальных падежах: дательно-винительном, местном, исходном и творительном: *умне, умӗнче, умӗнчен, умӗпе.* Здесь не может быть речи об утрате остальных косвенных падежей в процесе развития языка.

Итак, мы имеем своеобразный тип имен существительных, обозначающих пространство.

В чувашском языке наличествует и другой тип существительных с пространственным значением, отличающийся от вышерассмотренных рядом особенностей.

Ср. примеры: *Йĕтем хыçĕнче шурă хурăн ӳсет* «Позади гумна растет белая береза» – *Хыçалта шурă хурăн ӳсет* «Позади растет белая береза».

В первом предложении пространственное имя *хыçĕнче* содержит в своем составе показатель 3 лица. Этот показатель в смысловом отношении нуждается в определяющем существительном. Во втором же предложении пространственное имя *хыçалта* находится в независимом положении, оно не требует наличия определителя, так как из контекста ясно, к части какого предмета относится данное пространство.

Если зависимое название части предмета обязательно выступает в форме 3 лица и соотносится с названием самого предмета, в большинстве случаев располагаясь по отношению к нему постпозитивно, то у независимых пространственных имен вообще не бывает соотносимых имен, они употребляются самостоятельно. Поэтому у них не бывает и показателей лица. Зато они являются производными именами. Большинство из них образовано от названий частей (сторон) предметов с переносным значением при помощи аффикса *-ал (-ел): мал* «перед, передняя часть» /< *ум+ ал*/, *шал* «внутреннее пространство» /< *ăш + ал* /, *аял* «низ, нижняя сторона» (< *ай + ал*), *тĕпел* «передний, красный угол (букв. «основное место» (< *тĕп + ел*)[2]. К этому типу имен относятся также *тул* «внешняя, наружная сторона, пространство вне помещения», *çӳл* «высь, вышина; пространство и расстояние от какой-нибудь точки вверх» и *кай* «зад, задняя часть». Последние три имени не этимологизируются. Сторона пространства, обозначаемого независимым именем, определяется контекстом. Если речь шла о каком-либо предмете, то независимое имя выражает пространство по отношению к части этого предмета. Например: *Килнĕ-килнех çав чăтлăха та кĕрсе курам-ха тесе шухăшларăм. Шаларан та шала кĕрсе пыратăп...* (К. Чулкаç) «Раз пришел, думаю, давай зайду и в эту чащобу. Захожу все глубже и глубже». Следовательно, можно полагать, что охотник заходит в глубь чащобы. При отсутствии же упоминания о предмете надо полагать, что пространство находится по отношению к лицу, от чьего имени ведется рассказ. Например:

Çĕрпӳ пĕр самантрах хыçала вăркăнса юлчĕ (А. Ĕçхĕл) «Цивильск моментально остался позади». Ни в одном из примеров не видно, что независимое имя пространства определяется названием другого предмета способом изафета.

Имя пространства характеризуется тем, что обладает парадигмой форм лишь основного и трех локальных падежей (дат.-вин., мест. и исх.). Эти падежи выражают направление действия или процесса к пространству, местонахождение предмета в пространстве, исходную точку действия в пространстве.

Н.И. Ашмарин, Т.М. Матвеев, В.Г. Егоров рассматривали подобные формы как перешедшие в наречия[2]. Но едва ли они являются изолированными падежными формами имен. Ведь такие имена, как *мал* «передняя сторона», *шал* «внутренняя сторона», *аял* «нижняя сторона» и др., считаются формами основного падежа имени. Их основное значение не утрачивается (сохраняется) и в локальных падежах: *мал енĕ* «передняя сторона» – *мал-а* «вперед», *мал-та* «впереди», *малтан* «спереди». Если в формах *мала, малта, малтан* усматривать изолированные падежные формы, то в какой разряд идет форма основного падежа? Ср. примеры: *Çӳле каяс* – *çӳл инçе* «Пойти наверх – верх далек»; *хутаçăн шал енĕ* «внутренняя сторона мешка»; *Тул çутăлнă* «Рассвело» (букв. «Наружная сторона стала светлой»).

Поскольку пространство измеримо, то падежные формы пространственных имен могут находиться в формах степеней сравнения: *шаларах* «чуть внутрь», *чи шалта* «на самой внутренней стороне». С левой стороны падежные формы могут иметь слова, выражающие различную величину пространства: *питĕ шалта* «далеко внутри», *кăштах шалта* «чуточку (немного) внутри», *самай шалта* «порядочно внутри».

Слова *мал, кай* в исходном падеже во временном значении (*малтан* «вначале», *кайран* «потом, затем») лексикализовались, ибо нет основ *мал, кай* с временным значением, они не делятся на морфемы, их можно рассматривать как наречия.

§ 4. Категория предметного числа

Формы типа *пӳрт* «дом» – *пӳртсем* «дома» образуют привативную оппозицию. Системный характер функционирования данных форм проявляется в их парадигматических отношениях (связях): *пӳрт* выражает единичность предмета, *пӳртсем* – множественность. Они объединены и формально, и семантически. Ср. также: *хăяр* «огурец» – *хăярсем* «огурцы», *сĕтел* «стол» – *сĕтелсем* «столы», *сурăх* «овца» – *сурăхсем* «овцы», *хаçат* «газета» – *хаçатсем* «газеты».

Категория предметного числа в чувашском языке образуется двучленным количественным противопоставлением предметов и явлений (единственное – множественное).

Форма единственного числа в чувашском языке представлена нулевым морфемным показателем, а форма множественного числа – аффиксом *-сем (-сен)*. Аффикса множественного числа с таким фонетическим обликом нет ни в одном из тюркских языков. Во всех родственных языках пользуются морфологическим показателем: *-лар (-лер), -нар (-нер), -тар (-тер)*. Ср. тат. *агачлар* – чув. *йывăҫсем* «деревья», тат. *урманнар* – чув. *вăрмансем* «леса».

Употребление того или иного алломорфа чувашского аффикса множественного числа зависит от того, с какими падежами он применяется. Алломорф *-сем* в литературном языке употребляется в падежных формах позднего образования – в основном, творительном, лишительном и причинно-целевом падежах; алломорф *-сен* – в падежных формах раннего образования – в родительном, дательно-винительном, местном и исходном падежах литературного языка, а в некоторых говорах чувашского языка алломорф *-сен* употребляется и в основном падеже: по данным Л.П. Сергеева, в с. Ковали и соседних деревнях Урмарского района Чувашской Республики, д. Аделькино и Юмашево Белебеевского района, д. Дюртюли Шаранского района, Новое Семенкино Чекмагушевского района Башкортостана, Чувашская Решётка, Алинкино, Малая Хомутерь Ульяновской области; Табар-Черки Апастовского района Республики Татарстан, Казанла, пос. Борьба Базарно-Карабулакского района Саратовской области; по данным Л.П. Петрова – в Шаранском районе Башкортостана.

Происхождение аффикса *-сем (-сен)* будет изложено в связи с описанием парадигм падежных форм.

В качестве дополнительного, реликтового средства выражения предметного множества в чувашском языке выступает удвоение существительного. К нему прибегают большей частью при образовании форм множества от непроизводных основ. Примеры: *Ял-ял витĕр тухрăмăр, уй-уй урлă каçрăмăр* «Мы прошли сквозь деревни, перешли через поля»; *Куçма кил-кил тăрăх кайма шутларĕ* (Д. Гордеев) «Кузьма решил пойти по домам»;

Улăх-улăх купăста,
Хăлаç-хăлаç çунатлă
Пуçне йăтса ларайми (И. Тăхти)

«Целые луга капусты, листья саженные, еле держатся кочаны».

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, нет имен существительных, употребляющихся только во множественном числе, но зато имеются имена существительные, употребляющиеся только в единственном числе. К ним относятся:

а) отвлеченные имена существительные: *тăванлăх* «родство», *туслăх* «дружба», *этемлĕх* «человечество», *çынлăх* «человечность», *илемлĕх* «красота», *тасалăх* «чистота», *плансăрлăх* «беспланость»;

б) существительные, обозначающие науки, ученья: *биологи, хими, физика, дарвинизм.*

Ряд заимствованных существительных, хотя и не меняет формы множественного числа, в чувашском языке выступает в роли единственного числа: *брюки, духи, коньки, туфли, шасси, ясли*. Из-за этого некоторые заимствованные слова в чувашском языке утратили показатель множественного числа: *каникул* < каникулы, *чернил* < чернила, *шахмат* < шахматы, *шашкă* < шашки.

По наблюдениям Н.И. Ашмарина, в чувашском языке форма единственного числа часто выступает вместо формы множественного числа русского и других европейских языков [4, с. 50].

Семантика форм имен существительных единственного числа выражается при следующих условиях.

1. Если перед именем существительным или после него (в качестве сказуемого) стоит слово, обозначающее несколько предметов (числительное, прилагательное, существительное, местоимение): *Вун икĕ ăмăрт кайăк, алă икĕ чана тата виҫ ҫĕр утмăл пилĕк шăнкăрч пĕр ҫăмарта туса йăтса кайнă (Ҫулталăк.)* «Двенадцать орлов, пятьдесят две галки, триста шестьдесят пять скворцов снесли одно яичко» (Год.); *Пĕтĕм халăх тӳсет, нумай ҫын макăрать ку вăрҫăпа* (Ҫ. Элкер) «Весь народ страдает, много людей плачет из-за этой войны»; *Ялтан тухаспа пĕр ушкăн пĕчĕк ача тĕл пултăм* (С. Лашман) «Отправляясь из деревни, я встретил группу маленьких ребят»; *Вĕсене вăл [Санюк] ăмăрт кайăк хăйĕн чĕпписене хӳтĕленĕ пек пур инкекрен те хӳтĕлеме хатĕр* (А. Ĕҫхĕл) «Она [Саня] готова защищать их от всяких бед, как орлица охраняет своих птенцов»; *Санăн миҫе ача?* «У тебя сколько детей?» При этом для обозначения множества предметов имя существительное может употребляться также в форме множественного числа, если слово, определяющее качество, относится к сказуемому предложения: *Пĕркунхи ҫил армансене пит нумай ҫĕмĕрсе тăкнă* (Н.И. Ашмарин) «Ветер на днях поломал очень много мельниц» (букв. «поломал мельницы во множестве»).

2. Если название предмета имеет определенное, неизменное число: *Тĕттĕмре куҫ курмасть* «В темноте глаза не видят»; *Магазинта атă туянтăм* «Я в магазине купил сапоги»; *Ку ҫунан турти вăрăм* «У этих саней оглобли длинные»; *Санăн хăлху илтмест-им?* «У тебя разве уши не слышат?». Для более точного обозначения единственного числа употребляют местоимение *хăрах* «один из пары» или числительное *пĕр* «один»: *Хăрах куҫ курми пулчĕ* «Один глаз перестал видеть».

3. Если название народа обозначает не отдельных индивидов, а целую массу: *Чăвашра ҫеҫ мар, халь пĕтĕм ҫĕршывра хисеплеҫҫĕ пирĕн сăвăпа юрра* (Уйăп М.) «Не только в Чувашии, теперь по всей стране почитают наши стихи и песни». Но при необходимости для обозначения отдельных представителей народа употребляется форма множественного числа: *Ку ялта тутарсем пурăнаҫҫĕ* «В этой деревне живут татары».

4. Если имя означает весь класс или целый вид, род предметов или личность человека слишком неопределенна:

хăяр тат «собирать огурцы», *пулă тыт* «ловить рыбу»; *Сăпса хытă сăхать* «Осы больно жалят»; *Кушак шăши тытать* «Кошка ловит мышей»; *Эпир улăхра лаша çитереттĕмĕрччĕ* (А. Талвир) «Мы на лугу пасли лошадей». Если хотят обозначить только один предмет, а не целую массу, то к имени существительному прибавляют: а) имя числительное *пĕр* «один»: *Петĕр пулă тытнă* «Петр ловил рыбу» – *Петĕр пĕр пулă тытнă* «Петр поймал (одну) рыбу»; б) слово *пĕрчĕ (пĕрчĕк)* «зерно»: *улăм пĕрчи* «соломинка», *ахах пĕрчи* «жемчужина», *çӳç пĕрчи* «волосок»; *Пурнăçĕнче тем те пĕр тӳссе ирттернĕ пулин те, ватă салтакăн хурарах çырă çӳçĕнче пĕр шурă пĕрчĕ те палăрмасть-ха* (А. Артемьев) «Хотя в своей жизни он многое вынес, в темновато-русых волосах старого солдата не видно ни одного седого волоса».

5. Если слово по образованию является первым: *хурткăпшанкă* «насекомые», *ача-пăча* «дети», *атă-пушмак* «обувь»; *Кăнтăрла питĕ шăрăх, шăна-пăван аптăратать* (А. Ĕçхĕл) «Днем очень жарко, донимают насекомые (мухи и слепни)»; *Гаврилов генерала полкри лару-тăру çинчен пĕлтерчĕ* (В. Сатай) «Гаврилов сообщил генералу об обстановке в полку». При желании передать значение разнообразия расчлененности и множества раздельных предметов парное имя существительное употребляют во множественном числе: *Чăх-чĕпсем какалаççĕ* (Уйăп М.) «Кудахчат куры»; *Яка Илле тăват-пилĕк çул хушши ĕнтĕ ялсем тăрăх çĕтĕк-çурăксем пуçтарса çӳрет* (Хв. Уяр) «Вот уже в течение четырех-пяти лет Илле Яга ходит по деревням, собирая тряпье».

Семантика форм имен существительных множественного числа выражается в следующих случаях.

1. Если хотят выразить множественность предметов одного рода: *Пӳртре шăнасем вĕçсе çӳреççĕ* «В избе летают мухи»; *Аттесем çапла юратнă çамрăк чухне аннесене* (А. Воробьев) «Так отцы любили в молодости наших матерей»; *Иртнĕ кĕркунне атьсем улма пахчинче ĕçлерĕç* (Илпек М.) «Прошлой осенью дети работали в яблоневом саду».

2. Если хотят выразить, что «вместе с данным предметом имеются в виду еще другие предметы, ему близкие, подчиненные или подобные»: *Ванеçсен лавĕ укăлча хапхи патне çитнĕ вăхăта чан сасси чарăнать* (Ç. Элкер) «Когда подвода Ванеся и его соседей подкатила к воротам околицы, коло-

кольный звон прекратился»; *Вирьялов тек Саламписен хват-терĕ еннелле ура ярса пусмарĕ* (А. Артемьев) «Вирьялов больше не стал ходить в сторону квартиры Саламби (и ее подружек»); *Вăл [Иннокентий] кайсан вара тиечукĕсем çӳçĕсене кастарчĕç* (С. Аслан) «После его [Иннокентия] отъезда дьячки остригли себе волосы (и бороды)».

3. Если понятие, выражаемое сочетанием имени существительного с числительным, не имеет строгой определенности: *Эп астăвасса, унта мĕн пурĕ те утмăл килсем анчах шутланăччĕ* (Уйăп М.) «Мне помнится, дворов там всего-то около шестидесяти»; *Шахтерсен поселокĕ станцирен инçех мар, пĕр вун пилĕк километрсенче ларать* (Уйăп М.) «Шахтерский поселок находится недалеко от станции, километрах в пятнадцати»; *Вăл [Григорий] вăтам çулсене çитнĕ çын* (В. Красно-Асли) «Он [Григорий] человек средних лет»; *Ирхине сакăр сехетсем тĕлнелле чайнăй патне пытăм* (Хв. Уяр) «Утром, часов около восьми, я подошел к чайной».

4. Если речь идет о различных сортах или видах одного и того же предмета: *Пур çĕрте те пĕр евĕрлех – тырăсем лайăх ӳснĕ, анчах кая юлса пиçеççĕ* (А. Иванов) «Везде одинаково – хлеба выросли славно, но созревают с опозданием»; *Çăра, хура симĕс сăнлă калчасем пĕр пек тикĕс хăпараççĕ* (М. Трубина) «Густые темно-зеленые всходы поднимаются одинаково дружно».

5. Если хотят показать, что некоторые предметы остались неназванными: *Вĕсен пахчинче хăярсем, сухансем, помидорсем ӳсеççĕ* «В их огороде растут огурцы, лук, помидоры».

6. Если приходится называть предметы, находящиеся в разных местах, в разных сосудах, у разных лиц и проч.: *Кăçал ырашсем аван пулчĕç-и сирĕн?* «Хорошо ли уродилась у вас в этом году рожь?» (о разных посевах); *Апатсем çикелерĕмĕр те кинона тухса чупрăмăр* «Мы быстро пообедали и побежали в кино» (группы обедали отдельно одна от другой).

7. Если имеется в виду не только целый предмет (город, село, деревня и др.), но и его отдельные составные части (т.е. жители): *Мĕншĕн пире пăрахса хăварасшăн эсĕ, хамăр ялсем?* (Хв. Уяр) «Почему же ты хочешь покинуть нас, односельчанин?»; *Хăй пĕчĕк пит-куçлă та хĕр пек илемлĕ сăнлă, именчĕкрех. Атăлсемех* (В. Сатай) «Сам с тонкими чертами лица, красивой, как у девушки, внешностью, стеснительный. Тоже вол-

жанин»; *Хăш ялсем пулатăн-ши?* (В. Краснов-Асли) «Из какого села (деревни) будешь?»

§ 5. Категория лица имен существительных

В системе имен существительных чувашского языка наблюдаются следующие морфонологические особенности.

При образовании формы 1 лица используют аффикс *-ăм (-ĕм): юлташ* «товарищ» + *-ăм* > *юлташăм* «мой товарищ», *пӳрт* «дом» + *-ĕм* > *пӳртĕм* «мой дом»[3].

Если необходимо образовать форму 1 лица от основ имен существительных на *-а*, *-е*, в морфеме лица происходит чередование анлаутной гласной фонемы с нулем фонемы: *аппа* «старшая сестра» + *-ăм* > *аппам;* ср. *аппа-м.*

При соединении аффикса 1 лица с именем существительным на гласные *-ă*, *-ĕ* на стыке основы и суффикса происходит частичное наложение морфов: их гласные фонемы накладываются друг на друга. В основе же слова происходит геминация (удвоение) согласной фонемы: *сасă* «голос» + *-ăм* > *сассă-м, кĕвĕ* «мотив» + *-ĕм* > *кĕввĕ-м.* Если в имени существительном гласным фонемам |*ă*|, |*ĕ*| предшествует сочетание двух согласных, то перед морфом лица эти согласные не подвергаются альтернации, происходит лишь частичное наложение морфем: *пăчкă* «пила» + *-ăм* > *пăчкă-м*, *кӳршĕ* «сосед» + *-ĕм* > *кӳршĕ-м.*

В словах на *-у*, *-ӳ*, чтобы присоединить аффикс 1 лица, сначала эти гласные чередуют с *ă*, *ĕ*, затем вставляют интерфонему |*в*| между гласными основы и суффикса: *юрату* «любовь» + |*в*| + *-ăм* > *юратăвăм, пĕлӳ* «знание» + |*в*| + *-ĕм* > *пĕлĕввĕм*[*].

Вставка интерфонемы |*в*| происходит также между ауслаутной лабиальной фонемой |*о*| основы и аунлаутной гласной фонемой суффикса: *звено* + |*в*| + *-ăм* > *звеновăм, перо* + *-вăм* > *перовăм.*

От основ, оканчивающихся на |*-и*|, форму 1 лица образуют путем вставления интерфонемы |*й*| и присоединения морфа *-ĕм: савни* «возлюбленный» + |*й*| + *-ĕм* > *савнийĕм, фантази* + |*й*| + *-ĕм* > *фантазийĕм.*

---

[*] Иначе рассматривает это явление М.Р. Федотов [29, с. 46].

Форма 2 лица образуется путем присоединения к основе аффикса *-у (-ӳ)*.

В некоторых говорах вместо *-у (-ӳ)* употребляют формант *-ӑ (-ӗ): юлташ-ӑ* «твой товарищ», *тус-ӑ* «твой друг», *чап-ӑ* «твоя слава», *чун-ӑ* «твоя душа», *ҫӗр-шыв-ӑ* «твоя страна».

В литературном языке основа на *-а*, *-е* при образовании формы 2 лица подвергается усечению, т.е. гласная фонема чередуется с нулем фонемы, только после этого присоединяется морфема *-у (-ӳ): шӑпа* «судьба» + *-у* > *шӑпу, кӗпе* «рубашка» + *-ӳ* > *кӗпӳ*.

Если перед гласной фонемой |*а*| или |*е*| в основе находится краткая согласная фонема, то она до присоединения морфемы 2 лица подвергается усечению, а согласная фонема удваивается: *йытӑ* «собака» + *-у* > *йытту, ҫӗҫӗ* «нож» + *-ӳ* > *ҫӗҫҫӳ*. Если же перед конечной гласной фонемой окажется сочетание двух согласных фонем, то при присоединении аффикса лица ни одна из них не подвергается чередованию, лишь отсекается конечная гласная основы: *ывҫӑ* «ладонь» + *-у* > *ывҫу, шӗшкӗ* «орешник» + *-ӳ* > *шӗшкӳ*.

Для присоединения аффикса 2 лица к имени существительному на *-у (-ӳ)* конечный гласный основы чередуют с |*а*|, |*е*| и между гласными вставляют интерфонему |*в*|: *юптару* «басня» + *-у* > *юптарӑву, пӗлӳ* «знание» + *-ӳ* > *пӗлӗвӳ*.

Между заимствованным словом на *-о* и аффиксом изредка тоже вставляется интерфонема |*в*|: *пальто-в-у* > *пальтову*. В подобных случаях значение 2 лица большей частью обозначается *санӑн* «твое»: *санӑн фото* «твое фото», *санӑн дежурство* «твое дежурство».

В словах, оканчивающихся на *-и*, для присоединения морфемы 2 лица между основой и аффиксом вставляется интерфонема |*й*|: *истори* + *-й* + *-ӳ* > *историйӳ, пӑри* «полба» + *-й* + *-ӳ* > *пӑрийӳ*.

При образовании формы 3 лица пользуются аффиксом *-ӗ (-и)*. Здесь наблюдаются следующие морфологические особенности.

Алломорф *-ӗ* присоединяется главным образом к основам на согласный: *халӑх* «народ» + *-ӗ* > *халӑхӗ, чечек* «цветок» + *-ӗ* > *чечекӗ,* алломорф же *-и* – к основам на *-а*, *-е*, *-ӑ*, *-ӗ*: *лаша* «лошадь» + *-и* > *лаши, ӗне* «корова» + *-и* > *ӗни, тулӑ* + *-и* > *тулли, сӗлӗ* «овес» + *-и* > *сӗлли*.

Если же алломорф *-ĕ* присоединяется к основе на *-т*, *-т′*, *-д*, *-д′*, то происходит чередование *т//ч*, *т′//ч, д//ч, д′//ч*: *турат* «ветка» + *-ĕ* > *турачĕ, кравать* «кровать» + *-ĕ* > *кравачĕ, отряд* + *-ĕ* > *отрячĕ*, *тетрадь* + *-ĕ* > *тетрачĕ*. А при присоединении алломорфа *-и* к основам на *-а*, *-е*, *-ă*, *-ĕ* происходит сразу два чередования: 1) конечная гласная чередуется с нулем фонемы; 2) если перед *ă* или *ĕ* находится краткая глухая согласная фонема, то она чередуется с удвоенной фонемой: *сасă* «звук, голос» + *-и* > *сасси, кĕвĕ* «мотив» + *-и* > *кĕвви*.

К существительному на *-у (-ӳ)* присоединяется морф *-ĕ*. При этом конечная гласная фонема основы чередуется с фонемой |*ă*| или |*ĕ*|, затем между гласными основы и аффикса лица вставляется интерфонема |*в*|: *çыру* «письмо» + *-ĕ* > *çырăвĕ, сĕнӳ* «предложение» + *-ĕ* > *сĕнĕвĕ*. Между основой существительного на *-о* и аффиксом 3 лица *-ĕ* также вставляется интерфонема |*в*|: *бюро* + *-в* + *-ĕ* > *бюровĕ, кило* + *-в* + *-ĕ* > *киловĕ*. Но не все основы на *-о* образуют форму 3 лица таким способом. Другая часть слов образует форму 3 лица при помощи алломорфа *-и*. При этом гласная фонема основы в ауслауте чередуется с нулем фонемы: *звено* + *-и* > *звени, перо* + *-и* > *пери*.

Имена существительные на *-и* при образовании формы 3 лица используют алломорф *-ĕ* и, как и при образовании других личных форм, прибегают к использованию интерфонемы |*й*|: *пăри* «полба»+ *-й-* + *-ĕ* > *пăрийĕ, истори* + *-й-* + *-ĕ* > *историйĕ*.

Аффикс 3 лица *-ĕ (-и),* очевидно, восходит к общеалтайскому местоимению *i* [11, с. 178–179]. Такое местоимение имеется, например, в маньчжурском языке [26, с. 168]. Надо полагать, что алломорф *-ĕ* произошел от *i* позже. Ср.: *эсир* – *эсĕр* «вы», *эпир* – *эпĕр* «мы», *пĕчик* – *пĕчĕк* «маленький», *итем* – *йĕтем* «ток».

В некоторых говорах чувашского языка происходит «нарушение» вышеуказанного правила. От основ на согласную фонему форма 3 лица образуется при помощи морфа *-и*: *тутри* «её (его) платок», *çăкри* «его (её) хлеб», *кукли* «его (её) пирог», *çекли* «его (её) крючок» и др. По-видимому, основы приведенных форм оканчивались на гласную фонему: *тутрă, çăкрă, куклĕ, çеклĕ*.

* * *

Данная категория образуется из трех сильных (маркированных) членов. Каждый член выражает определенное лицо. Лица определяются по отношению к говорящему. Самым основным – первым – лицом говорящий считает самого себя. Свой предмет он называет не просто, а связывая с собой: *Кĕнекеме киле манса хăварнă* «Я свою книгу позабыл дома». Первому лицу бинарно противостоит другое лицо – слушающий. В грамматике принято считать его вторым лицом. Формой 2 лица существительного говорящий пользуется при обращении к слушающему с речью. Например: *Кĕнекӳне вăхăтлăх памăн-ши мана?* «Не дашь ли мне свою книгу на время?». Этим двум лицам – собеседникам – вместе бинарно противопоставлено 3 лицо, находящееся вне данной речевой ситуации. О предмете несобеседника говорящий упоминает в речи, обращенной к слушающему. Например: *Унăн кĕнеки санра мар-и?* «Не у тебя ли (находится) его книга?».

Любой формант лица при имени существительном показывает, с каким лицом связан данный предмет. Если предмет связан с самим говорящим лицом или слушающим, то между ними (лицами) и предметами может быть только отношение принадлежности. Предмет может принадлежать говорящему или слушающему: *юррăм* «моя песня», *юрру* «твоя песня». Формант 3 лица при имени существительном может выражать связь не только между предметом и лицом, но и между двумя предметами: *унăн юрри* «его песня», *кĕреке юрри* «застольная песня», *уяв юрри* «праздничная песня», *юрату юрри* «песня (о) любви, любовная песня», *тăри юрри* «песня жаворонка».

Лицом, находящимся вне беседы, связанным с предметом, может быть любой человек. В данном случае вместо лица может выступать и всякий предмет. Поэтому формант, обозначающий 3 лицо, слишком абстрактен по значению. И чтобы значение этого форманта было конкретным, при существительном, содержащем аффикс этого лица, должно находиться определяющее существительное.

Определяющее существительное, как правило, употребляется в основном падеже. В этом случае оно выражает постоянный признак предмета. Если же определение принимает форму родительного падежа, то оно выражает конкретный, непостоянный признак.

* * *

В способах выражения 1 лица произошли некоторые семантические и морфологические преобразования.

Изначально аффикс 1 лица *-ăм (-ĕм)*, очевидно, использовался, как и в других тюркских языках, только для выражения значения принадлежности предмета говорящему лицу. Ср. переводы отдельных форм с русского языка на чувашский в «Псалтыре на чувашском языке» (Симбирск, 1912): *Тăшманăмсем каялла тарчĕç* «Мои враги отступили»; *Пĕлĕшĕмсемшĕн хăрушă япала пултăм* «Для многих своих знакомых я стал ужасом»; *Асапăмсенчен хăтарсам мана* «Освободи же меня от моих мучений».

В последние десятилетия формой лица стали пользоваться главным образом для подчеркивания ласкательности или почтительности, уважительности к личности, а также к живому существу или предмету. Например: *Эсĕ ху тата усратăн-и-ха манăн парнеме?* (И. Тукташ) «А ты сама хранишь ли мой подарочек?»; *Ыранах эпĕ пиччем вырăнне йышăнма тухса каятăп, унăн пăшалне çирĕп тытса тăван çĕршывăмăра сыхлама* (И. Тукташ) «Я завтра же отправлюсь занять место своего брата, чтобы, крепко держа в руке его ружье, охранять родину».

Для выражения глубокого почитания близкого человека или любимого предмета нередко допускается плеонастическое употребление аффикса 1 лица: *хуламăм* «мой любимый город», *ачамăм* «моё миленькое дитя», *аннемĕм* «моя милая мама»;

Туссем калаçнă чух, тăван чĕлхемĕм,
Шур акăш тĕкĕ евĕр эс çемçе (Я. Ухсай)

«Во время беседы друзей ты, мой родной язык, мягок, как пух белого лебедя».

Характерным для чувашского языка является и то, что перед формантом 1 лица вдобавок к значению почтительности для выражения значения нежности и любви к предмету может вставляться деминутивный аффикс *-çă (-çĕ)*, который без аффикса 1 лица употребляется очень редко (*пĕчĕкçĕ* «малюсенький»): *Хăнаçăм! Хăçан-ха, хăçан эсĕ килĕн?* (Хусанкай) «Дорогой мой гость! Когда же, когда ты приедешь?»;

Хамăр ял çине пăхсан
Савăнса тапать чĕреçĕм (А. Афанасьев)

«Когда смотрю на свою деревню, мое сердечко бьется радостно».

Употребление деминутивного аффикса *-çă (-çĕ)* в одном ряду с аффиксом 1 лица усиливает, подчеркивает ласкательное отношение говорящего к личности или предмету. Ср. употребление *-çă (-çĕ)* также при удвоенном, утроенном применении аффикса 1 лица: *тусăмçăм* «мой милый друг», *юрăмçăм* «моя любимая песенка», *аннемĕмçĕм* «маменька моя», *чĕлхемĕмçĕм* (Я. Ухсай) «родной мой язык».

Сам аффикс *-çă (-çĕ)* в повторном виде употребляется весьма редко:

Ахальтен мар вĕçеççĕ ун енне –
Ман çырусем савниçĕмçĕм патне (И. Малкай)

«Недаром мои письма летят к нему, к моему милому возлюбленному».

Употребление данного аффикса рядом с аффиксом другого лица тоже нужно считать редким явлением:

Утçăм лайăх тесе пит ан мухтан,
Утçу тăра юлчĕ çул çине.
Хамах лайăх тесе пит ан мухтан,
Ятçу тăрса юлĕ ял çине (Н. Шелепи)

«Не гордись тем, что хорош твой любимый конь, твой любимый конь может отстать на дороге. Не очень хвались тем, что ты сам хорош, твое доброе имя может ославиться на миру».

Чувашский аффикс *-çă (-çĕ)* по значению и фонетическому облику близок к карачаево-балкарскому аффиксу *-чыкъ*: *баланчыкъ* (крым.) «ребеночек», *аначыкъ* «маменька». Но он употребляется самостоятельно (М.А. Хабичев. Именное словообразование в кумыкских языках. М., 1989).

Формы типа *тăшманăм,* обозначающие только принадлежность предмета говорящему лицу, – довольно редкое явление в современном чувашском языке. Для выражения принадлежности предмета 1 лицу теперь преимущественно пользуются синтаксическим средством – сочетанием форм родительного падежа личного местоимения или основного падежа

лично-возвратного местоимения с именем существительным: *Якку мучисен килĕ пирĕн килтен инçе мар* (С. Аслан) «Дом деда Якова недалеко от нашего дома»; *Праски килĕшсен халех хам мăшăр тăвăттăм* (И. Вашки) «Если бы согласилась Прасковья, тотчас же женился бы я на ней»; *Хамăр çĕршывра суту-илӳ ахăрса кайнă тапхăра кĕтĕмĕр* (Х. Агивер) «В своей стране мы вступили в период бурного развития рынка».

Если говорящим употребляются названия родственных отношений или частей тела без какого-либо (морфологического или синтаксического) указания на принадлежность к тому или иному лицу, то подразумевается, что предмет принадлежит 1 лицу. Употребление аффикса лица или личного, возвратно-личного местоимений при указанных названиях внесло бы ненужные дополнительные смысловые оттенки. Например: *Пичче хуларан таврăнчĕ* «Старший брат (мой) вернулся из города»; *Ку хыпара юлташа та пĕлтертĕм* «Эту весть я сообщил и (своему) товарищу»; *Урана темскер пулчĕ* «Что-то случилось с ногой (моей)».

На фоне спряжения имен и глаголов других тюркских языков и на фоне спряжения глагола чувашского языка в системе именного спряжения форма 2 лица выглядит особенной: вместо общетюркского аффикса *-ын (-ен)* и чувашского глагольного аффикса *-ăн (-ĕн)* выступает аффикс *-у (-ӳ)*. Ср.: тюрк. *эт-ен* «твоя собака», *бар-ад-ы* «ты пойдешь», чув. *йыт-т-у* «твоя собака».

Известный чувашевед Н.И. Золотницкий (1829–1880) в своем исследовании чувашского языка в сравнении с другими тюркскими языками [9, с. 478–590] установил, что чуваши «не особенно расположены к употреблению гортанных звуков и потому при всяком удобном случае заменяют их другими или вовсе выбрасывают». Указанные изменения Н.И. Золотницкий отметил и в обозначении 2 лица имен существительных и глаголов.

Форманты *-ын (-ен), -ăн (-ĕн)* и *-у (-ӳ)* исторически, очевидно, восходят к одному и тому же архетипу. В чувашском глагольном аффиксе гортанный звук *н* в результате чередования приобрел облик [*н*], в именах же он выпал совсем. От аффикса 2 лица в виде отголоска осталась гласная [*ă*] или [*ĕ*]. Последние фонемы встречаются в говорах низового диалекта и теперь. Вот отдельные примеры из художественных

произведений: *Ӑҫта кайса кӗҫӗ санӑн ӗҫченлӗхӗ?* (Н. Айзман) «Куда делось твое трудолюбие?»;

Тата санӑн улттӑмӗш
Мӗнле чапӑ пулӗ-ши? (В. Бараев)

«Что же ты относишь к шестой своей славе?»;

Инкекре тӑван ҫӗр-шывӑ,
Ун чысне эс хӳтӗле (Уйӑп М.)

«В беде (находится) твоя родина, защити ты ее честь»;

Таҫта та ирӗкшӗн хӗмленнӗ чунӑ (А. Алка)

«Везде и всюду твоя душа горела стремлением к свободе».

В дальнейшем развитии фонемы |*ӑ*| и |*ӗ*| в результате огубления приобрели облик |*у*| и |*ӳ*|. Такое чередование является типичным для чувашского языка. Ср.: *ӑрам* и *урам* «улица», *ҫӑмӑр* и *ҫумӑр* «дождь», *ҫӑмла* и *ҫумла* «полоть» и др.

Но возвести аффикс *-ын* к местоимению 2 лица, как справедливо отметил Э.В. Севортян, «невозможно вследствие фонетических трудностей» [16, с. 42].

Значение принадлежности 2 лицу в чувашском языке может передаваться и синтаксическим способом, но в меньшей степени, чем в 1 лице: личное местоимение употребляется в родительном падеже, а возвратно-личное местоимение в основном падеже: *Вӑрҫӑччен сирӗн колхоз сачӗ пекки таврара та ҫукчӗ* (И. Максимов-Кошкинский) «До войны такого колхозного сада, как ваш, не было в округе»; *Мана валли хам тӑн та ҫитет* (А. Емельянов) «Мне хватает и своего ума».

Удвоенного употребления аффикса 2 лица с существительным мы не встречаем.

Причины удвоенного употребления аффикса 3 лица иные, чем при удвоенном употреблении аффикса 1 лица: а) ввиду омономичности двух формантов – алломорфа аффикса 3 лица *-и* и аффикса выделения *-и* – для более четкого выражения значения 3 лица к алломорфу *-и* присоединяют другой алломорф – *-ӗ*. Например: *Йӑванӑнни пек йӗркеллӗ йывӑҫ пахчийӗ ку вӑхӑтра Улӑхкассинче никамӑн та ҫук-ха* (Ҫ. Элкер) «Такого хорошего сада, как у Ивана, в настоящее время нет ни у кого в Улыхкасах»; *Кунта пурте пур: хӑмла ҫырлийӗ те,*

хĕрлĕ хурлăханĕ те, крыжовникĕ те (А. Медведев) «Здесь есть все: и малина, и красная смородина, и крыжовник»; б) когда целая определительная (изафетная) конструкция становится основным компонентом другой определительной конструкции, к алломорфу *-и* аффикса 3 лица прибавляют алломорф *-ĕ*. Здесь происходит своеобразное двуступенчатое применение аффикса 3 лица: алломорф *-и* употребляется, например, для сочетания слова *ача* «ребенок» со словом *шкул* «школа» (*шкул ачи* «школьник»), алломорф же *-ĕ* необходим для соединения словосочетания *шкул ачисем* с другим словосочетанием *Чулкаç ялĕн* (*Чулкаç ялĕн шкул ачисем* «школьники деревни Челкасы»). Здесь возможно употребление и *Чулкаç шкул ачисем* «челкасинские школьники». Ср. другие примеры: *Ферма кил картийĕнче чăнах та çырла йывăççисем нумай иккен* (А. Медведев) «Во дворе фермы в самом деле много ягодных кустарников»; *Ульккан ылтăн çӳç пайăркийĕсем çаплах Иван питне киле-киле перĕннĕ пек, сĕртĕннĕ пек туйăнать* (В. Алентей) «Ивану все кажется, что локоны золотистых волос Ольги то и дело задевают его лицо, прикасаются»; *Кĕрĕкин хул пуç-çийĕсем çинче калча тĕми пек çăм пайăркисем тухса тăраççĕ* (Х. Уяр) «На плечах шубы торчат пучки шерсти, как бугорки всходов».

Вышеприведенные примеры ничуть не являются необыкновенными.

В чувашском языке нередко встречаются также изафетные конструкции второго типа, принявшие после себя аффиксы 1 или 2 лица. Такое явление объясняется, очевидно, тем, что определительная конструкция представляет из себя несвободное словосочетание и оно, как и простое имя существительное, может изменяться по всем лицам. При этом аффикс 3 лица может подвергаться отсечению.

Янкăс саслă Вăтакас урамăм (В. Ахун) «Моя голосистая улица Вутакас» */ > Вăтакас урам + ĕ + ăм /*;

Атнер! Ик аллăма хурам-ха
Сан хул пуççийӳ çине (П. Хусанкай) */ < хул пуçç- + -и- + -й- + -ӳ /*.

«Атнер! Положу-ка я свои руки на твои плечи»;

Учителĕм, тен, сан вил тăпру çине / < вил тăпра+ -и- + -ӳ /
Çумăр пĕрчи сахал ӳкрĕ пулĕ? (Юхма М.)

«Мой учитель, на твою могилу, может, мало выпало дождей?»;

Хăвăн сысна витӳне / < *сысна вите* + *-и-* + *-й-* + *-ӳ* / *çакса яр, малти кĕтесе* (И. Мучи) «Ты повесь [мою фотокарточку] в передний угол своего свинарника».

* * *

В чувашском языке при образовании форм 3 лица от ряда форм имен существительных, обозначающих родственные отношения, перед аффиксом лица не отсекают финали существительного, а вставляют интерфонему |*ш*| между двумя гласными – между ауслаутной гласной основы и анлаутной гласной аффикса: *атте* «отец» + *-ш-* + *-ĕ* > *ашшĕ, йысна* «зять (муж моей старшей сестры)» + *-ш-* + *-ĕ* > *йыснăшĕ* и др.

О. Прицак употребление формантов *-ăшĕ, -ĕшĕ, -шĕ, -ш* с существительными связывает с социальным фактором: будто они (форманты) присоединяются лишь к названиям старших родственников, а к названиям младших родственников присоединяется, как и к остальным именам существительным, только формант *-ĕ* [36, с. 141].

На первый взгляд, при наличии достаточного числа фактических данных может показаться, что такое объяснение соответствует действительности. Но исчерпывающе полный анализ фактов показывает, что возрастные данные родственных отношений к образованию личных форм существительных, к употреблению интерфонемы |*ш*| перед аффиксом лица отношения не имеют.

Тем более среди существительных на гласные имеются слова, которые называют не только старших, но и младших родственников: *анне* «мать» + *-ш-* + *-ĕ* > *амăшĕ, пиччe* «старший брат» + *-ш-* + *-ĕ* > *пиччĕшĕ, хуняма* «теща» + *-ш-* + *-ĕ* > *хунямăшĕ, хуняçа* «свекровь» + *-ш-* + *-ĕ* > *хуняшшĕ, тăхлачă* «сватья» + *-ш-* + *-ĕ* > *тăхлачăшĕ, хăта* «сват» + *-ш-* + *-ĕ* > *хăтăшĕ, кукама(й)* «бабушка (со стороны матери)» + *-ш-* + *-ĕ* > *кукамăшĕ, кĕрӳ* «зять» + *-ш-* + *-ĕ* > *кĕрӳшĕ, кума* «кума»+ *-ш-* + *-ĕ* > *кумăшĕ.*

В названиях родственников, как старших, так и младших, имеющих в ауслауте согласную фонему, интерфонема отсутствует, непосредственно к основе прибавляется алломорф *-ĕ*: *хăйматлăх* «сваха» + *-ĕ* > *хăйматлăхĕ, вăртах* «род-

ственник посаженого отца» + *-ĕ* > *вăртахĕ, пултăр* «шурин» + *-ĕ* > *пултăрĕ, ывăл* «сын» + *-ĕ* > *ывăлĕ, хĕр* «дочь» + *-ĕ* > *хĕрĕ, йăмăк* «младшая сестра» + *-ĕ* > *йăмăкĕ* и др.

Следы словоформ показывают, что в чувашском языке было время, когда от слов, обозначающих родственные отношения, образовывались звательные формы при помощи аффиксов *-и, -ăй (-ĕй): кукки* «дядя (брат матери)», *мучи* «дедушка (старший брат отца)», *инки* «тетя (жена старшего родственника)», *апай, апи* «мать» и др. Когда при существительном имеется только аффикс *-и,* иметь другой, омономичный аффикс было бы излишне. По всей вероятности, это заставило образовать формы 3 лица не с помощью алломорфа *-и,* а при помощи *-ĕ,* который присоединялся только к существительным на согласные; такая необходимость вынуждала вставлять после существительных на гласные перед аффиксом лица (т.е. между двумя гласными) интерфоне-му |*ш*|.

Обращают на себя внимание своеобразные явления, связанные с алломорфом аффикса 3 лица *-ĕ,* представляющим собой редуцированный звук, подверженный выпадению из состава любого слова. Но, в отличие от фонемы [*ĕ*], не имеющей грамматической нагрузки, *-ĕ* как морфема, выпадая из состава слова, оставляет в нем следы, способные нести морфемную функцию.

1. Так, в твердых словах в результате присоединения морфа *-ĕ* предшествующий ему согласный звук смягчается. Эта мягкость согласной фонемы сохраняется даже после выпадения морфемы *-и*, заменяя ее, передает значение 3 лица. Ср.: *вун чуль* (вместо *вут чулĕ*) «кремень» (букв. «огненный камень»), *çил армань* (вместо *çил арманĕ*) «ветряная мельница».

2. В твердых словах с согласным в ауслауте алломорф *-ĕ,* вместо того чтобы присоединяться к основе имени существительного, занимает место редуцированной гласной фонемы [*ă*] в составе основы и начинает выступать в роли аффикса 3 лица. Происходит как бы перемещение аломорфа *-ĕ* внутрь слова: *çĕр кăмрĕк* (вместо *çĕр кăмрăкĕ*) «каменный уголь», *хĕвел анĕç* (вместо *хĕвел анăç*) «закат солнца». Такое положение пока не является нормой литературного языка, но на практике писатели и поэты нередко прибегают к этому средству. Например: *Окопа пилĕк тарăнĕш* (вместо *тарăнăшĕ*) *чавнăччĕ* (Ç. Элкер) «Окоп был вырыт глубиной по пояс».

Амĕш ывăлне вăратрĕ
Пĕр салхуллă ирхине (Уйăп М.)

«Мать разбудила сына в одно мрачное утро»;

Арăмпе калаçнăçем
Хучĕ утă пĕр çĕклем (Я. Ухсай)

«Разговаривая с женой, он положил охапку сена».

Аффикс 3 лица при имени существительном может служить средством связи данного слова с ранее упомянутым в тексте. Он (аффикс) как бы выполняет роль определенного артикля западноевропейских языков. Примеры: 1) *Улăхран икĕ лав утă турттарса килтĕмĕр пек. Пĕр лавне хамăр лашапа, тепĕр лавне Макçăм кумсен лашипе пек. Ути ем-ешĕл. Ма типсе çитмесĕрех илсе килтĕмĕр-ши тесе кулянса вăрантăм* (Н. Мраньк-ка) «Будто мы с лужайки привезли два воза сена. Один воз на своей лошади, а другой – на лошади кума Максима. Сено-то зеленое-зеленое. Проснулась с печалью: что же это мы привезли недосушенное сено?»; 2) *Акă симĕс пальто тăхăннă лутрарах майрапа кăвак плащлă арçын килсе тăчĕç. Майрин аллинче сăран сумка, арçыннин – сетка* (Игнатьев). «Вот подошли низенькая женщина в зеленом пальто и мужчина в синем плаще. У женщины в руке кожаная сумка, у мужчины – сетка».

Этот же аффикс[4] употребляется при словах, детализирующих предыдущее обобщающее слово: *Çул çинче тем те пулать: шăрăхĕ те, çумăрĕ те* (И. Григорьев) «На дороге всякое бывает: и жара, и дожди»; *Çанталăк шăрăх паян. Хĕвелĕ те çунатлă, çути куçа çиет* (Ю. Скворцов). «Сегодня погода жаркая. И солнце с крылышками, свет (его) слепит»; *Пиллĕкмĕш килте çамрăк мăшăр пурăнать тет-мĕн. Арăмĕ ĕне сăвать, упăшки платникре ĕçлет терĕç. Хăйсем килте çук пулчĕç* (Хв. Уяр). «Сказали, что в пятом доме живет молодая пара. Жена доит коров, а муж работает плотником. Самих дома не оказалось». В составе определительных (изафетных) конструкций аффикс 3 лица способствует выражению отношения одного предмета к другому. Значение отношений зависит от семантики компонентов конструкций. Их основные отношения:

а) отношение предмета к местности: *ял çынни* «сельский житель», *хула пурнăçĕ* «городская жизнь», *уй ĕçĕсем* «полевые

работы», *Çĕпĕр тайги* «сибирская тайга», *Карели вăрманĕ* «карельский лес», *хĕвеланăç çилĕ* «западный ветер»;

б) отношение предмета ко времени: *çу кунĕ* «летний день», *çур тырри* «яровые хлеба», *кăнтăр апачĕ* «обед, полуденная еда», *май уявĕ* «майский праздник», *Октябрь революцийĕ* «Октябрьская революция»;

в) отношение одного предмета к однотипным предметам: *салтак çĕлĕкĕ* «солдатская шапка», *хĕрарăм шлепки* «женская шляпа», *пукан ури* «ножка стула», *йывăç çулçи* «древесный лист», *хупах çулçи* «лист лопуха»;

г) отношение предмета к его составу: *юман вăрманĕ* «дубовый лес», *хурăн вутти* «березовые дрова», *çăм çиппи* «шерстяные нитки», *çăка пылĕ* «липовый мед», *улма кукли* «картофельный пирог»;

д) отношение предмета-предиката к его субъекту: *кĕвĕçӳ туйăмĕ* «чувство ревности» (ср.: *Кĕвĕçу вăл туйăм* «Ревность – это чувство»), *географи науки* «географическая наука» (ср.: *Географи – наука*); *ислам тĕнĕ* «исламская религия», *Шупашкар хули* «город Чебоксары» (ср.: *Шупашкар – хула*), *шыв юххи* «течение реки» (ср.: *Шыв юхать*);

е) отношение предмета к его объему: *çĕр ыйтăвĕ* «земельный вопрос, вопрос о земле», *эволюци теорийĕ* «эволюционная теория, теория об эволюции», *юрату сăввисем* «любовные стихи, стихи о любви», *тилĕ юмахĕ* «сказка о лисе», *пушар чанĕ* «пожарный колокол», *ĕç укçи* «заработная плата, плата за работу», *тута купăсĕ* «губная гармошка», *ал ĕçĕ* «ручная работа» (ср.: *алпа тумалли ĕç*);

ж) отношение предмета к его цели: *кĕнеке палати* «книжная палата, палата для книг», *санитари пуйăсĕ* «санитарный поезд», *вăрçă карапĕ* «военный корабль», *ĕç лаши* «рабочая (тягловая) лошадь»;

з) отношение действия или результата действия к его субъекту: *халăх юрри* «народная песня», *парти ĕçĕ* «партийная работа», *ача-пăча вăййи* «детская игра», *упа ташши* «медвежья пляска»;

и) отношение части предмета к целому предмету: *редколлеги членĕ* «член редколлегии», *шыв тумламĕ* «капля воды», *кăранташ вĕçĕ* «остриё карандаша», *пӳрт тăрри* «крыша (верх) дома»;

й) отношение к присвояемому имени: *Ленин библиотеки* «библиотека имени Ленина», *Ленин проспекчĕ* «проспект

Ленина», *Ленин орденĕ* «орден Ленина», *Ленин премийĕ* «Ленинская премия», *Нобель премийĕ* «Нобелевская премия», *Пушкин урамĕ* «улица Пушкина», *Джалиль театрĕ* «театр имени Джалиля», *Чапаев колхозĕ* «колхоз имени Чапаева», *Ленинград урамĕ* «улица Ленинградская», *Мир проспекчĕ* «проспект Мира»;

к) отношение группы к её предводителю, руководителю, вожаку: *Хветĕр çемйи* «семья Федора», *Петĕр ушкăнĕ* «компания (группа) Петра», *Наполеон çарĕ* «наполеоновская армия», *Мичурин шкулĕ* «мичуринская школа, школа Мичурина», *Лариван шайкки* «шайка Иллариона»;

л) отношение предмета к нации: *вырăс литературипи* «русская литература», *чăваш чĕлхи* «чувашский язык», *тутар музыки* «татарская музыка», *туркмен кавирĕ* «туркменский ковер»;

м) отношение предмета к числу (частей его: *çиччĕ хĕçĕ* «особое бердо в 70 зубьев», *вун иккĕ çăпати* «лапти в двенадцать лык», *утмăл лампи* «лампа в шестьдесят вольт»;

н) отношение действия или его результата к причине: *савăнăç куççулĕ* «слезы радости», *халер пăлхавĕ* «холерный бунт», *çул тăкакĕ* «дорожные расходы»[5].

Наблюдается деформация личных форм некоторых пространственных имен, особенно при употреблении форм слова *пат* «близость к ...»:

1) форму 3 лица нередко употребляют в значении 2 лица: *Çавăнпа сан патне* /< *пат-н-а* / *пыма хăранă эп* (Н. Терентьев) «Поэтому я боялся подходить к тебе»;

2) форму 2 лица, личного множественного числа употребляют в значении 1 лица, личного множественного числа: *– Çуллаччен пирĕн патăртах* (< *пат-ăм-ăр-та-х*) *пурăнатăн, – хытарса каларĕç ăна Марьепе Микулай* (П. Афанасьев) «–До лета будешь жить у нас же, – твердо сказали ему Марья и Николай»;

3) это же имя существительное в форме 3 лица личного единственного числа местного или исходного падежа утрачивает фонетический облик своей основы: *Касса панче* (< *пат-ĕн-че*) *те çук-мĕн халăх* (Н. Евстафьев) «Оказывается, нет народу и у кассы»; *Каяс килмест ĕç панчен* (< *пат-ĕн-чен*) (В. Долгов) «Не хочется отходить от работы».

§ 6. Категория личного числа

Не только предмет, но и лицо могут находиться в единственном и множественном числе.

Выше было отмечено (см. § 4), что категория предметного числа выступает по принципу бинарной оппозиции привативного характера и что у единственного числа нет специального грамматического выразителя, а значение множественного числа передается аффиксом *-сем (-сен).*

Отношения состоящих в оппозиции грамматических значений у категории предметного числа неравноправны, т.е. привативны. Сильное значение маркировано аффиксом *-ăр (-ĕр)*, а слабое значение выражается нулевым формативом. Например, в словоформе *юлташ-ăм* «мой товарищ» 1 лицо находится в единственном числе, а в словоформе *юлташ-ăм-ăр* «наш товарищ» – во множественном.

Если категория предметного числа актуализирует категориальное значение имени существительного, то категория личного числа уточняет значение категории лица. К имени существительному она не имеет непосредственного отношения. Так что наличие специальной категории личного числа диктовалось в языке необходимостью строго различать в составе одной и той же словоформы число лица и число предмета. Хотя принципы бинарной оппозиции у обеих категорий одинаковы, их показатели не могут замещать друг друга.

В тюркологии не принято в формах имен существительных, а также глаголов делить особо аффиксы лица и особо аффиксы личного множественного числа. В большинстве исследований аффиксы 1 лица множественного числа отображают слитно в виде *-биз, -миз,* аффиксы 2 лица множественного числа – в виде *-низ, -сиз.* Автор монографии «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя)» А.М. Щербак, проанализировав личные формы имен и глаголов, выразил мнение, что местоимения *мен* и *биз, сен* и *сиз* едва ли имеют общие корни, так как в их составе выступают разные гласные [32, с. 86], и что местоимения *биз* и *сиз*, по-видимому, никогда не являлись грамматическими формами множественного числа, образованными от *мен* и *сен.* Но чувашский языковой материал дает возможность утверждать, что местоименная форма 1 лица *эпĕр* или *эпир* образована от корня

местоимения 1 лица единственного числа *эп(ĕ)* грамматическим способом, т.е. путем прибавления к основе слова аффикса *-ĕр,* а местоименная форма *эсĕр* или *эсир* образована от корня местоимения 2 лица *эс(ĕ)* таким же образом.

Также при спряжении имен существительных форма личного множественного числа образуется путем присоединения аффикса *-ăр (-ĕр)* к аффиксу лица.

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. *юлташ-ăм*	*юлташ-ăм-ăр*
2 л. *юлташ-у*	*юлташ-ăр*
3 л. *юлташ-ĕ*	*юлташ-ĕ*

Спряжение существительных в единственном числе довольно прозрачно: аффиксы лиц присоединяются к спрягаемой основе.

Следует отметить некоторые особенности образования формы личного множественного числа.

1. Поскольку форма 2 лица единственного числа в литературном языке образуется при помощи аффикса *-у (-ӳ),* а в говорах – при помощи *-ă (-ĕ)*, то при образовании формы множественного числа данного лица происходит зияние между гласной фонемой, представляющей аффикс 2 лица, и анлаутным гласным аффикса множественного числа или даже наложение морфов (гаплология): *юлташ* + *-ă-* + *-ăр* > *юлташăр.* Но от этого значение словоформы не изменяется.

2. В чувашском языке, как и в других тюркских, к форме 3 лица имени существительного не прибавляется аффикс личного множественного числа. Значение множественности лица в данном случае передается синтаксически формой множественного числа поясняющего имени существительного. Такое положение, очевидно, существует изначально. Да и не было, пожалуй, особой необходимости иметь показатель личного множественного числа 3 лица, ибо существительные с аффиксом 3 лица, как единственного, так и множественного числа, в отличие от существительных с аффиксами 1 и 2 лица, в любом случае будут нуждаться в конкретном уточнителе-определителе, выраженном существительным единственного или множественного числа: *сăвă кĕнеки* «стихотворный сборник», *студентсен пухăвĕ* «студенческое собрание».

Поскольку в одной и той же словоформе могут фигурировать два показателя множественного числа (предметного и личного), то имеет существенное значение их расположение по отношению друг к другу. Показатель личного множественного числа всегда располагается рядом с формантом лица, а показатель предметного множественного числа – после показателей лица и личного числа: *юлташ-ăм-ăр-сем* «наши товарищи». В других тюркских языках иное расположение; ср. тат. *ипташ-лар-еб-ез*. Указанный порядок служебных морфем в составе чувашских именных словоформ считается наидревнейшим. Порядок расположения морфем, присущий другим тюркским языкам, иногда используется поэтами и в чувашском языке: он способствует созданию или сохранению стихотворного размера. Например:

Çерем çинче канса выртаççĕ халĕ
Хăравçăр танкистсем – туссемĕм ман (Я. Ухсай)

«На лужайке теперь отдыхают бесстрашные танкисты – друзья мои».

В разговорной речи форма с необычным расположением морфем встречается в единственном случае: *ач-сем-ĕр, этсем-ри* «наши ребята». Например: – *Чим, ан шавлăр-ха, этсемри, – тет вăл* (Ç. Элкер) «Постойте, не шумите-ка, ребятки, – говорит он». Здесь словоформа *этсемри* выражает значение 1 лица, личного и предметного множественного числа. Но, странное дело, пропущен в ней показатель 1 лица.

§ 7. Категория падежа имен существительных
Склонение имен существительных

В чувашском языке функционирует не шесть падежей, как в других тюркских языках, а восемь. В нем появились три новых падежа: творительный, лишительный и причинно-целевой, а дательный и винительный рассматриваются как единый дательно-винительный.

По происхождению чувашские падежи можно делить на две группы. Первую составляют падежи раннего происхождения (родительный, винительный, местный и исходный). Хотя историко-генетической связи между показателями дательного и винительного падежей, кажется, не было, но формативы

этих двух падежей фактически совпали, в одном показателе *-а (-е)* совмещались функции двух падежей, и два падежа, объединившись, стали одним, дательно-винительным падежом. Другую группу образуют падежи позднего образования (творительный, лишительный, причинно-целевой). Основной падеж является самым древним (изначальным), но по некоторым морфонологическим признакам он находится ближе к падежам позднего происхождения, чем раннего: алломорфы множественного числа, а также алломорфы личных показателей данного падежа совпадают с указанными алломорфами позднейшего образования.

Склонение слов не только в единственном, но и во множественном числе, а также в разных формах лица происходит с помощью одних и тех же падежных аффиксов[6], поэтому признается лишь один тип склонения. Употребление алломорфов падежных аффиксов зависит от ауслаута склоняемой основы, и наоборот, изменение в склоняемой основе обусловливается анлаутной частью падежной морфемы.

Падежные аффиксы и их алломорфы

Падежи	Алломорфы и варианты падежных аффиксов	Основные вопросы
Основной	–	*кам?* «кто?» *мĕн?* «что?»
Родительный	*-ăн (-ĕн),-нăн,-н*	*камăн?* «кого?» *мĕнĕн?* «чего?»
Дательно-винительный	*-ă (-ĕ),-на (-не)*	*кама?* «кому?», «кого?», *мĕне?* «чему?», «что?»
Местный	*-ра (-ре), -та (-те), -ч*	*камра?* «у кого?», «в ком?» *мĕнре?* «в чем?», «на чем?»
Исходный	*-ран (-рен), -тан (-тен)*	*камран?* «от кого?», «из кого?» *мĕнрен?* «от чего?», «из кого?»
Творительный	*-па (-пе), -пала (-пеле)* *-палан (-пелен)*	*кампа?* «кем?» *мĕнпе?* «чем?»
Лишительный	*- сăр (- сĕр)*	*камсăр?* «без кого?» *мĕнсĕр?* «без чего?»
Причинно-целевой	*- шăн (- шĕн)*	*камшăн?* «из-за кого? «для кого?» *мĕншĕн?* «из-за чего?»

Имена с пространственным значением могут находиться лишь в основном и локальных падежах, поскольку они не употребляются в объектных значениях. Ср. склонение имени *ум* «перед, передняя часть»:

		1 л.	2 л.	3л.
Осн. п.	*ум*	*умӑм*	*уму*	*умӗ*
Дат.-вин. п.	*ума*	*умӑма*	*умна*	*умне*
Мест. п.	*умра*	*умӑмра*	*умӑнта*	*умӗнче*
Исх. п.	*умран*	*умӑмран*	*умӑнтан*	*умӗнчен*

Форма 3 лица может принимать также показатель творительного падежа: *умӗпе.*

Остальные имена существительные изменяются по всем падежам.

Утверждение А.И. Иванова о том, что «древний инструментальный падеж на *-ӑн (-ӗн)* в чувашском языке слился с притяжательным» [9[1], с. 89] (родительным. – *И.П.*), нуждается в пояснении. Невозможность употребления других словоизменительных аффиксов между основой и падежным аффиксом и недопустимость использования определения при этой словоформе говорят о том, что она в современном языке перестала быть падежной формой. Ныне такие словоформы выступают исключительно как наречия, а показатель *-ӑн (-ӗн)* стал функционировать в качестве деривационного аффикса: *катӑкӑн* «кусками», *ушкӑнӑн* «группами», *мӑшӑрӑн* «парами», *вутӑн-хӗмӗн* «огнем-пламенем», *кӗмӗлӗн* «подобно серебру, серебром»[7].

Возможно, что утрате инструментального падежа в плане выражения способствовало наличие родительного падежа, в плане содержания – появление в языке нового, творительного падежа.

В качестве склоняемой основы могут выступать четыре вида формы: основы простых имен (т.е. имена без словоизменительных аффиксов), форма предметного множественного числа, формы 1, 2, 3 лица, форма личного множественного числа.

Несмотря на то, что во всех случаях склонения употребляются одни и те же падежные аффиксы, в результате взаимодействия рядом стоящих морфов в определенных условиях на их стыке происходят морфонологические измене-

ния как на стороне склоняемой основы, так и на стороне падежного аффикса.

Изменения на стыке морфов зависят от ряда причин: 1) какая грамматическая форма выступает в качестве склоняемой основы (формы 2, 3 лица, форма предметного множественного числа); 2) на какую фонему оканчивается склоняемая основа – гласную или согласную; 3) на какую фонему начинается падежный аффикс; 4) каким является падежный аффикс по происхождению – раннего или позднего происхождения; 5) каким является слово – природным или заимствованным (в свою очередь – старым заимствованием или новым).

Больше всего изменений при склонении происходит тогда, когда склоняемая основа в ауслауте и падежный аффикс в анлауте имеют гласные звуки. Главной целью изменения на стыке морфов является избежание зияния. При этом пользуются следующими морфонологическими способами: чередование фонем, наложение фонем, вставка интерфонем и усечение фонем.

Обычно падежный аффикс без осложнений присоединяется к основе на гласный или согласный, если в анлауте аффикса имеется согласный; при этом заметных морфонологических изменений не бывает.

Сингармонический вариант падежного морфа в чувашском языке зависит не столько от гласных фонем склоняемой основы, сколько от ее исходной фонемы (гласной или согласной): если она твердая, то и падежный морф бывает твердым, если мягкая, то и падежный морф остается мягким: *хула* «город» – *хулара* (мест. п.), *кайăк* «птица» – *кайăка* (дат.-вин. п.), *кукăль* «пирог» – *кукăле* (дат.-вин. п.), *площадьре* (мест. п.), *дневникпа* (твор. п.).

Если склоняемая основа оканчивается на *р, рь, л, ль, н, нь,* в аффиксе местного и исходного падежей возможна альтернатива *р/т*. Природные существительные с указанными сонорными согласными на конце в местном и исходном падежах будут иметь формы *-та (-те)* и *-тан (-тен)*, в остальных случаях – *-ра (-ре)* и *-ран (-рен): тăвар* «соль» – *тăварна* (мест. п.), *декабрьте* (мест. п.), *юлташăмăр* «наш товарищ» – *юлташăмăрта* (мест. п.), *юлташăр* «ваш товарищ» – *юлташăртан* (исх. п.), *вăрман* «лес» – *вăрмантан* (исх. п.), *мăкăнь*

«мак» – *мăкăньтен* (исх. п.), *хула* «город» – *хулара* (мест. п.), *пӳрт* «дом» – *пӳртрен* (исх. п.). В заимствованных именах существительных с основой на *л*, *н* возможно двоякое употребление: *-та (-те)* и *-ра (-ре): район – районра* или *районта* (мест. п.), *районран* или *районтан* (исх. п.); *вокзал – вокзалра* или *вокзалта*; *вокзалран* или *вокзалтан*.

Большие и разнообразные морфонологические изменения у имен существительных с гласными на конце в родительном и дательно-винительном падежах. Эти изменения связаны главным образом с зиянием гласных. Ср. изменения природных основ, оканчивающихся на *-а (-е), -ă (-ĕ), -у (-ӳ).*

	-а (-е)	*-ă (-ĕ)*	*-у (-ӳ)*	*-и*
	ача «ребенок» *ĕне* «корова»	*атă* «сапоги» *ҫĕҫĕ* «нож»	*пăру* «теленок» *кĕтӳ* «стадо»	*пăри* «полба»
Род. п.	*ача-н (-ăн)* *ĕне-н (-ĕн)*	*атт-ăн* *ҫĕҫҫ-ĕн*	*пăрăв-ăн* *кĕтĕв-ĕн*	*пăри-й-ĕн*
Дат.-вин. п.	*ача-н-а* *ĕне-н-е*	*атт-а* *ҫĕҫҫ-е*	*пăрăв-а* *кĕтĕв-е*	*пăри-й-е*

Изменения новозаимствованных слов, оканчивающихся на *-а (-е)* [под ударением], *-ă (-ĕ)* [орфографически *-а (-е), -о*], *-о, -у:*

	-а/-е	*-ă/-ĕ*	*-о*	*-у*
	руда *купе*	*сценă* *кофĕ* *издательствă*	*кино* *радио*	*кенгуру*
Род. п.	*руда-н* *купе-н*	*сценă-н* *кофĕ-н* *издательствă-н*	*кино-н* *радио-н*	*кенгуру-н*
Дат.-вин. п.	*руда-н-а* *купе-н-е*	*сценă-н-а* *кофĕ-н-е* *издательствă-н-а*	*кино-н-а* *радио-н-а*	

Из примеров видно, что в падежах нет ни одного морфонологического изменения: каждый гласный в ауслауте существительного претерпевает своеобразное морфонологическое изменение. И следует отметить, что почти ни в одном

случае изменение не связано с падежным аффиксом, оно происходит или в составе основы, или на стыке гласных.

1. Языковые факты дают возможность предполагать,что к простым основам на *-а*, *-е* аффиксы родительного и дательно-винительного падежей присоединялись двояким способом.

Первый способ. В родительном падеже старочувашского языка к основе прибавляется аффикс *-ăн (-ĕн),* но прежде усекался анлаутный *-ă*, *-ĕ*: *хула* «город» – *хула* + *-ăн* > *хулан, пичке* «бочка» – *пичке* + *-ĕн* > *пичкен*. По данному способу образуются формы родительного падежа и в современном языке.

Но для образования формы дательно-винительного падежа этот способ устарел. Дело в том, что в подобных случаях падежный аффикс совпадает с ауслаутом основы. Происходит наложение морфов: *мунча* «баня»+ *-а* > *мунча** (напр.: *мунча кĕр* «мыться в бане», ср. *шыва кĕр* «купаться», но *мунча*+ *-на кĕр* «заходить в баню (в здание)»; *хула* (напр.: диал. *хула каятăп* «Я отправляюсь в город», в литературном языке: *хулана каятăп*).

Второй способ. Сохранению фонетического облика падежного аффикса помогает интерфонема |*н*|:

Род. п.	*хула-н-ăн* > *хуланăн*
Дат.-вин. п.	*хула-н-а* > *хулана*

В современном языке этот способ популярен при образовании формы дательно-винительного падежа. Для образования же формы родительного падежа широко использовали его в изданиях Симбирской чувашской школы. Вот примеры из «Букваря для чуваш»: *Туман тиханăн пилĕкне ан хуç* (1886) «Не ломай хребта неродившемуся жеребенку»; *Ылтăнпала кĕмĕл тавлашать, пăхăр укçанăн мĕн ĕç пур?* (1886) «Серебро спорит с золотом, а какое дело до них медной монете?»; *хуçанăн арăмĕ* (1880) «жена хозяина»; *Тарçăнăн пуçне кастарнă* «Велели отрубить голову слуге».

Этим способом по требованию метрики стиха для образования форм родительного падежа пользуются и современные поэты.

Кĕрет поезд ҫап-ҫамрăк хуланăн
Мускаври пек хитре вокзалне (А. Алка)

«Поезд прибывает на красивый, как в Москве, вокзал юного города».

Называть форму *хулан* сокращенной, а форму *хуланăн* полной, думается, нет оснований. С другой стороны, формы типа *хуланăн* можно рассматривать как плеонастические.

В новозаимствованных словах на *-ă (-ĕ)* при образовании форм родительного и дательно-винительного падежей не бывает каких-либо морфонологических изменений.

2. У основ природных слов на *-а* или *-е* с предшествующим одиночным кратким согласным при образовании форм родительного и дательно-винительного падежей сначала происходит усечение гласной фонемы, затем – альтернация краткого согласного с геминатой, только после этого прибавляется падежный морф.

Если же конечному гласному предшествует сочетание двух согласных, то в родительном падеже происходит лишь частичное наложение морфов: *вăрҫă* «война» + *-ăн* > *вăрҫăн, пĕрчĕ* «зерно» + *-ĕн* > *пĕрчĕн,* а в дательно-винительном, прежде чем присоединить падежный морф, происходит только усечение конечного согласного, а согласные не подвергаются альтернации: *вăрҫă* + *-а* > *вăрҫа, пĕрчĕ* + *-е* > *пĕрче.*

В разговорной речи иногда встречается образование формы дательно-винительного падежа путем вставки интерфонемы |*н*| между конечной фонемой |*ă*| или |*ĕ*| и падежным морфом: *атă* «сапог» + *-н-* + *-а* > *атăна; каччă* «парень, жених» + *-н-* + *-а*, что, конечно, является нарушением общепринятой нормы литературного языка.

Новозаимствованные слова на *-ă (-ĕ)* не подчиняются правилам склонения природных слов: как в родительном падеже, так и в дательно-винительном не происходит удвоения согласных, совершается лишь частичное наложение морфем, а в дательно-винительном падеже основа слова остается без изменения, между морфемами вставляется интерфонема |*н*|: *сценă** + *-н, сценă-н-а.*

3. В основах, оканчивающихся на *-у* или *-ӳ*, при образовании родительного и дательно-винительного падежей происходит замена ауслаутного гласного на *-ă* или *-ĕ*, а перед

этим гласным вставляется интерфонема |*в*|: *пăру* «теленок» + *-в-* + *-а* > *пăрăва; пĕлӳ* «знание» + *-в-* + *-е* > *пĕлĕве.*

В заимствованных словах на *-у* или *-о* такого чередования в основе не бывает: в аффиксе родительного падежа перед присоединением к основе происходит мена гласной фонемы нулем фонемы: *кенгуру* + *-ăн* > *кенгурун, Баку* + *-ăн* > *Бакун, кино*+ *-н* > *кинон,* а в дательно-винительном падеже между основой и падежным аффиксом вставляется интерфонема |*н*|: *кенгуру* + *-н-* + *-а* > *кенгуруна, Баку* + *-н-* + *-а* > *Бакуна, кино*+ *-н-* + *-а* > *кинона.*

4. Как в природных именах существительных, так и в заимствованиях на *-и* при образовании форм родительного падежа анлаутная гласная фонема аффикса чередуется с нулем фонемы: *пăри* + *-ĕн* > *пăрин, авиаци* + *-ĕн* > *авиацин,* а в дательно-винительном падеже между основой и падежным аффиксом вставляется интерфонема |*й*|: *пăри* + *-й-* + *-е* > *пăрие, авиаци* + *-й-* + *-е* > *авиацие.*

Общая картина склонения форм множественного числа такова. В древнее время множественное число выражалось аффиксом *-се*: тогда еще не было алломорфов *-сен* и *-сем*. Такой древний облик аффикса множественного числа чувашского языка напоминает аффиксы множественного числа тунгусо-маньчжурской группы алтайских языков [23, с. 126]. Так, маньчжурский аффикс множественного числа имеет алломорфы *-са, -сэ, -со: манӡу-са* «маньчжуры», *монӈго-со* «монголы», *орос-сэ* «русские» [26, с. 118–119]. Вполне возможно, что чувашский и маньчжурский показатели множественного числа восходят к одному и тому же архетипу.

Диалектный материал чувашского языка показывает, что в формах падежей, аффиксы которых в анлауте имеют гласные, в старочувашском языке во избежание зияния гласных не пользовались интерфонемой. В родительном падеже отсекалась анлаутная гласная фонема падежной морфемы, иначе говоря, фонема |*ĕ*| падежного аффикса чередовалась с нулем фонемы: *ялсе* «деревни» + *-ĕн* > *ялсен.* В дательно-винительном падеже произошло наложение морфов: гласная фонема |*е*|, входящая в состав суффикса множественного числа, выражала также значение дательно-винительного падежа: *ялсе* «деревни» + *-е* > *ялсе*.*

Юрататăп эп курăксе,
Тутлă шăрăш пур тесе

(Чуваш. яз., лит. и фольк. 1974. Вып. 3. С. 322)

«Люблю я травы за то, что имеют аромат»

По-видимому, со временем такое наложение морфов не удовлетворяло чувашей, ибо терялся облик выразителя дательно-винительного падежа. С появлением специального средства во избежание зияния начали вставлять интерфонему |*н*| между гласными двух морфем: род. п. *ачасе* «дети» + *-н-* + *-ĕн* > *ачасенĕн;* дат.-вин. п. *ача* + *-се-* + *-н-* + *-е* > *ачасене.*

Для образования единой оси парадигмы в период до появления новых падежей (твор., лиш., прич.-цел.) интерфонему стали употреблять и с падежами, аффиксы которых в анлауте имели согласную фонему: мест. п. *çын-се-н-че,* исх. п. *çын-се-н-чен.* Следы употребления формы основного падежа множественного числа с фонемой |*н*| в ауслауте сохранились в говоре села Ковали и смежных селений Урмарского района: *ачасĕн* «ребята», *лашасĕн* «лошади» [13, с. 55; 23, с. 16]. Даже в основном падеже аффикс множественного числа заимел облик *-сен.* Так, интерфонема |*н*| способствовала образованию единой оси парадигмы склонения форм множественного числа в падежах раннего происхождения и стала непосредственной составной частью морфемы множественного числа.

Употребление интерфонемы при образовании форм таких падежей, как местный и исходный, повлияло на облик их морфем: произошло чередование анлаутной согласной фонемы |*т*| падежных аффиксов с фонемой |*ч*|: мест. п. *ачасен-че,* исх. п. *ачасен-чен.* Очевидно, это связано с необходимостью употребления указанных падежей после аффикса множественного числа, ибо при употреблении аффиксов указанных падежей после простых основ на *-н* не происходит такого чередования; ср.: *сӳсен* бот. «овсяница» – мест. п. *сӳсен-те,* исх. п. *сӳсен-тен; кĕсен* «короста» – мест. п. *кĕсен-те,* исх. п. *кĕсен-тен;* мест. п. *пирĕн-те* «у нас», *çĕлен-тен* «от змеи». Склоняемые основы, образуемые при помощи морфемы 3 лица, используют два вида алломорфов лица: для падежей раннего происхождения фигурируют морфемы с фонемой (бывшей интерфонемой) |*н*| в ауслауте, т. е. *-ĕн, -ин,* для падежей позд-

него образования – алломорфы без фонемы |*н*| в ауслауте, т.е. *-ӗ, -и*. При этом алломорф с фонемой |*ӗ*| употребляется с именами существительными на согласный, алломорф же с фонемой |*и*| – с именами на гласный. Последние данные имеют важное значение при оформлении падежных форм (род., дат.-вин. п.).

В оформлении родительного падежа по мере развития языка произошли, очевидно, сложные, не совсем последовательные процессы. В первое время, возможно, до появления интерфонем при присоединении аффикса родительного падежа *-ӗн* к склоняемой основе с алломорфом 3 лица *-ӗ (юлташ-ӗ)* произошло частичное наложение морфем: *юлташӗ + -ӗн > юлташӗ*н,* а в основе с алломорфом *-и* произошло усечение анлаутной гласной фонемы *-ӗ*: *ач(а) + -(ӗ)н > ачин.*

В более поздний период, а именно после появления интерфонемы |*н*|, стали вставлять ее между склоняемой основой и падежной морфемой: *юлташ + -ӗн- + -ӗн > юлташӗнӗн, ача + -ин- + -ӗн > ачинӗн.*

Поскольку сочетание аффикса 3 лица с интерфонемой |*ӗ + н*| и аффикс родительного падежа *-ӗн* фонетически сходятся и они, находясь рядом, напоминают грамматический плеоназм, в языке появилась возможность упростить словоформу родительного падежа путем полного наложения морфем или даже слоговой гаплологии. В результате такого переразложения бывшая интерфонема, или часть морфемы 3 лица, стала выполнять роль морфемы родительного падежа: *юлташ-ӗн-ӗн > юлташ-ӗ-н.*

Озадачивает вопрос: как расчленить формы родительного падежа множественного числа типа *ҫынсен* и формы типа *ҫынсенӗн?* Оба типа в современном языке существуют. Но частотность употребления первого типа (так называемые сокращенные формы) выше. Членить ли форму *ҫынсен* на морфемы как при образовании в первый период, т.е. без использования интерфонемы: *ҫын-се-(ӗ)н,* или считать ее позднейшим образованием с помощью интерфонемы |*н*|? Очевидно, первый вариант не подходит, ибо морфемой *-сӗ* в современном языке, т.е. в самостоятельном виде, без наращенной фонемы |*н*|, не пользуются. Правильнее будет, если считать ее сокращением формы *ҫынсенӗн* путем наложения аффиксальных морфем. Наложение в данном случае происходит в силу

тенденции к языковой экономии и по причине того, что обе морфемы имеют в ауслауте одинаковую фонему |*н*|. В форме *ҫынсен* фонема |*н*| выполняет двоякую функцию: во-первых, входит в состав морфемы множественного числа *-сен* и, во-вторых, является показателем родительного падежа.

Что же касается менее употребительной формы типа *ҫынсенĕн,* то к ней тоже можно подходить двояко: 1) как к простому образованию формы родительного падежа множественного числа и 2) как к плеонастическому употреблению морфемы родительного падежа по типу *чун-ăм-ăм* (форма 1 л. ед. ч.). В данном случае первый подход является более оправданным, потому что перед каждой падежной морфемой выступает морфема множественного числа *-сен*. В родительном падеже нет никакой необходимости образовать плеонастическую форму. Форма же *чунăмăм* усиливает значение ласкательности.

Теперь возникает другой вопрос: откуда и каким образом появилась фонема |*м*| в ауслауте морфемы множественного числа в основном падеже?

Как было сказано выше, в отличие от других тюркских языков, в падежной системе чувашского языка один за другим появились новые падежи: творительный, лишительный, причинно-целевой. Очевидно, раньше других появился творительный падеж, имеющий аффикс *-па (-пе) / -пала (-пеле) / -палан(-пелен)*. В аффиксе множественного числа под влиянием губного *п* в аффиксе творительного падежа вместо фонемы |*н*| возникла |*м*| (*ҫысенпе* стали употреблять вместо *ҫынсемпе*), и отсюда она перешла в основной падеж. Затем по примеру основного падежа алломорф *-сем* стали использовать при образовании форм лишительного и причинно-целевого падежей.

Алломорф *-сем* впервые был зафиксирован в эпитафии волжских болгар XIII в. [31, с. 44]. Очевидно, творительный падеж был оформлен в чувашском языке ранее XII в.

Склонение личных форм имен существительных тоже не образует особого типа. Так, форма 1 лица не имеет никаких морфологических особенностей склонения. Она склоняется по типу имен существительных, имеющих на конце фонему |*м*|. Ср. склонение существительного *ҫулăм* «пламя» и формы 1 лица существительного *юлташăм* «мой товарищ».

Осн. п.	*çулăм*	*юлташăм*
Род.п.	*çулăмăн*	*юлташăмăн*
Дат.-вин. п.	*çулăма*	*юлташăма*
Мест. п.	*çулăмра*	*юлташăмра*
Исх. п.	*çулăмран*	*юлташăмран*
Твор. п.	*çулăмпа*	*юлташăмпа*
Лиш. п.	*çулăмсăр*	*юлташăмсăр*
Прич.-цел. п.	*çулăмшăн*	*юлташăмшăн*

Поскольку формы 2 и 3 лица в ауслауте оканчиваются на гласные, то возможны некоторые морфонологические изменения.

Если при склонении простых имен существительных на *-у* или *-ӳ* конечный гласный чередуется с *ă* или *ĕ* и перед аффиксом родительного и дательного падежей вставляется интерфонема |*в*|, то при склонении имен существительных во 2 лице фонема [*у*] или [*ӳ*] не чередуется с |*ă*| или |*ĕ*|, за исключением пространственных имен. Ср. склонение существительного *çу* «масло», формы 2 лица существительного *айăпу* «твоя вина» и пространственного имени *ум* «перед» во 2 лице.

Осн. п.	*çу*	*айăпу*	*уму*
Род. п.	*çăвăн*	*айăпун(-ăн)*	–
Дат.-вин. п.	*çăва*	*айăп(у)на*	*умна*
Мест. п.	*çура*	*айăпунта*	*умăнта*
Исх. п.	*çуран*	*айăпунтан*	*умăнтан*
Твор. п.	*çупа*	*айăпупа*	–
Лиш. п.	*çусăр*	*айăпусăр*	–
Прич.-цел. п.	*çушăн*	*айăпушăн*	–

В падежах раннего происхождения интерфонема |*н*| органически входит в состав морфемы 2 лица. Например:

Аслă халăхунăн
Умĕпе хыçне
Эс хĕн витĕр курнă
Харăс ун чухне (П. Хусанкай)

«Ты видела сквозь мучения будущее и прошлое своего великого народа».

При склонении падежный аффикс родительного падежа в большинстве случаев накладывается на аффикс 2 лица.

В дательно-винительном падеже анлаутная гласная фонема аффикса 2 лица |*у*| чередуется с нулем фонемы, но зна-

чение 2 лица репрезентируется фонемой |*н*|, входящей в состав аффикса лица[8].

В падежах позднего происхождения, в том числе и в основном падеже, интерфонемой не пользуются: твор. п. *юлташ-у-па,* лиш. п. *юлташ-у-сăр,* прич.-цел. п. *юлташ-у-шăн.*

Пространственные имена в форме 2 лица склоняются только по локальным падежам. Форма основного падежа *ум-у* употребляется редко. Особенностью склонения этих имен является то, что в аффиксе 2 лица анлаутная фонема |*у*| чередуется с фонемой |*ă*|. В говорах низового диалекта такое чередование возможно не только в пространственных именах, но и в других. Ср. использование такой формы отдельными писателями:

Инкекре тăван çĕршывă,
Ун чысне эс хӳтĕле (Уйăп М.)

«В беду попала твоя родина, ее честь ты защищай»;

Ан хуйхăрсам, инкеçĕм,
Хăваласам хуйхăна (К. Иванов)

«Не горюй ты, тетя, прогони тоску свою»;

Инке-арăм пуçăпа... (Ухли)

«Будучи вдовушкой...»

Если склоняемая основа образована от существительного на согласную фонему с помощью морфемы 3 лица *-ĕн,* то в форме дательно-винительного падежа редуцированная гласная фонема |*ĕ*| из состава аффикса 3 лица выпадает: *юлташ-ĕн-е > юл-ташне.* Таким образом, здесь бывшая интерфонема |*н*| полноправно выполняет роль показателя 3 лица.

Если же склоняемая основа создается от мягкой основы имени существительного с гласной фонемой на конце, то после присоединения аффикса 3 лица образуется омоформа, сходная с формой 2 лица. Ср. примеры из художественной литературы:

Ĕçне ĕçле, ĕçчен пул (К. Иванов)

«Занимайся своим делом, будь деятельным»;

Ав тата мӗн калаҫать!
Савнӑ хӗрне итле-ха (К. Иванов)

«Вот еще что она говорит! Послушай свою любимую дочь».

В этих примерах трудно сразу определить значения форм *ӗҫне, хӗрне*, в каком значении они выступают – в значении предмета, принадлежащего 3 лицу, или в значении предмета, находящегося в обладании 2 лица, ибо в них из-за мягкой основы стерлись и облик показателя 2 лица, и облик поддерживающего его показателя падежа.

В последние годы в разговорной речи нашлось средство преодолевать омонимию форм. Поскольку морфы 3 лица *-е, -и, -ин* являются мягкими, то и последующий морф падежного показателя должен быть мягким, а во 2 лице допустимо употребление твердых морфов и лица, и падежа, и спасительным способом избежания омонимии является использование твердого морфа дательно-винительного падежа после мягкой основы. В этом случае твердый закон сингармонизма уступает исключительному явлению – нарушению правил ради выражения значения 2 лица, хотя эта цель выполняется не непосредственно, а через твердый морф дательно-винительного падежа. Вместо *ӗҫне* говорят *ӗҫна,* вместо *хӗрне – хӗрна*. Верховые чуваши давно пользуются данным приемом.

Известно, что в существительном, имеющем в ауслауте основы согласную фонему |*т*| или |*д*|, |*т′*|, |*д′*|, под влиянием аффикса 3 лица эта согласная фонема чередуется с фонемой |*ч*|: *турат* «ветка» + *-ӗ* > *турачӗ, кравать* + *-ӗ* > *кравачӗ, доклад* + *-ӗ* > *доклачӗ, тетрадь* + *-ӗ* > *тетрачӗ.* Но если форму существительного в 3 лице употребить еще в местном или исходном падеже, то подобного чередования в основе мы не увидим. Зато аффикс 3 лица приобретает облик морфа *-ӗн,* и под его воздействием анлаутная согласная фонема |*т*| следующей – падежной – морфемы не чередуется с фонемой |*ч*|: *пӳрт* «изба»+ *-ӗн* + *-че* > *пӳртӗнче*[9]. Очевидно, отказ от чередования *т/ч* в корневом морфе связан с тем, что язык избегает стечения двух одинаковых чередований.

Известно также, что мягкие и твердые алломорфы одного аффикса по значению не отличаются друг от друга и выражают один и тот же смысл. Но в единичных случаях мягкий или твердый аффиксальный морф может выступать, кро-

ме собственного значения, с дополнительным грамматическим значением, раскрывающим суть грамматического значения соседнего морфа в составе словоформы [14, с. 144–150].

Так, существительные с мягкой основой и согласным в ауслауте во 2 и 3 лице при образовании форм дательно-винительного падежа образуют омоформы. Например, слово *кил* «семья, жилище», имеющее во 2 лице форму *кил-ӳ,* в 3 лице *кил-ĕ,* при образовании от них формы дательно-винительного падежа отбрасывает от них личные показатели *-ӳ* и *-ĕ*: 1) во 2 лице *кил-ӳ-н-е* > *килне* (ср. сущ. с твердой основой *çурт* «дом, здание» + *-у-* + *-н-* + *-а* > *çуртна*); 2) в 3 лице *кил* + *-ĕ-* + *-н-* + *-е* > *килне* (ср. сущ. с твердой основой *çурт* + *-ĕ-* + *-н-* + *-е* > *çуртне*). Падежные формы мягких основ получились омономичными. Хотя личные показатели в них отброшены, но в обоих падежах интерфонема |*н*| дает знать, что имеем дело с личными формами. Определить же, с каким конкретным лицом связаны падежные формы, вне контекста затруднительно.

Долгое время в чувашском литературном языке мирились с падежными омонимами. Для выражения значения лица приходилось прибегать к синтаксическому приему: существительные определяли личным или возвратно-личным местоимением. Примеры:

Мĕншĕн çапла ху хĕрне
Парса ятăн кашкăра? (К. Иванов);

«И зачем ты дочь свою
Волку жадному отдал?»;

Çак ырă çын Михетер
Хăйĕн хĕрне юратса
Аслă çăварни хыççăнах
Хучĕ ăна çураçса (К. Иванов)

«После Масленой недели,
Нежно дочь свою любя,
Михедер ее просватал,
Сделал сговор у себя» (Перевод П. Хузангая)

Как быть, если при имени нет этих местоимений? *Лăпланĕ çапăçу. Килне эс кайăн* (А. Клементьев). «Прекратится война. Ты вернешься в семью».

При отсутствии местоимения в частной беседе возникает вопрос: в чью семью – свою, его, их? Ср. другие примеры: *Хӗрне (?) ан ман, ват супнӑ!* (К. Иванов) «Не забудь про дочь (?), старый хрыч!»; *Ӗҫне (?) ӗҫле, ӗҫчен пул...* (К. Иванов) «Работу (?) выполняй, будь деятельным...». Нужно было найти такое средство, которое помогло бы быстро определить требуемое значение при коммуникации. И оно было найдено, даже не выходя за рамки прежних аффиксов. И что удивительно, значение 2 лица при мягкой основе обозначается не при помощи аффикса лица с его алломорфами, а с помощью твердого алломорфа падежного аффикса (*хӗрна, кила, ӗҫна*), ибо твердый алломорф аффикса дательно-винительного падежа может находиться только во 2 лице. Хотя в словоформе нарушается закон сингармонизма, твердовариантный падежный алломорф спасает ее от омонимии.

Указанным способом чаще пользуются в разговорной речи верховых чувашей. Продуктивно применяют его в фольклорных произведениях: *Пилӗкна хытӑ ҫых, ӑсна ҫирӗп тыт* (Ват. сӑм.) «Пояс завязывай потуже, умом будь крепок»;

Ҫӗнӗ кӗлет пуҫӗнче те
Шӑнтӑм, савни, кӗрӗкна пар (Фольк.)

«Я замерзла у нового амбара, дай мне, милый, свою (твою) шубу».

В последние десятилетия этим способом широко стали пользоваться писатели и поэты: *Тӑхӑн ҫӗлӗкна та... атя* (П. Осипов) «Надень свою шапку ... и айда!»; *Мемме! Ҫураҫнӑ хӗрна та ҫынна патӑн пулать те...* (А. Артемьев) «Размазня! Сосватанную свою невесту другому отдал...»; *Арӑму ҫине тепре алӑ ҫӗклесен кила пырсах ислететӗп* (Л. Таллеров) «Еще раз поднимешь руку на свою жену – приду в твой дом, исколочу».

Для выражения значения 2 лица падежный алломорф *-на* присоединяют также к существительным с мягким согласным на конце: *куҫҫульна* «свои (твои) слезы», *кукӑльна* «свой (твой) пирог», *тетрадьна* «свою (твою) тетрадь».

§ 8. Значение падежей

Значение падежа проявляется в отношении имени к слову в составе словосочетания или к синтаксической конструкции в целом либо к какому-то члену конструкции. Падежи бывают сильноуправляемые и слабоуправляемые.

Следует отметить, что неприсловные падежи могут выступать в качестве детерминанта, т.е. распространителя всего состава предложения. Детерминирующий член не связан ни с одним из его членов. Его употребление не зависит от категориального свойства управляющего слова. Он соединен связью свободного соединения, внешне сходного с присоединением.

Детерминант не входит в структурную схему предложения как обязательный элемент, а лишь распространяет ее.

Общие морфологические значения, свойственные тому или иному падежу, выявляются как в присловных, так и в неприсловных позициях. У падежей общими являются объектные, субъектные и определительные отношения. Они могут дифференцироваться по разнородным частным значениям.

Одни падежи (осн., род., дат.-вин.), как правило, служат для передачи синтаксических (субъектно-объектных) отношений, хотя могут выражать и обстоятельственные (адвербиальные) значения. Другие падежи (твор., лиш., мест., исх., прич.-цел.) в первую очередь обозначают обстоятельственные значения и лишь в последнюю очередь могут передавать субъектно-объектные (синтаксические) отношения.

О с н о в н о й п а д е ж противопоставлен почти всем другим падежам в плане как выражения, так и содержания. Форма его совпадает с основой имени существительного – выступает с нулевым показателем, формы остальных падежей – с аффиксальными показателями. В плане содержания – если другие падежи отличаются определенностью своих значений, то основному падежу свойствен оттенок неопределенности значения. Ср. употребление основного падежа с другими в сочетании с одними и теми же словами (см. таблицу на стр. 84):

Основной падеж употребляется как в присловной, так и в неприсловной позиции. В присловной позиции он выступает с определительным, а также субъектно-обстоятельственным значением.

В основном падеже	В других падежах
кĕнеке хуппи «обложка книги (вообще)»	*кĕнекен хуппи* (род. п.) «обложка (определенной) книги»
кĕнеке вула «читать книгу (вообще)»	*кĕнекене* (дат.-вин. п.) *вула* «читать (определенную) книгу»
черет тăр «стоять в очереди»	*черетре* (мест. п.) *тăр* «стоять в (определенной) очереди»
Ир такăнсан каçчен «Споткнешься утром – до вечера (на весь день)»	*ирпе* (твор. п.) *такăнсан* «если споткнешься утром»
каç вырт «переночевать»	*каçпа* (твор. п.) *вырт* «лечь с вечера»
тутăр кар «занавесить платком»	*тутăрпа* (твор. п.) *кар* «занавесить (определенным) платком»
çитес çул кай «уезжать в будущем году»	*çитес çулта* (мест. п.) *кай* «уезжать в будущем году»
урам тăрăх ут «шагать вдоль улицы»	*пӳрте урама* (дат.-вин. п.) *тăрăх ларт* «построить дом вдоль улицы»
Эсĕ хăш ял? «Ты из какой деревни?»	*Эсĕ хăш ялтан* (исх. п.)*?* «Ты из какой (определенной) деревни?»
Шкулта тепĕр уйăх вĕрентмеççĕ «В школе еще один месяц не будет занятий»	*Шкулта тепĕр уйăхсăр* (лиш. п.) *вĕрентме тытăнмаççĕ* «В школе начнут обучать не раньше чем через месяц»

Приглагольный основной падеж применяется с объектным значением: он выражает неизвестный, неопределенный (для говорящего) предмет или неиндивидуализированный предмет, поэтому в предложении должен располагаться непосредственно перед глаголом: *каçару ыйт* «просить прощения», *истори вĕрен* «учить историю», *вăрман кас* «валить лес», *утă типĕт* «сушить сено». Нередко существительные основного падежа, сочетаясь с глаголами внутреннего объекта, образуют лексическое целое: *ĕмĕр ĕмĕрле* «век вековать», *çĕр çĕрле* «ночь ночевать», *вăйă выля* «играть в игру», *йĕр йĕрле* «идти следом», «следить», *кĕвĕ кĕвĕле* «сочинять музыку», *кун кунла* «дневать», *кĕтӳ кĕт* «пасти стадо», *ĕçкĕ ĕç* «пировать» и др.

Зачастую приглагольный основной падеж выполняет функции: а) обстоятельства времени, которое указывает на момент совершения действия: *Автансем çур çĕр авăтрĕç* «Петухи закукарекали в полночь»; *Кайăксем кĕр каяççĕ те çур килеççĕ* «Птицы улетают осенью и прилетают весною»; б) об-

стоятельства места (при глаголах движения и статики): *Хĕрсем улах лараççĕ* «Девушки устраивают посиделки»; *Юратать Ваньча çул çӳреме* (Илпек М.) «Любит Ваньча путешествовать» (букв. «ездить по дорогам»); *Сĕм вăрман хĕррипе çул утма ĕнтĕ ырă* (А. Алка) «Приятно идти по краю дремучего леса»; в) обстоятельства меры и степени: *Шкулти пуху шăпах икĕ сехет пынă* (В. Долгов) «Собрание в школе длилось ровно два часа».

Приименный основной падеж имеет определительное значение и обозначает: а) неопределенный предмет (в позиции перед именем существительным в форме 3 лица): *вулав çурчĕ* «изба-читальня» (букв. «дом чтения»), *пăру кĕтĕвĕ* «телячье стадо»; б) место предмета: *ум алăк* «передняя дверь», *анат урам* «нижняя улица», *аял хутра* «на нижнем этаже», *çум пахчи* «соседний огород»; в) объем, количество предмета: *тумлам шыв* «капля воды», *ушкăн çын* «толпа людей», *чашăк пăтă* «миска каши», *çĕклем вутă* «вязанка дров», *мăшăр йĕлтĕр* «пара лыж»; г) пол, возраст живого существа: *ама хур* «гусыня», *арçын ача* «мальчик», *хĕрарăм врач* «женщина-врач», *тына пăру* «телушка», *юпах тиха* «жеребенок-стригун», *çăвăр автан* «петушок-сеголетка»; д) социальное положение человека: *тарçă хĕрарăм* «служанка», *юмăç карчăк* «старуха-ворожея», *хуняма карчăк* «теща, свекровь»; е) собственное имя, названия учреждений, колхозов и т.п.: *Микулай пиччĕ* «дядя Николай», *«Çĕнтерӳ» колхоз* «колхоз ”Победа“»; *Амăшĕпе çак пӳртре Сетнер ача пурăнать* (К. Иванов) «В этом доме вместе с матерью живет парень Сетнер»; ж) материал, из которого сделан предмет: *çăка пĕрене* «липовое бревно», *кирпĕч çурт* «кирпичный дом», *пурçăн тутăр* «шелковый платок», *сăсар çĕлĕк* «кунья шапка», *ĕнчĕ пушмак* «башмаки, вышитые жемчугом», *каска вĕлле* «колода-улей»; з) вид предмета: *çăка йывăç* «липовое дерево», *вĕтлĕх вăрман* «мелколесье», *джинс шăлавар* «джинсовые брюки», *ĕне выльăх* «крупный рогатый скот»; и) часть предмета: *чалăш куç мулкач* «косой (заяц)», *тумхах çул* «неровная дорога» (букв. «дорога с бугорками»), *хурăн вар* «овраг с березами»; *Çинçе пилĕк ват майра уйран уя кускалать. (Çурла.)* «Старая барыня с тонкой талией скачет по полям» (Серп.)»; й) метафорическое определение: *шăнкăрав сасă* «звонкий голос» (букв. «голос как у колокольчика»), *улăп кран* «кран-гигант» (букв. «кран-исполин»), *пăшатан куç* «пристальные глаза» (букв. «шило-глаза»), *капан шăл* «кривой зуб», *мăк сухал*

«густая борода, бородач» (букв. «борода как мох»), *пушар ҫӳҫ* «рыжие волосы» (букв. «волосы как пожар»), *Пуп куҫӗ нӳхреп куҫ* (Ват. сăм.) «У попа глаза что погреб (ненасытные)», *Шапшур кашта пӗлӗтсем таҫта шăваҫҫӗ ерипен* (И. Моисеев) «Белые брусоподобные облака куда-то медленно плывут».

В приименной позиции основной падеж может выступать в роли приложения. Например: *Пире колхоз пахчаҫи Семен Тимонин кӗтсе илчӗ* (А. Медведев) «Нас встретил садовник колхоза Семен Тимонин». Об условиях употребления приложения в якутском языке имеется высказывание Е.И. Убрятовой: «Имя нарицательное, выражающее общественное или служебное положение лица, имея при себе изафетное определение, выступает как определяемое в другом словосочетании, по отношению к которому собственное имя оказывается приложением» [28, с. 189]. Наблюдения видного тюрколога приложимы и к чувашскому языку. По словам чувашеведа М.Ф. Чернова, чувашские приложения «в необособленном виде занимают постпозитивное положение и согласуются с ними в падеже и числе [32, с. 41]. Ср.: *Ҫаврăнса пăхатăп та виҫҫӗмӗш космонавт шăллӗне Петр Николаева палласа илетӗп* (А. Ӗҫхӗл) «Я оглянулся и узнал младшего брата третьего космонавта – Петра Николаева»; *Ăна станцăран колхоз шоферӗ Чумейкин Аркади лартса килчӗ* (А. Артемьев) «Со станции его привез колхозный шофер Аркадий Чумейкин».

Основной падеж неприсловной позиции имеет следующие значения.

1. Значение предикативного признака: а) в позиции сказуемого: *Чапаев – чăваш халăхӗн ентешӗ* «Чапаев – земляк чувашского народа»; *Куҫӗсем – чечек, питсем – ҫырла, пӳ-сийӗ – тăпăл хурăн* (А. Алка) «Глаза – цветы, лицо – ягоды, фигура – стройная береза» (в именном сказуемом проявляется определительное значение); б) в полупредикативных обособленных оборотах типа: *Валя, Таня юлташӗ, урăх условире ӳссе ҫитӗннӗ* (К. Пайраш) «Валя, подруга Тани, выросла в других условиях»; в) в позиции главного члена назывного предложения основного падежа сочетает значение предикативного признака со значением субъекта бытия: *Уля бригадир ҫине тимлӗрех пăхрӗ. Сарлака ҫамка. Ҫăра куҫ харши. Ҫирӗп янах. Хура куҫӗ ҫивӗччӗн пăхать* (Г. Краснов) «Оля посмотрела на бригадира внимательнее. Широкий лоб. Густые брови. Крепкий подбородок. Черные глаза смотрят пристально».

2. Субъектное значение: а) в позиции подлежащего субъектное значение имени существительного в чувашском языке не осложнено никакими дополнительными семантическими оттенками: *Асанне пĕçерчĕ çĕнĕ çăкăр* (Н. Теветкел) «Бабушка испекла новый хлеб».

В периферийной, неприсловной позиции основной падеж изредка может выступать в качестве детерминирующего обстоятельства. Оно определяет предикативную основу предложения и чаще всего обозначает время: *Вăл кун çумăр пулманччĕ* «В тот день не было дождя»; *Çитес çул эпĕ санаторие каясшăн* «В следующем году я хочу поехать в санаторий».

Для родительного падежа основными являются субъектные и определительные значения.

1. В приименной позиции родительный падеж выражает определительное значение, он показывает определенную принадлежность предмета другому: *Катара Кремль башнисем курăнаççĕ, сулахайра – заводсен трубисем* (А. Кăлкан) «Вдалеке виднеются башни Кремля, слева – трубы заводов»;

Сарă хĕрĕн илемне
Хĕвел çути терĕн-ши? (Ф. Павлов)

«Не принял ли ты красоту девицы за солнечный свет?»

2. В неприсловной позиции родительный падеж выступает в роли субъектного детерминанта в следующих случаях[10]:

а) со значением субъекта долженствования или вынужденного действия: *Петĕрĕн ирхи дежурствăна каймалла* «Петру необходимо пойти на утреннее дежурство»; *Тарасăн Надьăпа тĕл пулмалла пулĕ çав* (А. Талвир) «Пожалуй, Тарасу непременно придется встретиться с Надей»; *Микулайăн ирĕксĕрех медсестра хыççăн тухса утмалла пулчĕ* (А. Ĕçхĕл) «Николаю невольно пришлось выйти и отправиться за медсестрой»; *Верукăн пӳрте каялла кĕмелле пулмарĕ* (А. Кăлкан) «Вере не пришлось обратно войти в дом»; *Васюкăн çуракипе çĕртмене пĕчченех тума тиврĕ* (В. Алентей) «Васюку одному пришлось провести весенний сев и поднимать пар»; *Шăпах кану çуртне килес умĕн Петр Ермолаевичăн йывăр операци тума лекнĕ* (И. Григорьев) «Как раз перед выездом в дом отдыха Петру Ермолаевичу пришлось провести сложную операцию»; *Аттен*

ирĕксĕрех малтан Ванюка йăпатса илес пулчĕ (А. Талвир) «Отцу сначала невольно пришлось успокаивать Ваню»; *Чигитовăн уйăхĕ-уйăхĕпе директор ĕçне те хăйĕн туса пырас пулнă* (А. Талвир) «Чигитову месяцами приходилось самому исполнять и обязанности директора»; *Чăн-чăн революционерăн нимĕнле асапран та, вилессинчен те хăрама юрамасть* (Ç. Элкер) «Настоящему революционеру не следует бояться ни пыток, ни смерти»; *Аякка вĕçме куракăн / Кирлĕ вăй пухма* (Я. Ухсай) «Грачу необходимо собрать силы для полета вдаль»;

б) со значением субъекта волевого состояния: *Евгенин юрлас килсе кайрĕ* (Л. Агаков) «Евгению захотелось петь»; *Леонидăн ялти хыпарсене пĕлес килет* (А. Талвир) «Леониду хочется знать сельские новости»; *Хăнасен унпа калаçас килмерĕ пулмалла* (М. Кипек) «Гостям, наверное, не хотелось разговаривать с ним»;

в) со значением субъекта постоянного признака: *Васильевсен тăватă пӳлĕм* «У Васильевых четыре комнаты»; *Хĕрачан пысăк температура* «У девочки высокая температура»;

г) со значением субъекта состояния, действия или ситуации в целом: *Аслă ывăлĕн пысăк савăнăç* «У старшего сына большая радость»; *Аттен вăхăт çук* «У отца нет времени»; *Кӳршĕсен халĕ те хирĕçеççĕ* «У соседей до сих пор скандалят».

3. В неприсловной позиции, выполняя функцию сказуемого, родительный падеж констатирует принадлежность: *Купăсĕ Викторăн, вăл ăна çартан илсе таврăннă* (А. Артемьев) «Гармошка принадлежит Виктору, он привез ее из армии»; *Машинăсем те хамăр медсанбатăнах* (И. Вашки) «И машины нашего же медсанбата»; *Çĕр вара [хресченсем] ăçтан илеç? Вăл патшанăн-çке-ха* (Тихăн П.) «А землю [крестьяне] откуда возьмут? Ведь она царская».

Дательно-винительный падеж. Ввиду омономичности показателей дательного и винительного падежей и отсутствия четкого разграничения ряда их значений эти падежи в чувашском языкознании рассматриваются как слившиеся в один.

Дательно-винительный падеж может употребляться в присловной и неприсловной позициях и в основном выступает в объектных и субъектно-обстоятельственных значениях.

1. При переходных глаголах он выражает значение конкретного прямого объекта действия: *Çырăва çырса пĕтертĕм*

«Я закончил писать письмо»; *шофера ятлатăп* «ругаю шофера»; *сар каччăна юратать* «любит красавца парня».

2. Употребляясь в препозитивной же позиции, дательно-винительный падеж может выражать значение косвенного объекта – адресата-получателя: *Аннӳне туянăн пурçăн тутăр* (Я. Ухсай) «Для матери своей купишь шелковый платок»; *Манăн Павăл юлташа отпуск пачĕç* (В. Сатай) «Моему товарищу Павлу дали отпуск»;

Тупрĕ пуян упăшка
Атте-анне хăй хĕрне (К. Иванов)

«Вот нашли для дочки
Мужа-богатея мать с отцом» (Перевод П. Хузангая)

3. Употребляясь в присубстантивной позиции, лицо в дательно-винительном падеже выступает как отправной предмет сопоставления с точки зрения родства или другой социальной связи между предикативным лицом и предицируемым:

Ĕнтĕ эсĕ малашне
Упăшка мар арăмна (К. Иванов)

«Значит, впредь ты не муж своей жене»;

Амăш мар вăл ачуна (П. Хусанкай)

«Она не мать твоему ребенку»;

Ачасен кунта вăл
Чи паха юлташ (И. Ивник)

«Здесь он лучший товарищ ребятам»;

Маюк хăй шухăшне хăй хуçа (Илпек М.) «Маюк сама хозяйка своим мыслям».

4. При адъективном сказуемом дательно-винительный падеж существительного выступает как объект эмоционально-оценочного отношения: *Сан çĕлĕкӳ Петĕре чухах* «Твоя шапка Петру впору»; *Çара çуна лашана çăмăл* «Дровни легки для лошади»; *Ухмаха тĕнче тикĕс* (Ват. сăм.) «Для дурака мир прост».

5. При именах прилагательных дательно-винительный падеж обозначает субъект состояния: *Студентсене кунта*

кичем «Студентам здесь скучно»; *Кахала хĕр тупма пит йывăр* (А. Алка) «Лентяю трудно найти себе невесту»; *Пуçа сивĕ* «Голове холодно»; *Ывăлĕшĕн ашшĕне намăс пулчĕ* «Из-за сына отцу стало стыдно».

6. При глаголах движения дательно-винительный падеж выступает в качестве вторичного именного предиката и характеризует тот же объект: *Дежурнăя Новиков тăрать* (Илпек М.) «В дежурные заступает Новиков»; *Унтан вара [Фекла] маляра куçнă* (Л. Агаков) «Затем [Фекла] перешла в маляры»; *Володя Орлов пионерсен лагерьне библиотекаре кайнă иккен* (В. Сатай) «Володя Орлов, оказывается, подался в библиотекари в пионерский лагерь»; *Хăш чухне Касак Ваççи платнике каятчĕ* (М. Трубина) «Иногда Василий Казак уходил плотничать».

7. При глаголах движения одушевленного субъекта дательно-винительный падеж выражает направление в пределы названного предмета или конечную цель в пространстве: *Пĕри Алтая каять иккен, тепри Шăмăрша, колхоза* (Л. Агаков) «Один едет, оказывается, на Алтай, а другой – в Шемуршу, в колхоз»; *Утма çул уçланкăна илсе тухрĕ* (А. Емельянов) «Тропинка вывела на поляну».

8. В сочетании с глаголами движения дательно-винительный падеж существительного может выражать также предметную цель: *кăмпана кай* «отправиться за грибами (по грибы)», *пулла çӳре* «ходить на рыбалку» (букв. «за рыбой»), *шыва кайса кил* «сходить за водой», *айта упана* «пойдем на медведя». Если же в качестве объекта выступает вид товара, то прибегают к описательным оборотам: *сахăр илме кай* «идти покупать сахар» (не говорят: *сахăра кай*).

9. При глаголах передвижения, перемещения предмета дательно-винительный падеж отвлеченного имени выражает цель, предназначенность действия: *устава ил* «брать на воспитание», *разведкăна яр* «послать на разведку», *репетицие пыр* «прийти на репетицию», *ĕçе кай* «отправиться на работу», *вăйăа хутшăн* «включиться в игру».

10. Употребляясь в обстоятельственном значении в препозитивной позиции, дательно-винительный падеж некоторых существительных указывает на причину действия: *ăшша пиç* «запариться от жары», *сивве шăн* «замерзнуть (озябнуть) от холода», *сивве вил* «умереть от холода», *ăшша тарла* «вспотеть от жары».

В экспрессивно-модальных конструкциях дательно-винительный падеж выражает потенциальный субъект, которому предикативный признак приписывается в модальности пожелания: *Шăллăма салам!* «Привет моему младшему брату!»; *Тавтапуç Тарай Викторне!* (М. Кипек) «Спасибо Виктору Тараеву!»; *Тавсси мĕнпур кĕрекĕре!* (А. Афанасьев) «Благодарность всему вашему застолью!»; *Мухтав çĕнтерӳçĕсене!* «Слава победителям!»

а) дательно-винительный падеж употребляется для указания на объект-явление, предзнаменованием которого служит предшествующее действие или явление: *Ырлăха е инкеке килчĕ Павăл ăнсăртран* (Я. Ухсай) «К добру или к несчастью вернулся неожиданно Павел»; *Те ăшша вăл [автан] авăтать* (П. Хусанкай) «То ли к теплой погоде (петух) кукарекает»; *Йытă çумăра йăваланать* «Собака валяется к дождю»; *Ырлăха ĕçлетĕр атом* (С. Шавли) «Пусть атом работает на пользу»;

б) дательно-винительный падеж употребляется как объектно-обстоятельственный детерминант при обозначении состояния, явления, лица и т.п., против которого или для предотвращения которого используется что-либо: *Кăмпа – тунсăха аван апат* «Грибы – хорошая пища от скуки»; *Тунсăха мана пулă шӳрпи çав тери килĕшрĕ* (Хв. Уяр) «От скуки мне очень понравился рыбный бульон»; *Мухмăра шӳрпе пĕçермĕттĕм* (П. Хусанкай) «От похмелья я не стал бы варить бульон»; *Тунсăха вырма тухса курас терĕм-ха* (А. Талвир) «От скуки я решил выйти на жатву»;

в) в неприсловной позиции изредка дательно-винительный падеж выполняет функцию сказуемого со значением логически выводимого следствия: *Уйăх тĕтреленсе карталанать пулсан ку вăл çил-тăмана е сивве* (В. Погильдяков) «Если вокруг луны, туманясь, создаётся круг, это или к метели, или к холоду».

М е с т н ы й п а д е ж противостоит дательно-винительному и исходному падежам. Если последние связаны большей частью с глаголами движения, то местный падеж употребляется с глаголами пребывания, действия, происходящего на одном месте.

Данный падеж предглагольной позиции обозначает:

1) место совершения действия или местонахождение предмета, лица: *Çунасем çинче ларса пыракансем сăртра анчĕç*

(Г. Луч) «Едущие на санях на пригорке слезли»; *Мирун мучи лашине Ямалкассинелле юрттарчĕ. Марине вокзалтах юлчĕ* (П. Емельянов) «Дед Мирон пустил свою лошадь рысью в сторону Ямалькасов. Марина осталась на вокзале же»;

2) должность, занимаемую лицом: *Павăл мучи халĕ правленире хуралçăра ĕçлет* (В. Ухли) «Дед Павел теперь работает сторожем в правлении»; *Петр кукка çур ĕмĕрне колхоз платникĕнче ирттерчĕ* (С. Шавли) «Дядя Петр полжизни провел плотником колхоза»; *Малтан тертлентĕм грузчикра* (С. Шавли) «Вначале мучился в грузчиках»; *Учительте тăрать пĕр ывăл...* (Г. Орлов) «Один сын состоит учителем»; *Колхозсене пĕрлештериччен вăл хамăр ялта çулталăк çурă председательте те çӳрерĕ* (А. Ĕçхĕл) «До объединения колхозов полтора года он у нас в деревне в председателях ходил»;

3) вид занятия:

Вăл утăра çава туптатчĕ,
Çурла шăллатчĕ вырмара (Ю. Петров)

«На сенокосе он отбивал косу, на жатве насекал зубцы серпа».

Утă çулнă чух çамрăк, вăй питти пуçăн çырлара çӳреме намăс пек туйăнчĕ ăна (А. Артемьев) «Ему [Илюше], молодому и крепкому, казалось стыдно ходить по ягоды во время сенокоса»;

4) единицу (меру) удаленности предмета: *Эпĕ Терентьевран сакăр-тăхăр утăмра пыратăп* (В. Алентей) «Я иду в шагах восьми-десяти от Терентьева»; *Ферма çурчĕсем ялтан виçĕ çухрăмра лараççĕ* (А. Ĕçхĕл) «Здания фермы находятся в трех верстах от деревни»;

5) время совершения действия: *Улăха хĕрсем икĕ кунта çулса пĕтерчĕç* (А. Лазарева) «Луговину девушки скосили за два дня»; *Анчах самоходкăна талăкра пушатаймарĕç* (И. Григорьев) «Но не смогли разгрузить самоходку за сутки»; *Вăл [Петĕр] самантрах лашине кӳлчĕ те пире Ямаш вăрманне лартса кайрĕ* (К. Чулкаç) «Он [Петр] моментально запряг лошадь и повез нас в Ямашевский лес».

Изредка в приименной позиции местный падеж может выполнять атрибутивную функцию и выражать характерный признак названного предмета по его местонахождению: *шалта куç* (Н. Ашмарин) «глубокие глаза», *тулта куçлă çын* «че-

ловек с выпуклыми глазами», *малта кăкăрлă хĕрарăм* «женщина с выпяченной грудью»; *Тĕпре утне хулăпа чашт тивертсе илет лавçă* (Хв. Уяр) «Подвозник враз стегнет прутом по коренной лошади».

В неприсловной позиции, употребляясь в функции сказуемого, дательно-винительный падеж выражает состояние или положение, в котором находится предмет: *Пурин те пĕр сăмахра пулмалла* (И. Мучи) «Всем надо придерживаться единого слова»; *Çамрăк çыннăн ячĕ хисепре* (Илпек М.) «Имя молодого человека в чести»; *Хӳхĕм çĕмĕрт шурă çеçкере* (В. Алентей) «Прекрасная черемуха в белом цвету».

Для исходного падежа центральными являются значения объектные и определительные. В зависимости от лексического значения управляющего глагола форма исходного падежа обозначает:

1) объект начальной стадии движения: *ялтан кай* «уезжать из деревни», *килтен тух* «выходить из дома», *сукмакран пăрăн* «свернуть с тропинки»; *Эпир художникран уйрăлса поселокалла*[12] *çул тытрăмăр* (К. Турхан) «Мы, расставшись с художником, направились к поселку»; *Çамкинчен тар юхать* «Со лба его течет пот»;

2) пространство, в границах которого совершается действие: *чӳречерен пăх* «смотреть в окно», *хапхаран кĕр* «войти через ворота»; *Çĕлен çĕртен шăвать* «Змея по земле ползет»; *Шеркkей пĕрмай крыльцаран çӳрет* (Илпек М.) «Шеркей всегда ходит через крыльцо»;

3) источник, откуда что-либо: *Арçынсенчен чĕнекенсем питех пулмарĕç* (С. Аслан) «Из мужчин почти не было вступающих в разговор»; *Чечексенчен сарана нумай* «Из цветов больше всего сараны»; *Хайхи тăхăр ывăлран пĕр ывăль те утайман* (В. Бараев) «Из тех девяти сыновей ни один не мог ходить»;

4) источник происхождения: *Микулан ют хĕрарăмран хĕрача та пур иккен* (Н. Мранькка) «Оказывается, у Николая имеется от другой женщины дочь»; *Энĕшкасси çыннисем çак икĕ килтен ĕрчесе кайнă* (Н. Мранькка) «Анишкасы образовались от двух семей»;

5) объект, показывающий начальное состояние чего-либо: *Чипер пурăнсан тихаран лаша пулĕ* (И. Тăхти) «Если будет

жизнь благополучной, жеребенок станет лошадью; *Хĕлхемрен çулăм ялкăшса кайĕ* «Из искры возгорится пламя»;

6) причину возникновения эмоций: *Хĕлип шывран вутран та ытла хăрать* (Н. Мранькка) «Филипп боится воды пуще огня»; *Çемьере чылай тĕлĕнчĕç ун чухне Сергейрен* (Патман) «В семье тогда долго удивлялись Сергею»; *Кулса вар хытатчĕ пуль çак этемрен* «Смеялись до коликов над этим человеком»;

7) объект, от которого что-либо отделяется, освобождается, уклоняется и т.п. *Çул юртан тасалса çитнĕ* «Дорога полностью освободилась от снега»; *Пӳрт нихăçан та çынран татăлмасть* (Г. Алентей) «В доме [Максима Чернова] всегда есть люди»; *Вĕсем ĕçрен çĕрле пулсан çеç пушанчĕç* (К. Турхан) «Они освободились от работы только с наступлением ночи»;

8) материал, из которого что-либо сделано:

Тăпри тавра шĕшкĕрен
Çатан лартрĕç çавăрса (К. Иванов)

«А могилу окружили
Из орешника плетнем» (Перевод П. Хузангая);

Сăввăмран палăк лартăп ятран (А. Воробьев) «Из стихов воздвигну себе памятник»; *Вĕсен куçне чĕнрен явнă, тăхлан вĕçлĕ саламат курăнчĕ* (В. Долгов) «В глаза им бросился ременный кнут со свинцовым концом»;

9) объект, от которого оберегают, охраняют, защищают что-либо: *Тăван çĕршывăмăра хаяр та усал тăшманран сыхламалла* (М. Данилов-Чалтун) «Надо защищать родину от злого и страшного врага»; *Хăяра чăхсенчен астукала* (М. Трубина) «Покарауль огурцы от кур»; *Ун пек шанчăклă тантăш манăн урăх çук та, мĕнле инкекрен те хăтарать* (А. Талвир) «У меня нет друга надежнее его, спасает от любой беды»; *– Атте, кам вăл? / – Каларăм-çке: Ленин / Çавă çăлчĕ пире вăрçăран* (А. Алка) « – Отец, кто же он? – Сказал же: Ленин! Он избавил нас от войны»;

10) объект (отличительная черта), посредством чего определяют или узнают кого- или что-либо: *Те пит-куçран, те эпĕ ăна пăхнăран çак хĕрача эпĕ чăваш иккенне пĕлчĕ, сисрĕ* (М. Трубина) «То ли по чертам лица, то ли оттого, что я смотрела на нее, она определила, почуяла, что я чувашка»; *Арăмĕ*

çур сăмахранах ăнланса илейменни Михха çиллине авăклатрĕ (Н. Мранькка) «То, что жена не поняла его с полуслова, вызвало у Миххи сильный гнев»;

11) один из членов сравнения: *Ухмах юлташран ăслă тăшман лайăхрах* (А. Емельянов) «Умный враг лучше глупого товарища»; *Çĕмĕрте хурлăхантан юратарах параççĕ* (Г. Тимофеев) «Предпочитают черемуху смородине»; *Эсĕ аçунтан та çӳллĕрех мар-и?* (В. Алентей) «Уж не выше ли ты своего отца?»;

Юртан та шурă çеçке çурнă
Палан та, çĕмĕрт те, чие (Я. Ухсай)

«Калина, черемуха и вишня расцвели белее, чем снег»;

12) исходный пункт во времени или промежуток с момента предыдущего действия: *Мĕн ачаран мана ырă вырăс çыннисем пулăшса, хавхалантарса тăчĕç* (А. Артемьев) «С самого детства помогали мне и вдохновляли русские люди»; *Хрисан мучи хăйĕн ватă чĕрипе çак ачан темĕнле пысăк хуйăх пуррине иртеннех туйса илнĕ* (А. Ĕçхĕл) «Дед Хрисан своим старым сердцем с утра почуял, что у этого мальчика какое-то большое горе»; *Эрнеренех туй турăмăр* (П. Щипцов) «Через неделю уже сыграли свадьбу»; *Тепĕр икĕ кунтан Салампи пĕчĕк Валерика хваттере илсе килчĕ* (А. Артемьев) «Через два дня Саламби привела в квартиру маленького Валерика»; *Çулталăкран ывăл ача çуралчĕ* (А. Талвир) «Через год родился сын»;

13) причину действия или состояния:

Усал хуйхă-суйхăран
Нарспи пуçĕ усăнать (К. Иванов)

«У Нарспи от злой кручины
Поникает голова (Перевод П. Хузангая);

Юратуран никам та вилмен, Филин (Н. Терентьев) «От любви, Филин, никто не умирал»; *Çăкăртан вĕт тискер кайăкланчĕ, урасса сунман* (М. Исаев) «От хлеба (сытости) ведь озверел, не ожидали, что взбесится»;

Хурлăхран тухмасть куççулĕ –
Пысăк-пысăк савнăçран (А. Алка)

«Не от горя льются слезы, а от огромной радости»;

14) способ, образ действия (функция обстоятельства образа действия): *Чаплă юрра чĕререн хавхаланса юрласа хăварчĕ те каллех вăрçа тухса кайрĕ* (Уйăп М.) «С вдохновенным сердцем исполнил замечательную песню и снова отправился на войну»; *Ертсе пыр пире, Павел Васильевич, эпир сана пур вăйран пулăшăпăр* (А. Ĕçхĕл) «Руководи нами, Павел Васильевич, мы тебе поможем всеми силами»; *Эпĕ вăл [ывăл] ӳссе çитĕнессе пĕтĕм чунтан сехĕрленсе кĕтсе пурăнтăм* (К. Турхан) «Я с ужасом (букв. «боясь всей душой») ожидал, как он [сын] достигнет зрелого возраста».

Исходный падеж может употребляться в прииименной позиции и обозначать происхождение лица от кого-либо: *ютран тăван* «чужой человек» (букв. «рожденный чужим»); *Ку Надя, ман йăмăк, урăх аттерен тăван* (Н. Петровская) «Это Надя, моя сводная сестра, от другого отца»; *Ютран тăван ывăлне епле кĕтсе илĕ-ши Катя?* (В. Петров) «Как же встретит Катя сына от другой матери?»; *Пур пĕрех эсир Владикшăн ютран тăван хĕрарăм кăна вĕт-ха* (В. Петров) «Ведь Вы все равно для Владика неродная жена» (букв. «чужая родная женщина»); *Аттерен тăван пуçăмпа атте кăмăлне лараймарăм вĕт* (Х. Агивер) «Будучи родной дочерью, не пришлась отцу по нраву»; *Ача-пăчасем унран: «Упаран тăван, упаран тăван! – тесе кулаççĕ тет* (Фольк.) «Говорят, ребята насмехаются над ним: «Рожденный от медведя, рожденный от медведя!» (букв. «родной медведю»).

В прииименной же позиции исходный падеж показывает объект, за которым в определенном расстоянии находится что-либо: *Вулăс кантурĕ хамăр ялтан сакăр çухрăмри Кӳкеçре пулнă* (Уйăп М.) «Волостная контора находилась в Кугесях, что в восьми верстах от нашей деревни»; *Куртей мучи сукмакран пĕр вунă хăлаçра чарăнчĕ* (Хв. Уяр) «Дед Гордей остановился в десяти саженях от тропинки».

Формы 3 лица существительных *чылайăш* «наибольшая часть», *ытларахăш* «большинство», *нумайăш* «множество», *пайтахăш* «очень многие», а также формы 3 лица количественных числительных могут управлять исходным падежом существительного. В таких случаях падежная форма обозначает объект со значением совокупности однородных предметов, от (из) которых берется часть: *çамрăксенчен пайтахăшĕ* «очень многие из молодых», *правлени членĕсенчен ытларахă-*

шӗ «большинство членов правления», *комбайнерсенчен чылайӑшӗ* «большая часть комбайнеров», *юлташсенчен иккӗшӗ* «двое из товарищей».

При повторном употреблении существительного аффикс исходного падежа при первом компоненте показывает объект сравнения: *тӑванран тӑван* «роднее родного», *тӑшманран тӑшман* «враждебнее врага»; *Тӑванран тӑваннӑ̆ çав арçынсем!* (А. Афанасьев) «Эти мужчины были роднее родных»; *Хирӗçӳ̆ уйӑхран уйӑхах çивӗ̆ленсе пырать* (Ç. Элкер) «Вражда усиливается из месяца в месяц».

Определительное значение может служить основой для формирования предикативного признака. Исходный падеж показывает:

а) материал, из которого сделан предмет: *Вырӑсла хапха. Юписем кӗреш юманран* (А. Ӗçхӗл) «Ворота на русский лад. Столбы из дубового кряжа»; *Пусмисем ун [шкулӑн] шур чултан* (А. Афанасьев) «У нее [школы] лестницы из белого камня»; *Купӑсӑм тӑватӑ хӗлӗхрен* (П. Хусанкай) «Моя скрипка из четырех струн»;

б) место, откуда происходит то или иное лицо: *Яккупа Макçӑм – кӳршӗ ялтан* (Ç. Элкер) «Яков и Максим из соседней деревни»; *Вуннӑшӗ те тӗрлӗ фронтран* (А. Артемьев) «Все десятеро из разных фронтов»; *Костя пирӗнпе юнашар тӑракан урӑх дивизиренччӗ* (А. Артемьев) «Костя был из другой дивизии, находящейся рядом с нашей».

Исходный падеж выступает также в качестве обстоятельственных распространителей предложения с выделительно-ограничительным значением: *Соколов тӗсрен çап-çамрӑк* (В. Бурнаевский) «С виду Соколов очень молод»; *Аркандеева чӗлхерен питӗ маттур* (К. Турхан) «Аркандеева на язык бойкая»; *Питӗнчен ӑна хитре йӗкӗт теме те пулать* (А. Ӗçхӗл) «По облику его можно считать красивым парнем»; *Çултан вӑл пӗр вӑтӑр пилӗк-хӗрӗхсенче пулма кирлӗ* (Хв. Уяр) «Он был в возрасте тридцати пяти-сорока лет»; *Курил утравӗсем ӳсентӑранран, тӗрлӗрен чӗрчунтан пуян* (Уйӑп М.) «Курильские острова богаты флорой и фауной».

Для творительного падежа центральными значениями являются значения обстоятельственно-определительные и объектные.

Творительный падеж определяет:

1) по месту: *кĕперпе каҫса кай* «переправиться через мост», *вăрманпа пыр* «идти лесом», *урампа вĕҫтер* «помчаться по улице», *ҫула юхан шывпа ăсан* «отправиться в путь по реке», *Атăлпа хăпар* «подниматься по Волге»;

2) по времени: *каҫпа таврăн* «вернуться вечером», *кăвак ҫутăпа тăр* «проснуться с рассветом»;

3) по причине и на основании: *савăнăҫпа йĕр* «плакать от радости», *сасăпа вăран* «проснуться от шума»; *Вăйлă ҫилпе вăрман кашлать* «Лес шумит от сильного ветра»; *Атăпа эпĕ хытă чупаймастăп* (А. Талвир) «Я не могу быстро бегать в сапогах»; *Пĕлтĕр лаша вăррипе лекнĕччĕ вăл* (П. Осипов) «В прошлом году он был пойман при краже лошади»; *Нумай ҫын макăрать ку вăрҫăпа* (Ҫ. Элкер) «Много людей плачут из-за этой войны»;

4) по способу и образу действия: *хулăн сасăпа калаҫ* «говорить басом», *сасăпах кулса яр* «засмеяться громко», *ушкăнпа ҫӳре* «ходить толпой», *пенсипе пурăн* «жить пенсией», *кунпа мар, сехетпе ӳс* «расти не по дням, а по часам», *вырăнпа вырт* «лежать больным», *вăрăпа пурăн* «жить воровством»;

5) по средству передвижения: *лашапа ҫӳре* «ездить на лошади», *пуйăспа кай* «ехать поездом», *пăрахутпа таврăн* «вернуться на пароходе»;

6) по уступке (выражение допущенного совершения действия, несмотря на наличие препятствующих ему условий): *хĕр пуҫпах ача усрава ил* «брать ребенка на воспитание, будучи девушкой»; *Пуҫлăх пуҫĕпе ҫĕтĕк пурттенккепе ҫӳрет* (В. Бурнаевский) «Он, хотя и начальник, ходит в рваных портянках»; *Хам та ватă пуҫăмпах ташласа парăп* (А. Ĕҫхĕл) «И сам, хоть стар, спляшу»;

7) по уточняющему признаку: *Вăл ҫулĕпе ытлашши ватах мар-ха* «По годам он не так стар», *чунпа сăпай* «душой скромен»; *Ҫын ĕҫпе илемлĕ* «Человек красив трудом»; *Валентин теорипе вăйлăрах* (И. Григорьев) «Валентин сильнее в теории»; *Эс чунупа поэт* (А. Медведев) «Душой ты поэт»; *Хăмлапа вĕсем районта пĕрремĕш пыраҫҫĕ* (А. Артемьев) «По хмелю они первые в районе»;

8) по цели: *Атя, атя, эпир сăтăрпа мар, ĕҫпе каятпăр* (Желтухин) «Айда, айда, мы идем не вредить, а на работу», *докладпа кĕр* «войти с докладом (т.е. докладывать)».

Творительный падеж обозначает соучастника в роли субъекта или объекта в действии, состоянии. Это значение передается также при помощи соединительного союза *тата* «и»: *Çулла Витя Петровпа Атнер Иванов пионер лагерĕнче пулчĕç* «Летом Витя Петров с Атнером Ивановым были в пионерском лагере»; *Вăрçă капиталистсемпе помещиксемшĕн, кулаксемшĕн усăллă* (В. Краснов-Асли) «Война выгодна для капиталистов и помещиков, кулаков»; *Хĕрсемпе çамрăксен юрри пĕтĕм кăмăла çĕклет* (В. Ухли) «Песня девушек и юношей поднимает настроение».

Объектное значение творительного падежа представлено в таких словосочетаниях, как *Сергейпа курнăç* «встретиться с Сергеем», *тăри юррипе килен* «наслаждаться пением жаворонка», *аçупа калаç* «поговорить со своим отцом» и др. Очень часто объектное и определительное (обстоятельственное) значения взаимодействуют: *кăранташпа çыр* «писать карандашом», *Шупашкарпа, Мускавпа хăрат* (Митта В.) «пугать Чебоксарами, Москвой».

Приименный творительный падеж означает, что названный признак ограничен в своем проявлении: *сăнпа хитре* «красив лицом», *чунпа поэт* «душой поэт», *çулĕсемпе ватах мар* «годами еще не стар», *теорипе вăйлă* «силен в теории», *пĕвĕпе лутра* «ростом невысок», *тумĕпе ялти çын* «по одежде деревенский житель».

В неприсловной позиции, выполняя функцию сказуемого, творительный падеж выражает внешний вид кого-нибудь, одежду: *Çемен хура костюмпа, галстукпа, шурă кĕпепе* (А. Артемьев) «Семен в черном костюме, галстуке, белой рубашке; *Муза ӳт тĕслĕ капрон чăлхапа, йăлтăртатса тăран çӳллĕ кĕлеллĕ пушмакпа* (А. Артемьев) «Муза в капроновых чулках телесного цвета, в блестящих туфлях на высоких каблуках».

Основным значением лишительного падежа является значение определительное (обстоятельственное). Данный падеж больше всего выступает в неприсловной позиции.

Приглагольный лишительный падеж выражает отсутствие необходимого объекта при совершении действия. Такое отсутствие объекта нередко осложняется определительным (обстоятельственным) значением – значением условия: *Манăн атте Граждан вăрçинче пуçне хунă, эпĕ аттесĕр ӳснĕ* (С. Ас-

лан) «Мой отец погиб в Гражданской войне, я вырос без отца»; – *Эсĕ мана туйсăрах арăм турăн, – терĕ хурланса Тоня* (А. Артемьев) « – Ты меня без свадьбы сделал женой, – сказала с грустью Тоня»; *Эпĕ пĕчĕк капан çине чикмексĕрех хăпарса кайрăм* (А. Талвир); «Я залез на небольшую скирду без лестницы»; *Лашасăр мĕн тума пĕлес-ха ман?* (Н. Мранькка) «Что я могу сделать без лошади?»; *Коля çутăсăрах салтăнса выртрĕ...* (А. Артемьев) «Коля разделся и лег без света».

В приименной позиции лишительный падеж выражает значение недостатка до полной меры: *Икĕ çулсăр çĕр çул пурăннă вăл, ман асатте* (И. Моис.) «Он, мой дед, прожил без двух лет сто»; *«"Виç минутсăр çур сехет" передачăна итле»* «слушать передачу "Без трех минут полчаса"»; *Эпĕ те сехет кăларса пăхрăм: шăп пилĕк минутсăр вун виçĕ сехет* (Л. Агаков) «Я тоже посмотрел на карманные часы: ровно без пяти минут тринадцать».

Лишительный падеж может выступать в качестве обстоятельственного распространителя со значением условия и уступки: *Чечексĕр илем çук, илемсĕр – пурнăç та пурнăç мар* (Л. Агаков) «Без цветка нет красоты, без красоты – и жизнь не жизнь»; *Хĕр пурăнакан чăваш пӳрчĕ тĕрĕллĕ-чĕнтĕрлĕ ал шăллисĕр, чӳрече каррисĕр, хĕвелсĕр кун пекех, кичем те тĕксĕм* (А. Артемьев) «Чувашская изба, где живет девушка, без полотенца с кружевами и вышивкой, без занавесок на окнах тосклива и мрачна так же, как день без солнца»; *Кулăсăр тĕнчемĕр пулĕччĕ кичем!* (А. Алка) «Без улыбок мир наш был бы скучен»; *Мухтавсăрах чĕрем ман аслă!* (И. Тукташ) «И без славы сердце мое просторно!»

Употребляясь в отрицательных предложениях, лишительный падеж фигурирует в качестве детерминанта и выражает, что действие не совершится в отсутствие необходимого объекта (предмета и лица), и если совершится, то только с нежелательным результатом: *Ĕç хаваслă юрăсăр пулмасть* (М. Кипек) «Дело не спорится без бодрых песен»; *Çĕрсĕр вĕт çынна çын вырăнне те картмаççĕ* (Ç. Элкер) «Без земли ведь человека за человека не считают»; *Комиссисĕр эпĕ сиртен пĕр япала та йышăнмастăп* (М. Кипек) «Без комиссии я не приму от вас ни одной вещи»; *Дисциплинăсăр ĕç ăнмасть* (Н. Мартынов) «Без дисциплины дело не наладится»; *Крансăр, крановщикссăр тĕнчере пĕр кĕпер те тăваймаççĕ* (В. Элпи) «Без крана, без крановщика не построят в мире ни один мост».

Лишительный падеж, образованный от названий промежутков времени, употребляется как обстоятельственный распространитель со значением временным и количественно-временным: *Шкулта тепĕр уйăхсăр та вĕрентме тытăнмаççĕ* (Хумма Ç.) «В школе начнут учить не раньше, чем через месяц»; *Кирек мĕнле пулсан та, тепĕр ик эрнесĕр каясси пулмасть пуль* (П. Осипов) «Как бы там ни было, не удастся выехать раньше чем через две недели»; *Мастерскойне вĕсем ашшĕсемпе пĕрле ирех пыраççĕ те унтан каççăр тухма пĕлмеççĕ* (А. Ĕçхĕл) «В мастерскую они приходят рано вместе с родителями и не выходят оттуда до вечера».

Обстоятельственный распространитель со значением включения и исключения выражается не только формой лишительного падежа, но и сочетанием формы лишительного падежа с послелогом *пуçне* «кроме». Но разница между ними в смысле выражения значения не наблюдается:

а) *Çак клеверсăр пуçне тепĕр ултă гектар хура тул пур* (Ком. ял.) «Кроме этого клевера, имеется еще шесть гектаров гречихи»; *Анфис пек чипер хĕршĕн ялта Карачăмсăрах ятлă çын ывăлĕсем нумай пулнă* (А. Медведев) «И кроме Герасима, было много сыновей именитых людей, кому нравилась такая красивая девушка, как Анфиса»; *Краеведени кружокĕсĕр пуçне эпир шкулта тата техника кружокĕ тăвасшăн* (К. Турхан) «Кроме краеведческого кружка, мы хотим организовать в школе и технический кружок»; *Колхозниксем тĕш тырăсăр пуçне укçа та илме пултараççĕ* (М. Сорокин) «Кроме зерна, колхозники могут получить и деньгами»;

б) *Землянкăра дежурнăйпа посыльнăйсăр пуçне никам та пулмарĕ* (В. Сатай) «В землянке никого не оказалось, кроме дежурного и посыльного»; *Эсир кулаксемсĕр пуçне ялта никама та курмастăр пулас-ха* (В. Ржанов) «Вы, кажется, никого не видите в деревне, кроме кулаков»; *Çав çулсăр ниçта та йĕр çук ращчине* (Ç. Элкер) «Кроме той дороги, нет нигде следов в рощу»;

Лишительный падеж нередко применяется в качестве детерминанта с объектно-временным значением: *Ĕмĕт çуначĕсĕр пурнăç начар* (Н. Теветкел) «Без крыльев мечты жизнь скверна»; *Лашасăр пĕр кун пурăнма та хĕн* (Н. Мранькка) «Без лошади и один день прожить трудно»; *Ялти çуртсем арçын аллисĕр пушă, сĕнксе лараççĕ чалăшса, çĕрсе* (Я. Ухсай) «Дере-

венские избы без мужских рук опустели, стоят понуро, косясь и истлевая».

В неприсловной позиции, а именно в позиции сказуемого, лишительный падеж в соединении с частицей *мар* «не» обозначает, что действие совершилось или совершается не без участия определенного объекта: *Çĕнĕ пурнăç тăвасси класс кĕрешĕвĕсĕр пулмасть* (В. Краснов-Асли) «Строительство новой жизни не происходит без классовой борьбы»; *Çемьере чăлхсăр пулмасть* (Л. Агаков) «Семья не без урода»; *Шур акăшсемсĕр мар ку кӳлĕ* (П. Афанасьев) «Это озеро не без белых лебедей»; *Ял паттăрсăр мар-мĕн. Миххана намăс кӳме хăякан та пур* (Н. Мранькка) «Оказывается, деревня не без храбрецов. Есть смеющий осрамить Михху».

Приглагольный причинно-целевой падеж обозначает:

1) предмет, лицо в качестве причины: *Ял çыннисем ăна юрăшăнах хăнана чĕнетчĕç, юрăшăнах ытти хăнасенчен ытлашши тулли курка тыттаратчĕç* (И. Григорьев) «Односельчане приглашали его в гости именно ради песни, и ради песни преподносили ковш полнее, чем другим гостям»; *Шуррисем мана ывăлшăн ăшалантарчĕç. Тĕрмене те ывăлшăнах хупса хучĕç* (А. Талвир) «Белые пытали меня из-за сына. Из-за сына же посадили в тюрьму»; *Айăплă эпĕ, вăл мана Музăшăн каçарас çук* (А. Артемьев) «Виноват я, она за Музу меня не простит»;

Пĕр Сетнершĕн тăктартăн
Аçу-аннӳн шур çӳçне (К. Иванов)

«Из-за Сетнера ты не пощадила
Седины у матери с отцом» (Перевод П. Хузангая);

2) объект (лицо, предмет), по отношению к которому или из-за которого возникает данное состояние: *Эпĕ çамрăк хĕр сăвăçшăн, унăн çитĕнĕвĕсемшĕн питĕ савăнтăм* (Юхма М.) «Я очень радовался за девушку-поэтессу, за ее успехи»; — *Кĕрĕр, — терĕ Саламби, хăйĕн кивелнĕ кофтишĕн вăтанса хул пуçси çине кăвак çăм тутăр уртса ячĕ* (А. Артемьев) « — Войдите, — сказала Саламби и, застеснявшись из-за своей старой кофты, накинула на плечи синий шерстяной платок»; *Кĕркури хăй ăшĕнче ялĕшĕн, колхозĕшĕн чунтанах хĕпĕртерĕ* (В. Игнатьев) «В душе Григорий обрадовался очень за свою деревню, за свой колхоз»;

3) объект, в чью пользу или во вред кому совершается действие: *Çапла вара К.В. Ивановпа унăн юлташĕсемшĕн шкул алăкĕ ĕмĕрлĕхех хупăнчĕ* (М. Трубина) «Таким образом, для К.В. Иванова и его товарищей вход в школу закрылся навсегда»; *Унăн сăмахĕсем Хĕветĕршĕн те питĕ ĕненмелле пулчĕç* (А. Ĕçхĕл) «Его слова и для Федора оказались очень убедительными»; *Маттур пирĕн аслă конюх, лашашăн чунне парать* (А. Артемьев) «Молодец наш старший конюх, ради лошади душу свою отдаст»;

Савнă хĕршĕн тăрăшса,
Пичĕ тăрăх тар юхать (К. Иванов)

«Ради дочери любимой
Пот струится по щекам (Перевод П. Хузангая);

4) объект, являющийся обозначением возмещения ущерба, замещения кого- или чего-либо: — *Эпир кунта аçупа аннӳшĕн те, кăмрăкланнă ялсемпе хуласемшĕм те — пуриншĕн те тăшмана тавăрăпăр, — терĕ командир* (А. Александров) « — Мы здесь за все отомстим врагу: и за твоих отца и мать, и за обугленные деревни и города, — сказал командир»; *Тухтар та Селиме умĕнче парăмлă мар: парнешĕн парне пултăр тесе вăл ăна арча туса пачĕ* (М. Илпек) «Тухтар не остался перед Селиме в долгу: чтобы взамен подарка был подарок, он смастерил ей сундук»; *Савăннă Кнопф сĕтел хушшине кĕрсе ларчĕ те çичĕ çыншăн ĕçсе çиме пуçларĕ* (А. Артемьев) «Обрадовавшийся Кнопф сел за стол и начал есть и пить за семерых»; *Йытăшăн та эпех вĕрнине, пуканешĕн те эпех калаçнине нивушлĕ тавçăраймастчĕç-ши* (В. Элпи) «Неужели не догадались, что и вместо собаки лаял я, и вместо куклы разговаривал я?»;

5) цель, назначение: *Ăмăртури пĕрремĕш вырăншăн тăрăшатпăр* (С. Аслан) «Мы стараемся за первое место в соревновании»; *Эпир кашни урамшăн, кашни çурткăн, кашни утăм çĕршĕн çапăçатпăр* (С. Аслан) «Мы воюем за каждую улицу, за каждый дом, за каждую пядь земли»; *Кала-ха, мĕн турăмăр эпир хамăр телейлĕ пуласлăхшăн?* (В. Краснов-Асли) «Скажика, что сделали мы ради своего счастливого будущего?»;

Улмуççи айĕн çул турăм
Çулçишĕн мар, улмишĕн (Фольк.)

«Под яблонями я сделал тропинку
Не ради листьев, а ради яблок».

Изредка причинно-целевой падеж употребляется в приименной позиции и обозначает цель лица или живого существа: *миршĕн халăх* «народ, желающий мира», *шывшăн сурăхсем* «жаждущие воды овцы»; *Хусана шуррисенчен тасатнă, кĕпершĕн çапăçу чарăннă* (М. Ухсай) «Казань очищена от белых, битва за мост прекращена».

В качестве распространителя предложения данный падеж выступает со значением субъекта оценивающего, воспринимающего: *Ваçукпа Павăлшăн Микулай сăмахĕсем тĕрĕс пек туйăнаççĕ* (В. Алентей) «Для Васи и Павла слова Николая кажутся очень справедливыми»; *Разведчикшăн тренировка нихçан та ытлашши мар* (А. Артемьев) «Для разведчика тренировка никогда не будет лишней»; *В.И. Лениншăн президиум сĕтелĕ чаплă кĕреке мар, ĕç вырăнĕ* (Митта В.) «Для В.И. Ленина стол президиума – не пышное застолье, а рабочее место»; *Кайăксемшĕн вăрман – тăван кил, вăрманшăн кайăксем – чи хаклă туссем* (Г. Харлампьев) «Лес для птиц – родной дом, птицы же для леса – самые дорогие друзья»; *Паян пирĕн колхозшăн, ялти мĕнпур халăхшăн аслăран та аслă уяв* (И. Салампек) «Для нашего колхоза и всех людей деревни сегодня самый большой праздник».

§ 9. Категория направления

Среди исследователей чувашского языка нет единого мнения о форманте *-лла (-лле),* присоединяемом к форме дательно-винительного падежа. Н.И. Ашмарин назвал его окончанием, соединяемым с дательно-винительным падежом (*утаралла* «по направлению к пчельнику»). Аффикс *-лла (-лле),* присоединяясь к падежной словоформе, не в состоянии ни перестроить ее морфологическую структуру, ни изменить ее синтаксическую функцию, тем более иметь при себе определяющие слова. Если учесть все эти данные, то, разумеется, невозможно доказать, что формы типа *вăрманалла* становятся наречиями, т.к. они остаются в пределах имени существительного. Под воздействием всех грамматических данных словоформы наречиеобразующий аффикс *-лла (-лле)* сам пере-

страивается. Спрашивается: в качестве какого аффикса они выступают в данном положении?[11] Хотя он находится после падежного аффикса, тем не менее не может влиять и на синтаксическую связь существительного с управляющим глаголом: Ср.: 1) *космоса вĕҫсе кай* «улететь в космос», *космосалла вĕҫсе кай* «полететь в сторону космоса»; 2) *тури каса чуп* «побежать на верхнюю улицу (деревни)», *тури касалла чуп* «побежать в сторону верхней улицы деревни»; 3) *утмăл ҫула ҫит* «дожить до шестидесяти лет», *утмăл ҫулалла ҫит* «приблизиться к шестидесяти годам»; 4) *Ачасем килĕсене саланчĕҫ* «Ребята разошлись по своим домам»; *Ачасем килĕсенелле саланчĕҫ* «Ребята разошлись в направлении своих домов».

Значит, формант *-лла (-лле)* не является ни словообразовательным, ни словоизменительным аффиксом, он скорее подходит к формообразовательным. Его можно сравнить с формантом сравнительной степени имени прилагательного: *вăйлă ҫын* «сильный человек», *вăйлăрах ҫын* «человек посильнее». Поскольку формант *-рах (-рех)* не влияет на грамматическую сочетаемость слов и имеет форму для выражения грамматического значения слова, то его и ему подобные аффиксы относят к формообразовательным.

Роль форманта *-лла (-лле)* сводится к тому, чтобы образовать форму только для выражения сопутствующего грамматического значения, но не для связи с другим словом. Он выражает ориентировочное (приблизительное) направление движения. В оппозиции к нему находится конкретное направление. Оно обозначается нулевой морфемой. Такую оппозицию вполне можно назвать привативной. Но такую же картину, как категория личного числа обслуживает форму лица.

По Г.Й. Рамстедту, аффикс направления *-алла (-елле)* создан на базе слова *алă* «рука» в дательном падеже [15, с. 56]. В чувашском языке, действительно, слово *алă* в дательном падеже образует форму *алла*. Но каким образом эта форма в смысловом отношении соединяется с именем существительным и становится грамматическим аффиксом, Рамстедтом не показано.

И.А. Андреев тоже возводит *-алла (-елле)* к самостоятельному элементу [2, с. 199]. Но, по его мнению, этот элемент восходит к слову *ал* «сторона, направление» (ср. тат. *ал* «пе-

ред, передний»), которое сохранилось «лишь как компонент исторически сложных слов»: *мал* «передняя сторона», *çиел* «верхняя сторона», как и у Г.И. Рамстедта, «в древних сложносоставных словах *мал, çиел* – *ал älig*». Но не указаны способы грамматикализации слова *ал* и приобретения им облика форматива *-алла (-елле)*.

У форм направления могут быть свои особенности, которые не встречаются у форм дательно-винительного падежа. Так, они могут употребляться в функции определения: *Хĕрсем анаталла урам çинчен те юрларĕç* (Л. Агаков) «Девушки спели песню и о подгорной улице», *урамалла чӳрече* (С. Шавли) «окно на улицу», *тăвалла çул* «дорога в гору».

В определенных условиях к форме направления могут присоединяться различные форманты. Например, для усиления приблизительности присоединим аффикс сравнительной степени: *Вăрман еннеллерех тыт лашуна* [4, с. 157] «Держи лошадь ближе к лесу» («более по направлению, в сторону леса»); *Нганасансенчен çурçĕреллерех урăх нимĕнле халăх та çук* (Хв. Уяр) «Севернее нганасан нет никакого народа».

Формы направления свободно принимают аффиксы выделения, изменяются по числам и падежам: *Катя манпа пĕр çулаллисемччĕ* (В. Васильев.) «Катя была примерно одного возраста со мной»; *вун пилĕк çул каяллахи* «примерно пятнадцатилетней давности».

При опущении определяемого имени существительного форма направления беспрепятственно может принимать его словоизменительные форманты (числа, падежа): *Тăвалласенче* (ср. *тăвалла çулсенче*) *лаша туртаймасть* (Алик.) «По направлению в гору лошадь не может везти»; *Тăвалларан* (ср. *тăвалла вырăнтан*) *тăрантас хăпарать* (Е. Лисина) «По направлению в гору тарантас движется».

Изредка, когда в предложении не названо движение, аффикс направления *-лла (-лле)* может присоединяться к форме местного падежа: *Лариван Кĕркурипе пĕр çулталласкер* (Хумма Ç.) «Илларион примерно одних лет с Григорием».

§ 10. Категория степеней сравнения имен существительных

Категория степеней сравнения[12] образуется от некоторых падежных форм определенных существительных двумя противопоставленными друг другу формами со значениями положительной и сравнительной степени. Настоящая категория употребляется лишь с теми падежными формами, которые имеют свойство проявлять признак, изменяемый степенями сравнения. В данном случае к таким свойствам относится качество, протяженность в пространстве и времени. Форма положительной (основной) степени обозначает качество, пространственную или временную протяженность в отвлечении от степени их проявления. Форма сравнительной степени обозначает, что названное ею качество, или пространство, или временная продолжительность проявляются в большей или меньшей степени, чем качество, или пространство, или временная продолжительность, названные формой положительной степени: *ача чухне* «в детстве» – *ачарах чухне* «ближе к детству», *курăк* «незрелый» (*халь тырă курăк-ха* «пока хлеба незрелые») – *курăкрах тырă* «недозрелые хлеба», *патне пыр* «подойти близко» – *патнерех пыр* «подойти ближе», *патĕнче* «поблизости» – *патĕнчерех тăр* «стоять ближе».

Морфологическое значение положительной степени выражается формами основного, дательно-винительного, местного и творительного падежей, а также формой направления. Морфологическое значение сравнительной степени маркируется формообразующим аффиксом *-рах (-рех) / -тарах (-терех)*. Присоединение данного аффикса в падежной форме не меняет связующей роли падежного аффикса: словоформа имени существительного по-прежнему сочетается с тем же ядерным словом, что и до присоединения аффикса сравнительной степени, и значение отношения между сочетаемыми словами тоже остается без изменения.

Форма основного падежа имени существительного при употреблении с аффиксом сравнительной степени приобретает адъективное свойство с качественным значением. Писатель Н. Ильбек метафорически сравнивает фашистов с бешеными волками; по его словам, «они страшнее бешеных волков»: *Вĕсем урнă кашкăртан та кашкăртарах* (букв. «волчее

бешеных волков»). Форма сравнительной степени *кашкăртарах* показывает качество в большей степени, чем качество, выраженное формой положительной степени *(урнă кашкăр)*. Другие примеры: – *Шуйттанран та шуйттанрах пултăн эсĕ маншăн,* – *кăшкăрнă вăл арăмне* (А. Артемьев) «Он кричал на жену: «Ты для меня хуже черта»; *ачарах чухне* «в более раннем детстве», *тихарах лаша* «лошадь, еще не вышедшая из возраста жеребенка», *курăкрах пушăт* «лыко, содранное с молодой (до некоторой степени) липы», *шăл çеммирех какай* «мясо, которое больше по зубам», *шыв пуллирех хĕр* «шаловливая (до некоторой степени) девушка», *сăртрах вырăнсем* «более холмистые места», *шатрарах питлĕ çын* «человек с чуть рябым лицом».

Из примеров видно, что в форме сравнительной степени существительное основного падежа выражает, на кого или на что похожи предмет или живое существо.

Формы дательно-винительного падежа в сравнительной степени выражают подступ движущегося предмета ближе к объекту или ко времени, указанному основой имени существительного:

а) *тĕпелерех куçса лар* «пересесть ближе к переднему углу (избы), *кĕтесерех хĕсĕнсе лар* «прижаться ближе к углу», *сăртарах улăх* «подняться повыше к холму», *туларах ларакан куçсем* «немного выпученные глаза», *çывăхĕсенерех пыр* (Хв. Уяр.) «подойти поближе (к ним)».

б) *каçарах юл* «оставаться затемно, ближе к вечеру».

К приведенным формам сравнительной степени могут снова присоединяться аффиксы локальных падежей (мест., исх.). Возможность присоединения нового падежного аффикса к форме сравнительной степени связана с тем, что здесь, после этой формы, предполагается наличие имени *вырăн* или *тĕл* «место». Но оно изымается как лишний компонент потому, что определяющие словоформы типа *çӳлерех* употребляются только с именем *вырăн* или *тĕл*: *çӳлерехрен* (*çӳлерех вырăнтан*) *сăна* «наблюдать с места повыше», *хĕвелтухăçнерехре вырнаç* (*хĕвелтухăçнерех тĕлте*) «расположиться на месте, что ближе к востоку».

В данном случае именные словоформы соединяются с другими при помощи второго (последнего) падежного аффикса.

От форм местного падежа существительных категория степеней сравнения может быть представлена не только двумя, но и тремя рядами форм: положительной, сравнительной и превосходной степеней: *Сăртра ачасем пухăнса ларнă* «На холме собрались ребята»; *Сăртарах, уçă çĕрте, черченкĕ ăвăссем тĕллĕн-тĕллĕн ӳсеççĕ* (Илпек М.) «Ближе к склону, на открытой местности, тут и там растут тонкие осины»; *Чашма ялĕнче чи сăртра ларакан тирек ĕлĕкренех уяр кунсенче çич-сакăр çухрăмран курăнатчĕ* (М. Ухсай) «В деревне Чашма издавна в ясную погоду виднелся с расстояния семи-восьми верст тополь, стоящий на самом верху холма»; *вăрман çывăхĕнчерех* «на более близком расстоянии от леса» – *чи çывăхрах* «на самом близком расстоянии»; *турарах* «повыше на склоне горы» – *чи турта* «на самой вершине горы».

Чтобы форма сравнительной степени не вызывала двусмысленности в отношении синтаксической функции, для ясности формы местного падежа существительного нередко к аффиксу *-рах (-рех)* повторно (плеонастически) присоединяют аффикс местного падежа: *Хыçалтарахра йăрансем курăнаççĕ* «Немного позади виднеются грядки»; *Вăл ял варринчерехре пурăнать* «Он живет ближе к центру деревни»; *Турарахра шыв шăнкăртатни илтĕнет* «Чуть повыше слышится журчание воды».

Вот примеры форм сравнительной степени, образованных от творительного падежа существительных: *Малашне ăспарах хăтланма тăрăш* (Н. Мранькка) «В дальнейшем старайся действовать более с умом»; *Вăл вăйпарах çулма тытăнчĕ* (Н. Мранькка) «Он стал косить, больше прилагая усилий»; *Ватă стариксем чăваш йăлисемперех пурăнаççĕ* (Г. Тимофеев) «Глубокие старики живут, больше придерживаясь чувашских обычаев»; *Комбайнер умри каскăчне çĕр çумĕперех илтермелле майлаштарать* (В. Петров) «Комбайнер приспосабливает передние резцы так, чтобы они брали (при косьбе) ближе к земле»; *Икĕ тĕллевперех пăхма тытăнтăм эпĕ кӳршĕсен спектаклĕсене* (Хв. Агивер) «Я стал смотреть спектакли соседей, исходя главным образом из двух целей».

Формы направления также могут иметь степени сравнения: *патăмалла* «по направлению в мою сторону» – *патăмалларах* «по направлению более в мою сторону»; *Ту айккинче, пире илсе килекен çулран сулахаялларах, йĕтем пек тикĕс лаптăк*

пур (И. Лисаев) «Сбоку горы, несколько левее от нашей дороги, имеется площадка ровная, как на току».

§ 11. Категория выделения имен существительных

Тюркологи давно обращают внимание на словесные формы типа чув. *юлташӑнни,* тат. *иптэшенки* «тот из них, кто (что) принадлежит товарищу», чув. *вӑрманти,* тат. *урмандагы* «тот из них, кто (что) находится в лесу». Одни считают их производными словами, другие – словоформами.

Для рассмотрения форманта *-и* (в других тюркских языках – *-гы/ -ги*) в качестве словообразовательного нет убедительных оснований, ибо: 1) он присоединяется не к основе имени существительного, а к падежным формам: *велосипедпалли* «тот (из них), кто на велосипеде», *миршӗннисем* «те (из них), кто за мир» и др.; 2) после присоединения аффикса *-и* к падежной форме имя существительное не утрачивает грамматических признаков данной части речи: а) между основой и падежным аффиксом могут находиться другие словоизменительные аффиксы; б) у основы существительного сохраняются определяющие слова; так, у формы *вӑрманти* могут быть определения *пысӑк* «большой», *икӗ* «два», *пирӗн* «наш» и др.: *пысӑк вӑрманти, икӗ вӑрманти, пирӗн вӑрманти;* 3) при сочетании с падежными формами аффикс *-и* не избирателен, он не зависит от семантических особенностей ни основы слова, ни падежного суффикса, а употребляется с формами и родительного, и местного падежа; 4) если производное слово характеризуется устойчивостью структурного состава и воспроизводимостью, то словесная форма на *-и* употребляется только в определенном контексте, воспроизводимость ее исключается вообще. Все эти данные говорят о том, что формы типа *юлташӑнни, вӑрманти* представляют собой грамматические формы имен существительных.

Так как «словесных грамматических форм, стоящих вне грамматических категорий, не бывает» [25, с. 44], то перед нами стоит необходимость определить, к какой грамматической категории они принадлежат.

Как правило, со словоформами, употребляющимися с аффиксом *-и,* применяется и аффикс *-скер.* Например: 1) фор-

ма сравнительной степени прилагательного: *ҫĕнĕрех* «более новый, поновее» – *ҫĕнĕреххи* «тот из них, (кто) более новый» – *ҫĕнĕрехскер* «один из более новых»; 2) причастная форма глагола: *кĕтнĕ* «ждавший» – *кĕтни* «тот из них, которого ждал(и)» – *кĕтнĕскер* «один из ждавших» или «один из жданных».

Конечно, и падежная форма существительного, принимающая аффикс *-и,* вполне может употребляться и с аффиксом *-скер: хулари* «тот из них, кто (находится) в городе» – *хулараскер* «один из тех, кто (находится) в городе»; *шăллăмăнни* «тот из них, кто (что) принадлежит моему младшему брату» – *шăллăмăнскер* «один из тех, кто (что) принадлежит моему младшему брату».

В других тюркских языках формы типа *урмандагы, иптэшенки,* вероятно, не предполагают наличия сопоставляемых и противопоставляемых пар, какие находим в чувашском языке, и в них не появились подобные формы.

В чувашском языке категориальной форме на *-и* противостоит категориальная форма на *-скер.* Значит, эта грамматическая категория основывается на двоичном противопоставлении. Если форма на *-и (-хи)* выражает упомянутый ранее предмет с признаком, которого нет у других предметов, то форма на *-скер* обозначает один предмет из числа предметов с общим существенным признаком; ср.: *ял* «деревня» – *ялти* «тот (из них), кто (находится) в деревне» – *ялтаскер* «один из тех, кто (находится) в деревне». Ввиду того, что последняя форма выражает существенный признак, очень часто ей сопутствует оттенок значения причины или условия, уступительности: *Ялтаскер ку хыпара илтмесен те пултарнă* «Поскольку он находился (в то время) в деревне, мог не услышать эту весть».

Обе формы выделяют предмет не по его названию, а по его свойству, а именно по его принадлежности другому предмету, его местонахождению и т.п.

Как правило, присоединение аффикса *-и* или *-скер* к падежной форме имени существительного используется в речи для повторной номинации ранее обозначенного денотата. Присоединение выделительных аффиксов возможно не только к словоформе, но и к предложению. В данном случае эта синтаксическая конструкция как придаточное предложение.

Например: *Ачисем килтескерĕн мĕн хуйхăрмалли пур унăн?* [4, с. 436] «О чем ему горевать, раз его дети дома?»

При формообразовании с помощью выделительных аффиксов чувствуется большая зависимость мотивирующей части от контекста. Контекст помогает раскрытию ее смыслового содержания. Примеры:

1) – *Ман ăшра сан ачу ӳсет...*

– *Ман ачи ăçтан паллă?* – «В моей утробе растет твой ребенок. – Откуда известно, что мой ребенок?»;

2) – *Тем ĕçпеччĕ ĕнтĕ?*

– *Пĕлместĕн пулать мĕн ĕçпине, – терĕ председатель* (С. Абаш.) « – По какому делу (вызывали)? – Будто не знаешь, по какому делу, – сказал председатель».

Выделительные формы, образованные как с помощью аффикса *-и,* так и с помощью аффикса *-скер,* изменяются по числам и падежам:

Ед. ч.

Осн.	*юлташăнни*	*юлташăнскер*
Род.	*юлташăнни(йĕ)н*	*юлташăнскерĕн*
Дат.-вин.	*юлташăннине*	*юлташăнскерне*
Мест.	*юлташăннинче*	*юлташăнскерте*
Исх.	*юлташăннинчен*	*юлташăнскертен*
Твор.	*юлташăннипе*	*юлташăнскерпе*
Лиш.	*юлташăннисĕр*	*юлташăнскерсĕр*
Прич.-цел.	*юлташăннишĕн*	*юлташăнскершĕн*

Мн. ч.

Осн.	*юлташăннисем*	*юлташăнскерсем*
Род.	*юлташăннисен(ĕн)*	*юлташăнскерсен(ĕн)*
Дат.-вин.	*юлташăннисене*	*юлташăнскерсене*
Мест.	*юлташăннисенче*	*юлташăнскерсенче*
Исх.	*юлташăннисенчен*	*юлташăнскерсенчен*
Твор.	*юлташăннисемпе*	*юлташăнскерсемпе*
Лиш.	*юлташăннисемсĕр*	*юлташăнскерсемсĕр*
Прич.-цел.	*юлташăннисемшĕн*	*юлташăнскерсемшĕн*

Аффиксы выделения присоединяются к именам существительным во всех падежах, за исключением дательно-винительного, если отсутствуют морфонологические условия. С дательно-винительным падежом они употребляются лишь при наличии в нем направительного аффикса *-лла: урамалла* «в сторону улицы» – *урамалли* «то (из них), что (выходит) в

сторону улицы» – *урамалласкер* «одно из тех, что (выходит) в сторону улицы» [ср.: *урам-алл-а-скер*], где *-а* – аффикс дательного падежа.

Выделительные формы, образованные от основного падежа существительного. Если основа существительного, т.е. форма основного падежа, оканчивается на согласную фонему, то она перед выделительным аффиксом *-и* геминируется: *Йĕркеллĕ çынни*[13] *тӳрех курăнать* «Сразу видно, что порядочный человек». После согласной основы и перед аффиксом дательно-винительного падежа выделительный аффикс *-и* для удобства произношения может быть устранен. Но от этого выделительное значение не пострадает: оно передается интерфонемой |*н*|. Например: *Вăл хыт кукарне* (ср. *хыт кукаррине*) *пĕлетĕп* «Знаю, что он скряга».

Выделительный аффикс *-и* прибавляется к форме основного падежа имени существительного главным образом тогда, когда выполняет роль сказуемого придаточной части сложноподчиненного предложения:

Эп çирĕп те таса йывăççине
Пĕлеççĕ пурте. Эп – юман (А. Кăлкан)

«Все знают, что я крепкой и чистой породы дерево. Я – дуб»;

Эп бригадирне (ср. *бригадиррине*) *мантăр-им?* (Капкăн) «Вы забыли, что я бригадир?».

Иногда выделительную форму на *-и* используют в противительной конструкции: *Саламми салам та-ха, эс кунта мĕн çăмăлпа килсе кĕнине ăнланмарăм* (М. Кипек) «Привет-то привет, но я не понял, по какому делу ты здесь оказался».

Выделительная форма на *-скер* несет не идентифицирующую роль, а квалификативную, в предложении она выполняет функцию сказуемого или обособленного приложения: 1) *Лавçи те манăн халапçăскер пулчĕ* (К. Пайраш) «И подвозчик мой оказался рассказчиком»; *Пур ĕçре те маçтăрскер вăл* (Г. Краснов) «Он мастер на все руки»;

2) *Саккăрмĕшĕ, евчĕскер,*
Йăпăлти чĕлхепелен (П. Хусанкай)

«Восьмой, сват, льстивый на язык»;

Ачаскерне ăна, ултă çулхискернехчĕ çав, Хветĕр Павăлч хăй пехиллерĕ (А. Артемьев) «Его, ребенка, еще только шести лет от роду, благословил сам Федор Павлович».

Выделительные формы, образованные от родительного падежа имен существительных. От форм родительного падежа выделительные формы образуются главным образом с помощью аффикса *-и*. При употреблении выделительной формы в дательно-винительном падеже может быть устранен аффикс *-и,* но значение выделения в этом случае узнается по палатальному морфу дательно-винительного падежа: *Сантăрăнне* < *Сантăрăннине* «то, что является принадлежностью Александра».

При сокращенном употреблении словоформы следует обратить внимание на то, что перед аффиксом дательно-винительного падежа всегда применяется гемината |*н*|: *халăх* «народ» – *халăхăнне, çын* «человек» – *çыннăнне,* инженер – *инженерăнне, чечек* «цветок» – *чечекĕнне* и др. Эта фонема в данном положении, очевидно, никогда не была краткой. Но при научном (академическом) издании сочинений классика чувашской художественной литературы К.В. Иванова редакционные коллегии (и первого, и второго выпусков) не учли вышеуказанное правило чувашского языка: вместо *Нарспинне* оставили ошибочную форму *Нарспине*. Ср.:

Хура пӳртре Нарспине
Питне-куçне çăваççĕ (Собр. соч. Изд. 1-е. 1957. С. 190; 2-е изд. 1990. С. 130).

Форма на *-и,* образованная от родительного падежа имени существительных, выделяет предмет по его принадлежности кому-либо. Выделительная форма чаще всего выступает: а) в роли дополнения: *Вĕсем вĕрентекен шухăшне те, Тимушăнне те пĕлмеççĕ* (Хумма Ç.) «Они не знают ни мнения учителя, ни Тимофея»; *Ухик карттусĕ кĕпер тутаракан техникăннинчен те хитре* (А. Талвир) «Картуз Ухика красивее, чем даже у техника по строительству моста»; б) в роли необособленного согласованного определения; такое определение согласуется с определяемым в числе и падеже: *Учителĕнне эпĕ портфельне, Татюк йывăç транспортирне тытрĕ* (В. Элпи) «Я взялась нести портфель учителя, а Тадюк – деревянный

транспортир»; *Çăхан çăханăнне куçне чавса кăлармасть* (Ват. сăм.) «Ворон ворону глаз не выклюет».

Возможно употребление выделительной формы в роли обособленного согласованного определения: *Вăхăт сипленĕ пулĕччĕ чĕре суранне – хăйĕнне те, Вĕçелисăнне те* (А. Афанасьев) «Время излечило бы сердечную рану – и его самого, и Василисы».

Выделительная форма, образованная от родительного падежа имени существительного и аффикса *-и,* употребляясь с послелогом *пек* или *евĕр, майлă* «наподобие», образует сравнительно-сопоставительную конструкцию: *Гимнастерки унăн ытти боецсенни пекех кивĕрех те шупка* (К. Пайраш) «Его гимнастерка, как и у других бойцов, старая и выцветшая»; *Ясонăнни евĕр пӳртре пурăнасшăн мар эпĕ* (А. Артемьев) «Я не желаю жить в таком доме, какой у Ясона»; *Кĕркурин характерĕ те ашшĕнни майлах пула пуçланă* (Хумма Ç.) «Характер и у Григория становится как у отца».

Выделительные формы, образованные от дательно-винительного падежа. Выше было отмечено, что выделительные формы образуются от дательно-винительного падежа главным образом тогда, когда при ней фигурирует аффикс направления *-лла (-лле).* Они обозначают выделение предмета путем указания на приблизительность его направления в пространстве или во времени. Примеры: 1) *Çапла татăлчĕ Любăн малашнелли шăпи* (А. Емельянов) «Так оборвалась Любина будущая судьба»; *Урамалли чӳречесем хĕвел анăçнелле пăхаççĕ* (А. Алка) «Окна (выходящие) в сторону улицы смотрят на запад»; *Катя манпа пĕр çулаллисемччĕ* (В. Васильев) «Катя была примерно одних лет со мной»; 2) *Чӳречисем те – пĕри уй хапхи еннелле, тепри урам еннеллескерсем – хуралçин куç лакăмĕсем пекех хĕсĕк* (П. Осипов) «И его окна – одно в сторону полевых ворот, другое в сторону улицы – узки, как глазные впадины самого охранника».

Выделительные формы, образованные от местного падежа, обозначают предмет по местонахождению и по нахождению во времени: 1) *Пирĕн çинчен пĕлмеççĕ-ха станцирисем* (В. Паймен) «Те (из них), кто (находится) на станции, еще не знают о нас»; *Пӳлĕмрисем шăпăртах пулчĕç* (В. Краснов-Асли) «Те, кто (находится) в комнате, сразу утихли»; *Фермăришĕн ан хăра, пăрусене апат парса хăвартăмăр* (А. Артемьев) «Не бес-

покойся за то, что на ферме, мы дали корм телятам»; 2) *Эрни-эрнипе çул çинческерсем тӗрлӗ çанталăк кураççӗ* (Н. Мраньккa) «Находясь в дороге неделями, они видят разную погоду»; *Шампа Иван ачи, пирӗн Петьăпа пӗр çултаскер, «эпир шурă пăтă çиетпӗр» тесе урамра мухтанать тет вара* (И. Тăхти) «Говорят, сын Ивана Налимова, одних лет с нашим Петей, хвастается: «Мы белую кашу едим».

Выделительные аффиксы нередко прибавляются к именным сказуемым придаточной части сложноподчиненного предложения: *Эсӗ килти савăнтарать* (Н. Мраньккa) «Радует то, что ты дома»; *Асанне, киремет хурами хăш тăвайккинчине пӗлетӗн вӗт-ха эсӗ?* (Г. Краснов) «Бабушка, знаешь ведь, на каком холме находится вяз жертвоприношений?».

Выделительные формы, образованные от исходного падежа существительных, означают предмет по происхождению: 1) *Вуннăмӗш класра вӗренет пулмалла, анчах хăш шкултанне пӗлместӗп* (М. Сениэль) «Кажется, учится в десятом классе, но не знаю, из какой школы»; *Эп ютраннине чухлаççӗ* (П. Хусанкай) «Догадываются, что я из чужого края»; *Хăш заводранни уçăмлă паллă мар-ха* (Г. Луч) «Точно неизвестно, с какого завода»; 2) *Ялтаскертен ыйтмалли те çук* «Какой спрос с деревенского».

Выделительные формы, образованные от творительного падежа существительных, обозначают предмет, который находится в чем-то или с чем-то:

1) *Лашапалли хуллен ыйтать:*
Ку эс – учительница мар-и? (С. Шавли)

«Тот, кто на лошади, спрашивает:
– Ты не учительница ли?»;

– *Мӗн ӗçпине пӗлместӗп. Ăна каламарӗ* (Н. Мраньккa) « – Не знаю, по какому делу. Не сказал об этом»;

2) *Витали, паçăрах курткăпаскер, кăвайт суккăрлана пуçланнине асăрхаса çатăрка пуçтарма хăпарчӗ* (Х. Агивер) «Виталий, давно уже одетый в куртку, заметив, что затухает огонь, поднялся собирать хворост»; *Лашапаскере ăçтан хуса çитес ӗнтӗ ăна?* [4, с. 437] «Где его догнать, раз он на лошади?».

Пример употребления выделительной формы, образованной от лишительного падежа: *Çемьесенчен вăрттăн тухса*

кайнă вĕт вĕсем. Вара çавăнпа та билетсăрресене шыраса çӳрекен кондукторăн пĕр сăмахсăрах вĕсене нар айĕнчен сĕтĕрсе кăлармалла пулнă (Митта П.) «Они ведь убежали тайно от своих семей. Поэтому кондуктору, разыскивающему безбилетников, следовало без слов вытащить их из-под нар».

§ 12. О двойных падежах

В чувашском языке к падежным формам могут присоединяться не только аффиксы выделения, сравнения и направления, но и аффиксы самих падежей.

В отличие от монгольских и тунгусо-маньчжурских, в тюркских языках, по утверждению алтаиста В. Котвича, не установлены факты существования двойных падежей, лишь в чувашском языке «до сих пор имеется» несколько двойных падежей» [11, с. 190].

Действительно, в чувашском языке имеются следы двойных падежей. По имеющимся скудным сведениям трудно говорить о системности образования. Тем не менее можно установить, в каких случаях происходили и происходят сочетания двух падежных аффиксов.

По констатации Э.В. Севортяна, к одной именной основе невозможно присоединять два падежных аффикса с двумя грамматическими значениями [17, с. 541]. В самом деле, если падежная форма занимает присловную позицию, то к ней не может быть присоединен (второй) падежный аффикс для связи этой словоформы с другим словом. Иначе говоря, в составе одной и той же словоформы не могут одновременно находиться два падежных аффикса, употребленные для подчинения этого имени двум другим словам или одному и тому же слову.

Для употребления связующего падежного аффикса рядом с падежной формой непременно нужно, чтобы эта словоформа занимала неприсловную позицию и выполняла функцию сказуемого или же второй, присоединяющийся, аффикс должен лишь уточнять значение первого аффикса.

Рассмотрим эти случаи.

1. Когда падежный аффикс присоединяется к падежной форме, выполняющей синтаксическую функцию сказуемого, то он будет осуществлять роль связующего (подчиня-

ющего) средства для придаточного предложения по отношению к главному. Имеются в виду следующие модели:

а) основа + мест. п. + исх. п.:

Инçе çула килтĕм çывăх тесе
Хамăрпа пĕртăван çакă килтерен [4, с. 547].

«Я приехал издалека, но дальняя дорога казалась мне близкой, так как мои родные – в этом доме»;

Тепĕр çĕрте тĕл пулсан, унăттăмччĕ те сана пĕрре! Эсремет! Хам килтерен çеç тытăнса тăратăп (Г. Краснов) «Если бы я встретил тебя в другом месте, то исколошматил бы! Дьявол! Сдерживаю себя только потому, что ты в моем доме».

б) основа + мест. п. + прич.-цел. п.:

Икĕ тантăш пĕр çулташăн
Пĕри айăплă мар (П. Хусанкай)

«Ни один не виноват в том, что два ровесника – одногодки»;

Кĕлетрешĕн-и, хулăнрах витĕннĕшĕн-и – пăчă пек туйăнчĕ ăна [Илюша] çак тӳлек каç (А. Артемьев) «Оттого ли, что находятся в амбаре или что тепло укрылись, ему [Илье] казалось душно в этот тихий вечер»;

в) основа + прич.-цел. + исх. п.: *Ачасем ытла ашшĕшĕнтен кăна тытăнса тăратăп. Ашшĕн йăлисене манса çитчĕр-ха ак, Якура шăхăртса хăваратăп* (Д. Гордеев) «Воздерживаюсь только потому, что дети очень хотят отца. Пусть пока они позабудут манеры (ласки) отца, тогда оставлю Егора с носом».

2. Довольно продуктивно употребляется двойной падеж, образующийся по модели: основа + исх. п. + твор. п.

В качестве основы падежной формы, как правило, выступают здесь существительные, являющиеся названиями отрезков времени: *кун* «день», *ир* «утро», *эрне* «неделя», *уйăх* «месяц», *çул* «год», *ĕмĕр* «век», *вăхăт* «время», *сехет* «час», *ача* «ребенок», *çамрăк* «молодость» и др. Часто они актуализируются аффиксами лица и определителями, выраженными числительными, местоимениями, существительными, причастными формами глагола.

Оба падежных аффикса при этих основах являются выразителями временных отношений:

а) аффикс исходного падежа *-ран (-рен)* выражает время, с которого начинается что-либо: *ачаран* «с детства», *çак кунтан* «с этого дня».

б) аффикс творительного падежа *-па (-пе)* обозначает время действия без отражения начала и конца: *каçпа* «вечером», *ирпе* «утром», *кăвак çутăпа* «на рассвете».

Последний аффикс в соединении с аффиксом исходного падежа несколько видоизменяет свое значение, и два падежных аффикса вместе образуют один словоизменительный составной аффикс для выражения временного отношения имени существительного к другому слову. Он используется тогда, когда требуется показать, что «известное действие или состояние, начавшись с какого-либо времени, еще не прекратилось, продолжается и в описываемый момент»*. Например: *Вăл ачаранпах тинĕсре ишнĕ* (В. Алентей) «Он с детства плавал в море»; *1922 çулхи пуш уйăхĕн 21-мĕш кунĕнченпе*[14] *комсомолта тăратăп* (П. Хусанкай) «Состою в комсомоле с 21 марта 1922 года»; *Канмалли кунранпа та Хĕветĕр ăна кураймарĕ* (И. Григорьев) «Федор не смог увидеть его с выходного дня»; *Ку ташша пуса каччиренпех ташлатăп* (Юхма М.) «Этот танец пляшу с тех пор, как еще в холостяках ходил».

---

* Некоторые исследователи чувашского языка пытаются убедить читателей в том, что основой образования чувашских падежей могла и может выступать форма родительного (притяжательного) падежа [20, с. 25, 35]. Но они забывают, что падежные аффиксы присоединяются к живым склоняемым основам. При этом аффикс предметного числа и аффикс того или иного лица не теряют своих грамматических значений. Спрашивается: зачем нужен тогда аффикс родительного падежа при образовании других падежных форм?

Поскольку в словоформах типа *сăмахунта* «в твоем слове» показатель (н) не выражает никакого значения, то едва ли он необходим существительному для связи с другим словом в предложении. Для доказательства роли показателя родительного падежа в составе словоформы требуются более убедительные аргументы.

Раздел 4

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. Имя прилагательное как часть речи

Имя прилагательное представляет собой разряд слов, обозначающих признак предмета[1] и связывающихся с существительными путем примыкания, находясь впереди них, и способом согласования в форме выделения в числе и падеже, располагаясь после. Примеры:

Ешĕл курăк хушшинче
Сап-сарă чечек ӳсет (К. Иванов)

«Одуванчик ярко-желтый растет среди травы зеленой»;

Апатне те вăл пире çитеретчĕ тутлине (П. Хусанкай) «И обедом она нас кормила вкусным»; *Тусне çын кирек хăçан та хăйĕнчен лайăххине шырать* (Хв. Уяр) «Человек всегда ищет друга лучше, чем сам»; *Хваттерĕ пĕр пӳлĕмлĕ çеç пулин те, хăтлăскер лекрĕ* (Хв. Агивер) «Квартира, хотя и однокомнатная, попалась уютная».

Прилагательные чувашского языка в большинстве случаев могут обозначать не только признак предмета, но и признак действия и состояния, признак и степень качества. Примеры: *Çил вирлĕ вĕрнипе тӳпе те тăрă* (Я. Ухсай) «И небо чистое оттого, что ветер сильно дует» (Ср. *вирлĕ çил* «сильный ветер»); *Тата тĕксĕмрех кăвак куçĕсем мĕне тăраççĕ!* (А. Медведев) «А чего стоят ее темновато-синие глаза!»; *Çăлтăрсем кĕрхи сивĕ çанталăк чухнехи пек шултра мар, чылай вĕтĕрех* (А. Ĕçхĕл) «Звезды не крупные, как в осеннюю холодную погоду, а значительно мельче». (Ср.: *Вăл чылай укçа илет* «Он получает изрядную сумму денег»).

Ряд прилагательных выражает только признаки предметов: *йăмшак* «рыхлый, мягкий», *кĕçĕн* «младший», *кӳпшĕм* «полный, толстый», *лаштра* «развесистый, раскидистый», *патрак* «непрочный, ломкий, хрупкий», *чапрас* «косой, кривой», *чармак* «растопыренный; разогнутый», *чĕтренчĕк* «дрожащий, трясущийся, трепещущий», трескучий» и многие другие, в их числе – слова *пур* «имеющийся; есть» и *çук* «не имеющийся, отсутствующий; нет», например: *Çук япала çине шанма май килмест* «Трудно надеяться на отсутствующий предмет»*; Пур ĕнене савăнсах пăхас пулать* «За имеющейся коровой надо ухаживать с радостью».

Имена прилагательные небогаты морфологическими признаками, но как часть речи достаточно обособлены.

В качестве важнейшей характеристики данной части речи следует признать формы словообразования. Продуктивными деривационными аффиксами являются: *-лă (-лĕ), -сăр (-сĕр), -амас (-емес)* и др.

Все прилагательные чувашского языка могут принимать формы выделения на *-и* и *-скер: пысăкки* «тот из них, кто большой», *пысăкскер* «один из больших».

Прилагательные в особых случаях могут употребляться в формах некоторых падежей. Но падежи в данном случае нельзя считать морфологическими признаками рассматриваемой части речи, ибо применение падежных аффиксов происходит не по требованию категориального значения прилагательного, а в результате эллиптирования определительного словосочетания, частичной субстантивации прилагательного и перехода падежного аффикса от существительного к прилагательному.

Падежи выделительных форм выступают также по наличию субстантивных свойств указанной формы.

Слова типа *каçхи* «вечерний», *ялти* «тот из них, кто в деревне» не входят в класс прилагательных, ибо *-хи*, *-ри (-ти*, *-чи*) не являются аффиксами словообразования, они участвуют в образовании форм выделения существительных. Об этом далее.

§ 2. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных

В зависимости от того, какой признак обозначают и какими грамматическими свойствами обладают, в чувашском языке слова данной части речи подразделяются на два разряда: 1) качественные прилагательные и 2) некачественные прилагательные[2].

Прилагательные первого разряда обозначают признак предмета непосредственно, т.е. без отношения к другим предметам: *тарават çын* «гостеприимный, щедрый человек», *чăнкă çыран* «крутой берег», *шăрăх çанталăк* «жаркая погода».

Тюркологи вслед за индоевропеистами второй разряд часто называют относительными прилагательными.

Прилагательные потому называются относительными, что они указывают на признак предмета не прямо, а через отношение к другому предмету. Например, в русском языке: книжная торговля, детские игрушки, морская волна. Выражение значения того или иного признака зависит не от деривационного аффикса, а от понятия соответствующего предмета, к которому обладатель признака находится в определенном отношении. Или же одно и то же относительное прилагательное в зависимости от сочетания с разными поясняемыми словами может обозначать разные значения. Например: *моторный* 1) «производящий мотор» (*моторный завод*); 2) «имеющий мотор» (*моторная лодка*). А по-чувашски указанные словосочетания переводятся разными конструкциями: в первом случае — определительным словосочетанием двух существительных с аффиксом 3 лица при втором компоненте (*мотор завочĕ*), именуемым изафетным; во втором случае – первый компонент принимает аффикс обладания *-лă (-лĕ)*[3], т.е. становится прилагательным, второй компонент остается без изменения: *моторлă кимĕ* «моторная лодка».

Если передача признака зависит от аффикса прилагательного и само прилагательное не изменяется по степеням сравнения, то такое прилагательное нецелесообразно называть относительным. По существу, в чувашском языке нет относительных прилагательных. Значение относительных прилагательных русского языка переводится на чувашский язык в большинстве случаев (85–90 %) изафетными конструкциями.

Поскольку прилагательные, образованные от существительных при помощи аффиксов *-лӑ (-лӗ), -сӑр (-сӗр), -лӑх (-лӗх)*, не выражают значения качества, целесообразно называть их некачественными.

§ 3. Качественные прилагательные

Качественные прилагательные — это непосредственные наименования признаков, способных обнаруживаться с разной степенью интенсивности.

Качественные прилагательные отражают в своих значениях свойства, присущие объекту, и характеризуют его:

а) по внутренним свойствам: *йӑваш* «кроткий, тихий», *хаяр* «злой», *вашават* «радушный, приветливый», *шухӑ* «живой, проворный»;

б) по форме: *ҫавра(ка)* «круглый», *лаптак* «плоский», *йӑрӑс* «стройный, прямой», *ҫӳхе* «тонкий», *кукӑр* «кривой»;

в) по цвету: *шурӑ* «белый», *симӗс* «зеленый», *тӗксӗм* «темный, тусклый», *кӗрен* «розовый», *ҫырӑ* «светло-коричневый, каштановый», *хӑла* «саврасый; буланый, светло-гнедой (о масти лошади)», *чуптар* «соловый, игреневый (о масти лошади)»;

г) по величине: *пысӑк* «большой», *пӗчӗк* «маленький», *вӑрӑм* «длинный», *кӗске* «короткий», *хулӑн* «толстый», *шултра* «крупный»;

д) по вызываемому им ощущению: *йӳҫӗ* «кислый», *вӗри* «горячий», *сивӗ* «холодный», *ҫивӗч* «острый», *мӑка* «тупой», *ҫӑра* «густой», *тикӗс* «ровный»;

е) по впечатлению: *хитре* «красивый», *кичем* «скучный, грустный», *тӳлек* «тихий, спокойный», *таса* «чистый», *ырӑ* «добрый, хороший» и др.

В чувашском языке широко распространено усеченное употребление первичных прилагательных в позиции перед именем существительным. Это явление связано со словами, имеющими в ауслауте редуцированные гласные *ӑ* или *ӗ*. Интонационно подчеркнутое прилагательное употребляется в полной форме. Если же на признак предмета не обращают особого внимания, то прилагательные применяют в краткой (усеченной) форме:

сарă каччă — сар каччă «русый парень»;

ватă çын — ват çын «пожилой человек»;

вĕтĕ ала — вĕт ала «мелкое сито».

В позиции перед глаголом или в роли сказуемого указанные прилагательные употребляются только в полной форме: *Анчах тепĕр чух кунĕпех выçă çӳрет* (Л. Агаков) «Но иногда целыми днями ходит голодный»; *Паян çанталăк ăшă* «Погода сегодня теплая».

Краткая форма употребляется, как правило, в составе терминов или фразеологических конструкций:

мăн(ă) «большой, крупный»: *мăн кĕрӳ* «старший дружка жениха», *мăн асатте* «прадед, прадедушка (со стороны отца)»;

сив(ĕ) «холодный, морозный, студеный»: *сив чир* «лихорадка», *сив çу* «топленое масло»;

çут(ă) «светлый, ясный»: *çут çанталăк* «природа», *çут тĕнче* «Вселенная, мир, белый свет»;

тип(ĕ) сухой»: *тип пыр* анат. «дыхательное горло», *тип шар* «неожиданная беда» (досл. «сухая беда»);

тӳр(ĕ) «прямой: *тӳр пилĕк* «белоручка», *тӳр кĕтес* матем. «прямой угол»;

хыт(ă) «твердый, жесткий»: *хыт курăк* «донник», *хыт суха* «паровая пахота, взмет пара», *хыт пăрçа* «скряга, скупец»;

чĕр(ĕ) «живой»: *чĕр суран* «кровоточащая рана», *чĕр чун* «живое существо, живой организм; животное», *чĕр асап* «настоящая каторга» и др.

Если такое прилагательное при сокращении ауслаутного гласного совпадает с каким-либо словом другой части речи, то его обычно оставляют без сокращения, ср.: *пĕтĕ* «беременная» – *пĕт* «кончаться, заканчиваться»; *пиçĕ* «крепкий, прочный» – *пиç* «вариться, печься»; *пăчă* «душный» – *пăч* «совершенно, совсем» и др. Не подлежат сокращению и гласные, входящие в состав деривационного аффикса, стоящего после слова с конечным согласным: *вăйлă* «сильный». При образовании словоформ аффикс прибавляется к полной форме основы: *шурă* «белый» – *шурăрах* (сравн. ст.), *шурăран* (исх. п.). Но при словообразовании от прилагательных рассматриваемого типа возможно двоякое образование: и от полного варианта основы, и от краткого (*тӳрĕ* «прямой» – *тӳрĕлен* и *тӳрлен* «выпрямиться, становиться прямым», *тӳрĕлет* и *тӳрлет* «вы-

прямлять, распрямлять»; *сывӑ* «здоровый» – *сыввӑн* «благополучно, здоровым», *сывлӑх* «здоровье».

Значительный пласт качественных прилагательных составляют слова со специфическими для группы деривационными аффиксами: *-амас (-емес), -ашка (-ешке), -чӑк (-чӗк), -ӑ (-ӗ), -ӑк (-ӗк), -ти* и др.

Качественные прилагательные изменяются по степеням сравнения (см. об этом далее). Они могут иметь также усилительные формы, не входящие в категорию степеней сравнения.

От качественных прилагательных можно образовать наречия на *-ӑн (-ӗн)*[4], например: *пысӑк* «большой, крупный» — *пысӑккӑн* «крупно; помногу, в больших размерах, в большом объеме»; *лайӑх* «хороший, добрый» – *лайӑххӑн* «хорошенько, толком, как следует»; *ҫӑмӑл* «легкий» – *ҫӑмӑллӑн* «легко, с легкостью, без труда; свободно» и др.

Качественные прилагательные обладают довольно развитой валентностью. Они могут управлять именами существительными (а). К ним могут примыкать прилагательные (б), наречия (в) и изобразительные слова (г):

а) *хӗле хатӗр* «готовый к зиме», *Петӗртен кӗҫӗн* «моложе Петра», *вӑрмантан пуян* «богатый лесами», *вӗсемсӗр кичем* «скучно без них», *халӑхшӑн усӑллӑ* «полезный для народа» и др.;

б) *тӗксӗм кӑвак* «темно-голубой», *шупка хӗрлӗ* «бледно-красный», *таса сарӑ* «чисто-желтый», *хӗрлӗрех хӑмӑр* «красновато-коричневый»;

в) *пӑртак курпунтарах* «немного горбатый», *питӗ аван* «очень хороший», *самаях сулхӑн* «довольно-таки прохладный», *тата хытӑрах* «еще сильнее», *кӑшт шуранка* «чуть бледный», *улӑпла вӑйлӑ* «богатырски сильный», *ачалла айван* «по-детски наивный»;

г) *лӑк тулли* «полный», «очень много», *лӗп ӑшӑ* «теплый», «не жаркий и не холодный», *пӑч тӗттӗм* «совершенно темный», *чӑлт шурӑ* «совершенно белый», *янкӑр тӑрӑ тӳпе* «совершенно чистое небо», *яр уҫӑ* «настежь открытый», *ярт тӳрӗ* «совершенно прямой».

§ 4. Категория степеней сравнения прилагательных
Общая характеристика

Большинство прилагательных качественного значения употребляется в формах степеней сравнения.

Общим значением категории степеней сравнения имен прилагательных является выражение степени (меры) признака предмета.

В предложениях: а) *Санăн вăрăм кăранташ пур-и?* «Есть ли у тебя длинный карандаш?»; б) *Вăрăмрах кăранташ çук-и вара?* «А нет ли карандаша подлиннее?»; в) *Акă ку чи вăрăм кăранташ* «Вот это самый длинный карандаш» – образования *вăрăм – вăрăмрах – чи вăрăм* являются формами одного и того же слова. Они составляют ряд нарастающих степеней сравнения прилагательного. В форме *вăрăм* признак представлен в его типичной, положительной (основной) степени. *Вăрăмрах* является формой сравнительной степени (компаратив), *чи вăрăм* – формой превосходной степени (суперлатив).

Категория степеней сравнения образует грамматическую систему форм сравнения прилагательных, состоящую из совокупности взаимозависимых элементов.

Сравнение в чувашском языке может быть выражено и способом сочетания прилагательного с существительным в форме исходного падежа: *Манăн кăранташ санăн кăранташран вăрăм* «Мой карандаш длиннее твоего карандаша». Здесь сравниваются предметы по качеству при помощи синтаксической конструкции. В ней прилагательное не принимает специального форманта или может не принимать его.

Не образуют степеней сравнения только такие качественные прилагательные, которые обозначают постоянный признак, неспособный проявляться в большей или меньшей степени: *вилĕ мулкач* «мертвый заяц», *шăтăк витре* «дырявое ведро», *хуçăк кĕреçе* «изломанная лопата», *суккăр карчăк* «слепая старуха», *сулахай алă* «левая рука», *чуптар лаша* «игреневая лошадь», *турă ăйăр* «гнедой жеребец» и др.

§ 5. Сравнительная степень

Форма сравнительной степени в чувашском языке употребляется во всех позициях: перед именем, перед глаголом и

в позиции сказуемого. Аффикс, образующий эту форму, имеет алломорфы *-рах (-рех)* и *-тарах (-терех).*

По нормам современного литературного языка, алломорф *-рах, -рех* присоединяется к словам, оканчивающимся на гласные или глухие согласные: *сарлакарах* «шире, пошире», *ҫамрăкрах* «моложе, помоложе», *ҫĕнĕрех* «новее, поновее».

Формы типа *хăруштарах* (Хумма Ҫ.) «страшнее», *лайăхтарах* (Тихăн П.) «лучше», *пылактарах* (А. Назул), «слаще», *пысăктарах* (И. Юркин) «больше» следует рассматривать как диалектные.

Если прилагательные в ауслауте имеют сонорные согласные *й, л, м, н,* то в литературном языке допустимо употребление и *-рах (-рех),* и *-тарах (-терех)*: *нумайрах — нумайтарах* «побольше»; *сахалрах — сахалтарах* «поменьше», *кичемрех — кичемтерех* «скучнее», *аванрах — авантарах* «получше», *тарăнрах — тарăнтарах* «глубже», *чухăнрах — чухăнтарах* «беднее» и др.

Прилагательные, имеющие в конце сонорный *р*, всегда употребляются с алломорфом *-тарах (-терех*): *йывăртарах* «потяжелее», *хаяртарах* «злее». Использование в данной позиции некоторыми авторами алломорфа *-рах (-рех)* является нарушением нормы литературного языка: *хаяррах* (В. Бараев) «более сердитый», *хастаррах* «старательнее».

Возникает вопрос: откуда появился в чувашском языке лишний слог *-та- (-те)* перед аффиксом *-рах (-рех)* и образовал алломорф *-тарах (-терех)*? По мнению некоторых авторов, сегмент *-та (-те)* является буфером, вставляемым «для устранения столкновения двух *р* — аффиксального и корневого (ауслаутного), т.к. чувашский язык, как известно, не терпит стечения *р* на стыке морфем»: [5, с. 57]: *начар + та + рах* «беднее».

Несовместимость двух *р* на стыке корневой и суффиксальной морфем очевидна, но почему нет такого буфера в других словоформах: при соединении аффикса однократного прошедшего времени к корню глагола на *-р* (*ҫыр-т-ăм* «я написал»), при соединении аффиксов местного и исходного падежей к корню существительного на *-р* (*авăрта* «в омуте», *авăртан* «из омута»)? Если следовать вышеуказанному утверждению, то спасительный буфер должен был бы находить-

ся и перед аффиксом однократного прошедшего времени *(çырта-р-ăм?)*, и перед аффиксами местного и исходного падежей *(авăр-та-ра, авăр-та-ран?)*. Видимо, дело обстояло иначе. Данные некоторых тюркских языков позволяют усомниться в наличии такого буфера в чувашском языке. По данным В. Котвича, в киргизском и казахском языках, в большинстве сибирских и приволжских диалектов употребляется аффикс сравнительной степени *-dai (-dăi)*, а в некоторых диалектах и говорах Восточного Туркестана – аффикс *-dar* и его варианты [4, с. 147–148]. Вполне возможно, что в старочувашском языке наряду с *-рах (-рех)* после слов на *-р* использовали и алломорфы аффикса *-dar,* в составе которых ауслаутный гортанный звук со временем закономерно перестал употребляться, в связи с чем он фактически совпал с аффиксом местного падежа; во избежание алломорфизма, более ясного выражения значения сравнительной степени к форме на *-da/dă/ < dar /-dăr/* стали плеонастически прибавлять алломорф *-рах (-рех)*. В современном языке компоненты этого сложного аффикса прочно спаялись и утратили способность к расчлененному восприятию. Явления подобного рода называются ф у з и е й [см.: 3, с. 108–120].

§ 6. Превосходная степень (как явление морфосинтаксиса)

Форма превосходной степени образуется путем сочетания частиц *чи, чăн* с прилагательными в положительной степени и обозначает высшую степень качества данного предмета. Примеры: *Ĕненмесен те май килмест: ара эпĕ тĕнчере чи паллă та чаплă сунарçă-çке-ха* (К. Чулкаç) «И не верить-то трудно: ведь я являюсь самым известным и знаменитым охотником в мире»; *Манăн ăна хыттăн ыталас, чуптăвас, юлашкинчен чи кирлĕ, чи çутă, чи çулăмлă, чи хаваслă, телейлĕ сăмахсем калас килчĕ* (В. Алентей) «Мне захотелось сильно обнять ее, поцеловать и наконец сказать самые нужные, самые светлые, самые пламенные, самые веселые, счастливые слова»; *Чăн кĕçĕн хĕрĕ, Селиме, икĕ çулта пулнă* (И. Тăхти) «Самой младшей дочери, Селиме, было два года»; *Чăн телейлĕ пулăр çĕн çулталăкра* (Уйăп М.) «Будьте самыми счастливыми в новом году».

Форму превосходной степени не следует объединять с синтаксическими конструкциями, состоящими из сочетания полнозначного слова с прилагательными; например, *питĕ пысăк* «очень большой», *ытлашши кăра* «слишком раздражительный», *хисепсĕр нумай* «бесчисленно много», *вĕçĕмсĕр анлă* «беспредельно широкий», *калама çук телейлĕ* «невыразимо счастливый», *тӳсме çук сивĕ* «невыносимо холодный»; *ытарма çук хитре* «обворожительный», *çав тери аван* «весьма хороший» и др.

Изобразительные слова типа *лăк, пăч, чăлт, янкăр, яр* и проч. в сочетании с качественными прилагательными, видимо, не являются частицами и соответственно показателями превосходной степени: во-первых, они, как и все изобразительные слова, сочетаемы с узким кругом слов (каждое с 2–3 словами), в то время как круг слов, с которыми употребляются частицы, довольно большой; во-вторых, эти изобразительные слова сочетаются не только с определенным прилагательным, но и с глаголом: в-третьих, они, как полнозначные слова, отвечают на вопрос *в какой степени?* и в предложении являются обстоятельством меры и степени. Примеры: *лăк тулли* «полным-полно» (ср. *лăк тултар* «наполнить до краев»), *пăч тĕттĕм* «совсем темно» (ср. *Лампăна пăч сӳнтерчĕç* «Лампу вдруг погасили»), *чăлт шурă* «совершенно белый» (ср.: *Çумăр чăлт та пулмарĕ* «Дождя совсем не было»), *янкăр уяр кун* «совершенно ясный день» (ср.: *Çанталăк янкăрах уяртса ячĕ* «Погода совсем прояснилась»), *яр уçă алăк* «настежь открытая дверь» (ср.: *алăка яр уçса пăрах* «настежь открыть дверь»).

§ 7. Усилительные формы (интенсивы) имен прилагательных

Многие тюркологи-языковеды считают усилительные формы формами превосходной степени качественного прилагательного, но А.Н. Кононов отделил их от форм степеней сравнения [2, с. 161–162].

Усилительные формы выражают избыточную меру качества или высокую оценку качества.

В чувашском языке выделяются два вида усилительных форм качественных прилагательных.

1. Формы, образованные путем повторения основы прилагательного.

Первый компонент произносится с повышением голоса, несколько растянуто, с ударением; второй компонент выговаривают быстро: *пы-ысăк-пысăк çуртсем* «большие-пребольшие дома», *ту-утлă-тутлă пан улми* «вкусное-превкусное яблоко», *си-ивĕ-сивĕ шыв* «холодная-прехолодная вода». Такие формы образуются от большинства качественных прилагательных.

2. Формы, образованные путем присоединения начальной части основы с помощью интерфонемы *п* (реже *м*, или *н*) к началу качественного прилагательного: *çăп-çăмăл* «совершенно легкий», *кăп-кăтра* «совершенно кудрявый», *кăн-кăвак* «совершенно синий», *ем-ешĕл* «совершенно зеленый».

Процесс образования данной формы намного сложнее, чем процесс образования формы путем повтора основы.

Если говорящему нужно образовать рассматриваемый интенсив, то он сначала должен представить себе облик основы прилагательного. Ему (говорящему) должно быть известно, что не от всех прилагательных возможно образовать подобные формы. Они редко образуются от производных слов и совсем не образуются от прилагательных, имеющих в анлауте гласную фонему. Только убедившись, что нет препятствий для образования интенсива по принятой модели, говорящий берет из начальной части слова сегмент, состоящий из согласной и гласной фонем, затем присоединяет к нему интерфонему |*п*| (реже |*м*| или |*н*|) и, наконец, этот сегмент присоединяет к основе прилагательного. Роль интерфонемы в данном случае двойная: с одной стороны, она способствует соединению выделенного сегмента с последующей основой, с другой стороны, разграничивает его от основы. Без этого строевого, асемантического элемента предваряющая часть может слиться с основой (ср. *хуххура* «совершенно черный», *чăччăмăр* «совершенно круглый») и трудно было бы уяснить значение словоформы.

Примеры редкого употребления:

а) интерфонемы |*м*|: *Хĕвел тухрĕ, йăм-йăмăх пайăркисене яри сапаларĕ* (Г. Харлампьев) «Взошло солнце и рассеяло свои ярко-красные лучи во все стороны»; *Вăл-ку татахчĕ-ха, вилĕм-*

рен çăлса хăварчĕ пирĕн ушкăна Митя. Хăй ав чăм-чăлах тăрса юлчĕ (Н. Максимов) «Это еще ничего, Витя от смерти спас нашу группу. А сам вот остался совершенно искалеченным».

б) интерфонемы |*н*|: *кăн-кăвак «совершенно синий», йăняка пĕренесем* (В. Ильина) «совершенно гладкие бревна».

в) интерфонемы |*р*|:

Туссемпе ачаш, йăваш,
Тăшманпа çеç хар-хаяр (Я. Ухсай)

«С друзьями нежен и ласков, только с врагом – совершенно злой».

В предваряющей части некоторых словоформ |*а*| сохраняет свое старое произношение: *шап-шурă* «совершенно белый», *çап-çутă* «совершенно светлый», х*ап-хура* «совершенно черный», в основе же прилагательного |*а*| лабиализуется и сужается в |*у*|. Объяснение этого явления, по Н.И. Ашмарину, нужно искать в следующем: вторая часть прилагательного «произносится без достаточно сильной эмоции, тогда как первая выговаривается с особенно сильным подъемом чувства, потому что именно эта часть и выражает собою самое поразительное, что усматривает говорящий в созерцаемом им явлении» (Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азерб. гос. ун-та. Баку, 1925. Т. 1–2. С. 144).

§ 8. Некачественные прилагательные[5]

В отличие от качественных прилагательных некачественные характеризуются тем, что не выражают качества и не могут образовывать формы степеней сравнения. Все они образуются от имен существительных при помощи продуктивных аффиксов *-лă (-лĕ), -сăр (-сĕр)* и *-лăх (-лĕх): гусеницăллă трактор* «гусеничный трактор», *шăлсăр карчăк* «беззубая старушка», *вăхăтлăх пулăшу* «временная помощь».

В последнее время отдельные тюркологи и чувашеведы склоняются к мнению, что формы на *-лă (-лĕ), -сăр (-сĕр), -лăх (-лĕх)*, имеющие свои определения и некоторые словоизменительные аффиксы имен существительных, следует рассматривать не как дериваты, а как показатели с синтаксической функцией [1, с. 98–101].

Чтобы отличить словоизменительный аффикс от словообразовательного, требуется определить, во-первых, сохраняет ли основа слова свои категориальные признаки (категориальное значение основы, грамматические категории и валентностные свойства) или же она выполняет только роль мотивирующей основы (нейтрализуется ее категориальное значение, исчезают грамматические категории и валентностные свойства, присущие части речи, к которой принадлежит основа), во-вторых, какой дистрибуцией пользуется аффикс: к какой форме примыкает и какие морфемы может присоединить к себе самому.

Считается общепризнанным, что словообразовательный аффикс создает новую единицу в сфере номинации, а словоизменительный — выражает отношение между готовыми понятиями и оформляет слово как целостную единицу в составе высказывания.

В составе деривата (производного слова) в большинстве случаев наблюдается взаимодействие соединяющихся морфем: лексическое значение производящей основы конкретизирует то общее, что привносит деривационный аффикс, происходит лексикализация морфемных последовательностей. Внутри же словоформы взаимодействие морфем не является характерным.

Сначала о прилагательных на *-лă (-лĕ)*[6].

Известно, что любое производное прилагательное, как и все полнозначные слова, должно иметь обобщающее значение. Прилагательные не образуются для обозначения уникального свойства предмета или процесса. Поэтому в формировании производного прилагательного большую роль играет правильный подбор производящей основы. В ее составе не должно быть элементов, индивидуализирующих или конкретизирующих понятие, препятствующих образованию слова с обобщенным значением.

В свою очередь, как показывает материал чувашского языка, прилагательные не могут быть образованы от слов, лишенных конкретной семантики, например местоимений и собственных имен, ибо они лишили бы прилагательное основного его свойства — обозначить отличительный признак предмета или процесса.

Так, в словосочетаниях *моторлă кимĕ* «моторная лодка», *тĕплĕ витре* «ведро, имеющее дно» прилагательные упо-

треблены, чтобы показать отличие предметов от остальных им подобных по наличию чего-либо.

Из вышеизложенного вытекает, что прилагательные на *-лăй (-лĕ)* не образуются также от названий определенных предметов, принадлежащих к различным областям действительности, так как образование прилагательных от названий подобных предметов мешает выполнению их основной функции: они не смогут нести нужную информацию.

Нельзя, например, образовать сразу имена прилагательные на *-лăй (-лĕ)* а) от имен, обозначающих обязательные атрибуты тела: *пуç*[7] «голова», *пит* «лицо», *тута* «губы», *ура* «нога», *ĕнсе* «затылок» и др.; б) от имен, обозначающих часть от целого: части дома – *стена* «стена», *мачча* «потолок», *урай* «пол», *алăк* «дверь» и др.; части книги – *страница* «страница» и др.; в) от имен со значением времени: *тапхăр* «период, пора», *сехет* «часы», *эрне* «неделя», *кун* «день» и т.д.

Невозможность образования прилагательных от перечисленных существительных объясняется недостаточностью их семантики. Только при условии наличия поясняющих слов эти нарицательные имена все же могут принимать аффикс *-лăй (-лĕ)* и образовать прилагательное. Например, невозможно образовать прилагательное от слова *пит* «лицо». Было бы бессмысленно употреблять выражения *питлĕ çын* «человек с лицом», *питлĕ хĕр* «девушка с лицом», так как людей без лица не бывает. Но если мы присоединим суффикс *-лĕ* к словосочетанию, например, *хĕрлĕ пит* «красные щеки», то производное слово приобретает определенный смысл: *хĕрлĕ питлĕ хĕрсем* «краснощекие девицы». Ср. также: *нумай сасăллă хор* «многоголосый хор», *виçĕ ретлĕ сеялка* «трехрядная сеялка».

Для употребления же словоизменительных аффиксов не требуется восполнения семантики склоняемых основ указанных выше слов. Например, падежные суффиксы могут употребляться как с существительными с «недостаточной» семантикой, так и с собственными именами и местоимениями. Ср.: 1) *пит-ĕн* (род. п.), *пит-е* (дат.-вин. п.), *пит-ре* (мест. п.); 2) *Петĕр-ĕн, Петĕр-е, Петĕр-те*; 3) *ман-ăн* «у меня», *ман-а, ман-ра*.

Возможны случаи, когда аффикс *-лăй(-лĕ)* присоединяется к словосочетанию с полнозначным основным компонентом.

Прилагательные, образованные от словосочетаний, указывают на более конкретный признак предмета и выделяют его из круга предметов, имеющих более общую особенность. Ср.: *моторлă кимĕ* «моторная лодка (в кругу лодок вообще)» — *çĕнĕ моторлă кимĕсем* «лодки с новым мотором (в кругу моторных лодок)».

О том, что в качестве мотивирующей основы производных прилагательных могут выступать словосочетания, говорят типологически сходные данные многих языков.

Ср.:		
в чув. яз.:	*виҫĕ хутлă çурт*	*шурă çӳçлĕ хĕрача*
в рус. яз.:	*трехэтажный дом*	*белокурая девочка*
в нем. яз.:	*dreistockiges Haus*	*blondhaariges Mädchen*

Если при образовании прилагательного, мотивированного словосочетанием, в русском и немецком языках происходит значительная трансформация конструкции (участие интерфикса между компонентами, усечение основ и др.), то в чувашском языке в структуре прилагательного, мотивированного словосочетанием, в большинстве случаев не происходит заметного видоизменения: к опорному компоненту словосочетания, выраженному существительным, сразу присоединяется аффикс *-лă (-лĕ)*.

Следует отметить другую весьма существенную разницу между аффиксом *-лă (-лĕ)* и словоизменительными (напр., падежными) аффиксами. Как правило, словоизменительный аффикс присоединяется к любому имени, независимо от того, употребляется оно с определителем или без него, содержит имя в своем составе словоизменительные аффиксы или не содержит, а аффикс *-лă (-лĕ)* может присоединяться к словосочетанию или основе слова только выборочно. Ср.:

Употребление аффикса творительного падежа *-па (-пе)*	Употребление аффикса *лă (-лĕ)*
Складри моторпа «с мотором, находящимся на складе».	—
Манăн моторпа «с моим мотором»	—
Автомобиль моторĕпе «с мотором автомобиля».	—

Ванса кайнă моторпа «со сломанным мотором».	—
Çĕнĕ моторпа «с новым мотором»	*Çĕнĕ моторлă* «имеющий новый мотор»
Пĕр моторпа «с одним мотором»	*Пĕр моторлă* «имеющий один мотор»
Моторупа «(с) твоим мотором»	—
Моторсемпе «(с) моторами»	—

Приведенные примеры показывают, что для словоизменительного (в данном случае – падежного) аффикса важно наличие лишь категориального значения опорного слова, а именно — значения предметности. При его наличии релятивный аффикс присоединяется к форме любого лица и числа, к любой определительной конструкции. Что же касается аффикса *-лă (-лĕ)*, то он учитывает, насколько конкретной становится семантика производящей основы в результате употребления определителя при опорном слове или словоизменительного аффикса в составе производящей основы. Если в составе производящей основы (слова или синтаксической конструкции) окажутся лексические или грамматические показатели, конкретизирующие существительные в смысле места, времени, лица и числа, то употребление аффикса становится затруднительным или даже невозможным. Наличие показателей грамматических значений при существительном мешает образованию прилагательного с обобщающим значением. Если же в составе производящей основы определитель опорного слова выражен лишь основой слова (выступает в нулевой форме), то к именному словосочетанию вполне может быть присоединен аффикс *-лă (-лĕ)*.

В качестве определителя при опорном слове мотивирующей (производящей) основы, как правило, могут выступать:

а) прилагательные: *пысăк пĕлтерĕшлĕ ыйту* «вопрос большого значения», *çивĕч ăслă*[8] *кĕнекеçĕсем* «остроумные книжники», *хĕрлĕ ялавлă колонна* «краснознаменная колонна»;

б) числительные: *пилĕк хваттерлĕ*[9] *çурт* «пятиквартирный дом»;

в) существительные: *çĕмĕрт куçлă каччă* «парень с глазами как черемуха».

В решении вопроса о том, что же создается в результате соединения аффикса *-лӑ (-лӗ)* с основой имени существительного – форма слова или дериват, большое значение имеет выяснение типа зависимости между ними.

Как правило, при образовании той или иной формы слова (например, падежной) не происходит никаких изменений в природе имени существительного. Полностью сохраняется категориальное значение существительного. В силу этого не претерпевают изменений показатели других форм, остаются в таком же виде валентностные свойства части речи.

При акте же словообразования мы наблюдаем большой сдвиг в составе производящей основы как в плане содержания, так и в плане выражения.

Так, при сочетании аффикса *-лӑ (-лӗ)* с именем существительным происходит нейтрализация категориальной схемы производящей основы. Это проявляется, во-первых, в полной утрате семантической валентности существительного: после присоединения к нему аффикса *-лӑ (-лӗ)* мы не можем пользоваться определителями, которые могли бы сочетаться с ним до этого акта. Например, словосочетание *хура тӑпра* «черная земля» может употребляться в падежных формах, и при этом оно вполне может распространяться другими определителями и принять вид сложного словосочетания: *уйри хура тӑпрапа* «черной землей, находящейся в поле», *пӗр витре хура тӑпрапа* «одним ведром черной земли» и др. Если же словосочетание *хура тӑпра* употребить в качестве производящей основы и присоединить к нему деривационный аффикс *-лӑ (-лӗ),* то данное словосочетание едва ли может распространиться определителями *уйри, пӗр витре* и т.д.

Во-вторых, при присоединении аффикса *-лӑ (-лӗ)* к словосочетанию в составе производящей основы перестают употребляться показатели грамматических категорий, свойственных именам существительным. Так, аффикс *-лӑ (-лӗ)* нередко может присоединяться к определительному словосочетанию, состоящему из двух существительных и аффикса 3 лица *-ӗ (-и)*, т.е. к так называемой изафетной конструкции, но перед деривационным аффиксом *-лӑ (-лӗ)* аффикс 3 лица в большинстве случаев устраняется как нерелевантный элемент. Примеры: *салтак тумлӑ хӗрарӑм* (А. Алка) «женщина в солдатском мундире», *поэт чунлӑ ҫын* (И. Григорьев)

«человек с душой поэта», *сунарçă куçлă хуралçă* (П. Хусанкай) «сторож с охотничьим взором».

Правда, здесь возможно сохранение морфа *-и*. Например, *шăпчăк йăвиллĕ садсем* (Я. Ухсай) «сады с соловьиными гнездами».

Все же аффикс 3 лица, по сравнению с аффиксами 1 и 2 лица, более абстрактен, поэтому употребление его перед аффиксом *-лă (-лĕ*) не вызывает осложнений в общении. Другое дело, когда в существительном имеется аффикс 1 или 2 лица. После них вообще невозможно применение деривационного аффикса *-лă (-лĕ)*. Ср.: *чĕре-м-лĕ (?)*, *чĕр-ӳ-ллĕ (?)* от слова *чĕре* «сердце».

Во избежание двусмысленности иногда перед аффиксом *-лă (-лĕ)* употребляется аффикс множественного числа: *пуш вакунсемлĕ пуйăс* (Патмар) «поезд с пустыми вагонами», *шурă çуртсемлĕ хула* (П. Львов) «город с белыми домами» и др. Возможно, это является тенденцией последнего времени. Но некоторые авторы перестраховывают себя, употребляя аффикс множественного числа. Уместнее было бы, например, употребление *хитре колоннăллă çурт* «дом с красивыми колоннами», *вăйлă алăллă*[10] *Галимджан* «Галимджан с сильными руками».

Очень часто значение предметного отношения в прилагательном совмещается со значением качественной характеристики этого отношения. Так, у слова *тĕплĕ* основное значение «имеющий дно, с дном»: *тĕплĕ витре* «ведро с дном». Это же прилагательное имеет и переносные, качественные, значения: а) «основательный, обстоятельный»: *тĕплĕ ĕç* «обстоятельная работа»; б) «прочный, крепкий, солидный»: *тĕплĕ кил-çурт* «солидный дом», в) «экономный, бережливый»: *тĕплĕ хуçа* «бережливый хозяин»; г) «пунктуальный, точный»: *тĕплĕ анализ* «основательный анализ». Такое отклонение значения словообразовательной конструкции или такая фразеологизация производного нехарактерна для процессов словоизменения.

Качественное значение в деривате возникает в процессе словообразования в результате взаимодействия лексического значения производящей основы со значением словообразовательного аффикса или метафорических переносов свойств, обозначаемых производными прилагательными.

Если бы *-лӑ (-лӗ)* мы рассматривали в качестве словоизменительного («синтаксического») аффикса, то было бы трудно объяснить употребление после него аффикса словообразования наречий *-ӑн (-ӗн)*. Этот аффикс образует наречия от основ имен существительных и прилагательных. Примеры: *Арлӑ-арӑмлӑн*[11] *пӗр ҫын пек пурӑнмалла* (Ват. сӑм.) «Супругам нужно жить в согласии»;

Чун кӑвар ҫунатлӑн вӗҫтӗр
Кив ҫӗртен ҫӗн ҫул ҫине (Çеҫпӗл М.)

«Огнекрылою душою
Отправляйся дерзновенней
В неизведанный полет» (Перевод П. Хузангая).

От прилагательных на *-лӑ (-лӗ)* возможно также образование глаголов: *вӑйлӑлан* «становиться сильным, крепнуть», *хаклӑлан* «становиться дороже, подниматься в цене, дорожать».

Образование наречий и глаголов от словоформ при помощи аффиксов вообще невозможно.

Что же касается вопроса о некачественных прилагательных на *-сӑр (-сӗр)* в чувашском языке, то дискуссия по вопросам чувашской грамматики в 1953–1954 гг. в основном разрешила его правильно. Деривационный аффикс *-сӑр (-сӗр)* под влиянием антонимического аффикса творительного падежа *-па (-пе)* приобрел статус самостоятельного падежа: кроме образования прилагательных, он стал выступать в качестве выразителя словоизменительных отношений со значением «в отсутствие кого- или чего-нибудь». В сущности, из словообразовательного аффикса отпочковался новый, словоизменительный аффикс.

У деривационного аффикса *-сӑр (-сӗр)* наблюдаются в общих чертах те же особенности, что и у аффикса *-лӑ (-лӗ)*: а) по употребительности он является продуктивным; б) не может образовывать слова от ряда основ: от собственных имен, местоимений и т.д.

Прилагательное на *-сӑр (-сӗр)* обозначает свойство предмета по отсутствию другого предмета, выраженного производящей основой: *моторсӑр кимӗ* «лодка без мотора, безмоторная лодка», значение его во многих случаях антонимично значению прилагательного на *-лӑ (-лӗ)*; ср. *моторлӑ кимӗ*[12]. Но та-

кие прилагательные не могут обозначать, сколько предметов и чьи предметы отсутствуют, иными словами, в структуре прилагательного не может быть показателей лица и числа.

В зависимости от семантики производящей основы прилагательные на *-сăр (-сĕр)*, как и прилагательные на *-лă (-лĕ)*, могут быть качественными и некачественными: а) от абстрактных (отвлеченных) существительных образуются большей частью качественные прилагательные: *вăйсăр çын* «слабый (несильный) человек», б) от вещественных существительных – в основном некачественные прилагательные: *алăсăр* «безрукий», *ачасăр* «бездетный», *рельссăр* «безрельсовый».

Качественные прилагательные изменяются по степеням сравнения: *вăйсăртарах çын* «более слабый человек», *чи вăйсăр çын* «самый слабый человек». Но прилагательные на *-сăр (-сĕр)*, в отличие от прилагательных на *-лă (-лĕ)*, образуются чаще от отдельных слов, реже от словосочетаний. Это объясняется, очевидно, тем, что отсутствующий признак, как правило, не имеет своих уточнителей. Употребляют *шур сухаллă старик* «белобородый старик», но не говорят *шур сухалсăр старик*, хотя возможно *сухалсăр старик*. Или еще: прилагательное *вунă хутлă* «десятиэтажный» не имеет своего антонима *вунă хутсăр*.

Наконец, о прилагательных на *-лăх (-лĕх)*. В отличие от рассмотренных выше, данные прилагательные только изредка могут переходить в качественные.

Прилагательные на *-лăх (-лĕх)* следует отличать от существительных, образованных при помощи омонимичного аффикса *-лăх (-лĕх)*. Очевидно, второй аффикс отпочковался от первого.

Для показа данного процесса необходимо слова, созданные при помощи *-лăх (-лĕх)*, подразделить на три группы.

В первую группу входят слова, функционирующие как прилагательные: *сутлăх продукци* «продукция на продажу», *силослăх кукуруза* «кукуруза на силос», *экспортлăх йывăç* «экспортный лес», *вăхăтлăх правительство* «временное правительство», *çур уйăхлăх укçа* «деньги на полмесяца» и др.[13]

Во вторую группу попадают слова, выступающие с особенностями имени существительного: *туслăх* «дружба», *ирĕклĕх* «свобода», *пĕрлĕх* «единство», *хăвалăх* «ивняк», *пуçлăх* «начальник», *тасалăх* «чистота» и др.

В третьей группе фигурируют слова, имеющие признаки и прилагательного, и существительного: *кĕрĕклĕх тир* «шкурки на шубу» — *кĕрĕклĕх туян* «купить (материал) на шубу», *пилĕк çуллăх план* «пятилетний план», *вун иккĕмĕш пилĕк çуллăх* «двенадцатая пятилетка» и др.

Судя по исследованиям современных тюркских языков и древнетюркских письменных памятников, допустимо предположение, что аффикс *-лăх (-лĕх)* первоначально мог функционировать только как деривационный аффикс имен прилагательных. В пользу такой гипотезы говорит ряд данных тюркских языков. Во-первых, от суффикса отпочковался этимологически общий с ним аффикс *-лă (-лĕ)* с особенностями прилагательного: *ачаллă* «имеющий ребенка», *мăйăхлă* «имеющий усы» и др. Во-вторых, и ныне активный способ словообразования по конверсии мог действовать еще в далеком прошлом. В чувашском языке (возможно, и в других тюркских языках) в определенных условиях образуются способом конверсии существительные как от первичных прилагательных, так и от вторичных. При этом происходит трансформация не только в семантике, но и в морфологии и валентностных свойствах производного слова. Подобный же процесс происходил, очевидно, и со словами, входящими в третью группу (см. выше). Например, в словосочетании *кĕрĕклĕх тир* слово *кĕрĕклĕх* является прилагательным, а в словосочетании *кĕрĕклĕх туян* слово *кĕрĕклĕх* является существительным, образованным по конверсии, а не способом суффиксации. По-видимому, со временем говорящими забывалось, каким способом были созданы подобные слова – способом конверсии или аффиксацией, и произошла своеобразная контаминация. Полагая, что существительные типа *кĕрĕклĕх* образованы способом аффиксации, по образцу их эксплицитной структуры начали создавать все новые и новые существительные при помощи аффикса *-лăх (-лĕх).*

К первоначальным существительным, образованным способом аффиксации и выражающим «предмет, предназначенный для выражения действия производящей основой», следует относить слова типа *çăварлăх* «удила», *кутлăх* «шлея», *питлĕх* «заслонка» и др. То, что эти слова образованы способом аффиксации, а не конверсии, подтверждается отсутствием в языке их производящих основ — имен прилагательных.

В современном же языке мы имеем существительные на *-лăх (-лĕх)* значительно больше, чем прилагательных на *-лăх (-лĕх)*. Отличительная черта подобных существительных состоит в том, что они чаще всего выражают отвлеченные понятия. Образуются эти существительные от ряда частей речи: 1) от существительных: а) названий растений: *юманлăх* «дубняк, дубовый лес», *хырлăх* «сосняк, сосновый лес» и др.; б) от названий отвлеченных понятий: *тимлĕх* «старательность, усердие», *тăнăçлăх* «спокойствие, мир», *тухăçлăх* «прибыльность» и др.; в) от названий действий: *витĕмлĕх* «действенность, убедительность», *пуçарулăх* «инициатива; инициативность» и др.; 2) от прилагательных: *тасалăх* «чистота», *хаваслăх* «радость, восторг» и др.; 3) от наречий: *аваллăх* «древность»; 4) от числительных: *пĕрлĕх* «единство»; 5) от подражательных слов: *вăр-варлăх* «проворность», *йăрт-яртлăх* «резвость». В качестве мотивирующей основы иногда могут употребляться и словосочетания: *мăн кăмăллăх* «высокомерие, надменность, чванливость».

Прилагательное на *-лăх (-лĕх)* употребляется главным образом для выражения значения: «предназначенный для того, что обозначено производящей основой»[14]. В данном случае в качестве производящей основы могут выступать названия действий или названия конкретных предметов. Указанное значение прилагательного сохраняется как в роли определения, так и в роли обстоятельства или сказуемого. Примеры: а) *сутлăх пианино* «пианино на продажу», *вăрлăхлăх клевер* «семенной клевер»; б) *курăка утăлăх çулса типĕт* «косить траву на сено», *çуррине вăрлăхлăх хăвар* «половину оставить на семена», *силослăх акнă культурăсем* «культуры, посеянные на силос»; в) *Тăлăх путек тăлăплăх, тăлăх ача салтаклăх* (Ват. сăм.) «Сиротинка-ягненок (пригодится) на тулуп, сирота-паренек – в солдаты». При выполнении роли обстоятельства цели во избежание двусмысленности к прилагательному могут прибавлять аффикс дательно-винительного падежа.

Другие значения прилагательного тесно связаны с первым. Для выражения значения «достаточный для срока, названного производящей основой» аффикс *-лăх (-лĕх)* прибавляют к названиям временных отрезков или к наречиям времени. Указанное значение также сохраняется как в роли определения, так и в роли обстоятельства или сказуемого:

а) *минутлăх ĕç* «минутное дело», *ĕмĕрлĕх мухтав* «вечная слава», *сезонлăх билет* «сезонный билет», *малашлăх план* «перспективный план»; б) *минутлăх тĕл пул* «встретиться на минуту»; *Çиме виç кунлăх çитет* «Еды хватит на три дня»; *Пирус паянлăх тупăнать* «Папиросы на сегодня найдутся»; в) *Хӳхĕм хăю сехетлĕх* (загадка) «Прелестная лента на один час»; *Хĕр ĕмĕрĕ – хăналăх, арăм ĕмĕрĕ – яланлăх* (Ват. сăм.) «Девичья доля – на время, женская доля – навсегда».

§ 9. О склонении имен прилагательных

Имя прилагательное в позиции перед именем существительным никогда не принимает падежных аффиксов. В позиции же перед глаголом оно, если не перешло по конверсии в существительное, не изменяется по числам и лицам, но в определенных условиях может принимать некоторые падежные аффиксы, обычно употребляемые с существительными для связи с другими словами в предложении. С прилагательными употребляется большинство падежных показателей. Не находят применения лишь формы родительного и лишительного падежей. Общеизвестно, что падеж – это грамматическая категория, свойственная имени существительному[15]. При наличии категориального значения предметности любое существительное может употребляться во всех падежах. А вот прилагательные, не имея категориального значения предметности, могут находиться в той или иной падежной форме. Возникает ряд вопросов. Что позволяет прилагательным принимать некоторые падежные аффиксы? Можно ли говорить, что прилагательные имеют категорию падежа? Почему не все падежи употребляются? В грамматиках тюркских языков эти вопросы не затрагиваются.

Применение того или иного падежного аффикса с именем прилагательным зависит от различных условий.

1. В некоторых случаях определительное словосочетание эллиптируется: опускается определяемое слово – существительное, а его падежный аффикс переносится на определяющее прилагательное, при этом из значения прилагательного и контекста легко догадаться о значении отсутствующего существительного. Например: *Хĕвел аннă, анчах уяр каç кун çути нумая тăсăлать* (Тихăн П.) «Солнце село, но

в ясный вечер дневной свет сохраняется надолго». Из контекста отчетливо видно, что в этом предложении словоформа *нумая* употреблена в значении *нумай вăхăта*. Любопытно, что прилагательное употребляется как самостоятельный член предложения, отвечает на вопрос, исходящий от управляющего глагола: *мĕн чухлĕ (вăхăта)?* «как долго?» В данном предложении форма *нумая* выступает в качестве обстоятельства меры и степени. Опущение слова *вăхăт* делает предложение сочным, выразительным. Форма *нумая* одновременно обозначает и время, и его признак. Здесь не может быть и речи о переходе слова *нумай* по конверсии в существительное: во-первых, семантика слова *нумай* слишком обширна, по ней трудно было бы определить значение произведенного по конверсии слова. Прилагательное *нумай* может определять существительные самых различных групп: *нумай çын* «много людей», *нумай укçа* «много денег», *нумай пĕлӳ* «много знаний» и т.п. Образование слов по конверсии связано только с теми основами, которые имеют конкретную семантику. Например: *сулхăн* «прохладный; прохлада», *варкăш* «веять; свежий; порыв (ветра)»; *чухăн* «бедный; бедняк».

Прилагательные могут употребляться вместо существительных в следующих падежах:

а) в дательно-винительном падеже: *Пальтона хаклăраха (хаклăрах хака) сут* «Продать пальто по более дорогой (цене)»; *Пулă та тарăна (тарăн вырăна) шырать* (А. Медведев) «И рыба ищет, где глубоко (глубокое место)»; *Пуху вăраха (вăрах вăхăта) тăсăлчĕ* (И. Михайлов) «Собрание затянулось долго»; *Çĕр улми йĕпене (йĕпе çанталăка) юлмасть* «Картошку не оставим на ненастную (погоду)»;

б) в местном падеже: *Эпĕ санпа вăрттăнра (вăрттăн вырăнта) калаçасшăн* «Я хочу поговорить с тобой тайно (в тайном месте)»; *Юрату хăвачĕ хитрере (хитре сăнта) мар* (С. Шавли) «Сила любви не в красоте (не в красивом облике)»; *Авалтанпа чăваш хĕсĕкре (хĕсĕк пурнăçра) пурăннă* (Çеçпĕл М.) «Испокон веков чуваши жили в нужде (в стесненном положении)»;

в) в исходном падеже: *Каялла тавăннăн чухне тӳрĕрен (тӳрĕ çĕртен) каймарăмăр* (Юхма М.) «Обратно мы не пошли прямиком (прямой дорогой)»; *Карчăк мĕн пĕчĕкрен (мĕн пĕчĕк ачаран) ӳсен-тăрансене юратнă* (Хв. Уяр) «Старуха с самого

раннего детства любила растения»; *Вĕрçĕнĕрен (вĕрçĕнĕ тиртен) эп кĕрĕк çĕлерĕм* «Из новых шкурок я сшила шубу»;

г) в творительном падеже: *Комбайнер кăвакпа (кăвак сăрпа) сăрланă машина патĕнче тĕрмешет* (С. Аслан) «Комбайнер возится у машины, покрашенной в синий (цвет)»; *Паллах, вăл япала çăмăлпа (çăмăл мелпе) пулмарĕ* (В. Игнатьев) «Конечно, эта вещь получилась нелегко (не легким способом)»; *Пĕрмай эп сылтăмпа (сылтăм алăпа) çапаттăм* (А. Ĕçхĕл) «Я постоянно молотил правой (правой рукой)»; *Паллах ĕнтĕ, ăна патшалăх хаклăрахпа (хаклăрах хакпа) туянать* «Конечно, его (зерно) государство покупает за дорого (по более дорогой цене)»; *Чӳречесене çĕнĕпе (çĕнĕ каркăçпа) карнă* (Л. Кузьмин) «Окна занавешены новым (новой занавеской)»;

д) в причинно-целевом падеже:

– Яка çырма чĕлхем пуклак.
– Мĕн шухăшлан, тӳрех кала.
Якашăн пит ан çун,
хам пулăшăп пăртак (С. Шавли)

« – Красиво писать язык тупой.
– Ты пиши, о чем думаешь. Не гонись очень за красотой (красивым языком), сам немного помогу».

2. В вышеприведенных примерах опускаемое существительное легко подразумевается, да и контекст помогает в восстановлении понятия. Но в некоторых конструкциях значения поясняемых слов трудно восстановить. В таких случаях прилагательное в падежной форме и связанный с ним глагол становятся синтаксически неделимыми, переходят во фразеологические конструкции и выступают вместе как один член. Вот некоторые примеры с прилагательными в дательно-винительном падеже: *Хăвна ху ĕмĕрне те ан хур пысăка* (А. Канаш) «Никогда не следует вести себя высокомерно»; *Вăхăт нумая кайрĕ* (И. Тукташ) «Время затянулось надолго»; *Пĕр кун кая юлни те темрен хакла ларĕ* «И опоздание на один день потом обойдется дорого»; *Элекçей сӳпĕлтетсе çӳренине йывăра илмелле-и?* (Л. Толстой) «Стоит ли обижаться на то, что Алексей несет всякий вздор?».

3. При соединении двух однородных членов, образованных из прилагательных, пользуются суффиксом творительного падежа и присоединяют его к первому компоненту:

Пичĕ тăрхала, ҫӳҫĕ хурапа тĕттĕм хушшинче (Хв. Уяр) «Лицо его продолговатое, волосы между черным и темным (цветами)»; *Класра (Тимуш) хĕрлĕпе кăвак ҫипрен тĕртсе тунă кĕпепе те кăвак йĕмпе ларать* (Хумма Ҫ.) «В классе (Тимуш) сидит в рубашке из холста, сотканного из красных и синих ниток, и в синих штанах».

4. Усиление качества передается путем постановки одного и того же прилагательного сначала в исходном падеже, потом – в форме сравнительной или положительной степени. Между компонентами может находиться также союзная частица *та (те):*

Ман ҫĕршывăн тӳпи кăвакран кăвакрах,
Хĕрлĕрен хĕрлĕрех ун хĕвелĕ (П. Хусанкай)

«Яснее ясного небо моей страны, краснее красного ее солнце»;

Вут ҫулăмĕ пысăкран пысăк ялкăшать (М. Трубина) «Пламя пылает все больше и больше»; *Халĕ, юлташсем, пирĕн ума кирлĕрен те кирлĕ, пысăкран та пысăк задача тухса тăчĕ* (И. Тукташ) «Товарищи, перед нами возникла задача важнее важной, самая большая»; *Хитререн хитре, ҫӳллĕрен ҫӳллĕ* «Краше красивого, выше высокого».

5. Когда прилагательное является сказуемым предложения, при превращении последнего в придаточное причины для связи его с главным к сказуемому присоединяют аффикс исходного или причинно-целевого падежа.

Аффикс исходного падежа употребляется при указании на признак, обстоятельство, являющееся поводом, основанием для какого-либо действия: *Халăх питĕ нумайран стадионра тăвăрччĕ, пăчăччĕ, тӳсме ҫук шăрăхчĕ* (А. Артемьев) «Оттого, что народу очень много, на стадионе было тесно, душно и нестерпимо жарко»;

Апат хатĕр хăнашăн
Алли-ури ҫăмăлран (К. Иванов)

«Для гостей готов обед, оттого что она проворна»;

Ыраш вăйлăран ҫынсем инҫетрен курăнмаҫҫĕ те иккен (К. Турхан) «Оказывается, людей не видно издалека потому, что рожь высокая».

Аффикс причинно-целевого падежа употребляется, когда качество, состояние вызывают чувство, переживание: *Ваттисем ăна ĕçченшĕн, сăпайлăшăн хисеплетчĕç* (А. Артемьев) «Пожилые уважали ее за трудолюбие, скромность»;

Йăлкăш çулĕ вăрăм çул,
Çул вăрăмшăн каймастпăр,
Хĕр вăрăмшăн каятпăр (И. Ефимов)

«Ильгишевская дорога длинна; мы едем не потому, что дорога длинная, а потому, что девушка рослая».

§ 10. Категория выделения имен прилагательных

Общим значением категории выделения прилагательных является выражение выделения предмета по его признаку, что актуализирует субстанциональный объект, упомянутый ранее в речи или известный по контексту и ситуации, через его признак. Образуется она при помощи аффикса *-и* или *-скер* как от качественных прилагательных, так и от некачественных: *пысăкки* «тот из них, кто большой», *пысăкскер* «один из тех, кто большой», *шурă костюмли* «тот из них, кто в белом костюме».

Вслед за Н.И. Ашмариным некоторые авторы (Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев, В.Г. Егоров, Б.А. Серебренников) аффикс *-и* категории выделения рассматривали как аффикс 3 лица принадлежности, что, конечно, не является справедливым.

При образовании выделительной формы на *-и* от прилагательных происходят различные морфонологические изменения: а) гласные *а* или *е* в ауслауте чередуются с нулем звука: *таса* «чистый» + *-и* > *таси* «то из них, что чисто», *çемçе* «мягкий» + -и > *çемçи* «то из них, что мягко»;

б) редуцированный гласный |*ă*| или |*ĕ*| также сочетается с нулем звука, а согласный, стоящий перед |*ă*| (|*ĕ*|), становится долгим: *сарă* «желтый» + - *и* > *сарри* «то из них, что желтое», *çĕнĕ* «новый» + *-и* > *çĕнни* «то из них, что новое»; в) если прилагательное имеет в ауслауте краткий согласный, то при присоединении аффикса *-и* оно чередуется с долгим согласным: *çывăх* «близкий» + *-и* > *çывăххи* «то из них, что близкое». При образовании выделительной формы на *-скер* не происходит никаких морфологических изменений.

Любая выделительная форма прилагательного склоняется (изменяется по числам и падежам).

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Осн.	*пысăкки*	*пысăкскер*	*пысăккисем*	*пысăкскерсем*
Род.	*пысăккин*	*пысăкскерĕн*	*пысăккисен(ĕн)*	*пысăкскерсен(ĕн)*
Дат.-вин.	*пысăккине*	*пысăкскере*	*пысăккисене*	*пысăкскерсене*
Мест.	*пысăккинче*	*пысăкскерте*	*пысăккисенче*	*пысăкскерсенче*
Исх.	*пысăккинчен*	*пысăкскертен*	*пысăккисенчен*	*пысăкскерсенчен*
Тв.	*пысăккипе*	*пысăкскерпе*	*пысăккисемпе*	*пысăкскерсемпе*
Лиш.	*пысăккисĕр*	*пысăкскерсĕр*	*пысăккисемсĕр*	*пысăкскерсемсĕр*
Пр.-цел.	*пысăккишĕн*	*пысăкскершĕн*	*пысăккисемшĕн*	*пысăкскерсемшĕн*

Как правило, выделительная форма не изменяется по лицам. Но форму на *-скер* в языке художественных произведений нередко можно встретить с аффиксом 1 лица:

Халь те çавах, чи çывăхскерĕм,
Сана кĕтетĕп тилмĕрсе (М. Сениэль)

«И теперь так же, моя самая близкая, тебя я жду с нетерпением».

Выделительные формы выступают как специальные выразители общего категориального значения предметности.

Форма на *-и* выражает выделение предмета из общей среды, противопоставляя его другим предметам по наличию какого-либо признака. Форма на *-скер* обозначает предмет, относящийся к группе предметов, характеризуемых каким-либо признаком. Она часто употребляется с добавочным оттенком значения причины, уступки, условия и др. Например: *Оля, гриппа чирлĕскер, шкула каяймарĕ* «Оля, больная гриппом, не смогла пойти в школу». В данном предложении форма *чирлĕскер* содержит оттенок причины.

Аффикс выделения присоединяется не только к основе слова как таковой, но и к словоформе, в данном случае – к одной из форм категории степеней сравнения. Поскольку форма основной степени не имеет специального аффикса, она признается равной основе прилагательного.

В словоформах, имеющих суффикс выделения, находятся как бы два центра, содержащие информационную нагрузку, вокруг них сгруппированы грамматические морфемы.

Словоформа с выделительным аффиксом напоминает определительное словосочетание, лексическое значение осно-

вы слова с относящимися к ней грамматическими аффиксами, поясняет (мотивирует) предметное значение второго центра, у которого имеются свои грамматические морфемы.

Грамматическая часть первого центра несет коммуникативную функцию закрытого типа, она выполняет функцию связи первого центра со вторым, т.е. внутри слова. «Полномочия» основы слова не простираются на вторую часть грамматических морфем. А грамматическая часть второго центра соединяет слово, т.е. всю предыдущую часть, с другим членом предложения. Категориальное значение первого центра поясняет, конкретизирует категориальное значение второго центра. Получается, что центр, выраженный служебной морфемой, несет основную информационную нагрузку (хотя он указывает на предыдущее слово), а центр, выраженный лексической морфемой, выполняет вспомогательную информационную нагрузку (для данного предложения).

Номинации, выраженные при помощи форм выделения, могут быть двух видов: 1) идентифицирующая, или делающая равнозначной, номинация и 2) предикативная номинация.

При идентификации, т.е. при повторной номинации, аффиксы *-и, -скер*, как субституты ранее названных существительных, спасают текст от повторов, делают речь динамичной, лаконичной. Указывая на предыдущие предметные названия, они выполняют в какой-то степени и роль связующих элементов данного высказывания с прежним. Выделительные аффиксы прибавляются не только к отдельным словоформам, но и к различным синтаксическим конструкциям: к словосочетаниям, к придаточным предложениям и даже к сложноподчиненным предложениям:

Çынсем сар хĕрпе выляççĕ,
Эпир выляссисем те ӳсеççĕ.

«Парни играют с девицами-красавицами, растут и те, с кем мы будем играть».

Предикативная номинация лишена прямой отнесенности к предметной номинации, она прилагается к денотату не непосредственно, а через субъект предложения [2, с. 332–340]. Аффиксы *-и, -скер* в предикате играют не идентифицирую-

щую роль, а квалификативную (оценочную): *Çынни тăрăшаканскер* «А человек из старательных».

Синтаксическая функция выделительной формы прилагательного зависит от того, в каком предложении она находится. Если она употребляется в том же предложении, то выполняет функцию обособленного согласуемого определения. Например: *Пашалу Ваççи, манран виçĕ çул асläрахскер, урамра ялан манран мăшкăллать* (А. Талвир) «Вася Лепешкин, который старше меня на три года, на улице всегда насмехается надо мной»; *Ваççа илтмест. Ăна, телейпе ӳсĕрскере, пурпĕрех* (Ю. Скворцов) «Вася не слышит. Ему, пьяному от счастья, все равно». Категория числа и падежа выделительной формы в данном случае указывает не на число и падеж самой формы, а на число и падеж существительного, обозначающего предмет, которому принадлежит признак.

Если же выделительная форма употребляется в предложении, где нет определяемого существительного, то ее синтаксическая функция зависит от того, в каком падеже она употреблена: она может быть и подлежащим, и дополнением. Следует отметить, что указанные члены могут употребляться в любой падежной форме. Например: *Пăхатпăр, улмуççи айĕнче çăмламасскер мĕшĕлтетет* (Г. Харлампьев) «Смотрим, под яблоней возится мохнатенький»; *Савниллисем куçран куça пăхса ялтраççĕ, ташша чĕнеççĕ* (Ю. Скворцов) «Те, у кого есть милые, сияют, смотря друг другу в глаза, приглашают на танец»; *Колхозра çемçе алăллисене юратмаççĕ, Мариç инке...* (Н. Терентьев) «В колхозе не любят тех, у кого нежные ручки, тетя Маруся»; *Ĕçсем лайăх пыраççĕ, тата лайăхраххишĕн кĕрешетпĕр* (С. Лашман) «Дела идут хорошо, мы стремимся к лучшему».

В данном случае показатели числа и падежа выделительной формы прилагательного не связаны с определяемым существительным, находящимся в предыдущем предложении. Показатель падежа служит для связи рассматриваемой формы с управляющим глаголом данного предложения.

Среди согласуемых определений следует различать обособленные и необособленные. Выделительная форма прилагательного, находящаяся рядом с определяемым словом (существительным, числительным, местоимением), независимо от того, в какой позиции она расположена, позади него или

впереди, обособляется интонационно. Например: *Хĕрарăмсем чăвашла тумланнă. Пĕри, ватăраххи, кивĕрех сăхман тăхăннă* (В. Краснов-Асли) «Женщины одеты по-чувашски. Одна из них, которая постарше, одета в старенький кафтан».

Если же выделительная форма прилагательного находится в данном предложении на определенном расстоянии от определяемого слова и рядом со сказуемым, она не обособляется. Примеры: *Хваттерĕ, пĕр пӳлĕмлĕ çеç пулин те, хăтлăскер лекрĕ* (Хв. Агивер) «Квартира, хотя и однокомнатная, попалась уютная»; *Велосипечĕ миçе тĕрли, мĕн-мĕн тĕсли çукши кунта!* (В. Алентей) «Велосипедов какого вида, каких цветов только нет здесь!»; *Апатне те старшинамăр çитерет çав тутлине* (П. Хусанкай) «И обедом кормит старшина наш только вкусным»; *Вĕлтрен çулçисене вăл (Яриле) чи симĕссисене, сарăлса çитейменнисене суйласа татать* (Хв. Уяр) «Листья крапивы он (Ярила) рвет, выбирая самые зеленые, не успевшие раскрыться».

При употреблении в качестве предикативной номинации выделительная форма прилагательного выполняет функцию сказуемого: *Ачасенчен эпĕ чи асли* (Л. Агаков) «Из ребят я самый старший»; *Лаши чăхăмăçскер пулнă пулас* «Лошадь, наверное, была из норовистых».

§ 11. Категория времени имен прилагательных

Прилагательное в функции сказуемого может быть в настоящем и прошедшем времени.

В настоящем времени прилагательное не имеет специального временного показателя.

Форма прошедшего времени образуется путем прибавления постфикса *-(ч)чĕ* к основе прилагательного: *йӳçĕччĕ* «был кислым», *хитреччĕ* «был красивым».

Настоящее время прилагательного выражает качество, свойство предмета не только в момент речи, но и постоянно.

Форма прошедшего времени выражает состояние (качество) предмета в продолжительном прошлом. Если в абзаце именное сказуемое предложения выражено формой прошедшего времени, то и действие глагола показывается в прошлом, но глагол, как правило, находится в многократном прошедшем времени.

Разумеется, в таких случаях предмет и действие будут выражены в одном временном срезе. Например: *Ах, каҫĕ хитреччĕ ҫав! Арбуз чĕлли пек хĕрлĕ уйăх ҫутататчĕ. Ҫапла, чăн-чăн арбуз чĕлли пек курăнатчĕ вăл* (В. Алентей). «Ах, как хорош был тогда вечер! Красная луна светила, как ломоть арбуза. Действительно, она виднелась как ломоть арбуза».

Хотя нередко прилагательное находится в форме прошедшего времени, но чувствуется, что речь идет о времени настоящем:

– *Натюш, ман сана валли парне пурччĕ* (Н. Мранькка) «Надюша, у меня для тебя был подарочек» (Подарочек и сейчас есть, он при себе же);

– *Сире кам кирлĕ?*

– *Мана Соколов кирлĕччĕ* (Н. Мранькка)

« – Кого Вам надо?

– Мне нужен был Соколов».

В предложениях с именным сказуемым отрицательную форму образуют прибавлением частицы *мар* к основе имени, а после нее употребляют постфикс *-(ч)чĕ: Дергачев ротине Палюк килни уйăхран та ытла марччĕ-ха, ҫапах вăл салтаксене час илешсе ҫитрĕ* (Илпек М.) «С момента, как Палюк поступил в роту Дергачева, не прошло и месяца, но он быстро привык к солдатам».

Бинарное противопоставление времен весьма удобно в сопоставительных предложениях. Именное сказуемое с постфиксом *-чĕ*, как правило, употребляется в препозитивной части текста. Например: *Ванюш Пăваран тухнă чухне пĕлĕтлĕрехчĕ. Халĕ ак тулли уйăх йăвашшăн ҫутатать* (В. Ухли) «Когда Ванюш покидал Буинск, погода была пасмурная. Теперь вот ласково светит луна».

Раздел 5

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Имя числительное как часть речи

Имя числительное – это часть речи, характеризующаяся категориальным значением определенного числа и выражающая данное значение формами количества, порядка, распределения и совокупности, а также синтаксическими особенностями.

К числительным не относятся слова типа *нумай* «много», *чылай* «изрядно», *самай* «значительно», *сахал* «мало», так как они не выражают значения определенного числа, в морфологическом же отношении имеют формы и сочетаемость, свойственные только прилагательным: *нумай – нумайрах, чи нумай; нумаййи, нумайскер; питĕ нумай* «очень много», *кăшт сахалрах* «чуть поменьше»; *чылай пысăк çурт* «довольно большой дом».

Числительные чувашского языка отличаются от числительных других тюркских языков тем, что их основы в зависимости от выполняемых ими синтаксических функций имеют по две формы. При выполнении атрибутивной функции в инлауте основы числительного согласный употребляется без удвоения, а в случае, когда определяемое слово словосочетания эллиптируется и числительное начинает выполнять другие (неатрибутивные) синтаксические функции, то в инлауте основы числительного выступает гемината; ср. *тăхăр сехет* «девять часов» – *тăххăр çитет* «время приближается к девяти (часам)»; *Тăххăрта таврăнтăм* «Я вернулся в девять (часов)».

В морфологическом отношении словоизменительные формы имен числительных делятся на две группы:

1) формы, присущие только числительным. Это формы количества (*икĕ кĕнеке* «две книги»), порядка (*иккĕмĕш çурт* «второй дом»), распределения (*икшер пан улми* «по два яблока») и совокупности (*иккĕн пурăн* «жить вдвоем»)[1];

2) формы, свойственные именам существительным. Это формы лица (1 л. *иксĕмĕр*; 2 л. *иксĕр*; 3 л. *иккĕшĕ*), числа *(вăтăрсенче)* и падежа *(вуннăра, çирĕмрен)*.

Формы количества, порядка, распределения и собирательности свойственны всем числительным, как простым, так и составным, и образуются вне зависимости от контекста. Поэтому их можно называть языковыми формами имен числительных.

Формы числа и падежа числительных образуются в ходе контекстуального или ситуативного эллиптирования определяемого существительного из атрибутивного словосочетания и в результате переноса их на числительное. Эти формы не создают самостоятельных категорий, так как они являются лишь слабыми отпечатками имен существительных в результате речевой субстантивации и совершенно не зависят от категориального значения числительного, а парадигмы указанных форм часто бывают ущербными.

В чувашском языке числа от одного до миллиарда выражаются при помощи сочетания друг с другом двадцати трех слов[2]:

пĕрре (1)	*тăххăр* (9)	*çĕр* (100)
иккĕ (2)	*вуннă* (10)	*пин* (1000)
виççĕ (3)	*çирĕм* (20)	*миллион* (1000000)
тăваттă (4)	*вăтăр* (30)	*миллиард* (1000000000)
пиллĕк (5)	*хĕрĕх* (40)	*çурă* (1/2)
улттă (6)	*аллă* (50)	*чĕрĕк* (1/4)
çиччĕ (7)	*утмăл* (60)	*уçмушка* (1/8)
саккăр (8)	*çитмĕл* (70)	

Несмотря на то что количество слов, входящих в данную часть речи, невелико, их можно делить на группы по дихотомическому принципу, исходя из семантических и грамматических признаков.

Числительные бывают целые и дробные. Целые числительные делятся на названия единиц и большинства десятков (1–10, 20, 30, 40, 50, 60, 70) и на названия разрядов и классов (единица, десятки, сотни, тысячи, миллионы, миллиарды).

В первую подгруппу входят числительные, которые не нуждаются в уточнении, т.е. в поясняющих словах, так как они выражают конкретные числа и не могут выступать в качестве ядра сочетания, а сами часто функционируют в качестве поясняющего числа нумеративного сочетания. Указанные числительные отличаются также тем, что не могут выступать в удвоенном виде, кроме отдельных числительных: *пĕр-пĕр* «какой-нибудь, какой-либо», *вун-вун* «десятки», *çĕр-çĕр* «сотни», *пин-пин* «тысячи», *миллион-миллион* «миллионы», *пин-пин çăлтăр* «тысячи звезд».

Вторую группу составляют названия разрядов первого класса (единицы, десятки и сотни) и классов (тысячи, миллионы, миллиарды). Для того чтобы эти названия выражали определенные числа, за исключением единиц, при них могут быть адъюнкты, выраженные чаще всего числительными: *икĕ пин, çĕр миллион* и т.д. Но из названий десятков только 80 и 90 образуются при помощи определительных словосочетаний: *сакăр вуннă* и *тăхăр вуннă*, остальные же десятки называются при помощи отдельных слов. Если же название разряда или класса должно определяться числительным *пĕр*, при словах *çĕр*, *пин* этот адъюнкт опускается: *пин кĕнеке* «(одна) тысяча книг». Для выражения приблизительного числа название того или иного разряда или класса употребляют в повторном виде: *пĕр-пĕр çын* «какой-нибудь человек», *пин-пин çăлтăр* «тысячи звезд», *çĕр-çĕр йĕлтĕрçĕ* «сотни лыжников», *вун-вун ача* «десятки детей».

§ 2. Простые и составные числительные

Числительные, состоящие только из одного корня, называются простыми: *пĕрре* «один», *пиллĕк* «пять», *çирĕм* «двадцать», *пин* «тысяча», *çурă* «половина». В современном чувашском языке нет производных числительных, образованных при помощи аффиксов, но следы изжитых словообразовательных компонентов сохранились, например, в *утмăл* «шестьдесят» (< *улт-мăл*) и *çитмĕл* «семьдесят» (< *çич-мĕл*). Думается, что формант *-мăл (-мĕл)* в этих числительных когда-то действительно имел признаки аффикса, но впоследствии он слился с корневым морфом и семантически, и фонетически, т.е. про-

изошло опрощение. Поэтому слова *утмăл* и *çитмĕл* в современном языке воспринимаются как непроизводные[3].

В чувашском языке нет и сложных числительных. То, что чувашской орфографией предлагается писать слитно синтаксические конструкции по типу русских числительных от 11 до 19 и от 200 до 900, ничем не оправдано. Значения «двенадцать», «двести» и т.п. передаются по-чувашски не сложными словами, а словосочетаниями *вун иккĕ, ик(ĕ) çĕр* и т.д., которые ничем не отличаются от сочетания типа *вăтăр иккĕ* «тридцать два» и *икĕ пин* «две тысячи»; в обоих случаях не происходит никакой лексикализации: легко вычленяются отдельные слова. Появление или исчезновение фонемы [*ĕ*] в конструкциях типа *-ик(ĕ) пин* не делает сочетание неделимым, здесь все зависит от внешнего сандхи.

Все числа, за исключением тех, которые обозначаются простыми словами, в чувашском языке передаются сочетаниями как сочинительными, так и подчинительными, что спасает от образования и необходимости запоминания множества слов. Говорящие создают любые названия больших чисел в ходе речи, пользуясь правилами образования сочетаний.

Названия разрядов и классов чисел в составных числительных располагаются в порядке от самого большого к самому маленькому по следующей схеме:

миллиард + миллион + пин + çĕр + вуннă + единица
«тысяча» «сто» «десять»

В конструкции составного числительного названия разрядов и классов сочетаются с главными словами (ядрами) и как равные члены связываются друг с другом отношением сочинения, но перестановка их местами исключена.

У названий разрядов и классов чисел могут быть, как было отмечено выше, адъюнкты, выраженные числительными. Если слово определяет что-то, значит, оно находится в подчинительной связи с определяемым словом. Подчинительный характер связи можно проверить путем постановки вопроса от главного слова к зависимому (*Миçе пин?* «Сколько тысяч?», *Миçе миллион?* «Сколько миллионов?») так же, как в обычных именных словосочетаниях (*Миçе кĕнеке?* «Сколько книг?», *Миçе кун?* «Сколько дней?»).

Определяющее числительное (адъюнкт) всегда должно выражать меньшее число, чем число, выраженное названием разряда или класса, а также обозначать, сколько раз берется число, передаваемое названием разряда или класса. Укажем еще на одну существенную деталь: число, выраженное адъюнктом, не беспредельно, оно не может быть более трехзначного числа.

Так, у названия разряда *вуннӑ* «десять» теоретически в качестве адъюнкта могут быть единицы от *пӗр* «один» до *тӑхӑр* «девять». Но в этой роли используются только числительные *сакӑр* «восемь» и *тӑхӑр* «девять», потому что остальные десятки выражаются простыми числительными: *çирӗм* «двадцать», *вӑтӑр* «тридцать», *хӗрӗх* «сорок», *аллӑ* «пятьдесят», *утмӑл* «шестьдесят», *çитмӗл* «семьдесят».

Название разряда *çӗр* «сто» может иметь при себе в качестве адъюнкта числительные в пределах от *пӗр* до *тӑхӑр*: *ик çӗр* «двести», *виҫ çӗр* «триста», *тӑват çӗр* «четыреста» и т.д. Но в большинстве случаев слово *пӗр* перед *çӗр* опускается.

При названиях классов *пин* «тысяча», *миллион, миллиард* в роли адъюнкта могут выступать числительные от простого числительного *пӗр* «один» до составного *тӑхӑр çӗр тӑхӑр вун тӑхӑр* «девятьсот девяносто девять». Если число превосходит тысячу, то после названия класса числа *(миллиард*, *миллион*, *пин)* для выражения сочинительной связи каждый раз вставляется частица *та (те)* в роли соединительного союза. Схематически это можно показать так:

авс *миллиард та* + авс *миллион та* + авс *пин те* + авс

Здесь *а* выражает сотню, *в* – десятку, *с* – единицу.

Вот конкретный пример: *виҫ çӗр çитмӗл икӗ миллиард та çӗр хӗрӗх ултӑ миллион та тӑхӑр çӗр сакӑр вун ултӑ пин те çӗр тӑхӑр вун тӑваттӑ* = 372 146 986 194.

Таким образом, конструкция сочетания числительных (т. е. составного числительного) может состоять из числительных, соединенных между собой сочинительной и подчинительной связью.

В архаичных текстах наблюдается употребление частицы *та (те)* и в простых сочетаниях – после названий сотен

или десятков: *ҫĕр те ҫитмĕл* «сто и семьдесят», *ҫитмĕл те ҫичĕ чĕлхе* «семьдесят и семь языков», *ҫĕр те пĕр професси* «сто и одна профессия».

Вăтăр та пĕр ту ҫинче
Йĕс хуранта пиҫ, яшка.
(К. Иванов. Нарспи)

«На горах – на тридцати
И одной – котел-латунь» (Перевод П. Хузангая).

Ср. употребление частицы *та (те)* в архаическом выражении *сум та пилĕк пус* «рубль и пять копеек».

Дробные числительные употребляются лишь в качестве адъюнкта названий больших разрядов чисел: *ҫур пин* «полтысячи», *чĕрĕк миллион* «четверть миллиона». Сочетание числительного *уҫмушка* с другими числительными в современном языке вообще не наблюдается.

В качестве адъюнкта названий разрядов чисел изредка употребляются некоторые местоимения и прилагательные: *Миҫе пин?* «Сколько тысяч?»; *темиҫе миллион* «несколько миллионов», *нумай пин* «много тысяч» и др.

В современном языке дробные числа также выражаются сочетанием простых числительных: *иккĕ вуннăмĕш* «две десятых», *тăваттă тулли те улттă ҫиччĕмĕш* «четыре целых и шесть седьмых». Но здесь нет той системы, которая наблюдается в образовании целых составных числительных. Для обозначения числителя употребляется неатрибутивная форма, а для обозначения знаменателя — порядковая форма. После числительных, выражающих целое число, может употребляться слово *тулли* «полный, целый». Надо заметить, что конструкция дробного числительного образуется в современном чувашском языке путем буквального перевода с русского без достаточного осмысления отношений компонентов конструкции. Целесообразнее было бы выражать значения числителя при помощи атрибутивной количественной формы. Например, вместо *иккĕ вуннăмĕш* вернее было бы сказать *икĕ вуннăмĕш*, что означало бы: «десятых долей взяты две», «десятые части две». Тем не менее отклонение стало узусом для языка, оно закрепилось многолетним преподаванием математики в школе.

§ 3. Категория нумератива
Общая часть категории нумератива

Деление числительных на количественные, порядковые, разделительные и собирательные разряды не оправдывается ни семантически, ни морфологически. Все они образуются от одних и тех же слов по одинаковой модели с одинаковым грамматическим значением от одного и того же разряда. От присоединения аффиксов *-мĕш, -шар (-шер), -ăн (-ĕн)* к числительному оно не перестает быть самим собой. Все эти черты дают основание отнести формы, образованные при помощи указанных аффиксов, к словоизменению, а не к словообразованию.

В качестве косвенного доказательства сказанного можно указать на употребительность вышеприведенных аффиксов с местоимениями (вопросительными, отрицательными), заменяющими имя числительное. Как правило, от местоимений не образуются производные слова. Однако, например, к вопросительному местоимению *миçе* свободно могут присоединяться указанные аффиксы. Значит, с этой точки зрения они являются словоизменительными аффиксами имен числительных.

Формы, образованные от числительных при помощи *-мĕш, -шар (-шер), -ăн (-ĕн)*, выражают различные отношения числительных к другим словам в предложении точно так же, как и падежные формы существительных показывают всевозможные отношения к другим словам.

К формам, имеющим языковое выражение, присоединяется и количественная форма, не имеющая маркера. Она выражает количество предметов или действий, полученное в результате подсчета: *виçĕ кĕнеке* «три книги»; *Виççĕ каларăм* «Я говорил трижды».

Порядковая форма образуется при помощи суффикса *-мăш (-мĕш)*, выражает место предмета или действия при счете: *виççĕмĕш çурт* «третий дом», *Виççĕмĕш çитрĕм* «Я пришел третьим».

Разделительная форма образуется посредством аффикса *-шар (-шер)*, обозначает равное количество предметов или действий, которое приходится на каждого (лицо или предмет)

при распределении: *виҫшер пан улми* «по три яблока»; *Кашни кĕнекене виҫшер туянтăм* «Каждой книги я купил по три».

Собирательная форма образуется при помощи аффикса *-ăн (-ĕн)*, передает значение количества лиц в данной совокупности: *Эпир виҫҫĕн кайрăмăр* «Мы пошли втроем»; *Виҫҫĕн*[4] *пырса ҫитрĕҫ* «Пришли (они) втроем».

Парадигма не разграничивает, а отождествляет единицы языка. Единицы, находящиеся в разных позициях, располагаются в одном ряду. Их объединяет позиционный характер чередований. Имя или глагол, с которыми сочетается числительное, воздействуют, влияют на него и требуют подчинения и принятия необходимой формы.

Перечисленные выше формы с их значениями и свойствами образуют морфологическую категорию нумератива.

Категория нумератива обобщает ряд однотипных грамматических значений, образующих оппозицию.

Все формы, за исключением количественной, являются сильными членами привативной оппозиции, все они имеют строго определенное значение и специальные показатели. Количественный нумератив противостоит остальным многозначностью и наличием подкатегории, что свидетельствует о высокой степени абстрактности, грамматичности данной формы.

Хотя количественная форма является слабым членом парадигмы, но в ее структуре выделилась своеобразная привативная оппозиция двух подчленов: атрибутивная форма и неатрибутивная. Первая является сильной, фиксированной формой, а вторая – нейтральной.

Атрибутивная форма отличается своей предыменной позицией, а неатрибутивная форма – неопределенностью позиции. Кроме того, в первом случае количественная форма в инлауте имеет простой согласный, во втором случае – долгий: *виҫ(ĕ) кĕнеке* «три книги»; *Виҫҫĕ каларăм* «Я говорил трижды».

Количественный нумератив противостоит остальным в смысле выражения значения количества в определенных условиях. Сам он показывает наличие конкретного числа предметов или кратности действия при счете, а разделительный нумератив называет количество предметов, одинаково доставшееся кому-, чему-либо при распределении, или кратность дей-

ствия, порядковый же нумератив – количество предметов или кратность действия до названного числа включительно при перечислении, и, наконец, собирательный нумератив называет количество лиц в группе. С функциональной точки зрения собирательный нумератив противостоит остальным нумеративам выражением синтаксических функций уточнения или подлежащего.

Нумеративная форма, находящаяся в именном или глагольном сочетании, отличается простотой структуры. Но в языке очень часто под влиянием контекста ядро определенного словосочетания подвергается эллипсису, в результате чего имеющийся при существительном аффикс множественного числа или аффикс падежа переходит к нумеративу. Происходит своеобразная речевая субстантивация нумеративных форм и частичное изменение их по падежам.

В дальнейшем изложении будут описаны подобные изменения каждой нумеративной формы.

§ 4. Количественный нумератив

Как уже было сказано, количественный нумератив не имеет специальных показателей категории. Форма этого нумератива равна начальной форме (основе) числительного. Но в зависимости от того, в какой позиции он выступает – в предыменной или непредыменной, все же можно выделить две формы.

Если нумератив занимает предыменную позицию, то в фонетической структуре числительного инлаутный согласный выступает в негеминированном виде. Негеминированную форму количественного нумератива, исходя из синтаксической функции, вполне можно называть атрибутивной. Когда количественный нумератив освобождается от поясняемого (ядерного) слова, в его фонетической структуре происходит геминация инлаутного согласного. Подобную форму мы называем неатрибутивной.

В морфологическом отношении атрибутивная форма обладает свойством, как и все определяющие слова перед существительными или названиями разрядов чисел, не принимать никаких формообразовательных аффиксов.

Под влиянием внешнего сандхи атрибутивные формы могут опускать или присоединять в ауслауте гласную фонему |ӑ| или |ӗ|, и от этого совершенно не будет зависеть грамматическое значение адъюнкта. По наличию или отсутствию такого нерелевантного признака атрибутивные формы числительных ничем не отличаются от качественных прилагательных, имеющих в ауслауте фонемы |ӑ| или |ӗ|. Ср.:

Прилагательные	Числительные
Шурӑ сухал ~ шур сухал «белая борода»	*виҫӗ сӗтел ~ виҫ сӗтел* «три стола»
Сарӑ ача ~ сар ача «красавец»	*икӗ ача ~ ик ача* «два ребенка»

§ 5. Неатрибутивная форма

Отличительной особенностью неатрибутивной формы является геминация инлаутного согласного. При употреблении в речи подобные формы занимают более «свободную» позицию, т.е. в сочетании с другим членом не образуют смыслового единства, выступают в роли главных членов предложения – подлежащего и сказуемого.

Сказанное нуждается в разъяснении.

Неатрибутивная форма возникает в речи в следующих типичных случаях.

1. Если в предложении определяемое существительное упомянуто в сочетании с атрибутивной формой количественного нумератива один раз или, в крайнем случае, два раза, то при обозначении другого количества этого же предмета именем числительным само название предмета (существительное) не повторяется, а опускается, так как нет нужды в нем. И числительное переходит в позицию перед глаголом-сказуемым в виде неатрибутивной формы: *Урамалла виҫӗ чӳрече тухать, хушӑри йывӑҫ пахчинелле – пӗрре* (Ҫ. Элкер) «На улицу выходят три окна, а в сторону сада – одно»; *Татах ним чӗнмесӗр утаҫҫӗ ашшӗпе ывӑлӗ. Ҫухрӑм, иккӗ, виҫҫӗ* (Л. Агаков) «Отец с сыном и дальше продолжают идти молча. Километр, два, три».

2. Во многих случаях семантика глагола-сказуемого предложения подсказывает, с каким предметом связано его действие. Так, глаголы *тултар, ҫит* «исполняться, достичь» и *пурӑн* «жить» связаны с существительным *ҫул* «год, лет», гла-

гол *çап* «бить (о часах)» и др. с существительным *хут* «раз», *пĕтер* «заканчивать» – с существительным *класс* и т.д. И часто эти существительные эллиптируются. Примеры: *Огурцов çирĕм тăваттă çеçултарнă* (М. Белов) «Огурцову исполнилось только двадцать четыре года»; *Сехет вуннă çапрĕ* (Г. Харлампьев) «Часы пробили десять».

Это не значит, что перечисленные имена существительные не употребляются теперь в качестве определяемых слов. Ср.: *Ман ывăл ача кăçал кĕркунне вунă çул тултарчĕ* (И. Тăхти) «Моему сыну осенью этого года исполнилось десять лет». Однако, по нашим наблюдениям, предпочтение дается конструкциям с опущенными существительными.

Как в первом случае, так и во втором неатрибутивная форма числительного берет на себя синтаксическую функцию и форму существительного, т.е. несет на себе двойную нагрузку: и числительного, и существительного.

Эти случаи употребления неатрибутивной формы во многом напоминают функции выделительных форм прилагательных. Неупотребительность аффиксов выделения с формами числительных объясняется, очевидно, как раз тем, что числительные имеют свою специфическую форму для выражения идеи предмета.

3. К рассмотренным двум случаям употребления неатрибутивной формы в сравнительно позднее время прибавился третий случай. Когда в школах стали изучать математику, для обозначения математических – абстрактных – чисел стали пользоваться готовой «самостоятельной» формой числительного: *Çиччĕрен виççĕ кăларсан тăваттă юлать* «Если из семи отнять три, останется четыре». Здесь уже не может быть речи об опускании существительных. Иногда же при выражении абстрактных чисел пользуются и существительным *хут*: *ик хут иккĕ – тăваттă* «Дважды два – четыре». Пожалуй, сюда же следует относить и употребление неатрибутивных форм при абстрактном счете.

Поскольку неатрибутивные формы числительных могут нести и нагрузку существительного, то они в состоянии употребляться с аффиксами словоизменения имен существительных: числа и падежа. Но ввиду того, что основа числительного выражает число, аффикс множественного числа обозначает только приблизительность количества. Форма мно-

жественного числа часто употребляется для обозначения возраста, часа, стоимости и т.п.: *аллăсене çитнĕ çын* «человек, достигший лет пятидесяти», *утмăлсенчен иртнĕ Кришка мучи* «дед Гриша, которому перевалило за шестьдесят (лет)»; *Вуннăсемпе туянма пулать* «Можно купить примерно за десять (рублей)».

Падежи неатрибутивных форм ограничены в употреблении. Исходя из контекста легко можно судить о количестве предметов или лиц, о которых идет речь.

В основном падеже выражается: а) при глаголах действия – кратность действия: *Çиччĕ виç те пĕрре кас* (Ват. сăм.) «Семь раз отмерь, один раз отрежь»; б) при глаголах отправления и прибытия – количество времени (в часах): *тăххăр çитсен тухса кай* «отправиться в девять (часов)»; в) при глаголе *тултар* «исполниться» – возраст: *Нина вун саккăр тултарчĕ* «Нине исполнилось восемнадцать (лет)»; г) при глаголе *(ĕçлесе) ил* «зарабатывать» – размер зарплаты: *Эпĕ уйăхне çĕр çирĕм илетĕп* «Я зарабатываю в месяц сто двадцать (рублей)»; д) при арифметических действиях – абстрактное число: *Вуннă пиллĕкрен ик хут пысăк* «Десять больше пяти в два раза» и др.

Форма родительного падежа выражает только абстрактное число: *Вун улттăн çурри – саккăр* «Половина шестнадцати – восемь».

Форма дательного падежа выражает: а) достижение до определенного количества денег (в рублях): *Перекет кассинче унăн икĕ пине çитейменччĕ-ха* «У него еще не накопилось до двух тысяч (рублей) в сберкассе»; б) достижение до определенного возраста: *Александров алла çитеймен-ха* «Александрову нет еще пятидесяти (лет)»; в) деление на определенное количество частей: *Тип вар пирĕн яла икке уйăрать* «Овраг делит нашу деревню на две (части)»; г) при арифметических действиях – абстрактный объект: *Çичче саккăр çине хутла* «Семь помножь на восемь».

В местном падеже выражается значение: а) нахождения во времени (в часах): *Пиллĕкре кино пуçланать* «В пять (часов) начнется кино»; б) нахождения в возрасте: *Анне утмăлта* «Матери шестьдесят (лет)»; в) нахождения в определенном количестве людей: *Çĕрте малта пыр, пинте кая ан юл* (Ват. сăм.) «В сотне старайся быть впереди, а среди тысячи не отставай».

Форма исходного падежа показывает: а) в арифметических действиях – вычитание от числа кого- или чего-либо: *Иккĕрен пĕрне те тытаймарăм* (К. Чулкаç) «Из двух (зайцев) не поймал ни одного»; б) превосходство над числом кого- или чего-либо: *Ачисем вуннăран та иртнĕ* «Детей у них более десяти»; в) превосходство по возрасту: *Асатте çитмĕлтен иртнĕ* «Деду перевалило за семьдесят».

Творительный падеж выражает: а) нахождение в возрасте: *Эпĕ вун çиччĕпе пыратăп* «Мне семнадцатый год»; б) количество объекта: *çиччĕпе хуçнă çăпата* «лапти, плетенные из семи лык».

Лишительный падеж обозначает предел времени: *Апу вуннăсăр килмест* «Твоя старшая сестра не придет раньше десяти (часов)».

Употребление неатрибутивных форм в причинно-целевом падеже нами не зафиксировано.

Форма дательного падежа может употребляться с аффиксом направления *-лла (-лле)* и означать приближение к возрасту, указанному числительным: *Утмăлалла çывхарнă Фаддей Фаддейч* «Фаддей Фаддеич, приблизившийся к шестидесяти годам».

Форма местного падежа может употребляться с аффиксом выделения *-и*. В этом случае субстантивная форма показывает возраст человека: *Вун пиллĕкри çĕртме тăвать, / Сӳре сӳрет вун иккĕри* (С. Шавли) «Пятнадцатилетний поднимает зябь, боронит двенадцатилетний».

§ 6. Порядковый нумератив

В чувашском языке значение места предмета при счете передается двумя формами числительных. Одна из них представляет реликтовую форму: она образуется от атрибутивных форм при помощи аффикса *-ăм (-ĕм)* и употребляется только при указании на места дней, ночей и годов при перечислении их по порядку. Но эти формы ограничиваются числами от трех до семи. Для пройденных дней, ночей и годов началом перечисления являются сегодняшний день, сегодняшняя ночь и нынешний год. Для передачи второго дня, второй ночи и второго года не пользуются порядковой формой, а обозначают их наречиями *ĕнер* «вчера», *çĕркаç* «в прошедший вечер», *пĕл-*

тĕр «в прошлом году». Дальнейшее перечисление идет следующим образом.

Порядок / Названия времен	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
День	*виҫĕм кун*	*тăватăм кун*	*пилĕкĕм кун*	*ултăм кун*	*ҫичĕм кун*
Вечер	*виҫĕм каҫ*	*тăватăм каҫ*	*пилĕкĕм каҫ*	*ултăм каҫ*	*ҫичĕм каҫ*
Год	*виҫĕм ҫул*	*тăватăм ҫул*	*пилĕкĕм ҫул*	*ултăм ҫул*	*ҫичĕм ҫул*

Примеры: *Пĕлессе вăл ăна виҫĕм ҫултанпах пĕлет* (А. Ĕçхĕл) «Знает-то он его с позапрошлого года»; *Шамбов улпут йăлт ҫуннă виҫĕм каҫ* (С. Шавли) «Имение помещика Шамбова сгорело в позапрошлую ночь дотла»; *Тăватăм ҫул патша законĕпе хăратса тытса илтĕн вăл анана* (М. Ухсай) «Четыре года назад ты отнял у меня этот загон, устрашая законом царя».

Неупотребительность этих порядковых форм с другими именами делает вышеприведенные словосочетания в некоторой степени устойчивыми, не делимыми на синтаксические компоненты. Кое-кто из чувашеведов склонен даже рассматривать их как смежные («сложные») слова и перешедшие в наречия. Но порядковые формы трудно считать утратившими свои грамматические значения, так как от них можно образовать парные слова: *Виҫĕм-тăватăм ҫулсенче мĕнле пулнă – паян кун та вăл ҫавăн пекех* (Хв. Уяр) «Каким был три-четыре года тому назад – и сегодня он такой же»; *Пилĕкĕм-ултăм ҫулсенчех. Куртей хăтан карчăкĕ вилнĕ-мĕн те, ҫавăнтанпах вăл пĕччен пурăнать иккен* (Хв. Уяр) «Жена свата Гордея умерла, оказывается, еще пять-шесть лет назад, и с тех пор он живет одинехонек».

Для обозначения времени в плане будущего употребляется порядковая форма на *-мине*, образованная при помощи аффикса *-ăм (-ĕм)*, аффикса выделения *-и* и аффикса дательного падежа. Такая форма выражает место (номер) будущего дня при перечислении: *виҫмине*[5] «на третий день (в будущем)» (< *виҫ-м-ин-е*), *тăватмине* «на четвертый день (в будущем)», *пилĕкмине* «на пятый день (в будущем)», *ултмине* «на шестой день (в будущем)», *ҫичмине* «на седьмой день (в будущем)». Ука-

занные формы, как застывшие, целесообразно рассматривать в классе наречий. Ср. образование наречий *çуркунне* «весной», *кĕркунне* «осенью», в структуре которых фигурирует аффикс дательного падежа.

Вторая порядковая форма образуется от атрибутивной формы числительного при помощи аффикса *-мĕш*. По единодушному мнению ряда исследователей, этот аффикс восходит к двум аффиксам. Но по поводу конкретных компонентов данного аффикса мнения ученых расходятся.

В позиции перед существительным порядковая форма числительного не может принимать других формообразующих аффиксов: *Пуху иккĕмĕш ыйту çине куçрĕ* (Ç. Элкер) «Собрание перешло ко второму вопросу»; *Пĕрремĕш автансем авăтсан тин çынсем правленирен тухса саланчĕç* (А. Артемьев) «Люди стали уходить из правления только после первых петухов». Но в речи при повторном употреблении очень часто может опускаться ядерное слово – существительное из изафетной конструкции, и тогда его аффиксы лица, числа и падежа переходят к адъюнкту – разделительной форме: *Пĕрремĕш пайĕнче – хор, иккĕмĕшĕнче – хам çырнă сăвăсем, виççĕмĕшĕнче – ташă* (Г. Харлампьев.) «В первом отделении – хор, во втором – стихи собственного сочинения, в третьем – танцы»; *Перемена вăхăтĕнче пĕрремĕш класрисене тăваттăмĕшĕсем патне куçса кайма хушрĕç* (М. Ухсай) «Во время перемены тем, кто в первых классах, велели перейти к четвероклассникам (букв.: к четвертым)». Другими словами, порядковые формы, принимая аффикс 3 лица, могут изменяться по числам и падежам.

§ 7. Разделительный нумератив

В современном чувашском языке разделительные формы числительных образуются от атрибутивных форм, а также от названий дробных чисел путем прибавления суффикса *-шар (-шер)*: *икшер* «по два (две)», *сакăршар* «по восьми», *вуншар* «по десяти», *çирĕм пилĕкшер* «по двадцати пяти», *çуршар* «по половине» и т.д. Лишь реликтовая форма *пĕрер* «по одному (одной)» образована при помощи алломорфа *-ер*. Но при образовании разделительной формы от составного числительного, включающего слово *пĕр*, указанный алломорф заменяется алломорфом *-шер*: *çирĕм пĕршер* «по двадцати одному (одной)», *вăтăр пĕршер* «по тридцати одному (одной)».

Если учесть, что в ряде тюркских языков при образовании разделительных форм после слов с гласным в ауслауте прибавляется *-шар (-шер)*, а после основ на согласный *-ар (-ер)*, то существование формы *пĕрер* дает возможность полагать, что на древней стадии развития чувашского языка существовало такое же положение, как и в других тюркских языках. Но со временем, когда в языке появилась краткая атрибутивная форма числительного, она стала выступать в качестве основы при образовании разделительной формы, а интерфонема |*ш*| стала употребляться со всеми числительными, за исключением слова *пĕр*. Когда же формы типа *икĕшер* встали на путь сокращения словоформы за счет исключения гласных фонем |*ă*| или |*ĕ*|, интерфонема |*ш*| утратила свою значимость и слилась с аффиксом *-ар (-ер)*. Так возник разделительный аффикс в новом облике *-шар (-шер)*[6].

Помимо прибавления к отдельным словам, аффикс *-шар (-шер)* может употребляться и с нумеративными сочетаниями. Но здесь имеются свои особенности. Если компоненты составного числительного соединены друг с другом способом сочинения, то аффикс *-шар (-шер)* ставится в конце синтаксической конструкции: *вăтăр икшер* «по тридцать два (две)», *çĕр утмăлшар* «по ста шестидесяти». Если же число обозначается подчинительным сочетанием числительных, то этот аффикс прибавляется к адъюнкту, поясняющему название разряда числа *(çĕр, пин, миллион* и т.д.*)*: *Тăватă доярка кашни ĕнерен пилĕкшер пин килограмм сĕт суса илчĕç* «Четыре доярки надоили от каждой коровы по пяти тысяч килограммов молока». Но в последнее время под воздействием орфографии указанное правило очень часто стали нарушать: поскольку компоненты названий сотен пишутся вместе, то при употреблении их в разделительной форме пишущие считают неудобным нарушать правописание «сложного слова» и ставить аффикс *-шар (-шер)* не после адъюнкта, поэтому употребляют его в конце сочетания: *Кĕркунне карпсем вăтамран виç çĕршер грамм кăна тайнă* («Ком. ял.») «Осенью карпы весили в среднем только по триста граммов».

Разделительная форма числительных выражает одинаковое количество, приходящееся каждому объекту. Распределение поровну очень часто подчеркивается употреблением в дистрибуции слов типа *кашни* «каждый» (*кашни кун* «каждый

день», *кашни çын* «каждый человек», *кашни гектартан* «с каждого гектара»), *çулсерен* «ежегодно, *кунсерен* «ежедневно», *кунне* «в день», а также употреблением существительного с послелогом *пуçне* (*ĕçкунĕ пуçне* «на каждый трудодень», *гектар пуçне* «на каждый гектар») и др.: *Ку бригадăна кашни колхозран виçшер платник уйăрса лартрĕç* (К. Турхан) «В эту бригаду от каждого колхоза выделили по три плотника»; *Çулсерен вăтăршар упаран кая мар тытакан пултăм* (К. Чулкаç) «Я ежегодно стал ловить не менее тридцати медведей». Иногда наличие такой дистрибуции делает разделительную форму иррелевантной. Поэтому вместо нее могут употреблять только атрибутивную форму числительного: *Бригадăра кашниех иквиçĕ ĕç тума пултарать* («Ком. ял.») «В бригаде каждый может выполнять по два-три вида работы»; *Кашни кăшăлĕшĕн хĕрĕх пус* (В. Краснов-Асли) «За просеивание каждой кучи (каменного угля) – по сорок копеек». В данных предложениях атрибутивные формы вполне можно заменить разделительными (*икшер-виçшер ĕç, хĕрĕхшер пус*), и от этого смысл высказывания не изменится.

Несмотря на наличие ясных правил, в последние два-три десятилетия работники издательств и редакций стали употреблять некоторые разделительные формы не в том значении, какое было закреплено за ними с древнейших времен, а в значении большого или огромного количества кого-, чего-либо. Это относится к названиям разрядов чисел: *вуннă, çĕр, пин* и др. Например: *Вĕсем çулталăк хушшинче вуншар упа, çĕршер тилĕ, кăш, сăсар, пиншер пакша тытаççĕ* (К. Турхан) «В течение года они (охотники) ловят десятки медведей, сотни лисиц, соболей, куниц, тысячи белок». В данном предложении, хотя числительные выступают в разделительной форме, значения их не соответствуют значениям, и трудно даже предполагать, что каждый из целого множества охотников выловит столько диких животных. Расхождение содержания с формой объясняется следующими причинами.

Во-первых, авторы забывают, что числительные *вуннă, çĕр, пин* и др. в чистом виде, как правило, не употребляются в речи: при них всегда должен быть какой-то лексический уточнитель в виде адъюнкта, иначе говоря, названия разрядов всегда должны употребляться в качестве одного из компонентов составного числительного. Но, как исключение, адъюнкт

пĕр опускается перед названиями разрядов во многих случаях, хотя это не означает, что они перестают выражать конкретный десяток, сотню, тысячу и т.д. Отсюда логически вытекает положение, что разделительные формы *вуншар, ҫĕршер, пиншер* не могут обозначать большое множество десятков, сотен, тысяч и т.д., они выражают одинаковое распределение: *по десяти, по ста, по тысяче.*

Это особенно заметно, когда ставим, например, форму *ҫĕршер* в одном ряду с другими разделительными формами: *тăхăр вун тăхăршар* «по девяноста девяти», *ҫĕршер* «по ста», *ҫĕр пĕршер* «по ста одному (одной)»; или заменим ее другой разделительной формой: *ҫĕршер тенкĕ* «по ста рублей» — *икшер ҫĕр тенкĕ* «по двести рублей». Поэтому выбор разделительной формы для выражения значения большого множества может привести к нежелательным результатам. Ср. предложение: *Педагогика институчĕпе ял хуҫалăх институтĕнче халĕ пиншер ҫамрăк вĕренет* («Ком. ял»). «В педагогическом и сельскохозяйственном институтах обучается сейчас по тысяче (тысячи?) парней и девушек». Читатель в недоумении: понимать ли здесь форму *пиншер* по правилам чувашской грамматики в значении «по тысяче» или признать ее как форму выражения значения «множество тысяч», ибо ясно, что в данных институтах обучается не по одной тысяче, а гораздо больше, но разделительная форма не позволяет так понимать. Происходит большая путаница в понимании высказывания.

Во-вторых, авторы совершенно упускают из виду, что большое множество в чувашском языке давно выражают путем повтора названий разрядов: *вун-вун, ҫĕр-ҫĕр, пин-пин, миллион-миллион* и др. Примеры: *Атăл ҫинче пин-пин ҫын савăнса киленет* («Ком. ял.») «Тысячи людей получают наслаждение на Волге»; *Тен, вăл пире пĕр-пĕр чăвашла пьеса ярса парĕ* (В. Паймен) «Возможно, он пришлет нам какую-нибудь чувашскую пьесу»; *Вун-вун ҫул станок умĕнче* «Десятки лет у станка».

§ 8. Субстантивная форма

В первоначальных работах по чувашскому языку Н.И. Ашмарин формы типа *иккĕн* «вдвоем», *пиллĕкĕн* «впятером» относил к наречиям [5, с. 228; 6, с. 85]. В более поздней работе он утверждал, что «формы собирательных имен числительных, которые употребляются в смысле наречий (*иккĕн* «вдвоем», *улттăн* «вшестером»), для современного языкового сознания представляются родительным падежом, а на самом деле являются остатком древнего орудийного падежа. Эти собирательные числительные принимают аффикс исходного падежа (*иккĕнтен, улттăнтан*) и как будто начинают отрываться от числительных и таким образом становятся существительными» [4, с. 43]. Но едва ли можно доказать, что формы типа *иккĕн* образованы при помощи аффикса орудийного падежа, так как формы орудийного падежа, как правило, не могут выполнять функцию подлежащего и принимать аффиксы падежей. На наш взгляд, прав был А.Н. Кононов, рассматривая формы типа *ekin*, обнаруженные в языке тюркских рунических памятников, в качестве показателя собирателя множественности [9, с. 114], ведь формы с такими показателями действительно могут выполнять функцию главных членов предложения и, принимая аффиксы косвенных падежей, – функцию дополнения. Примеры: *Тăваттăн пӳрте кĕреҫҫĕ, пĕри чăлана юлать* (Алса.) «Четверо входят в избу, а один остается в чулане» (Варежка.); *Виҫҫĕне сахал пулать ку* (П. Львов) «Троим это будет мало»; *Виҫҫĕнтен пĕри* «Из трех (человек) один»; *Пĕччене иккĕнпе кичем пулать* (Л. Маяксем) «Одному с двумя будет скучно»; *Иккĕншĕн пĕччен тăрмашать* «Он один за двоих старается»; *Вĕсем пиллĕкĕн* «Их пятеро».

Форма основного падежа нередко функционирует и как уточняющий член подлежащего: *Эпир виҫҫĕн хулана каятпăр* «Мы втроем поедем в город».

Отличительной особенностью субстантивных форм числительных является геминация интервокальных согласных. При употреблении в речи они занимают более «свободную» позицию: или сочетание их с ядром, выраженным глаголом, не образует такого смыслового единства, как при сочетании атрибутивных форм с существительными, или сами субстантивные формы выступают в роли главных членов предложения – подлежащего и сказуемого.

§ 9. Категория лица имен числительных

До настоящего времени чувашеведы рассматривали личные формы числительных как собирательные формы [2, с. 117–121; 12, с. 181–183]. Но как по формам, так и по значениям их следует расценивать, очевидно, как формы, образующие категорию лица[7].

Как уже было отмечено, данная категория скорее сближает имя числительное с некоторыми частями речи, чем отличает его от других частей речи: формы лица образуются при помощи тех же аффиксов, какие образуют личные формы имен существительных, глаголов и других частей речи.

Части речи / Лицо	Имя числительное *иккĕ* «два»	Местоимение *пур* «все»	Имя существительное *тус* «друг»	Глагол (личный) *кур* «видеть»	Глагол (прич.) *кур* «видеть»
1	*ик-с-ĕм-ĕр*	*пур-с-ăм-ăр*	*тус-ăм-ăр*	*кур-т-ăм-ăр*	*кур-асс-ăм-ăр*
2	*ик-с-ӳ-ĕр*	*пур-с-ӳ-ăр*	*тус-ӳ-ăр*	*кур-т-ӳ-ăр*	*кур-асс-ӳ-ăр*
3	*иккĕ-ш-ĕ-ӳ*	*пур-ĕ-ӳ*	*тус-ĕ-ӳ*	*кур-ч-ĕ-ҫ*	*кур-асс-и-ӳ*

Ср. каз. *екі-с-і;* тат. *ике-с-е;* туркм. *ики-с-и*

Но в образовании форм лица имени числительного и их значений имеются особенности, присущие только данной части речи:

а) парадигма спряжения не имеет единой оси; в качестве основы в 1 и 2 лице используется атрибутивная форма, а в 3 лице – субстантивная;

б) в 1 и 2 лице применяется интерфонема |*с*|, употреблявшаяся когда-то в интервокальном положении, но в современном языке ауслаутная гласная фонема основы выпадает; поэтому фонема |*с*| выступает скорее не как интерфонема, а как пережиточный элемент;

в) в 3 лице вставляется интерфонема |*ш*|;

г) аффиксы лица употребляются только вместе с аффиксом множественного числа, но это не дает права рассматривать сочетание аффиксов лица и числа как один аффикс [2, с. 119];

д) формы 1 и 2 лица образуются главным образом от первых семи числительных. Это объясняется тем, что люди

(говорящие и слушающие, как собеседники) редко собираются в группы в большом составе и обозначают их определенное количество формой лица числительных: *Эпĕ Кольăпа туслă. Иксĕмĕр те пĕр класра вĕренетпĕр* (А. Медведев) «Я с Колей дружен. Оба учимся в одном классе»; *Сирĕн иксĕрĕн те халех вулăса çитмелле* (В. Краснов-Асли) «Вам обоим сейчас же нужно добраться до волости»; *Тăватсăмăр та командировкăна килнĕскерсем* (Г. Ефимов) «Мы все четверо приехали в командировку»; *Пирĕн кăтартнă вăхăта, кăтартнă тĕле пилĕксĕмĕрĕн*[8] *те пĕрле çитмелле* (В. Элпи) «Нам пятерым нужно прибыть вместе в назначенное время на назначенное место»; *Пĕр çынна çăлассишĕн вунсăмăр та пĕтме пултаратпăр* (М. Кипек) «Все десятеро можем погибнуть ради спасения одного человека».

Форма 3 лица образуется от всех числительных, как простых, так и составных. Употребление фонемы |*ă*| или |*ĕ*| после ауслаутных согласных и перед интерфонемой |*ш*| является пережиточным: было время, когда все субстантивные формы оканчивались на *-ă (-ĕ)*: *утмăл-ă-ш-ĕ* «их шестьдесят», *пин-ĕ-ш-ĕ* «их тысяча», *вăтăр-ă-ш-ĕ* «их тридцать», *вун пĕр-ĕ-ш-ĕ* «их одиннадцать».

Основные значения личных форм: в 1 лице выражается отнесенность числа к группе лиц, куда входит говорящее (1) лицо; во 2 лице – отнесенность числа к группе лиц, куда входит собеседник; в 3 лице – отнесенность числа к группе лиц или предметов, куда входит лицо, не участвующее в беседе, или предмет.

Следует отметить, что форма 3 лица может выражать выделение не только определенного количества людей, но и определенного количества предметов из большого числа: *Раççейри утмăл çичĕ кĕпĕрнерен утмăлăшĕнче тырă пулмарĕ* (А. Артемьев) «Из шестидесяти семи губерний России в шестидесяти хлеба не уродились»; *Центра çитме вун пилĕк çухрăм иккен, вун пĕрĕшне тăршшĕпех вăрманпа каймалла* (В. Игнатьев) «До центра, оказывается, пятнадцать верст, одиннадцать (из них) надо пройти сплошь по лесу». Помимо этого, форма 3 лица с частицей *те* употребляется для указания на подчеркнутую повторяемость предыдущего числительного (в собирательной форме): *Иккĕн вĕсем. Иккĕшĕ те сержант* (А. Артемьев) «Вдвоем они. Оба сержанты; *Тăваттăн пĕртăван, тă-*

ваттăшĕ те пĕр тан «Четверо родных, и все четверо равны»; *Пирĕн палатăра сывалакансем вуннăн. Вуннăшĕ те тĕрлĕ фронтран* (А. Артемьев) «В нашей палате десять выздоравливающих. И все десятеро – с разных фронтов».

§ 10. Категория времени имен числительных

Число в жизни непостоянная величина. С развитием явлений природы и общества число предметов то увеличивается, то уменьшается. Изменения времени, как правило, отражаются в языке через грамматическую категорию времени.

Как и другие именные части речи, числительные имеют категорию времени. Она состоит из двух времен: настоящего и прошедшего. В выражении прошедшего времени участвует форма, состоящая из основы местоимения и постфикса *-(ч)чĕ*. *Виҫĕм ҫул колхозăн грузовиксем виҫҫĕччĕ, кăҫал улттă ҫитрĕ* «В позапрошлом году у колхоза было три грузовика, а нынче стало шесть».

Прошедшее время выражено числительным в сочетании с морфемой (постфиксом) *-(ч)чĕ*. Настоящее время выражается нулевой формой.

Раздел 6

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 1. Местоимение как часть речи

Местоимение – часть речи, включающая слова, указывающие на элементы контекста или ситуации, но, в отличие от слов других знаменательных частей речи, не имеющие номинативного значения и выступающие как заместители полнозначных слов, обслуживающие область реального функционирования языка, указывающие на координаты речевого акта: на участников коммуникативного акта (говорящего, слушающего), на местоположение лица, предмета относительно субъекта речи, на место совершения акта и др. Значение местоимений определяется по отношению к субъекту речи и по отношению друг к другу.

В силу того, что у местоимений морфологические формы во многих случаях совпадают с формами именных частей речи, ряд лингвистов не признает их в качестве лексико-грамматического класса. Но поскольку при определении частей речи главным является категориальное значение класса слов и формы слов зависят от указанного значения, то правомерно говорить о выделении местоимений в самостоятельную часть речи, ибо они имеют собственное категориальное значение указательности, а словоизменительные форманты принимаются ими для сохранения связи с указываемыми словами. Помимо этого у местоимений имеются свои особенности в словообразовании и словоизменении. Отсутствие валентности является дополнительным свидетельством самостоятельности местоимений как части речи.

Как и во всех языках, в чувашском круг местоимений сравнительно невелик. Да и словообразование их в синхрон-

ном плане не отличается продуктивностью. Если и обнаруживается производность отдельных местоимений, то лишь в плане диахроническом. Можно утверждать, что местоимения в современном языке являются частью речи закрытого типа.

Слова, входящие в класс местоимений, отличаются высокой употребляемостью. В лексиконе они занимают центральное место, т.е. входят в основной словарный фонд, ибо без них – без дейктических единиц – трудно построить связное высказывание. Частотность употребления местоимений объясняется, пожалуй, грамматизованностью их лексического значения.

Если сопоставлять местоименные и именные основы, обнаруживается множество «функциональных и формальных аномалий» (О. Есперсен), отсутствующих в других частях речи, в частности, местоименные основы чувашского и других языков насыщены морфонологическими явлениями.

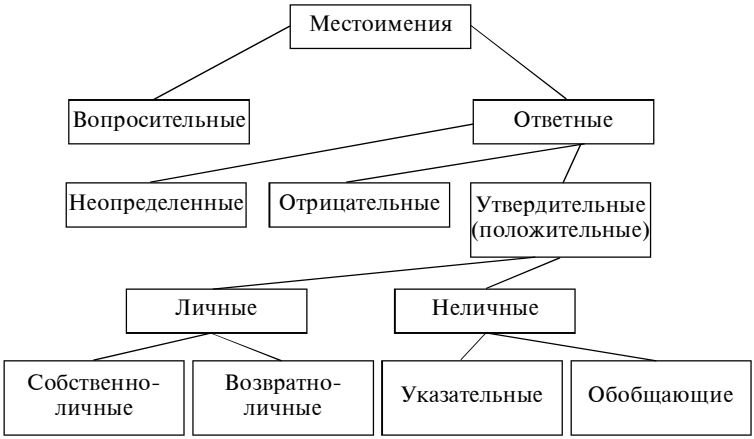
При классификации местоимений прежде всего следует отметить, что они делятся на классы по соотнесенности с существительными, прилагательными, числительными и наречиями.

Местоимения-существительные (местоименные существительные) указывают на предметы, местоимения-прилагательные (местоименные прилагательные) – на признаки предметов, местоимения-числительные (местоименные числительные) – на количество, местоимения-наречия (местоименные наречия) – на признаки признаков или предметов. Кроме того, местоимения каждого класса принимают, как правило, формы тех частей речи, с какими они соотносятся, некоторые же классы местоимений характеризуются и тем, что они образуются от местоимений при помощи деривационных аффиксов. Так, большинство местоимений-прилагательных создано с помощью аффикса *-ашкал (-ешкел)*, свойственного только местоимениям, а местоимения-наречия – с помощью аффикса *-ла (-ле)*[1].

Имеется также ряд местоимений, которые в контексте могут указывать и на предложения. Например: *Тулта çумăр çума чарăнчĕ, эпĕ ăна чӳречерен пăхса асăрхарăм* (В. Игнатьев) «На улице дождь перестал, это я заметил, посмотрев в окно»; *Пысăк çуртра ĕç нумай, çакна пула Матижев майри иртен пуçласа каçченех тĕрлĕрен ĕçре айкашать* (Ç. Элкер) «В большом

доме дел много, поэтому жена Матижева целый день хлопочет». В таких случаях не приходится говорить о соотнесенности местоимений с той или иной частью речи.

Местоимения делятся также на разряды, подразряды и подподразряды, в основе которых лежат их указательные (местоименные, синтаксические) значения. Они соответствуют признакам тематического и логико-семантического плана. Иерархия подобных групп показывает, что они созданы в языке строго целенаправленно (см. схему).



Можно заметить, что одни местоимения созданы для вопросов, другие — для ответов. Но местоименные ответы бывают неодинаковыми. Их можно подразделить на три разряда. Одни ответы бывают утвердительными (или положительными), другие – отрицательными, а третьи – неопределенными (это бывает тогда, когда говорящему трудно ответить положительно или отрицательно). Характерным для триады местоимений является то, что большинство из них представляет собой производные слова, образованные от вопросительных при помощи префиксальных элементов: *та- (те-), ни-, кирек* или *хуть*[2]. Такая словопроизводственная особенность присуща только местоимениям.

Разряд утвердительных местоимений также неоднороден, он делится на противопоставленные друг другу подразряды: личные местоимения и неличные местоимения. Подразряд личных местоимений делится в свою очередь на два под-

подразряда: собственно-личные местоимения и возвратно-личные местоимения. А подразряд неличных местоимений состоит из двух подподразрядов: указательные местоимения и обобщающие местоимения. Разряды отрицательных и неопределенных местоимений по своим составам сравнительно однородны и далее не подразделяются.

Сочетание двух классификаций можно представить в виде таблицы, которая отчетливо показывает стройную систему местоимений (см. табл. на с. 176–177).

Некоторые языковеды в число разрядов местоимений попытались ввести так называемые притяжательные местоимения [1, с. 145–150]. Но в чувашском языке нет такого разряда, а имеются только формы местоимений типа *манăн, хамăн, пирĕн, манăнни,* которые могут выражать принадлежность кому- или чему-нибудь, нами они не включаются в совокупность слов, делящихся на разряды.

Из таблицы видно, что все разряды, подразряды, подподразряды местоимений по указательному значению входят в классы местоимений по соотнесенности с другими частями речи. Лишь у класса местоимений-числительных не бывает подразряда личных местоимений. Эту же мысль можно выразить по-другому: классы местоимений по соотнесенности с частями речи проникают сквозь все разряды по указательному значению.

Название части речи «местоимение» не совсем точно отражает положение в языке. Оно казалось правильным тогда, когда языкознание утверждало, что местоимения заменяют исключительно именные части речи: существительные, прилагательные, числительные. В современном же языкознании более подходит значение немецкого термина *Fürwort* «заменитель слов».

§ 2. Личные местоимения

Личные местоимения бывают трех типов: 1) личные местоимения, заменяющие имена существительные; 2) личные местоимения, заменяющие имена прилагательные; 3) личные местоимения, заменяющие наречия.

К местоимениям, заменяющим имена существительные, относятся *эпĕ* «я», *эсĕ* «ты», *вăл* «он, она, оно». Местоимение

	Вопросительные	Утвердительные		
		Личные		Неличные
		Собственно-личные	Возвратно-личные	Указательные
Местоимения-существительные	*Кам* *Мĕн* *Хăш*	*Эп(ĕ), эс(ĕ)* *Вăл* *Хăй*	*Хам* *Ху* *Хăй*	*Ку* *Çак(ă)* *Çав(ă)* *Леш(ĕ)* *Хай(хи)*
Местоимения-прилагательные	*Мĕнле, епле* *Камашкал* *Мĕнешкел* *Хăшнешкел*	*Манашкал* *Санашкал* *Унашкал* *Пир(н)ешкел* *Сир(н)шкел*	*Хамашкал* *Хăвнашкал* *Хăйнешкел*	*Кунашкал* *Çакнашкал* *Çавнашкал* *Урăх*
Местоимения-числительные	*Миçе* *Мĕн чухлĕ (чуль)*			*Çакăн чухлĕ* *Çавăн чухлĕ* *Кун чухлĕ* *Тепĕр*
Местоимения-наречия	*Ăçта(лла)* *Ăçтан* *Хăçан* *Хăçанччен* *Хăçантанпа* *Ма*	*Манла* *Санла* *Унла* *Пирĕнле* *Сирĕнле* *Вĕсемле* *Манччен* *Санччен* *Унччен* *Пирĕнччен* *Сирĕнччен* *Вĕсемччен*	*Хамла* *Хăвăнла* *Хăй(ĕн)ле* *Хамăрла* *Хăвăрла* *Хамăрччен* *Хăйсемле*	*Апла* *Унтанпа* *Капла(лла)* *Çапла* *Çавăнтанпа* *Урăхла* *Унччен* *Унта(лла)* *Унтан* *Лере(лле)* *Лерен* *Çавăнпа* *Çакăнта(лла)* *Çакăнтан* *Çавăнта(лла)* *Çавăнтан*

Неличные		Отрица-тельные	Неопреде-ленные
	Обобща-ющие		
Кирек[3] *кам* *Кирек мĕн*[3] *Кирек хăш(ĕ)*[*] *Кашни, харкам* *Харпăр*[*]*, ытти*		*Никам* *Ним(ĕн)* *Нихăш*	*Такам та, кам та пулин*[3] *Тем(ĕн), мĕн те пулин*[3] *Кам-тăр, хăш(ĕ) пĕр*[3] *Тем те пĕр*
Кирек мĕнле[*] *Кирек епле*[3] *Тĕрлĕ(рен)*		*Ним(ĕн)ле* *Ниепле* *Нихăшнешкел*	*Тем(ĕн)ле* *Те(не)пле* *Мĕнле те пулин*[3] *Епле те пулин*[*] *Тем(ĕн)ешкел*
Кирек мĕн чу(х)л(ĕ)[3] *Пĕтĕм* *Пур(ĕ) (те)*		*Нимĕн чухлĕ*	*Темĕн чухлĕ*[*] *Темиçе, тепĕр, тепре* *Мĕн чухлĕ те пулин*[3] *Миçе те пулин*[*] *Пĕртак* *Тепĕртак, кăшт*
Кирек ăçта(лла)[3] *Кирек ăçтан*[3] *Кирек хăçан*[3] *Кирек хăçанччен*[3]		*Ниçта* *Ниçтан* *Нихăçан* *Никамла* *Нимĕнле (те)*	*Таçта(лла)* *Ăçта-тăр, ăçта-пĕр* *Таçтан* *Тах(ă)çан* *Темме* *Те(не)пле, темле* *Темччен, тахçанччен* *Тахçантанпа* *Ăçта та пулин*[3] *Хăçан та пулин*[*]

[*] Бинарные (изредка тренарные) словообороты с компонентом *кирек (кам, мĕн, хăш(ĕ), мĕнле, епле)*, *кирек мĕн чухлĕ, кирек (ăçталла, ăçтан, хăçан, хăçанччен)* являются объектом морфосинтаксиса, а не чистой морфологии; то же самое касается бинарных (тренарных) словообoротов, представленных в пункте под рубрикой «неопределенное». — *Прим. ред.*

эпĕ указывает на самого говорящего, *эсĕ* – на собеседника, *вăл* – на лицо, о котором идет речь. Например: *Эпĕ, Петров Василий Анисимович, 1940 çулта мартăн 12-мĕшĕнче çуралнă* «Я, Петров Василий Анисимович, родился 12 марта 1940 года».

По утверждению Н.Н. Поппе, личные местоимения в чувашском языке «являют собой формы более древние, чем турецкие (тюркские. – *И.П.*) личные местоимения»; в частности, местоимения 1 и 2 лица единственного числа восходят к формам **бі* и **si* (осн. п.) и полностью совпадают «с монгольскими местоимениями *бі* и *чі*, тунгусскими *бі* и *сі* первого и второго лица ед. ч.» [4, с. 61].

В ходе развития языка облик личных местоимений претерпевал изменения. Особенно большие перемены произошли в составе основ под влиянием служебных морфем.

В основном падеже единственного числа употребляются по два варианта – полный и краткий: 1 л. *эпĕ* и *эп*; 2 л. *эсĕ* и *эс*. В анлауте обоих местоимений фигурирует протетический звук |э|, когда-то представлявший, по-видимому, эмфатическую частицу. По утверждению ряда языковедов, этот анлаутный элемент в местоимениях *эпĕ, эсĕ* восходит к урало-алтайскому местоимению *э*; а) в алтайских языках: маньчж. *ebsi* < *ebesi* «сюда, по эту сторону», бараб. *ila*<**e-la* «потом, позднее»; б) в уральских языках: коми *этайо* «вот этот», *эсійо* «вот тот», эрз. *et'e (<e+t'e)* «этот». Первоначально чувашское местоимение *эпĕ* выражало, очевидно, значение «это я» (<**э+пи*), а местоимение *эсĕ* – «это ты» (<**э+си*). В ауслауте выступает неустойчивая гласная фонема |ĕ|. Она выпадает из состава местоимения, как правило, при произношении его без логического ударения или в быстрой речи. Если в основном падеже единственного числа других тюркских языков в ауслауте находится элемент |н|, то в чувашском языке никогда не встречаем его, ср. тат. *мин* «я», *син* «ты»; каз. *мен* «я», *сен* «ты».

Основой косвенных падежей единственного числа является в 1 лице *ман-*, во 2 лице – *сан-*. В обоих местоимениях не бывает анлаутного протетического звука |э|. В ауслауте вместо редуцированной гласной фонемы |ĕ| выступает гласная фонема полного образования заднего ряда |а|. В обоих местоимениях фигурирует вставочный элемент (интерфонема) |н|. В местоимении 1 лица единственного числа изначальная согласная фонема |п| в косвенных падежах под влиянием фонемы |н| че-

редуется с согласной фонемой |*м*| [3, с. 54–57], в местоимении же 2 лица согласная фонема |*с*| сохраняется без изменений.

В основном падеже множественного числа каждая основа из указанных местоимений выступает в виде двух вариантов: в 1 лице – *эпĕ-* и *эпи-*, во 2 лице – *эсĕ-* и *эси-*. Как и в основном падеже единственного числа, в конце основ не употребляется элемент |*н*|. В ауслауте основ фонемы |*ĕ*| и |*и*| употребляются на равных правах. Применение того или иного варианта основы не зависит от морфологических условий. Множественность числа выражается аффиксом *-р*. В вариантах форм *эпир, эсир* сохранилась гласная фонема |*и*|, употреблявшаяся в древних формах. В современном языке морфы *эпи-* и *эси-* выступают только как связанные основы: они применяются лишь в соединении с аффиксом личного (местоименного) множественного числа.

В косвенных падежах множественного числа в качестве основ выступают только *пи-, си-*, которые по сравнению с исконными словами изменились мало. В анлауте, как и в косвенных падежах единственного числа, не бывает протетического звука |*э*|.

Таким образом, основа местоимения 1 лица в зависимости или вне зависимости от позиции в слове может иметь следующие алломорфы и варианты: *эпĕ, эп, ман-, эпи-, пи-,* а основа местоимения 2 лица – *эсĕ, эс, сан-, си-*. Такое большое количество алломорфов корневой морфемы не наблюдается ни в одной части речи чувашского языка.

Что же касается местоимения 3 лица, то оно не имеет многих перечисленных выше свойств. Это объясняется, во-первых, тем, что данное местоимение вошло в парадигму намного позднее первых двух и, во-вторых, тем, что его первоначальный облик имел другие свойства, чем первые два местоимения. Тем не менее и основа этого местоимения успела приобрести некоторые черты, напоминающие изменения в местоимениях 1 и 2 лица: 1) склоняемая основа в единственном числе отличается от основы основного падежа единственного числа – *вăл*, в говорах – *у, о*; ср. тат. *ул*, каз. *ол*, аз. *о*; б) в остальных падежах единственного числа – *ун-, ăн-* (род. п. *унăн* или *ун*; дат. п. *ăна*, мест. п. *унра* или *унта*, исх. п. *унран* или *унтан*, твор. п. *унпа*, лиш. п. *унсăр*, прич. п. *уншăн*); 2) основа основного падежа множественного числа не совпадает с

основой основного падежа единственного числа, во всех падежах множественного числа она выступает в виде *вĕ-* (осн. п. *вĕсем*, род. п. *вĕсенĕн* или *вĕсен*, дат. п. *вĕсене*, мест. п. *вĕсенче*, исх. п. *вĕсенчен*, твор. п. *вĕсемпе*, лиш. п. *вĕсемсĕр*, прич. п. *вĕсемшĕн*). В анлауте местоимения появился нетипичный для большинства тюркских языков протетический звук |*в*|, имеющий место и в других частях речи, например: *он > вон, вун* «десять», *орун > вырăн* «место».

Во множественном числе как в основном падеже, так и в косвенных падежах в результате регрессивной ассимиляции по ряду гласная фонема |*ă*| местоимения *вăл* перешла в |*ĕ*|; осн. п. *вĕсем*, род. п. *вĕсен(ĕн)* и др., а ауслаутная |*л*| в форме множественного числа, возможно, отсутствовала искони.

Особо следует сказать о формах множественного числа личных местоимений 1 и 2 лица: они образуются не при помощи аффикса *-сем (-сен)*, как у существительных, а при помощи аффикса *-ăр (-ĕр)*. Здесь различие между аффиксами не только формальное, но и смысловое: если форма множественного числа существительных выражает множество одинаковых предметов, то форма множественного числа лиц выражает не значение множества первых или вторых лиц, а значение 1 и 2 лица и плюс другие лица. Поэтому *-ăр (-ĕр)* называют аффиксом личного множественного числа, *-сем (-сен)* – аффиксом предметного множественного числа. Что же касается формы множественного числа 3 лица, то она образуется при помощи аффикса *-сем (-сен)*, потому что данная форма выражает множество 3 лица, т.е. лиц, не участвующих в речи. Поскольку показатели форм существительных, числительных и глаголов произошли от личных местоимений, то и показатель личного множества *-ăр (-ĕр)* употребляется при аффиксах 1 и 2 лица, а в 3 лице глагола вместо субстантивного аффикса множественного числа *-сем (-сен)* выступает аффикс *-ç (-çĕ)*. По-видимому, аффиксы *-сем (-сен)* и *-ç (-çĕ)* имеют общее происхождение [4, с. 50]. *Эсир* является формой официального и вежливого обращения к одному лицу: *Сиртен ыйтса пĕлме ирĕк парсамăр* (Г. Пласкин) «Разрешите Вас спросить».

Обзор парадигмы форм личных местоимений демонстрирует сравнительно неустойчивую природу фонемного состава их основ: не аффиксальные морфемы приспосаб-

ливаются в большей степени к основам местоимений, а основа претерпевает значительные фонологические изменения в зависимости от фонологических свойств аффиксальных морфем.

Значительные отличия в облике основ личных местоимений чувашского языка связаны, по-видимому, с длительным пребыванием чувашей вдали от основной массы тюркских народов, вдали от своей прародины. В связи с этим чуваши сохранили в языке некоторые древнейшие черты, а также приобрели свойства, присущие языкам своих соседей — финно-угров Поволжья.

По сравнению со склонением существительных на *-а (-е)* в склонении личных местоимений обнаруживаем особенность и другого порядка.

При склонении существительного на *-а (-е)* интерфонема |*н*| в родительном и дательном падежах употребляется исключительно по назначению: она выполняла и выполняет роль хранителя фонетического облика соединяемых морфем: род. п. *лаша-н-ăн*, дат. п. *лаша-н-а*. Первоначально (в древнечувашском языке) местоимения 1 и 2 лица тоже использовали интерфонему в указанных падежах: *бінен, сінен, біне, сіне*, но затем в результате выравнивания оси парадигмы интерфонема |*н*| срослась с основами местоимений во всех косвенных падежах, и исчезла проблема зияния в падежных формах личных местоимений. В абсолютном большинстве тюркских языков личные местоимения приобрели единую ось парадигмы склонения, т.е. элемент *н* (теперь уже не интерфонема) присоединился к основам местоимений во всех падежах, включая и основной. Только в чувашском языке выравнивание оси парадигмы склонения личных местоимений не завершилось до конца. Этому процессу помешало, очевидно, специфическое оформление основного падежа при помощи протетического звука |*э*|.

К личным местоимениям, заменяющим имена прилагательные, относятся вторичные слова, образованные от склоняемых основ личных местоимений и аффикса *-ашкал (-ешкел)*, восходящего к тюркскому послелогу; ср. тувинский послелог *ышкаш* «подобно, вроде, словно, как»: *силер ышкаш* «как и вы», *кижи ышкаш* «подобно человеку». Но чувашский аффикс[4] *-ашкал (-ешкел)* употребляется только с местоиме-

ниями: *манашкал* «подобный (подобно) мне», *санашкал* «подобный (подобно) тебе», *унашкал* «подобный (подобно) ему, ей», *пир(ĕн)ешкел* «подобный (подобно) нам», *сир(ĕн)ешкел* «подобный (подобно) вам», *вĕсенешкел* «подобный (подобно) им». Эти местоимения, как и прилагательные, могут принимать аффикс сравнительной степени (*манашкалтарах* «несколько (чуть) похожий (похоже) на меня») и выступать в предложении не только в роли определения, но и в роли обстоятельства. Примеры: *Сирешкел хĕре вара эпĕ стройкăра нихçан та курман* (Г. Краснов) «Я на стройке никогда не видел девушки, подобной Вам»; *Дояр ĕçĕ çине сирешкел çиелтен пăхакансем пурришĕн кӳренетĕп* (Г. Краснов) «Мне обидно, что есть люди, которые поверхностно смотрят на труд дояра, подобно вам».

К личным местоимениям, заменяющим наречия, относятся производные слова, образованные от склоняемых основ личных местоимений с помощью аффиксов *-ла (-ле)* и *-ччен*: *манла* «как я», *санла* «как ты», *сирĕнле* «как вы», *манччен* «до меня», *унччен* «до него, до того» и др.

§ 3. Лично-возвратные местоимения

Лично-возвратные местоимения бывают трех типов: 1) заменяющие существительные 2) заменяющие прилагательные и 3) заменяющие наречия. Местоимения, относящиеся к последним двум типам, образованы от местоимений первого типа с помощью аффиксов *-ашкал (-ешкел), -ла (-ле)* и *-ччен*.

К лично-возвратным местоимениям, заменяющим существительные, относятся *хам* «я сам», *ху* «ты сам», *хăй* «он сам». Эти местоимения этимологически восходят к личным формам возвратного местоимения *ха-*. В тюркских языках мы не встречаем подобного местоимения. Очевидно, чуваши его заимствовали из иранских языков; ср. *мунджи хӑу, хэу, хӧу* «свой, себя», *йидга хоі* «свой», *хоуо* «себя»; язг. *хі* «сам, свой», *ишк. ха(da)к* «сам, себя».

При употреблении местоимения *ха-* в том или ином лице произошли следующие морфологические изменения: в 1 лице *ха-* + *-ăм* > *хам*, во 2 лице *ха-* + *-у* > *ху*, в 3 лице *ха-* + *-й-* + *-ĕ* > *хăй*. Форма 3 лица образована позже, чем формы 1 и 2 лица. Это доказывается тем, что здесь использована интер-

фонема |*й*|. Участие аффикса 3 лица *-ӗ* обнаруживается при употреблении местоимения в косвенных падежах: *хăйӗн* «у него самого», *хăйне* «ему самому» и др., их аффиксы принимают мягкий морф.

Поскольку основа местоимения в современном языке не может употребляться без личного аффикса, то личные формы данного местоимения следует рассматривать как сросшиеся с основой, т.к. теперь каждая личная форма воспринимается в виде самостоятельного слова.

Форма множественного числа образуется в 1 и 2 лице при помощи специального местоименного (личного) аффикса *-ăр (-ĕр)*, в 3 лице – с помощью аффикса предметного множественного числа *-сем (-сен)*: *хамăр* «мы сами», *хăвăр* «вы сами», *хăйсем* «они сами».

В связи с этим следует отметить особенности склонения 2 лица. Когда *у (ӳ)* употребляется в качестве аффикса 2 лица, фонемы |*у*|, |*ӳ*| ни в одном падеже не чередовались с |*ăв*|, |*ĕв*|. С исчезновением же значения аффикса 2 лица фонемы |*у*|, |*ӳ*| в падежных формах стали чередоваться с |*ăв*|, |*ĕв*|. Даже в основном падеже в современном языке по аналогии с основами слов на *-у (-ӳ)* и с основами других падежей вместо *ху* стало употребляться *хăв*.

Местоимения *хам, ху, хăй* служат для обособления лица и предмета речи, выделения, подчеркивания его самостоятельности существования и самостоятельности роли в чем-нибудь. Они обозначают, что лицо действует не с другими, без помощи других. Форма *хам* «я сам» подразумевает тождество говорящего лица с действующим лицом. Примеры: *Хамшăн эпĕ хăрамастăп* (А. Медведев) «За самого себя я не боюсь»; *Ман хамăн халь райкома каймалла* (М. Кипек) «Мне самому необходимо пойти в райком»; *Хăв çинчен пĕр виçĕ сăмахпа та пулин пĕлтер* (А. Емельянов) «Сообщи о себе хотя бы в трех словах»; *Вăл хăй те пĕчĕк чухне Атăл хĕрринчи чăваш ялĕнче пурăннă иккен* (В. Урташ) «Оказывается, он сам тоже в детстве жил в чувашской деревне на берегу Волги».

К лично-возвратным местоимениям, заменяющим прилагательные, относятся: *хамашкал* «похожий на меня самого», «подобный мне», *хăвнашкал* или *хунашкал* «подобный тебе самому», *хăйнешкел* «подобный ему самому», *хамăрашкал* «подобный нам самим», *хăвăрашкал* «подобный вам самим», *хăйсемешкел* «подобный им самим».

К лично-возвратным местоимениям, заменяющим наречия, относятся *хамла* «по-моему», «подобно мне», *хамăрла* «по-нашему», «по-свойски», *хăвăнла* «по-твоему», «подобно тебе», *хăвăрла* «по-вашему», *хăйĕнле* «подобно ему самому», *хăйсемле* «подобно им самим», *хамăрччен* «до нас самих», *хăйччен* «до него самого» и др.[5]

§ 4. Указательные местоимения

Указательные местоимения указывают не только на предмет или его признак, но и на ситуацию, предложение. Примеры: *Эва юрă пуçларĕ. Ытла та янăравлă çавăн сасси* (В. Элпи) «Эва начала петь. Очень уж звучен ее голос»; *Каç-каç Атăла çăра тĕтре хупласа лартрĕ, тепĕр чух çав тĕтре чаршавĕ кăнтăрла та сирĕлмерĕ* (Л. Агаков) «Вечерами густой туман заволакивал Волгу, этот туман иногда не рассеивался и днем»; *Лайăх пурăнать Унтри. Верук кунран ытлашши тĕлĕнмерĕ* (А. Медведев) «Хорошо живет Андрей. Верук не слишком удивилась этому».

Круг указательных местоимений невелик. Но в этом кругу встречаются и синонимы, и антонимы. Местоимения *ку* и *çакă* указывают на близлежащие предметы, а местоимения *çав(ă)* и *леш* – на предметы, находящиеся дальше. Разница между ними незначительна. *Ку* указывает на предмет, встретившийся говорящему первый раз: *Ку кĕнекене ăçта туяннă эсир?* «Где вы купили эту книгу?» А при помощи местоимения *çак* говорящий отмечает предмет, известный ему ранее: *Çак кĕнекене ăçта туяннă эсир?* «Где вы купили вот эту книгу?» Одна группа синонимичных местоимений антонимична другой синонимичной группе.

Местоимение *урăх* «другой», «не этот и не тот», в отличие от местомений *ку – вăл, çак – çав, леш,* указывает не на предмет, признак, находящийся на виду, а на нечто за пределами ситуации. Слово *урăх* может выступать в выделительной форме и принимать аффиксы множественного числа и падежа: *Ку мар, урăххи* «Не этот, а другой»; *урăххисене* «другим», «других».

Производное слово *урăхла* «по-другому» противостоит местоимениям-наречиям *апла, капла, çапла* и указывает на признак действия или на признак признака, находящегося за пределами ситуации.

Указательные местоимения заменяют не только существительные, но и прилагательные. Местоимения, заменяющие существительные, могут изменяться по числам и падежам: *ку – кусем, кусемпе.*

С помощью аффикса *-ла (-ле)* образованы местоимения *капла* «так, этак», *çапла* «таким образом», *апла* «так», заменяющие наречия, но пока не установлено, к чему восходят производящие основы указанных местоимений [5, с. 63]. От местоимения *ле* исторически образованы *лере* «там, туда», *лерен* «оттуда», *лешĕ* «тот, упомянутый, противоположный». М.Р. Федотов, как и Г.Й. Рамстедт, считает, что *ле-* восходит к монгольской указательной частице *еле* [8, с. 66].

Местоимения-существительные *унта* «там; туда», *унтан* «оттуда»; *çавăнта* «там; туда», *çавăнтан* «оттуда»; *кунта* «здесь; сюда», *кунтан* «отсюда», в отличие от местоимений-существительных *ăна* (дат. п.), *унра* (мест. п.), *унран* (исх. п.); *çавна, çавăнра, çавăнран; куна, кунра, кунран,* выступают как местоимения-наречия.

Заслуживает внимания склонение местоимения *ку*, особенно в сравнении со склонением основ существительных на *-у*, а также других местоимений. Производные существительные на *-у (-ӳ)* при склонении только в родительном и дательном падежах чередуют ауслаутный гласный с *-ăв (-ĕв)*: *çыру* «письмо» – *çырăвăн, çырăва*. Если же склоняется существительное в форме 2 лица, то ауслаутная гласная фонема |*у*| или |*ӳ*| остается без изменения, но в падежах раннего образования между склоняемой основой и падежным аффиксом вставляется интерфонема |*н*|, которая в падежах позднего образования отсутствует. Выше при склонении лично-возвратного местоимения мы видели, что в слове *ху* ауслаутная фонема, хотя она и восходит к аффиксу 2 лица, в косвенных падежах чередуется с |*ăв*|, так как не выражает значения лица, и не чередуется с таковым сочетанием фонем; кроме того, между основой и падежным суффиксом во всех косвенных падежах вставляется интерфонема |*н*|. В этом отношении склонение данного местоимения напоминает склонение личных местоимений 1 и 2 лица чувашского языка. В обоих случаях в местоимениях ось склоняемой основы выровнена.

Склонение местоимений *çак(ă)* и *çав(ă)* отличается тем, что ауслаутная гласная фонема |*ă*| в основном падеже может

выпадать, но в косвенных падежах она играет существенную роль. Употребление интерфонемы |*н*| при склонении связано именно с наличием ауслаутной гласной фонемы. Интересно и то, что и ось склоняемых основ данных местоимений в косвенных падежах тоже выровнена.

§ 5. Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения выражают вопрос о лице или предмете, о его признаке, количестве, а также о признаке действия или признака.

В разряд вопросительных местоимений входят слова: *кам* «кто», *мĕн* «что», *хăш* «который», *мĕнле* «какой, какая, какое», *епле* «тж», *мĕн чухлĕ*[6] *(чуль)* «сколько», *миçе* «сколько, сколько раз», *ăçта* «где, куда», *ăçтан* «откуда», *хăçан* «когда», *ма* «почему».

Одни и те же местоимения могут употребляться как для выражения вопроса, адресованного слушающему, чтобы получить ответ, так и для присоединения придаточного предложения к главному в качестве союзного слова. Поэтому в грамматиках их часто называют вопросительно-относительными местоимениями.

Местоимение *кам* противостоит местоимению *мĕн*: первое выражает вопрос, адресованный лицу (человеку), а второе – не лицу, т.е. оно употребляется по отношению ко всему, исключая лиц. Эти местоимения могут изменяться по числам и падежам, а также принимать некоторые аффиксы лиц: *Мĕнĕм çук-ши çуртăмра?* (К. Иванов) «Чего только нет у меня дома?»; *Надежда Прохоровăн камĕ пулатăр эсир?* (Н. Мранькка) «Кем вы приходитесь Надежде Прохоровой?»; *Мĕнĕ юлĕ чĕмсĕр килĕнче?* (П. Афанасьев) «Что же останется в его мрачном доме?»

Хăш «какой, который»: *Хăш уйăхра отпускра пултăн?* «Ты в каком месяце был в отпуске?» Принимая аффикс 3 лица, это местоимение выражает вопрос о признаках, выделяющих предмет из группы родственных: *Ку пальтосенчен хăшĕ сана ытларах килĕшет?* «Из этих пальто какое тебе больше нравится?» Но при склонении значение 3 лица в творительном, лишительном и причинном падежах этого местоимения передается не при помощи морфа *-ĕ*, а при помощи морфа *-ĕн*:

твор. п. *хăшĕнпе*, лиш. п. *хăшĕнсĕр*, прич. п. *хăшĕншĕн*; ср. склонение существительного *юлташ* «товарищ» в 3 лице: твор. п. *юлташĕпе,* лиш. п. *юлташĕсĕр,* прич. п. *юлташĕшĕн*. Изредка возможно употребление *хăш* с аффиксами 1 и 2 лица: *хăшăмăр* «который из нас», *хăшăр* «который из вас».

В результате сочетания местоимения *хăш* с числительным *пĕр* образовано парное неопределенное местоимение *хăш-пĕр* «некоторый».

Местоимение *мĕнле* образовано от местоимения-существительного *мĕн* и аффикса *-ле* со сравнительным значением. Но в современном языке значение сравнения у аффикса стерлось. Значение данного местоимения по-русски можно передать местоимением «какой»: *Паян мĕнле çанталăк?* «Какая сегодня погода?»

Местоимение *миçе* «сколько» может принимать аффиксы словоизменения *-мĕш, -шар (-шер), -ăн (-ĕн),* свойственные только именам числительным: *миçемĕш* «который, какой по счёту», *миçешер* «по скольку», *миçен* «в количестве скольких лиц». Но последнее не может употребляться в порядковой форме. По происхождению форма *миçе* восходит к основе *ми-/мĕ-/ма-/ме-* и к аффиксу сравнения *-ча (-че)*, известного в ряде тюркских языков; ср. употребление чувашского диалектного *минче* «сколько».

Местоимения *хăçан* (диал. *хăнча*) «когда», *ăçта* (диал. *кăçта, хăçта*), *ăçтан* (диал. *кăçтан, хăçтан*) имели общую основу *кăç-//хăç-//ăç-*: *Путĕр-путĕр путене, санăн йăву ăç тĕлте?* (Фольк.) «Пудер-пудер перепелка, на каком месте твое гнездо?» Местоимение *ма* (диал. *ме*)[7], очевидно, восходит к основе *мĕ(н)*, т.е. к форме, когда к *мĕ-* еще не присоединилась интерфонема |*н*|. Это видно и по наличию общего значения – значения времени – у обоих местоимений (*ма* и *мĕн*): *Ма (мĕн) пит ир килтĕн паян?* «Что так рано ты сегодня пришел?»; *Мĕн (ма) выртатăн эсĕ?* «Что (почему) ты лежишь?»

§ 6. Обобщающие местоимения

Обобщающие местоимения образованы главным образом путем префиксации частицы *кирек* или *хуть* к вопросительным местоимениям: *кирек (хуть) кам* «кто угодно, хоть кто, любой», *кирек мĕнле* «любой, хоть какой», *кирек ăçта (та)*

1) «везде, где бы то ни было, хоть где», 2) «куда бы то ни было, хоть куда» и др. Они обобщенно указывают на множество отдельных лиц, предметов, признаков, чисел, времен, причин.

В данный разряд включаются также непроизводные слова. *Кашни* «каждый» обозначает любую единицу из совокупности лиц и может восприниматься как местоимение. В качестве синонимов данного местоимения выступают *харкам* «каждый» (< перс. *хар* «каждый» + *кам* «кто») и *харпăр* «каждый». Синонимичны местоимения *пĕтĕм* «весь, все, вся, все» и *пур* «каждый, всякий». Они выражают общность предметов или общее количество. *Пĕтĕм* образовано от глагола *пĕт* «кончаться, приходить к концу» и аффикса *-ĕм*. Местоимение *пур* может принимать личные аффиксы: *пурсăмăр* «мы все», *пурсăр* «вы все», *пурĕ* «они все» и частицу *те* (*пурте* «все»). Орфографически частица *те* в основном падеже с местоимением *пур* пишется слитно, в косвенных падежах – раздельно. Хотя в основном падеже слова *пурте* отсутствует показатель 3 лица, но значение его устанавливается мягкостью морфа частицы *та (те)*. В остальных падежах аффикс лица восстанавливается: *пур-ин-пе те* «со всеми», *пур-ин-шĕн те* «за всех».

В чувашском языке в роли обобщенного местоимения могут употребляться некоторые вопросительные местоимения с частицей *та (те)*, расположенной в постпозиции: *Çуран çыншăн ăçталла та çул уçă* (Л. Таллеров) «Пешему человеку дорога открыта хоть куда»; *Ăçта та палламан çынсем* (П. Хусанкай) «Где попало незнакомые люди»; *Çĕршыв ăçта та ырă* (В. Краснов-Асли) «Страна хоть где хороша»; *Мана, ватă çара çерçие, ăçта та юрать* (В. Игнатьев) «Мне, старому голодранцу, сойдет где угодно».

§ 7. Отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения выражают отрицание лица, предмета, признака, количества, свойственного лицу или предмету, а также признака действия или признака признака. Они образуются при помощи префикса *ни-*, присоединяемого к вопросительным местоимениям. Лишь от местоимения *миçе* не образуется отрицательное местоимение.

При наличии отрицательного местоимения в предложении сказуемое всегда выражается глаголом в отрицатель-

ном аспекте. Эту же мысль можно выразить несколько иначе: при наличии отрицания в глаголе-сказуемом появление отрицательного местоимения в предложении усиливает имеющееся отрицание. *Никам* «никто», *нимĕн* «ничто» выражают обобщенное обозначение субъекта или объекта: *Никам та килмерĕ* «Никто не пришел» – отрицается приход всех лиц вообще; *Нимĕн те туянаймарăм* «Я ничего не смог купить»; *Вăл япалана ниçта та тупма çук* «Эту вещь нигде не достать».

В отдельных говорах форма *нихçанах* употребляется в значении *ялан* «постоянно, всегда». Например, в д. Латышево Янтиковского района: *Вăл нихçанах малта пырать* «Он всегда идет впереди»; *Вăл нихçанах çавăн пек* «Он всегда такой».

§ 8. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения выражают неопределенность лица, предмета, признака, количества. Они образуются от вопросительных местоимений главным образом присоединением префикса *та- (те-)*: *такам* «кто-то», *темĕн* «что-то», *темĕнле* или *тепле* «неизвестно какой» и др.

Неопределенные местоимения обозначают неясное, неизвестное для самого говорящего, который имеет сведения о чем-то, но не раскрывает их собеседнику, или сам говорящий имеет смутное представление. *Правлени умĕнчи хурăн çине такам шăнкăрч вĕлли çакнă* (В. Алентей) «На березу перед зданием правления кто-то повесил скворечник»; *Хăмла пахчинче темĕнле кайăксем юрлаççĕ* (Г. Краснов) «В хмельнике поют какие-то птицы».

Во втором случае обозначаемое или содержимое остается неясным, неизвестным, неопределенным только для посторонних, для собеседников, тогда как самому говорящему оно вполне ясно. Употребляется и тогда, когда говорящий хочет скрыть от собеседника, что ему известно. *Хăшăр та пулин айăплă мар пуль-çке?* (А. Кăлкан) «Неужели из вас кто-нибудь виновен?»; *Ун вырăнне тырра хурал тăма кама та пулин тăратмалла пулнă* (И. Мучи) «На его место надо было поставить кого-нибудь охранять зерно».

От некоторых вопросительных слов образуются неопределенные местоимения путем присоединения в постпозиции частицы *-тăр (-тĕр)*. Например:

кам-тăр *(кам та пулин, такам). Пур япалана та кам-тăр çӳлтен каласа кăтартасса кĕтсе тăратпăр* (Н. Симунов) «Мы все ждем указания кого-то сверху»;

кама-тăр *(кама та пулин, такама). Пурте зал хĕррине тăра-тăра пухнă. Варри пуш-пушах. Кама-тăр кĕтеççĕ* (И. Егоров) «Все стоят по краю зала. В середине совершенно пусто. Кого-то ждут;

мĕн пирки-тĕр *(тем пирки, темшĕн). Çавах та, мĕн пирки-тĕр, калама пултараймастăп, çак юлташа пирĕн майор малтан-хи кунтан тытăнсах килĕштермерĕ* (И. Тукташ) «Но все же, не могу сказать, по какой причине, этого товарища наш майор с первого дня невзлюбил;

мĕншĕн-тĕр *(мĕн пирки, темшĕн). Алексей Иванович уяв тумĕпе; мĕншĕн-тĕр вăл паян училищĕне ирех вĕçтерсе çитнĕ* (Н. Симунов) «Алексей Иванович в праздничной одежде. Почему-то он сегодня прибыл в училище очень рано»;

мĕнле-тĕр *(темĕнле). Эсир мĕнле-тĕр те, эпĕ ĕненетĕп, хальхинче вăл (Арçук) улталамасть пек туйăнать* (К. Турхан) «Я не знаю, как вы, но я верю, что на этот раз (Арсентий), кажется, не обманывает»;

хăçан-тăр *(тахăçан, хăçан та пулин). Нугиева пуринчен ытларах пĕлет вăл (Оля аппа): лешĕ хăçан-тăр общежитире пурăннă* (Н. Симунов) «[Тетя Оля] знает Нугиева лучше всех: он когда-то жил в общежитии».

§ 9. Категория времени местоимений

Как известно, местоимения выступают вместо имен, поэтому категория времени местоимения особо не отличается от категории времени существительных, прилагательных, числительных.

Настоящее время выражается той же нулевой формой, прошедшее время – местоимение + постфикс *-(ч)чĕ*, как в именных частях речи.

В образовании форм времени участвуют все разряды местоимений. Приведем примеры некоторых из них:

1) личные местоимения: *эпĕччĕ, эпирччĕ* и др.

Украина çеçен хирĕнче эс манпаччĕ, манпа эс тăрсаттăн çак тинĕс умне «В степях Украины ты была со мною, со мною стояла у моря»;

2) вопросительные местоимения:

— *Санран уйрăлнă чухне Микулан кăмăлĕ мĕнлеччĕ?*

— *Яланхи пекех хавасчĕ*... (Н. Мранькка)

« − Каково было настроение у Миколы перед расставанием с тобой?

− Как всегда, веселое...»;

Ăҫтисемччĕ вара вăл (Соколов)? (Н. Мранькка) «Откуда он был?»;

3) определительные местоимения:

Унта каллех строя тăратрĕҫ те ҫынсем пурте пуррипе ҫуккине шутласа пĕлчĕҫ. Пуртеччĕ (В. Сатай) «Там снова построили людей и пересчитали. Были все».

В некоторых случаях форма на *-(ч)чĕ* выражает желание говорящего: *Ҫынни-мĕнне мурне, пиреччĕ ҫăкăрне!* (С. Шавли) «Людей-то ладно, нам бы хлеба!»

4) неопределенные местоимения:

Куракова арестлени темех марччĕ. Унпа пĕрле Касмуххапа ывăлне тытса кайнă пулнă (Н. Мранькка) «Арест Куракова еще ничего... Вместе с ним забрали Касмухова с сыном».

Раздел 7

ГЛАГОЛ

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА[1]

§ 1. Неопределенная форма глагола

Вопрос о неопределенной форме глагола (инфинитиве) в тюркских языках и её грамматических особенностях нельзя смешивать ни с вопросом о подаче глаголов в словарях, ни с проблемами перевода значений инфинитива русского языка на тюркские языки. Это разные проблемы. В словарях тюркских языков нет особой необходимости давать заглавные глаголы в форме инфинитива, как это принято в российской лексикографии, ибо слова всех частей речи тюркских языков, включая глаголы, свободно могут выступать в виде основы слова. То, что с основой чувашского глагола совпадает форма 2 лица будущего повелительного времени, не является помехой при составлении словарей.

В отличие от многих тюркских языков, в чувашском имеется инфинитив как неизменяемая глагольная форма, не имеющая определенного отношения к лицу, почему термин «неопределенная форма глагола» вполне оправдан. Чувашский инфинитив отличается специфическими особенностями в плане происхождения, в образовании и в отношении синтаксических функций.

В грамматиках инфинитив часто причисляют к неличным формам глаголов, в один ряд с причастиями и деепричастиями. Но факты свидетельствуют, что у инфинитива нет свойств, сближающих его с указанными формами, ибо он, в отличие от причастий и деепричастий, не противопоставлен никакой однородной форме какой-либо парадигмы, кроме то-

го, последние представляют из себя функциональные временные формы, созданные для выражения функций глагола и обозначения относительных времен. А инфинитив не имеет определенной функции и не обозначает времени.

В чувашском языке инфинитив образуется от глагольных основ с помощью формативов *-ма (-ме)* и *-машкăн (-машкĕн)*, восходящих к архетипу *-мак (-мек)*.

Аффикс *-мак (-мек)* в древнечувашском языке выступал, по-видимому, в качестве словообразовательной морфемы имен существительных. С его помощью были образованы слова не только от глаголов, но и от имитативов, ср. поныне пережиточно сохранившиеся: а) *чикмек* «столбик, колышек», *катмак* «мотыга, пешня», *пӳлмек* «перегородка» и др.; б) *шăтăрмак* «трещотка», *ханкăрмак* «бубенчик», *кăштăрмак* «медлительный, мешкотный» и др. Новообразования по этому типу уже невозможны.

Возникновению инфинитива от глагольных существительных (или от имен действий) предшествовали изменения как в плане выражения, так и содержания.

Первоначально к именам действия на *-мак (-мек)*, надо полагать, присоединялись послелоги, и они могли даже изменяться по падежам. Как отголосок, в некоторых говорах чувашского языка сохранилось употребление бывшего послелога, современного падежного аффикса *-шăн (-шĕн)* с причинно-целевым значением *(ичин)*. Приведем примеры употребления от супинальной формы на *-макшăн (-мекшĕн)* в говоре д. Асламасы Ядринского района. Они записаны со слов 87-летнего местного жителя Иванова В.И. студенткой Милановой М.В. в 1966 г.

Çонса кайнă хыççăн ман пӳрт мар, молча лартмакшăн та мол çитмер «После пожара у меня не хватило средств на постройку не только дома, но даже бани»; *Çĕн пӳрт ĕçкине килмекшĕн хайхи Униçăм ятарласа холана витре илме кайса килчĕ* «Чтобы прийти на пирушку по случаю заселения в новый дом, Анисим тот специально съездил в город купить ведро»; *Э-э-э, онпа вăрçнă хыççăн эп вăсам патне каймакшăн шотламан та* «Э-э-э, после того как с ним поссорился, я и не думал пойти к ним».

Изменения происходили в результате усиления глагольных признаков и постепенного отпочкования инфинитива.

Последнее шло по двум линиям: а) по линии формы на *-мак (-мек)* и б) по линии формы *-макшӑн (-мекшӗн)*.

Во время отпочкования сохранились прежние формы и их значения и начали появляться новые с новыми свойствами.

Когда *-мак (-мек)* был еще аффиксом образования существительного, он утратил ауслаутный задненёбный согласный *-к*; сравните сохранившиеся в значительном количестве существительные на *-ма (-ме)*, выступающие: а) как имя действия: *вырма* «жатва, уборка», *ларма* «посиделки», *çулма* «косьба, сенокос», *выляма* «игра», *выртма* «ночное», *çитерме* «пастьба (скота)» и др.; б) как предмет или орудие действия: *каçма* «перекладина», *пӗрме* «складка, сборки», *пусма* «лестница; ступень», *çиме* «еда, пища, корм», *тӗкме* «тын, частокол» и др. Они свободно изменяются по лицам, числам и падежам: *ӗçлемерен таврӑн* «возвращаться с работы», *выльӑх çими* «корм для скота», *сурӑх çитерми* «пастьба овец», *крыльца пусмисем* «ступени крыльца».

Пережиточными являются словосочетания с формой на *-ма (-ме)* в роли определения: *ахӑрма çӑвар* и *карма çӑвар* «горлан, горлопан», *ларма хӗр* «девушка-гостья», *çӗрме пуян* «богатей», *çыртма йӗм* «(детские) штанишки (с вырезом внизу)», *тайма пуç* «повинная голова», *ташлама чӗлӗ* «круглый ломоть (хлеба)», *утма çул* «тропинка», *сӗрме купӑс* «скрипка» и др.

Было время, когда до окончательного отпочкования инфинитива к именной форме на *-ма (-ме)* присоединялись словообразующие аффиксы *-лла (-лле), -лӑх (-лӗх)* и послелог-аффикс *-серен*, образуя функциональные формы глагола (причастия и деепричастия).

Современный же инфинитив на *-ма (-ме)* образуется от всех глаголов и выступает как неизменяемая форма.

В супинальной форме на *-макшӑн (-мекшӗн)* после утраты именных значений аффикса *-шӑн (-шӗн)* произошла метатеза: звуки двух аффиксов |*к*| и |*ш*| поменялись местами (*каймашкӑн* > *каймакшӑн* «идти»), что привело к полному слиянию соседних морфем.

В современном языке инфинитивные формы типа *вулама* и *вуламашкӑн* «читать» в смысловом отношении также совпали.

Возникает вопрос: как рассматривать формативы *-ма (-ме)* и *-машкӑн (-мешкӗн)* по отношению друг к другу при

обозначении инфинитивных форм? Конечно, нельзя трактовать их ни в качестве двух самостоятельных морфем, ни в качестве алломорфов. С формальной стороны (в плане выражения) их употребление не обусловлено фонетической позицией в слове. По значению (в плане содержания) они тождественны, свободно могут заменять друг друга. Как уже было отмечено, по происхождению оба восходят к одному и тому же производному – архетипу на *-мак (-мек)*, справедливо было бы называть их вариантами инфинитивного аффикса.

Поскольку инфинитив образуется с помощью единственной морфемы и у него нет противопоставленных по значению форм, как у функциональных временных форм глагола – причастий и деепричастий, то он не может рассматриваться в кругу грамматических категорий[2].

В речевой практике эти варианты используются в стилистических целях. Если, например, в предложении два инфинитива использованы в одинаковом оформлении, но в разных позициях, то трудно сразу уяснить точный смысл высказывания; ср.:

Председатель хуралça канма кайма хушать (И. Тукташ) «Председатель велит охраннику пойти отдохнуть»; *Колхоз пикенсех утă çулма тухма хатĕрленет* (А. Лазарева) «Колхоз усердно готовится выйти на сенокос»;

Атăл урлă каçмашкăн
Лутка кирлĕ ишмешкĕн.
Киле килсе каймашкăн
Çунат кирлĕ вĕçмешкĕн (Фольк.)

«Чтоб переправиться через Волгу, нужна лодка для плавания. Чтобы побывать дома, нужны крылья для полета».

Другое дело, когда разное оформление инфинитива используется для обозначения неоднородных значений:

Тĕл пемешкĕн вĕренме
Шыв хĕрне çӳренĕ (А. Воробьев)

«(Они) ходили к берегу реки учиться метко стрелять»;

Кипр правительстви пемешкĕн чарăнма килĕшнĕ «Правительство Кипра согласилось прекратить стрельбу»; *Аван-çке*

уҫӑлма тухмашкӑн ирхине «Хорошо выходить по утрам подышать свежим воздухом»; *Эпир сочинени ҫырмашкӑн хатӗрленме юлаттӑмӑр* «Мы оставались готовиться писать сочинение».

Инфинитиву несвойственно ни склоняться, ни спрягаться. Но ему присуще сочетание с именами существительными с пространственно-временным значением *ватӑлма енне кайнӑ арҫын* «начинающий стареть мужчина»; *Хӗвел анса ларма патне ҫитнӗ* «Солнце подошло к закату»; *Тул ҫутӑлма енне кайман-ха* «Светить еще не начинает». Это говорит о том, что инфинитив сохранил некоторые признаки имени.

После инфинитива возможно употребление некоторых частиц. В этом случае:

а) вопросительная частица *-и* в составе неполного предложения выражает гнев говорящего по поводу чьей-то попытки неугодно поступить: *− Эсир тата хирӗҫ чӗнме-и?! − кӗрлерӗ пуян Варлам* (М. Ухсай) « − Вы еще (смеете) возражать?! − крикнул богач Варлам»; *Пӑлхавҫӑсен юрри юрлама-и-ха тата! Ут малалла!* (И. Тукташ) «Еще (смеешь) петь песню бунтовщиков! Шагай вперед!»; *Эс мана хӑратса ҫӳреме-и?* (Хв. Уяр.) «Ты еще пугать меня (хочешь)?»;

б) отрицательная частица *мар* употребляется для противопоставления значительного действия незначительному (присоединяется к глаголу, выражающему незначительное действие): *Ик-виҫ сӑмах персе илме мар-ха, калаҫмаллипех калаҫса кайрӑмӑр эпир ун чухне* (Н. Янкас) «Не то что перекинуться двумя-тремя словами, мы с ним тогда разговорились как надо»; *Натюш чӗри лӑпланма мар, каччӑна тата хытӑрах юратса пӑрахрӗ* (Н. Мранька) «Сердце Надюши не то чтобы успокоиться, еще сильнее полюбило парня»;

в) отрицательная частица *ҫук* передает значение трудности исполнения действия, выраженного инфинитивом в функции главного члена односоставного предложения: *Ҫумри арӑмна та ку чухне ӑнланма ҫук та, куна ӑҫтан ӑнланӑн?* (Н. Терентьев) «Свою жену, что рядом, понять иной раз невозможно, как же ты эту уразумеешь?»; *Ҫапах та каникул вӑхӑтӗнче ҫеҫ ӗҫленипе ӗҫ кунӗ нумаях тума ҫук ҫав* (А. Ӗҫхӗл) «Работая только во время каникул, все же много трудодней не заработать».

Если перед глагольным сказуемым поставить инфинитивную форму от того же глагола, то она будет выражать

общее согласие говорящего с действием, выраженным глаголом, и в то же время предупреждение, что имеется некоторое возражение (замечание) в связи со сказуемостным действием: *Акма акатпăр, анчах ĕç питĕ вăраха каять* (К. Турхан) «Сеять-то мы будем, но дело затянется очень надолго»; *Турттарма хĕрарăмсем те турттараççĕ. Касна çĕрте ху пулатăн* (А. Ĕçхĕл) «Возить-то могут и женщины. Ты сам будешь находиться при рубке (леса)».

Чувашский инфинитив употребляется главным образом в зависимом положении, подчиняясь множеству вспомогательных глаголов, именам прилагательных и существительных. Допустимо утверждение, что инфинитив создан для выражения модальных (видовых), временных значений в составе синтаксических конструкций, в обязательном сопряжении с вспомогательными словами. Эти значения невозможно передавать морфологически.

Названные конструкции с модальными значениями подразделяются на несколько групп. Они выражают:

а) возможность действия (с глаголами *пултăр* «мочь, быть в состоянии», *хăй* «сметь», *пĕл* «уметь»): *Вăл йывăр çĕкleме пултарать* «Он может поднять большую тяжесть»; *Эсĕ те сăмах чĕнме хăятăн-и?* «И ты осмеливаешься молвить слово?»; *Вăл шӳт тума та пĕлет-мĕн* (А. Лазарева) «Оказывается, она умеет и шутить»;

б) опасение, отстранение от действия (с глаголами *хăра* «бояться», *шиклен* «страшиться, робеть»; *имен* «стесняться, бояться»): *Пĕтĕм ял пĕлет те, шарлама хăрать* (М. Ухсай) «Знает вся деревня, потому боится сказать»; *Çакна Ритăн ĕненес те килчĕ, ĕненме те шикленчĕ* (Ю. Скворцов) «Рите хотелось в это поверить, но и верить было боязно»; *Огинов старике алă пама темшĕн именет* (А. Артемьев) «Почему-то Огинов стесняется подать руку старику»;

в) устремление к действию (с глаголами *пикен* «приниматься, приступить к чему-либо», *тимле* «стараться; проявлять активность», *тăрăш* «стараться, стремиться», *хăтлан* «пытаться, пробовать, силиться»): *Малтан Венька чарусăр хĕрсене хирĕç тăма пикенчĕ* (И. Тукташ) «Сначала Веня пытался противостоять безудержным девицам»; *Вĕсем ăна [Шерккее] йăпатма тăрăшрĕç* (Илпек М.) «Они старались успокоить его [Шеркея]»; *Юлташĕн шухăшне тавçăрса илме хăтланать Ивук* (Хв. Уяр) «Ивук старается угадать мысли своего товарища»;

г) вынужденная необходимость какого-нибудь явления (с глаголами *тив* «приходиться», *лек* «приходиться, быть вынужденным», *пӳр* «предназначать, предопределять (о судьбе)»: *Андрей Патокова медсанбата ӑсатма тиврĕ* «Андрея Патокова пришлось отправить в медсанбат»; *Ревизи тума лекет* (Г. Харлампьев) «Придется провести ревизию»; *Йывӑрлӑхне нумай курма пӳрчĕ ҫав ӑна [Капкая] хулара* (Илпек М.) «Ему [Капкаю] выпало перетерпеть в городе много трудностей»;

д) желание, намерение, стремление произвести (с глаголами *ӗмӗтлен* «мечтать, хотеть», *сун* «желать», *шутла* и *ту* «думать, решить», *хатӗрлен* «собираться, готовиться»): *экскурсие кайма ӗмӗтлен* «мечтать поехать на экскурсию»; *Вӑл малалла вӗренме сунать* «Он предлагает учиться дальше»; *Апат хыҫҫӑн кӑшт канма*[3] *турĕҫ* (Ю.М.) «После обеда решено было немного отдохнуть»; *Ял ҫĕр валеҫме хатӗрленет* (Ҫ. Элкер) «Деревня готовится к распределению земли»;

е) отношение субъекта к действию – любовь, опасение, ожидание, нетерпение (с глаголами: *юрат* «любить», *хӑра* «бояться», *шиклен* «робеть, страшиться», *вӑтан* «стесняться, смущаться», *имен* «стесняться, смущаться»: *ҫул ҫӳреме юрат* «любить путешествовать», *калама хӑра* «бояться сказать», *чуп тума вӑтан* «стесняться целовать(ся) и др.);

ж) цель действия: (с глаголами движения): *уҫӑлма тух* «выйти просвежиться», *вулама кил* «прийти читать», *ҫиме лар* «садиться кушать» и др.

Глагольные конструкции с видо-временными значениями подразделяются на две группы. Они выражают:

а) начало действия (с глаголами *пуҫла* и *пуҫӑн* «начинать», «приниматься за что-либо, «приступить к чему-либо», *тытӑн* «приступить», *тапрат* «начинать, затевать, завязывать»): *Шкул ачисем те хӗпӗртесе выляма пуҫлаҫҫĕ* (Хумма Ҫ.) «И школьники начинают радостно играть»; *Вӑрман ҫине ҫумӑр чашлаттарма тапратрĕ* (Л. Агаков) «На лес начал лить дождь»;

б) конец действия (с глаголами *чарӑн* «переставать, прекращаться», *пӑрах* «бросать, переставать»: *чӗлӗм туртма пӑрах* «бросить курить»).

§ 2. Категория залога

Среди глагольных грамматических категорий имеется такая, которая имеет больше словообразовательных признаков, чем признаков словоизменительных. Это – категория залога[4].

Исследователи тюркских языков придерживаются мнения, что аффиксы залогообразования и деривационные аффиксы очень близки друг к другу. Это доказывается рядом языковых данных.

Во-первых, в современном чувашском языке одни и те же аффиксы, образующие глагол от именных основ, относятся к словообразовательным, а присоединяющиеся к глагольным основам рассматриваются как залоговые аффиксы. Ср.:

Словообразующие	Залоговые
-ăн (-ĕн), -ан (-ен), -н	
ăшăн- «греться, согреваться»	*çăвăн-* «мыться, купаться»
пушан- «пустеть, освобождаться»	*çапăн-* «париться (бить себя в бане веником)»
йышăн- «занимать»	*мухтан-* «хвалиться»
тутан- «пробовать (на вкус)»	*шăлăн-* «утираться»
	чӳхен- «ополаскиваться»
-ăл (-ĕл), -ал (-ел), -л	
кукăрăл- «искривляться»	*касăл-* «резаться, рубиться»
вĕтел- «становиться мелким»	*çĕмĕрĕл-* «разбиваться»
нимĕрĕл- «превращаться в жижу»	*татăл-* «отрываться»
тĕсел- «поправляться, крепнуть»	*епрел-* «мокнуть, размокать»
-ăç (-ĕç), -аç (-еç), -ç	
вырнаç- «поселяться, устраиваться, помещаться	*калаç-* «разговаривать»
валеç- «раздавать, распределять»	*тапăç-* «лягаться»
çурăç- «мириться, сговариваться»	*ятлаç-* «браниться, ссориться»
пĕтĕç- «соединяться, сплачиваться»	*çапăç-* «сражаться, воевать»
-ăш (-ĕш), -аш (-еш), -ш	
варлаш- «подружиться, знакомиться, любить друг друга»	*паллаш-* «знакомиться»
капаш- «приближаться по количеству, почти подходить»	*çухăраш-* «визжать»
арпаш- «запутываться, смешиваться»	*тĕкĕш-* «бодаться друг с другом»

хуйхаш- «пугаться, всполошиться»
килӗш- «соглашаться, мириться»

-ăр (-ĕр), -ар (-ер), -р

хуйхăр- «горевать»
кăвакар- «стать седым; покрываться плесенью»
пасар- «покрываться инеем»
кăкар- «привязывать»
питĕр- «запирать»
витер- «пронизывать, проникать, промочить»
пусар- «давить, придавливать, уплотнять»
типшĕр- «сохнуть, высыхать, подсыхать»
тивер- «ударять»
ӳкер- «ронять»

-ăт (-ĕт), -ат (-ет), -т

сивĕт- «холодным делать, охладить»
типĕт- «сушить»
кĕçĕт- «зудеть, чесаться»
шĕвет- «делать более жидким, разбавлять»
сыват- «вылечивать, исцелять»
хăпăт- «отделять, отклеивать»
хăрат- «пугать, страшить, вызывать страх»
çыврат- «укладывать спать, усыплять»
тăрант- «кормить, содержать»
ташлат- «заставить плясать»

Надо полагать, что залог как грамматическая категория является вторичным явлением.

Во-вторых, ущербна парадигма залоговых форм, ибо не все залоги, кроме основного и понудительного, образуются от всех глаголов. Ведь образование того или иного залога, как и при словообразовании, зависит от семантики лексической основы глагола. В парадигме залоговых словоформ часто отсутствует тот или иной компонент. Например, от глагола *çывăр* «спать» можно образовать только основной залог *çывăр* «спать», понудительный залог *çывăрттар* «заставить (или позволить) спать»[5].

В-третьих, залоговый показатель располагается после основы слова или за другим залоговым аффиксом. В свою очередь за аффиксом залога могут размещаться деривационные аффиксы. Ведь после словоизменительных аффиксов невозможно употреблять словообразовательные аффиксы, а вот после залогов – возможно; ср.: *çĕнтер* понуд. «победить» – *çĕнтерӳ* сущ. «победа»; *çапăç* взаим. «бить друг друга, сражаться» – *çапăçу* сущ. «бой, сражение».

В-четвертых, тот факт, что залоговые аффиксы создают базу для наращивания вторичного и третьичного залоговых аффиксов, тоже говорит об их словообразовательном характере.

В-пятых, при помощи аффикса отрицания отвергается сфера действия выраженного основой глагола. Поскольку аффикс отрицания, как правило, располагается после залогового аффикса, то имеется основание считать, что он не полностью отделился от словообразовательных.

В-шестых, близость залогов к деривации явно ощущается и в том, что их показатели могут выражать значение переходности и непереходности, подобно словообразовательным аффиксам.

Основным условием употребления вышеперечисленных аффиксов в качестве залоговых является их соединение с глагольной основой. Но это условие имеет ограничения: для появления залогового значения необходимо, чтобы глагольные основы, в том числе и образованные с помощью деривационного аффикса *-ла (-ле)*, могли употребляться самостоятельно. В случае же, если основа глагола неспособна употребляться самостоятельно, то присоединенный к ней аффикс не может выражать отношение действия к субъекту. Нельзя рассматривать, например, форму *пушан*[6] «пустеть; ослабевать, развязываться (о веревке); иметь досуг» как залоговую, так как в современном языке нет глагола *пуша*, хотя в древнетюркском языке употреблялась такая основа: *boša-* (*bošu-* «освобождаться, получить свободу, ослаблять, развязываться» [10, с.78]. Спрашивается, как может идти речь об отношении действия к субъекту, если неизвестно, что выражает так называемая основа *пушан-*. Говорящему трудно делить слово на значимые части и понять значение слова, если производящая основа глагола и аффикс *-н* слились друг с другом и образовали неделимую по существу корневую морфему *пушан-*[6].

Таким же образом произошло слияние двух аффиксальных морфем типа *-лан (< -ла- + -н)*. В начальный период некоторые аффиксы, по-видимому, из-за недостаточной семантики не могли образовать слово с правом выступать самостоятельно. Требовалось соединение с вспомогательным аффиксом, чтобы он помог предыдущему выражать словообразовательное значение.

В качестве таких вспомогательных аффиксов в чувашском языке чаще других фигурируют аффиксы *-т, -н, -ш,* имеющие общее происхождение с залоговыми аффиксами:

тус «друг» + *-ла* , *лайăх* «хороший» + *-ла* , *хум* «волна» + *-ха*

Например, производное слово *пысăклан* «стать большим (взрослым)» формально можно делить на значимые части: корневая морфема *пысăк-* + деривац. морфема *-ла* + деривац. морфема *-н*. С первого раза можно подумать, что вначале к корню слова присоединился аффикс *-ла*, затем к «производной основе» *пысăкла-* аффикс *-н*. Но, спрашивается, как можно образовать слово, присоединяя деривационный аффикс к фиктивной основе? Значит, слово *пысăклан* образовано не путем последовательного соединения невычленяемых формальных элементов, а путем соединения к корню (основе) сложного деривационного аффикса, созданного до этого, в далеком прошлом.

Несмотря на большое сходство образования залогов со словообразованием[7], в чувашском языке они содержат явные грамматические признаки, в частности, выражают отношение действия к его производителю и, объединяясь в одну систему, образуют категорию залога. Конечно, было бы неполным освещение грамматических свойств глагола, если бы мы оставили без внимания морфологический аспект категории залога.

В чувашском языке данная категория отличается рядом специфических особенностей:

а) ввиду того что в чувашском языке показатель возвратного залога, кроме собственного, стал выражать также значения, свойственные страдательному залогу, эти два залога объединились в один возвратно-страдательный залог;

б) каждый косвенный залог имеет как минимум два выразителя, не отличающиеся друг от друга семантически и не зависящие от морфонологических условий современного языка. Целесообразнее относить эти выразители не к самостоятельным аффиксам, а к вариантам аффиксов того или иного залога. Так, в качестве вариантов аффикса возвратно-страдательного залога выступают формативы *-ăн (-ĕн)* и *-ăл (-ĕл)*; ва-

риантами аффикса взаимного залога являются *-ăш (-ĕш)* и *-ăç (-ĕç)*, а аффикс понудительного залога имеет три варианта: *-ăт (-ĕт), -ăр (-ĕр)* и *-тар (-тер)*;

в) по сравнению с другими тюркскими языками в чувашском языке формы вышеназванных залогов получили слабое развитие. Общетюркские залоговые формы многих глаголов не имеют своих соответствий в чувашском языке. Формы же понудительного залога можно образовать от любого глагола. Вот некоторые примеры.

1. Предложение на башкирском языке *Мин 1943 йылды армияга алындым* «Я был взят в армию в 1943 году» [10, с. 75] буквально можно перевести на чувашский язык: *Эпĕ 1943 çулта çара илĕнтĕм.* Но форма страдательного залога *илĕнтĕм* для современного чувашского языка является лишь потенциальной. Содержание башкирского предложения лучше передается конструкцией неопределенно-личного предложения, где в качестве главного члена выступает глагол основного залога: *Мана 1943 çулта çара илчĕç* (букв. «Меня в армию взяли в 1943 году»).

2. Значение русского глагола *переглядываться* по-башкирски передается формой взаимно-совместного залога *карам* [2, с. 180]. Но в чувашском языке нет формы ни *курăш*, ни *кур-ăç*. Здесь для передачи значения «переглядываться» (взаимно-совместного залога) пользуются описательными конструкциями: *пĕр-пĕрин çине пăхкала* (букв. «поглядывать друг на друга») или *пĕр-пĕрин çине пăхса ил* «переглянуться».

3. У глагола *кар* татарского языка в форме взаимно-совместного залога имеется значение «оказать помощь в действии» [6, с. 214]. В чувашском же языке глагол *кур* для передачи указанного значения также не прибегает к залоговой форме. Вместо татарского *бала караш* «помогать смотреть за ребенком» по-чувашски говорят *ача пăхма пулăш.*

4. Если глагол *йоре* «ходить» в татарском языке имеет форму взаимного залога *йоре-ш-* [3, с. 10], то от чувашского глагола *çӳре* потенциальная форма *çӳре-ш* не употребляется. В данном случае значение совместности передается конструкцией: *Вĕсем пĕр-пĕрин патне хăнана çӳреççĕ* «Они ходят друг к другу в гости».

§ 3. Основной залог

Основной (действительный) залог, как и основной падеж имени существительного, не имеет специального показателя. Немаркированная форма залога указывает на исходное синтаксическое применение глагола. Действие, выраженное основным залогом, связано с субъектом.

Смотря по тому, каким падежом управляют глаголы основного залога, они распределяются по двум группам:

1) переходные глаголы управляют дательно-винительным падежом: *кур* «видеть», *кӗт* «ждать», *вула* «читать» и др.;

2) непереходные[8] глаголы не управляют дательно-винительным падежом в значении прямого объекта: *кай* «уходить», *тӑр* «стоять», *кан* «отдыхать» и др.

Если глагол употребляется в функции сказуемого двусоставного предложения, то действие относится к действующему лицу (к субъекту), выраженному подлежащим: *Ачасем вӑрманта кашкӑр курнӑ* «Дети в лесу видели волка»; *Кунӗпех юр ҫӑвать* «Целый день идет снег». Если же глагол употребляется в функции основного члена односоставного предложения, то действие относится к действующему лицу, выраженному дополнением: *Пиччен ыран хулана каймалла* «Старшему брату нужно завтра ехать в город».

К основному глаголу относятся также формы, лексикализовавшиеся в результате утраты залоговых значений. Так, в предложении *Эпӗ шкултан тухсанах килелле вӗҫтертӗм* «Я после школы сразу помчался домой» залоговая форма *вӗҫтертӗм* не может управлять именем, называющим непосредственно исполняющего действие, в дательно-винительном падеже. Подобное же явление наблюдаем в формах *илтер* «делать что-либо энергично», *кайтар* «направиться», *чавтар* «мчаться, нестись», *таптар* «кинуться, устремиться, броситься» и др.: *Иксӗмӗр те илтеретпӗр анчах купӑссене* (Хумма Ҫ.) «Вдвоём только так наяриваем на гармошках»; *Эпӗ кайтарам-ха, чӑрмантарнӑшӑн айӑп ан тӑвӑр* (А. Артемьев) «Пойдука я, не обессудьте за беспокойство».

Также трудно определить залоговые значения с точки зрения современного языка в прежних формах взаимносовместного залога типа *пулӑш* «помогать, оказывать помощь», *вӑрҫ* «сражаться; ругать(ся)», *кӗреш* «бороться, сражаться», *ерӗҫ*

«располагать свободным временем» и др. и в формах страдательно-возвратного залога типа *хыпăн* «суетиться, хлопотать», *вĕрĕл* «заболевать повторно; простужаться» и др. Основы указанных форм утратили связь с первоначальным лексическим значением, поэтому перестали функционировать аффиксы залогов. Только этимологические разыскания могут определить первоначальное значение вышеприведенных залоговых форм [10, с. 67–80].

§ 4. Страдательно-возвратный залог

Страдательно-возвратный залог образуется главным образом от переходных основ глаголов. В его образовании участвуют аффиксы *-ăл (-ĕл)* и *-ăн (-ĕн)*, способные передавать как возвратное, так и страдательное значения. При наличии параллельных образований от одной и той же основы аффикс *-ăл (-ĕл)* передает страдательное значение, а аффикс *-ăн (-ĕн)* – возвратное. При отсутствии параллельного образования залоговая форма может выражать и то, и другое значения. Думается, объединение двух залогов в один вполне оправданно [4, с. 7–18].

В выражении страдательного и возвратного значений между показателями *-ăл (-ĕл)* и *-ăн (-ĕн)* в современном языке нет никаких различий. В этом отношении их можно считать, пожалуй, вариантами аффикса рассматриваемого залога.

Форма страдательно-возвратного залога с вариантом *-ăл (-ĕл)*: 1) при отсутствии параллельных образований с вариантом *-ăн (-ĕн)* выступает и в страдательном, и в возвратном значениях: *măсăл* «быть вытянутым», «вытягиваться», *пăсăл* «быть испорченным», «испортиться», *çĕмĕрĕл* «быть разбитым, сломанным», «испортиться», *уçăл* «быть открытым», «открываться», *сарăл* «быть расширенным, увеличенным», «расширяться, увеличиваться (в ширину), *уйрăл* «быть отделенным», «отделяться» и т.п. 2) при наличии параллельных образований с вариантом *-ăн (-ĕн)* вариант *-ăл (-ĕл)* употребляется только в страдательном значении: *тайăл* «быть наклоненным», *çăрăл* «быть размешиваемым», *сăтăрăл* «быть истертым», *касăл* «быть изрезанным», *пĕтĕрĕл* «быть скрученным» и т.п. В чувашском языке залоговых форм на *-ăл (-ĕл)* значительно меньше, чем форм на *-ăн (-ĕн)*.

Форма данного залога с вариантом *-ăн (-ĕн)* (при основах на *-л*) выражает как возвратное, так и страдательное значения или только страдательное значение: а) *пӳлĕн* «загораживаться», «задыхаться», «быть перегороженным, загороженным», *шăлăн* «вытираться», «быть подметенным», *кӳлĕн* «впрягаться (в работу)», «быть запряженным»; б) *илĕн* «браться, быть взятым», *чĕлĕн* «быть расщепленным», *çулăн* «скашиваться, быть скошенным».

Форма залога с вариантом *-ăн (-ĕн)* при основах на другие согласные и при наличии параллельных образований с вариантом *-ăл (-ĕл)* передает возвратное значение с частичной или полной утратой соотносительности с исходной основой: *тайăн* «прислониться, опираться», *çăрăн* «размешиваться, меситься», *сăтăрăн* «тереться, растираться», *пĕтĕрĕн* «извиваться, свертываться».

С вариантом *-ăн (-ĕн)* при гласных основах залоговая форма выражает страдательное и возвратное значения: *çăвăн* (< *çу-ăн*) «быть вымытым», «мыться», *пуçлан* «быть начатым», «начинаться», *пайлан* «быть деленым», «делиться».

При глаголе со страдательно-возвратным значением налицо диатеза двух типов. 1. В предложении *Лаша вăрри йĕппе тытăннă* (Ват. сăм.) «Конокрад был схвачен на иголке» пассивная форма глагола со страдательным значением *тытăннă* имеет следующую диатезу. Слово *йĕп* «иголка» – субъект действия – выступает в творительном падеже и занимает позицию агентивного дополнения. Объект действия *лаша вăрри* «конокрад» выступает в основном падеже и занимает позицию подлежащего. 2. В предложении *Кашта аран-аран тытăнса тăрать*[9] «Перекладина еле держится» сложный глагол с возвратным значением *тытăнса тăрать* обнаруживает объектное отношение к субъекту, т.е. субъект *кашта* одновременно является и объектом, хотя занимает позицию подлежащего.

§ 5. Взаимно-совместный залог

В чувашском языке взаимно-совместный залог образуется при помощи показателей *-ăш (-ĕш)* и *-ăç (-ĕç)*. Первый из них близок к аффиксу этого залога многих тюркских языков, а второй свойствен только чувашскому языку. Происхождение *-ăç (-ĕç)* пока остается неясным. Думается, что оба показателя восходят к одному архетипу.

Рассматривать *-ăш (-ĕш)* и *-ăç (-ĕç)* в качестве самостоятельных аффиксов современного языка нет оснований. По значению они не отличаются друг от друга. Они могут образовать залоговую форму как от переходных, так и от непереходных глаголов. Присоединение того или другого показателя к той или иной глагольной основе не зависит от морфонологических условий. Значит, они не являются алломорфами аффикса. Правильнее будет, пожалуй, считать их вариантами одного аффикса, появившимися в результате развития языка.

При образовании залоговых форм предпочтение отдается варианту *-ăш (-ĕш)*. Если вариант *-ăç (-ĕç)* встречается в формах, образованных главным образом от отдельных корневых основ типа *ăнăç-* «ладиться, удаваться», *çапăç-* «сражаться, воевать, биться», то вариант *-ăш (-ĕш)* может присоединяться как к корневым основам, так и к производным: *ерĕш-* «приставать, прибиваться», *сĕкĕш-* «бодаться», *саламлаш-* «приветствовать друг друга», *сăмахлаш-* «судачить, заниматься пересудами», *чышкăлаш-* «ударять друг друга кулаками». Например, *Макар пĕлет: текех сăмахлашса тăмалли çук* (С. Аслан) «Макар знает: теперь нечего судачить»; *Самаях чышкăлашсан вĕсем уйрăлчĕç* (В. Сатай) «Поколотив порядком друг друга, они разошлись».

1. Формы взаимно-совместного залога, образованные от переходных основ, имеют взаимное значение: *Вĕсем çири кĕписене шăр-шаррăн çурса каллех те ӳкнĕ тытăçса* (Я. Ухсай) «Они, порвав рубашки, снова сцепились друг с другом»; *Хĕрсем пир çапаççĕ, ача-пăча хăвалашмалла вылять* (Тихăн П.) «Девушки отбивают холст, а детвора играет в догонялки»; *Ăшă юр муклашкисемпе пĕр-пĕринпе перĕшни ытла та паха вăйă!* (С. Лашман) «Замечательная это игра – кидать друг в друга комья теплого снега!» В этом случае глагол обозначает взаимодействие субъекта и объекта. По форме залога можно понять, что субъектов действия несколько.

Ср. также формы, выражающие взаимное значение: *вăрçăш* «ссориться, ругаться, браниться», *виртлеш* «дразниться, дразнить друг друга», *курăш* «видеться», *кӳпкелеш* «дубасить, колотить друг друга», *паллаш* «знакомиться», *перĕш* «бросаться, кидаться, стрелять друг в друга», *савăш* «радоваться, веселиться, любить друг друга», *çыртăш* «кусаться, кусать друг друга», *тĕкĕш* «бодаться, толкать друг друга» и т.п.

При этом формы взаимно-совместного залога могут сочетаться с дополнением в творительном падеже и показывать, что в совершении действия участвуют две стороны (два субъекта), направляющие действия друг на друга: *Абрамовпала эпĕ чи малтан çак станцăра паллашрăм* (Митта П.) «С Абрамовым я познакомился на этой станции»; *Манпа курăшнăшăн вăл çав тери савăнчĕ* (И. Егоров) «Он очень обрадовался встрече со мной»; *Пуринпе те саламлашнă хыççăн тӳрленсе тăрса атте-анне çине пăхрăм* (Ç. Элкер) «Поздоровавшись со всеми, выпрямившись, я глянул на родителей».

2. Формы, образованные от непереходных глаголов, выражают совместное действие двух или нескольких субъектов без указания на взаимную направленность: *ахăраш* «хохотать, орать, шуметь, громко смеяться», *вĕркĕш (< вĕрке)* «сновать туда-сюда, суетиться», *пуплеш* «разговаривать, беседовать», *çуйхаш* «пищать, визжать (о множестве лиц)», *çухăраш* «визжать, кричать, вопить», *тимлеш* «договариваться, соглашаться, прийти к единому мнению», *хĕвĕш* «торопиться, суетиться, беспокоиться» и т.п. *Шалта асар-писер музыка ĕрлешни, çынсем шавлашни илтĕнет* (Уйăп М.) «Слышно, как внутри беспорядочно шумит музыка, галдят люди»; *Тути хĕррисем çеç унăн темĕнле туртăшса илчĕç, сăнĕ тĕксĕмленчĕ* (Хв. Уяр) «Губы его слегка дрогнули, лицо нахмурилось».

3. Как правильно заметил А.А. Юлдашев, сфера применения данного залога весьма ограниченна [13, с. 90]. Нередко формы глагола, образуемые при помощи аффиксов *-ăш (-ĕш), -ăç (-ĕç)*, не отражают отношения действия, выраженного основой, к субъекту: ни взаимности, ни совместности. Такие типы глаголов следует рассматривать как словообразовательные модели. Например: *Лука арăмĕ кӳренсе, макăрашса таврăнчĕ* (Ç. Элкер) «Жена Луки вернулась обиженная, вся в слезах (досл.: хныкая)». Форма *макăраш*, по сравнению с основой *макăр* «плакать», обозначает ослабленность действия, названного производящей основой.

Форма *кĕрĕш*, образованная от глагола *кĕр* «поступить» (ср. *ĕçе кĕр* «поступить на работу»), не имеет никакого залогового значения, употребляется исключительно в словообразовательных целях. *Вăл [Иван] кун патне лаша пăхма кĕрĕшет* («Ухмах Иван» юмах) «Он (Иван) нанимается к нему конюхом».

Форма *килĕш* «помириться» в древнем языке, очевидно, употреблялась во взаимном значении – «идти навстречу друг другу». Поскольку значение основы стерлось, трудно говорить о залоговом значении: *Мана ку çамрăк çын килĕшет* «Мне нравится этот молодой человек». Едва ли можно согласиться с бытующим мнением, что подобные формы взаимного залога выполняют словообразовательную функцию, ибо трудно мотивировать значение такого производного слова. Скорее всего, перед нами лексикализованное значение залоговой формы.

Форма *ăнăç* «удаваться» не является ни производным словом, ни залогом: *Маюкăн ĕçĕ малтанласа ăнăçсах каймарĕ* (Илпек М.) «Вначале дела у Маюк не ладились». Здесь значение формы *ăнăç* ничем не отличается от значения ее основы *ăн-*. Они вполне могут быть взаимозаменяемы. Формант *-ăç* выступает здесь со своеобразным грамматическим значением неконкретного действия.

§ 6. Понудительный залог

Формы понудительного залога образуются как от переходных, так и непереходных глаголов. Аффикс данного залога имеет и варианты, и алломорфы.

Первоначально, надо думать, употреблялся вариант с алломорфами 1) *-ат, -ет, -ăт*; 2) *-ар, -ер,* из коих первые присоединяются к незначительному количеству основ (около 60) на гласные *а, е* и согласные *н, р*: *хавшат* «ослаблять, подрывать, расшатывать» (< *хавша* «слабеть, становиться слабым»), *çӳрет* «водить» (< *çӳре* «ходить»), *амант* «ранить» (< *аман* «раниться», *çĕлет* «шить (заказав кому-либо)» (< *çĕле* «шить, строчить»), *çывrат* «укладывать спать; усыплять» (< *çывăр* «спать»); вторые присоединяются к незначительному количеству основ на согласные *к, л, п, с, ç, т*: *чакар* «убавлять, уменьшать, снижать» (< *чак* «убавляться, уменьшаться, убывать»), *путар* «топить, затоплять, пускать ко дну» (< *пут* «тонуть»), *ӳкер* «сваливать, сбивать» (< *ӳк* «падать, сваливаться»). Первоначальный вариант характеризуется тем, что его алломорфы утратили свою продуктивность: *-ар (-ер)* встречается в формах, образованных от однословных основ, *-ат (-ет), -т* – после ряда двусложных корневых основ и некоторых произ-

водных. Чередование *т* и *р* при образовании алломорфов понудительного залога вполне закономерно. С ним, например, сталкиваемся и при образовании алломорфов аффиксов местного и исходного падежей: мест. п. *хула-ра* «в городе», *вăрман-та* «в лесу».

Позднее был создан второй вариант с алломорфами *-тар (-тер), -ттар (-ттер)*, который возник путем плеонастического употребления алломорфов первого варианта: *-т + -ар > -тар, -т + -ер > -тер*. Этот вариант морфемы отличается тем, что его можно употреблять в основном со всеми глаголами языка. Кроме того, он способствует четкому выражению залогового значения.

Алломорф *-ттар (-ттер)* имеет в анлауте глухой звук *т*, когда он присоединяется к двусложным основам на *а, е*: *калаттар* «заставить (позволить) говорить», *ĕçлеттер* «заставить (позволить) работать». Если же этот вариант употребляется после односложных основ в тех же морфонологических условиях, то в анлауте он выступает с полузвонким *т*: *çитер* «накормить», *тутар* «заставить делать».

В некоторых случаях образование вариантов второго типа происходило путем плеонастического употребления алломорфов первого варианта в другой последовательности: *-ăр + -т > -ăрт, -ĕр + -т > -ĕрт: пăв-ăрт* «вымогать», *ĕм-ĕрт* «кормить грудью», *пĕк-ĕрт* «гнуть, сгибать в дугу». Но употребление алломорфов *-ăрт, -ĕрт* не получило развития в языке.

Преимущественное употребление алломорфов второго (более позднего) варианта сказывается прежде всего на их судьбе. В речи вместо алломорфов первого варианта все больше стали применять алломорфы второго варианта. Ср. вместо *тăрант – тăрантар* «кормить», *таптат – таптаттар* «топтать, вытаптывать», *хунат – хунаттар* «разводить», *варкат – варкаттар* «волновать, беспокоить», *илент – илентер* «приваживать, привлекать», *пăхăнт – пăхăнтар* «подчинять, покорять, заставлять повиноваться», *çĕклет – çĕклеттер* «заставлять поднимать», *çӳçент – çӳçентер* «знобить, бросать в озноб (дрожь)», *ташлат – ташлаттар* «заставить плясать», *тĕллен – тĕллентер* «вызывать сновидения», *тĕплет – тĕплеттер* «заставлять вставлять дно, подбивать, подшивать», *усăн – усăнтар* «клонить», *хунат – хунаттар* «разводить»

и др. Следует отметить, что в морфологических дублетах алломорфы *-ер, -т* при некоторых основах употребляются еще на равных правах с алломорфами *-тар, -ттар, -ттер: васкат – васкаттар* «торопить», *çĕлет – çĕлеттер* «отдавать в пошив, велеть (заставить) шить»; *тăрант – тăрантар* «кормить», *çыврат – çывăрттар* «усыплять» [1, с. 269; 5, с. 243]. А некоторые формы (например, *юрат* «любить») лексикализуются полностью.

Суффиксы понудительного залога, присоединяясь к непереходным основам, делают их переходными и способными управлять прямым дополнением. Ср.: *Ача пукан çине ларасшăн* «Ребенок хочет сесть на стул». Глагол *лар* непереходный. Присоединение к нему аффикса *-т-* делает глагол переходным: *ачана пукан çине ларт* «посадить ребенка на стул». При этом глагол сохраняет способность управлять дательно-винительным падежом *(çине)*.

Формы понудительного залога от переходного глагола могут управлять одновременно двумя прямыми дополнениями: а) основа глагола управляет объектом действия, выраженным основным или дательно-винительным падежом: *юрă (юрра) юрларĕ* «спел песню»; б) форма залога управляет объектом, являющимся субъектом реального действия и выраженным дательно-винительным падежом: *Учитель ачасене юрă юрлаттарчĕ* «Учитель руководил пением детей (букв. «заставил ребят спеть песню»)».

В данном предложении форма понудительного залога *юрлаттарчĕ* имеет следующую диатезу. Слово *учитель* – субъект действия *юралаттар* – выступает в основном падеже и занимает позицию подлежащего; слово *ачасем* – субъект действия *юрла* «спеть» – выступает в дательно-винительном падеже и занимает позицию агентивного дополнения; слово *юрă* «песня» – объект действия *юрла* – выступает в основном падеже и занимает позицию прямого дополнения.

Показатели понудительного залога довольно свободно наращиваются один на другой: *Чухăн та юрлă çынсене пайтах тар тăктарттарнă [Трамбуй Йăкăначĕ]* (С. Аслан) «Игнат Трамбуй заставил много пота пролить бедных и нищих»; *Ăна [Сергее] килти ĕçсенче асламăшне пулăштарттарасшăн-çке амăшĕ* (Л. Мартьянова) «Мать хочет приучить его [Сергея] помогать бабушке в домашних делах».

§ 7. Глаголы переходные и непереходные

Исходя из семантических и синтаксических свойств глаголы делятся на переходные и непереходные.

Переходность и непереходность глаголов определяется на основе отношения действия, выраженного глаголом, к объекту.

Переходными являются глаголы, называющие действие, прямо направленное на объект, они сочетаются с прямым дополнением, выраженным в форме основного или дательно-винительного падежа. Когда действие направлено на определенный, конкретный, известный предмет, то называющее его дополнение ставится в дательно-винительном падеже, и когда действие направлено на неопределенный, неконкретный предмет, то дополнение стоит в основном падеже. Ср.: *Ĕнер илсе килнĕ йывăҫсене* (дат.-вин. п.) *лартса пĕтертĕр-и?* «Вы кончили сажать деревья, привезенные вчера?»; *Вăл пире хыпар пĕлтерчĕ* «Он сообщил нам новость». В первом примере прямое дополнение выражено дательно-винительным падежом, потому что оно называет конкретный, известный предмет. Во втором предложении прямое дополнение *хыпар* выражено формой основного падежа, поскольку конкретное содержание новости не расшифровано.

Переходность/непереходность действия зависит от семантики глагола, который может быть как однозначным, так и многозначным, при этом одни значения бывают переходными, другие – непереходными. В таких случаях следует считать переходным или непереходным не глагол в целом, а только значение. Например: *Ҫитес ҫулшăн хаҫатсене икĕ уйăх малтанах ҫырăнтăм* «Подписку на газеты на будущий год я оформил за два месяца вперед»; *Петюкпа Маюк ЗАГСа ҫырăнма кайрĕҫ* «Петя и Маюк пошли в ЗАГС регистрироваться». В первом предложении значение слова *ҫырăн* является переходным *(хаҫат ҫырăн)*, во втором предложении – непереходным *(Вĕсем ҫырăннă)*.

Изучение проблемы переходности/непереходности глаголов имеет важное практическое значение, так как помогает разобраться, какую падежную форму использовать при оформлении прямого дополнения.

Некоторые лингвисты, не вникая в суть, ошибочно говорят о недоказуемости и бесполезности данной категории в

чувашском языке и необоснованно исключают этот вопрос из вузовских рабочих программ[10].

Так как глаголы в своем большинстве многозначны, то необходимо говорить не только о переходных и непереходных глаголах, но и о переходных и непереходных значениях многозначных глаголов.

У так называемых сложных глаголов только основной компонент может быть переходным или непереходным. Вспомогательные глаголы не могут быть ни переходными, ни непереходными:

а) суффиксы понудительного залога в глаголе выражают переходность действия: *ĕҫлеттер* «заставить работать», *ҫунтар* «жечь, сжигать (букв. «заставить гореть»)»; *ҫитер* «дать поесть»; *хытар* «подтягивать, натягивать туже»; *ӳкер* «уронить», *пĕҫер* «варить», *ҫĕлет* «шить (заказав кому-либо)»;

б) словообразовательные суффиксы, имеющие в ауслауте *т, р, ат (ет), ар (ер): шăвар (шывар)* «поить, поливать», *кĕскет* «укоротить», *кукăрт* «делать кривым», *каҫăрт* «задирать, закидывать (кверху)»;

в) иногда в переносном значении переходные глаголы становятся непереходными. Так, глагол *вĕҫтер* находится в форме понудительного залога, в прямом значении является переходным: *Кайăк чĕпписене вĕҫтерсе янă* «Птица поставила своих птенцов на крыло». В переносном употреблении форма *вĕҫтер* означает «нестись». Например: *Ну, каях, каях, яра пар, вĕҫтер* (С. Павлов) «Ну, иди же, иди, поспеши». Иногда же непереходная форма, например *ăнлан* (возвр. з.), употребляется в переходном значении: *Эпĕ пурне те ăнлантăм* «Я понял все»; *утиял витĕн* «укрыться одеялом», *начар куратăп* «плохо вижу»; *Эпĕ сана пасарта куртăм* «Я тебя видел на базаре».

§ 8. Аспекты глагола

У чувашского глагола один вид спряжения. Но имеются такие категории, как аспекты, которые, будучи близки к деривации, свойственны всем функциональным его формам. Любая форма глагола, за исключением нескольких, бывает в одном из аспектов. Инфинитиву несвойственно иметь аффиксальный показатель отрицательного аспекта, а свойственны лишь некоторые частицы.

Исключения сводятся к тому, что та или иная форма по по своему содержанию не может находиться в том или ином аспекте.

Всего четыре аспекта: утвердительный, отрицательный, возможности, невозможности. Они стоят в одном ряду. Любая словоформа (лексема) обязательно находится в том или ином аспекте. Одновременно в двух аспектах глагол бывает, когда он парный: *курнă-курман.*

По характеру грамматических значений аспект относится к номинативной (семантической, референциональной), непосредственно участвующей в отражении внеязыковой действительности, но не отражающей отношений синтаксических.

По характеру категориального признака данная категория является классифицирующей, а не словоизменительной (лексика может изменяться).

Н.И. Ашмарин в своих «Материалах...» отметил два вида спряжения: утвердительное и отрицательное. Другие два аспекта – возможности и невозможности – он рассматривает в разделе словообразования – как глаголы возможности и глаголы невозможности [1, с. 289–291].

Получаются две пары противопоставленных аспектов. В первую противопоставленную пару включаются утвердительный и отрицательный аспекты, на основе которых образуется другая пара аспектов – возможности и невозможности – при помощи аффикса *-ай (-ей).* Они объединены тем, что вторая пара образуется на основе первой пары. Но при производстве этих форм наблюдается одна особенность. При образовании одной формы от другой элемент присоединяется к аффиксу производящей основы после – с правой стороны. Но в данном случае производящий аффикс приставляется спереди, т.е. с левой стороны:

кур-ат-ăп – кур-ай-ат-ăп

кур-мас-т-ăп – кур-ай-мас-т-ăп

Аффиксы *-ай, -мас* не могут стоять в конце словоформы.

1. Положительный аспект (или утвердительная форма) указывает на совершаемое или совершенное действие. Он характеризуется[11] отсутствием показателя аспекта, т.е. нулевой морфемой: *Çанталăк сивĕтрĕ* «Похолодало»; *Тăшман чакать* «Враг отступает»; *таврăнсан* «вернувшись», *таврăнмалла* «нужно (должно) вернуться».

2. Отрицательный аспект (или отрицательная форма) указывает на отрицание действия, обозначенного глагольной формой. Он образуется во всех предикативных временных формах, кроме формы будущего условного времени, при помощи аффикса *-ма (-ме), -мас (-мес), -м*: *кур-ма-р-ăм* «(я) не видел», *кур-мас-т-ăп* «не вижу», *кур-м-ăп* «не увижу». Отрицательный аспект будущего повелительного времени, в отличие от других тюркских форм отрицательного аспекта, образуется препозитивными частицами *ан, мар*: в 1 лице *ан итлем, итлем мар* «не послушай я (все вышло бы по-другому)»; во 2 лице *ан итле* «не слушай»; в 3 лице *ан итлетĕр* «пусть не слушает». Отрицательный аспект непредикативных временных форм передается и частицами *мар, çук,* и аффиксом *-ма (-ме)*:

а) атрибутивная форма последующего времени на *-ас (-ес)*: *каяс çук çын* «человек, который не пойдет», *каяс мар чухне* «в то время, когда не следует пойти»; *Эс каймасса эп пĕлмен* «Я не знал, что ты не пойдешь»;

б) атрибутивная форма предшествовавшего времени: *вуламан кĕнеке (< вуланă)* «книга, которая не (про)читана»;

в) атрибутивная форма одновременного действия: *вуламан кĕнеке (< вулакан)* «книга, которая не читается»;

г) атрибутивная форма последующего действия на *-малла (-мелле): каламалла мар сăмах* «слово, которое не следует (не нужно) сказать»;

д) атрибутивная форма одновременного действия на *-анçи (-енçи)* и на *-иш: Вăл (Микулай) туйсан та туймançи, сиссен те сисменçи пулнă* (А. Ĕçхĕл) «Он хотя чувствовал, но притворялся нечувствующим, замечал, но притворялся незамечающим»; *Шахрун ăнланмише пенĕ* (Хв. Уяр) «Шахрун притворялся непонимающим»;

е) атрибутивная форма одновременного действия на *-и: Лара-тăра пĕлми çерçисем çеç вĕçсе çӳренĕ* (И. Мучи) «Летали только воробьи, не знающие ни устали, ни покоя»; *Лашасем пуç çĕклеми курăк чĕпĕтеççĕ* (Д. Гордеев) «Лошади щипают траву, не поднимая головы». Глагольные формы на *-и* чаще употребляются в парной форме – утвердительной и отрицательной (*çити-çитми пурнăç* «необеспеченное существование», *çывăри-çывăрми çĕр каç* «провести ночь почти без сна») и выражают недостаточное проявление выражаемого ими качества. А вот атрибутивная временная форма последующего

действия на *-малăх (-мелĕх)* не может употребляться в отрицательном аспекте, ибо при выражении достаточности для совершения какого-нибудь действия нужна только утвердительная форма.

Обстоятельственная форма предшествующего действия на *-сан (-сен), -сассăн (-сессĕн)* при отрицании принимает аффикс *-ма (-ме): кино курма каймасан* «если не идти смотреть кино». Обстоятельственные формы предшествования на *-нăранпа (-нĕренпе)* и *-массерен (-мессерен)* не могут находиться только в отрицательном аспекте, так как они всегда выражают выполненные действия: *Хулана каймассерен кĕнеке магазинĕнче пулатăп* «Каждый раз, бывая в городе, я захожу в книжный магазин»; *Атте вăрçа тухса кайнăранпа икĕ çул çитрĕ* «С тех пор как отец ушёл на войну, прошло два года».

Отрицательный аспект следования на *-иччен* образуется с помощью морфа *-м*: *Вăл кунта юн тумламĕ юлмиччен çапăçма сăмах панă* (Илпек М.) «Он дал слово здесь сражаться до последней капли крови» (букв. «пока не останется капля крови»).

Обстоятельственная форма одновременного действия на *-са (-се)* при употреблении в отрицательном аспекте восстанавливает древний облик его показателя *-сар (-сер): чĕнмесĕр лар* «сидеть, не откликаясь». А форма на *-а (-е)* не употребляется в отрицательном аспекте по причине ограниченности ее применения. Она встречается, как правило, в устойчивых конструкциях при выражении моментальности. Формы же на *-нăçем (-нĕçем)* и *-уçăн (-ӳçĕн)* употребляются для выражения параллельных действий, поэтому отрицательный аспект здесь исключен.

Любопытно употребление так называемого сложного глагола в отрицательном аспекте. Если в качестве основного компонента выступает обстоятельственная временная форма на *-а (-е)* или оба компонента выражены в предикативной временной форме, то сложный глагол может находиться только в утвердительном аспекте.

Если же в роли основного компонента выступает обстоятельственная временная форма на *-са (-се)*, то сложный глагол может иметь три вида: показатель отрицательного аспекта – аффикс *-ма (-ме)*, а также частицы *ан, мар, çук* – может находиться в первом или втором компоненте либо же

сразу в обоих компонентах. В каждом случае их значения будут разными.

Когда показатель отрицательного аспекта находится в основном компоненте, то вспомогательный глагол выражает особенности активного отрицания основного действия. В таких случаях в роли вспомогательного компонента выступают глаголы *тăр* «стоять», *хăвар* «оставлять», *юл* «оставаться»: *Ан тавлашса тăр, начар ĕçлетĕн ĕнтĕ* (К. Турхан) «Не спорь (букв. «не стой, споря»), ведь плохо работаешь»; *Тарас хăй йывăр суранпа вырtни çинчен шарламасăр хăварчĕ* (Л. Агаков) «О том, что он сам лежал после тяжелого ранения, Тарас промолчал (досл. «оставил, не упомянув»)»; *Аслă хĕрĕ Анисса шкула каяймасăрах юлчĕ* («Ком. ял.») «Старшая дочь Анисия не могла ходить в школу (букв. «осталась, не посещая школу)»;

Если же в отрицательном аспекте выступает вспомогательный глагол, то он выражает отсутствие воли субъекта для совершения основного действия. Очень часто при основном компоненте употребляется аффикс *-ах (-ех)*: *Вăл амăшне итлесех кайман* (С. Аслан) «Он почти не слушался мать»; *Тинĕсре улшăнусем курăнсах каймаççĕ* (В. Алентей) «В море почти не видно изменений»; *Унччен манăн ăш-чик ниçан та хурланса*[12] *курманччĕ* (Хумма Ç.) «До той поры мое сердце никогда не знало горя»;

Когда оба компонента в форме отрицательного аспекта, сложный глагол показывает отрицание признака, выраженного вспомогательным глаголом при отрицательном основном компоненте. Таким образом, сложный глагол выражает выполненное действие. Например: *Шанатăр пулсан, килĕшмесĕр тăмăп* (А. Лазарева) «Коли доверяете (мне), не могу не согласиться». *Çакна Лида ашшĕ те асăрхамасăр*[13] *юлмарĕ* (И. Григорьев) «Этого и отец Лиды не мог не заметить».

Два других аспекта – возможности и невозможности – образуются от первых двух – положительного и отрицательного – с помощью аффикса *-ай- (-ей-)*, который в некоторых местных говорах звучит *-и* или *-айр- (-ейр-)*.

3. Аспект возможности образуется при помощи аффикса *-ай- (-ей-)*, вставляемого между основой глагола и аффиксом времени: *вул-ай-ат-ăп* «(я) в состоянии (про)читать». В верховых говорах аффикс представлен вариантами *-и-, -айр- (-ейр-): вул-и-й-ат-ăп, вул-айр-ат-ăп* «могу читать

(прочитать)», *çит-и-й-ат-ăн, çит-ейр-ет-ĕн* «(я) в состоянии дойти». В других тюркских языках значение этого аспекта передается не аффиксом, а вспомогательным глаголом. Ср.: тур. *yazambilmek*, узб. *ёзолмок* (< *ёзаолмок*) – чув. *çыр-ай-ма* «мочь писать».

Формы аспекта возможности чувашского языка могут дополнительно передавать оттенки значения, включающие представления о быстром совершении действия, о неожиданности совершения, о желании совершить действие или о недостаточном совершении действия. Примеры: *Мĕнпе пулăшайĕччĕ вăл Тухтара çав чĕре çĕклейми самантра?* (Илпек М.) «Чем бы он мог помочь Тухтару в этот труднейший момент?»; *Пулайăпăр-ши эпир вĕсем пек? Çакă шухăшлаттарать ачасене* (Е. Афанасьев) «Сможем ли мы стать такими, как они? Вот что заставляет думать ребят»; *Ним те чĕнеймерĕ урăх, «Сывă пул!» – теейрĕ çеç* (Уйăп М.) «Ничего не смог сказать больше, промолвил только: «Прощай!»

4. Аспект невозможности выражает мысль о невозможности выполнить действие или о том, что субъекту не удалось совершить действие. Это значение обозначается аффиксом *-ма (-ме)*, присоединяемым к аффиксу возможности, а в будущем повелительном – путем постановки отрицательной частицы *ан* «не» перед глаголом. Примеры: *Вăхăтра çыру çӳретмешкĕн, тен, майĕ те килеймĕ* (Илпек М.) «Возможно, нам не удастся своевременно переписываться»; *Ыран кантуртан хырçă пуçтарма килмелле. Ан каçайччăр терĕм. Аттен пĕр пус укçа та çук* (Хв. Уяр.) «Завтра должны приехать из конторы собирать податные деньги. Не добрались бы, думаю. У отца ни копейки».

Некоторые глаголы, принявшие форму аспекта невозможности, выступают с измененным лексическим значением: *курайман çын* «ненавистник»; *Вăл мана кураймасть* «Он меня ненавидит».

В связи с описанием отрицательного аспекта следует отметить загадочное явление: ряд глагольных форм в отрицательном аспекте принимает необъясненные формы соседних грамматических показателей:

а) причастие прошедшего времени отбрасывает ауслаутные гласные *ă* или *ĕ: вула-нă* «читавший», «читанный» – *вула-ма-н* «нечитавший», «нечитанный»;

б) деепричастная форма на *-са (-се)* заменяется древнейшим причастным аффиксом *-сăр (-сĕр): вула-са – вулама-сăр*[14];

в) причастие настоящего времени на *-акан (-екен)* не сохраняет аффикса причастия: *вулакан çын – вула-ма-н çын.*

Причины трансформации показателей глагольных форм историками языка пока не объяснены.

§ 9. Интенсивная форма глагола

Для выражения значения большей интенсивности (усиленности) действия в чувашском языке используются интенсивные формы глаголов. Они образуются с помощью аффикса *-ала (-еле)* от переходных глаголов, их насчитывается более тридцати. Наиболее употребительные:

вăлт «выведывать» – *улталa* «обманывать»: *Ватă çерçие хывăхпа улталаймăн* (Ват. сăм.) «Старого воробья на мякине не проведешь»;

вĕт «палить, опаливать, обжигать (на огне)» – *вĕтеле*: *Сивĕ сăмсана вĕтелет* (В. Элпи) «Мороз щиплет нос»; *Хĕвел хĕртнĕ тимĕр пек вĕтелет* (Хв. Уяр) «Солнце обжигает, как каленое железо»; *Çан-çурăм хурт сăхнă пек вĕтеленсе тăрать* (Хв. Уяр) «Все тело горит, словно от укусов пчел»;

алт «копать, рыть» – *алтала*, употребляется главным образом в форме возвратного залога: *алталанса пĕтнĕ вăрман çулĕ* «изрытая (ухабистая) лесная дорога»;

виç «мерить, измерять» – *виçеле* «мерить, измерять»: *Вăл урам тăршшĕне утăмпа виçелет тейĕн* (В. Паймен) «Он словно мерит длину улицы шагами»;

ĕнт «палить, обжигать» – *ĕнтеле*: *Çурăмне хурăн милĕкĕпе ĕнтеленĕ* «Ему парили спину (в бане) березовым веником»;

пăр «повертывать, поворачивать» – *пăрала* «буравить, сверлить»: *пăрапа пăрала* «сверлить буравом»;

сап «сыпать, насыпать» – *сапала* «рассеивать, раскладывать»: *Çил унăн хумлă çӳçне сапаларĕ* «Ветер растрепал ее волнистые волосы»;

сӳ «драть, ошкуривать, шелушить» – *сĕвеле(н)*: *Тарланă çан-сурăм хĕвелпе пиçсе сĕвеленекен пулать* (П. Афанасьев) «Потная кожа от солнечного загара будет шелушиться»;

сыр «окружать, облеплять» – *сырала* «наматывать пряжу на веретено»: *Вăл вăлта хуллисене сыралама пуçларĕ* (И. Григорьев) «Он начал наматывать удилища»;

тап «толкать, пинать», чаще всего употребляется в форме возвратного залога – *тапала(н)* «карабкаться, толкаться ногами»: *Эпир мĕнрен катăк? Пирĕн те малалла тапаланмалла* (В. Алентей) «Мы чем хуже? Мы тоже должны двигаться вперед»;

тĕре «упираться, противиться» – *тĕреле* «подпирать»: *Сăпани сĕтел пуçне пырса ларчĕ, сулахай аллипе пуçне тĕрелерĕ* (В. Паймен) «Степанида присела к столу, подперла голову левой рукой».

ху «гнать, погонять» – *хăвала* «гнать»: – *Тен, санăн телей хăвна хăваласах çӳремест-и? – терĕ Наçик* (В. Алентей) « – Возможно, твое счастье гоняется за тобой? – сказала Настя».

хăп «отделяться, отклеиваться, отставать; отдираться» – *хăпала(н)* «выступать; коробиться»; *Алă хăпаланса пĕтнĕ* «Руки покрылись волдырями»;

чав «рыть, копать» – *чавала(н)* «копаться, возиться», возвратный залог: *Айлăмра бульдозерсем чаваланаççĕ* (Л. Таллеров) «В низине возятся бульдозеры».

Некоторые интенсивные формы изменили семантику глагольных основ. Поэтому трудно установить связь между основой и интенсивной формой: *виселе* «сдирать, лупить», *мутала* «трепать, мять», *ытала* «обнимать», *чикелен* «кувыркаться». В современном языке указанные формы воспринимаются не как словоформы, а как основы глаголов.

Часть интенсивных форм свободно может употребляться с показателем возвратного залога[15]: *вĕтеле – вĕтелен, сапала – сапалан, сĕвеле – сĕвелен, чавала – чавалан*, а некоторые основы слились с аффиксом указанного залога: *тапалан* «карабкаться, ползти», *чикелен* «кувыркаться, перевертываться», не употребляются без аффикса залога.

§ 10. Категория кратности

В современном чувашском языке довольно продуктивным аффиксом является *-кале (-келе)*, проходящий через всю систему глагола. Но его грамматические особенности остаются неизученными, в частности, не определен его языковой статус.

Авторами грамматик слова на *-кала (-келе)* рассматриваются то в системе словообразования (Н.И. Ашмарин, Т.М. Матвеев, Ф.Т. Тимофеев, М.Р. Федотов), то в морфологии (В.Г. Егоров относит их к особым глагольным формам). Нечетко определено даже значение этой формы. Одни исследователи считают ее выразителем интенсивного или учащательного действия, другие — выразителем многократного действия.

Языковые факторы показывают, что от прибавления к основе глагола аффикса *-кала (-келе)* семантика последнего не изменяется, слово остается самим собой; ср.: *Вăл ыран пирĕн пата кĕрет* «Он завтра зайдет к нам»; *Вăл пирĕн пата кĕркелет* «Он захаживает к нам».

В этих предложениях словоформа *кĕрет* выражает однократное действие, а словоформа *кĕркелет* – многократное действие. Одноразовость и многоразовость – объективные свойства процессов, при их обозначении происходит лишь модификация (видоизменение) слова, не затрагивающая его сущности. Значит, *-кала (-келе)* не является словообразующим (деривационным) аффиксом. Поскольку он не отражает способности словоформы вступать в синтаксические отношения в предложении, его нельзя причислять и к словоизменительным (синтаксическим) аффиксам.

По характеру грамматических значений *-кала (-келе)* участвует в отражении внеязыковой действительности – многоразовости действия. Форма многократности противостоит форме однократности, образованной от основы глагола и нулевой морфемы. Эти оппозиционные глагольные формы объединяются на основе общего свойства кратности и образуют формообразующую грамматическую категорию кратности (единичности/множественности), выражающую способ глагольного действия.

По поводу указанных форм В.Н. Мигирин писал: «Однократные и многократные глаголы соответственно выражают одноразовое и многоразовое (повторяемое) действие. Они выполняют ту же роль, что и формы числа имен существительных» [8, с. 176]. Но количественные характеристики действий имеют свою специфику.

Особенности количественной характеристики действий состоят в том, что в практической деятельности человек не имеет регулярной потребности в точном счете действий. Вви-

ду этого количественные характеристики в сфере действий связаны в основном с понятием неопределенной множественности или единичности. А определенная множественность действий встречается гораздо реже и представлена, как правило, небольшими числами [12, с. 82]: *Çиччĕ виç те пĕрре кас* «Семь раз отмерь, один раз отрежь»; *Чапаев çинчен кино тухсан эпĕ ултă хут* (или *улттă*) *кайса куртăм* (А. Алка) «Когда появился кинофильм о Чапаеве, я ходил смотреть шесть раз».

Компоненты категории кратности имеют следующие значения. Форма однократности выражает одноразовое (однократное) действие, независимо от того, глаголами какого подкласса оно выражено: *Пичче кĕнеке вулать* «Старший брат читает книгу»; *Тулта çумăр çăвать* «На дворе идет дождь»; *Асăрхамасăр такăнтăм* «Я споткнулся нечаянно».

Для форм многократного действия, смотря на лексические подклассы, допускаются два инвариантных значения:

1. Глаголы непродолжительного действия типа *чĕн* «звать», *пар* «давать», *пер* «кидать» и др. при сочетании с аффиксом *-кала (-келе)* выражают многократное действие. При этом указанные глаголы сопровождаются коннотативным значением нерегулярности, спорадичности: *Эпĕ кухньăра юлашки яшка тупса сыпкаларăм* (Л. Агаков) «Я на кухне нашел остатки супа и похлебал»; *Аван, пасарсене çĕр улми тухкалать-ха тата* (Ç. Элкер) «Хорошо, что (изредка) вывозят на базар для продажи картофель»; *Çтаппан мучи ӳсĕркелесе кӳлĕ еннелле утрĕ* (Г. Луч) «Дед Степан, покашливая, зашагал в сторону озера».

2. Относительно глаголов длительного (или продолжительного) действия типа *пурăн* «жить», *вĕç* «летать», *ĕçле* «работать» и др. с аффиксом *-кала (-келе)* трудно сразу утверждать, что эти формы выражают многоразовые действия. Скорее всего, под воздействием имплицитно выраженного значения здесь позволительно думать о значении ослабленного действия, действия с небольшими перерывами, но следует иметь в виду, что в действительности немеханические действия всегда могут допускать ослабленность через любой промежуток времени. В самом деле слабый сегмент действия (или бездействия) чередуется с полным сегментом действия. И это в языке

создает впечатление отражения многократного действия, т.е. дискретность действия во времени. Например: *Темшĕн вăл кун манăн пуç ыраткалатчĕ* (Л. Агаков) «Почему-то в тот день у меня побаливала голова»; *Пĕр эрне ĕнтĕ çумăр çукаласа тăрать* (В. Алентей) «Уже целую неделю накрапывает дождь».

Сказанное хорошо подтверждают примеры, в которых противопоставлены однократные и многократные действия. 1) *Малтанах итлекелерĕç унăн [Самосоновăн] сăмахне, кайран вара никам та итлеми пулчĕ* (М. Данилов-Чалтун) «Сначала они прислушивались к его (Самосонова) словам, потом никто уж не слушал»; 2) *Вăрçаттăм та çав, вăрçкалаттăм çеç мар, хытах вăрçаттăм* (Л. Таллеров) «Ведь я ругал его, не только поругивал, сильно ругал»; 3) *Атя, пĕрре çемье лавне кӳлĕнтĕн-тĕк, тапса турт, ан турткалаш!* «Раз взялся тащить груз семейных забот, старайся изо всех сил, не упрямься!»

По мнению В.Д. Котвича, фреквентативная форма может выражать не только многократные действия одного лица, но и действия, совершаемые несколькими лицами в один и тот же промежуток времени [7, с. 205–206]. Примеры: *Станцире... пур çĕрте те çынсем тĕрткелешеççĕ* (Юхма М.) «На станции везде толкаются люди»; *Явара çапла калакаласа хавхалантараççĕ хресченсем* (Г. Краснов) «Поговаривая таким образом, крестьяне воодушевляют Явара»; *Хĕр чухне вăл [Елен] питĕ чипер пулнă тесе калаçкалаççĕ* (А. Волков) «Поговаривают, что она [Елена] в девичестве была очень красивой»; *Пуленевпа иккĕшĕ ферма кантурĕн пӳлĕмĕнче те вăрах ларкаларĕç* (Г. Краснов) «Они с Пуленевым вдвоем подолгу сиживали также в комнате конторы фермы»; *Тимĕрçĕсем ăслакаласа трактора хута яраççĕ* (С. Лашман) «Кузнецы, поконструировав, запустили трактор»; *Аялта каштан йывăççисем саркаланса лараççĕ* (Илпек М.) «В низине, раскинувшись, стоят каштановые деревья».

Также следует различать действия, относящиеся к разным объектам: *Алюш хăнасене сăра-эрех сĕнкелесе тăчĕ* (В. Тимаков) «Алюш стоял, (ненавязчиво) предлагая гостям выпивку»; *Вĕсене [тупăсене] халь, куçа курăнмалла ан пултăр тесе, ешĕл çапăпа та курăкпа виткеленĕ* (Илпек М.) «Чтобы сразу не бросались в глаза, их [орудия] покрывали теперь зелеными ветвями и травой».

Категория кратности по своей грамматической роли близка к категории залога. Обе являются формообразовательными категориями, уточняющими категориальное значение основы глагола. В составе словоформы их показатели тоже располагаются один за другим. Они в составе слова могут даже меняться местами. Если значение кратности зависит от значения залога, то показатель кратности занимает место за показателем залога. Например, в словоформе *илтĕнкеле* «время от времени слышаться» показатель возвратно-страдательного залога находится впереди показателя многократности, ибо его значение связано с действием, переходящим на субъект. Ср. также: *чӳ́хенкеле* «поколыхиваться; пополаскиваться, покачиваться (время от времени)», *вырнаҫтаркала* «поразместить кое-как» и др. И наоборот, если же значение залога зависит от значения кратности, то показатель залога следует за показателем кратности. Ср.: *сиккелен* «двигаться, шевелиться время от времени» (здесь неравномерное движение переходит на его субъект), *перкелеш* «перебрасываться друг с другом», *ҫапкалаш* «поколачивать друг друга» и др.

Казалось бы, от перестановки слагаемых сумма не меняется. Но в силу семантической зависимости производной формы от производящей основы эта математическая аксиома не подходит к явлениям языка. Так, в чувашском языке употребляются глагольные формы *авкалан* [< *ав-кал(а)-(ă)н*] и *авăнкала* [< *ав-ăн-кала*], у которых выступают одни и те же морфемы, но значения их не совпадают. В первом случае значение формы «изгибаться, извиваться, корчиться», во втором случае – «изгибаться время от времени (или понемногу)». Другие примеры: *тăккалан* «проливаться; высыпаться; расходовать неэкономно, нести расходы» – *тăкăнкала* «местами сыпаться, малость посыпаться»; *ҫапкалан* «шляться, метаться, болтаться» – *ҫапăнкала* «изредка ударяться, сталкиваться».

Кратные формы крайне редко участвуют в качестве производящей основы для образования производных слов типа *чупкалу* «суета, беготня», «манеры, повадки», *ҫаврăнкаларăш* «поворотливость», *каскаланчăк* «щепки» – *тăккаланчăк* «потери урожая; крошки». По-видимому, это связано с наличием имплицитного коннотативного значения неполноты действия у форм на *-кала (-келе)*. Такие значения сильно препятствуют образованию производных слов.

Значение неполноты действия при аффиксе многократности мешает глаголу употребляться также в отрицательном аспекте, ибо выражения неполноты действия и отрицания действия несовместимы в составе одной словоформы. Так, трудно представить употребление форм типа *çыркаламарăм* «(я) не писал время от времени», *çыркаламастăп* «(я) не пишу время от времени».

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

§ 11. Категория лица глагола

Лицо в составе глагола выступает как словоизменительная грамматическая категория, обозначающая отношение субъекта действия к говорящему.

Поскольку процесс связан со временем, то в структуре глагола лицо имеет непосредственное отношение к времени действия.

В чувашском языке лицо глагола вступает в связь с предикативным временем *(кур-т-ăм, кур-ат-ăп* и др.*)* и некоторыми атрибутивными временами *(кур-асс-ăм, кур-акан-ăм)*, и в каждом случае видоизменяется роль лица. Тем не менее инвариантные значения личных аффиксов сохраняются.

Лица определяются говорящим. Лицо, во-первых, это субъект действия, во-вторых, это тот, о ком говорится.

Аффикс 1 лица обозначает самого говорящего, аффикс 2 лица – его собеседника, а аффикс 3 лица – того, кто не является ни говорящим, ни слушающим, так как не участвует в диалоге или полилоге. В данном случае лицо может обозначать не только человека, но и любое живое существо или предмет. Значит, 3 лицо – это неопределенное лицо[1].

Сочетаясь с предикативными временными формами, морфологический показатель лица в предложении при отсутствии подлежащего соотносит действие с субъектом. *Вуласа тухрăн-и кĕнекене?* «Прочитал (ли) ты книгу?» При наличии же подлежащего аффикс лица выступает как знак согласования с подлежащим: *Эпĕ институтра вĕренетĕп* «Я учусь в институте». В данном случае формант лица является постоянным, органически присущим, но не обязательным призна-

ком предикативности, ибо предикативная временная форма может выступать самостоятельно и без показателя лица: *Мĕншĕн-ха ун пекех васкамалла?* «Отчего же так надо спешить?»

Исследователи отмечают, что, как бы ни была характерна категория лица для глагола в предикативной функции, она необязательна для него, ибо подлежащее и сказуемое могут выражать суждение и без показателя лица.

Многие атрибутивные временные формы глагола тоже могут выполнять предикативную функцию сказуемого, но в чувашском языке в этой функции они никогда не принимают морфемы лица. Например: *Хĕрсем медицинăна юратарах паракан* (Л. Агаков) «Обычно девушки медицину любят»; *Ҫичĕ ют йышлă, эп пĕччен. Манăн хута кам кĕрес?* («Туй юрри») «Чужих людей много, я одна. Кто же заступится за меня!»; *Эпĕ те, вăл та ун чухне тăваттăмĕш класран вĕренсе тухнă* (В. Элпи) «И я, и он тогда закончили четвертый класс»; *Тепĕр вунă кунтан сăрт ҫамкисем типсе ҫитмелле* (А. Емельянов) «Дней через десять косогоры должны высохнуть». Значит, в чувашском языке показатель лица при предикативной временной форме нужен глаголу не потому, что он выполняет функцию сказуемого, а только потому, что в составе глагола имеется определенный предикативный временной показатель и он не может быть использован без показателя лица.

Употребляясь с атрибутивными временными формами, показатель лица выражает отношение обладаемого будущего или настоящего действия к его субъекту. В этом случае лицо представляет собой непостоянный, нерелевантный признак глагола, ибо атрибутивная временная форма может выступать самостоятельно, т.е. незамкнуто, как предикативная временная форма. В функции определения атрибутивная временная форма не принимает показателя лица: *ҫитес ҫул* «будущий год», *ĕҫлекен ҫын* «работающий человек», а в функции подлежащего она в состоянии употребляться и с показателем лица, и без него: *Ăна курассăм килет* «Мне хочется видеть его» (букв. «Приходит мое желание видеть его в будущем») и *курас килет* «(Мне, тебе, ему, нам и др.) хочется видеть (в будущем)»; *Вулаканăм ҫырать* «Пишет мой читатель (букв. «мой читающий»)»; *Вулакан ҫырать* «Пишет читатель (букв. «читающий»)». Но показатель лица при подлежащем, выраженном причастием, не соотносит субъект с действием.

Если сравнить систему словоформ категории лица чувашского языка с системой словоформ этой же категории других тюркских языков, легко можно заметить ряд морфологических особенностей чувашского языка (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение глаголов по лицам и числам

Лицо	В чувашском языке		В других тюркских языках			
	Ед. ч.	Мн. ч.	«Полные» суффиксы		«Сокращенные» суффиксы	
			Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*-ăп (-ĕп)* *-ăм (-ĕм)*	*-ăп-ăр (-ĕп-ĕр)* *-ăм-ăр (-ĕм-ĕр)*	-бан (-бен) -ман (-мен)	-быз (-биз) -мыз (-миз)	-ым (-им)	-ымыз (-имиз) -ыкь (-ик)
2 л.	*-ăн (-ĕн)*	*-ø-ăр (-ø-ĕр)*	-санъ (-сенъ)	-сыз (-сиз)	-ынъ (-инъ)	-нъыз (-нъиз)
3 л.	*-ĕ*	*-ĕ-ç, -çĕ*	? -ø		-ø	-ø

Во-первых, в системе спряжения глаголов чувашского языка показатели лиц в целом являются гомогенными, в них не обнаруживается различие в строении морфем, чувашские личные аффиксы не делятся на «полные» и «сокращенные», как во многих других тюркских языках.

Во-вторых, личные показатели глаголов чувашского языка во многом совпадают с сокращенными личными («притяжательными») показателями имени существительного. Даже показатель 3 лица единственного числа глагола оказывается одинаковым с показателем данного лица имени существительного (см. табл. 2). В других же тюркских языках глаголы не имеют морфологического выразителя 3 лица. Вместо этого используют подлежащее предложения.

Правда, личные показатели глагола чувашского языка несколько отличаются от личных показателей имен. В 1 лице единственного и множественного числа в настоящем, уступительном настоящем, а также в будущем времени вместо аффикса *-ăм (-ĕм)* других времен выступает алломорф *-ăп (-ĕп)*.

[*] В таблице использованы термины и языковые данные Н.А. Баскакова из книги «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (Ч. 2. М.: АН СССР, 1956. С. 263–303).

Таблица 2

Спряжение чувашских омонимичных имени существительного *куҫ* I «глаз» и глагола *куҫ* II «перемещаться, двигаться»

Лицо / Части речи и словоформы	1 л.	2 л.	3 л.
Имя существительное	*куҫ-ăм* «глаз мой»	*куҫ-у* «глаз твой» *куҫ-ăн-та* «в твоем глазу»	*куҫ-ĕ* «глаз его (ее, их)»
Глагол а) предикативн. врем. формы			
однокр. прош. вр.	*куҫ-р-ăм* «(я) переместился»	*куҫ-р-ăн*	*куҫ-р-ĕ*
многокр. прош. вр.	*куҫ-атт-ăм*	*куҫ-атт-ăн*	*куҫ-атч-ĕ*
наст. вр.	*куҫ-ат-ăп*	*куҫ-ат-ăн*	*куҫ-ать-(ĕ)*
буд. неопр. вр.	*куҫ-ă-(ă)п*	*куҫ-ă-(ă)н*	*куҫ-(ă)-ĕ*
буд. желат. вр.	*куҫ-ăтт-ăм*	*куҫ-ăтт-ăн*	*куҫ-ĕчч-ĕ*
буд. уступ. вр.	*куҫ-ăп-ин*	*куҫ-ă-с-ăн*	*куҫ-(ĕ)-ин*
буд. повел. вр.	*куҫ-а-(ă)м*	*куҫ-* -	*куҫ-тăр*

В основном падеже чувашские местоимения 1 и 2 лица единственного числа, надо думать, никогда не имели облика *мен*, *сен*, употреблялись в прошлом и употребляются в современном языке только в виде *эп(ĕ)* и *эс(ĕ)*. Очевидно, еще раньше были морфы *би, си*. Сегменты же *ман-, сан-* употребляются как склоняемые основы личных местоимений, возникших позднее: род. п. *ман-ăн, сан-ăн,* дат.-вин. п. *ман-а, сан-а* и др.

Следовательно, в чувашском языке не было главного условия для усечения аффиксов. Было бы некорректно называть чувашские личные показатели *-ăм (-ĕм), -ăн (-ĕн)* усеченными.

Очевидно, в чувашском языке в древнейший период от местоимения *бі* был образован личный аффикс *-ăп (-ĕп)*, а позже от него отпочковались морфы *-ăп (-ĕп) > -ăм (ĕм).*

Что же касается «полных» личных аффиксов большинства тюркских языков, то они представляют не первоначальный облик аффиксов личных местоименных основ, а результат позднейшего образования новых вариантов с помощью ин-

терфонемы |*н*|, вставляемой между первоначальными основами *бі* (в 1 л.) и *сі* (во 2 л.) и падежными аффиксами (между двумя гласными): *бі* + *н* + *ен, сі* + *н* + *ен* (подробнее об этом см. ниже).

Надо полагать, аффиксы 1 лица *-ăм (-ĕм)*, 2 лица *-ăн (-ĕн)*, 3 лица *-ĕ*, присоединяемые к именам существительным, были образованы одновременно с аффиксами при глаголах. В них нет специальных данных, подтверждающих, что они выражают значение принадлежности. Хотя возможны расхождения во мнениях в морфологическом плане.

Личный показатель *-ăп (-ĕп)* восходит к древнему местоимению 1 лица единственного числа *бі*, и прав был Н.Н. Поппе, утверждая, что это древнее местоимение 1 лица единственного числа других тюркских языков и полностью совпадает с монгольским и тунгусским местоимением *бі* [11, с. 61]. В форме косвенных падежей множественного числа основа этого местоимения чувашского языка в общих чертах сохранила свой фонетический облик до настоящего времени: *пи-р-ĕн* (1 л., род. п., мн. ч.), *пи-р-е* (1 л., дат.-вин. п., мн. ч.).

Что же касается морфа *-ăм (-ĕм)*, то он появился, очевидно, в более поздний период в результате чередования губно-губного взрывного |*п*| с губно-губным сонорным |*м*| под регрессивным влиянием сонорного.

Такое чередование было вполне закономерным для чувашского языка: тюрк. *бакыр* «жалобно плакать» ~ чув. *макăр* «плакать, реветь», туркм. *памык* «хлопок» ~ чув. *çĕр мамăк(ĕ)* «хлопок», тур. *бойун* «шея» ~ чув. *мăй* «шея», тюрк. *батур* «храбрый, отважный, сильный» ~ чув. *маттур* «тж». Таким образом, вполне можно утверждать, что личные показатели *-ăп (-ĕп)* и *-ăм (-ĕм)* в современном языке являются алломорфами одной и той же морфемы.

Почему сохранен морф *-ăп (-ĕп)* в формах настоящего, будущего и будущего уступительного времени? Допустимость употребления морфов *-ăп (-ĕп)* и *-ăм (-ĕм)* можно оправдать тем, что они способствуют различению личных форм отрицательного аспекта в настоящем и многократном прошедшем времени: *курмастăп* (наст. вр.) «не вижу» – *курмастăм* (многокр. прош. вр.) «(я) не видывал» – или удобному произношению.

Показатели 2 лица единственного числа в составе глагольной и именной форм в современном языке не совпадают

друг с другом. Но аффикс 2 лица имени существительного *-у (-ӳ)* и аффикс 2 лица предикативной временной формы *-ăн (-ĕн)* восходят к одному и тому же архетипу *-ыӈ (-еӈ)*, имевшему в своем составе гортанный (гуттуральный) согласный звук *ӈ*. Оба аффикса возникли в результате морфонологических изменений.

В результате опереднения гласных звуков в ходе развития чувашского языка, очевидно, заднеязычный гортанный согласный звук перешел в другие согласные звуки (*ӈ* > *н*, *ӈ* > *х*) или выпал совсем (*ӈ* > *ø*).

Аффиксы лица чувашского языка в составе как имен, так и глагола формально совпадают, но по значению аффикс лица в составе существительного выражает субъект, которому принадлежит предмет, а в составе глагола показатель лица выражает субъект действия: *Трактор сухалать* «Трактор пашет».

В именах же 2 лица фонема |*ӈ*| выпала совсем, а гласная фонема |*ы*| этого форманта перешла в |*у*|: *юлташ-у* «твой товарищ». В глаголах морфема *-ыӈ*>*-ын*>*-ăн: вула-р-ăн* «(ты) читал», *вула-т-ăн* «читаешь». При образовании формы 2 лица множественного числа аффикс *-ăн* выпадает совсем, остается лишь аффикс личного множественного числа *-ăр*: *вула-р-(ăн)-ăр* > *вула-р-ø-ăр* «(вы) читали», *вула-т-ø-ăр* «читаете».

Как было отмечено, в других тюркских языках при спряжении форма 3 лица, как правило, передается нулем. В чувашском же языке для выражения значения данного лица в большинстве временных форм имеется морфологический показатель *-ĕ*, как и при спряжении имен существительных (см. табл. 2). Все же следует отметить некоторые исключения из этого правила. Так, в форме настоящего времени показатель 3 лица, выраженный редуцированным гласным *ĕ*, выпадает, но следы этого показателя, а именно палатальность предшествующего согласного *т*, входящего в состав морфемы настоящего времени, выступает теперь в качестве супрасегментной морфемы: *ларать* «сидит».

В литературном языке 1930—1940-х гг. сохранялось, а в некоторых говорах наблюдается и теперь употребление морфа *-ĕ* в качестве выразителя значения настоящего времени глагола 3 лица единственного числа. Ср.:

Ыткăнатĕ (Атăл) хăватлăн та харсăр,
Урăм-сурăм вăй-хал ывăтса
(Митта В.)

«Катит волны (Волга) мощно и смело, показывая свою безудержную мощь».

В повелительном же будущем времени значение 3 лица единственного и множественного числа передается чередованием *т//ч* в аффиксе *-тăр (-тĕр)*. При этом каждый альтернат выражает свое определенное значение: фонема |*т*| обозначает действие 3 лица единственного числа, а фонема |*ч*| – значение действия 3 лица множественного числа: *Пĕр çырма та усăсăр ан выртăр, пур çĕрте те улма-çырла йывăççисем пулчăр, çырмасем хĕррипе акаци, тирек, хурăн, çăка ӳстĕр* (Л. Агаков) «Пусть ни один овраг не будет без пользы, пусть везде будут плодовые деревья, а по краям оврагов растут акации, тополя, березы, липы». Подобные чередования также относятся к супрасегментным морфемам.

§ 12. Категория личного числа глагола

Было время, когда авторы учебных пособий по чувашскому языку писали, что глаголы изменяются не только по временам и лицам, но и по числам.

Из вышеизложенного ясно, что действие может происходить в разных временах и соотноситься с разными лицами, и соответствующие глаголы отражают это, изменяясь по временам и лицам. Но изменяется ли глагол по числам? Относится ли число к действию, выраженному глаголом? Ср.: *Эпĕ юрлатăп* «Я пою» – *Эпир юрлатпăр* «Мы поем». Формы *юрлатăп* и *юрлатпăр* выражают одно и то же действие: первой словоформой обозначается действие одного лица, другой словоформой – действие множества лиц. Число относится не к действию, а к лицу. Значит, неверно утверждается, что глагол изменяется по числам[2].

В основе категории личного числа глагола – количественное отношение лиц, связанных с глаголом. Она выражает противопоставление одного действующего лица множеству действующих лиц.

Таким образом, лица глагола, выраженные грамматически, сами могут иметь при себе грамматические показатели, уточняющие значения лица.

В отличие от категории предметного числа, категория личного числа имеет свои грамматические показатели и грамматические значения.

Глагольное действие совершается лицом. При глаголе употребляется показатель лица, совершающего действие. Действие совершается одним лицом или множеством лиц. Лицо бывает трёх видов: 1 лицо, 2 лицо, 3 лицо.

Единственное число глагольного лица выражается нулевой морфемой. Для выражения понятия множества 1 и 2 лица в чувашском языке используется аффикс *-ăр (-ĕр)*. Например: в ед. ч. 1 л. *юрла-р-ăм* «(я) пел», во мн. ч. – *юрла-р-ăм-ăр* «(мы) пели»; в ед. ч. 2 л. *юрла-р-ăн* «(ты) пел» – во мн. ч. *юрла-р-ø-ăр* «(вы) пели».

Показатели лица и личного числа в составе словоформы употребляются рядом. Но под морфонологическим воздействием аффикса множественного числа аффикс 2 лица, как имеющий гортанный звук, еще в древности выпал.

При определении морфем в составе глагольной словоформы многих тюркских языков исследователи не находят нужным выделять показатели лица и личного множественного числа в качестве самостоятельных аффиксов, ибо во время образования форм множественного числа в результате морфонологических чередований аффиксы лица претерпели значительные изменения. К тому же при аффиксе множественного числа 1 лица прошедшего времени не имеется никаких следов аффикса лица (1 л. ед. ч. *алдым* – мн. ч. *алдык*, *-k* выступает как глагольная флексия).

В чувашском языке, несмотря на морфонологические изменения в составе глагольных словоформ, трудно говорить о появлении флексий. Здесь вполне можно выделить морфемы лица и личного числа, ибо стык между этими морфемами довольно прозрачен.

Деление видными тюркологами словоформ на морфемы лица и личного числа нужно считать обоснованным:

1) *вула-мас-т-п-ăр* «не читаем», *вула-м-ăп-ăр* «не будем читать», *вула-ма-р-ăм-ăр* «(мы) не читали»;

2) *ил-ĕп-ĕр* «возьмем», *ил-тĕ-м-ĕр* «(мы) взяли»;

3) *таврăн-т-ăм-ăр* «(мы) вернулись», *мухт-ăп-ăр* «похвалим».

Аффикс *-(ă)р* как показатель множественного числа используется в чувашском языке также в формах (1 и 2 л. мн. ч.) изъявительного, сослагательного, уступительно-желательного наклонения.

Форма 1 лица единственного числа обозначает действие говорящего: *Пуйăс çине ларнăранпах кантăкран пăхса пыратăп* (В. Васильев-Уçăм). «Смотрю в окно еще с тех пор, как сел на поезд».

Форма 1 лица множественного числа выражает совместное действие говорящего и другого лица или других лиц: мы = «я + ты», «я + вы», «я + другие». Например: – *Ну, Çемен, тинĕсе тухатпăр вĕт. Хумсем ăшне пулмăпăр-и?* (Хумма Ç.) «Ну, Семен, в море ведь выходим. Не окажемся ли в волнах?»; *Шыва кĕрсе тухнă та ăшă хăйăр çинче выртатпăр* (Ст. Абаш) «Искупались и лежим на теплом песке».

Форма 1 лица множественного числа употребляется вместо 2 лица единственного и множественного числа и обозначает «участливую совместность» действия говорящего с собеседником: *Ну, мĕнле пурнатпăр, Мишша?* «Ну, как поживаем, Миша?»

Форма 2 лица единственного числа обозначает:

1) действие собеседника: *Ну, мĕнле, Муза, экзамен тытрăн-и паян?* (А. Артемьев) «Ну как, Муза, сдала ли сегодня экзамен?»;

2) действие любого (всякого) лица (в обобщенно-личном значении): *Хытă çынтан раштавра та пĕр кĕреçе юр илеймĕн* (Ват. сăм.) «У скупого даже в декабре лопату снега не выпросишь»; *Юрату хăварнă сурана часах сиплейместĕн çав* (С. Шавли) «Не скоро залечишь рану, нанесенную любовью».

Форма 2 лица множественного числа выражает: 1) совместное действие собеседника с другим лицом (другими лицами).

Форма 2 лица множественного числа употребляется вместо 2 лица единственного числа при вежливом обращении к лицу, которое не связано с говорящими родственными отношениями. – *Комбат васкавлă çурт тума хушрĕ, – пĕлтерчĕ Михайлов, – Эсир ертсе пыраканĕ пулатăр* (К. Пайраш) « – Комбат велел срочно построить дом, – сообщил Михайлов. – Вы

будете руководителем»; *Суятăр эсир, Святослав Всеволодович, тата мĕн шутласа кăларатăр ĕнтĕ?* (Н. Симунов) «Лжёте вы, Святослав Всеволодович! Что еще придумаете?»

Форма, называемая 3 лицом, содержит указание на высказывание о ком-то или о чем-то, но это соотносится с определенным лицом. Поэтому и показатель множественности лица отличается от показателя множественности 1 и 2 лица. По значению он передает значение множественности равноправных лиц или предметов. По мнению некоторых чувашеведов, аффикс множественного числа глагольного 3 лица *-ç(ĕ)* этимологически связан с аффиксом множественности предметного числа *-сем (-сен)*.

Формы 3 лица обозначают отношение действия не только к лицам (не участвующим в речи), но и к предметам: *Лена патне пырса ларнă хĕрсем журнал пăхма тытăнчĕç* (А. Артемьев) «Девушки, пришедшие к Лене, начали рассматривать журнал»; *Коля шухăшĕсем тăвăл пĕлĕчĕсем пек пăтранаççĕ* (А. Артемьев) «Мысли Коли путаются, как буревые тучи».

Формы 3 лица множественного числа могут употребляться в неопределенно-личном значении, создавая особый тип односоставных предложений, в которых действующее лицо не указывается точно: *Сана правление чĕнеççĕ, хăвăртрах пыма каларĕç* (Н. Айзман) «Тебя вызывают в правление, велели скорее прийти»; *Çын çемйи пурнăçне хутшăнса ан çӳре, мĕнле пурăнмаллине санран ыйтмаççĕ* (А. Волков) «Не вмешивайся в жизнь чужой семьи, у тебя не спрашивают, как жить».

Эта же форма используется в обобщенно-личных предложениях типа пословиц для выражения значения действия, относящегося ко всякому лицу: *Çынна мĕнле виçепе виçĕн, çавăнпах сана та виçĕç* (Ват. сăм.) «Какою мерою будешь мерить других, такой же будут мерить и тебя»; *Хуплăва çинĕ чух, лашана чупнă чух пĕлеççĕ* (Ват. сăм.) «Вкус пирога узнают во время еды, а качества коня – во время езды»; *Вăрмана вутă турттармаççĕ, çăла шыв ямаççĕ* (Ват. сăм.) «В лес дрова не возят, в колодец воду не наливают».

В народных песнях и произведениях ранней чувашской литературы изредка встречаются глагольные сказуемые, выраженные формой 3 лица единственного числа, при подлежащем, выраженном формой множественного числа, тогда подлежащее обозначает нечленимую, коллективную множественность.

Ырă утсем юртать – çулсем юлать,
Ырă çынсем вилет – ят юлать («Вăйă юррисем»)

«Бегут рысью добрые кони – путь остается, умирают добрые люди – остается (доброе) имя»;

Кӳлнĕ лаша нумай тăрсан
Сӳсменĕсем йывăр пулмĕç-ши? («Туй юррисем»)

«Если запряженный конь стоит долго, не будет ли тяжела ему упряжь?»;

Çĕр çĕмĕрсе каччăсем
Ташлать хапха умĕнче (К. Иванов)

У ворот пляшут парни, сотрясая землю»;

Утса-утса пынă чух
Шăнкăртатать тенкисем (К. Иванов)

«В лад с походкой девичьей
Раздается звон монист» (перевод П. Хузангая);

И çилсем вĕрет, вичкĕн çил вĕрет,
Вăйлă çумăрсем капланса килет (И. Тукташ)

«Дуют ветры, дует пронзительный ветер, надвигаются тучи сильного дождя»;

Шăнкăрав шăнкăр тăвать,
Тенкисем чăнкăр тăвать (П. Хусанкай)

«Колокольчик дзинь-дзинь, мониста звяк-звяк».

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА

§ 13. Несколько слов об истории изучения вопроса

В грамматиках ряда языков при описании категории времени[3] главное внимание обращается на личные формы глагола и под эту категорию подводятся лишь предикативные формы. Исследователи до сих пор не смогли определить место причастия и деепричастия в системе глагольных форм и отметить, в образовании каких грамматических категорий участвуют их формы. Так, А.В. Бондарко писал, что образование форм инфинитива и деепричастий «не создает особых грам-

матических категорий» [3, с. 17]. Другие авторы в причастиях и деепричастиях усматривают самостоятельные части речи. Если даже причастия и деепричастия включаются в систему глагольных форм, то отмечается половинчатость их грамматических свойств: в определениях указанных форм обычно утверждается, что причастие совмещает в себе свойства глагола и прилагательного, а деепричастие – свойства глагола и наречия.

В случаях, когда исследователи фиксируют наличие времени у причастия, забывают отметить, та же это категория времени, что у спрягаемых глаголов, или другая.

Относительно времени деепричастий в русистике известны противоположные точки зрения: по мнению одних, деепричастия типа *делая – делав(ши)* «не выражают временных различий, т.е. не противопоставлены по временному значению» [10], по мнению же других, деепричастия совершенно сходны с обычными так называемыми личными формами глагола, обозначая или действие одновременное – у глаголов несовершенного вида, или действие предшествующее – у глаголов совершенного вида. Любопытно отметить, что видовые различия при этом как-то стушевываются. Мы вполне солидарны с Л.В. Щербой, рассматривавшим деепричастия в одном ряду с личными формами глагола, ибо как те, так и другие одинаково обозначают время действия. О том, что деепричастия выражают относительное время, писали тюркологи А.А. Юлдашев, К.И. Коркина и др.

Исследователи не довольствовались мнениями предшественников и искали пути сближения непредикативных форм с предикативными, но терпели неудачи. Так, попытка А.И. Смирницкого противопоставить личные и «именные формы глагола» (причастие, деепричастие, инфинитив, герундий) английского языка и, объединив их, выделить категорию репрезентации [8, с. 245–247] не имела успеха, так как процесс, продолжающийся по времени, и процесс, «изображенный в соединении с другими признаками», не имеют четкой противопоставленности.

В ряде работ стали отмечать функциональные стороны глагольных форм. В русистике личные формы глагола называются предикативными формами, которые отличаются тем, что выполняют функцию сказуемого, а причастия и деепри-

частия именуются атрибутивными формами. Поскольку причастия выполняют функцию определения, а деепричастия – функцию обстоятельства, известный тюрколог Н.А. Баскаков атрибутивные формы предлагает подразделить в тюркских языках на атрибутивно-определительные и на атрибутивно-обстоятельственные [2, с. 127]. В дальнейшем изложении мы будем пользоваться более упрощенными терминами: вместо «атрибутивно-определительные» – «атрибутивные», вместо «атрибутивно-обстоятельственные» – «обстоятельственные».

Такая трактовка причастий, деепричастий и личных форм глагола, на наш взгляд, ближе к истине, чем рассуждения о половинчатом характере этих форм.

В последние десятилетия произошли изменения также в трактовке связи между наклонением и временем. Если в исследованиях 70-х гг. XX в. наклонение и время рассматривались в качестве самостоятельных грамматических единиц, то теперь некоторые языковеды дают их формы в парадигме одного порядка.

§ 14. Функциональные временные формы глагола

В чувашском языке, как и во многих других, глаголы имеют группы функциональных временных форм:

1) предикативные временные формы, выражающие главным образом функцию сказуемого;

2) атрибутивные временные формы, выражающие большей частью функции определения (по традиционной терминологии – причастия);

3) обстоятельственные временные формы, выражающие функцию обстоятельства (по традиционной терминологии – деепричастия).

В чувашском языке имеются также глагольные формы, которые могут выполнять функции подлежащего и дополнения. Так, причастия активного действия, принимая аффиксы выделения *-и, -скер,* в предложении могут выполнять только функции подлежащего и дополнения;

4) субъектные временные формы, выражающие функцию подлежащего: *Ыран уяртасси* (подл.) *паллă мар* «Неизвестно, прояснится ли завтра погода»;

5) о б ъ е к т н ы е временные формы, выражающие функции дополнения: *Эпĕ ыран уяртассине* (доп.) *шанмастăп* «Я не надеюсь на улучшение погоды завтра».

Таким образом, глагольные формы чувашского языка могут выполнять функцию всех членов предложения.

Каждая группа имеет формы, передающие: а) одновременное действие, б) предшествующее действие, в) последующее действие.

Для обозначения абсолютного времени принято пользоваться терминами н а с т о я щ е е в р е м я (вместо «одновременное действие»), п р о ш е д ш е е в р е м я (вместо «предшествующее действие»), б у д у щ е е в р е м я (вместо «последующее действие»).

Зачем нужно глаголу иметь для каждой функции отдельную группу (систему) временных форм? Какие различия имеются между параллельными временными формами?

Если бы в предложении в любой позиции глагола пришлось бы пользоваться только одной какой-либо системой временных форм, то слушающему или читающему было бы весьма трудно постигнуть смысл высказывания, где главное действие и где побочное, а также отличить в синтаксическом плане глагол-сказуемое от глагола-определения, глагол-определение от глагола-обстоятельства и т.п.

Предикативные временные формы употребляются для оформления сказуемого простого предложения или сказуемого главной части сложноподчиненного предложения, но не сказуемого придаточной части, так как последнее не участвует в оформлении предикативности всего предложения, оно находится в подчиненном положении по отношению к сказуемому главной части.

Атрибутивные и обстоятельственные временные формы, кроме выражения своих синтаксических функций, осуществляют связь с поясняемыми словами.

Функциональные временные формы отличаются друг от друга не только особенностями выражения и обозначением синтаксической роли глагола в предложении, но в известной степени и в смысловом отношении.

Для сравнения возьмем формы *вуланă (кĕнеке)* «прочитанная (книга)» и *(кĕнеке) вуларĕ* «(он) читал (тогда) книгу». Обе формы выражают действие в прошедшем времени. Но если

атрибутивная форма *вуланӑ (кӗнеке)* передает относительное прошедшее действие как результативное по отношению к сказуемому предложения, то предикативная форма однократного прошедшего времени *вуларӗ* выражает действие, происшедшее однократно, очевидцем которого был сам говорящий или пишущий.

Различия у данных форм имеются и в морфологическом плане. Если атрибутивные формы могут присоединять к себе и аффикс выделения *(вулани, вуланӑскер)*, и некоторые аффиксы падежа *(вуланӑран, вуланӑшӑн)* и тем самым выступать в предложении в функциях подлежащего, дополнения или обстоятельства, то предикативная форма принимает только аффикс лица и аффикс личного числа и употребляется исключительно в роли сказуемого, а обстоятельственные формы не отличаются заметной изменчивостью: лишь некоторые формы могут принимать аффикс сравнительной степени (*тӑрӑшса – тӑрӑшсарах*), а форма на *-иччен* – аффикс выделения *-хи* (*кайиччен – кайичченхи*).

§ 15. Предикативные и непредикативные формы

В синтаксическом плане функциональные формы можно объединить в две противопоставленные группы:

1) предикативные формы,

2) непредикативные формы.

Первые образуют предикативность, выражают отнесенность содержащегося в предложении высказывания к действительности, выполняют роль сказуемого и отличаются также тем, что не подчиняются другим членам.

Вторые не участвуют в образовании предикативности всего предложения, они выполняют роль второстепенных членов – определения, обстоятельства, дополнения и подлежащего.

В этом отношении термины «предикативная форма» и «непредикативная форма», можно сказать, идентичны терминам «личная форма» и «неличная форма». Но применительно к чувашским глагольным формам данные термины не совсем подходят, ибо в чувашском языке личные показатели имеются не только у предикативных форм, но и у непредикативных; ср.: *вулассӑм килет* «(мне) хочется читать», *вулассу пур* «(у тебя) имеется желание читать» и др. В данном случае атрибутивные

формы глагола *вула*, приняв показатели лица, выполняют функцию не сказуемого, а подлежащего.

Изредка в поэтической речи личные показатели принимают и атрибутивные формы на *-акан (-екен)*. Например:

Эй, ывăлна çуратаканăм,
Çут тĕнчене кăтартаканăм!
Çак ĕçĕме, çак чун талпăнăвне
Сан ятупа пуçлатăп! (С. Шавли)

«О ты, родившая своего сына, показавшая мне белый свет! Свое это творение, этот душевный порыв я тебе посвящаю!»

§ 16. Абсолютное и относительное время

В языкознании принято также различать два вида времени: абсолютное и относительное. Время в языке устанавливается в сопоставлении с другим временем.

Абсолютное время – это время действия, определяемое по отношению к моменту речи, а относительное время действия определяется соотношением не с моментом речи, а со временем другого действия.

Для того чтобы показать своеобразие абсолютного и относительного времени чувашского языка, желательно сопоставлять их с примерами из других языков. Так, в русском языке одна и та же предикативная временная форма глагола часто выступает и в абсолютном, и в относительном значениях. Ср.: 1) *Петров учится в Москве*; 2) *Я знал, что Петров учится в Москве*. В первом предложении форма *учится* имеет абсолютное значение, выражая действие, совершающееся в момент речи. Во втором предложении форма *учится* употребляется по отношению к другому времени, так как действие, выраженное ею, определяется по времени не по отношению к моменту речи, а по отношению к действию, выраженному формой *знал*, как одновременное с ним. Примечательно и то, что в русских сложноподчиненных предложениях относительное время действия придаточной части передается и формой предикативного времени. Но предикативная форма здесь, конечно, не является необходимым компонентом придаточной части, ибо последняя не нуждается в собственной предикативности, достаточно иметь ее для всего сложноподчиненного предложения.

В простом же предложении относительное значение времени выражается только непредикативными формами, т.е. специальными формами для выражения относительного времени. Например: 1) *Прочитав книгу, он позвонил (позвонит) другу.* 2) *Читая книгу, он думает (будет думать) о друге.* Формы *прочитав* и *читая* выражают относительное временное значение. Действие, выраженное обстоятельственной формой *прочитав*, предшествует действию *позвонил (позвонит)*, а действие, выраженное обстоятельственной формой *читая*, является действием, одновременным с действием глагола-сказуемого *думает (будет думать). Студенты, выполнившие контрольную работу своевременно, получат положительную оценку.* Определение, выраженное атрибутивной формой *выполнившие*, показывает относительное значение предшествования.

В чувашских предложениях абсолютное время действия большей частью бывает выражено в личной форме глагола. Но это не означает, что личный глагол не может выступать с относительным временем действия. Личная форма глагола для выражения относительного времени действия используется в сложноподчиненных предложениях с союзным подчинением. Поскольку подчинительных союзов в чувашском языке мало, то и личные глаголы с относительным временем действия в придаточной части употребляют довольно редко. Например: *Сестрана çăмăлрах пултăр тесе вăл, вăйлăскер, пăчкине хăй енне те хытă туртрĕ, тĕртме те хытă тĕртрĕ* (Н. Евдокимов) «Чтобы сестре было легче (пилить), он, как более сильный, пилу и на себя, и в обратную сторону двигал энергично»; *Кайăк, хăйĕн чĕппи сывă юлтăр тесе, пуçне шеллемест* (Тихăн П.) «Птица, чтобы жив остался ее птенчик, не пожалеет своей жизни». В данных предложениях сказуемые придаточных частей цели выражают последующие действия по отношению к действиям главных частей, но синтаксическая функция придаточной части выражается не формой сказуемого придаточной части, а подчинительным союзом *тесе.*

В чувашском языке для выражения значения относительного времени действия как в простом предложении, так и в придаточной части сложного предложения в большинстве случаев пользуются специальными непредикативными формами.

Непредикативные формы глагола могут выражать предшествование, одновременность, а также последовательность действия по отношению к абсолютному времени действия, обозначенного предикативной формой. Но когда в предложении содержится и другая непредикативная форма, то время действия, отмеченное ею, может относиться уже не к абсолютному времени действия, переданному предикативной формой, а ко времени действия, выраженному предыдущей непредикативной формой. Получается как бы цепь относительных времен, где на фоне первого отражается второе, далее на фоне второго – третье. Например: *Мана эсĕ вуланă кĕнекене библиотекăра тупса парсан эпĕ савăнсах кайрăм* «Я обрадовался, когда в библиотеке нашли мне прочитанную тобой книгу». Здесь все глагольные формы обозначают предшествующее действие: время действия *савăнсах кайрăм* является прошедшим по отношению к моменту речи, а время действия, переданное обстоятельственной формой *тупса парсан* «когда нашли», предшествует по отношению к абсолютному времени действия *савăнсах кайрăм* «(я) обрадовался». В свою очередь, время действия, выраженное атрибутивной формой *вуланă* «прочитанную», относится ко времени действия *тупса парсан*.

Непредикативная форма относительного времени нужна как второстепенному члену простого предложения, так и сказуемому придаточной части сложноподчиненного предложения для обозначения времени действия и для выражения их синтаксической функции. Ввиду того что придаточная часть несамостоятельна в выражении мысли, то, разумеется, у нее не может быть предикативности, а сказуемое ее не может выражаться предикативной формой. Если обратиться к другим тюркским языкам, то обнаруживаем, что в равноценном положении сказуемое придаточной части, образованной от определительных временных форм, снабжается аффиксом сказуемости [4, с. 16–29]. В чувашском же языке сказуемое придаточной части, выраженное указанной формой, никогда не принимает такого показателя.

Тем не менее форму типа *вуланă* «читавший, прочитавший» без достаточных оснований, даже при отсутствии показателя лица, авторы грамматик по традиции долго рассматривали и как определительную форму (причастие), и как предикативную форму [2, с. 84]. В то же время другие опреде-

лительные формы типа *вулакан* «читающий», *вулас, вуламалла,* хотя и могут выполнять функцию абсолютного времени, не включали в число предикативных форм.

Чтобы избежать противоречий в интерпретации глагольных форм, в подобных случаях чувашские языковеды стали усматривать только определительные формы (т.е. причастия), но в различных функциях [1, с. 102; 12, с. 75]. В действительности же здесь нет оснований рассматривать одни и те же формы, выступающие в нескольких функциях, как омонимичные.

§ 17. Время и наклонение

Поскольку значения времени и наклонения не имеют в глагольных формах раздельного обозначения, т.е. их форманты относятся к единицам одного порядка, лингвисты стали рассматривать время и наклонение как одну категорию. Считают, что значение наклонения и значение времени нераздельны. Все же в этом комплексе значений, на наш взгляд, основу составляет значение времени, а значение наклонения (т.е. модальности) является только сопутствующим. По мнению Л.В. Щербы, приказание, действие желаемое, выражение условия, сомнения, желательности, вероятности, отрицания являются дополнительными понятиями [10, с. 163]. С ним солидаризуется А.В. Бондарко [3, с. 63].

При любой форме времени, как при предикативной, так и непредикативной, можно установить наличие того или иного оттенка модальности.

Модальные значения можно подразделить: 1) на значения реального действия и 2) значения ирреального действия. Как правило, значение модальности становится более заметным, когда форма отражает нереальный факт; когда глагол выражает реальное действие, модальность является как бы само собой разумеющимся. Так, значению прошедшего однократного или настоящего времени сопутствует значение реальности. То, что форма *вуларăм* «(я) читал» выражает прошедшее действие, является временным значением, а то, что сообщаемое в действительности является реальным фактом (прошлого), это ее модальное значение. Но при наличии соответствующего контекста и в формах прошедшего времени

могут проявляться модальные значения, ср.: *Пĕлнĕ пулсан туянаттăм* «Если бы знал, то (я) купил бы (в прошлом)». Здесь глагол многократного прошедшего времени *туянаттăм* не выражает реального действия (осуществление предполагавшегося тогда или желанного действия в будущем не состоялось).

Формы будущего времени обозначают действия, еще не совершившиеся, но предполагаемые. Они в силу такого значения легко приспосабливаются для выражения разнообразных модальных оттенков ирреальности.

До сих пор так называемые формы сослагательного, уступительного и повелительного наклонения чувашского языка в своих основных значениях должны быть отнесены к различным видам будущего времени:

1) будущее неопределенное: *вулăп* «буду читать»;

2) будущее повелительное: *вулам* «дай прочту»;

3) будущее сослагательное: *вулăттăм* «(я) бы прочитал (в будущем)»;

4) будущее уступительное: *вулăпин* «пусть я (даже) прочту».

В переносном употреблении эти формы могут выражать и некоторые значения других времен. Например, будущее повелительное, употребляясь переносно, может выражать: а) действие однократного прошедшего времени: *Эпĕ сана кĕт, кĕт, пымарăн-çке эсĕ çĕнĕ хаçатсем илме?* (М. Трубина) «Я тебя жди-жди (ждал-ждал), ты не пришел все же за новыми газетами. [Ср.: *Эпĕ сана кĕтрĕм, кĕтрĕм...*] *Лашана кӳл те çил пек вĕçтерсе килтĕм* (Ç. Элкер) «Я быстро запряги (запряг) лошадь и вихрем примчался» [ср.: *Лашана кӳлтĕм те...*] б) действие настоящего времени: *Эсĕ грамотăсем илсе лар та халь пирĕн çине пăхасшăн та мар* (А. Артемьев) «Ты грамоты получай-получай (получал), а теперь на нас и смотреть не хочешь» [ср.: *Эсĕ грамотăсем илсе лартăн та...*].

Непредикативным формам тоже сопутствуют модальные значения ирреальности, правда, в одних случаях в резко выраженном виде, в других – в слабо выраженном. Все зависит от контекста или занимаемой позиции.

Так, обстоятельственная форма на *-сан (-сен)*, *-сассăн (-сессĕн)*, употребляемая как второстепенный член или как сказуемое придаточной части в зависимости от формы сказуемого простого предложения или главной части сложно-

подчиненного предложения, может иметь или чисто временное (реальное), или чисто условное (ирреальное), или же условно-временное значение. Если сказуемое простого предложения или главной части сложного предложения выражено одной из форм прошедшего времени (однокр. прош. вр., многокр. прош. вр., давнопрош. вр., атрибутивной формой на *-нӑ (-нӗ)* и др.), то обстоятельственная форма на *-сан (-сен), -сассӑн (-сессӗн)* выступает в значении предшествования: *Киле панӑ ӗҫсене туса пӗтерсен кино куртӑм* «Выполнив домашние задания, я смотрел кино»; *Анне ӗҫрен таврӑнсан эпӗ стадиона кайрӑм* «Когда мать вернулась с работы, я пошел на стадион».

Ср. примеры с чисто условным и условно-временным значениями:

Анне таврӑнсан кинона кайӑттӑм «Если бы пришла мать, я в кино пошел бы».

Анне таврӑнсан кинона каятӑп «Если (когда) придёт мать, я в кино пойду».

Атрибутивная форма на *-малла (-мелле)* в позиции сказуемого простого предложения выступает с более ярко выраженным модальным значением долженствования, чем в позиции определения, ср.: *ӗненмелле сӑмах* «убедительное слово»; *Ку сӑмаха ӗненмелле* «Этому слову нужно (можно) верить».

§ 18. Система временных форм

Итак, морфологическая категория времени состоит из довольно большого количества грамматических форм глагола, представляющих особую систему, в которой обнаруживается пять больших групп, выражающих ту или иную синтаксическую функцию: одни формы выражают предикативную функцию, другие – определительную, третьи – обстоятельственную, четвертые – субстантивную, пятые – объективную.

Казалось бы, предикативная форма должна поступать таким же образом, как и непредикативная, т.е. не принимать добавочных аффиксов. Но при выполнении роли сказуемого в обязательном порядке она присоединяет к себе аффиксы лица, при необходимости же – и аффиксы личного числа,

которые не видоизменяют синтаксическую функцию глагола, а лишь подчеркивают предикативность глагольной формы, придающей ей самостоятельность в употреблении.

Отличия между этими группами имеются главным образом в плане содержания: предикативная форма выражает время по отношению к моменту речи, а непредикативная – время по отношению к моменту совершения другого действия.

Таким образом, категория времени является многообъемлющей системой форм глагола и имеет сложную парадигму.

Сложная система временных форм имеет грамматические подсистемы, которые в свою очередь дробятся далее. Значит, внутри парадигмы обнаруживаются весьма разные отношения, вызванные разными условиями под влиянием единиц, находящихся вне парадигмы.

Система в целом делится на три группы функциональных временных форм, каждая из которых появилась по требованию единиц, стоящих в предложении вне временной парадигмы и определяющих позиции глагола. Такими единицами являются имя существительное и глагол без какой-либо зависимости от синтаксической функции, а также подлежащее, независимо от того, какой частью речи оно выражено, но сочетающееся с глагольным сказуемым.

Так, по требованию имени существительного от глаголов создана подсистема атрибутивных временных форм на *-ӑй (-ӗй), -ас (-ес), -акан (-екен), -малла (-мелле)* и др. Другими словами, чтобы глагол сочетался с именем существительным в позиции определения, необходимы специальные временные формы.

Если же поменяем позиции существительного и глагола, то это будет обусловливать чередование системы атрибутивных временных форм с системой обстоятельственных временных форм на *-са (-се), -сан (-сен), -а (е), -иччен, -массерен (-массерен), -нӑҫем (-нӗҫем), -нӑранпа (-нӗренпе), -уҫӑн (-ӳҫӗн)*.

Если в качестве единицы, определяющей позицию глагола-сказуемого, будет выступать подлежащее, выраженное любой частью речи, то оно потребует подчинения себе глагола в виде системы предикативных временных форм.

Поскольку глагол в функции сказуемого, кроме временного показателя, принимает аффиксы и лица, и личного

числа, принято говорить, что сказуемое согласуется или координируется с формой подлежащего.

Между подсистемами функциональных временных форм наблюдаются отношения последовательной иерархии: а) предикативные временные формы противостоят непредикативным временным формам; б) непредикативные временные формы сами содержат две противостоящие друг другу подсистемы: атрибутивные временные формы и обстоятельственные временные формы.

Подсистема предикативных временных форм доминирует над остальными подсистемами, подчиняет себе смысловые и стилистические оттенки значений, выражаемых другими подсистемами.

Все подсистемы функциональных временных форм охватываются одной парадигмой, поскольку принадлежат одному и тому же классу. Для рассматриваемой категории характерно также то, что выразители ее в словоформе занимают только одну позицию среди других формантов — признаков глагола.

Каждая подсистема функциональных временных форм включает в себя мелкие подсистемы, делящиеся на три части. Все они характеризуются тем, что между ними наблюдаются изоморфные отношения: первые формы выражают предшествование, вторые – одновременность, третьи – следование.

Наконец, значение каждого времени может быть выражено несколькими формами, т.е. отдельные времена делятся на частные секторы. В некоторых случаях в них можно обнаружить еще какую-то более мелкую подсистему. Но в большинстве случаев частные секторы времен характеризуются тем, что в них мы не наблюдаем ясного противопоставления друг другу.

Так, среди п р е д и к а т и в н ы х временных форм прошедшее время делится на преднастоящее время и давнопрошедшее время. В свою очередь преднастоящее время само делится на секторы, но на основе кратности действия – однократное прошедшее и многократное прошедшее. Между данными формами прошедшего времени обнаруживаем отношения последовательной иерархии.

Поскольку будущее время характеризуется ирреальным действием, то глагольные действия отличаются выражением

различных модальностей: будущее неопределенное, будущее желательное, будущее уступительное и будущее повелительное. В этом случае иерархия исключается.

Только настоящее время не делится на частные секторы.

Среди атрибутивных временных форм одновременное действие, наоборот, выражается несколькими формами. Форма на *-акан (-екен)* характеризуется тем, что обозначает продолжающееся действие: *вĕренекен çамрăксем* «обучающаяся молодежь». Форма на *-ан (-ен)* передает постоянное свойство предмета: *вĕçен кайăк* «птица» (букв. «летающая тварь»). Форма на *-и* выражает значение не доведенного до конца действия: *пиçи-пиçми çырла* «недоспелая ягода». Синонимичные формы на *-анçи (-енçи)* и *-иш* обозначают значение притворного действия: *куланçи тăвăр* «делать вид, что смеешься», *пĕлмиш пул* «притворяться незнающим». Последующее действие можно передавать тремя формами. Форма на *-ас (-ес)*, выступая перед именем, выражает конкретный предстоящий действенный признак предмета: *каяс çын* «человек, который отправится», а в позиции главного члена односоставного предложения – долженствующее действие: *Яла çитсе ӳкес* «Надо добраться до деревни». Форма на *-малла (-мелле)* передает значение необходимости совершения какого-либо действия в будущем: *кин пулмалла хĕр* «девушка, которая должна стать снохой». Форма на *-малăх (-мелĕх)* обозначает, на какое действие будет достаточно данного предмета: *пĕрре ларса вулималăх кĕнеке* «книга для чтения в один присест».

Из обстоятельственных временных форм больше всех делятся на частные секторы те, которые передают сопутствующие действия.

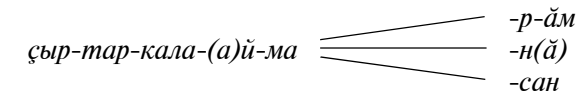
Форма на *-а (-е)*, выражая сопутствующее действие, показывает, каким образом происходит следующее действие: *тутăр вĕçтерсе ташла* «плясать, помахивая платком». Но, используя эту форму, можно передавать и предшествующее действие: *Ялтан тухса вăрманалла уттарчĕ* «Выйдя из деревни, он отправился в лес». Форма на *-а (-е)*, как правило, употребляется в удвоенной форме и выражает сопутствующее продолжительное действие: *вăрçа-вăрçа ĕçлеттерет* «(Он) заставляет работать, непрестанно ругая». Форма на *-нăçем (-нĕçем)//-нăçемĕн (-нĕçемĕн)* обозначает действие, по мере развития которого развивается другое действие: *Малалла утнăçемĕн*

траншея тарăнланать (Илпек М.) «Чем дальше идешь, тем глубже становится траншея». Форма на *-уçăн (-ӳçĕн)* обозначает действие, во время которого совершается другое действие: *Районтан килӳçĕн кĕр* «Когда будешь возвращаться из района, заезжай».

Предшествующие действия выражаются тремя частными секторами. Форма на *-сан (-сен)* всегда обозначает предшествующее действие. Но в зависимости от облика другого глагола форма на *-сан (-сен)* может приобретать или условное, или временное, или же условно-временное значение: *Пултарсан вĕренĕттĕмччĕ* «Если бы мог, я бы учился»; *Хуларан таврăнсан вырtса кантăм* «Когда вернулся из города, я отдохнул лежа». Форма на *-нăранпа (-нĕренпе)* показывает, после какого действия начало совершаться другое действие: *Килтен кайнăранпа таврăнмарĕ* «Не вернулся с тех пор, как ушел из дому». Форма на *-массерен (-мессерен)* выражает такое действие, после совершения которого каждый раз обязательно совершается другое действие: *Çиçĕм çиçмессерен аçа çапать* «Каждый раз, как сверкает молния, ударяет гром».

Последующее действие обозначается только формой на *-иччен*. Она выражает такое действие, до совершения которого заканчивается основное действие: *Ывăничченех чупрăм* «Я бежал (бегал) до устали».

Может возникнуть вопрос: не следует ли рассматривать каждую функциональную группу форм как самостоятельную парадигму? Наши наблюдения побуждают дать отрицательный ответ. Во-первых, показатели любых времен в составе глагольных словоформ занимают одну и ту же позицию. Аффикс времени в них всегда располагается после аффиксов нефункциональных форм: впереди находится аффикс залога, затем следует аффикс кратности, далее – аффикс возможности и, наконец, аффикс отрицательного аспекта. Ср.:



Это говорит о том, что структура функциональных форм во всех группах однотипна. Если так, то едва ли целесообразно трактовать каждую группу функциональных форм в качестве самостоятельной парадигмы.

Во-вторых, тот факт, что ни один временной показатель (как предикативный, так и непредикативный) не может находиться рядом с другим временным показателем в составе одной и той же словоформы, также приводит к мысли, что формы, образованные при помощи данных временных показателей, принадлежат к одной и той же категории, входят в одну и ту же парадигму.

В-третьих, члены парадигмы функциональных временных форм, в огличие от членов парадигмы нефункциональных форм глагола (залогов, кратности, возможности и аспекта), характеризуются тем, что не обладают нулевыми формами, т.е. все они являются маркированными. Будто бы только форма будущего неопределенного времени не имеет своего выразителя. Но, как представляется, аффикс будущего времени *-ă (-ĕ)* в современном чувашском языке, накладываясь на анлаутный гласный аффикса лица, теряет свой независимый облик. И вполне можно считать, что нулевая форма будущего времени не является первичной, как нулевая форма у нефункциональных категорий, а должна считаться вторичной, появившейся в результате морфонологических процессов. О наличии аффикса будущего времени в древнечувашском языке писал американский тюрколог О. Прицак. По его утверждению, в результате диахронических процессов согласный звук выпал из состава аффикса, остался только вокальный элемент. Последний проявляет себя в комплексном аффиксе будущего сослагательного времени *-ămm- (-ĕmm-): çырăммăм* «(я) написал бы».

В-четвертых, между предикативными и непредикативными формами времен нет резко очерченной границы: отдельные предикативные формы могут употребляться в позиции непредикативных форм, т.е. в значении относительного времени, а среди непредикативных форм имеются такие, которые могут выполнять функцию сказуемого простого предложения.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛА

§ 19. Однократное прошедшее время

Парадигма спряжения
Глаголы *çыр* «писать», *ĕçле* «работать»

Положительная форма

	Ед. ч.	
1 л.	*çыр-т-ăм* «(я) написал»	*ĕçле-р-ĕм* «(я) работал»
2 л.	*çыр-т-ăн*	*ĕçле-р-ĕн*
3 л.	*çыр-ч-ĕ*	*ĕçле-р-ĕ*
	Мн. ч.	
1 л.	*çыр-т-ăм-ăр* («мы) написали»	*ĕçле-р-ĕм-ĕр* «(мы) работали»
2 л.	*çыр-т-ӳ-ăр*	*ĕçле-р-ӳ-ĕр*
3 л.	*çыр-ч-ĕ-ç*	*ĕçле-р-ĕ-ç*

Отрицательная форма

	Ед. ч.	
1 л.	*çыр-ма-р-ăм* «(я) не писал»	*ĕçле-ме-р-ĕм* «(я) не работал»
2 л.	*çыр-ма-р-ăн*	*ĕçле-ме-р-ĕн*
3 л.	*çыр-ма-р-ĕ*	*ĕçле-ме-р-ĕ*
	Мн. ч.	
1 л.	*çыр-ма-р-ăм-ăр* «(мы) не писали»	*ĕçле-ме-р-ĕм-ĕр* «(мы) не работали
2 л.	*çыр-ма-р-ӳ-ăр*	*ĕçле-ме-р-ӳ-ĕр*
3 л.	*çыр-ма-р-ĕ-ç*	*ĕçле-ме-р-ĕ-ç*

Форма однократного прошедшего времени образуется путем присоединения морфемы *-р- (-т-, -ч-)* к основе глагола. Морф *-р-* является специфичным для чувашского языка. Он употребляется после всех гласных и большинства согласных в ауслауте глагола, кроме глаголов с *л, н, р* в ауслауте основы. В других тюркских языках вместо чувашского *р* всегда выступает *д*. А в чувашском языке морф *-т-* применяется в 1 и 2 лице после ауслаутных *л, н, р* основы глагола. Этот морф восходит, очевидно, к общетюркскому архетипу аффикса *-д-*. Пе-

ред аффиксом 3 лица *-ĕ* морф *-т-* чередуется с морфом *-ч-*: *кантăм* «(я) отдохнул» – *канчĕ* «(он) отдохнул».

По своему основному значению форма однократного прошедшего времени противостоит многократному прошедшему времени; ср.: *куртăм* «(я) видел» – *кураттăм* «(я) видывал». Эту форму по значению очевидности (неочевидности) нередко противопоставляют атрибутивной временной форме (причастию) на *-нă (-нĕ)*, выполняющей функцию сказуемого: *Куртăн-и?* «Видел ли ты?» – *Эс курнă-и?* «Видел ли ты?»

Эта форма может быть употреблена и для выражения многократного действия. Но в данном случае в контексте может находиться слово, обозначающее многократность: *Çакăн хыççăн амăшĕпе чĕпписене кашни кунах тăрантартăмăр* (Г. Луч) «После этого мы каждый день кормили аистят с матерью».

Однократное прошедшее время может употребляться в значении других времен.

Если говорящий с уверенностью сообщает о результате будущего действия, то возможно употребление глагола в форме однократного прошедшего времени: – *Эпĕ консультаци ирттерме кайрăм. Çирĕм иккĕмĕш кабинетра пулатăп,* – *терĕ учительсенчен пĕри* (Л. Таллеров) «Я пошел проводить консультацию. Буду в двадцать втором кабинете, – сказал один из учителей»; – *Кил-ха, ку лаши йăваш... Тытса тăр... Аттуш хăйăр çине вырtса йăваланма пултарать... Шыва кĕртни ахалех пĕтрĕ вара...* (А. Ĕçхĕл) «Подойди-ка сюда, эта лошадь тихая... Подержи... А то она может поваляться на песке... Тогда напрасным было и купание...».

При категорическом велении делать что-либо нередко используют форму однократного прошедшего времени:

– *Пырас-ши вара?* – *иккĕленсе тăчĕ ывăлĕ.*

– *Кайрăмăр, кайрăмăр. Çул çинче анкă-минкĕ йăлтах тухать акă. Пуçна ырă шухăшсем пырса кĕреççĕ* (К. Турхан) « – Пойти что ли мне с вами? – засомневался его сын.

– Пойдем, пойдем. На дороге вся дурь выветрится. И в голову твою придут добрые мысли».

В стихотворных произведениях некоторых авторов формы 3 лица множественного числа однократного прошедшего времени без надобности употреблены с лишним гласным звуком |*ĕ*|. Вот, например, строки из стихотворения Васса Анисси («Вĕренме ямаççĕ»):

Кĕрхи кунсем çитрĕçĕ,
Çĕрĕсем вăрăмланчĕçĕ,
Çулçăсем те саралчĕç,
Уй-хирсем те пушанчĕç (Ваççа А.)

«Подошли осенние дни, ночи стали длинными, и листья пожелтели, и поля опустели».

Употреблены четыре глагола, у первых двух в ауслауте в одном и том же положении и значении стоит *-ĕ*, в последних двух – отсутствует.

Еще пример:

Сăн-сăпат та шурчĕ халь,
Куçăмсем те сӳнчĕç халь,
Сар ука пек çӳçĕмсем
Хуйхăпа сайралчĕçĕ (И. Тукташ)

«Облик мой бледен теперь, глаза мои угасли теперь, волосы, похожие на желтый позумент, поредели от горя».

Чтобы в четвертой строке было семь слогов, автор удлинил словоформу *сайралчĕç*, прибавив звук *-ĕ* (аффикс 3 лица), и тем самым нарушил норму языка.

Стихотворные строки должны быть чеканными, на то они стихотворные. Тем более у известного автора.

§ 20. Многократное прошедшее время

Парадигма спряжения
Глагол *кур* «видеть»

	Ед. ч.	Мн. ч.
	Утвердительная форма	
1 л.	*кур-атт-ăм (-ччĕ)*	*кур-атт-ăм-ăр (-ччĕ)*
2 л.	*кур-атт-ăн (-ччĕ)*	*кур-ат-тт-ăр (-ччĕ)*
3 л.	*кур-ачч (*орф.*-атч)-ĕ*	*кур-ачч (*орф.*-атч)-ĕ-ç*
	Отрицательная форма	
1 л.	*кур-мас-т-ăм (-ччĕ)*	*кур-мас-т-ăм-ăр (-ччĕ)*
2 л.	*кур-мас-т-ăн (-ччĕ)*	*кур-мас-т-ăр (-ччĕ)*
3 л.	*кур-мас-ч (*орф.*-тч)-ĕ*	*кур-мас-т-ч (*орф.*-тч)-ĕ-ç*

Многократное прошедшее время образуется путем присоединения аффикса *-атт- (-етт-), -ачч- (-ечч-)* [орф. *-атч-(-етч-)*], *-т- (-ч-)* (орф.*-тч-*).

В диахроническом плане эта форма восходит к сочетанию обстоятельственной временной (деепричастной) формы на *-а (-е)* с глаголом *имек*, изменяемым по лицам и личным числам. Ср. спряжение татарского глагола *чыг* «выходить» в единственном числе: 1 л. *чыга идем* «(я) выходил (тогда)»; 2 л. *чыга иден* «(ты) выходил (тогда)»; 3 л. *чыга иде* «(он) выходил (тогда)» (чув.: *тух-атт-ăм, тух-атт-ăн, тух-атч-ĕ*).

В древнечувашском языке существовали примерно такие же конструкции, как и в татарском. Можно предполагать, что сначала было утрачено значение корня недостаточного глагола, затем аффикс времени слился с аффиксом лица. Впоследствии произошло полное слияние двух глаголов в один; а временное значение деепричастного аффикса и значение аффикса прошедшего времени вспомогательного глагола способствовали образованию единого аффикса прошедшего многократного времени *(тух-а+(и)тем)*. Аффикс лица глагола *имек* стал подчиняться гармонии гласных *(тух-атт-ăм)*, а в аффиксе времени согласный *т* стал произноситься глухо.

Таким образом, в слившейся утвердительной словоформе морфемы выступают в следующем порядке: корневая морфема + морфема с временным значением *-атт- (-етт-)* + морфема лица + морфема личного числа. Кроме указанных морфем, в этой словоформе плеонастически может употребляться деформированная форма 3 лица глагола *и(р)-* в виде *-(ч)чĕ*, рассматриваемая в данной работе как постфикс.

Образование отрицательной формы прошедшего многократного частично расходится по составу морфем с утвердительной формой. Дело в том, что современный морф отрицания *-мас (-мес)* был бы возможен только, если за ним следовал бы аффикс с начальным гласным. Очевидно, изначальный облик формы данного времени выглядел *çыр-мас-а-тт-ăм*: интерфонема |*с*| вставлялась на стыке морфов, между гласными, но впоследствии начальный гласный аффикса прошедшего времени *а* выпал, как и в отрицательной форме настоящего времени: *çыр-мас-(а)т-ăп* стала *çыр-мас-т-ăм*.

Прошедшее многократное участвует в обозначении не только реальных действий прошлого, но и возможных, желательных.

Рассмотрим сначала выражение значений р е а л ь н ы х д е й с т в и й.

1. Если глагол с семантикой непродолжительного действия принимает аффикс *-атт- (-етт-)*, то он выражает неоднократность действия. При этом повторяемость действия конкретизируется лексически: *ирсерен* «по утрам», *кашни ир* «каждое утро», *кашни каç* «еженощно», *кашни çул* «ежегодно», *ялан* «постоянно», *час-часах* «часто».

Ирсерен,
Ĕçе кайма тухсассăн,
Эп сана кураттăмччĕ садра (П. Львов)

«По утрам, когда шел на работу, я видывал тебя в саду»;

Ялта активистсем час-часах спектакль лартатчĕç (Юхма М.) «В селе активисты часто ставили спектакли»; *Мурат сирĕн çинчен час-часах асăнатчĕ те, çав майпа сире эпĕ тахçанах пĕлетĕп* (Л. Агаков) «Мурат то и дело вспоминал вас, поэтому я вас знаю давным-давно»; *Кашни çул теннĕ пек çĕнĕ председатель суйласа лартаттăмăр* (И. Максимов-Кошкинский) «Почти каждый год мы выбирали нового председателя».

2. Глаголы с семантикой продолжительного действия выражают продолжительное прошедшее время. При этих глаголах бывают сопровождающие слова: *ялан* «постоянно», *кирек хăçан та* «хоть когда», «в любое время», *тепĕр чухне* «в другой раз», «иногда», *виçĕм çул* «в позапрошлом году» и др.: *Вăл [Таня] кирек хăçан та хавас кăмăлпа кăна пурăнатчĕ* (И. Тукташ) «Она в любое время была только в бодром настроении»; *Виçĕм çул колхоз хорне пĕр учительница ертсе пыратчĕ* (А. Ĕçхĕл) «В позапрошлом году колхозным хором руководила одна учительница»; *Тепĕр чухне пичче задача тунине пăхса лараттăм. Вăл хут çинче, эпĕ ăшра шутлаттăм* (П. Щипцов) «Иногда я сидел и наблюдал, как брат решает задачи. Он считал на бумаге, а я – устно».

3. Данная форма передает не только многократные действия одного субъекта, но и действия нескольких субъектов в один промежуток времени: *Паллакансем пурте вĕсене телейлĕ мăшăр тесе шутлатчĕç* (К. Пайраш) «Все знакомые считали их счастливой парой»; *Эпир çав паттăра пурте юратса пăрахрăмăр, ун çинчен хисеплесе кăна калаçаттăмăр* (А. Артемьев) «Мы

все полюбили этого богатыря, о нем говорили только с уважением»; *Пĕчĕк чухне эпир унпа [Настьăпа] ерипен вĕçекен лĕпĕшсене алăпах тытаттăмăр, тăмран лашасемпе ĕнесем тăваттăмăр, çырма хĕрринче пылчăк ашаттăмăр* (К. Петров) «Когда были маленькими, мы с ней (Настей) руками ловили медленно летающих бабочек, из глины лепили лошадей и коров, месили грязь на берегу реки».

4. Прошедшее многократное выражает незаконченное действие, предшествующее другому: *Таçта çак çывăхра тахçан çăка ларатчĕ тыр выракансене сулхăн парса* (И. Михайлов) «Где-то здесь когда-то стояла липа, даря жнецам прохладу»; *Сехре ун патне ĕне витине хăй пырса кĕчĕ. Кĕтерне ĕнисене чĕкĕнтĕр çеçки паратчĕ, çавăнпа Ивана курсан та ĕçлеме пăрахмарĕ* (К. Турхан) «Кошмар сам явился к ней в коровник. Катерина давала коровам свекольную ботву, поэтому не прервала работу, хотя и заметила Ивана»; *Эпир ун чухне зоологи вĕрентекен Прокопий Петровичпа районтан таврăнаттăмăр. Ятман ялĕнчен тухсан çыран хĕррине канма лартăмăр* (Ю. Скворцов) «Мы с преподавателем зоологии Прокопием Петровичем возвращались тогда из района. Минуя деревню Ятмана, сели отдохнуть на берегу реки»; *Каç çывхаратчĕ ĕнтĕ, майор пурне те леш çырана асăрхаса пăхма хушрĕ* (Илпек М.) «Уже приближался вечер, майор приказал всем внимательно наблюдать за тем берегом».

5. Вслед за предложением, включающим сказуемое, выражаемое прошедшим многократным, нередко ожидается противопоставленное действие, совершаемое позднее. В подобных случаях глаголы то и дело сопровождаются обстоятельственными словами типа: *малтанах* «раньше» – *каярахпа* «позднее», «(по)позже»; *ĕлĕкрех* «прежде» – *халь* «теперь»; *ача чухне* «в детстве» и др.: *Малтанах ман çава тăпра çине тăрăнса аптăрататчĕ, каярахпа вара самаях вĕренсе çитрĕм* (М. Ухсай) «Вначале моя коса то и дело натыкалась на землю, позже я довольно-таки сносно научилась (управлять ею)»;

Юратмастăм пек ку çырлана, –
Килĕштертĕм эп кăçал ăна (Г. Орлов)

«(Я) как бы недолюбливал эту ягоду, в этом году мне она понравилась»;

Вăл колхозра сад ĕрчететчĕ, пĕрлех вĕлле хурчĕсене те пăхатчĕ. Халь акă – килте (А. Ĕçхĕл) «Он в колхозе сад разводил, заодно за пчелами присматривал. Теперь вот – дома».

Наконец, следует отметить, что прошедшее многократное время может выступать в выражении не только реальных действий, но и ирреальных, когда глагольная форма этого времени выступает в условной конструкции и придает предположительное (гипотетическое) действие.

Если условие и следствие отнесены в область прошлого, в роли сказуемого придаточной части употребляется атрибутивная временная форма (причастие) на *-нă (-нĕ)*, в качестве связующего средства с главной частью употребляются союз *пулсан* или частица *тăк (тĕк)*, а в качестве сказуемого главной части выступает форма прошедшего многократного.

Ниже приводятся примеры контекстуальных условных конструкций, ирреальное значение которых вытекает из их общего смысла. В них указывается на предположение, которое не может осуществляться ввиду того, что оно находится в резком противоречии с объективными данными реальной действительности: – *Тăван яла килнĕ ятпа саламлатăп, Валентин Игнатьевич. Сире палларăм эпĕ. Никандр мучи урам урлă каçса систермен пулсан та – пĕлеттĕмччĕ* (Г. Краснов) «Приветствую, Валентин Игнатьевич, с приездом в родную деревню. Я узнал бы вас. Если бы даже не известил дед Никандр, перейдя через улицу, то непременно узнал бы»; *Уйăх çути пулнă пулсанах пурте курăнатчĕ, халĕ уйăх тухмалли вăхăт çитмен-ха* (Н. Мартынов) «Если бы светила луна, то все было бы видно, но пока луна не взошла»; *Пĕтĕм ĕç сирĕнтен килчĕ. Эсир тухман пулсан парне курасси пулмастчĕ пирĕн* (Г. Ефимов) «Все зависело от вас. Если бы не вышли вы, то не видать бы нам премии»; *Нумай ĕçлетчĕ, татах та пысăк ĕçсем тăватчĕ Иванов, вăхăтсăр вилмен пулсан* (Ç. Элкер) «Много работал Иванов, совершал бы и дальше большие дела, если бы не умер скоропостижно»; *Эсĕ (пляжра) пулман тăк, шыва путаттăм вĕт* (В. Алентей) «Не будь тебя (на пляже), утонул бы ведь (я)».

Из приведенных предложений видно, что значение модальности – явление вторичное. В последнем из рассмотренных предложений глагол *путаттăм* выражает прошлое однократное, но только возможное, а значит, невыполненное действие.

Для того чтобы прошедшее многократное выражало ирреальное действие, требуется следующее: 1) чтобы в сложном предложении была условная конструкция, 2) чтобы в придаточной части выражалось отсутствующее условно (его нет и не может быть в объективной действительности), 3) чтобы сказуемое придаточной части выражалось атрибутивной временной формой (причастием прошедшего времени) на *-нӑ (-нӗ),* 4) чтобы придаточная часть соединялась с главной частью при помощи союза *пулсан* или частицы *тӑк (тӗк).*

Такие конструкции бывают обычно в художественных, философских и публицистических текстах при абстрактных предположениях и рассуждениях.

Иногда следствие выражается без указания на ирреальное условие. Но суть ирреального условия раскрывается в следующем предложении, присоединяемом при помощи противительного союза *анчах* «но»: *Кӗтсе илетчех Варлам арӑмӗпе ачине. Анчах тӗнче асар-писер ҫаврӑнчӗ* (В. Элпи) «Дождался бы Варлам непременно свою жену и ребенка. Но началась мировая чехарда». Ср.: *тӗнче асар-писер ҫаврӑнман пулсан...*

Пыраттӑмччӗ хаваласпах.
Анчах Беляев вырӑнне
Ӗҫе тухас пулать ҫав манӑн (А. Кӑлкан)

«Пришел бы с удовольствием, но ведь мне надо выходить на работу вместо Беляева».

Ср.: *Беляев вырӑнне ӗҫе тухмалла мар пулсан...*

Татах та вӗренеттӗм пулӗ, анчах та икӗ ҫултан манӑн салтакран уйрӑлмалла пулчӗ (Ҫ. Элкер) «Может, я и дальше учился бы, но через два года пришлось расстаться с солдатом». Ср. *Салтакран уйрӑлмалла пулман пулсан ...*

Изредка этот противительный союз опускается: *Тытатчӗ те пуль (Энтип) усал кушака – тӑпра муклашкинчен такӑнчӗ* (И. Мучи) «(Антип) может, и поймал бы кошку – споткнулся о ком земли». Ср. *Тӑпра муклашкинчен такӑнман пулсан...*

Ҫарти пурнӑҫ майлашӑнса ҫитнӗ теме те юратчӗ, сасартӑк ӑна ури сурма пуҫлани персе антарчӗ (П. Чичканов) «Армейская жизнь почти наладилась, вдруг свалила его боль в ногах».

§ 21. Прошедшее периодическое время

Прошедшее периодическое время образуется путем присоединения постфикса *-(ч)чĕ* к атрибутивной временной форме (или к причастию) на *-акан (-екен)*. Причастная форма на *-акан (-екен)*, как известно, при употреблении в роли сказуемого простого предложения выражает обычное, постоянное действие. *Сирĕн пек çамрăк пикесем ку чухне фермăсенче ĕçлекен* (Л. Агаков) «Такие, как вы, девушки, в наше время обычно работают на ферме». Если же к причастию на *-акан (-екен)* присоединить постфикс *-ччĕ*, то оно становится финитной формой, выражающей обычное периодическое действие в прошлом. Примеры: *Вăл ниҫан та кун пек калаҫакан марччĕ-çке, мĕнле те пулин кăлтăк тупсан ялан тăрăхласа, сăмахпа айккинчен тĕртсе систерекенччĕ* (К. Турхан) «Он же никогда так не разговаривал; если обнаруживал какой-нибудь изъян, то всегда давал знать шутками, тонкими намеками».

Финитная форма по лицам не изменяется, но значение лица выражается аналитически, препозитивными личными местоимениями или именами существительными.

Парадигма спряжения

Глагол *вула* «читать»

Ед. ч.		Мн. ч.	
1 л. *Эпĕ вулаканччĕ*	«я (ты, он)	*Эпир вулаканччĕ*	«Мы (вы, они)
2 л. *Эсĕ вулаканччĕ*	обычно	*Эсир вулаканччĕ*	обычно
3 л. *Вăл вулаканччĕ*	читал»	*Вĕсем вулаканччĕ*	читали»

Отрицательная форма тоже образуется аналитически, частица *мар* ставится в конце словоформы, после причастия.

— *Кăкарни салтăннă. Лайăх кăкараймарăм пулмалла.*

— *Халиччен салтăнса каякан марччĕ-çке?* (Н. Мранькка) «Привязь развязалась. Очевидно, я не смогла привязать хорошенько». — «До сих пор не развязывалась же?»

Для уточнения значения прошедшего периодического времени в предложении часто употребляются слова и словосочетания с временными значениями: *ялан* «постоянно», *нихăҫан (та)* «никогда», *ытти чухне* «в иных случаях», *иртнĕ çулсенче* «в прошлые годы», *кашни кун* «каждый день», *час-час* «частенько», *унччен* «до (э)того времени» и др.

Составной временной аффикс прошедшего периодического времени состоит из двух ярко выраженных формативов: причастного аффикса *-акан (-екен)* и постфикса *-ччĕ*: первый выражает периодичность действия, второй – совершение периодического действия в прошлом.

Ниже перечисляются случаи употребления глаголов финитного характера на *-акан + -ччĕ (-екен + -ччĕ)*:

1. Глагольная форма на *-акан + -ччĕ (-екен + ччĕ)* употребляется в предложениях пословичного характера: – *Эпĕ ăна хаярланма кăкарса хутăм. Кăкарнă йытă хаяр пулаканччĕ* (Хв. Уяр) «Я ее (собаку) привязал, чтобы стала злой. Собаки на привязи становятся обычно злыми»; *Ватти çамрăка ăс параканччĕ* (В. Ухли) «Бывало, старики наставляли молодежь»; *Ара, çут çанталăкăн хăйĕн мехелĕ пулаканччĕ: çуркунне аслатиллĕ çумăр пĕрер лайăх килсе лӳшкетсен çĕр ирĕккĕн сывласа яраканччĕ, хĕллехи лĕкĕрен тасалаканччĕ* (А. Ĕçхĕл) «Да, до сих пор у природы всему было своё время: когда весенняя гроза разок хорошенько промочит землю, она свободно и глубоко задышит, очистится от зимней грязи»; *Ир пуçланнă çумăр кăнтăрла тĕлĕнче чарăнаканччĕ* (В. Алентей) «Дождь, начавшийся утром, обычно прекращается к полудню».

2. Глагольная форма на *-акан + -ччĕ (-екен + -ччĕ)* выражает мотивацию, причину первого действия: *Тупма хĕнех пулмĕ: çак вăхăтра вĕсем ĕçрен тухаканччĕ* (М. Кипек) «Найти его не будет особо сложно: в это время они обычно выходят с работы»; *Тен, «Малалла» колхозран Саланов килчĕ пулĕ, çавă йĕлтĕрпе çӳрекенччĕ* (А. Артемьев) «Наверное, из колхоза «Вперёд» прибыл Саланов, обычно он ходит на лыжах».

3. Глагольная форма на *-акан + -ччĕ (-екен + -ччĕ)* употребляется для сравнения прежних привычных действий с теперешними действиями: *Кăнтăрлахи кĕлĕрен таврăннă хыççăн ял хуши самантлăха лăпланаканччĕ. Хĕрарăмсем вут хутса яраканччĕ, арçынсем выльăх-чĕрлĕхе апат параканччĕ, карта-хура тирпейлекенччĕ. Паян мăрьесенчен ниçта та тĕтĕм тухни курăнмасть-ха. Урам тăршшĕпех пус хапхи еннелле çынсем васкаççĕ* (Н. Мранькка) «После обедни обычно в деревне наступало затишье. Женщины затапливали печь, мужчины давали корм животным, наводили порядок в хлеву. Сегодня же еще нигде не видно, чтобы из труб поднимался дым. Вдоль всей улицы люди спешат в сторону полевых ворот»; – *Халиччен ĕçекен*

марччĕ-çке эсĕ, епле тăруках ĕçме вĕренсе кайрăн вара? – терĕ поэт (М. Исаев) « – До сих пор ты же не выпивал, как вдруг пристрастился к выпивке? – сказал поэт».

Прошедшее периодическое время по значению весьма близко к многократному прошедшему времени. Эти синонимичные формы очень часто встречаются в одном и том же предложении или в одном контексте. Ср.: *Урамсене касса иртекен çырма айккисенче авалхи лапсăркка йăмрасем кунта та сулхăн параканччĕ, вĕсем çинче утă валемĕ пек пысăк йăвасем пурччĕ, хура курак ушкăнĕ кĕр енне, хирсенче эрешмен карти вĕлтĕр-вĕлтĕр вĕçнĕ чух, çумăр пĕлĕчĕ пек хăпаратчĕ те, тӳпере кĕвĕ каланă пек туйăнатчĕ* (М. Ухсай) «Старинные развесистые ветлы по берегам оврага, рассекающего улицы, обычно и здесь давали прохладную тень, на них находились большие, как охапки сена, гнезда, ближе к осени, когда над полями летали прозрачные паутинки, стая грачей поднималась в небо наподобие дождевой туче, и казалось, что в небе звучит мелодия»; *Çемен шкултан кăнтăрла иртсенех таврăнаканччĕ. Амăшĕ ывăлĕ килнине курсан икĕ сехет çитнине пĕлетчĕ* (В. Ухли) «Семен из школы обычно приходил сразу после обеда. Мать, видя, что возвращается сын, знала, что время около двух часов».

Разница между значениями указанных форм незначительная: если прошедшее периодическое время обозначает действие в обобщенном виде, то форма прошедшего многократного времени показывает действие как конкретное, предпрошедшее.

Отрицательная форма прошедшего периодического времени образуется двояко: 1) присоединением к основе глагола аффикса *-ма (-ме)* и 2) при помощи частицы *мар*. В предложении, как правило, в позиции перед положительной формой употребляют наречие *ялан* «постоянно», а перед отрицательной формой – местоимение *нихăçан та* «никогда». Примеры:

Вăл (Ермолай) кун пек пухусенче нихăçан та сăмах тухса каламанччĕ, яланах хыçалтарахра, пĕр-пĕр тĕттĕмрех кĕтессе хĕсĕнсе, шăппăн итлесе лараканччĕ, хăш-пĕр чухне тата пуху пĕтичченех çынсем сисиччен килне тухса шăвăнатчĕ (К. Пайраш) «Он (Ермолай) на таких собраниях обычно никогда не выступал с речью, всегда сидел сзади, где-нибудь в темном углу, сжавшись, и слушал молча, иногда незаметно уходил домой еще до окончания собрания»;

Вăл ниҫҫан та кун пек калаҫакан марччĕ-ҫке, мĕнле те пулин кăлтăк тупсан ялан тăрăхласа, сăмахпа айккинчен тĕртсе систерекенччĕ (К. Турхан) «Обычно никогда он так не разговаривал, если обнаруживал какой-нибудь изъян, то всегда давал знать об этом шутками и тонкими намёками».

§ 22. Давнопрошедшее первое время

Давнопрошедшее категорическое время образуется путем прибавления к основе глагола составных аффиксов *-самт- (-семт-), -сачч- (-сечч-)*, восходящих к сочетанию деепричастного аффикса *-са- (-се-)*[4] с аффиксом однократного прошедшего времени вспомогательного глагола *имек*. Ср.:

чув. *ҫыр-са-амт-ăм* «(я) написал было».

узб. *ёз-иб-эд-им* «(я) недавно написал».

В чувашском языке аффикс *-амт- (-емт-)* приобрел алломорф *-ачч- (-ечч-)*. К этой форме плеонастически может присоединиться постфикс *-ччĕ*, восходящий к однократному времени вспомогательного глагола *имек*.

Парадигма спряжения

Глагол *ҫыр* «писать»

Ед. ч.	Мн. ч.
ҫыр-самт -ăм(-ччĕ)[4]	*ҫыр-самт -ăм-ăр(-ччĕ)*
ҫырсамтăн(-ччĕ)	*ҫырсамтăр(-ччĕ)*
ҫырсаччĕ	*ҫырсаччĕҫ*

Отрицательная форма данного времени в современном языке употребляется очень редко, что связано, пожалуй, с тем, что форма давнопрошедшего категорического времени выражает завершенное, очевидное или известное действие, а говорить о несовершенном времени не всегда корректно. Вот некоторые примеры: *Ачаран тăлăх ӳссе, кун чухлĕ пурăнса та ҫын ялалине тивмесеттĕм* (И. Юркин) «С детства будучи сиротой и прожив столько лет, не трогал чужой вещи»;

– Вăл лаша ҫухалнине ху та илтнĕ пулĕ эсĕ? – терĕ.

– Ăна-кăнах илтмесеттĕм-ҫке, – терĕм (Ашм., Оп. II, 206) « – Ты, небось, слышал о пропаже той лошади?» – спросил он. Я ответил: «Об этом я, право, (до сих пор) не слыхал».

Форма давнопрошедшего первого времени употребляется рассказчиком тогда, когда он, как бы вспомнив в качестве попутного замечания или для уточнения какой-либо детали своего рассказа о происшедшем, может включить в него данные о другом, предшествовавшем действии, непосредственно не связанном с главным действием рассказа:

– *Çук унашкал права пирĕн, Левентей. Чиркӳсене патшалăхран уйăрни çинчен ăнлантарсаттăм-çке сана. Ял халăхĕ ăна хупма йышăниччен ниепле те тĕрекленейместпĕр* (Г. Краснов) «Нет у нас, Леонтий, таких прав. Я же объяснял было тебе об отделении церкви от государства. Мы никак не сможем утвердиться до принятия жителями села решения о её закрытии»; *Эсир, çамрăксем, çамрăк йăлипе çӳрĕр, эп хам ĕçпе каям-ха... Станцăна икĕ вакун тăвар кӳртерсеттĕм, – тесе Васинкка часах тумланса тухса кайрĕ* (А. Артемьев) «Вы, молодые, ходите по молодым делам, а я пойду по своим... На станцию заказал (велел) было привезти два вагона соли», – сказал Василий и, быстро собравшись, ушел»; *Эпĕ выляса пĕтертĕм те кукка куçĕнчен шиклĕн пăхрăм: нумай юррине хам илемлетсеттĕм-çке-ха. Мĕнле хаклĕ-ши вĕсене ватă музыкçă?* «Я кончил играть и робко посмотрел в глаза дяде: многие его песни я ведь обработал сам. Как оценит их старый музыкант?»; *Эп çывăрсах кайнă, тĕлĕк курсах илсеттĕм-ха* (А. Павловская) «Я совсем уснула, даже сон было видела»; *Яла кайсаттăм. Ак çаксене хамăр завода вĕренме илсе каятăп, – терĕ те (каччă) купере ларакан ачасем çине пăхса илчĕ* (И. Максимов-Кошкинский) «Я поехал было в деревню. Вот этих везу на свой завод учиться, – сказал [молодой человек] и взглянул на сидящих в купе ребят»; – *Каяр эппин, сире валли пӳлĕм хатĕрлеме хушсаттăм эпĕ, канăр* (В. Сатай) «Пойдемте тогда, для вас я велел было подготовить комнату, отдыхайте»; *Эпĕ каям-ха, пĕлтерме анчах кĕрсеттĕмччĕ* (А. Артемьев) «Пойду-ка я, зашел только сообщить».

Как видно из примеров, форма давнопрошедшего первого времени может употребляться не только перед глаголом в форме однократного прошедшего времени, но и перед другими формами глагола. Это предшествование может относиться и к давнему прошлому, и к совершенно близкому прошедшему времени. Об этом свидетельствуют и значения поясняющих обстоятельств времени: *анчах* «только что», *халĕ* «те-

перь», *хальччен* «до сих пор», *паян* «сегодня», *паҫăр* «недавно», «давеча», *ĕнер* «вчера», *ҫуркунне* «весной», *кĕркунне* «осенью», *вăрҫăччен* «до войны», *ача чухне* «в детстве». Примеры: *Анчах тĕлĕрсе кайсаттăм, тăратрĕҫ те* (Ашм., XV, 42) «Только что было (я) задремал, уже подняли»; *Пĕрер стакан ăшă сăра ĕҫсе тухăр, чăваш сăрине. Халĕ ҫеҫ вĕреттерсеттĕм* (В. Краснов-Асли) «Выпейте по стакану теплого пива, чувашского пива. Только что (по моему заказу) сварили»; *Канлĕн ĕҫлеме те, ҫывăрма та пулмасть пуль ĕнтĕ. Хальччен питĕ лăпкă пурăнсаттăм* (А. Артемьев) «Наверное, теперь не удастся ни спокойно поработать, ни поспать. До сих пор очень спокойно жил-поживал»; *Ҫав букваре эп, ырă ҫыннăм, курсаттăм ăнсăртран ĕнер* (П. Хусанкай) «Этот букварь, добрый мой человек, видел случайно я вчера»; *Ҫĕркаҫ Михаил Кондратычпа нумай калаҫса ларсаттăмăр та, паян унран ҫывăрса юлнă* (А. Артемьев) «Вчера вечером мы с Михаилом Кондратьевичем долго беседовали, а вот сегодня я отстал от него, проспал»; *Вăрҫăччен эпĕр унпа хутран-ситрен ҫырусем те ҫӳреткелесеттĕмĕр* (Илпек М.) «До войны мы с ним, бывало, изредка и переписывались»; *Ача чухне эп Михеле тетепе кĕтӳ кĕтсеттĕмччĕ* (И. Максимов-Кошкинский) «В детстве я с дядей Мишей стадо пас было».

Форма давнопрошедшего первого времени удобна для противопоставления действий двух времен – прошлого и настоящего: – *Ун чух тăвалла хăпарсаттăм, халĕ ак анаталла анатăп, – терĕ вăл пăрахут хыççăн кăпăкланса юлакан хумсем ҫине пăхса* (К. Петров) « – Тогда я плыл вверх, теперь вот движемся вниз», – сказал он, глядя на оставляемые пароходом пенящиеся волны»; – *Паҫăр кунта кăткă ҫăмартисем тем чухлĕ выртса юлсаччĕҫ, халĕ акă пĕр ҫăмарта та ҫук. Йăвине те эпĕ чылаях ҫĕмĕрсеттĕм, халь йăви те чип-чиперех... – шалтах тĕлĕнсе тăчĕ Микиш* (Г. Харлампьев) « – Недавно здесь осталось лежать столько муравьиных яиц, теперь вот ни одного. Я тогда изрядно разрушил было их муравейник, сейчас и он в порядке...» – в сильном изумлении застыл Микиш».

§ 23. Давнопрошедшее второе время

Давнопрошедшее второе образуется от атрибутивной временной формы на *-нӑ (-нӗ)* с присоединением к нему постфикса *-ччӗ*: *курнӑччӗ* «(я, ты, он, мы, вы, они) видел(и) было».

Утверждение некоторых исследователей о том, что у этой формы имеется модальный оттенок значения неочевидности действия, не соответствует действительности. Скорее всего, эта форма сообщает точку зрения очевидца. Постфикс *-ччӗ*, как правило, выражает собственное мнение говорящего.

1. Форма давнопрошедшего второго времени выражает первоначальное действие, о котором начинает свой рассказ говорящий. В таких случаях при глаголе-сказуемом часто употребляются слова, констатирующие давность действия: *темиҫе çул каялла* «несколько лет тому назад», *Ленӑпа Галя клуба пырса кӗнӗ чух* «когда Лена с Галей вошли в клуб»; *Ун чухне пирӗн яштака тирексем те çаралнӑччӗ* «Тогда и наши стройные тополя обнажились»; *Çапла темиҫе çул каялла (ун чух вун саккӑр тултарнӑччӗ) Тамара хула больницинче ывӑл ача çуратрӗ* (З. Нестерова) «Таким образом, несколько лет тому назад (тогда ей исполнилось восемнадцать) Тамара в городской больнице родила сына».

2. При выражении последовательности действий давнопрошедшее второе употребляется в первом предложении: *Михха малтан хӗр çуралнӑшӑн питех тарӑхнӑччӗ* (Н. Мранькка) «Поначалу Михха был сильно раздосадован, что родилась девочка». Последующие события оказываются известными читателю лишь через несколько предложений: *Хӗрачи ӳснӗçемӗн вӑл ӑна чунтан юратса пӑрахрӗ* (Н. Мранькка). «Пока дочка росла, он от души ее полюбил».

3. При выражении двух разновременных противопоставленных друг другу действий давнопрошедшее время употребляется из двух предложений в первом, для связи между предложениями используются союзы *анчах* «но», *çапах* «все же» или антонимичные глаголы-сказуемые, а также обстоятельства: *Эпӗ яланах сирӗн кӑмӑл-шухӑшсене тивӗçтерме тӑрӑшнӑччӗ. Хальхинче пултараймастӑп* (Н. Мранькка) «Я всегда старался угождать вашим мыслям-настроениям. На этот раз не смогу»; *Малтан эпӗ санашкалах кӳреннӗччӗ. Кайран, Микула*

ăнлантарсан, килĕшрĕм (Н. Мранькка) «Сначала я, подобно тебе, обиделся. Потом, после объяснения Миколы, согласился»; *Мĕн пулнине веçех каласа парас шухăш пырса кĕнĕччĕ, анчах Çтаппан тӳссе ирттерчĕ* (Н. Мранькка) «Появилась было мысль рассказать обо всем случившемся, но Степан сдержал себя».

4. При быстрой смене действий форма давнопрошедшего времени употребляется в первом предложении, обычно с аффиксом аспекта возможности или с частицей *çеç* «только»: *Кĕтерук çенĕкрен тухма ĕлкĕрейнĕччĕ, Якур хуса çитсе тутăрне сӳсе илчĕ* (Н. Мранькка) «Кедерук успела было выйти из сеней, Егор, догнав, сорвал с нее платок»; *Киле таврăнсан Миххапа иккĕшĕ пĕрер черкке ĕçме ĕлкерейнĕччĕ, халăх пухăннине килсе те пĕлтерчĕç* (Н. Мранькка) «Вернувшись домой, они с Миххой успели было выпить по чарочке, а уже пришли и сообщили, что народ собрался»; *[Çтаппан] пахчана кĕрсе темиçе утăм тума çеç ĕлкĕрнĕччĕ, хирĕç пуп тайкаланса килет* (Н. Мранькка) «[Степан] войдя в огород, едва только успел сделать несколько шагов, навстречу ему идет, покачиваясь, поп».

5. Предложение с глаголом-сказуемым в давнопрошедшем времени употребляется на втором месте, когда сообщает причину действия, названного в первом предложении: – *Ялан-хи пекех, никам та пымарĕ. Хамăр та каймарăмăр. Сире кĕтнĕччĕ* (Н. Мранькка) «Как всегда, никто не пришел. Мы сами тоже не пошли. Ждали вас»; *Макçăм пĕр сăмахсăр пуçне усрĕ. Анукпа е Микулапа куçа-куçăн тăрасса кĕтменччĕ вăл* (Н. Мранькка) «Максим без слов опустил голову. Он не ожидал встречи с глазу на глаз с Анук и Миколой»; – *Чăнах, тем тумалла ĕнтĕ... Эсĕ таврăнасса кĕтсе мунча хутма хатĕрленнĕччĕ* (Н. Мранькка) «И впрямь, что теперь делать... Ожидая твоего возвращения, готовились топить баню»; *Марье хытса каясла тĕлĕнчĕ. Анук кунашкалне курманччĕ-ха вăл* (Н. Мранькка) «Марья удивилась до остолбенения. Ей еще не приходилось Анук такой видеть».

6. Из двух рядом стоящих предложений второе называет действие, противоположное тому, какое можно было бы ожидать исходя из содержания первого предложения. *Пурнăç тарăхтарнине тӳсеймесĕр Çтаппан чуть çеç шыва сикменччĕ. Халь Сехмет хăй хăнана чĕнни ăна кăштах мăнкăмăллантарчĕ*

те (Н. Мранькка) «Не в силах вытерпеть жизненных неудач, Степан чуть было не утопился. Теперь вот личное приглашение Сехмета в гости прибавило ему толику самоуважения»; *Кунта килнĕ чухне аллăшар пус пама сăмах тунăччĕ, халь пĕрер тенкĕ паратăп* (Н. Мранькка) «Когда шли сюда, был уговор о плате по 50 копеек, теперь плачу по одному рублю»; *Энтрей патĕнче листовка тупни, тимĕрçĕ çухални çитменччĕ, паян сакăр ялти арçынсем забастовка тунă* (Н. Мранькка) «Не хватило того, что у Андрея нашли листовку и пропал кузнец, сегодня устроили забастовку мужики восьми деревень; *Михха та вăл [Микула] тав тусах килĕшессе шаннăччĕ.Микула шыв сыпнă пек тăни ун кăмăлне пăса пуçларĕ* (Н. Мранькка) «Михха надеялся, что он (Микола) согласится с благодарностью. Но то, что Микола стоял набрав в рот воды, начало портить его настроение».

Парадигма спряжения

Глагол *чĕн* «звать, приглашать»

	Ед. ч.	Мн. ч.
	Утвердительная форма	
1 л.	*Эпĕ чĕн-нĕ-ччĕ*	*Эпир чĕн-нĕ-ччĕ*
2 л.	*Эсĕ чĕннĕччĕ* «я, ты, он (она, оно)	*Эсир чĕннĕччĕ* «мы, вы, они
3 л.	*Вăл чĕннĕччĕ* звал было»	*Вĕсем чĕннĕччĕ* звали было»
	Отрицательная форма	
1 л.	*Эпĕ чĕн-ме-н-ччĕ*	*Эпир чĕн-ме-н-ччĕ*
2 л.	*Эсĕ чĕнменччĕ* «я, ты, он (она, оно)	*Эсир чĕнменччĕ* «мы, вы, они
3 л.	*Вăл чĕнменччĕ* не звал было»	*Вĕсем чĕнменччĕ* не звали было»

§ 24. Настоящее первое время

Парадигма спряжения

Глаголы *çыр* «писать», *ĕçле* «работать»

	Ед. ч.	
1 л.	*çыр-ат-ăп*	*ĕçл(е)-ет-ĕп*
2 л.	*çыр-ат-ăн*	*ĕçл(е)-ет-ĕн*
3 л.	*çыр-ать(-ĕ)*	*ĕçл(е)-ет(-ĕ)*
	Мн. ч.	
1 л.	*çыр-ат-(ă)п-ăр*	*ĕçл(е)-ет-(ĕ)п-ĕр*
2 л.	*çыр-ат-(ăн)-ăр*	*ĕçл(е)-ет-(ĕн)-ĕр*
3 л.	*çыр-ат-(ĕ)-çĕ*	*ĕçл(е)-ет-(ĕ)-çĕ*

Настоящее время действия – это время, совпадающее с моментом речи.

Глаголы настоящего времени в 1 и 2 лице в современном языке имеют две формы – полную и краткую:

1 л.

Полная форма	Краткая форма
кур-ат-ăп	*кур-а-п* «(я) вижу»;
пĕл-ет-ĕп	*пĕл-е-п* «(я) знаю»;

2 л.

кур-ат-ăн	*кур-а-н* «(ты) видишь»;
пĕл-ет-ĕн	*пĕл-е-н* «(ты) знаешь».

Для литературного языка пригодны обе формы. Основоположник чувашского литературного языка К.В. Иванов с самого начала своей литературной деятельности пользовался обеими формами и защищал краткую форму от нападок противников.

Краткой формой больше пользуются в разговорной речи и в поэзии, полной – в письменном языке.

По мнению В.Г. Егорова, к основе глагола присоединен показатель деепричастия *-а (-е)*, за ним следует аффикс *-т-*, восходящий к причастию *тăран* [5, с. 188]. М.Р. Федотов подтвердил мнение В.Г. Егорова данными алтайского, азербайджанского и симбирско-татарского языков. В современном языке древние – деепричастный суффикс и вспомогательный глагол – слились в единый [8, с. 82–83] нечленимый аффикс настоящего времени. В 1 лице в конце словоформы выступает личный показатель *-ăп (-ĕп)*, восходящий к личному местоимению, а нынешний аффикс 2 лица *-ăн (-ĕн),* по мнению Г. Рамстедта, исторически восходит к алломорфу *э* [7, с. 376], но в современном языке он перед аффиксом 2 лица выпадает, как и в других временах. В 3 лице глагола выпадает аффикс лица *-ĕ*. Тем не менее значение аффикса лица передается просодически – смягчением согласной фонемы |*т*|` *вулатĕ* > *вулат*` [7, с. 249–250].

Формы настоящего времени могут обозначать:

1) действие, происходящее в момент речи: *Ферма пӳртĕнче пурте харлаттарсах ҫывăраҫҫĕ* (А. Артемьев) «В общежитии фермы все крепко спят»; *Хĕрача юрă юрлать* «Девочка поет песню»;

2) расширенное настоящее, т.е. действие, происходящее не только в момент речи, но и охватывающее отрезок прошлого или допускающее продолжение в будущем: *Ҫунать Васук, хӗрхенет, савӑнать, хурланать, ӳкӗнет, тиркет, тарӑхать. Хӑй тутӑ ҫӳренӗшӗн вӑтанать. Ультипе ларнӑ чухне ҫеҫ чунӗ канать ун. Нимӗн те хӗсмест, пусса тӑмасть. Хӑй вырӑссипе чӑвашшине те, уксаххине те манса каять вӑл. Этем иккеннине ҫеҫ астӑвать. Кирек мӗн каласан та вырӑнлине курать. Чӗнмесӗр ларсан та лайӑх вӗсене. Килӗшет ӑна Ульти. Хӗрача та ун еннелле туртӑнать ав* (Хв. Уяр) «Страдает Вася, жалеет, радуется, печалится, сожалеет, осуждает, досадует. Стесняется, что сам ходит сытым. Душой отдыхает он лишь тогда, когда он рядом с Ульди. Ничто не угнетает его, не мучает. Он забывает, русский он или чуваш, забывает, что хром. Помнит лишь, что он человек. Замечает, что все сказанное уместно. Им хорошо, даже если сидят молча. Нравится ему Ульди. И девушка вот к нему тянется»;

3) настоящее постоянное (актуальное), т.е. действие, происходящее не только в момент речи, а постоянно: *Кайӑк вӗҫет* «Птица летает»; *Уйӑх ҫӗр тавра ҫаврӑнать* «Луна вращается вокруг Земли;

4) нередко форма настоящего неактуального времени не содержит указания на отнесенность действия к моменту речи, обозначает регулярные действия, не связанные с конкретным моментом: *Пӗрмай ҫумӑр чашлаттарать* (А. Лазарева) «Все время хлещет дождь»; *Каҫ пулса ҫитсен кӑштах уҫӑлма картишне хыҫлӑ тенкел ҫине тухса ларатӑп* (Илпек М.) «С наступлением сумерек выхожу немного просвежиться во двор и сажусь на скамейку»; *Хӗллехи вӑрӑм каҫсене час-часах библиотекӑра кӗнеке-журнал вуласа ирттеретӗп эпӗ* (А. Лазарева) «Долгие зимние вечера я коротаю часто в библиотеке за чтением книг и журналов». При этих формах нередко употребляются обстоятельства: *ялан* «постоянно», *тӑтӑшах* «сплошь и рядом», *час-час* «часто», *кашни кун* «каждый день», *кунсерен* «ежедневно», *ытти чухнехи пек* «как обычно» и др.;

5) при переносном употреблении формы настоящего времени выражают значения будущего времени: – *Ыран мӗн тӑватӑн эсӗ? – пӗлесшӗн пулчӗ татах Павел Сергеевич* (В. Петров) « – Что ты будешь делать завтра», – снова поинтересовался Павел Сергеевич». В переносном значении форма настоящего времени обозначает уверенность говорящего в осу-

ществлении действия. Слово *ыран* «завтра» подчеркивает, что действие связано с планом будущего;

6) иногда в целях оживления повествования настоящее время употребляется вместо прошедшего: *Вара асланăçуна станцăна пуйăс патнех леççе ятăм. Халăх пасарти пек хĕвĕшет унта. Макăраканни макăрать, юрлаканни юрлать. Нимĕç вăрçи пĕтĕм халăх кăмăлне пăтратса янă. Эпĕ те пуйăс тапранса кайнă чухне хыçалтан хăваласа çитес пек йĕре-йĕре чупрăм* (В. Петров) «Тогда я твоего дедушку проводил до станции на поезд. Народ снует там, как на базаре. Кто плачет, кто поет. Немецкая война взбаламутила душу всего народа. Когда тронулся поезд, я бежала за ним с плачем, будто могла догнать». Такое настоящее время называется настоящим историческим.

Перед аффиксом множественного числа настоящего времени аффикс 2 лица, как и в других временах, выпадает: *кур-ат-ăн* «видишь» → *кур-ат(-ăн)-ăр* «видите».

Отрицательная форма образуется при помощи аффикса *-мас (-мес)*, вставляемого между основой глагола и аффиксом времени. Но поскольку аффикс отрицания оканчивается на гласный, а аффикс отрицания начинается тоже с гласного, во избежание элизии между ними вставляется интерфонема |*с*|. Позже словоформа упростилась за счет утраты гласного |*а*|, стоявшего после |*с*|.

Форма возможности – при помощи аффикса *-ай (-ей)*: *кур-ай-ат-ăп* (орф. *кураятăп*) «могу видеть»;

Форма невозможности: *кур-ай-мас-т-ăп* «не могу видеть».

При спряжении глаголов, оканчивающихся на гласный *-а (-е)*, в настоящем времени происходит наложение морфов: на гласный основы глагола накладывается гласный аффикса времени: *вула* «читать» + *-ат* + *-ăп* > *вула-т-ăп*. При делении словоформы на морфемы этот гласный может относиться и к основе глагола, и к аффиксу времени.

§ 25. Настоящее второе время

Форма настоящего второго времени образуется от основы глагола путем присоединения к ней аффикса причастия настоящего времени *-акан (-екен)*[6].

При субъекте, выраженном личным, лично-возвратным местоимением или существительным, эта форма обозначает обобщенное действие. Если настоящее первое выражает конкретное, отдельное действие единичного субъекта (а во множественном числе – множества субъектов), то настоящее второе выражает действие обобщенное.

Парадигма спряжения

Глагол *çыр* «писать»

Положительная форма

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*Эпĕ çыракан* «я пишу»	*Эпир çыракан* «мы пишем»
2 л.	*Эсĕ çыракан* «ты пишешь»	*Эсир çыракан* «вы пишете»
3 л.	*Вăл çыракан* «он пишет»	*Вĕсем çыракан* «они пишут»

Отрицательная форма

1 л.	*Эпĕ çыракан мар* «я не пишу»	*Эпир çыракан мар* «мы не пишем»
2 л.	*Эсĕ çыракан мар* «ты не пишешь»	*Эсир çыракан мар* «вы не пишете»
3 л.	*Вăл çыракан мар* «он не пишет»	*Вĕсем çыракан мар* «они не пишут»

Отрицательная форма настоящего второго образуется чаще путем прибавления частицы *мар* и изредка – частицы *çук* к положительной форме глагола.

Формы настоящего второго употребляются главным образом в пословицах и поговорках, а также при обозначении примет погоды, действий людей и т.п.: *Тарла-тарла ĕç-лекен кулач çиекен* («Ком. ял.») «Кто работает в поте лица, тот ест калач»; *Лайăх хĕр шыракан инке-арăмсăрах юлакан* (Н. Романов) «Кто слишком разборчив в невестах, тот обычно остаётся ни с кем»; *Вырăн çинчен тăнă-тăман апат анакан мар* (М. Кипек) «Спросонок обычно нет аппетита»; *Васкаса килнĕ çуркунне вăрăма каякан* (М. Кипек) «Ранняя весна продлится надолго»; *Ун пек чухне çанталăк йĕпене каякан* (К. Турхан) «В таких случаях погода портится»; *Пăчă пулин те, никам та шыва кĕрекен çук* (В. Элпи) «Хотя и душно, но никто не купается»; *Каччине тупĕç-ха ăна, ку чухнехи çамрăксем амăшĕсенчен ыйтса-туса тăракан мар* (Л. Родионов) «Жениха-то они найдут, теперешняя молодежь не станет совета у матери просить».

§ 26. Будущее уступительное время

В современном чувашском языке довольно продуктивно употребляются глагольные формы на *-ин* со значением уступительности. В таких случаях глаголы выражают совершение действия в будущем, несмотря на наличие препятствующих ему условий. Говорящему безразлично, кто и как совершает то или иное действие, его не интересует, каков результат процесса. Примеры: *Пурпĕр мар-шим уншăн – ларăпин пĕччен?* (А. Канаш) «Не все ли равно для него – ну и пусть я сижу один?»; *Хĕвел пĕçертет, кăштах çил пулин* (Илпек М.) «Солнце печет, хоть бы ветерочек»; *Ултутти ăна курсах ятлать ĕнтĕ. Ятлин* (И. Лисаев) «Конечно, Евдокия будет ругать ее, почем зря. Хоть даже и ругает»;

– Пуçтарăнăр часрах, наччал ислетет ку! – кăшкăрчĕ Илисар.

– Ислетин. Сахăртан туман-иç пире, ирĕлсех каймăпăр! – терĕ Рита (А. Лазарева) « – Собирайтесь скорее, этот дождь намочит вас порядочно! – крикнул Елизар.

– Ну и пусть намочит. Не из сахара ведь сделаны, не растаем! – сказала Рита».

Форма будущего уступительного времени образуется от формы будущего неопределенного времени присоединением аффикса уступительности *-ин*, отсутствующего в других тюркских языках. По предположению Н.И. Ашмарина, он мог быть заимствован из русского языка [1, с. 308].

В парадигме спряжения данного времени произошли большие изменения. В 1 лице единственного числа показатель будущего уступительного *-ин* прибавляется к аффиксу 1 лица будущего времени *-ă (-ĕ)*, во 2 лице он утратил прежний облик. Ввиду фонетического сходства двух морфем (показателя 2 лица и показателя уступительности) здесь произошло, по-видимому, наложение одной морфемы на другую, при этом устойчивее оказался (как более важный показатель) выразитель лица. А сегмент *-с-* является показателем условия [5, с. 208], с чем трудно согласиться, скорее, он является интерфонемой между двумя одинаковыми гласными.

В форме 3 лица три гласных *(ă, ĕ, и)* должны были оказаться рядом. Зияние было предотвращено устранением двух первых редуцированных; сохраненный третий гласный пол-

ного образования четче выражал значения будущего уступительного.

Во множественном числе в форме 1 лица все морфемы находятся на своих местах.

В форме 2 лица личного множественного числа, как и в других временах, был опущен личный показатель из-за наличия в нем гутурального задненебного сонорного *ӈ*.

В 3 лице из-за зияния гласных |*ӑ*| и |*ӗ*| первый из них был опущен.

Отрицательная форма образуется путем вставки морфа *-м-* между основой глагола и аффиксом будущего времени.

Восстановленная парадигма спряжения будущего уступительного времени выглядит следующим образом (в скобках указаны выпавшие фонемы или морфемы):

Парадигма спряжения
будущего уступительного времени

Глагол *кур* «видеть, смотреть»

Утвердительная форма

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*кур-ӑ-(ӑ)п-ин* «пусть (я) (по)смотрю [(у)вижу]»	*кур-ӑ-(ӑ)п-ӑр-ин* «пусть (мы) (по)смотрим [(у)видим]»
2 л.	*кур-ӑ-с-ӑн(-ин)* «пусть (ты) (по)смотришь [(у)видишь]»	*кур-ӑ-с-ӑ(н)-(ӑ)р(-ин)* «пусть (вы) (по)смотрите [(у)видите]»
3 л.	*кур-(ӑ)-(ӗ)-ин* «пусть (он) (по)смотрит [(у)видит]»	*кур-(ӑ)-ӗ-ç-ин* «пусть (они) (по)смотрят [(у)видят]»

Отрицательная форма

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*кур-м-ӑ-(ӑ)п-ин* «пусть (я) не (по)смотрю [не (у)вижу]»	*кур-м-ӑ-(ӑ)п-ӑр-ин* «пусть (мы) не (по)смотрим [не (у)видим]»
2 л.	*кур-м-ӑ-с-ӑн(-ин)* «пусть (ты) не (по)смотришь [не (у)видишь]»	*кур-м-ӑ-с-(ӑн)-(ӑ)р(-ин)* «пусть (вы) не (по)смотрите [не (у)видите]»
3 л.	*кур-м-(ӑ)-(ӗ)-ин* «пусть (он) не (по)смотрит [не (у)видит]»	*кур-м-(ӑ)-ӗ-ç-ин* «пусть (они) не (по)смотрят [не (у)видят]»

Фольклорные данные дают повод полагать, что глагольные формы на *-ин* первоначально употреблялись в условном значении:

Ати-апи — чей хорань,
Ачи-пăчи — чей стакань,
Ӳ́ксе çĕмĕрĕлмĕçин лайăхчĕ (И. Никитин. Чăваш халăх юррисем)

«Отец и мать – самовар (букв.: чайный котел), а детки их – чайные стаканы, хорошо, если не упадут и не разобьются»;

Вăрман витĕр тухнă чух, тухнă чух
Пĕр йывăҫа куҫ хыврăм, куҫ хыврăм,
Касса каймĕҫин лайăхчĕ, лайăхчĕ (Юрă)

«Когда шел по лесу, наметил себе одно дерево, хорошо было бы, если не срубят (другие)»;

Аттен кил-ҫурт сала пек,
Эпир ҫаврăнса киличчен
Саланса каймин юрĕччĕ (Салтак юррисем)

«Отцовский двор как село, хорошо было бы, если сохранится до нашего возвращения»;

Ҫийин ҫийĕ, ҫимасан – юлăн (Ашм., XII, 128) «Если съест, то съест, а не съест – останется»; *Эпĕ кунти ҫын мар, манăн вăл ҫĕлене курассăм килет, май килин, вăйсене танлаштарма та кăмăлăм пур* «Я не здешний человек, мне хочется видеть этого дракона, если случай выпадет, хотел бы помериться силами».

Употребление глагольной формы на *-ин* в условном значении нередко и в художественных произведениях: *Салтакрисем тĕрĕс-тĕкел таврăнĕҫин юрĕччĕ ĕнтĕ* (А. Талвир) «Хорошо было бы, если солдаты вернутся целыми и невредимыми»; *Мĕскĕн тополь. Ҫил мĕн тĕрлĕ авать ăна. Хуҫса пăрахмин юрĕччĕ* (Н. Терентьев) «Бедный тополь. Как только не треплет его ветер. Не свалил бы»; *Кунсерен тăват ҫĕр кирпĕч сутăпăрин, лăнкă укҫа пуҫтарăнать* (Илпек М.) «Даже если ежедневно продавать по четыреста кирпичей, то наберётся полным-полно денег».

Условное значение сохраняется и в устойчивых словесных повторах, употребляемых в функции сказуемого: *Ҫăвин – ҫутăрах. Хăть эрнипех лӳшкетĕр* (В. Алентей) «Если льет (дождь), (так) пусть льет. Пусть даже всю неделю хлещет»; *Мĕн пасарин пасарĕ, пушăт йывăҫҫи пасармĕ* (Сутм. юм.) «Если что-либо и покроется инеем, липа не заиндевеет»; *Мĕн чухлĕ мул!.. Ҫук, хам ҫак кĕлетсем умĕнче вилсе выртăпин выртам та, никама та пĕр пĕрчĕ те памастăп!..* (Г. Харлампьев) «Сколько добра!.. Нет, пусть сам помру перед этими амбарами, но никому ни одного зернышка не дам!..»

В современном чувашском языке глагольные формы на *-ин* в условном значении употребляются только в форме 3 лица. Это говорит о том, что форма на *-ин* приспособилась к употреблению с уступительным значением в большей степени, чем к употреблению в условном значении.

§ 27. Будущее первое время

Парадигма спряжения

Глаголы *кĕт* «ждать», *ĕçле* «работать»

	Ед. ч.		Мн. ч.	
1 л.	*кĕт-ĕп*	*ĕçл(е)-ĕп*	*кĕт-ĕп-ĕр*	*ĕçл(е)-ĕп-ĕр*
2 л.	*кĕт-ĕн*	*ĕçл(е)-ĕн*	*кĕт-ĕр*	*ĕçл(е)-ĕр*
3 л.	*кĕт-ĕ*	*ĕçл(е)-ĕ*	*кĕт-ĕ-ç(-ĕ)*	*ĕçл(е)-ĕ-ç(-ĕ)*

На первый взгляд, совокупность словоформ будущего времени, составляющих лексем, по сравнению с парадигмами времен других тюркских языков, кажется слишком простой: к основе глагола присоединяются показатели лица *-ăп/-ĕп, -ăн/-ĕн, -ĕ* и личного множественного числа *-ăр (-ĕр), -ç(ĕ)*. Некоторые исследователи-чувашеведы (Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров) в своих работах так и констатировали. Но, исходя из данных других родственных языков, отдельные чувашеведы предложили свои гипотезы о наличии временных показателей будущего времени в изжитой (прежде существовавшей) парадигме чувашского языка (см. об этом: Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. С. 64–65)[7].

1. Глаголами будущего первого в большинстве случаев пользуются в разговоре в угоду друг другу.

Глаголы 1 лица сообщают, что говорящий выполняет свое действие, удовлетворяет чьи-либо желания или вкусы собеседника (а не действует по собственной инициативе). Примеры:

– *Пырăр. Пульницăпа юнашарах çурт парăпăр. Малтан çитсе курăр. Килĕшмесен пымăр,* – *тенĕччĕ çав главврач* (А. Волков) «Приходите. Предоставим дом рядом с больницей. Сначала сходите, посмотрите. Если не понравится, не приедете, – сказано было тем главврачом»; *Атя, шалти пӳлĕме кĕрсе ларар, кунта аннепе Валерике вăратăпăр* (А. Артемьев) «Зайдем во внут-

реннюю комнату, здесь мы можем разбудить маму с Валериком»; *Юрĕ, юрĕ, ăнланатăп. Юрать, эппин, каçпа килсе ларăп, ăна-кăна сӳтсе явмалли пур. Атя, вĕçлемеллине вĕçле те, ыран Канаша крахмалпа каякан машинпа лартса ярăп* (В. Эктел). «Хорошо, хорошо, понимаю. Ладно, приду вечером, обсудим кое-что. Завершай, что тебе необходимо, а завтра посажу тебя на машину, едущую в Канаш с крахмалом»; – *Эсĕ уншăн мана мĕн парăн? – ыйтрăм кулкаласа* (М. Кипек) « – А что ты мне за это дашь? — спросил, посмеиваясь»; *Тĕнчере чăнлани кирлĕ. Эсир те, ман шутпа, пирĕнтен юлсах пымăр* (В. Алентей) «В мире требуется реальный подход. Вы тоже, по-моему, не будете отставать от нас»; *Аслă ывăлĕ Николай салтакран таврăнмалла. Çавна май хăнасем пухăнмалла. Кӳршĕсем каçса ларĕç. Николай тус-тантăшĕсем пырĕç* (А. Емельянов) «Его старший сын Николай должен вернуться из армии. По этому случаю должны собраться гости. Соседи зайдут. Придут друзья-ровесники Николая».

2. Предложения с глаголом будущего времени часто бывают вопросительными. Но суть употребления их – не желание получить ответ на вопрос, а, скорее, предложение выполнить что-либо: *Хапха умĕнчен кăшкăрни илтĕнчĕ: – Спритун, ачасем валли кĕпелĕх туянмăн-и?* (В. Краснов-Асли) «Послышался крик у ворот: – Спиридон, не купишь ли отрез на рубашки детям?»; *Епле чăтса тăрăн çакăн пек каçсенче хĕрсем-пе каччăсен уявне тухса вăйă-кĕвĕ каламасăр?* (И. Тукташ) «Как устоишь в такие вечера не явиться на праздник молодежи и не заиграть плясовую иль игровую?»; – *Марье, кăçал та эс мана пир тĕртсе памăн-ши? Эпĕ тӳлĕп уншăн* (В. Бурнаевский) «Марья, и ныне не наткешь мне холста? Я заплатила бы за это».

3. Глагол в будущем времени нередко употребляется в переносном значении. Ответ ожидается в отрицательном смысле: – *Хирĕçмесĕр ĕç тăвăн-ха таçта сирĕнпе! – хушса хучĕ Иливанов* (А. Артемьев) – «Разве можно с вами без ссор сделать что-либо! – добавил Иливанов»; – *Чăн та хаяр иккен эсĕ, Хаяркина юлташ. – Хаяр пулăн унта! – çурăмĕпе вăрт çаврăнса тăчĕ хĕр* (А. Ĕçхĕл) « – Уж и впрямь злая ты, товарищ Злюкина. – Будешь с вами злой! – враз повернулась девушка спиной»; – *Асту, кӳрентерĕн ăна, вăл хăй хуть кама та кӳрентерме пултарать* (В. Сатай) «А то, обидишь его, сам хоть кого

обидит»; Никандр *(шӳтлесе). Кăмака çинчен те анаймасть-и?* Мавра. *Выртăрăн ăна кăмака çинче!* (А. Кăлкан). «Никандр (шутя). Не может даже слезть с печи? Мавра. Заставишь его лежать на печи!»

4. В контексте при глаголах будущего времени нередко употребляется частица *тен.* Она способствует выражению сомнительности осуществления действия в будущем: *Тен, йĕркеллех иртсе кайĕ* (Г. Луч) «Возможно, все нормально пройдет»; *Хальлĕхе нимĕн те ăнкараймастпăр-ха. Тен, вĕрентекен хăех ăнлантарса парĕ* (Илпек М.) «Пока ничего не понимаем. Может, учитель сам разъяснит»; *Кирук, паян ăнланаймастăн пулсан, ыран, тен, ăнланăн. Спасибо калăн мана* (Н. Терентьев) «Кирилл, если сегодня не понимаешь, то завтра, возможно, поймешь. “Спасибо” скажешь мне».

5. Глаголы будущего времени в недалеком прошлом в 3 лице множественного числа употреблялись с аффиксом *-ĕ.* Этой формой пользовались не только в фольклоре, но и некоторые авторы.

«Тăхăрьял»:
«Мухмăр, мухмăр» темесен
Пулă шӳрпи пĕçермĕçĕ;
Киле каяс темесен
Эрех черкки памĕçĕ.

«Пока не скажешь: «Похмелье, похмелье», не сварят уху. Пока не скажешь: «Домой пора», не подадут чарочки».

Туй юрри:
Çӳллĕ кĕлет пусми – вĕт пусма,
Шăлĕçĕ те тăкĕçĕ.
Ютсем йышлă, эп пĕччен,
Калĕçĕ те тăкĕçĕ.

«Лестница высокого амбара с маленькими ступеньками, быстро подметут, чужих много, я один, наговорить могут».

И. Ивник:
Хир-хирте ыраш, тулă,
Часах тухĕçĕ вырма.

«На ниве рожь и пшеница. Скоро выйдут на жатву».

Митта В.:
Камсем ĕçе карах тăрса,
Кал-кал пуçтарĕçĕ хавассăн?!

«Кто же за работу примется дружно и завершит её разом и весело?!»

С. Шавли:
Классем ҫитеймĕҫĕ, Тарас,
Ытла та пĕчĕк пирĕн шкулĕ.

«Классов не хватит, Тарас, очень уж мала наша школа».

Н. Шелепи:
Ушкăн-ушкăн кайĕҫĕ
Ҫырла-ҫĕмĕрт татмашкăн;
Ҫĕнĕ милкĕ ҫыхĕҫĕ
Ҫан-ҫурăмне ҫумашкăн.

«Гурьбой пойдут за ягодой и черемухой, новых веников навяжут, чтобы попариться в бане».

В современном литературном языке данную форму будущего времени используют очень редко.

6. Глагол *кала* во 2 лице единственного числа будущего времени, утратив первоначальное лексическое значение, употребляется в качестве вводного слова: *Ҫывăхри ҫĕмĕрт турачĕсем хушшинче ҫерҫи чĕвĕлтетет. Калăн, шăнкăрчпа ăмăртасшăн* (А. Ĕҫхĕл) «На ближайшей ветке черемухи воробей чирикает. Будто хочет скворца перепеть»; *Тӳпере ҫав-ҫавах ҫăлтăрсем пин-пинĕн пире куҫ хĕсетчĕҫ. Калăн, чăннипех те вĕсем пире тем ҫинчен пĕлтересшĕн* (Юхма М.) «На небе по-прежнему подмигивали нам тысячи звезд. Словно впрямь хотят рассказать нам о чем-то»;

Урамсем кĕҫĕр ешĕл те шурă,
Калăн, пирĕн тавра – ҫурхи сад (С. Шавли)

«Улицы сегодня вечером зеленые и белые, словно вокруг нас весенний сад».

7. Некоторые авторы, употребляя глаголы будущего времени в аспекте возможности, между аффиксом *-ай (-ей)* и аффиксом лица вставляли фонему |*р*|. Но в современном литературном языке это устарело. Ср.: *Чăн та ҫитес ҫул вĕренме каяйрăп-ши? – шухăшларĕ вăл [Варя] юлашкинчен, Костя патне ответ ҫырма ларсан* (А. Лазарева) «В самом деле смогу я в следующем году пойти учиться? – подумала наконец она [Варя], когда села писать ответ Косте»;

– Эсĕ, мĕн, кăçал вĕренме каясшăн-им?
– Каяс тетĕп çав.
– Заочно-и?
– Конешнă.
– Аван шухăш тытнă эс.
— Темле пулĕ ĕнтĕ. Те кĕрейрĕп.
— Кĕретĕн (В. Алентей),
« – Ты что, в этом году хочешь пойти учиться?»
– Вот именно, хочу пойти.
– Заочно?
– Конечно.
– Хорошо задумал.
– Не знаю, как получится. Смогу ли поступить?
– Поступишь».

§ 28. Будущее второе время

Форма будущего второго времени образуется от причастия будущего времени на *-ас (-ес)* без личного окончания. В подобных случаях в большинстве тюркских языков, как правило, к аффиксу причастия присоединяется аффикс сказуемости. В чувашском же языке, как в саларском и сары-югурском и др., причастные формы в функции сказуемого употребляются без аффикса сказуемости, но перед будущим вторым обязательно употребляются личные, возвратно-личные местоимения или существительные[8].

Положительная форма образуется следующим образом: основа глагола + аффикс *-ас (-ес, -с)*.

Отрицательная форма: основа глагола + аффикс *-ас (-ес, -с)* + частица отрицания *çук*.

Парадигма спряжения

Глагол *ил* «получать»

Положительная форма

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*Эпĕ илес* «я получу»	*Эпир илес* «мы получим»
2 л.	*Эсĕ илес* «ты получишь»	*Эсир илес* «вы получите»
3 л.	*Вăл илес* «он (она, оно) получит»	*Вĕсем илес* «они получат»

Отрицательная форма

	Ед.ч.	Мн. ч.
1 л.	*Эпĕ илес çук* «я не получу»	*Эпир илес çук* «мы не получим»
2 л.	*Эсĕ илес çук* «ты не получишь»	*Эсир илес çук* «вы не получите»
3 л.	*Вăл илес çук* «он (она) не получит»	*Вĕсем илес çук* «они не получат»

От формы будущего первого будущее второе отличается тем, что выражает различные модальные значения, но во всех случаях наблюдается уверенность говорящего в осуществимости того, что выражается глаголом будущего второго:

1) ввиду отсутствия определенного условия или при наличии соответствующей причины говорящий уверенно заявляет, что в будущем невозможно осуществить действие: *Власа хамăр алла илмесен хресченсем нихçан та ни çĕр, ни чăн-чăн ирĕклĕх тупас çук* (Ç. Элкер) «Если мы не захватим власть в свои руки, то крестьяне никогда не найдут ни земли, ни настоящей свободы»; – *Капла пулсан, эпир колхозра пурăнас çук. Паян ак председатель çуртне вут тĕртсе çунтараççĕ, ыран – манне* (С. Лашман) «Если и в дальнейшем будет также, то мы не сможем жить в колхозе. Сегодня поджигают дом председателя колхоза, завтра – мой»; *Выльăха хĕрхенмен çын хĕрарăма та юратма пултарас çук* (Н. Патман) «Человек, не жалеющий скотину, и женщину любить не может»;

2) говорящий, уверенный, что действие никогда никто не сможет осуществить, задает собеседнику такой вопрос, на который нельзя получить положительный ответ:

Аслаçăрсем асап курнине
Кам каласа парас ку чухне? (П. Хусанкай)

«Кто расскажет ныне, как мучились тогда наши деды?»;

*Атьăр каяр Сĕрене!**
Эпĕр каймасан кам каяс? (Н. Романов)

«Айда, пойдем на Сэрень! Если мы не пойдем, то кто пойдет»;

Катмаров Катмаровах, яланхи пекех лăпкă курăнма тăрăшать, анчах кам пĕлес, темле хĕм çунать-ха ун чĕринче? (А. Артемьев) «Катмаров есть Катмаров, всегда старается выглядеть спокойным, но кто знает, какой огонь пылает в его сер-

* *Сĕрен* – старинный весенний праздник, первоначально имитировавший изгнание злых духов из селения.

дце?»; *Павăл кĕнекесем илсе тухатчĕ ĕнтĕ, анчах... Хĕрпе каччă вăрттăн мĕн калаçнине кам пĕлес?* (А. Артемьев) «Павел вот-вот вынес бы книги, но... Кто знает, о чем втайне вели разговор девушка с парнем?»;

3) повторное использование союза неведения *те* тоже усиливает уверенность говорящего в неосуществимости действия, выраженного вторым будущим временем:

– Авланас тăк авланас! –
Тенĕ Тури Выл ачи.
Çимĕкчен-ха тем пулас:*
Те писес, те куçăхас,
Те тата хитре хĕре
Тепĕр каччă куç хывас (П. Хусанкай)

« – Жениться так жениться! – сказал парень из Тури-Вылы. – Кто знает, что может случиться до Семика. Охладеет ли, сглазят ли, другой парень приметит ли красивую девушку»;

4) жизненное кредо человека иногда позволяет сказать ему убежденно, что он не нарушит этого правила: *Эпĕ ĕçмен. Ĕçес те çук* (Ç. Элкер) «Я не пил. Никогда и не стану пить»; *Эпĕ выçă вилсен те ял тăрăх ыйткаласа çӳрес çук* (А. Талвир) «Хоть с голода помру, но не стану ходить по деревне и клянчить».

Иногда между формами будущего первого и будущего второго времени нет существенной разницы в содержании. Предложения, сказуемые которых выражены формами этих времен и соединены в одно сложное предложение, могут рассматриваться как однородные.

Кам хирĕç тăрĕ, кам сăмах чĕнес,
Кăшт пуянрах пурăнас тесессĕн эс? (П. Афанасьев)

«Кто может противиться, кто скажет слово против, если ты захочешь побогаче жить?»

* *Çимĕк* – весенний праздник, день поминовения усопших.

§ 29. Будущее долженствовательное время

Форма долженствовательного будущего времени образуется при помощи аффикса *-малла (-мелле)*. Субъект действия, выраженного этим глаголом, обозначается не аффиксом, а личным, возвратно-личным местоимением или именем существительным (в 3 лице) в форме родительного падежа – когда субъекту надлежит совершить действие, и в форме основного падежа – если речь идет о необходимости, зависящей от воли действующего лица.

Отрицательная форма данного времени образуется путем присоединения частицы *мар* к данной словоформе.

Парадигма спряжения

Глагол *тăрант(ар)* «(на)кормить».

Положительная форма

Ед. ч.

1 л.	*Ман тăрант(ар)малла*	«Мне надо (на)кормить»
	Эп тăрант(ар)малла	«Я должен (должна) (на)кормить»
2 л.	*Сан тăрант(ар)малла*	«Тебе надо (на)кормить»
	Эс тăрант(ар)малла	«Ты должен (должна) (на)кормить»
3 л.	*Ун тăрант(ар)малла*	«Ему (ей) надо (на)кормить»
	Вăл тăрант(ар)малла	«Он(а) должен (должна) (на)кормить»

Мн. ч.

1 л.	*Пирĕн тăрант(ар)малла*	«Нам надо (на)кормить»
	Эпир тăрант(ар)малла	«Мы должны (на)кормить»
2 л.	*Сирĕн тăрант(ар)малла*	«Вам надо (на)кормить»
	Эсир тăрант(ар)малла	«Вы должны (на)кормить»
3 л.	*Вĕсен тăрант(ар)малла*	«Им надо (на)кормить»
	Вĕсем тăрант(ар)малла	«Они должны (на)кормить»

Отрицательная форма

Ед. ч.

1 л.	*Ман тăрант(ар)малла мар*	«Мне не надо (на)кормить»
	Эп тăрант(ар)малла мар	«Я не должен (должна) (на)кормить»
2 л.	*Сан тăрант(ар)малла мар*	«Тебе не надо (на)кормить»
	Эс тăрант(ар)малла мар	«Ты не должен (должна) (на)кормить»
3 л.	*Ун тăрант(ар)малла мар*	«Ему (ей) не нужно (на)кормить»
	Вăл тăрант(ар)малла мар	«Он(а) не должен (должна) (на)кормить»

Мн. ч.

1 л.	*Пирĕн тăрант(ар)малла мар*	«Нам не надо (на)кормить»
	Эпир тăрант(ар)малла мар	«Мы не должны (на)кормить»
2 л.	*Сирĕн тăрант(ар)малла мар*	«Вам не надо (на)кормить»
	Эсир тăрант(ар)малла мар	«Вы не должны (на)кормить»
3 л.	*Вĕсен тăрант(ар)малла мар*	«Им не надо (на)кормить»
	Вĕсем тăрант(ар)малла мар	«Они не должны (на)кормить»

Примеры: *Вăрçăра хамăрăннисем çĕнтермелле. Ун пирки Марье чĕрне хури те иккĕленмест* (Илпек М.) «На войне должны победить наши. В этом Мария ничуть не сомневается»; *Мĕкĕтен ыран Москвран таврăнмалла* «Никита должен завтра вернуться из Москвы»; *Эсĕ питĕ чаплă хĕр. Сана темле хӳхĕм каччă та юратмалла* (А. Артемьев) «Ты очень славная девушка. Тебя любой раскрасавец-парень может полюбить»; *Паян каçхи пуйăспа кӳршĕ станцирен хăнасем – делегаци – çитмелле* (А. Талвир) «Сегодня вечерним поездом должны прибыть гости – делегация – с соседней станции»; *Бригада шанса парсан вăл çĕрне-кунне пĕлмесĕр ĕçлемелле* (К. Турхан) «Если ему доверят и передадут бригаду, он должен работать дни и ночи»; *Сантăр килте пĕрченех. Унăн ашшĕпе амăшĕн тăхăр сехетре çеç килмелле* (В. Долгов) «Александр дома один. Его отец и мать должны прийти только в девять часов»; *Сан вырăнта пулсан эпĕ халĕ академие çитиччен вĕренмелле* (К. Турхан) «Будь на твоем месте, я теперь доучился бы до академии».

§ 30. Будущее повелительное время[9]

Парадигма спряжения

Глаголы *васка* «торопиться», *кĕт* «ждать»

Положительная форма

Ед. ч.

1 л.	*васк(а)-а-(ă)м* «потороплюсь я, пусть я потороплюсь»	*кĕт-е-(ĕ)м* «подожду я, пусть я подожду»
2 л.	*васка* «торопись»	*кĕт* «подожди»
3 л.	*васка-тăр* «пусть он торопится (поторопится)»	*кĕт-тĕр* «пусть он ждет (подождет)»

Мн. ч.

1 л.	*васк(а)-а-(а)р* «давайте поторопимся»	*кĕт-е-(ĕ)р*
2 л.	*васк(а)-ăр* «торопитесь»	*кĕт-ĕр* «ждите»
3 л.	*васка-ччăр* «пусть они торопятся (поторопятся)»	*кĕт-чĕр* «пусть они ждут (подождут)»

	Отрицательная форма	
	Ед. ч.	
1 л.	*васк(а)-а-(ă)м мар, ан васк(а)-а-(ă)м* «не тороплюсь я»	*кĕт-е(ĕ)м мар, ан кĕт-е-(ĕ)м* «не подожду я»
2 л.	*ан васка* «не торопись»	*ан кĕт* «не жди»
3 л.	*ан васка-тăр* «пусть он не торопится»	*ан кĕт-тĕр* «пусть он не ждет»
	Мн. ч.	
1 л.	*васк(а)-а-(ă)р мар, ан васк(а)-а-р* «не будем же торопиться»	*кĕт-е-(ĕ)р мар, ан кĕт-е-(ĕ)р* «не будем же ждать»
2 л.	*ан васк(а)-ăр* «не торопитесь»	*ан кĕт-ĕр* «не ждите»
3 л.	*ан васка-ччăр* «пусть они не торопятся»	*ан кĕт-чĕр* «пусть они не ждут»

Форма будущего повелительного времени выполняет специфическую апеллятивную или, шире, призывную функцию, несвойственную остальным глагольным (именным) формам, которые в своем прямом значении выполняют коммуникативную или экспликативную функцию.

Центральными формами в парадигме будущего повелительного времени являются формы 2 лица. Они наиболее четко выражают императивное значение и употребляются по сравнению с другими формами парадигмы чаще. А в плане выражения форма 2 лица единственного числа, в отличие от форм 2 лица множественного числа и других форм парадигмы, выступает как немаркированная, т.е. с нулевой морфемой.

Форма 2 лица множественного числа образуется путем присоединения аффикса *-ăр (-ĕр)* к основе глагола: *итл(е)-ĕр* «слушайте», *кур-ăр* «смотрите». Примеры: – *Чуп хăвăртрах, Тухтара чĕн, тимĕрçе кайса килмелле, –хушрĕ кĕçĕн ывăлне Шеркей* (Илпек М.) « – Беги скорей, позови Тухтара, надо сходить в кузницу, – велел Шеркей младшему сыну»; *Пидуганов сиксе тăчĕ те фойене тухакан алăка уçса хыттăн кăшкăрчĕ: «Чарăнăр-ха унта купăса нăйкăштарма! Кансĕрлетĕр!»* (А. Ĕçхĕл) «Пидуганов вскочил и, открыв дверь в фойе, громко крикнул: “Прекратите-ка там пиликать на гармошке! Мешаете!”»

Форма будущего повелительного времени не выражает какого-либо факта, который может характеризоваться как реальный или нереальный. Она используется для побуждения адресата к действию в будущем.

В пословицах форма 2 лица единственного числа будущего повелительного времени выступает в значении насто-

ящего постоянного времени. Примеры: *Çĕрте малта пыр, пинте кая ан юл* «В сотне иди впереди, а в тысяче – не отставай!»; *Атăл урлă каçас пулсан виçĕ кунлăх çăкăр чик* «Переправляясь через Волгу, возьми хлеба на три дня»; *Çын япалине ан хапсăн* «Не зарься на чужое»; *Çичĕ хут виç те пĕрре кас* «Семь раз отмерь, один раз отрежь»; *Кăвакал çиме кай та хурна янтăла* «Покушав в гостях утку, приготовь дома гуся».

Для образования форм вежливости[10] в чувашском языке пользуются аффиксом *-сам (-сем)*. Его присоединяют к формам глагола 2 лица единственного и множественного числа: *Вĕçелис. Пиншакна тӳмелесем ара, сулхăн çил вĕрет* (Н. Терентьев) «Васили са. Застегни-ка свой пиджак, прохладный ветер дует»; – *Маркел, кансам эсĕ те пĕр ластăк, – кавча куçĕпе хăй çумнелле йыхăрчĕ Таня* (Г. Краснов) « – Маркел, отдохни-ка немножко и ты, – поманила парня к себе взглядом Таня»; *Атьăр-ха, Михаил Степанчă, пирĕн сĕтел хушшине ларса кăмăл тăвăрсам* (А. Ĕçхĕл) «Михаил Степанович, сделайте милость, посидите за нашим столом».

Если форма вежливости образована от формы единственного числа, то аффикс множественного числа *-ăр (-ĕр)* нередко присоединяют к форме вежливости:

Тултарсамăр куркăра,
Кăпăклантăр пыл сăра! (П. Хусанкай)

«Наполните же ковши свои, пусть пенится медовое пиво».

Энтип сасси (чĕрене çуракан сасăпа йĕрсе). Ачасене хĕрхенсемĕр! Эй, ял-йышсем, хута кĕрсемĕрччĕ! (В. Ржанов). «Голос Энтипа (плача надрывающим голосом). Детей пожалейте! Эй, односельчане, заступитесь же!»

Форма вежливости будущего повелительного времени, присоединив к себе частицу *-и*, может выражать или ласковую просьбу сделать что-либо (1), или вынужденное согласие (2):

1. *Халь çитрĕн-и? Иртсем-и тĕпелерех* (Г. Пласкин) «Только приехал? Проходи же вперед».

– *Сывлăхăр мĕнле?*

– *Тавтапуç, Николай Петрович. Сывлăш уçă кунта. Илемлĕ вырăн. Ларса канăрсам-и* (К. Пайраш) « – Как здоровье?

– Спасибо, Николай Петрович. Здесь воздух чистый. Прекрасная местность. Не хотели бы присесть и отдохнуть».

2. – *Шалт аптăрарăм ку хĕрпе! Апла та калатăп, капла та калатăп – ӳкĕте кĕмест. Кайсам-и, вĕрĕл тепĕр хут! – çилленсе кайрĕ хальхинче амăшĕ* (И. Тенюшев) « – Не знаю, что и делать с этой девочкой. И так говорю, и эдак – не поддается уговорам. Ну, иди тогда, заболей опять! – рассердилась на этот раз ее мать».

[М а р х в а]
Кĕреп, атте, – чармăн тин,
Кĕреп колхоза...

«[М а р ф а] Вступлю, отец, – теперь уж не удержишь, вступлю в колхоз...»

[Х ĕ л и п]
Кĕрех... Кĕрсем-и эппин.
Пурăн сарăлса (Ç. Элкер)

«[Ф и л и п п] Вступай... Вступай уж, если так. Живи вольготно»

Для смягчения приказания, побуждения нередко к форме 2 лица будущего повелительного прибавляют частицу *-ха*: *тăхта-ха* «подожди-ка», *кайса кил-ха* «сходи-ка», *кала-ха* «скажи-ка»; *Валентин амăшĕ, кӳр-ха, пулăшам, кӳр-ха хам çĕклесе парам, эсĕ кан кăштах* (А. Артемьев) «Мать Валентина, дай-ка, я помогу, дай-ка подниму, ты отдохни немного».

Формант *-сам (-сем)* не может быть отнесен к частицам, так как он конкретен по значению и употребляется только с одной частью речи – в составе глагольных словоформ.

* * *

Для выражения различных оттенков значений действий 2 лица с его формами могут сочетаться междометные глаголы *атя (айта)* «айда», *ме (на)* «на», *чим* «стой, постой, погоди, подожди», *тавай*[11] «давай». Поскольку по значению они очень сходны с формами будущего повелительного времени, их используют в качестве вспомогательных глаголов.

У этих глаголов нет ни грамматического времени, ни грамматического числа, тем не менее по значению они выражают и будущее повелительное время, и 2 лицо. В силу того, что эти глаголы не имеют полного спряжения, Н.И. Ашмарин

назвал их недостаточными глаголами [1, с. 330]. Они изменяются по числам, в форме множественного числа принимают аффикс *-ăр (-ĕр)*: *атьăр, мейĕр, чимĕр*[11], *тавайăр*. При них могут находиться частицы *-ха, -и*: *атя-ха* «пойдем-ка», *атьăр-и* «пойдем что ли». Междометные глаголы могут управлять именами, сочетаться с обстоятельственными словами: *Атясам манпа пĕрле* (Н. Терентьев) «Пойдем же со мной».

Указанные междометные глаголы выражают собеседнику повеление, побуждение, волеизъявление совершить действие, обозначенное другим глаголом в предложении.

Основной глагол, связанный с междометием, в большинстве случаев согласуется с ним по времени, лицу и числу. Но иногда основной глагол может находиться в форме не будущего повелительного, а настоящего времени. Например: *Çук, ачасем, тавайăр-ха пĕр шутланă ĕçе пăрахмастпăр!* (А. Лазарева) «Нет, ребята, давайте-ка не будем отменять запланированное». Здесь основной глагол в форме настоящего времени под влиянием междометного глагола *тавайăр-ха* приобретает значение просьбы.

Нередко они употребляются и самостоятельно, без связи с другим глаголом: *Ме çул курки* «Держи посошок».

Глагол *атя (айта)* по происхождению является заимствованием из русского языка. Употребляясь рядом с простым глаголом, он выражает призыв совершить действие вместе.

Пурте айтăр йышпала
Ĕçлер халĕ улăпла (В. Давыдов-Анатри)

«Давайте теперь работать все вместе, по-богатырски»;

Атя, Ванюш, пулă тытма каятпăр (С. Аслан) «Айда, Ванюша, пойдем ловить рыбу»; *Атьăр -и? Атьăр-ха, атьăр, кĕрĕр пӳртелле, кĕрĕр...* (Хв. Агивер) «Пойдем ли? Пойдемте же, пойдем, заходите в дом, заходите...»

Междометный глагол *ме (на)* по происхождению является общетюркским словом. Ср.: казах. *Мэ ал!*, чув. *Ме ил!* «На, возьми!» Слово это употребляется, когда говорящий предлагает собеседнику получить от него что-либо. *Ме, тутанса пăх* «На, попробуй»; *Мейĕрччĕ савăш курки, астивсе ĕçĕр!* (П. Хусанкай) «Держите же заздравную чашу, отведайте!»

Чувашское слово *тавай* происходит от русской словоформы *давай* (форма повел. накл. гл. *давать*). Употребляется, как и в русском языке, при побуждении к действию: *Тавай тырруна ман машина çине тиер, хам леçсе парам хулана* (А. Артемьев) «Давай загрузим твое зерно на мою машину, сам отвезу в город»; *Тавайăр, çынсене чĕнĕр* (Л. Агаков) «Давайте, позовите людей»;

Тавайăр-ха пĕрле ларса шутлар,
Тавайăр-ха пĕрне-пĕри шанар (П. Хусанкай)

«Давайте-ка вместе сядем и подумаем, давайте-ка будем доверять друг другу».

Междометным глаголом *чим* «стой, постой, погоди, подожди» выражается обращение говорящего к собеседнику с просьбой подождать с совершением какого-либо действия. Это слово синонимично слову *тăхта*. *Чимĕр, кун пирки кăшт каярах калаçăпăр* (А. Ĕçхĕл) «Погодите, об этом поговорим позже».

Аçу килне, чим-халĕ,
Хăвах чупса пырăн-ха (К. Иванов)

«В дом отца, погоди-кась, прибежишь сама».

По поводу формы 1 лица будущего повелительного времени некоторые авторы утверждают, что глаголы в данном лице не имеют повелительного значения. Но, судя по фактам языка, 1 лицо может выражать указанное значение. Во-первых, форма 1 лица может стоять в одном ряду с формами других лиц: *Эп хăраса ӳкем, тепри хăратăр... Вара вĕсем пуç тăрнех хăпарса ларaççĕ* (Хв. Уяр) «Допустим, я испугаюсь, другой испугается. Тогда они сядут нам на голову». Во-вторых, в качестве одного из показателей отрицательных форм 1 лица данного времени выступает такая же частица, как и в других лицах: *Пурне те халĕ ан калам ĕнтĕ, кирлĕ тĕлте кăна чарăнам* (Г. Тимофеев) «Теперь уж не скажу всем, остановлюсь только там, где нужно»; *Вăл ан ĕçлетĕр, эп те ан ĕçлем – вара мĕн пулса тухать-ха?* «Он не будет работать, я не буду – что же из этого выйдет?»

Для выражения значения отрицания в 1 лице принимается и частица *мар*: *Эп хам та экзаменсем тытса курнă. Кан-*

сĕрлем мар эппин. Каям (Н. Айзман) «Я тоже сдавал экзамены. Не буду тогда мешать. Пойду».

Отрицательные формы 1 лица множественного числа выражают призыв к другим не делать чего-либо: *Ан ирттерер куна ыйхăлакан тĕспе, кун вăрăм, ĕмĕр çеç кĕске* (С. Шавли) «Не будем же проводить дни в сонном настроении, дни длинны, только век короток».

Формы 1 лица большей частью выражают пожелание самому себе выполнить какое-либо действие: *Итле-ха, Коля, сана пĕр юрă юрласа кăтартам* (Ç. Элкер) «Послушай-ка, Коля, я тебе одну песню спою»; — *Тăхта-ха, анне, — йăвашшăн каларĕ Алексей. — Эпĕ кăшт тирпейленем, çăвăнам, сухалăма хырам, тусантан тасалам* (К. Турхан) «Подожди-ка, мама, — вежливо сказал Алексей. — Я хоть немного приведу себя в порядок, умоюсь, побреюсь, отряхнусь от пыли».

Форма 3 лица единственного числа образуется при помощи аффикса *-тăр (-тĕр)*. При этом для обозначения единственного и множественного числа пользуются значащим чередованием анлаутного согласного *т* с *ч*: морфема *-тăр (-тĕр)* выражает значение единственного числа, а морфема *-(ч)чăр (ч)чĕр)* — множественного. Примеры:

Чăваш арăмĕ, саншăн та
Хурлăх хыçа юлтăр.
Пулас пурнăçу мăшкăлсăр,
Савăнăçлă пултăр (Çеçпĕл М.)

«Пусть забудутся, чувашка,
И твои печали,
Чтобы радости и счастья
Дни тебя встречали» (Перевод П. Хузангая);

Пурте пĕлччĕр, кулса тăччăр, пуç тайччăр, пурнăçра ун пек хăюллă пулма тăрăшчăр (В. Элпи) «Пусть все знают, улыбаются, преклоняются, пусть стараются быть смелыми, как он»; *Районти апат-çимĕç комбиначĕпе договор тăвар мар-и, Михал Степанч? Ан тив, варени пĕçерччĕр, çырла сĕткенĕ туса сутчăр. Усăллăрах пулĕ, э?..* (А. Ĕçхĕл) «Михаил Степанович, не заключить ли договор с районным пищекомбинатом? Пусть готовят варенье, делают ягодные соки. Полезнее будет, а?..»

К форме каждого лица 1, 2, 3 лица единственного и множественного числа будущего повелительного времени для

выражения модального значения часто присоединяют постфикс *-ччĕ*. В данном случае постфикс придает временной форме оттенок задушевного желания говорящего совершить действие[12]:

Эй, уйăх, вăйлăн çутатсамччĕ (2 л.)
Хĕре чипертерех курамччĕ (1 л.) (С. Шавли)

«Эй, луна, светила бы сильнее, рассмотрел бы (я) получше девушку»;

Шерккей шăллăм, хĕрхенччĕ мана кăштах (Илпек М.) «Братишка мой Шеркей, пожалел бы меня чуток»;

Калаччĕ-ха: ăçтан килет вăл çынсем çакăн пек тикĕс мар пуласси? (Ç. Элкер) «Скажи-ка, от чего зависит такое неравное положение людей?»;

– Каçарсамччĕ, – терĕм пуç тайса, – чунра мĕн пулса иртнине хам та ăнланаймарăм (В. Элпи) « – Прости, пожалуйста, – сказала я, склонив голову, – я еще сама не поняла, что произошло в моей душе»;

Паянах кайса пăхтăрччĕ [Сашук] адрес бюровне (Г. Краснов) «Пусть (Саша) сегодня же сходит в адресное бюро»;

Зоологи музейне çеç кĕрсе тухма ирĕк паччăрччĕ (В. Петров) «Только разрешили бы посмотреть зоологический музей».

В последние годы некоторые авторы художественных произведений при выражении задушевного желания стали нарушать сложившуюся норму употребления постфикса *-ччĕ* после форм будущего повелительного времени. Несмотря на наличие показателя множественности до постфикса, авторы без особой необходимости плеонастически добавляют аффикс 3 лица множественного числа *-ç*. Примеры:

Каллех хĕл çитет акă. Пӳрчĕ сивĕ пулать тет. Хăть ачине кӳрсе яччăрччĕç... (Д. Гордеев) «Вот снова наступает зима. В доме [Гали] бывает холодно. Хотя бы ребенка привезли в деревню»;

Сывлăхна упра, малашне ачасем шăнса ан пăсăлччăрччĕç (Е. Лисина) «Береги свое здоровье, в дальнейшем дети не простужались бы»;

...Аталанса пыма чарса тăракансем çав конференцире ан пулччăрччĕç («Ком. ял.»). «Хотелось бы, чтобы на этой конференции не было тех, кто стал бы мешать развитию».

В отмеченных словоформах морфема *-ҫ* является лишней, ибо значение множественности выражено морфемой *-ччăр (-ччĕр)*. Вместо *яччăрччĕҫ* правильнее будет сказать *яччăрччĕ*, вместо *ан пăсăлччăрччĕҫ – ан пăсăлччăрччĕ*, вместо *ан пулччăрччĕҫ – ан пулччăрччĕ*.

При выражении задушевного желания эту же норму некоторые авторы нарушают несколько в ином плане. В одной и той же словоформе у них выступают два выразителя значения числа: и единственного, и множественного. Это равносильно тому, что в одном и том же существительном употреблялись бы и местный, и исходный падежи. Примеры:

Юрăсем те,
Сăвăсем те манăн
Ĕмĕрех ҫӳретĕрччĕҫ санпа! (И. Малкай)

«Пусть и песни, и стихи мои вечно сопровождают тебя!»;

Часрах вăрҫă пĕттĕрччĕ, ачасем, упăшка сывă юлтăрччĕҫ (П. Афанасьев) «Пусть скорее кончится война, пусть дети, муж останутся живы»;

Кĕнекесем сахалрах пулсан та, пахарах пултăрччĕҫ (Н. Терентьев) «Если даже книг будет поменьше, были бы качественней»;

Вĕренесси тесен, техникума илтĕрччĕҫ кăна, Телегин ăна пĕтерĕччех вара (Н. Максимов) «Что касается учебы, то пусть только возьмут в техникум, тогда Телегин обязательно окончит его»;

Ырă юратупа телей ĕмĕр тăршшĕпех пырайтăрччĕҫ (Н. Мранькка) «Пусть добрая любовь и счастье будут весь век!»

В приведенных примерах глагольные словоформы должны были бы выступать в следующем виде: вместо *ҫӳретĕрччĕҫ – ҫӳреччĕрччĕ*, вместо *юлтăрччĕҫ – юлччăрччĕ*, вместо *пултăрччĕҫ – пулччăрччĕ*, вместо *илтĕрччĕҫ – илччĕрччĕ*.

Формы будущего повелительного времени, лишаясь своего основного значения, могут выступать:

а) в значении однократного прошедшего времени:

Эпĕ сана кĕт, кĕт (= кĕтрĕм, кĕтрĕм), пымарăн-ҫке эсĕ ҫĕнĕ хаҫатсем илме (М. Трубина) «Я тебя жди, жди, не пришла ведь ты за новыми газетами»;

Лашана кӳл те (= кӳлтӗм те) çил пек вӗçтерсе килтӗм (Ç. Элкер) «Запряги я лошадь и примчался вихрем».

(П е т ю к). Ăçта чупса çӳретӗн эс?. Шыра, шыра (= шырарăм, шырарăм) сана... (Тани Юн, И. Максимов-Кошкинский) «*[П е т я]*. Где ты все бегаешь? Ищи, ищи тебя...»;

Эсӗ грамотăсем илсе лар та (= илсе лартăн та) – халь пирӗн çине пăхасшăн та мар (А. Артемьев) «Ты грамоты получай, а теперь на нас и смотреть не хочешь?»

б) в значении настоящего времени:

...Шăнтать те, асфальт çулсем пăрланса лараççӗ, кантăк пек çуталса выртаççӗ – пырса та ан кӗр (= пырса та кӗрей-местӗн) (А. Артемьев) «Как подморозит, асфальтированные дорожки покрываются льдом, блестят, как стекло, не подступись»;

Вӗсене мӗн? Çӳре, кур, савăн (= çӳреççӗ, кураççӗ, савăнаççӗ). Эсӗ пур, лар (= ларатăн) кунта выçă хырăмпа (Ст. Абаш) «Им-то что? Ходи, смотри, радуйся. А ты сиди тут с голодным желудком»;

в) в значении атрибутивной временной формы (причастия) на *-малла (-мелле)*:

Пӗри те ĕçлекен çук, йăлтах ман тăрантар (= ман тăрантармалла) пур шултăра халăха! (Ю. Скворцов) «Нет ни одного работника, весь взрослый народ должна кормить я»;

Ялан пиртен ыйтаççӗ, ялан эпир пар... малалла та капла пулсан, çап-çарах юлăпăр (М. Данилов-Чалтун) «Постоянно с нас спрашивают, постоянно мы давай... если и впредь будет так, мы останемся ни с чем...»;

Тӳррипе каласан, хăнана çӳреме юратмастăп эпӗ. Пӗрмай хăвна асăрхаса тыт (= тытмалла). Чухласа калаç (= калаçмалла). Кама та пулин кӳрентересрен сыхлан (= сыхланмалла) (Хв. Уяр) «По правде говоря, не люблю ходить в гости. Постоянно следи за собой. Разговаривай, соображая. Остерегайся обидеть кого-либо»;

г) в значении атрибутивной временной формы на *-нă* – союз *пулсан* или обстоятельственной временной формы (деепричастия) на *-сан (-сен)*:

Ун çӳçӗ сарă, ашшӗн евĕр,
Çав тӗслӗ пуласса пӗлмен.
Юратура кăштах эп ĕлкĕр (= ĕлкĕрнĕ пулсан),
Ман пек хура пулатчӗ тен (А. Воробьев)

«Волосы русые, как у отца, не знал, что будут такого цвета. Успей я немного в любви, возможно, был бы чернявым, как я»;

Женьăпа тата Иосифпа пĕрле пĕр пӳлĕмре пурăннăшăн Кирук хăй шăпине тав тăвать. Пĕрле ан пурăн (= пĕрле пурăнман пулсан) – пурнăçри нумай-нумай япалана пĕлейместчĕ вăл (И. Лисаев) «Кирилл благодарит судьбу за то, что он жил в одной комнате с Женей и Иосифом. Не живи они вместе – он не знал бы многого в жизни»;

д) в значении обстоятельственной временной формы (деепричастия) на *-сан (-сен)*:

Ак халь пыр та пăх (= пырса пăхсан) ун çине – никам та: ку ĕлĕкхи кĕтӳçĕ тесе калас çук (Н. Патман) «Вот теперь поди посмотри на него – никто не скажет, что он в прошлом пастух»;

Пĕри йăвашланса лар (= йăвашланса ларсан), тепри сăмах ан чĕн (= чĕнмесен), мĕн пулĕ пиртен! (Хв. Уяр) «Один сиди смиренно, другой не возражай, что же будет с нами!»

§ 31. Формы будущего желательного времени

Для выражения желания или намерения совершить действие в будущем в чувашском языке имеется ряд форм:

1) *курăттăм* «хотел бы я (у)видеть в будущем» и др.

2) *курсанччĕ эп* «(у)видеть бы мне обязательно в будущем»;

3) *курăпинччĕ эп* «(у)видел бы я хоть в будущем» и др.

4) *курасчĕ ман* «(у)видеть бы мне в скором будущем» и др.

В семантике всех четырех форм присутствует компонент желательности, передаваемый бывшим недостаточным глаголом. Такой компонент может быть и в именных формах: *Çумăрччĕ халь!* «Дождя бы сейчас!»

В значении будущего желательного времени I присутствует оттенок спокойной мечты о будущем действии, передаваемый показателями лица и числа.

В значении будущего желательного времени II к оттенку мечты совершить действие добавляется оттенок условности в неопределенном грядущем, передаваемый аффиксом *-сан.*

К значению будущего желательного времени III прибавляется оттенок уступительности, передаваемый аффиксом *-ин*.

К кругу значений будущего желательного времени IV добавляется оттенок обязательного действия, передаваемый аффиксом причастия будущего времени.

§ 32. Будущее желательное время I

Парадигма спряжения

Глагол *кур* «видеть, смотреть»

	Ед. ч.	Мн. ч.
	Положительная форма	
1.	*кур-ăтт-ăм(-ччĕ)* «хотел бы я (у)видеть в будущем»	*кур-ăтт-ăм-ăр(-ччĕ)*
2.	*кур-ăтт-ăн(-ччĕ)*	*кур-ăтт-ăр(-ччĕ)*
3.	*кур-ĕчч-ĕ*[13]	*кур-ĕчч-ĕ-ç*[13]
	Отрицательная форма	
1.	*кур-м-ăтт-ăм(-ччĕ)*	*кур-м-ăтт-ăм-ăр(-ччĕ)*
2.	*кур-м-ăтт-ăн(-ччĕ)*	*кур-м-ăтт(-ăр)-ччĕ*
3.	*кур-м-ĕчч-ĕ*	*кур-м-ĕчч-ĕ-ç*

Из парадигмы спряжения видно, что к основе глагола прибавляются последовательно аффикс будущего желательного I *-ăтт- (-ĕтт-, -ĕчч-)*, аффиксы лица и личного числа.

Исторически в образовании формы данного времени участвовал аффикс будущего времени *-ă (-ĕ)*, за которым следовали спрягаемые формы недостаточного глагола *имек*: *кай-ă-тт-ăн, кай-ĕ-чч-ĕ* и др. Но со временем значение основы недостаточного глагола *имек-* утратилось, произошли фонетические изменения и в составе аффикса времени и т.д. Слились два аффикса времени (*-а* – *-тт-*) и образовали аффикс будущего желательного I *-ăтт- (-ĕтт-)*. А аффиксы лица и личного числа недостаточного глагола стали функционировать как аффиксы будущего желательного.

Морф аффикса отрицательного аспекта *-м-* вставляется между основой глагола и аффиксом времени.

Для акцентирования значения желательности плеонастически в ауслауте глагольной формы 1 и 2 лица может употребляться деформированный недостаточный глагол, теперь уже постфикс *-ччĕ*: *кур-ăтт-ăм-ччĕ*. Но такое употребление позволительно считать необязательным, глагол может обойтись и без этого постфикса.

Глаголы будущего желательного выражают главным образом оттенок мечтания совершить действие в будущем, который часто сопровождается оттенком намерения:

Ах, Елюк, ак çапла тăрăттăм та эп сан умра, пĕр мăч хупмасăр сана куçран пăхса савăнăттăм (П. Осипов) «Ах, Елюк, я бы встал перед тобой вот так и радовался бы, не отрывая глаз, смотрел бы тебе в глаза»;

Хăвăн кăмăлу пулсан
Лашам çине лартăттăм.
Аяккаллах ку ялтан
Вĕçĕттĕм те кайăттăм (К. Иванов)

«Коль сама ты пожелала б,
Посадил бы на коня —
И умчал бы конь ретивый
Далеко с тобой меня» (Перевод П. Хузангая);

Хăçан курăттăмăр эпир кун пек спектакльсене эсир килес мар пулсан (Хв. Уяр) «Когда бы мы увидели такие спектакли, если бы вы не приезжали».

§ 33. Будущее желательное время II

В современном чувашском языке условно-временное деепричастие на *-сан (-сен)/-сассăн (-сессĕн)* выполняет функцию главного члена придаточной части сложноподчиненного предложения и не может быть сказуемым самостоятельного простого предложения.

Ср.: *Хĕвел çӳле хăпарса çитсен кайăк кăвакалĕсем хăмăшлăхран тухми пулчĕç* (М. Кипек) «Когда солнце поднялось высоко, дикие утки перестали выходить из камышовых зарослей»; 2. — *Хăлăп пулсан, çĕре те тепĕр енне çавăрса пăрахнă пулăттăмăр, — чăваш сăмахне аса илчĕ пулеметчик* (В. Бурнаевский) «Если бы была скоба, то мы и землю перевернули бы на другую сторону», — вспомнил пулеметчик чувашскую поговорку».

Если к этой деепричастной форме прибавить аффикс *-ччĕ*, образованный от недостаточного глагола *имек*, то синтаксическая конструкция с формой на *-сан-ччĕ* может выступать с абсолютным временным значением и выражать намерение говорящего побудить субъект действия к исполнению

его желания. Примеры: *Икĕ кунлăха мар, икĕ сăмахлăха та пулин килсе кăтартсанччĕ!..* (А. Артемьев) «Не на два дня, хотя бы на два слова пришел-показался бы». – *Акă мĕн, ачасем... Эсир пурсăр та çак Лаврентий Моисеев пек тăрăшса вĕренсессĕнччĕ... Ун чух эпĕ хам та тепĕр хут сывалса кайнă пулăттăм* (Ç. Элкер) «Вот что, ребята... Если бы вы все учились, как этот Лаврентий Моисеев... Тогда я и сам снова выздоровел бы».

Выделенные слова в примерах *кăтартсанччĕ, вĕренсессĕнччĕ* выражают условие, необходимое для осуществления желания говорящего, или обусловленную желательность.

Предикативную форму на *-сан-ччĕ* следует рассматривать как форму будущего желательного действия, не имеющую морфологических выразителей лица и личного числа, указываемых аналитически – именем существительным или местоимением, употребляющимися в роли сказуемого: – *Тем чухлĕ вырtса юлсаччĕç, халĕ акă пĕр çăмарта та çук. Йăвине те эпĕ чылаях çĕмĕрсеттĕм, халь йăви те чип-чиперех... – шалтах тĕлĕнсе тăчĕ Микиш* (Г. Харлампьев) « – Недавно здесь разбросано было столько муравьиных яиц, теперь же нет ни одного. Я тогда изрядно разрушил их муравейник, теперь вот и муравейник в полном порядке», – сильно был изумлен Никита».

Показатель *-ччĕ* в 1 и 2 лице является плеонастическим аффиксом времени.

Парадигма спряжения

Глагол *çĕнтер* «победить»

Утвердительная форма

Ед. ч.

1 л.	*Эпĕ çĕнтерсенччĕ*	«Вот бы я победил(а)»
2 л.	*Эсĕ çĕнтерсенччĕ*	«Вот бы ты победил(а)»
3 л.	*Вăл çĕнтерсенччĕ*	«Вот бы он (она) победил(а)»

Мн. ч.

1 л.	*Эпир çĕнтерсенччĕ*	«Вот бы мы победили»
2 л.	*Эсир çĕнтерсенччĕ*	«Вот бы вы победили»
3 л.	*Вĕсем çĕнтерсенччĕ*	«Вот бы они победили»

В предложениях с таким глаголом-сказуемым выражаются следующие оттенки значения желательности:

1) значение собственно желания: *Ахаль каланӑ-им çак сӑмаха: «Пӗлсенччӗ яшлӑх, ватлӑх пултарсанччӗ!»* (А. Кӑлкан) «Зря что ли сказано: “Если бы молодость знала, если бы старость могла!”»;

2) желательность в сочетании с осуществимостью: *Хӗвел пӗр тухать те пӗр анать. Эсӗ ӗмӗр ман умра пулайсанччӗ* (Илпек М.) «Солнце то восходит, то заходит. Была бы ты вечно передо мной»;

3) желательность в сочетании с модификациями: «хорошо бы», «вот бы». Хотя желание не осуществляется, но, возможно, предпочитается чему-то другому: *– Йытӑ палларӗ мана, ютшӑнмарӗ манран, – хӗпӗртесе шухӑшларӗ Актаев. – Çынсем те çаплах ютшӑнмасанччӗ...* (А. Артемьев) « – Собака узнала меня, не стала чураться меня, – радуясь, подумал Актаев. – Вот бы и люди так же не сторонились»;

4) желательность неосуществимого (но желание компенсировалось бы, сняло бы отрицательные результаты): *Эй, Надя унӑн Эвридикийӗ пулас пулсанччӗ!* (А. Артемьев) «Эй, была бы Надя его Эвридикой!» (Эвридика – в древнегреческой мифологии лесная нимфа, жена поэта и певца Орфея);

– Эх, алӑсем пулсанччӗ! – терӗ вӑл, хӑй каскалама пултарайманшӑн чӗререн пӑшӑрханса (С. Аслан) « – Эх, были бы руки! — сказал он (Ефим), от души переживая оттого, что сам не может плотничать»;

5) значение желательности необходимого и собою что-то обусловливающего передается неопределенным местоимением *кам та пулин* «кто-нибудь», повторным числительным *пӗр-пӗр* «какой-нибудь» и др.: *Кам та пулин çула май хулана каякан тупӑнсанччӗ те, ун пекки те çук* (Илпек М.) «Вот бы нашелся какой-нибудь попутчик, и того ведь нет»; *– Çав ӗçе ӑста пӗлекен пӗр-пӗр шанчӑклӑ çын тупӑнсанччӗ çав та, – тесе йӑнкӑлтатрӗ вӑл* (Илпек М.) « – Вот бы нашелся кто-либо, мастерски знающий это дело, – бормотал он».

Для выражения сильного желания говорящего делать что-либо в состав предложения включают междометия типа *эх, эй*. Примеры: *Эй, çакӑ пурте чӑнахах халӗ пулсанччӗ! Е Борис Викторович хӑй тепӗр хут çамрӑкланса, анчах хальхи пуçпа вӑл вӑхӑта таврӑнайсанччӗ* (Н. Максимов) «Эх, все это случилось бы в самом деле теперь! Или сам Борис Викторович помолодел бы снова, смог вернуться в те времена с теперешним

умом!»; *Эх, пĕр-пĕр пăшал пулсанччĕ* (А.Талвир) «Эх, было бы у нас какое-либо ружье»; – *Эх, дозортисем вăхăтра асăрхасассăнччĕ! – йывăррăн хашлатса илчĕ те Мурат пысăк утăмсемпе анаталла чупса анчĕ* (Л. Агаков) « – Эх, заметили бы вовремя дозорные! – тяжело вздохнул Мурат и широкими шагами побежал в низину».

§ 34. Будущее желательное время III

Форма будущего желательного времени III образуется от уступительного по форме, но условного по значению времени путем присоединения форманта *-ин* и постфикса *-ччĕ*.

Парадигма спряжения

Глагол *пĕл* «знать»

Утвердительная форма

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	*пĕл-ĕ-(ĕ)п-ин-ччĕ* «знать бы мне»	*пĕл-ĕ-(ĕ)п-ĕр-ин-ччĕ*
2 л.	*пĕл-ĕ-с-ĕн-ччĕ*	*пĕл-ĕ-с-ĕр-ин-ччĕ*
3 л.	*пĕл-(ĕ)-ин-ччĕ*	*пĕл-ĕ-(ĕ)-ç-ин-ччĕ*

Форма этого времени по значению синонимична формам будущего желательного времени II. Ср.:

Эх, тупăнинччĕ кам та пулин çак ыйтусене уçса пама пултараканни! (Н. Максимов) «Эх, нашелся бы кто-либо способный разрешить эти проблемы!»;

Эх, тупăнсанччĕ кам та пулин çак ыйтусене уçса пама пултараканни!

Сравнение предложений показывает, что обе формы выражают желание исполнить действие. Они не лишены и условного значения, при этом форма *тупăнинччĕ* содержит оттенок потенциальности, а форма *тупăнсанччĕ* – оттенок ирреальности.

Кашкăр та мăнтăр пулинччĕ, сурăх та тĕрĕс пулинччĕ «Чтобы и волки были сыты, и овцы целы»;

Ах, часрах Петр Васильч килинччĕ! Часрах кунтан илсе кайинччĕ вăл Лисука (А. Артемьев) «Ах, скорее бы приехал Петр Васильевич! Скорее бы он увез отсюда Лизу»;

Ятлинччĕ хуть учительница, вара çăмăлрах пулĕччĕ (Юхма М.) «Хоть бы поругала учительница, и то стало бы легче».

По образцу фольклорных произведений в житейских разговорах то и дело пользуются формами желательного будущего времени. В устной речи часто можно слышать сопровождающие *эй, эх* и союзную частицу *хăть (хуть)*: *Хăть çилĕ вĕринччĕ! Аванччĕ кăштах уçăлма* (А. Алка) «Хоть бы ветер подул! Было бы хорошо немного просвежиться»; *Епле пурăнмалла капла? Мĕн тумалла малашне? Эх, тупăнинччĕ кам та пулин çак ыйтусене уçса пама пултараканни* (Н. Максимов) «Как жить таким образом? Что делать дальше? Эх, нашелся бы кто-нибудь способный ответить на эти вопросы!»; *Эй, Турă, сана тархасланăшăн намăс курмăпинччĕ* («Давид псаломĕ») «О Боже, не посрамиться бы мне за мои мольбы к тебе».

В предложениях с будущим желательным временем отрицательная форма глагола может быть использована двояко: с аффиксом *-м-* между основой и показателем времени и частицей *ан* «не» перед глаголом: *Асту, эпир илес хĕрсене качча алли тивминччĕ* (В. Элпи) «Гляди, пусть парни не тронут девушек, на которых мы намерены жениться».

В учебных пособиях по чувашскому языку глагольные формы данного типа остаются в тени. В художественных произведениях они встречаются в изрядном количестве.

Çийăм толли сар кĕрĕк,
Кĕве колли полминччĕ (И. Юркин. Чув. нар. песни)

«Полны плечи – красны шубы, пусть только не станут пищею для моли»;

– Ах, Турăçăм! Хирти этем
Маякла çул тĕлне пулинччĕ,
Çул хыттине вăл çухатминччĕ,
Лаши-çуни пĕр çул тытинччĕ,
Турти-пăявĕ татăлминччĕ (П. Хусанкай)

«О Боже! Пусть человек в степи найдет путь с маяком, пусть не теряет дорожной тверди, пусть лошади-сани держатся пути, пусть не оборвутся тяжи-постромки»;

Анчах хăçанччен капла чĕтресе пурăнмалла? Ах, часрах Петр Васильч килинччĕ! (А. Артемьев) «Но до каких пор жить-дрожать? Ах, скорее приехал бы Петр Васильевич!»;

Çамрăк хĕр калла килиннĕ,
Ан кайиннĕ аякка.
Ан тытиннĕ, ан тытиннĕ
Тепĕр каннă – хурчăка (Я. Ухсай)

«Пусть назад придет девица, не уйдет пусть далеко. Да не словит, да не словит другой ястреб-кавалер»;

Пĕр тунă ĕç сая ан кайиннĕ – çапларах-çке-ха тӳрĕ чунчĕреллĕ этем кăмăлĕ («Ком. ялавĕ») «Пусть выполненная работа не пропадет даром – ведь таков характер прямодушного человека».

§ 35. Будущее желательное время IV

Форма будущего желательного времени IV образуется от основы атрибутивной временной формы (причастия) на *-ас (-ес)* прибавлением постфикса *-чĕ*. Субъект действия может быть выражен двояко: родительным или основным падежом местоимения.

Парадигма спряжения

Глагол *пĕл* «знать»

Положительная форма

Ед. ч.

1 л.	*Эпĕ пĕлесчĕ*	«Знал(а) бы я (в будущем)»
	Ман пĕлесчĕ	«Знать бы мне (в будущем)»
2 л.	*Эсĕ пĕлесчĕ*	«Знал(а) бы ты (в будущем)»
	Сан пĕлесчĕ	«Знать бы тебе (в будущем)»
3 л.	*Вăл пĕлесчĕ*	«Знал(а) бы он (она) (в будущем)»
	Ун пĕлесчĕ	«Знать бы ему (ей) (в будущем)»

Мн. ч.

1 л.	*Эпир пĕлесчĕ*	«Знали бы мы (в будущем)»
	Пирĕн пĕлесчĕ	«Знать бы нам (в будущем)»
2 л.	*Эсир пĕлесчĕ*	«Знали бы вы (в будущем)»
	Сирĕн пĕлесчĕ	«Знать бы вам (в будущем)»
3 л.	*Вĕсем пĕлесчĕ*	«Знали бы они (в будущем)»
	Вĕсен пĕлесчĕ	«Знать бы им (в будущем)»

Отрицательная форма

Ед. ч.

1 л.	*Эпĕ пĕлес марччĕ*	«Не знал(а) бы я (в будущем)»
	Ман пĕлес марччĕ	«Не знать бы мне (в будущем)»
2 л.	*Эсĕ пĕлес марччĕ*	«Не знал(а) бы ты (в будущем)»
	Сан пĕлес марччĕ	«Не знать бы тебе (в будущем)»

3 л.	*Вăл пĕлес марччĕ*	«Не знал(а) бы он (она)(в будущем)»
	Ун пĕлес марччĕ	«Не знать бы ему (ей) (в будущем)»

Мн. ч.

1 л.	*Эпир пĕлес марччĕ*	«Не знали бы мы (в будущем)»
	Пирĕн пĕлес марччĕ	«Не знать бы нам (в будущем)»
2 л.	*Эсир пĕлес марччĕ*	«Не знали бы вы (в будущем)»
	Сирĕн пĕлес марччĕ	«Не знать бы вам (в будущем)»
3 л.	*Вĕсем пĕлес марччĕ*	«Не знали бы они (в будущем)»
	Вĕсен пĕлес марччĕ	«Не знать бы им (в будущем)»

Отрицательная форма будущего желательного III образуется чаще при помощи отрицательной частицы *çук* и реже – путем употребления ее после причастной формы будущего времени перед постфиксом *-ччĕ*. Например:

а) – *Эх, Мĕтри, тепĕр çын пулсан калассăм çукчĕ те, сана хамăн çывăх юлташ вырăнне шутласа каласа парам* (М. Исаев) «Эх, Митя, был бы другой человек, не сказал бы; тебе же, считая близким товарищем, расскажу»;

– *Ача-пăча чун-чĕрине лайăхрах пĕлес пулсан капла калас çукчĕ эсир, – хирĕçлерĕ вĕсене Елена Ивановна* (М. Ильин) « – Если бы лучше знали детские души, не говорили бы так, – возразила им Елена Ивановна»;

б) *Телей ăнсăртран тупăннипе пуçа çех çухатас марччĕ* (Н. Мранькка) «Не потерять бы голову из-за того, что неожиданно выпало счастье»;

Пирĕн ĕçре пăлханни сиен çеç кӳрет. Ĕлкĕрсен полици аллине никама та лектерес марччĕ (Н. Мранькка) «В нашем деле волнение может только помешать. Если успеем, то не дать бы никому попасться в руки полиции»;

Хальлĕхе кун çинчен никама та каласа парас марччĕ (Н. Симунов) «Пока об этом никому не рассказать бы».

Изредка в качестве специального средства выражения утвердительной формы будущего желательного времени IV используется антонимическая частица *пур*, которая, подобно отрицательной частице *çук,* ставится после причастной формы будущего времени перед постфиксом *-ччĕ*. Например: – *Эсĕ килсе çитмен пулсан тем курас пурччĕ, – чĕререн ырă сунса тав турĕ Татьяна* (Н. Мранькка) « – Если бы ты не успел прибыть, неизвестно, что пришлось бы пережить, – от всего сердца желая добра, поблагодарила Татьяна».

Когда подлежащее выражается условным падежом местоимения, говорящий адресует свое желание определенному лицу или предмету (а). Если же субъект действия выражается родительным падежом (в будущем), то желание совершить действие адресуется не прямо субъекту действия, а сверхъестественной силе (в будущем) (б).

а) *Епле ырă хĕрарăм! Кам пăхса ӳстернĕ ăна? Манăн мăшăр çакăн пек пуласчĕ. Эпĕ вара çĕрне-кунне пăхмасăрах ĕçленĕ пулăттăм* (Н. Айзман) «Какая добрая женщина! Кто же вырастил ее? Была бы моя жена такой. Я бы тогда работал дни и ночи»; *Эх, алăк уçăласчĕ те, Мария Андреевна утса кĕресчĕ. Ăна хăваласа иртсе ман çума Володьăн кĕрсе ларасчĕ* (В. Элпи) «Эх, открылась бы дверь, и вошла бы Мария Андреевна. Обогнав ее, подсел бы ко мне рядышком Володя»; *Час-часах çуса тăрасчĕ çакнашкал пархатарлă çумăр!...* (К. Пайраш) «Почаще лил бы такой благодатный дождь».

Сĕт пек шурă шуçăм шăппăн киличчен
Канаясчĕ пуçăм хĕр чĕрçи çинче.
Итлеесчĕ чунăм ырă сассине,
Çупăрласчĕ аллăм ылтăн кăтрине (А. Алка)

«Вот бы до самой светлой зари отдыхала бы голова моя на коленях девушки. Слушала бы моя душа ее добрый голос, взять бы в руки ее золотые кудри»;

б) *Ирхи сывлăм кайăкĕ*
Ман пуласчĕ,
Кĕмĕл сывлăм шывĕпе
Пит çăвасчĕ (И. Ивник)

«Мне хотелось бы стать птичкой утренней росы, хотелось бы умыться серебристой водой росы»;

Манăн Шупашкарпа калаçса илесчĕ, май пулать-ши? (А. Лазарева) «Мне бы хотелось переговорить (по связи) с Чебоксарами, будет ли такая возможность?»;

Пĕлесчĕ сирĕн Çавалкассинче Çĕнĕ çула мĕнле кĕтсе илнине (А. Емельянов) «Знать бы вам, как встречают Новый год в Сявалкасах».

Форма желательного будущего IV употребительна в конструкциях проклятий и бранных выражений. В результате неосознанного употребления этих выражений некоторые морфемы утратили свои значения. В связи с этим произошли фо-

нетические изменения в их окончаниях, появились неожиданные синтаксические связи конструкций с другими словами. Вот некоторые примеры:

Вут хыпса каясшĕ! Табак та пĕтрĕ (А. Кăлкан) *(< Вут хыпса каясчĕ!)* «Пылать бы огнем! Табак кончился»;

Мур илесшĕ! (< Мур илесчĕ!) «Черт побери!»;

Çĕр çăтасшĕ! (< Çĕр çăтасчĕ) «Поглотила бы земля!»;

Йăт çиесшĕ! (< Йăт çиесчĕ!) «Съела бы собака!»;

Примеры изменения сочетаемости с другими словами в составе предложения:

Чĕререн эп ылханатăп:
Çĕр çăтасшĕ тăшмана (Уйăп М.)

«Всем сердцем проклинаю врага: чтоб земля его поглотила».

Субъект, обозначенный основным падежом существительного или местоимения, способствует выражению искреннего желания говорящего совершить трудно исполнимое действие по отношению к себе или другому лицу без согласия данного субъекта (а). Если же говорящий хочет выразить желание, чтобы субъект совершил действие по своей воле, то он обозначает этот субъект родительным падежом (б).

а) *Ман асăмра эс чĕрĕ, сывă,*
Пуласчĕ хам та асунта (П. Хусанкай)

«В моей памяти ты жива и здорова, и самому мне быть бы в памяти твоей»;

Эх, алăк уçăласчĕ те Мария Андреевна утса кĕресчĕ (В. Элпи) «Эх, открылись бы двери, и вошла бы Мария Андреевна»;

Пур ĕçе те çавнашкал
Хам тăвасчĕ (А. Кăлкан)

«И все дела так же мне совершить бы самому»;

б) *Санăн çынсене каласчĕ: хĕрлĕ кĕтесе пухăнччăр, канашлу ирттерĕпĕр* (И. Тенюшев) «Тебе надо бы сказать людям: пусть соберутся в красном уголке, проведем совещание»; *Эх, Фаддейч, каччă куçĕсем хире-хирĕç мĕн каланине пĕлесчĕ санăн!* (А. Артемьев) «Эх, Фаддеич, знать бы тебе, о чем говорят глаза парня напротив»;

Ирхи сывлăм кайăкĕ
Ман пуласчĕ,
Кĕмĕл сывлăм шывĕпе
Пит çăвасчĕ (И. Ивник)

«Мне хотелось бы стать птичкой утренней росы. Хотелось бы умыться серебристой водой росы»;

Тирпейлĕ çын пур çĕрте те тирпейлĕ: килте те, ытти çĕрте те. Çамрăксен пĕлесчĕ çавна, вĕсем тирпейлĕ пулнине курасчĕ (Л. Таллеров) «Аккуратный человек везде аккуратен: и дома, и в других местах. Знать бы это молодым, хотелось бы видеть их опрятными».

В подобных безличных предложениях при главном члене слово, выражающее субъект действия, может отсутствовать; *Эх, космонавт пуласчĕ! Уйăх çине çитсе курасчĕ!* (Г. Луч) «Эх, стать бы космонавтом! Добраться бы до Луны!»

Отрицательная форма будущего желательного времени IV образуется при помощи частицы *мар* путем вставки ее между словоформой с аффиксом *-ас (-ес)* и постфиксом *-ч(ч)ĕ*. Эта отрицательная форма выражает желание не совершать отрицательных действий в будущем. Примеры: *Хальлĕхе кун çинчен никама та каласа парас марччĕ* (Н. Симунов) «Пока об этом нежелательно рассказывать кому-либо»; *Хĕре ун пек вăрăхураха тыттарса ярас марччĕ, халăх йăли-йĕркипе чиперех, туйла-çуйлах парасчĕ* (С. Аслан) «Не хотелось бы отдавать девушку такому разбойнику, хотелось бы выдать ее замуж по народному обычаю, со свадьбой».

* * *

Подобные отрицательные формы нельзя смешивать с отрицательной формой, образованной путем вставки отрицательной частицы *çук* (тоже между словоформой с аффиксом *-ас (-ес)* и постфиксом *-ч(ч)ĕ*). Примеры: *Тӳрĕ кăмăлпа ĕçлесен ăна редакцирен никам та хăваласа кăларас çукчĕ* (А. Талвир) «Если бы работал добросовестно, никто его не выгнал бы из редакции»; — *Ача-пăча чун-чĕрине лайăхрах пĕлес пулсан капла калас çукчĕ эсир* (М. Ильин) «Если бы вы лучше знали детскую душу, то так не говорили бы»; *Халăх укçине тирпейлĕн тытса ăна халăха усăллă çĕре çеç ярсан эпир те çапла чахотка кайса ларас çукчĕ* (Ç. Элкер) «Если бы берегли народные день-

ги и направляли их только на нужды народа, мы не оказались бы в такой вот чахотке».

Как показывают примеры, частица *çук* не образует отрицательной формы будущего желательного времени IV. Она в составе условной конструкции выражает отрицательное предположительное действие, отнесенное в область прошлого.

Йытă çиесшĕ чĕлхи, нимĕн те çавăрса калаймасть (Ф. Павлов) «Вот ведь язык! Пёс бы его съел! Ничего не может выразить». В окончании глагольной словоформы *çиесшĕ* произошла неполная ассимиляция звука |*ч*| со звуком |*с*|, образовался звук |*ш*|.

Приведем другие примеры с конструкциями фразеологического типа, в которых выражается негодование говорящего:

Виçĕм кун «Капкăн» вуласа вар хытса лариччĕнех култарчĕ мур илешши... (Л. Агаков) «Позавчера, читая «Капкан», он рассмешил до колик в животе, черт бы его побрал»; *Ăна (йыснуна), мур çиесшĕне, хамăр пата тек кĕртместпĕр* (Н. Мранькка) «Твоего зятя, черт бы его побрал, больше не пустим к нам»; – *Хăçан пĕрре путланĕç, турă хуплашшĕсем!* – *терĕ Наçтук инке тарăхса* (А. Артемьев) « – Когда наконец сгинут, накрой их господь, – сказала тетя Настя, сердясь».

Раздел 8

НАРЕЧИЕ

§ 1. Наречие как часть речи

Наречие в чувашском языке выступает в основном как отвлеченное обстоятельственное слово и характеризует действие в его протекании. Оно может обозначать образ или способ совершения действия, время, пространство, причину, цель, степень. Некоторые из наречий, сочетаясь с именем прилагательным или существительным, могут выражать особенности признака или свойства предмета.

Это наиболее молодая из всех самостоятельных частей речи, пополняемая за счет: 1) обособления именных и глагольных форм, а также словосочетаний и перехода их в разряд наречий (диахронический путь); 2) образования новых слов аффиксальным способом и способом словосложения (синхронический путь) и 3) заимствований.

У наречия нет присущих только ему грамматических категорий, и оно отличается от других самостоятельных частей речи отвлеченным выражением лексического значения.

Определить наречия можно по следующим признакам:

а) наличие абстрактной семантики и отсутствие конкретного значения[1];

б) отсутствие словоизменения;

в) отсутствие поясняющих слов; лишь перед наречием образа действия могут находиться наречия степени *питĕ* «очень», *кăшт* «немного, чуточку», *пăртак* «тж», *шутсăр* «очень, весьма, необыкновенно» и др.[2];

г) деривационные аффиксы *-ла (-ле), -ăн (-ĕн), -ласа (-лесе), -латса (-летсе), -ĕпе (-ипе), -лен, -мине* и др.[2]

У наречий имеются свои соответствия в составе местоимений: *хăçан* «когда», *ăçта* «где», *тахăçан* «когда-то», *нихă-*

çан «никогда» и др., поэтому косвенным путем наречия можно рассматривать как имена.

§ 2. Лексико-семантическая классификация наречий

Значение семантических групп играет немаловажную роль при изучении образования слов от наречий, так как смысл деривата зависит не только от значения словообразовательного аффикса, но и от значения словообразующей основы. Осведомленность о смысловых группах наречий важна при образовании авербиальных словосочетаний. В ряде групп встречается множество синонимов.

В семантическом плане наречия делятся на два основных типа: качественные (называемые также «определительными») и обстоятельственные.

1. Качественные наречия либо определяют действие, либо обозначают качество признака, иногда и признак предмета. В их число входят: а) наречия образа действия, б) наречия способа действия, в) наречия уподобления и сравнения, г) наречия степени.

Наречия образа действия обозначают, как совершается действие. Так, быстрое совершение действия выражается рядом синонимов: *алхапăл* «тут же, тотчас же, немедленно, сразу», *ăнсăртран* «неожиданно, вдруг, случайно, невзначай», *сасартăк* «внезапно, неожиданно, вдруг», *тăрук* «вдруг», *тӳрех* «тотчас, сразу, тут же», *хăвăрт* «быстро, скоро, поспешно, проворно», *туххăм(ра)* «моментально, мгновенно», медленное совершение действия – наречиями: *ерипе(н)* «потихоньку; медленно, понемногу», *майĕпе(н)* «постепенно, медленно; потихоньку», *хуллен* «медленно, тихо; постепенно», *вăрах* «тихо, медленно, неторопливо».

Другие примеры: *çарран* «босиком», *месерле* «навзничь, плашмя», *ӳпне* «ничком», *чĕвен* «на дыбы (о лошади); на цыпочки, на цыпочках», *харăс* «дружно, одновременно, разом» и др.

В чувашском языке наречий образа действия меньше, чем во флективных языках потому, что значение признака передается теми же словами, какими выражается признак предмета, т.е. прилагательными. Как правило, признак предмета определяется по признаку его действия.

Наречия способа действия обозначают, каким способом или использованием каких форм (средств) совершается действие. К данной подгруппе относятся слова, образованные с помощью аффиксов *-ăн (-ĕн), -ла (-ле)*: *Выратпăр ушкăнăн, бригадăн* (И. Ивник) «Жнем группой, бригадой», *укçан пулăш* «помочь деньгами», *куçăн кур* «видеть воочию»; *Аллăн пар та уран ут* «Дай руками, а шагай ногами»; *статьяна кĕнекен кăлар* «выпустить статью книгой», *улахăн лар* «сидеть в уединении», *туйла пар* «выдать замуж, справляя свадьбу», *укçалла туян* «купить на деньги», *кивçенле ил* «взять в долг, заимообразно», *типĕлле çи* «есть всухомятку», *футболла выля* «играть в футбол».

Наречия уподобления и сравнения обозначают, наподобие кого или чего совершается действие. Они образуются от существительных, изредка от прилагательных при помощи аффиксов *-ăн (-ĕн), -ла (-ле), -латса (-летсе)*: *ахахăн ялкăш* «сверкать, как агат», *çĕленĕн шăхăр* «шипеть змеёй», *юлташла калаç* «говорить по-товарищески», *ачалла хăтлан* «поступать, как ребенок», *çӳçе чĕрĕплетсе кастар* «стричь волосы ежиком», *ăшшăн кул* «приветливо улыбаться», *мĕскĕнĕн курăн* «жалко выглядеть».

Наречия на *-ла (-ле)* могут сочетаться и с существительными, выполняя роль определения: *поэтла çын* «поэтичный человек», *енотла йытă* «енотообразная собака», *маниловла ĕмĕтçĕ* «мечтатель, подобный Манилову».

Наречия на *-ла (-ле)* не всегда могут выступать в роли определения. Для того чтобы производное наречие выступало в роли определения, оно должно быть образовано от существительного, выражающего предмет, с которым можно было бы сравнивать предмет, передаваемый поясняемым существительным.

Переводчики с русского языка, а также газетно-журнальные работники не учитывают вышеприведенные правила, и очень часто у них наречиеобразующий аффикс *-ла (-ле)* без надобности (ошибочно!) применяется при переводе относительных прилагательных с русского языка: *политическая работа* «политикăлла ĕç», *политический кризис* «политикăлла кризис», *ленинская партия* «ленинла парти», *авантюристская политика* «авантюристла политика» и др. В действительности же следует переводить: *политика ĕçĕ, политика кризисĕ, Ленин партийĕ, авантюризм политики.*

Наречия степени. Наречия этой группы указывают на интенсивность действия или признака. Например: *питĕ тăрăш* «очень стараться» – *питĕ хурлăхлă* «очень грустный». К этой группе относятся:

а) первообразные наречия: *пайтах* «много, значительно; порядочно», *пăртак* «немного, чуточку», *тепĕртак* «еще немного», *тата(х)* «еще, опять, снова», *ытла* «слишком, чересчур, очень»; б) производные наречия: *витрелетсе* «как из ведра», *çӳпçелетсе* «целыми кадками», *ялĕпех* «всем селом» в) заимствованные слова (из русского языка): *веç(ех)* «всё, целиком, полностью», *вуçех* «вовсе, совсем», *курттăм* «оптом, гуртом», *пушшех* «больше, сильнее, пуще», *самай* «значительно, немало, изрядно, порядочно», *саççим* «совсем», *сĕре* «очень, страшно, жутко»; г) бывшие имитативы, звуки, которые утратили образно-подражательный характер: *йăлт* «совершенно, окончательно, полностью, совсем», *кăшт* «немного, чуть, чуть-чуть, малость», *лăк* «плотно, густо», *пач* «совсем, совершенно», *тăнч* «совершенно, совсем, полностью, окончательно». Диахронический переход приведенных слов в наречия подтверждается и тем, что они могут присоединять к себе усилительную частицу *-ах (-ех)*.

2. Обстоятельственные наречия являются выразителями временных, пространственных, причинных, целевых обстоятельств, при которых совершается действие.

Наречия времени выражают время действия, а именно дни, ночи, времена года, годы: *паян* «сегодня», *ĕнер* «вчера», *ыран* «завтра», *виçмине* «послезавтра»; *кĕçĕр* «сегодня ночью, сегодня вечером», *çĕркаç* «прошлой, минувшей ночью, вчера ночью», *хĕлле* «зимой», *çулла* «летом», *кĕркунне* «весной»; *кăçал* «в этом году», *пĕлтĕр* «в прошлом году».

В данной группе достаточно много синонимичных наречий: *ĕлĕк* «в старину, встарь, раньше, прежде, некогда, давно» – *авал* «в древности, в старину, давным-давно»;

халь «теперь, сейчас, в настоящее время» – *ĕнтĕ* «теперь» – *анчах* «недавно, только что» – *тин* «только сейчас, только что»;

вара «потом, после; попозже; немного погодя» – *кайран* «потом, после, в будущем, в дальнейшем, впоследствии» – *тек* (в отрицательном обороте) «впредь, в будущем, в дальнейшем, больше» – *кĕç* «скоро, вот-вот, сейчас»;

ялан «всегда, постоянно, все время» – *шав* «постоянно, беспрестанно, беспрерывно» – *тăтăш* «непрерывно; часто, постоянно, регулярно, все время» – *пĕрмай* «постоянно, все время, беспрерывно, непрерывно, всегда»;

малтан «сперва, раньше, ранее, вперед»;

кĕҫ «скоро, сейчас, вот-вот» – *час* (заимствовано из русского) «скоро, живо, быстро».

Наречия, образованные при помощи аффикса *-ла (-ле)*, выражают период действия, указанный производящей основой: *сывлăмла* «по росе, во время росы (пока не наступила жара)», *ачалла* «в детстве, в детском возрасте, ребенком», *симĕсле* «в зеленом, неспелом, недозрелом виде».

Наречия на *-ăн (-ĕн)* и на *-серен* выражают периодичность действия, указанную производящей основой: *Вăхăтăн чупса, вăхăтăн утса пырать Эскетен* (Г. Харлампьев) «Временами бегом, временами шагом идет Эскедень; *Тăмра тĕнкĕлтеттĕр каҫ-каҫăн* (С. Шавли) «Пусть вечерами бренчит балалайка»; *Левен кунсерен пĕрер сăвă çырнă, эрнесерен вĕсене журнал редакцине ярса тăнă* (А. Артемьев) «Леонтий ежедневно писал по стихотворению, еженедельно отправлял их в редакцию журнала».

Наречиями места выражают место действия. Но чувашские падежные формы типа *шала* «внутрь, вглубь», *шалта* «внутри, в глубине», *шалтан* «изнутри» едва ли можно рассматривать в качестве наречий, хотя они на русский язык в большинстве случаев переводятся наречными формами: во-первых, начальная форма типа *шал* «внутренняя часть» употребляется самостоятельно как существительное *шал енĕ* «внутренняя сторона»; ср. другие формы: *мал* «передняя часть», *аял* «нижняя часть», *çиел* «верхняя часть»; во-вторых, падежные суффиксы четко передают пространственные отношения этого существительного с другими словами.

К наречиям места относятся слова, образованные при помощи аффиксов *-ăн (-ĕн)* и *-серен*: *Юрă вĕҫтĕр хир-вăрманăн* (Н. Теветкел) «Пусть песня летит по полям и лесам»; *тулăн-шалăн чупса çӳре* «носиться на волю и обратно»; *Хурăнсерен куккук йăви, йăвисерен чĕпписем* (Н. Ашмарин) «На каждой березе – гнездо кукушки, в каждом гнезде – птенчики»; *Ялсеренех шкулсем уҫăлаççĕ* (М. Уйăп) «В каждой деревне открывается школа».

Наречия причины указывают на основание, повод для совершения действия: *кăлăх(ах)* «зря», *ахал(ех)* «напрасно», *ытахальтен* «спроста», «без видимых причин», *ирĕксĕрĕн* «поневоле».

Наречия цели выражают цель, ради которой совершается действие: *юри* «назло, специально», *ятарласа* «нарочито, специально», *ятне* «тж», *ăнсăртран* «невзначай».

Качественные и обстоятельственные наречия, как правило, не выступают в функции сказуемого.

§ 3. О переходе словоформ и словосочетаний в наречия

В ходе развития языка переход именных и глагольных словоформ в наречия происходит двумя способами.

1. В результате длительных процессов обособления именных и глагольных словоформ и утраты роли связующих элементов словоизменительные морфемы нейтрализуются и полностью сливаются с основой, словоформа становится неделимой.

Так, слово *ирхине* «утром» в начальный период выступало как выделительная форма на *-хи* существительного *ир* «утро» (*ирхи* «утренний»), принявшая аффикс дательного падежа *-не*. При употреблении словоформы *ирхине* в обстоятельственной функции затемняется предметное значение основы *ир-*, утрачивается связь аффикса *-хи* с заменяемым существительным, погашается падежное значение и совершается слияние всех морфем в единое наречие времени, эквивалентное русскому «утром».

Наречие *ерипе* «тихо, потихоньку, медленно, понемногу» образовалось в результате утраты лексического значения корня (ср. *майĕпе* «постепенно, медленно, понемножку, потихоньку»).

Наречие *ӳпне* «вниз лицом, ничком» восходит к обстоятельственной временной форме *ӳпĕне*. В современном языке оно не делится на значимые части.

2. Некоторые словоизменительные морфемы, лишаясь словоизменительной функции, при сохранении лексического значения основы слова могут переосмысливаться в словообразовательные аффиксы наречий. Здесь наблюдаются два разных диахронических процесса.

Во-первых, если один из рядом стоящих синтаксических аффиксов в результате частого употребления перестает выступать в своем грамматическом значении, то следующему аффиксу ничего не остается делать, как тоже прекратить выполнение своей функции. Комплекс двух аффиксов *-ĕ + -пе (-и + -пе)* начинает выполнять словообразовательную функцию. Так, существительные со значением единицы времени (*кун* «день», *сехет* «час», *ĕмĕр* «век» и др.) или со значением вместилища (*пăт* «пуд», *класс* «класс», *ял* «селение» и др.) в форме 3 лица единственного числа при отсутствии определяющих слов перестают выражать значение лица, затем и падежа. Оба аффикса вместе несут или значение объема всего времени, или значение совокупности вмещаемых предметов. Это уже не значение словоизменительных аффиксов, а значение словообразовательного аффикса наречия. Например: *кунĕпе*[3] *ĕçле* «работать целый день», *ялĕпех кайрăмăр* «(мы) пошли всей деревней».

Деривационные аффиксы *-латса (-летсе)* и *-ласа (-лесе)* также являются составными. Они сложены из глагольных деривационных аффиксов *-лат (-лет)* или *-ла (-ле)* и аффикса обстоятельственной временной формы (или деепричастия) *-са (-се)*. Поскольку в словах типа *хальлесе* «в настоящее время, пока», *малтанласа* «предварительно», *чĕреслетсе* «как из ведра», *пинле(т)се* «тысячами» дериватор не обладает глаголообразующим свойством и употребляется лишь рядом с аффиксом *-са (-се)*, эти аффиксы следует рассматривать как слившиеся в один составной аффикс. По функции они подходят к наречиеобразующим аффиксам.

При помощи вышеприведенных аффиксов наречия могут образоваться и в настоящее время: *Отрячĕпех экскурсие кайрăмăр* «Мы пошли на экскурсию всем отрядом».

Во-вторых, аффикс древнего орудийного падежа *-ăн (-ĕн)* в современном языке не перестал выполнять словоизменительную функцию. Обычно у таких существительных не бывает поясняющих слов. Аффикс *-ăн (-ĕн)* присоединяется только к основам определенного круга слов. Все это дает повод рассматривать данный аффикс как словоизменительный, а не словообразовательный: *тӳртĕн* «спиной» (от *тӳрт* «спина, тыльная сторона»), *алăкăн-тĕпелĕн* «из угла в угол» и др. Образования наречий при помощи этого аффикса от прилага-

тельных следует считать, очевидно, более поздним: *лайăххăн* «хорошенько, толком, как следует», *ăшшăн* «приветливо», *чĕрĕн* «живым, живьем» и др., они выражают значение образа действия прилагательных.

Немало случаев, когда целое словосочетание, выступающее в обстоятельственной функции, в результате частого употребления утрачивает лексические значения своих компонентов и приобретает единое новое значение. В процессе слияния компонентов в составе конструкции происходят также фонетические и морфологические изменения:

кăçал «в этом году» < *ку çул* «этот год»;

кĕçĕр «сегодня ночью, этой ночью» < *ку çĕр* «эта ночь»;

çарран «босиком, разутым» < *çара уран* «на босу ногу»;

пĕрмай «постоянно, все время, всегда» < *пĕр май* «один способ, одна возможность»;

пăртак «чуточку, немного» < *пĕр татăк* «один кусок (обрывок)».

§ 4. Частичное использование синтаксических аффиксов с наречиями

В лингвистической литературе принято утверждать, что наречия являются неизменяемой частью речи. В то же время в языке нередко можно наблюдать, что при наречиях могут находиться те или иные словоизменительные и словообразовательные аффиксы. Если мы не ошибаемся, о них пока ни один автор не проронил ни слова.

Так, некоторые наречия, семантически близко стоящие к категориальному значению той или иной именной части речи, но морфологически и синтаксически остающиеся в рамках данного разряда, в состоянии принимать грамматические аффиксы существительных, прилагательных и числительных.

При этом особо следует отметить, что употребление наречиями указанных аффиксов не носит всеобъемлющего характера: во-первых, не все наречия имеют возможность принимать словоизменительные или формообразовательные аффиксы; во-вторых, из комплекса аффиксов, образующих ту или иную категорию, употребляются с наречиями лишь отдельные аффиксы.

Из сказанного следует, что наречия не обладают всеми свойствами цельной морфологической категории, имеют лишь

степени сравнения; употребляемые же при некоторых наречиях отдельные аффиксы являются пережиточными следами других частей речи, из которых эти уникумы были преобразованы.

Наблюдения показывают, что пережитки грамматических категорий свойственны главным образом наречиям времени, что связано с потребностью иметь в современном языке существительные для обозначения временных отрезков со значениями «сегодняшний день», «вчерашний день», «завтрашний день», «прошлый год», «нынешний год» и т.п., но поскольку в языке таких существительных нет, то аффиксы, обычно применяемые существительными, нередко присоединяются к соотносительным наречиям времени.

По анологии с существительными наречия времени могут иметь падежные аффиксы для связи с другими словами в предложении.

Аффикс дательного падежа при наречии времени выражает:

– отрезок времени, в пределы которого направлены результаты действия: *çĕрлене юл* «остаться на ночь» (ср.: *каçа юл* «припоздниться до вечера», *варана хăвар* «оставить на потом» (ср.: *вырсарникуна хăвар* «оставить до воскресенья»); *Ватăпа çамрăк ырана билетсем туянчĕç* (Н. Симунов) «Старик и юноша купили билеты на завтра»; *Халь йĕркене кĕртсе çитерейместен кайрана шанмалли çук вара* (Хв. Агивер) «Если не навести порядок теперь, то трудно будет надеяться на потом»;

– временной предел действия (время суток, недели, года и т.п.): *Виçминене пирĕн çураки вĕçлемелле* (И. Михайлов) «К послезавтрашнему дню нам нужно завершить весенний сев»;

– объект каузации: *Паяна ыран пусать, ырана – виçмине* (А. Емельянов) «За сегодняшним последует завтрашний, а за завтрашним – послезавтрашний».

Форма местного падежа выражает:

– срок, временной предел изменения качества: *Наччасра чей вĕретрĕн иккен* (Илпек М.) «Как же быстро ты вскипятила чай» (ср.: *çирĕм минутра* «за двадцать минут»);

– время, к которому приурочено событие: *Таҳçан сĕм авалра (халăх) çичĕ ют пусмăрĕнче кун курмасăр тарăхса пурăннă* (Илпек М.) «Когда-то в старину (люди) жили под иноземным гнетом, света белого не видя» (ср.: *иртнĕ ĕмĕрте*).

Форма исходного падежа временного наречия выражает, с какого времени происходит действие: *ырантан* «с завтрашнего дня», *ӳлӗмрен* «впредь, в будущем»; *Паянтан эпир пӗр-пӗринчен уйрӑлатпӑр* (П. Осипов) «С сегодняшнего дня мы расстаемся друг с другом».

Форма творительного падежа обозначает:

– к какому времени совершается действие: *ирхинепе* «к утру», *ҫӗрлепе* «к ночи», *ҫуркуннерехпе* «ближе к весне»; *Поезд ҫитрӗ вокзала кӑнтӑрлапалан* (П. Хусанкай) «Поезд на вокзал прибыл к полудню»; *Ҫӗрлепе ҫеҫ пушанаҫҫӗ вӗсем (санитаркӑсем)* (Н. Максимов) «Они (санитарки) освободятся только к ночи»;

– первый компонент из однородных двух членов: *Пӗлтӗрпе кӑҫал ялсенчен нумайӑшӗ пӗр колхоза пӗрлешрӗҫ* (В. Сатай) «В прошлом и нынешнем годах многие из сел объединились в один колхоз».

Форма причинно-целевого падежа передает:

– основание действий, связанных с благодарностью или осуждением: *Паяншӑн, ыраншӑн хӗрсе юрлассӑм килет шутсӑр ман* (А. Воробьев) «За сегодняшний день, за завтрашний очень хочется петь мне вдохновенно»;

– цель действия:

Йӑвантаратпӑр сӑрт-тӑва,
Чарса лартатпӑр мӑн шыва –
Ыраншӑн тар тӑкатпӑр (Ю. Петров)

«Переворачиваем горы, останавливаем великие реки, льем пот во имя завтрашнего дня».

Форма лишительного падежа выражает срок, временность действия: *Унтан ырансӑр та килеймеҫҫӗ пуль вӗсем?* (П. Осипов) «Они, наверно, оттуда не вернутся до завтра?»

Если невозможно определенно сказать, в какое время совершилось или совершится действие, для приблизительного указания времени к наречию прибавляется аффикс множественного числа: *ыран* «завтра» – *ырансем* «приблизительно завтра», «может быть, завтра или чуть позже»; *Вӑл пӗлтӗрсенче кӑна ҫартан таврӑннӑ* «Он из армии вернулся только в прошлом-позапрошлом году»; *Тен, кӗҫӗрсем килсе ҫитеҫҫӗ-и* (Л. Агаков) «Возможно, они прибудут сегодня вечером»; *Ӗлӗксенче*

пулла çӳреттӗмӗр «Мы в былые времена на рыбалку ходили» (ср.: *пилӗк сехетсенче* «к часам пяти»).

По аналогии с прилагательным с некоторыми наречиями могут быть употреблены аффиксы выделения *-и (-хи), -скер: çӗрлине-мӗнне пăхмасăрах* «несмотря на ночное время» (Ср.: *начаррине-мӗнне пăхмасăрах* «несмотря на неважность»); *Çарранскерсем юхан шыв хӗррине утрӗç* «Они, босые, зашагали к берегу реки» (ср.: *çара ураллăскерсем*).

Для увязки своей реплики с наречным словом из речи собеседника говорящий иногда может использовать аффикс 3 лица:

Тихон Николаевич. *Лина яланах çапла кая юлса таврăнать-и?*

Пелагея Тихоновна. *Яланӗ-мӗнӗ... пулкалать çав* (Л. Родионов)

«Тихон Николаевич. Всегда ли Лина возвращается так поздно?

Пелагея Тихоновна. Всегда ли, нет ли... бывает вот».

Наречия степени для выражения значения разделительности по аналогии с разделительными формами числительных могут принимать аффикс *-шар (-шер): пăртакшар* или *кăштшар* «понемногу» (ср.: *вăтăршар* «по тридцати»).

§ 5. Степени сравнения наречий

Только качественные наречия могут иметь степени сравнения.

Парадигма измененения наречий
по степеням сравнения

Осн. ст.	*хăвăрт* «быстро»
Сравн. ст.	*хăвăртрах* «быстрее»
Превосх. ст.	*чи хăвăрт* «быстрее всех»

Суффикс *-рах (-рех)* и частица *чи* являются формообразовательными морфемами. Они видоизменяют значение наречия образа действия, но не служат для обозначения значения связи с другим словом: *хăвăрт чуп* «быстро бегать» – *хăвăртрах чуп* «быстрее бегать» – *чи хăвăрт чупаканни* «тот, кто бегает быстрее всех».

В чувашском языке форму сравнительной степени могут принимать также некоторые наречия времени. В таких случаях, когда основа наречия выражает точно указанное время, форма сравнительной степени обозначает, приблизительно к какому времени совершается действие. Примеры: *халь* «теперь» – *хальтерех* «ближе к моменту речи», *вара* «потом» – *варарах* «чуть позже», *ҫĕрле* «ночью» – *ҫĕрлерех* «ближе к ночи», *паҫăр* «недавно» – *паҫăртарах* «не совсем давно». Но форма превосходной степени от наречий времени не образуется. Поэтому только по наличию формы сравнительной степени трудно утверждать, что наречия времени имеют категорию степени сравнения[4]. К тому же не все наречия времени принимают аффиксы сравнительной степени *-рах (-рех), -тарах (-терех);* ср.: *пĕлтĕртерех, кĕҫĕртерех, виҫминетерех, кăҫалрах.*

Раздел 9

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 1. Понятие об изобразительных словах

Общеизвестно, что в целом языковой знак произволен [10, с. 100–101], т.е. нет никакой связи между языковым знаком и референтом. Но в чувашском языке, как и в других урало-алтайских языках, имеется довольно большой разряд слов, отличающихся от знаковых слов тем, что они имитируют естественные звуки или отображают двигательные образы, хотя эта имитация и отображение лишь приблизительны и условны.

Приблизительность подражания звукам объясняется тем, что рефлективные восклицания людей, звуки, издаваемые животными, в том числе и птицами, звуки явлений природы, звуки, издаваемые предметами и т.д., во много раз богаче звуковых единиц, проявляющихся в словах, а воспроизведение двигательных образов при помощи словесных звуков значительно условно, ибо образы создаются без участия каких-либо звуков. Но между звуковыми и образными подражательными словами имеется общее: они не называют звуки и двигательные образы, а являются непосредственными их выражениями [4, с. 235], а слова, входящие в эти группы, имеют однотипную звуковую структуру.

Одну из указанных групп справедливо называют звукоподражательными словами. А другую можно наименовать по Н.И. Ашмарину симпатическими подражательными словами. Это слова, возникшие при помощи так называемых симпатических движений органов речи [3, I–II, с. 155].

В языкознании для обозначения указанного разряда слов употребляют несколько терминов. Синонимичные термины «подражательные слова», «мимемы» и т.д. указывают на способ образования слов данного разряда. Специалисты по монгольским, тюркским и другим языкам стали употреблять термин «изобразительные слова» [13, с. 123–138]. Нам импонирует последний термин, ибо в нем учитывается цель образования указанных слов.

Имитативы – не слова, а предложения, следовательно, термины «изобразительное слово» и «имитатив» – совсем не синонимы. Термин «имитатив» ни у кого до Г.Е. Корнилова не встречается, поэтому использование термина «имитатив» в некорниловском понимании должно быть обосновано.

Изобразительные слова отображают звуки, движения, образно и красочно обозначая при помощи фонем и интонации слова их выразительность и динамичность, выявляемые органами слуха, зрения и осязания. Примеры: *Куç умĕнче йăпăлйăпăл, кут хыçĕнче мăкăр-мăкăр* (Ват. сăм.) «В глаза лебезит, за спиной ворчит»; *Урасмет тахăшĕ тытса тăракан лаши çине ялт! çеç сиксе утланчĕ те шик! шăхăрчĕ* (Турхан) «Уразмет враз вскочил на коня, стоящего на поводу одного из них, и коротко свистнул»;

Ваттисем юрлаççĕ: шăнкăр-шăнкăр шывĕ
Юхнă вăшăл-вăшăл хăмăш хушшипе (А. Алка)

«Старики поют: звонко журчал ручей между шелестящими камышами».

В истории изучения изобразительных слов наблюдаются различные подходы к ним. Одни исследователи считают, что изобразительные слова не входят в систему средств языкового общения из-за того, что не имеют лексического значения [1, с. 115]. Правы те, кто полагает, что не все группы слов имеют лексическое значение, например, имеются слова, которые выражают лишь грамматическое значение. Содержательной же стороной изобразительных слов является образность, создаваемая воспроизведением естественных звуков и движений [13, с. 130]. Слова с образным значением, наряду со словами, имеющими лексическое и грамматическое значения, вполне могут участвовать в процессе языкового общения:

во-первых, они построены с помощью тех же фонем, что и слова других частей речи (у изобразительных слов нет особых фонем), во-вторых, могут сочетаться с другими словами в составе предложения.

Было время, когда в грамматиках тюркских языков изобразительные слова рассматривались как междометия. Только после капитальных изысканий виднейшего исследователя чувашского языка Н.И. Ашмарина, крупного тюрколога Н.К. Дмитриева и других лингвистов в грамматиках тюркских языков стали выделять изобразительные слова в качестве самостоятельной части речи.

Действительно, междометия и изобразительные слова имеют общие признаки: они не изменяются морфологически и не могут при себе поясняющих слов. Но расхождений между указанными частями речи больше, чем общих черт. Во-первых, если междометия выражают эмоциональные и волевые реакции говорящего на действительность, то изобразительные слова являются имитирующими знаками, приближенно воспроизводящими звуки, световые и прочие явления, в качестве поясняющего слова других членов предложения. В этом отношении изобразительные слова ближе к именным частям речи. Во-вторых, если междометия не делятся на значимые части, то у изобразительных слов каждая фонема и каждый дополнительный структурный элемент обозначают особенности естественного звука или образа. В-третьих, если путем присоединения структурного элемента к изобразительному слову можно образовать вторичное изобразительное слово (*йăл* подр.* – «о мелькании, сверкании, блеске», *йăлт* подр. – о мгновенном действии), то междометия не могут образовывать производные слова в синхроническом плане. В-четвертых, в синтаксическом плане междометия часто не имеют грамматической связи с другими словами, а изобразительные слова выступают в качестве поясняющего слова других членов предложения (преимущественно в роли обстоятельства и определения).

Тем не менее многие авторы испытывают трудности при классификации частей речи. В ряде грамматик тюркских языков изобразительные слова рассматриваются после описа-

* Здесь и далее сокращение «подр.» оставляем так же, как это было в рукописи автора; означает «подражание». – *Прим. ред.*

ния всех частей речи, как самостоятельных, так и служебных, и даже после междометий, не входящих ни в одну из групп, будто изобразительные слова не входят даже в число частей речи.

Если сравнить изобразительные слова со словами других частей речи с точки зрения их структуры, то действительно у изобразительных слов немало таких признаков, которые дают возможность рассматривать их отдельно от слов остальных разрядов.

Прежде всего, изобразительные слова не являются произвольными знаками, как слова других частей речи, они показывают звуки и образы через фонемы. Каждая фонема корня воспроизводит деталь (оттенок) звука или образа (их внезапное начало, яркость или ослабленность, продолжительность или кратковременность и др.), т.е. о том или ином звуке или образе складывается понятие из составных частей слова – особо значимых фонем и добавочных структурных элементов. Кроме этого, изобразительным словам, как правило, присуща своеобразная интонация. Она способствует колоритному подражанию, мешающему переходу подражательного слова в другую часть речи.

Изобразительные слова представляют из себя хотя и приблизительную, но определенную копию звуков и образов. Все же не можем категорически утверждать, что подражательные слова не могут обобщать.

Звуки бывают низкие и высокие, широкие и узкие, тихие и громкие и т.п. Характер природных звуков зависит от величины их производителей и от условий образования звуков. Но не любой природный звук можно выразить изобразительными словами. При их помощи можно передать, как правило, лишь типичные звучания и образы. Большая собака, например, лает громко, низким голосом, кутенок – пискливым, высоким голосом. Но в речи передаем их, не отличая друг от друга, одним и тем же изобразительным словом *хам-хам-хам*. Хрюканье поросенка и визг свиньи изображаем в речи одним и тем же подражательным словом *нӑрик-нӑрик*.

Значит, изобразительными словами мы выражаем лишь характерные, обобщенные, типичные звуки или образы. Они являются общепринятыми для всех носителей языка.

Нет необходимости обозначать в речи все тонкости и оттенки звучаний и двигательных образов. К тому же речевые звуки не в состоянии отражать все их нюансы.

Без обобщающего значения изобразительные слова не могли бы выступать в роли мотивирующей основы при образовании слов других частей речи – путем аффиксации и конверсии, не могли бы употребляться в предложении в качестве поясняющего слова при глаголе, а также при существительном и, наконец, трудно было бы использовать их как второстепенные члены предложения – обстоятельства и определения. Поскольку все перечисленные особенности присущи изобразительным словам, то вполне можно сказать утвердительно, что они обладают основными свойствами слова и примыкают к самостоятельным частям речи.

Но ввиду того, что изобразительные слова противостоят остальным самостоятельным словам отсутствием лексического, наличием образного значения, следует рассматривать их как особую часть речи в этом ряду. Данная часть речи характеризуется тем, что ее слова делятся не на морфемы, а на значимые фонемы и структурные элементы; они (слова) сочетаются с другими словами путем примыкания (без словоизменительных, синтаксических морфем); сами не принимают никаких поясняющих слов. Так как местоимения могут замещать в контексте неглагольные самостоятельные части речи, а подражательные слова не могут, то они должны занимать последнее место в ряду самостоятельных частей речи.

§ 2. Значения изобразительных слов

В зависимости от того, какие природные явления обозначают, изобразительные слова обычно подразделяются на две группы: звукоподражательные слова и симпатические подражательные слова. Некоторые тюркологи эти группы рассматривают как самостоятельные лексико-грамматические разряды (см.: Грамматика современного якутского литературного языка. Якутск, 1982). Но по фонетической структуре и грамматическим признакам они ничем не отличаются друг от друга: в их составе каждый звук приспособлен для подражания природным явлениям. Многие симпатические подражательные слова происходят от звукоподражательных. Правда, сход-

ство слов второй группы с референтом менее ощутимо, чем сходство слов первой группы. Если звукоподражательные слова производятся на основе слуховых восприятий, то симпатические подражательные слова – на основе зрительного образа и чувственного восприятия.

Звукоподражательные слова воспроизводят непроизвольные восклицания и выкрики человека, звуки природы, звучания, сопровождающие некоторые процессы, а также крики животных.

1. Подражания звукам, издаваемым человеком:

– смеху: *ха-ха-ха!* – звонкий смех; *хăй-хăй-хăй* – приглушенный смех; *хе-хе-хе* – ехидный смех; *хи-хи-хи* – смех исподтишка и со злорадством; *лăх-лăх-лăх* – хохот; *чăх-чăх-чăх* – смех с фырканьем; *лĕх-лĕх-лĕх* – тихий ехидный смех;

– свисту: *ши-и!* – продолжительный свист; *шик!* – краткий свист;

– шуму народа: *кĕр-р!* – сильное гудение; *сĕр-р* – монотонное гудение;

– крику: *шари-и!* – испуганный крик; *çари-и!* – пронзительный крик;

– кашлю: *кăх-хăм* – сильный кашель; *ăх-хăм* – покашливание;

– разговору: *шăкăл-шăкăл* – мирный разговор, *пăшăл-пăшăл* – шептанье, шушуканье;

– вздоху: *хаш-ш* – вздох, *хашăл* – шумное дыхание;

– плачу: *лĕр* – плач ребенка; *у-а-а* – плач грудного ребенка;

Лисукпа Верук савăнăçлăн, шăкăл-шăкăл калаçса утаççĕ (М. Ухсай) «Лиза и Вера идут, весело и мирно беседуя».

2. Подражания звукам домашних и диких животных: *мекекек* – продолжительное блеяние коз; *му-у* – мычание коровы; *мăр-мăр-мăр* – мурлыкание кошки; *нăрик* – визг поросенка и др.

3. Подражание звукам домашних и диких птиц: *нарт-нарт* – кряканье утки; *ка-ка-как* – продолжительное гоготание гуся; *кикак* – крик гусей; *киккирик* – крик петуха; *кук-кук* – кукование кукушки; *пĕт-пĕлтĕк* – песня перепелки, *чĕвĕл-чĕвĕл* – щебетание птиц; *чи-чи* – пение синицы; *чилик-чилик* – чириканье воробья; *крак* – карканье вороны или грача.

4. Подражания звукам, издаваемым насекомыми: *нӑй-нӑй-нӑй* – жужжание пчелы, комара; *нӑр* – жужжание жука.

5. Подражания звукам явлений природы: *каш-каш* – шум леса, камыша; *ваш-ваш* – шум ветра; *вашӑл* – глухой шум, шорох, шуршание; *кӗмсӗр* – раскат грома; *Шӑнӑр-шӑнӑр ҫумар ҫӑвать* «С шумом идет дождь».

6. Подражания звукам окружающей действительности: *ҫатӑрт* – треск; *кӗмсӗрт* – грохот; *тӳнк* – звук, возникающий при ударе о полые предметы (о бочку); *чан-н* – колокольный звон; *кӑчӑр* – хруст или скрип; *ту-ту-т* – сигнал автомашины и др.

Симпатические слова воспроизводят зрительные образы и чуственные восприятия.

1. Слова зрительного образа выражают:

– различные движения (походку человека, стремительность, быстроту движения и др.); *вӗтӗр-вӗтӗр* – о семенящейся походке; *мӑкӑльт* – о быстром мелькании чего-либо; *йӑпӑрт-йӑпӑрт* – о быстром и мелком движении; *мӗшӗл-мӗшӗл* – о медленном движении; *хӑпӑл-хапӑл* – о проворном и торопливом движении; *вашт* – о резком движении; *якӑлт* – о быстром прыжке, скачке; *яп* – о быстром хватании и т.п. *Йӑпӑрт-йӑпӑрт пуллине улталасшӑн ӑманпа* (К. Иванов) «И проворных рыбок хочет обмануть червяком»; *Кочергин хӑпӑл-хапӑл сиксе тӑчӗ* (В. Краснов-Асли)«Кочергин моментально вскочил»;

– внешний вид, форму и структуру предмета: *шӑкӑрин* – о виде нескольких очень схожих предметов, образующих как бы целый сплошной ряд; *лӑнчӑ-лӑнчӑ* – об ослаблении, обвисании, например, веревки; *тӑн-тӑн* – об устойчивости предмета; *Сӗтел хушшинче ачасем шӑкӑри лараççӗ* «Ребятишки сидят за столом в ряд»;

– выражение глаз и взгляд: *кӑнн* – об ошалелом, бессмысленном взгляде; *чӑр* – о пристальном взгляде; *Лавраҫ пичче пирӗн ҫине кӑлин пӑхса илчӗ* (Хв. Уяр) «Дядя Лаврентий посмотрел на нас пристальным взглядом»;

– цвето-световые представления: *йӑлтӑр-ялтӑр* – о прерывистом ярком сверкании; *ялтӑрт* – о мгновенной яркой вспышке, сверкании; *чӑл-чӗл* – о слабом свете.

Слова чувственного восприятия выражают:

– психофизиологическое состояние: *шарт* – о вздрагивании при испуге; *лӑш* – о передышке; *лӗнчӗр* – о быстро

наступившей слабости, о резком упадке сил; *пăрт* – о вздрагивании; *сӳ* – о нервной дрожи, ознобе; *сăр* – о нервной дрожи, об ознобе; *Чун сӳ турĕ* «Душу охватило волнение»;

– ощущение вкуса и запаха: *кӳ* – о сильном запахе: *Вăрман енчен çил вĕрсен пыл шăрши кӳ килет* (Д. Гордеев) «Когда ветер дует со стороны леса, сильно пахнет медом»;

– осязание: *шак* – о застывании; *лĕп* – об умеренно теплом; *чак* – о неожиданном покалывании; *кăпăш* – о рыхлом.

В словарях приводятся значения изобразительных слов, но их многозначность совершенно не похожа на многозначность знаковых слов: существительных, прилагательных, глаголов и др. Если образование вторичных значений знаковых слов связано с метафорой, метонимией и синекдохой, то образование множества значений у изобразительных слов происходит на основе ассоциаций звуков по сходству. Н.И. Ашмарин многозначность изобразительных слов объяснял их малочисленностью в языке [3, с. 154]. На наш взгляд, полисемию изобразительных слов следует объяснять не их малочисленностью, а отсутствием соответствующих фонем для выражения всех тонкостей в звуках и образах, приблизительным выражением звуков окружающей среды, примерным отображением динамических образов, цвето-световых представлений и частым совпадением языковых отображений звуковых представлений и образных движений. Например, слово *чаш* обозначает подражание: 1) шипению (*Хĕрнĕ çатма çинче шыв чаш турĕ* «На каленой сковороде вода зашипела»), 2) выплескиванию воды (*Вăл шыва чаш сапрĕ* «Он выплеснул воду»), 3) удару кнутом (*чĕн пушă чаш тутар* «ударить ременным кнутом»), 4) выпусканию пара паровозом или пароходом, 5) вонзанию ножа в мягкий хлеб и т.п. В действительности же при каждом действии звук имеет свои особенности. Но в языке из-за отсутствия адекватных звуков трудно обозначать все нюансы, приходится пользоваться малым количеством фонем.

Иногда одно и то же слово может обозначать и звукоподражание, и образоподражание. Ср.: к вышеприведенным звукоподражаниям *чаш* прибавляется значение образоподражания: *Ку çумăр хыççăн калчасем чашах персе тухрĕç* (Ашм. Т. XV. С. 164) «После этого дождя появились дружные всходы».

Значения изобразительного слова связаны друг с другом приблизительно однотипным обозначением явлений.

§ 3. О фонемике изобразительных слов

Как и любой другой языковой знак, изобразительные слова состоят из фонем данного языка. В их составе нет никаких других, особых фонем. Но в смысловом отношении они отличаются от фонем произвольных знаковых слов: каждая фонема, находясь в линейном ряду структуры слова (в анлауте или инлауте, ауслауте) имеет свое собственное значение. Эти фонемы, соединяясь друг с другом, передают мотивированное значение слова, т.е. образуют изображение звука или образа.

Все же следует отметить, что не все фонемы способны участвовать в образовании изобразительных слов. Из гласных неупотребительны |*ы*|, |*о*|, из согласных – |*г*|, |*д*|, |*н*‘|, |*т*‘|. Согласные |*б*|, |*ж*|, |*ф*|, |*ц*| выступают не только в заимствованных словах, но и в природных. Примеры: *Вĕсем (казаксем) сана бац! мăйран касса пăрахаҫҫĕ* (Ҫ. Элкер) «Они (казаки) бац! срубят тебе голову»; *Эпĕ ик ҫунатлă истребитель. Пă-хăр-ха, епле лайăх вĕҫетĕп. Ж-ж-ж!* (М. Кипек) «Я двукрылый истребитель. Смотрите, как хорошо летаю. Ж-ж-ж!»; *Вжик! вжик! туса, пушă туртса ҫапнă пек, ҫивĕччĕн шăхăраҫҫĕ ҫавасем* (Хв. Уяр) «Косы свистят, будто хлещут кнутом: вжик! вжик!»; *Ҫурхи вичкĕн ҫил тутăр вĕҫне фăрт-фăрт-фăрт вĕлкĕштерет* (В. Кузьмин) «Резкий весенний ветерок играючи полощет кончики платка»; *Сăмсинчен хуртсем сăхкаларĕҫ-ши, упа утаман чăф-чăф суркаларĕ...* (В. Игнатьев) «То ли пчелы ужалили его в нос, косолапый начал фыркать».

В изобразительных словах следует различать фонемы, находящиеся в составе корня, и фонемы, участвующие в образовании производного слова.

Корень изобразительного слова – это сочетание минимума фонем для обозначения звукоподражания или симпатического образа в самостоятельном виде.

Корневые изобразительные слова, состоящие из одной или двух фонем, в языке встречаются в незначительном количестве.

Однофонемные слова лишены особенностей анлаута, инлаута и ауслаута. Они передают беспрерывные однозвучные явления природы. Слова, состоящие из одного гласного звука (Г): *у-у-у* 1) подр. громкому плачу, 2) подр. вою волка; *ӳ-ӳ-ӳ* 1) подр. тихому плачу 2) подр. вою ветра. Из согласных фонем (С) в качестве изобразительного слова могут выступать сонорные или щелевые: *р-р-р* – подр. рокоту мотора или самолета.

В составе двухфонемных изобразительных слов анлаутная фонема независимо от того, является она гласной или согласной, воспроизводит краткое начало звучания, а вторая фонема отличается продолжительным произношением, например, СС: *чш-ш-ш* – подр. шипению раскаленного железа в воде; ГГ: *уа-а-а* – подр. плачу ребенка; СГ: *чу-у* – симпатическое подражание быстрому движению вверх; *сӳ-ӳ* – симпатическое подражание нервной дрожи, ознобу; *ме-е* – подр. блеянию.

Самое типичное корневое изобразительное слово состоит из трех фонем по модели СГС. В начале и конце слова находятся согласные, между ними помещается гласная фонема. Ниже приводятся некоторые наблюдения значений отдельных фонем в занимаемых ими позициях в составе корня.

Начальные согласные. Согласные, находящиеся в анлауте, указывают на характер начала звуковых изображений и симпатических подражаний.

Щелевые согласные |*ш*|, |*ҫ*| передают шелест, шлепанье или тихое начало движения. Здесь нет резкости, неожиданности шума и действия: *шак* – подр. стуку; *ҫат* – подр. хлопку: *питрен ҫат тутар* «дать пощечину»; б) подр. треску, хрусту; *Стакан ҫат тунӑ* «Стакан треснул»; в) симпатическое подражание *алӑка ҫат хупнӑ* «дверь плотно затворили».

Взрывные согласные |*к*|, |*п*|, |*т*| изображают неожиданное начало звучания или движения: *пат* – подр. звуку падения; *кар* – подр. карканью вороны, крику грача; *так* – а) подр. стуку; *Улатакка йывӑҫа так-так тутарать* «Дятел по дереву стучит тук-тук»; б) симпатическое подражание – о бодании, резком толчке; *Така ачана так! сӗкрӗ* «Баран раз боднул мальчика».

Аффриката |*ч*| отображает интенсивность начала звучания или симпатического подражания: *чак* – а) подр. резкому

крику галок, сорок; б) подр. звуку удара: *пăра лумпа чак! тутар* «стукнуть ломом по льду»; в) симпатическое подражание – о быстром движении: *чак сиксе лар* «быстро вскочить».

Анлаутный |*м*| употребляется при обозначении движения век, мерцания звезд и при выражении разнообразных настроений: *куçа мăч тутар* «моргнуть, мигнуть»; *Тӳпере çăлтăрсем мăч-мăч тăваççĕ* «В небе мерцают звезды»; *мăй-й* – подр. плачу маленьких детей; *мĕл* – о мелькании.

Промежуточные (инлаутные) гласные. Инлаутные |*а*|, |*у*|, |*и*|, |*ӳ*| передают долгие, длительные звучания или движения: *йаш (яш)* симпатическое подражание – об укалывании: *Чĕре йаш турĕ* «В сердце кольнуло»; *шик* – подр. свисту; *кӳп* – подр. стуку; *му-ук* – подр. мычанию.

Гласный звук |*а*| противостоит гласному |*ă*|. Первый произносится энергичным, высоким, продолжительным тоном и передает более сильное, ясное действие, чем второй. Ср.: 1) *хар* – подр. сердитому рычанию; *хăр* – подр. слабому рычанию; 2) *ваш* – подр. дуновению ветра; *вăш* – подр. легкому шуму, шороху, шелесту; б) симпатическое подражание – о легком, быстром движении: *Мунчари чул ăшши пит нумай чухне кĕрр! тăвать, пăртак пĕте пуçласан чаш! тăвать, унтан вара чаш-ш-ш!, кайран вара чăш-ш! çеç тăвать.* «Каменка в бане, когда сильно накалена, производит (если плеснуть на нее водой) резкий звук; когда в ней станет меньше жара, получается короткое шипение; потом (когда она еще больше остынет), то получается более длительное шипение и, наконец, менее длительное и более слабое».

В связи с вышеизложенным необходимо привести указание на одну неточность в оформлении словарных статей на изобразительные слова в «Чувашско-русском словаре» (1982, с. 607). Здесь изобразительные слова типа *шăк II* и *шак VI* рассматриваются как синонимичные слова, и, не находя смысловых различий между ними, автор делает ссылки на другое слово. Например: *шăк II* то же, что *шак VI*. В действительности же ни в одном тексте невозможно заменить слово *шăк II* словом *шак VI*. Ср.: *Пӳлĕмри çынсем «качакалла» çапаççĕ, сĕтел çине шак та шак тутараççĕ* (Хв. Уяр) «Люди, сидящие в комнате, забивают “козла”, громко стучат по столу»; *Анне купăса каялла шак лартрĕ* (А. Талвир) «Мать со стуком поставили

ла гармошку обратно». Надо иметь в виду, что слово *шак VI* имеет ряд производных значений, а *шăк II* их не может иметь.

Иногда гласная фонема |э| в изобразительных словах противопоставляется гласной фонеме |а| в том отношении, что первая «выражает слабость и как бы тонкость или нежность действия», а вторая – сильную степень действия. Например:

– *Тислĕк муклашкипе çурăмран лач тутарчĕ...*

– *Суять вăл... леч çех турĕ-çке* (Ф. Павлов)

« – Она кинула в спину навозным комом – хлоп!

– Лжет он... сделал всего лишь шлеп»

Другие примеры: *лап* – подр. звуку падения, удара предмета: *Ача урайне лап персе анчĕ* «Ребенок бах свалился на пол», *леп* – подр. несильному шлепку: *Ача урайне леп турĕ* «Ребенок шлёпнулся на пол»; *лапăрт* – подр. хлюпанью жижи или чавканью, лаканью животного; *лепĕрт* – подр. прихлебыванию.

Противопоставление между гласным |ă| и |ĕ|:

лăп – подр. несильному хлопку; *çурăмран лăп тутар* «хлопнуть по спине», *лĕп* – подр. мягкому, плавному хлопанью; *лăпсăр* – подр. прекращению боли и успокоению, *лĕпсĕр* – подр. расслабленности; *măш* – подр. сопению: *măш сывла* «сопеть», *мĕш* – подр. выражению недовольства, например, когда человек сердится, дуется.

Конечные (ауслаутные) согласные. Взрывные согласные |п|, |к|, |т| изображают кратковременность, моментальность или прерывистость явления: *тăп* а) подр. однократному легкому стуку; б) симпатическое подражание – о внезапности действия; *тăп чар* «внезапно остановить».

Сонорные |в|, |й|, |л|, |н|, |р | передают протяжно-длительное звучание или движение. Дрожащий |р| характерен для слов, являющихся подражанием грохоту, скрипу, храпу, грому и т.п.: *кĕрр* – подр. шуму. Плавный конечный звук |л| выступает для симпатического подражания световым явлениям, блеску, мельканию и т.д.; *мĕл* – о мелькании; *Пĕр пулă мĕл туса ишсе кайрĕ* «В воде промелькнула рыбка».

Чувашским языковедам предстоит большая работа по выявлению роли всех корневых фонем, участвующих в изображении естественных звуков и передаче симпатических образов.

§ 4. Усложненные структуры изобразительных слов

От изобразительных слов простейшего образования путем присоединения так называемых структурных элементов* можно получить производные слова в составе данной же части речи.

Эти элементы исследователями тюркских языков называются по-разному. Н.И. Ашмарин предпочел термин «отличитель» термину «аффикс» [2, с. 9]. В число отличителей он включил главным образом трёхфонемные – типа *-тăр (-тĕр)* – элементы, которые прибавляются к самостоятельно употребляемым, готовым изобразительным словам.

Некоторые тюркологи подобные отличители готовы относить к формантам [9, с. 397] или к аффиксам [4, с. 339].

Едва ли можно оправдать наличие в языке таких специальных значимых единиц, как форманты или аффиксы, для образования усложненных (производных) форм изобразительных слов. Ведь общеизвестно, что значения формантов, аффиксов не мотивируются значениями фонем, входящих в их структуру, они являются произвольными. Двухфонемный элемент, например *-ăр (-ĕр),* при изобразительном слове не может быть формантом или аффиксом, ибо его составные элементы – гласная фонема и согласная – обозначают те же значения, что и в простейшем образовании (в корне) изобразительного слова.

Добавочные структурные элементы изобразительного слова, как и корневые, могут состоять из одной, двух или даже трех фонем. Но эти фонемы самостоятельно не употребляются. Слитность нескольких фонем добавочных элементов объясняется тем, что фонемы, входящие в их структуру, не могут присоединяться друг без друга к изобразительным словам. И, как правило, основным выразителем добавочного значения является согласная фонема. А гласная фонема при ней обозначает напряженность и силу изображения процесса.

Большей частью при согласных фонемах выступает краткая гласная фонема |ă| или |ĕ|. Ср.: *-ăр (-ĕр), -ăл (-ĕл), -ăн (-ĕн), -ăк (-ĕк), -ăш (-ĕш), -ăс (-ĕс), -ăп (-ĕп)* и др. Эта краткая фоне-

* Термин Л.Н. Харитонова [11, с. 167].

ма в соответствующих фонетических условиях может отсутствовать. Особенно если она находится после *р*: *чăрк-чăрк* – подр. трещанию сверчка. В некоторых случаях для выражения большей напряженности дополнительного действия краткая фонема |*ă*| или |*ĕ*| может быть заменена гласной полного образования: *чăрăк-чăрик* (подр. чириканью птиц), *лăкăштăк* (подр. бегу хромого человека) – *лăкăштик* (подр. походке хромающего человека). В слове *лăкăштик* фонема |*и*| выражает более усиленный звук. В силу этого в изобразительном слове ударение переходит на этот звук.

Структурный элемент в состоянии следовать не только за корнем, но и за другим структурным элементом (за производной основой). В слове может находиться целая цепочка структурных элементов. Каждый последующий элемент представляет предшествующую часть слова в более конкретном виде. Например:

йал (ял) – корневое слово выражает неожиданное, энергичное воспламенение. Удлинение конечного способствует выражению более яркого воспламенения (*йал-л*);

йал-т (ялт) – производное слово представляет симпатическое подражание мгновенной вспышке, сверканию; этот элемент не отличается от элемента *т* в корневых словах типа *çат, пат, шат* и др.

йал-т-ăр (ялтăр) – подражание однократному, довольно продолжительному блеску или ярко сверкнувшей молнии;

йал-т-ăр-т (ялтăрт) воспроизводит однократный, быстро оборванный блеск ярко сверкнувшей молнии.

В слове *йалтăрт* элемент *т* употреблен дважды: в первом случае он показывает моментальную вспышку, а во втором – быстрое прекращение яркого блеска. Поэтому при пояснении значения слова *ялт* ссылку на слово *ялтăрт* в словарях следует признать неоправданной.

Ниже приводятся наиболее употребительные структурные элементы. При определении их значений учтены наблюдения Н.И. Ашмарина [2]:

-ăр (-ĕр) обозначает явление, состоящее из целого роя одинаковых или весьма схожих процессов, которые не только следуют один за другим, но отчасти и совпадают один с другим во времени: *чанк* подр. звяканью – *чанкăр* подр. звону металлических и стеклянных предметов; *шап* подр. стуку, хло-

панью – *шапăр* подр. шумному высыпанию чего-либо: *Пăрçа урайне шапăр тăкăнчĕ* «Горох с шумом посыпался на пол»;

-ăл (-ĕл) выражает более плавные и мягкие, как бы более притупленные нередкие процессы: *чаш* подр. шипению: *Хĕрнĕ çатма çинче шыв чаш тăвать* «Вода шипит на раскаленной сковороде» – *чашăл* подр. продолжительному шипению на слабо раскаленном железе; *хăр* подр. одиночному хрипению в горле человека, *хăрăл* подр. хрипению в горле человека, которому трудно дышать;

-ăн (-ĕн) отражает звуки «с ноющим или звенящим оттенком» или плавные движения, после *р* гласная структурного элемента может не вставляться; *вăр* подр. круговому, вращательному движению; *вăр(ă)н* подр. звонкому шуму летящего предмета: *Чул вăр(ă)н вĕçсе иртрĕ* «Камень пролетел со свистом»; *кĕр* подр. шуму: *Урамра халăх кĕр кĕрлет* «На улице шумит народ» – *кĕр(ĕ)н* подр. сильному удару по большому предмету: *Алăка кĕр(ĕ)н тутар* «Громко ударить по двери»;

-ăк (-ĕк) обозначает прибавочный звук или прибавочное движение, завершающее процесс, указываемый подражанием. После изобразительных слов с *н* в ауслауте гласная структурного элемента выпадает: *йан (ян)* подр. далеко разносящимся звукам – *йанк (янк)* подр. звонкости, прозрачности, открытости: *хăлха чиккинчен йанк (янк) тутар* «ударить по уху»; *хăшт* подр. тихому глубокому вздоху – *хăштăк* подр. пыхтению паровоза: *Пăравус хăштăк-хăштăк туса пырать* «Паровоз идет, ритмично пыхтя»; *шалтăрт* подр. короткому стуку: *чӳречене шалтăрт хупса хур* «со стуком закрыть окно» – *шалтăртăк* подр. отрывистому стуку, бряканью;

-ăш (-ĕш) показывает неопределенный признак шума, шипения или шуршания, подражание скользящему движению предмета: *лап* подр. звуку падения, удара – *лапăш-лапăш* подр. шлепанью слишком просторной обуви; *лăпăш-лапăш атăпа* «в огромных, просторных сапогах»; *йăк-як* подр. разнообразным прыжкам – *йăкăш-якăш* подр. легкому, скользящему движению ног;

-ăс (-ĕс) представляет собою подражание глухому, как бы свистящему отзвуку, сопровождающему основной, наиболее отчетливый звук; находясь после *р,* гласная |*ă*| или |*ĕ*| структурного элемента может отсутствовать; *лап* подр. несильному хлопку, мягкому шлепку – *лапăс-лапăс* подр. – о тряске, ко-

лыхании при движении: *лапăс-лапăс чуп* «бежать, трясясь на ходу»; *кĕр* подр. шуму: *Мотор кĕр-кĕр тăвать* «Мотор рокочет», *кĕр(ĕ)с* подр. грохоту, сильному стуку, звуку выстрела: *Пăшал кĕр(ĕ)с тутарчĕ* «Бах! раздался выстрел из ружья»;

-т, употребляющийся после сонорных *л, н, р* и шипящих *с, ш*, передает быструю остановку процесса или отрывистость, мгновенность действия, краткость, оборванность; законченность звучания: *шалтăр* а) подр. бряканью деревянных предметов; б) подр. – о быстром появлении слабости – *шалтăрт* подр. короткому стуку: *чӳречене шалтăрт хупса хур* «со стуком закрыть окно»; *тăр(ă)с* а) подр. стуку сильного удара, грохоту; б) подр. – о резвых прыжках, например ягнят, козлят – *тăр(ă)ст* а) подр. громкому топанью, грохоту: *урапа тăрăст тутар* «сильно топнуть ногой»;

-ч употребляется после сонорного *н* при обозначении звонкого капанья или для обозначения симпатического подражания тонкому предмету, торчащему из земли; *пăн* подр. звуку порвавшейся струны – *пăнч* подр. звонкому капанью (ср. *пăч* подр. глухому капанью, например на землю); *кăнч* подр. торчанию одинокого колоса;

-и указывает «или на некоторую протяженность действия, или на продолжительность, плавность» явления; *шар* подр. – о сильном действии; *Сасси вăрмана шар çурать* «Голос его звонко раздается в лесу» – *шари* подр. пронзительному испуганному крику, визгу; *Ача шари çухăрса ячĕ* «Ребенок пронзительно закричал»; *яр* подр. – об открывании настежь: *чӳречесене яр уçса пăрах* «открыть окна настежь»; *яри* подр. – о плавном открывании двери, окна настежь.

Трехфонемные структурные элементы в чувашском языке употребляются редко:

-кăл (-кĕл): хăр подр. храпению или рычанию – *хăркăл* подр. хриплому клокотанию в горле; *вăшăл-вăшăл* подр. ветру, дующему волнами;

-тăр (-тĕр): кăптăр-каптăр подр. грохоту и шуму от грузного падения тяжелого предмета;

-сăр (-сĕр): лĕпсĕр подр. сразу наступившей слабости, *кĕмсĕр* подр. отдаленным раскатам грома.

* * *

Иногда по какой-либо причине элемент перестает употребляться самостоятельно. Для свободного употребления его

требуется присоединить к нему тот или иной структурный элемент. Разумеется, в таких случаях состав корня увеличивается до четырех-пяти фонем. Примеры:

кăлин подр. – о пристальном взгляде;

кăлт подр. – о слабом толчке;

хăнт подр. глухому звуку, возникшему при ударе;

талт а) подр. – о биении сердца; б) подр. – о вздрагивании всем телом; в) подр. – о тяжелом, неуклюжем прыжке.

§ 5. Повторное употребление изобразительных слов

Изобразительные слова очень часто употребляются в повторном виде. В лексическом плане повторные употребления трудно рассматривать в качестве самостоятельных словарных единиц, отличных от однократно употребляемых слов. Повторение не видоизменяет характер ни звукоподражания, ни симпатического подражания, оно выполняет грамматическую функцию: выражает многократность, беспрерывную повторяемость или продолжительность звукового явления, а также усиленное образно-картинное представление. Ср. примеры:

1. *Шăнкăрчсем юрласа пĕтерсен пăр! вĕҫсе хăпарчĕҫ* (К. Петров) «Скворцы, закончив петь, разом вспорхнули»; *Хĕрсем каччисем хыҫҫăн лĕпĕш пек пăр-пăр вĕҫсе пынăн туйăнчĕ* (П. Осипов). «Казалось, что девушки за парнями порхали, как бабочки»;

2. *Ҫтаппан хапха хăмине урипе тăрс! тапрĕ* (Н. Мранькка) «Степан сильно пинул ногой по доске ворот»; *Алăка тăрăс-тăрăс тапрĕ Марук* (В. Алентей) «Мария несколько раз сильно пинула ногой дверь»;

3. *Яковлев трантаса ҫатăртаттарса ларчĕ те тилхепине карт! туртрĕ* (А. Артемьев) «Яковлев шумно сел в тарантас и дернул за вожжи»; *Эпĕ ҫаврака тĕплĕ ларкăч ҫинче ларса пыратăп, алăри тилхепене карт-карт туртса лашасене но! тесе хăвалатăп* (А. Талвир) «Я сижу на сиденье с круглым дном и, дергая за вожжи, погоняю лошадей возгласом: “Но!”».

Если одинарное изобразительное слово отличается ясным воспроизведением звука и эмоциональной интонацией, то повторное употребление как форма слова не позволяет четкого произношения каждого компонента, вся форма вы-

говаривается единым потоком воздушной струи, неразделимой интонацией, без заметного отделения компонентов друг от друга паузой, с постановкой ударения лишь на конечной части. Поэтому не следует допускать смешения грамматических форм, образованных путем повторения, с синтаксической конструкцией, в которой содержатся повторяемые изобразительные слова, разделенные соединительной паузой. Ср. примеры:

1) *Тăр-тăр чĕтренчĕ урай* «Пол качался»;

2) *Тăр-р! тăр-р! чĕтренчĕ урай* «Пол дважды качнулся».

В первом случае изобразительное слово, хотя состоит из двух компонентов, отображает многократность звукового явления. Во втором случае одинарное изобразительное слово употреблено дважды через определенную паузу, оно не образует грамматической формы. Такой повтор принято называть словесным повтором.

В отличие от других частей речи изобразительные слова можно повторять не только двукратно, но и многократно. *Тăк-тăк тутараççĕ чӳречерен* (Л. Агаков) «Тук-тук-тук стучат в окно»; *Ква-ква-ква-ква-ква! янраса каять çав вăхăтрах пĕтĕм коридор тăрăх киревсĕр кулă* (В. Игнатьев) «По всему коридору раздается ужасный хохот: ква-ква-ква-ква-ква!»

Несмотря на способность двукратной повторной формы выражать значение многократности звукового явления или образно-картинного представления, в речи нередко прибегают к многократной форме, потому что она содействует обозначению усиления степени выразительности.

Некоторые изобразительные слова употребляются только в виде повтора, т.е. не делятся на составные части, их компоненты не выступают как отдельные лексические единицы: *ахăл-ахăл* подр. хохоту, *йăкăл-йăкăл* подр. – о быстрых и скользящих движениях; *лăпăс-лăпăс* а) подр. шуму несильного дождя, б) подр. – об ударах крыльев; в) подр. – о мелких шажках, беге трусцой; *мăр-мăр* подр. мурлыканью; *пăкăр-пăкăр* подр. бульканью жидкости; *тăпăр-тăпăр* подр. – о топтании, выбивании каблуками дроби при пляске; *шăкăл-шăкăл* подр. – о мирном разговоре, согласной жизни.

Изредка между компонентами повторной формы ставится союзная частица *-та (-те)*. Она выражает прерывистость изобразительного слова: *шалт та шалт* подр. много-

кратному стуку; *вĕлт те вĕлт* подр. – о мелькании, быстром движении.

§ 6. Парные изобразительные слова

Парные изобразительные слова образуются путем сочетания однородных (но неодинаковых) слов. Для создания многих парных слов требуются следующие условия: 1) одинаковое количество фонем в обоих компонентах; 2) одинаковые добавочные структурные элементы; 3) различные гласные, иногда и дополнительные согласные в корневой части слова.

В чувашских изобразительных словах корень первого компонента, как правило, содержит редуцированный гласный *(ă, ĕ)*, а корень второго компонента – гласные полного образования *(а, е)*: *вăльт-вăльт* а) подр. – о резких движениях; б) подр. – о колыхании; *çăт-çат* подр. неравномерному треску, хлопанью, шлепанью; *чăнкăр-чанкăр* подр. резкому звяканью, звону металлических предметов; *йăлтăр-ялтăр* подр. – о прерывистом ярком сверкании.

В других тюркских языках наблюдается несколько иная картина: в первом компоненте выступают широкие гласные, во втором – узкие: казах. *тарс-турс* подр. неравномерному удару; кирг. *жалт-жулт* подр. неравномерному проявлению яркости; узб. *шов-шув* подр. легкому шуму.

Судя по противопоставленности гласным звукам в корнях, можно сказать, что компоненты выражают неодинаковые звучания и образы. Компоненты парного изобразительного слова образуют обобщенные значения – о наличии различных звуков и образов.

Согласные фонемы в составе корня не имеют таких противопоставлений. По-видимому, по данной причине для образования парных слов с обобщенным значением говорящие иногда прибегают к использованию в анлауте второго компонента фонемы |*м*|, как и в других частях речи: *кĕрĕс-мерĕс* подр. – о шумном падении; *шăкăр-макăр* подр. недружному разговору. Ср.: использование фонемы |*м*| при образовании парных слов в других частях речи: *шăршă-маршă* «различные запахи»; *кукăр-макăр* «искривленный, извилистый»; *тĕрлĕ-мĕрлĕ* «различный, всевозможный», *хĕреслĕ-мĕреслĕ* «крест-накрест, вдоль и поперек».

Изобразительные слова типа *вăльт-вальт, чăштăр-чаштăр* следует рассматривать не как повторы с некоторыми видоизменениями, а как парные слова по следующим причинам:

1) в абсолютном большинстве таких изобразительных слов их компоненты могут употребляться самостоятельно:

вăрт-варт – подр. неодинаковым мгновенным и отрывистым движениям (*вăрт* подр. мгновенному и отрывистому движению, *варт* подр. быстрому повороту);

йăкăлт-якăлт – подр. неодинаковым прыжкам;

йăлтăр-ялтăр – подр. неодинаковым и неотрывистым сверканиям;

йăр-яр – подр. неодинаковым быстрым движениям;

2) для образования парных изобразительных слов компоненты друг для друга фонетически подбираются по тем же законам, что и при образовании парных слов других частей речи (рифмовка, аллитерация, ассонанс);

3) противопоставленность гласных *ă–а, ĕ–е* в компонентах парных слов представляет не результат чередования в составе морфем того или иного слова, а фонемы двух разных корней, которые имеют свои денотативные референции. Здесь не может быть речи о чередовании фонем.

В некоторых парных изобразительных словах второй компонент не может выступать в самостоятельном виде: *йăпăр-япăр* подр. быстрому, ловкому движению; *кăптăр-каптăр* подр. сильному грохоту.

Существует ряд парных слов, у которых ни один компонент не может употребляться независимо друг от друга: *йăкăл-якăл* подр. быстрому проворному движению; *çăтăл-çатăл* подр. шелесту листьев; *мăк-мак* подр. – о заминке в разговоре или о невнятном бормотании. Очевидно, такие несамостоятельные компоненты представляют реликтовые изобразительные слова.

§ 7. О словоизменительных формах изобразительных слов

Изобразительные слова являются неизменяемой частью речи. Они не в состоянии принимать аффиксы лица, числа и падежа. Но в некоторых экстремальных условиях они способны принимать словоизменительные и формообразовательные аффиксы. Так, в поэтической речи наблюдается окказиональ-

ное употребление изобразительных слов: поэты применяют их не для воспроизведения звуков или образов, а для называния. И эти названия могут присоединить к себе аффиксы лица и падежа. Примеры:

Чĕкеҫ юрри, хурсен кикакĕ,
Ачасемпе аппалану...(П. Хусанкай)

«Песни ласточки, крики гусей, возня с детьми...»;

Эй, салтак юрри ян-янĕ!
Илтĕнет вăл аякран (П. Хусанкай)

«О, гулкость солдатской песни! Она слышна издалека»;

Тăй юрри те шăрчăксен чăр-чарĕ,
Сăвăр сасси те тулнă сывлăша (Я. Ухсай)

«Воздух полон песнями жаворонков, стрекотом кузнечиков и голосами сурков»;

Унта пĕри, уксах шимп-шимпĕ
ҫӳрет... (Я. Ухсай)

«Там ходит один хромой пискун (цыпленок)»;

Сана мĕскер? Текех кĕрлетĕр!
Кун пек шава та кĕр-кĕре
Итленĕ, пысăк вăрҫă витĕр
Ҫӳренĕ эс, татти-сыпписĕр
Тапса сиктернĕ чир-чĕре (Я. Ухсай)

«Тебе-то что? Пусть рокочет! Такой шум и рокот ты слушал, большую войну прошёл, без конца одолевал болезни».

Поэтические окказиональные существительные *кикакĕ, ян-янĕ, чăр-чарĕ, шимп-шимпĕ, кĕр-кĕрĕ* вполне понятны для слушающих, но мы можем считать, что они вошли в словарный состав языка народа как существительные.

Употребление таких формообразовательных аффиксов, как аффикс сравнительной степени и аффикс выделения *-скер,* с изобразительными словами связано с историческими изменениями в их семантике. Н.И. Ашмарин писал: «Первоначальная яркая образность постепенно уступает место рассудочной символике» [3, т. I–II, с. 144]. Слова типа *кал-кал, вăрт-варт* постепенно переходят в прилагательные и прини-

мают аффиксы *-рах (-рех), -скер: кал-калрах* «более удобный», *вăрт-вартрах* «проворнее, быстрее», *вăрт-вартскер* «один из тех, кто проворен».

§ 8. О сочетании изобразительных слов с другими словами

Изобразительные слова создаются для обозначения звучаний или образов отдельных явлений, действий и предметов. Что же касается обозначений нескольких звучаний или образов одним изобразительным словом, то это является не результатом развития значения слова, а результатом несовершенной артикуляционной базы речевого аппарата человека для обозначения всех природных звуков.

Следовательно, по значению изобразительные слова отличаются конкретностью изображения. Поэтому сочетаются они, как правило, с одним словом (глаголом) и производными от него словами. Достаточно привести изобразительное слово, так тут же можно указать на слово, которому оно подчиняется. Правда, изобразительное слово может одновременно сочетаться с синонимичными словами. Примеры: *мăч* → *хуп; мекекек* → *çухăр, макăр* (синонимы); *пăрр* → *вĕçсе кай, вĕçсе тух; лăк* → *тул, тултар, тулли* (слова одного корня); *тăнч* → *пĕт, çухал* (синонимы); *шак* → *шакка, шаклат, шаклаттар* (слова одного корня); *яри* → *уç, уçăл, уçă* (слова одного корня).

В составе словосочетания изобразительное слово выступает только в качестве зависимого слова. Сочетание со стержневым словом происходит двумя способами: при помощи вспомогательных глаголов *ту* «делать», *те* «говорить, сказать», *пул* «быть» или чаще всего без них. Иногда одно и то же изобразительное слово может сочетаться тем или иным способом.

Роль вспомогательных глаголов состоит в том, что они способствуют тому, что изобразительное слово выступает в той или иной функции. Если вспомогательный глагол приобретает форму выделения и основного падежа, то изобразительное слово будет функционировать в роли подлежащего, в косвенном падеже – в роли дополнения. Если же вспомогательный глагол находится в личной форме, изобразительное слово, несомненно, выступает в роли сказуемого. Вспомогательный глагол может принимать также функциональную форму обстоятельства.

Ту и *те* являются переходными глаголами и показывают активный способ образования звука или образа. Вспомогательный глагол *те* употребляется при звукоподражательных словах, издаваемых живыми существами, а вспомогательный глагол *ту* при изобразительных словах и образоподражательных, созданных как живыми существами, так и неживыми. В некоторых случаях эти вспомогательные глаголы могут заменять друг друга, т.е. являться синонимами.

Что же касается вспомогательного глагола *пул,* то он является непереходным и поэтому употребляется для показа синтаксической функции изобразительных слов, образованных пассивным способом.

Поскольку *ту* и *пул* являются однотипными, то употребление их происходит в одинаковых условиях. Они используются:

1) когда невозможно ставить изобразительное слово рядом со стержневым глаголом, т.е. когда они находятся в дистантном положении:

Пăк-пăк-пăк-пăк туса, арман тăрринчи тимĕр трубаран шĕвĕ тĕтĕм сирпĕнсе тухса тăрать (Хв. Уяр) «Из железной трубы на верхушке мельницы, попыхивая, извергается жидкий дым»; *Пăрăвĕ те улпучĕ умĕнче тата хытă мук! тесе хулăн сассипе мĕкĕрсе илчĕ* (Сказка «Çынна çиекен пăру») «И теленок перед барином громко замычал»;

2) когда необходимо создать формы для выражения функций подлежащего, дополнения и сказуемого: *Çав самантрах хыçалти кĕтесре халтăрт туни илтĕнет* (Ç. Элкер) «Тут же в заднем углу послышался грохот»; *Салампи чĕри картах турĕ* (А. Артемьев) «У Салампи (от испуга) ёкнуло сердце»; *«И-ук! И-ук! И-ук! тени тискеррĕн янăраса кайрĕ* (М. Кипек) «Раздался страшный звук: «И-ук! И-ук! И-ук!»;

3) когда изобразительное слово не согласуется со стержневым словом по смыслу: *Акă ялав вĕл-вĕл туса çĕкленчĕ* (Тихăн П.) «Вот знамя поднялось, развеваясь на ветру»; *Сысна нăрăк тесе выртать* (Сказка «Хресчен улпут сыснине кума туни») «Свинья лежит похрюкивая»;

4) когда необходимо выделить изобразительное слово интонационно: в данном случае изобразительное слово может быть выражено без вспомогательного глагола: *Чӳрече кантăкĕсем чăнкăр! туса ванса тăкăнчĕç* «Оконные стекла разбились

со звоном и рассыпались»; *Качака таки кăштăрт! туса анать тет кăмака çинчен* (Сказка «Качака такипе автан») «Козел слезает медленно с печки»; *Эх-хĕм! тесе усĕркелесе те илетпĕр* (Уйăп М.) «Иногда покашливаем кх-кх»; *Вара тӳрленсе те тăраймарĕ, ай! тесе кăшкăрса ячĕ»* (В. Сатай) «Не смог даже выпрямиться, вскликнул: «Ай!».

Вспомогательный глагол *пул* употребляется лишь с некоторыми изобразительными словами: *Юратакан каччăн амăшĕ кӳренменнине ĕненсен хĕрĕн чĕри лăштах пулчĕ* (Н. Мраньк-ка) «Когда убедилась, что мать любимого парня не обиделась, сердце девушки успокоилось»; *Тата çакна та асăрханă эпĕ: ялта чи пуçтах тенĕ ачасем те вăйă картинче мăштах пулаççĕ* (Хв. Уяр) «И вот что я еще заметил: самые дерзкие парни деревни в хороводе становятся скромными».

Изобразительное слово в качестве зависимого и стержневое слово при сочетании друг с другом ведут себя по-разному.

Выше мы видели, что одно и то же изобразительное слово может сочетаться с любым из однокоренных слов: как с корневым словом, так и с производным в качестве стержневого. Но образование самих производных изобразительных слов, созданных при помощи добавочных структурных элементов, тесно связано с валентностью стержневого слова. Каждое производное слово должно сочетаться с новым стержневым словом. Например, каждое изобразительное слово одного корня:

йал (ял), *йалт (ялт)*, *йалтăр (ялтăр)*, *йалтăрт (ялтăрт)* могут соединяться с отдельным стержневым словом:

ял подр. неожиданному энергичному воспламенению → *хып: Улăм ял хыпса кайрĕ* «Солома вдруг вспыхнула»;

ялт подр. однократному сверканию молнии → *çиç: Çиçĕм ялт çиçрĕ* «Сверкнула молния»;

ялтăр подр. однократному, довольно продолжительному блеску сверкнувшей молнии → *çутал: Йĕри-тавра ялтăр çуталса кайрĕ* «Вокруг ярко вспыхнуло»;

ялтăрт подр. – о мгновенной вспышке, о сверкании → *ту: Çиçĕм ялтăрт турĕ* «Молния ярко сверкнула».

Другой пример:

лаш подр. – о резком ослаблении, например, натянутой веревки → *кай: Кантра лаш кайрĕ* «Веревка резко ослабла»;

лашт подр. – о бессильном движении вниз → *кайса лар: Прахăр, вăйĕнчен сулăнса, пукан çине лашт кайса ларчĕ* (Н. Мраньк-ка) «Прохор, обессилев, опустился на стул»;

лаштăр подр. падению с глухим шумом громоздкого предмета → *ишĕлсе ан: Урай лаштăр ишĕлсе анчĕ* «Рухнул пол избы»;

лаштăрт подр. оборванному звуку при падении предмета → *кая пар: Михĕ çӳлтен лаштăрт кая пачĕ* «Мешок шлепнулся сверху».

§ 9. Синтаксические функции изобразительных слов

Связываясь с другими словами в предложении, изобразительные слова отвечают на определенные вопросы, исходящие от стержневого слова. Поэтому они могут быть членами предложения. Такой признак изобразительных слов ставит их в один ряд с полнозначными словами. Синтаксическая роль их зависит от того, с каким словом они соединяются.

Изобразительные слова чаще всего бывают обстоятельством образа действия. В данном случае они соединяются с глаголами: *Икĕ ватă çакна илтсен тăпах чарăнса тăчĕç те пĕр-пĕрин çине кăнн пăхкаласа илчĕç* (И. Тукташ) «Два старика, услышав это, вдруг остановились и внимательно посмотрели друг на друга»;

Ирхи çăлтăр хăпарса	«Занялась заря, улыбку
Йăл-йăл кулать тӳпере	Шлет последняя звезда»
(К. Иванов)	(Перевод П. Хузангая).

При выполнении роли обстоятельства меры и степени изобразительные слова поясняют имена прилагательные: *Хыр-чăрăшăн шăнкăр типĕ те сухăрлă тураттисем хĕрсе çунаççĕ* (Ю. Скворцов) «Совершенно сухие и смолистые хвойные сучья горят с жаром»; *Акă вăл (курак), йăлтăр хураскер, ăшă енчен хĕл каçса таврăнчĕ те çирĕп сăмсипе йывăç турачĕсене хуçа-хуçа йăва тума пуçларĕ* (М. Ухсай) «Грач иссиня-черного цвета вернулся с юга после зимовки и, ломая острым клювом ветки деревьев, начал строить гнездо».

Другие примеры: *лăк тулли* «совершенно полный, битком набитый», *пăч тĕттĕм* «совершенно темно, очень тем-

ный»; *яр уҫă* «широко распахнутый», *шак хытă* «совсем твердый», *янкăр уяр* «совершенно ясная (погода)».

Во время выполнения функции о п р е д е л е н и я изобразительные слова поясняют существительное для показа предмета, издающего звук или имеющего тот или иной образ.

Çур çĕр иртнĕ. Мăч-мăч çутă
Курăнать пĕрре кăна (Я. Ухсай)

«Ночь прошла. Мерцающий свет виднеется только вдали»;

Чечексем çинче пыл хурчĕсем нăрлатса вĕҫсе çӳреҫҫĕ, пыл пухаҫҫĕ, вĕл-вĕл лĕпĕшсем вĕлтĕртетеҫҫĕ (С. Аслан) «Над цветами, жужжа, летают пчёлы, собирают нектар, порхают нежные бабочки»;

Йăлтăр-йăлтăр куҫĕсем
Сар хĕр çине пăхаҫҫĕ,
Сар мăйăхлă тутисем
Ăшă сăмах калаҫҫĕ
(К. Иванов)

«Очи огненные пылко
На красавицу глядят,
И уста под первым пухом
Слово ласки ей дарят»
(Перевод П. Хузангая).

Не удивительно, что изобразительные слова выступают не только в роли определения и обстоятельства, но и в качестве именного с к а з у е м о г о. Ведь такие же функции имеют имена прилагательные. Все же следует отметить, что в данной функции изобразительные слова употребляются значительно реже, чем в функции обстоятельства и определения. Функцию сказуемого они могут выполнять как в одинарном, так и в повторном виде, а также в парном.

Примеры: *Урисем ун тăн-тăн, аллисем çирĕп* (В. Ухли) «Ноги его устойчивы, руки крепки»;

Вăрман çăра, пит тискер,
Унăн ăшĕ чăв та чав
(К. Иванов)

«Лес густой, суровый; всюду
Дикий крик и гомон птиц»
(Перевод П. Хузангая);

Тапранчĕҫ лашасем,
Юртти кал-кал
(С. Шавли)

«Лошади тронулись, бег их ровный»;

Шăлĕ шăкăринччĕ те – аш-какайĕ шутлăччĕ (А. Емельянов) «Зубы-то были целы, да мяса было немного».

Функция подлежащего изобразительных слов несвойственна литературному языку. В разговорной же речи (в результате конвертирования), превращаясь в существительное, они могут выступать в роли подлежащего, в подобных случаях могут иметь при себе определения.

Примеры:

Кил картинче темле шăй-шай илтĕнчĕ (М. Ухсай) «Во дворе послышался какой-то шум»; *Çăй та çай, ихик те хихик пуçланчĕ хайхи шывра* (А. Ĕçхĕл) «Шум-гам, смех и хохот начались в воде»;

Илемлĕ ман килĕм-çуртăм,
Ниççан тухман унта хăр-хар (А. Алка)

«Красив мой дом родной, никогда не возникала там ссора»;

Аптраман шăвать, тăнлать,
Ачăхху аптратнипе
Сăмсине сăтăркалать (П. Хусанкай)

«Аптраман ползет, прислушивается, оттого что чиханье мучит, потирает нос».

Но в конвертированном виде мы редко встречаем употребление изобразительных слов в роли д о п о л н е н и я. Вот некоторые примеры:

Çак шухăшпах эп киле утрăм,
Куртăм çурхи ирĕн çăлтăрне.
Хамăн чĕрепе-çке танлаштартăм
Эпĕ унăн кăвар пек йăлтăрне (А. Алка)

«С этой же мыслью я отправился домой, увидел звезду весеннего утра. Ее мерцание, как у уголька, я сравнил со своим сердцем»;

Миçе каç унăн хăр-харĕнчен хăраса кӳрше каçса тармарĕ (И. Лисаев) «Сколько ночей, боясь его скандала, убегала к соседям»;

Анчах ку, ман шутпа, урăх чухне калаçмалли япала. Паянлăха тăрантартăмăр сана хамăрăн пăкăл-пакăлпа (Г. Краснов) «Но это, по-моему, разговор для другого раза. А сегодня мы насытили тебя своей болтовней».

Раздел 10

ПОСЛЕЛОГ

§ 1. Понятие о послелоге

Послелогом называется служебная часть речи, которая выражает отношения между предметами, между предметом и действием, между номинализованным признаком и действием и некоторыми компонентами действительности.

Послелоги выражают подчинительную связь между словами. Термин «послелог» (чув. *хыççăмах*), в соответствии с его лексической семантикой, указывает на то, что он располагается после имени существительного или прилагательного, числительного, атрибутивной временной формы глагола.

По выражению значения отношений между словами и по функции послелоги близко стоят к падежным аффиксам. Историческую связь падежных аффиксов с послелогами иллюстрируют, например, чувашский аффикс причинно-целевого падежа, который восходит к послелогу *ӳчӳн* ряда тюркских языков; аффикс творительного падежа *-па (-пе)// -пала (-пеле)// -палан (-пелен)* восходит к послелогу *билен* и т.п. Но, видимо, не все падежные аффиксы происходят от послелогов, форма лишительного падежа, например, отпочковалась от производных прилагательных на *-сăр (-сĕр)*.

В отличие от падежных аффиксов послелоги являются в некоторой степени самостоятельными словами, имеющими свое ударение, и не подчиняются по закону сингармонизма тем словам, к которым они относятся. Если падежные аффиксы употребляются, как правило, со всеми именами существительными, то сочетание того или иного послелога с существительными избирательно.

Ввиду отсутствия способности к отдельному номинативному употреблению послелоги тянутся к управляемым словам, весь смысл их применения – в употреблении вместе с предыдущим словом, в выражении связи предшествующего слова с последующим.

§ 2. Первообразные и непервообразные послелоги

По формальной организации послелоги делятся на первообразные и непервообразные.

П е р в о о б р а з н ы е послелоги в современном языке не связаны словообразовательными отношениями со знаменательными словами. Возможно, диахронически они имели связи со словами, относящимися к той или иной части речи, но в синхронном плане первообразные послелоги не имеют подобных себе знаменательных слов. Это свидетельствует об их относительной древности.

К первообразным послелогам чувашского языка относятся: *валли* «для», *евĕр* «наподобие», *пек* «наподобие», *пирки* «из-за», *таран* «до», *тери* «до», *хальлĕн* «в виде», *хатер* «до», *хута* «в течение, в продолжение», *ункай* «по», *йӳней* «к, по направлению, в сторону».

Н е п е р в о о б р а з н ы е послелоги имеют словообразовательные отношения и лексико-семантические связи со знаменательными словами современного языка; иначе говоря, они сохраняют возможность самостоятельно употребляться в другом грамматическом контексте.

Послелоги, изолированные: а) от существительных: *май* «по» (< сущ. *май* «способ»), *яхăн* «около, с» (< сущ. *яхăн* «близость»), *çинчен* «о» (< сущ. *çи* «поверхность» в 3 л., ед. ч., исх. п.), *пуçне* «кроме, помимо» (< сущ. *пуç* «голова, начало» в 3 л., ед. ч., дат. п.), *вырăнне* «вместо» (< сущ. *вырăн* «место» в 3 л., ед. ч., дат. п.), *тĕлĕшĕнчен* и *тĕлĕшпе* «в отношении» (< сущ. *тĕлĕш* «суть, сущность» в 3 л., ед. ч., исх. п. и твор. п.);

б) от прилагательных: *витĕр* «сквозь, через» (< прил. *витĕр* «сквозной», *витĕр суран* «сквозная рана»), *тавра* «вокруг» (< прил. *тавра* «кружный, окольный», *тавра çул* «окольный путь»), *тăрăх* «вдоль, по» (< прил. *тăрăх* «продольный»), *урлă* «через, поперек» (< прил. *урлă* «поперечный»), *хирĕç* «против» (< прил. *хирĕç* «противоположный»), *юнашар* «рядом с, вблизи, около» (< прил. *юнашар* «соседний»);

в) от глаголов в форме обстоятельственного времени: *каҫа* «в течение» (< *каҫа* «переходя»), *кура* «смотря по» (< *кура* «смотря»), *пăхмасăр(ах)* «несмотря на» (< *кура* «смотря»), *пула* «благодаря, из-за» (< *пула* «будучи»), *пуҫласа* «начиная с» (< *пуҫласа* «начиная»), *ҫити, ҫите(х), ҫитиччен* «до» (< *ҫитех* «дойдя», *ҫитиччен* «до того как дойти»), *тесе* «из-за» (< *тесе* «говоря»);

г) от наречий: *вара* «с» (< нар. *вара* «потом, после»), *пĕрле* «вместе с; с» (< нар. *пĕрле* «вместе»), *хыççăн* «после» (< нар. *хыççăн* «позади»), *тĕллĕн* «для, ради, на долю» (< *тĕллĕн* «местами»).

Непервообразные послелоги возникли и возникают в результате отпочкования одного из значений знаменательного слова в определенной позиции, определенной форме и вследствие постепенной утраты предметного значения основы и грамматических значений аффиксов. Из-за того, что совершается отпочкование послелога, не следует считать, что происходит отмирание полнозначного слова. Оно продолжает функционировать, так же как и до появления омономичной формы.

Отпочковавшиеся послелоги отличаются от полнозначной лексемы не только семантически и синтаксически, но и морфологически. К сожалению, в чувашско-русских словарях лишь некоторые непервообразные послелоги выделены в качестве самостоятельной части речи.

К числу послелогов не следует относить так называемые служебные имена типа *ай* «низ», *ҫи* «верх», *пат* «близость» и др., употребляемые, как правило, в локальных падежах и переводимые на русский язык предлогами. Если подходить к ним с точки зрения грамматики тюркских языков, то обнаруживаем в них и основу существительного, которая может употребляться не только после других имен, но и самостоятельно в роли того или иного члена, и аффиксы, употребляемые с существительными, а именно аффиксы лица, личного числа, предметного числа и локальных падежей. Здесь об отпочковании послелогов от существительных, за исключением двух-трех случаев, не может быть и речи. Все это дает повод рассматривать «служебные имена» не в числе послелогов, а в разряде существительных.

У этих существительных явно выступают два значения: 1) основное, предметное значение: *Кушак пӳрт тăрринчен ӳкрĕ*

«Кошка упала с крыши дома»; 2) переносное, метонимическое значение, показывающее пространство, связанное с предметом: *Самолет пӳрт тăрринчен вĕҫҫе иртрĕ* «Самолет пролетел над домом». Метонимическое употребление не служит поводом для отпочкования формы. Ср.: *Пирĕн класс ҫутă* «Наш класс светлый» – *Пирĕн класс улттăмĕш класпа ăмăртать* «Наш класс соревнуется с шестым классом».

В синтаксическом отношении существительное, подобное вышеуказанным, употребляясь в переносном значении, не образует вместе с впереди стоящим существительным неразложимого комплекса, а самостоятельно выполняет роль члена предложения. Ср.: *Пӳрт умĕнче хурăн ӳсет* «Перед домом (букв.: на переднем участке дома) растет береза». Словоформа *умĕнче* является обстоятельством места, а словоформа *пӳрт* по отношению к *умĕнче* выполняет функцию определения. Невозможно согласиться с мнением исследователей, утверждающих, что падежные формы «служебных имен» выступают как различные послелоги, хотя и объединенные общностью основы, изменяемой по падежам. Но существительные типа *ум* «перед, передняя часть» изменяются не только по падежам, но и по лицам, личным и именным числам. Если каждую падежную форму имени признать в качестве отдельного послелога, то пришлость бы считать возможным рассматривать в качестве такового и каждую личную и числовую форму, что, конечно, неправомерно.

Ущербность падежных форм указанных существительных объясняется узостью их семантики. Имена с пространственным значением употребляются, как правило, в пространственных (локальных) падежах.

§ 3. К вопросу об управлении послелогов

В тюркологии принято считать, что послелог управляет падежом имени и при этом уточняет или дополняет значение падежа. Мы считаем не лишним интерпретировать смысл этих положений на фактическом материале чувашского языка.

Слова, употребляясь в определенных позициях, при переходе в послелог приобретают грамматическое значение. Они выражают отношение предыдущего слова к последующему. Но

в плане выражения эти слова не видоизменяются. Без трансформации остается и управляемая форма предыдущего слова.

Падежный суффикс, ранее выражавший отношение между именем и словом до перехода его в послелог, тоже утрачивает свою прежнюю роль, и, по крайней мере, он не выражает отношения между именем и словом, стоящим за послелогом, ибо отношение между именем и другим словом обозначается послелогом. Значит, в данном случае совершенно не кстати утверждать об управлении послелога именем, так как падежный аффикс управляемого слова должен выражать грамматическое значение слова связи между полнозначными словами. Скорее всего, речь идет о послелогах, употребляющихся с той или иной падежной формой имени.

Если кто-либо будет настаивать на положении об управлении послелога именем, то он должен доказать тезис о грамматической роли падежного показателя. Употребление имени в том или ином падеже должно зависеть от послелога. Для сравнения возьмем примеры сочетания предлогов с падежной формой из русского языка: *пойти в школу, находиться в школе.* Предлог *в* выражает пространственное отношение. А подвиды данного значения отражаются падежами: форма винительного падежа *(в школу)* выражает направление, а форма предложного падежа *(в школе)* – местонахождение.

В чувашском языке различные падежные формы при одном и том же послелоге, как правило, не играют никакой смыслоразличительной роли. Например: *санран пуçне // сансăр пуçне.* Обе конструкции выступают в совершенно адекватных значениях.

Или: *сан* (род. п.) *валли // Петĕр* (осн. п.) *валли // сана* (дат. п.) *валли.* Послелог *валли* в данном случае употреблен в сочетании с тремя падежными формами.

Таким образом, в чувашском языке послелоги не управляют тем или иным падежом имени. Мы считаем, что нельзя слепо переносить признаки русской грамматики в чувашскую. Правда, у предлога и послелога имеется типологически общее свойство: и первый, и второй выражают отношение между словами. Но если предлоги русского языка действительно управляют именами, то у послелогов нет этого признака. Падежные аффиксы имени в послеложной конструкции относятся к реликтовым явлениям. Вполне можем ут-

верждать, что они представляют своеобразные асемантические элементы, употребляемые перед послелогом. Но, нам думается, падежный аффикс в этих конструкциях выполняет чисто строевую функцию. Падежный аффикс в совокупности с послелогом является выразителем значения отношения между словами, ибо в сочетаниях типа *Петĕре пула каяймарăм* «Из-за Петра я не смог пойти» послелог *пула* сам по себе, без аффикса дательного падежа, не может выражать отношения между словами; значит, падежный аффикс не является совершенно ненужным элементом. Значение послелога находит выражение только в определенном контексте.

Если бы послелоги управляли падежом, то они должны были бы употребляться в любом случае в сочетании с падежной формой. Но общая картина в чувашском языке такова, что послелоги в большинстве случаев употребляются не с формами косвенных падежей, а с формой основного падежа. Это можно считать общей тенденцией послелогов: они, как и падежные аффиксы, тяготеют к основе склоняемого имени.

Ср.:

ман валли // Петĕр валли, вĕсем валли;
урама тăрăх // урам тăрăх;
çула урлă // çул урлă;
вĕсен витĕр // вĕсем витĕр;
çула май // çул май, сăмах май;
пĕр сехете яхăн // пĕр сехет яхăн;
иккĕшин çинчен // иккĕшĕ çинчен.

В случаях сравнительно недавнего перехода слов в послелоги сохраняется еще прежнее управление. Особенно это заметно в конструкциях отглагольных послелогов.

Наблюдения показывают, что послелоги, сочетаясь с непредикативными глагольными формами, прилагательными, в большинстве случаев требуют оформления их склоняемой основы. Для этого глаголы, прежде чем сочетаться с послелогами, должны принимать атрибутивную временную форму, затем – аффикс выделения. Ср.: *вуларĕ → вуланă + и = вулани çинчен.* Некоторые послелоги *(пирки, тăрăх, таран, май)* могут сочетаться и без прибавления к сочетаемому слову аффикса выделения. Ср.: *вăхăт иртнĕ май* «по истечении времени», *çанталăк ăшăтнă пирки* «в связи с потеплением», *мĕн вăй çитнĕ таран* «изо всех сил», *салтаксем каланă тăрăх* «по рассказам солдат» и др.

Совершенно своеобразно употребление послелога *пек*. Он может сочетаться почти с любым типом форм глагола. Ср.: а) сочетание *пек* с обстоятельственной временной формой: *Йӑлӑнса пекех каларĕ* «Он сказал чуть ли не упрашивая»; б) сочетание с предикативной временной формой: *Вĕренетчĕ пек астӑвать Нина* «Нина помнит, будто бы тогда (он учился)» и др.

Все же следует особо отметить, что иногда один и тот же послелог может сочетаться с двумя падежными формами, но не одного и того же слова, а разных слов. Ср.: *Петĕртен пуҫне* «кроме Петра» и *ҫын пуҫне* «на (каждого) человека». Здесь невозможно употребление послелога *пуҫне* при двух падежных формах одного и того же имени, ибо значения отношений в двух различных конструкциях друг с другом никак не связаны. В первом случае послелог сочетается с существительным *Петĕртен,* обозначающим конкретный предмет (или конкретного человека), и выражает отношение лишения, исключения, выделения, отнятия. Во втором случае послелог сочетается с существительным, обозначающим не конкретный предмет, а вид предмета, и выражает он количественно-распределительное отношение: *Ҫын пуҫне ҫĕршер тенкĕ тивет* «На (каждого) человека выходит по сто рублей». Очевидно, в этих конструкциях послелоги имеют омонимичные значения, и они в языке появились в разное время: послелог *пуҫне* со значением «кроме» возник раньше, чем послелог *пуҫне* со значением «на».

Судя по тому, что падежный аффикс выражал значение отношения между именем и другим полнозначным словом до его перехода в послелог, трудно говорить об уточнении и дополнении значения падежного аффикса значением отпочковавшегося послелога, ибо падежный аффикс утратил свое прежнее грамматическое значение и не имеет никакого отношения к слову, стоящему за послелогом. В послеложной конструкции падежный аффикс сохраняется в силу традиции рядом с управлявшим словом, ныне являющимся послелогом.

В сущности, отношение между именем и глаголом (или другим именем) выражает не только послелог, а комплекс двух выразителей значений грамматических отношений: падежного аффикса и послелога.

§ 4. Морфологические признаки послелогов

Как уже было отмечено, послелог принадлежит к числу частично неизменяемых частей речи. Но когда из словосочетания опускается поясняемое слово (существительное), к послелогу (взамен эллиптируемого слова), как в большинстве случаев, прибавляется выделительный суффикс *-и (-хи)* или *-скер*. Например: *сан пек ача* «мальчик, похожий на тебя» – *сан пекки* «тот, кто похож на тебя», *сан пекскер* «один из тех, кто похож на тебя»; *патшана хирĕç хресченсем* «крестьяне, выступающие против царя» – *патшана хирĕççисем* «те из них, кто против царя». Выделительные формы, как имеющие субстантивные свойства, могут изменяться по числам и падежам.

В подобных случаях нередко обходится и без выделительных аффиксов, и падежный аффикс, употребленный ранее с поясняемым существительным, тут же, минуя выделительный аффикс, присоединяется к послеложной конструкции. Примеры: *Пĕр çухрăм пекре сĕвек Çавал улăхĕ тăсăлса выртнă* (Ç. Элкер) «На расстоянии с километр простирались пологие цивильские луга» (ср. *пĕр çухрăм пек хушăра*); *Вунă минут пекрен Никифоров пӳлĕмрен тухрĕ* (Ç. Элкер) «Минут через пятнадцать Никифоров вышел из комнаты» (ср. *вунă минут пек вăхăтран*); *Тем терирен çеç вăл (Петĕр) никам çине пăхмасăр сăвă калама пуçлать* (А. Емельянов) «Только через некоторое время он (Петр) начинает декламировать стихи, несмотря ни на кого» (ср. *тем тери вăхăтран*); *Правленипе юнашарта колхозниксен пахчисем пуçланса каяççĕ* (Ибасов) «Рядом с правлением начинаются усадьбы колхозников» (ср. *правленипе юнашар талккăшра* или *вырăнта*).

В рассмотренных случаях в результате эллиптирования поясняемого существительного из словосочетания и прибавления падежного аффикса послелог утрачивает свою связующую роль. Но по его наличию перед падежным аффиксом мы определяем, что послеложная конструкция приняла субстантивный характер и, получив падежный аффикс, поясняет следующее слово – глагол.

Некоторым послелогам, имеющим значение градации признака, свойственно принимать аффикс сравнительной степени: *Тамара пекрех туйăн* «казаться чуть похожей на Тамару»; *Сенттипе юнашартарах чавма тытăн* «начать копать чуть

ближе к Сентти»; *Çĕр шăрши çулла тусанăнни майлăрах* «Запах земли летом чуть подобен запаху пыли».

Ряд послелогов с пространственным значением и некоторые другие могут принимать также аффикс древнего инструментального[1] падежа или опускать его, но значение послелога от этого не меняется. В сущности, перед нами выступают синонимичные послелоги:

каланă пек и *каланă пеккĕн* «как было сказано»;

сăмах май и *сăмах майăн* «по мере сказанного»;

улăп майлă и *улăп майлăн* «наподобие улыпа»;

Люся каланă тăрăх и *Люся каланă тăрăххăн* «по словам Люси»;

урама урлă и *урама урлăн* «поперек улицы»;

пиччепе юнашар и *пиччепе юнашаррăн* «рядом со старшим братом».

Послелоги с аффиксом *-ăн (-ĕн),* в отличие от послелогов без этого аффикса, как правило, выступают в позиции перед глаголом.

§ 5. Классификация послелогов по их значению

Послелоги желательно классифицировать по их значению, ибо таким образом можно выявить группы послелогов, выражающие синонимические значения. Но поскольку некоторые послелоги могут выражать не одно, а ряд значений, то при классификации одни и те же послелоги могут оказаться в различных группах.

Выделяются следующие значения, выражаемые послелогами.

1. Пространственные отношения имеют ряд оттенков значений:

а) место совершения действия: *тавра* (*кӳлĕ тавра* «вокруг озера»), *юнашар* (*пирĕнпе юнашар* «рядом с нами»), *тăршăпе* (*çул тăршăпе* «по дороге»); *тăрăх* (*çул(а) тăрăх* «по дороге, вдоль дороги»);

б) начальный пункт действия: *пуçласа* (*хурăн ращчинчен пуçласа* «начиная с березовой рощи»);

в) конечный пункт действия: *таран* (*тип çырма таран* «до оврага»), *таранччен* (*ку таранччен* «до сих пор»), *çити* (*тăкăрлăка çити* «до переулка»), *çите* (*таçта çите ывтăнса кай*

«отшвырнуться невесть куда»), *çитиччен* (*тӳпене çитиччен* «до неба»);

г) направленность движения: *хирĕç* (*шыва хирĕç хăпар* «подняться против течения»), *май* (*çул(а) май* «по пути, попутно»), *майĕпе* (*çырма кукри майĕпе* «вдоль оврага»), *майăн* (*юхăма майăн иш* «плыть по течению»), *ункай* (*çиле ункай* «по ветру»), *йӳней* (*çиле йӳней лайăх* «ехать по ветру хорошо»), *витĕр* (*кантăк витĕр пар* «передать что-либо в окно»), *урлă* (*çырма урлă каç* «перейти овраг»);

д) движение в каком-либо отдалении от предмета: *айĕн* (*Хурăн айĕн çул турăм* «Я проложил тропку под березами), *çийĕн* (*шыв çийĕн* «над водой), *умĕн* (*пӳрт умĕн* «перед домом»), *хыççăн* (*грузовик хыççăн* «за грузовиком»), *çумăн* (*пӳрт çумăн* «рядом с домом»)[2];

2. Временные отношения также имеют несколько разновидностей:

а) начало действия: *пуçласа*[3] (*майăн 1-мĕшĕнчен пуçласа* «начиная с 1-го мая»), *тытăнса* (*Каçран тытăнса ирччене тулли уйăх çутатать* «С вечера до самого утра светит полная луна»), *вара* (*ырантан вара* «с завтрашнего дня»);

б) продолжительность действия: *каçа* (*çĕр каçа* «в течение ночи»), *каçипе* (*çу каçипе* «в продолжение лета»), *каçиччен* (*кун каçиччен* «в течение всего дня, за день»), *хута* (*çĕр хута* «в течение ночи, всю ночь»), *хушши* (*вунă уйăх хушши* «в течение десяти месяцев»), *тăрăх* (*уйăх тăрăх* «помесячно»);

в) предел во времени: *çитиччен* (*вун саккăра çитиччен* «до восемнадцати (лет)»), *вĕçне çитиччен*[4] («до конца»), *таранччен* (*мĕн кĕрхи кăмпасем таранчченех*[4] «до самых осенних грибов»);

г) по окончании, истечении, совершении чего-нибудь: *хыççăн* (*революци хыççăн* «после революции»).

3. Сравнительно-уподобительные отношения, т.е. выражающие сравнение, сопоставление, уподобление, сходство, тождество: *пек* (*ман пек* «подобно мне, как я»), *стена пек хысак* («скала наподобие стены»), *евĕр* (*куç шăрçи евĕр* «как зеница ока, подобно зенице ока»), *манер* (*Шлепкине яш çын манер хăяккăн лартнă* «Шляпу (он) сдвинул набекрень молодцевато»), *евĕрлĕ* (*чăн-чăн разведчик евĕрлĕ* «как настоящий разведчик»), *манерлĕ* (*амăшĕ манерлĕ* «наподобие матери»), *майлă* (*ăвăс çулçи майлă чĕтре* «дрожать как осиновый лист»).

4. Сопроводительные отношения: *май* (*малалла кайнă май* «по мере продвижения вперед»), *майăн* (*Кĕрхи сивĕ ҫил вĕрнĕ майăн Атăл ҫийĕ те сиввĕн чĕтренсе тăрать* «По направлению осеннего холодного ветра рябит мрачно и поверхность Волги»), *ҫемĕн* (*Ташă кĕвви ҫемĕн вăл алăк патнелле шуса пычĕ* «В такт танцевальной мелодии стал двигаться к двери»), *юнашар* (*Тăван пиччепе юнашар тухрăмăр вăрҫа* «Мы шли на войну с родным старшим братом рядом»).

5. Причинные отношения: *пирки* (*сулхăнрах пирки* «из-за прохлады»), *сан пирки* «из-за тебя», *ҫумăр пирки таврăн* «вернуться ввиду дождя»), *пула* (*именнине пула* «из-за стеснительности»), *кура* (*йăлине кура* «по обыкновению», *тул ҫутăлса килнине кура* «с наступлением утра»), *курса* (*сана курса пăсăлса кайрĕҫ* «испортились, на тебя глядя») *май* (*Пасар кунĕ пулнă май халăх кунта лăкахчĕ* «Потому, что был базарный день, народу было битком»), *тесе* (*Эсир тесе ачана тăлăх ӳстермеллеччĕ-и?* «Из-за вас надо было растить ребенка сиротою?»).

6. Целевые, или предназначительные, отношения: *валли* (*сан валли* «для тебя»), *валлилĕх* (*пурнăҫ валлилĕх хĕр* «девушка для жизни»).

7. Отношения объектные, служащие для указания на предмет мысли, речи и чувства, или делиберативные отношения: *ҫинчен* (*пулни-иртни ҫинчен* «о происшедшем»), *пирки* (*паянхи ĕҫсем пирки* «о сегодняшних делах»), *тăрăх* (*доклад тăрăх тухса калаҫ* «выступить (в прениях) по докладу».

8. Отношения, выражающие лишение, отделение, исключение, выделение, отнятие, или аблятивные отношения: *пуҫне* (*хуралҫăсемсĕр пуҫне* «кроме охранников»).

9. Отношения приблизительной меры, подсчета: *яхăн* (*ҫухрăма яхăн* «около километра»), *чухлĕ* (*пĕр центнер чухлĕ* «около одного центнера»).

10. Отношения, выражающие способ и образ действия, или орудивные отношения: *урлă* (*амăшĕ урлă хĕрне ҫавăр* «заворожить девушку посредством матери», *хаҫат урлă пĕлтер* «сообщить через газету»), *тăрăх* (*ҫыру тăрăх пĕл* «узнать из письма», *правило тăрăх* «по правилам»), *вĕҫҫĕн* (*алă вĕҫҫĕн ĕҫле* «делать вручную»).

11. Отношения, определяющие степень, предел, силу совершения действия, или терминативные отношения: *таран* (*вăй ҫитнĕ таран* «по мере сил, сколько хватит сил», *пĕлнĕ*

таран каласа ăнлантар «объяснять по мере знания»), *çити* (*йĕрсе ярасса çити савăн* «обрадоваться до слез», *цех начальникне çити ӳс* «вырасти до начальника цеха»), *тери* (*çав тери* «до такой степени», *Мĕн тери аван!* «Как хорошо!»), *хатер* (*Çав хатер илемлĕ япала* «До того красивая вещь»).

12. Противительно-уступительные отношения: *çинчех* (*пур çинчех* «несмотря на то, что есть», *пĕлнĕ çинчех* «несмотря на то, что знал»).

13. Количественно-распределительные отношения: *пуçне* (*çын пуçне* «на (одного) человека», *гектар пуçне* «на (каждый) гектар»), *çемĕн* (*Кукри çемĕн вĕт хăва* «На каждом изгибе реки мелкий тальник»).

14. Номитативные отношения, или отношения, обозначающие совместность: *пĕрле* (*санпа пĕрле* «вместе с тобой»), *хутăш* (*вырăссемпе хутăш пурăн* «жить совместно с русскими»).

15. Отношения соразмерности: *тан* (*çынсемпе тан ĕçле* «работать наравне с другими»).

16. Отношения превышения и превосходства: *ытла* (*вуннă ытла* или *вуннăран ытла* «свыше десяти»).

17. Ограничительные отношения: *тĕлĕшĕнчен* (*сывлăх тĕлĕшĕнчен* «в отношении здоровья»), *тĕлĕшпе* (*ку тĕлĕшпе* «относительно этого»), *енчен* (*вĕренес енчен* «насчёт учебы»).

18. Отношения заместительства, функционального пребывания в роли: *вырăнне* (*директор вырăнне юл* «оставаться вместо директора»).

19. Отношения посвящения: *ячĕпе* (*съезд ячĕпе* «в честь съезда»).

20. Отношения противопоставленности и противодействия: *хирĕç* (*вăрçа хирĕç* «против войны»).

21. Отношения соответствия и сообразности: *кура* (*Çырмине кура, кĕпер пысăках пулма кирлĕ мар* «Судя по речке, мост не должен быть большим»; *Утне кура турти теççĕ* «По лошади и оглобли, говорят»), *курса* (*Эпир вĕсене курса тăрăшатпăр* «Смотря на них, и мы стараемся»), *май* (*Çӳпçине май хупăлчи* «По укладке и крышка» (соотв. «По Сеньке и шапка»).

§ 6. О переходе послелогов в аффиксы

О переходе послелогов в аффиксы писал в свое время видный тюрколог Н.К. Дмитриев. Послелоги, утратившие пол-

новесное лексическое значение, постепенно диахронически могут изменять фонетический облик и, подчиняясь законам сингармонизма, приспосабливаться к облику предыдущего слова [3, с. 129–138].

Положения Н.К. Дмитриева как нельзя лучше подтверждаются данными истории чувашского языка. Если в большинстве тюркских языков комитативное отношение передается послелогом *биле(н),* то в чувашском, а также в казахском языках оно выражается падежным аффиксом, происшедшим из этого послелога: *-па (-пе)// -пала (-пеле)// -палан (-пелен).*

Причинно-целевые отношения в тюркских языках главным образом обозначаются послелогом *-ичин (-ӳчӳн),* в чувашском же языке он исторически превратился в словоизменительный аффикс – аффикс причинно-целевого падежа *-шăн (-шĕн): миршĕн кĕреш* «бороться за мир», *кандидатшăн сасăла* «голосовать за кандидата».

Если же послелог не тотален в сочетании со словами, то он при переходе в аффикс становится не словоизменительным, а деривационным. В тувинском языке, например, имеется послелог *ышкаш* «подобно, вроде, словно, как». При сочетании со словами как твердой основы, так и мягкой он не видоизменяет свой фонетический облик. В чувашском же языке, подчиняясь закону сингармонизма, он может иметь не только твердый, но и мягкий алломорф и тем самым приобретать статус словообразовательного аффикса. Сочетаясь с местоименными основами, он образует производные местоимения, употребляющиеся взамен прилагательных с уподобительным значением, например: *манашкал* «такой же, как я», *санашкал* «такой, как ты», *унашкал* «такой, как он», *кунашкал* «такой, как этот» и др. От числительного *пĕр* при помощи *-ешкел* образовано прилагательное *пĕрешкел* «одинаковый».

Что же касается соответствия тувинского послелога *ышкаш* чувашскому аффиксу *-ашкал (-ешкел)*[5], то оно очевидно по причине их семантического тождества и близости фонетического облика. Вместо общетюркского ауслаутного *ш* в чувашском языке, как правило, выступает *л*. Это так называемый ламбдаизм. Ср.: тюрк. *кыш* ~ чув. *хĕл* «зима», тюрк. *кояш* ~ чув. *хĕвел* «солнце». В чувашском языке послелог *-ашкал* видоизменил облик по законам сингармонизма: *пирешкел* «такой, как мы».

Некоторые послелоги, такие как *-чен, -серен, -çемĕн,* сочетаясь с аффиксами атрибутивных временных форм глагола, образовали не делимые на части глагольные аффиксы, выражающие обстоятельственное временное значение: *вуланăçем* «по мере чтения», *вуличчен* «до чтения», *вуламассерен* «каждый раз, как читаешь». Хотя послелоги не подчиняются закону сингармонизма, но на стыке морфем абсолютно во всех случаях происходит морфонологическое изменение – чередование краткой согласной фонемы с долгой: *-и + чен > -иччен*, *-ма (-ме) + серен > -массерен (-мессерен)*, а в сочетании *-нă (-нĕ)* с *çемĕн* часто происходит отсечение конечной части послелога *-нăçем (-нĕçем)*[6]. И таким образом произошли аффиксы обстоятельственных временных форм. Но указанные послелоги в сочетании с именами становятся наречиеобразующими аффиксами: *ялсерен* «в каждой деревне», *пĕлтĕрччен* «до прошлого года»; *Туратти çемĕн йăва* «На каждой ветви гнездо».

Раздел 11

СОЮЗ

§ 1. Понятие о союзе

Союзом называется служебная часть речи, выражающая смысловые отношения между членами предложения, частями сложного предложения и отдельными предложениями в составе текста. Примеры: *Пушӑ машинӑсем район центрнелле килеççӗ, каялла каяканнисем вара е вутӑ, е тырӑ, е удобрени тиенӗ* (А. Емельянов) «В сторону райцентра идут пустые машины, а возвращающиеся нагружены или дровами, или зерном, или удобрением» – союз *е* соединяет однородные члены предложения.

Ял Советне кӗрсе калаçас терӗм кун пирки, анчах каç пулнӑччӗ, ӗç вӑхӑчӗ марччӗ (Л. Таллеров) «Поговорить об этом я хотел зайти в сельсовет, но наступил вечер, было нерабочее время» – союз *анчах* соединяет части сложносочиненного предложения.

Ӗçлеме ан кансӗрлетӗр тесе, радиона чарса лартнӑ пулас, репродуктор нимӗн те шарламасть (К. Турхан) «Чтобы не мешало работе, кажется, выключили радио, репродуктор молчит» – союз *тесе* прикрепляет придаточную часть к сказуемому *чарса лартнӑ* главной части сложноподчиненного предложения.

Вӑрманта сӗм тӗттӗм. Юрать, наступлени пуçланиччен кӑштах юр ӳкрӗ. Тата йывӑçсем те сайра кунта, çавӑнпа умра мӗн пуррине çеç мар, инçетрине те тӗшмӗртме пулать (А. Янташ) «В лесу совершенно темно. Хорошо, что до начала наступления выпал небольшой снег. И деревья здесь редки, поэтому можно рассмотреть не только вблизи, но и вдалеке».

Союз выполняет функции синтаксического[1] форманта, будучи не в составе словоформы, а в составе предложения, выполняя роль скрепа между синтаксическими единицами. Но контакт союза с синтаксической единицей не маркируется никакими показателями. В этом смысле союз сохраняет формальную автономность.

В грамматиках, изданных в первые годы после Октябрьской революции, количество союзов не превышает даже десяти. В грамматических сочинениях Т.М. Матвеева и Ф.Т. Тимофеева, написанных соответственно в 1918 и 1928 гг., в качестве подчинительного союза приводится единственный союз *мĕншĕн тесен* «потому что».

И в последующие годы как в школьных грамматиках, так и в научных ввиду слабой изученности союзы были представлены без достаточных объяснений. В свое время такие языковые единицы, участвующие в соединении членов предложений или частей сложноподчиненного предложения, как *тесе* «чтобы, из-за», *тесен* «для того чтобы», *пулсан* «если», *пулсан та, пулин те* «хотя, несмотря на», рассматривались как союзные слова, хотя при выполнении соединительной функции синтаксических единиц они не могли выступать в качестве членов предложения. Лишь в последние два десятилетия в результате специальных исследований удалось обосновать их истинный статус. Глагольные формы *тесе, тесен, пулсан, пулсан та, пулин те* в ходе исторического развития, утратив лексические и грамматические свойства глагола, приобрели признаки, типичные для союзов.

Выявлены и описаны подобным образом противительные союзы *ахальлĕн* и *унсăрăн* со значением «иначе, в противном случае, а то», а также постпозитивные, по значению тоже противительные союзы *тесен, вара, пур* со значением «же, а»*. Обнаружены факультативные условные союзы *енчен* (< *энчен*), *эхер, мехер, эхер те мехер, ешĕл, ытах, рас // раз.*

---

* По мнению И.А. Андреева, слова *вара, пур, тесен* выделяют тему предложения (см.: Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. Т. 1. С. 38). Но следует также учитывать, что эти союзы соединяют два противопоставленных друг другу по смыслу предложения, они невозможны, когда между предложениями нет противительных отношений. Указанные союзы, как и союз *же* в русском языке, имеют «добавочные значения усилительной частицы» и выделяют «в смысловом отношении первое слово во второй части», после которого они обычно ставятся.

Малочисленность союзов объясняется, очевидно, тем, что для соединения не только членов предложений, но и частей сложноподчиненных предложений вместо союзов флективных языков в чувашском языке широко употребляются аффиксы и послелоги.

Ряд исследователей в число союзов включает также частицы типа служебной морфемы, соединяемые из алломорфов, *та (те)* и *тăк (тĕк):* первую относят к соединительным союзам со значением «и», а вторую – к условным союзам со значением «если», но не убеждают, каким образом можно ставить подобные частицы в один ряд с союзами. Ведь союзы сохраняют формальную автономность, т.е. стандартное звукосочетание, их употребление не зависит от предыдущего слова ни в грамматическом плане, ни в фонетическом. Что же касается частиц *та (те)* и *тăк (тĕк),* то они прочно прикреплены к синтаксической единице и фонетически зависят от предшествующей основы.

Если сочинительные союзы, как правило, стоят перед второй из соединяемых единиц, то частица *та (те)* непосредственно входит в структуру первой соединяемой единицы: *Эпĕ киле çитрĕм те канма выртрăм* «Я пришел домой и лег отдохнуть». Как видно из приведенного примера, протяжное произношение частицы *те* заранее предвещает, что высказывание не закончено и ожидается завершение в виде однородной синтаксической единицы.

Но следует заметить, что частица *та (те)* может входить в структуру предшествующей синтаксической единицы и тогда, когда нет за ней никакого элемента. Например: *Эпĕ киле çитрĕм те* «Вот я и дома». Отсутствие протяжного произношения частицы *те* в данном случае способствует обозначению неожиданности, быстроты действия глагола *çит* «прийти» и завершенности конструкции.

Значит, мы не можем утверждать, что частица *та (те)* служит только средством соединения однородных синтаксических единиц. Существенную роль играет здесь протяжное / краткое произношение частицы *те.*

Такое же явление наблюдается в конструкциях с частицами *çеç, кăна: Хапха уçса ĕлкĕртĕм çеç, Вася тухса та вĕçтерчĕ* (И. Саламбек) «Я только успел открыть ворота, Вася тут же выбежал и умчался»; *Пĕр ракета сӳнчĕ кăна, каллех тепри çĕк-*

ленчĕ (В. Алентей) «Лишь только погасла одна ракета, взвилась другая». В этих предложениях частицы *çеç, кăна* показывают моментальность начала второго действия. Протяжное произношение частиц способствует соединению частей сложного предложения.

Частица *тăк (тĕк)* возникла в чувашском языке под влиянием соотносительного слова (коррелята) условно-соединительных конструкций русского языка [9, с. 66–81]. *Тата выльăххи сахал тăк, тислĕк те пулмасть* (Ç. Элкер) «А если мало скотины, то и навоза не будет»; *Çырма хĕрне антăн тăк, уру йĕпенесрен ан хăра* (Л. Степанов) «Раз спустился к речке, не бойся намочить ноги». Но это заимствованная частица. Соотносительное слово превратилось в частицу в самом заимствующем языке.

Хотя при помощи *тăк (тĕк)* соединяются главным образом части условно следственной конструкции, мы не можем отнести эту частицу к союзам по соображениям, высказанным выше по поводу частицы *та (те)*.

Если фонетическая структура слова зависит от предыдущего слова, то *тăк (тĕк)* выступает как морфема. Союзы не зависят от предыдущего слова. Их нельзя включать в число морфем. Поскольку обе частицы – *та (те)* и *тăк (тĕк)* – участвуют в соединении синтаксических единиц, их можно назвать с о ю з н ы м и ч а с т и ц а м и.

§ 2. Классификация союзов

Союзы можно классифицировать исходя из различных точек зрения.

I. По функции, выполняемой при синтаксической организации высказывания, союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

С о ч и н и т е л ь н ы е с о ю з ы указывают на относительную смысловую самостоятельность связываемых единиц. Они располагаются перед второй из соединяемых единиц.

Сочинительные союзы, в свою очередь, подразделяются на:

соединительные: *тата* «и, да», *ни... ни...* «ни... ни...»;

п р о т и в и т е л ь н ы е: *анчах* «но, а, да, однако»; *çапах* «все же, все-таки, тем не менее, но, однако», *çавах* «все же,

все-таки, но, однако»; *атту* «а то, не то, иначе, в противном случае»; *унсăрăн* «иначе, в противном случае, а то»; *иттy* «и то, все-таки»; *ахальлĕн* «иначе, в противном случае»; *тулĕк, тулĕккĕш* разг. «однако, но, да, только»; *а* «а, же, но»; *пур* «же, а», *тесен* «же, а», *вара* «же, а»;

р а з д е л и т е л ь н ы е: *е... е* «или... или, либо... либо»; *те... те* «не то... не то, то ли... то ли», *пĕр... пĕр* «то... то»; *пĕрре... тепре* «то... то»;

П о д ч и н и т е л ь н ы е союзы выражают зависимость одной единицы от другой. Они находятся в составе придаточной части. Среди них выделяются:

условные: *пулсан* «если»; *эхер, енчен, ешĕл, ытах* «если, же»;

ц е л и: *тесен* «для того чтобы»; *тесе* «чтобы»;

п р и ч и н н ы е: *тесе* «ввиду того что»; *мĕншĕн тесен, ма тесен* «потому что, ибо»;

у с т у п и т е л ь н ы е: *пулин те, пулсан та* «несмотря на то что»; *ан тив* «пусть»; *кирек, хуть (хăть)* «хотя».

Все подчинительные союзы являются семантическими, выражающими те или иные смысловые отношения. В чувашском языке нет асемантических союзов типа русских *что, чтобы, как* и др., выполняющих чисто синтаксическую роль отделения придаточной части от главной.

II. Союзы по их строению бывают простыми и составными.

П р о с т ы е союзы состоят из отдельных форм знаменательных слов: *анчах* «но»; *тата* «и»; *атту* «а то»; *тесе* «чтобы»; *пулсан* «если» и т.д.

С о с т а в н ы е союзы состоят из сочетаний слов, представляют собой раздельнооформленные соединения двух компонентов, каждый из который одновременно существует в языке как отдельное слово: *ан тив* «пусть»; *мĕншĕн тесен* «потому что»; *пулсан та* «хотя»; однако данные языковые единицы не имеют релевантных признаков словосочетания, между их компонентами невозможно вставить что-либо.

III. По употреблению союзы делятся на одиночные, повторяющиеся и парные:

о д и н о ч н ы е: *анчах* «но», *çапах* «но все же», *хуть // хăть* «хотя», *ахальлĕн* «иначе, в противном случае» и др.;

п о в т о р я ю щ и е с я: *те... те* «то ли... то ли», *пĕр... пĕр* «то... то», *ни... ни* «ни... ни».

п а р н ы е (расчлененные, двойные): *пĕрре... тепре.*

§ 3. Разряды союзов по происхождению

В современном чувашском языке очень мало п е р в о о б р а з н ы х (непроизводных) союзов, не связанных живыми словообразовательными связями с другими словами (например, *е, те*). В нем преобладают союзы п р о и з в о д н ы е, словообразовательно связанные с другими словами чувашского языка, чаще всего с наречиями, местоимениями, и союзы, заимствованные из других языков, главным образом из русского.

Многие союзы, отпочковавшись от других частей речи, стали омонимами полнозначных слов или словоформ.

1. Союзы, в о с х о д я щ и е к н а р е ч и я м: *анчах, тата, ахальлĕн.*

АНЧАХ «но, однако»: *Хытă пăлханчĕ халăх, анчах стражниксем пăлхава тискеррĕн путарчĕç* (А. Артемьев) «Сильно взбунтовал народ, но стражники подавили волнение жестоко». Ср.: *анчах* как наречие в значении «только что, недавно»: *Темех тăваймарăм эпĕ пĕр уйăхра, тĕрĕссипе каласан, анчах-анчах ĕçе кӳлĕнсе çитетĕп* «За один месяц не смог я сделать что-то особенное, по правде говоря, только-только впрягаюсь в работу». *Анчах* как союз употребляется и в некоторых тюркских языках: в караимском *анчэх* «однако», в азербайджанском *анчаг* также восходит к наречию [10, с. 47–60; 11, с. 94–111].

ТАТА «и, да»: *Туристсем Хусанта, Ульяновскра, Куйбышевра, Саратовра, Волгограда тата Астраханьте пулчĕç* «Туристы побывали в Казани, Ульяновске, Куйбышеве, Саратове, Волгограде и Астрахани». Ср.: *тата* как наречие со значением «снова, еще раз, опять»: *Амăшĕпе ывăлĕ хушшинче çавăн пек калаçу татах та пулса иртрĕ* (К. Петров.) «Между матерью и сыном подобный разговор произошёл снова».

АХАЛЬЛĔН/АХАЛИН «иначе, в противном случае, а то»:

Ан тухăр урăх урама,
Ахаллĕн чирлеме пулать (Г. Ефимов)

«Больше не выходите на улицу, а то можно заболеть».

Этот союз восходит к наречию *ахальлĕн* со значением «без основания, попусту, без пользы, без дела, даром, просто». Вариант данного союза *ахалин* образован от прилагательного *ахаль* «простой, обыкновенный, обычный» и уступительно-условного аффикса *-ин*. Появление его шло, возможно, путем: *ахаль пулин* > *ахальлин* > *ахалин* [8, с. 47–60; 11, с. 94–111].

2. Союзы, восходящие к местоимениям: *унсăрăн, çапах, çавах.*

УНСĂРĂН «иначе, в противном случае, а то»: *Манăн кăвакала сăнаса тăмалла, унсăрăн вăл, сирĕн кăвакал пек, çăмартине таçта тăвĕ* (А. Медведев) «Мне надо следить за уткой, иначе она, как и ваша утка, может снести яйцо где попало». Союз *унсăрăн* образован от местоимения 3 лица единственного числа лишительного падежа и условно-уступительного аффикса *-ин* [8, с. 47–60; 11, с. 94–111].

ÇАПАХ «все же, все-таки, тем не менее, но, однако»: *Юман темĕн те тӳсет, çапах çӳлеллех ӳсет* (А. Артемьев) «Дуб многое терпит, все же вверх растет».

Этимологически союз *çапах* восходит к союзу *çавах*: произошла анлаутная субституция *в* > *п* [10, с. 47–60; 11, с. 94 –111].

Союз ÇАВАХ, равный по значению союзу *çапах*, в современном языке малоупотребителен. Например: *Кĕркури кахал çын мар, хĕвелтен малтан, çын пичĕ палăракан пуличчен ĕçе пикенет, çавах усси сахал* («Пионер сасси»). «Григорий не ленив. Он приступает к работе раньше, чем взойдет солнце, когда не различимо еще лицо человека, однако проку мало». Союз *çавах* восходит к указательному местоимению *çав* «тот» и усилительной частице *-ах: Çураки пирĕншĕн яланах ответлăĕç пулнă, халĕ те çавах* («Ком. ял.») «Сев для нас всегда был ответственным делом, и теперь так же» [10, с. 47–60; 11, с. 94–111].

3. Союзы, восходящие к глагольным формам: *тесе, тесен, пулсан, пулсан та, пулин те, мĕншĕн тесен, ма тесен, мĕн-ма тесен, ан тив.*

ТЕСЕ 1) с целевым значением «чтобы»: *Кам та пулин илттĕр тесе кăшкăрма пуçларăм* (Ç. Элкер) «Чтобы кто-нибудь услышал, я начал кричать»; 2) с причинным значением: «так как, ибо, потому что, ввиду того что, оттого что»: *Çĕр-*

пĕве ҫитиччен ывăнĕ тесе кашкăра ҫуна ҫине хампа юнашар лартрăм (К. Чулкаҫ) «Полагая, что до Цивильска устанет, я усадил волка на санях рядом с собой».

Целевое или причинное значение союза *тесе* зависит от формы глагола-сказуемого придаточной части. Если сказуемое придаточной части выражено глаголом будущего повелительного времени или причастной формой последующего действия, то союз *тесе* соединяет с главной частью придаточную часть цели. Если сказуемое придаточной части выражено другими формами глагола или формами имен, тогда союз *тесе* соединяет с главной частью придаточную часть причины. Сказуемое придаточной цели выражает желаемое действие, а сказуемое придаточной части причины – совершаемое или совершенное действие и наличие признака или предмета.

Союз *тесе* отпочковался от обстоятельственной временной формы (деепричастия) *тесе: Левентей ăна пӳлмерĕ темелле, хăш-пĕр чухне ҫеҫ: «Куна пухура калама манса ан кай, ку питĕ кирлĕ», – тесе асăрхаттара-асăрхаттара пычĕ* (К. Турхан) «Леонтий почти не прерывал его речь, лишь иногда предупреждал: “Это не забудь сказать на собрании, очень важно”» [4, с. 26–40].

ТЕСЕН «чтобы, для того чтобы»: *Кĕрешӳ ăнăҫлă пултăр тесен, тăшман мĕн тума хатĕрленнине яланах пĕлсе тăмалла* (М. Кипек) «Чтобы борьба была успешной, надо всегда знать намерения врага»; *Лайăх пурăнас тесен хресчене ҫителĕклĕ ҫĕр кирлĕ* (Ҫ. Элкер) «Чтобы жилось хорошо, крестьянину нужна земля в достаточном количестве».

В этих предложениях *тесен* как союз не выражает процесса говорения, поэтому нельзя заменять его конструкцией *тесе каласан*. В составе союза *тесен* не могут находиться ни аффикс отрицательного аспекта, ни аффикс аспекта возможности, ни аффикс многократности.

Небезынтересно сравнить сложноподчиненное предложение (СПП) с союзом *тесен* с предложением, имеющим в своем составе деепричастие *тесен* и чужую речь. Если главное действие авторской речи связано с действием, выраженным деепричастием-сказуемым *тесен,* то в СПП с союзом *тесен* действие главной части связано с действием придаточной части. Ср.: 1) *Вăл (йĕкĕт) хĕре пуҫĕпе сĕлтсе саламларĕ, «Эсир манпа ташлатăр-и?» – тесен, лешĕ килĕшрĕ* (И. Григорьев) «Он

(парень) приветствовал девушку кивком, и когда спросил: «Вы не смогли бы потанцевать со мной?», та согласилась»; 2) *Ĕç ӳсĕмлĕрех пултăр тесен пирĕн ушкăнсене пĕрлешсе ĕçлемелле* (И. Тукташ) «Чтобы дела пошли успешнее, нам необходимо работать сообща». В этих предложениях *тесен* имеет различные значения: в первом выражает процесс говорения (действие придаточной части), после совершения которого происходит действие главной части, во втором предложении *тесен* не выражает никакого действия, выполняет функцию союза, здесь действие конструкции *пирĕн ушкăнсене пĕрлешсе ĕçлемелле* непосредственно связано с действием конструкции *ĕç ӳсĕмлĕрех пултăр* [3, с. 121–129].

ПУЛСАН «если, ежели, раз»: *Чирлĕ çынна сыватма операци кирлĕ пулсан мĕншĕн тумалла мар?* (К. Пайраш) «Если же для излечения больного нужна операция, почему бы не сделать?»; *Эс тĕл пулман пулсан çавăнтах шăнса вилеттĕм пулĕ* (М. Исаев) «Если бы не встретился ты, наверное, там же я закоченела бы».

Союз *пулсан* возник из вспомогательного компонента составного глагола *пул* в деепричастной форме на *-сан*. После перехода в союз форма *пулсан* не может участвовать в образовании единого члена-сказуемого. В составе *пулсан* не могут находиться аффиксы аспектов отрицания и возможности, а также аффикс многократности. Ср.: *Эсĕ те инженер пулаймасан кам пулĕ-ши?* «Если и ты не сможешь стать инженером, кто же тогда сможет?». В этом предложении *пул* является вспомогательным глаголом составного сказуемого *инженер пулаймасан* [5, с. 294–343].

ПУЛСАН ТА «хотя, несмотря на то что, если бы даже и»: *Эсир килмен пулсан та эпир макăрмастăмăр* (Хв. Уяр) «Мы не стали бы плакать, если бы даже вы не пришли»; *Сертесем пăт-пат çеç курăнкалаççĕ пулсан та вăрмана унăн шăрши карăлнă* (А. Емельянов) «Хотя сныть попадается изредка, ее запах стоит в лесу всюду».

Союз *пулсан та* возник из сочетания условного союза *пулсан* с частицей *та.* Если союз *пулсан,* стоящий после придаточной части, предполагает наличие предложения, выражающего следствие, то частица *та* лишь предупреждает, что это следствие носит адверсативный характер [7, с. 230–238].

ПУЛИН ТЕ «хотя, несмотря на то что, если бы даже и»: *Павăл култарма тăрăшса вуларĕ пулин те, çамрăксем пурте*

шăпланса итле пуçларĕç (А. Артемьев) «Хотя Павел и читал, стараясь рассмешить молодежь, все притихли и стали слушать»; *Аллинче плащ, анчах çумăр çăвать пулин те, темшĕн тăхăнман ăна* (В. Ухли) «В руке плащ, но почему-то он не надел его, хотя идет дождь».

Форма *пулин,* содержащаяся в составе уступительного союза, совпадает по звучанию с формой 3 лица единственного числа положительного аспекта будущего уступительного времени глагола *пул*. Эта форма выражает безразличное или пренебрежительное отношение говорящего к совершению действия. Ср.: *кайин* «ну и что, пусть идет». Но в союзе *пулин те* ничуть не передается модальность говорящего. Это объясняется, очевидно, тем, что в древнечувашском языке глагольные формы на *-ин* выступали также с условным значением. Формы типа: 1 л. *кайăпин,* 2 л. *кайăсăн,* 3 л. *кайин* – образовали условное наклонение.

Примеры из фольклорных произведений:

Аттен кил-çурт сала пек,
Эпир таврăнса киличчен
Саланса каймин юрĕччĕ (Салтак юррисем)

«Отчий дом что русское село, хорошо, если останется до нашего возвращения»;

Ати-апи чей хорань,
Ачи-пăчи чей стакань,
Ӳкçе çĕмĕрлмĕçин лайăхчĕ
(И.Н. Юркин. Чувашские народные песни).

«Родители мои как котёл чайный, а дети – чайные чашки, хорошо, если не разобьются от падения».

Примеры из застывших конструкций:

Пуçăмпа пĕтĕпин пĕтем (ср. *пĕтсен пĕтем*) – *алăсăр юлас мар!* (Ю. Скворцов) «Пускай пропадет головушка, лишь бы не остаться без рук».

Путем присоединения частицы *те* к условной форме на *-ин* в 3 лице глагола *пул* был создан союз *пулин те,* равный по значению союзу *пулсан та*. Ср.: *Кăштах пуç çаврăнать пулсан та* (ср. *пулин те*), *постран пăрахса каймастăп* (А. Талвир) «Хотя немного и кружится голова, но пост не покину» [7, с. 230–238].

МĔНШĔН ТЕСЕН «потому что, так как»: *Ирĕкри чĕрчунсем пире тус вырăнне те, хуçа вырăнне те хумаççĕ, мĕншĕн тесен эпир вĕсене тăрантармастпăр, тăшмансенчен çăлăнма пулăшмастпăр, хŭтлĕх туса памастпăр* (М. Кипек) «Дикие животные не считают нас ни друзьями, ни хозяевами, потому что мы не кормим их, не спасаем от врагов и не делаем для них пристанища».

В раннюю эпоху весь комплекс исходных конструкций позднейших преобразований в СПП с придаточной частью причины мог выглядеть следующим образом:

1) утверждение говорящего о чем-либо;

2) предположение говорящего о возможном вопросе собеседника (или слушающего): *мĕншĕн?* «почему?» (форма *тесен,* стоящая непосредственно за этим вопросительным словом, является условно-временным деепричастием от глагола *те* «говорить, думать»);

3) описание акта ответа говорящего стандартным выражением типа *калама пултаратăп* «могу сказать» или *калама пулать* «можно сказать»;

4) обоснование причины утверждения (ответ на поставленный вопрос) в виде прямой речи, следующей за авторским повествованием.

В суммарном виде всю модель высказывания можно показать на примере: *Эпĕ ыран сирĕн пата пыраймастăп; «Мĕншĕн (апла калатăн)?» – тесен* (или: *«Мĕншĕн* (*пыраймастăн*)*?» – тесе ыйтсан*) *калама пултаратăп: «Анне чирлĕ».* – «Я завтра не могу прийти к вам; если спросишь: «Почему (так говоришь)?» (или: «Почему не придешь?»), то могу ответить: «Мать больна».

Но, как само собой разумеющееся и как необязательный элемент, комментирующая трафаретная конструкция *калама пултаратăп (пулать)* со временем стала редуцироваться, т.е. ответ на поставленный вопрос давался без этой конструкции. С течением времени комплекс конструкций, очевидно, стал утрачивать прежнюю конкретность в семантике. Тем более внутри постоянно употребляемой конструкции *«Мĕншĕн?» – тесен* наметились семантические сдвиги в сторону союза.

Переходу конструкции *«Мĕншĕн?» – тесен,* соединяющей два предложения, в союз, способствовали следующие лингвистические факторы.

1. Вначале по правилам косвенной речи словно *мĕншĕн?* стало произноситься без вопросительной интонации, а затем перестали делать и паузу после него, т.е. слово из чужой речи *мĕншĕн* и слово из авторской речи *тесен* стали произноситься единым потоком воздушной струи. Так постепенно утратилось и отношение чужой речи к авторской.

2. Затем все это привело к потере значений морфем в слове *тесен:* глагол *те* не выражает акта передачи чужой речи, утратилось и значение условия в аффиксе *-се,* и значение 2 лица в аффиксе *-н.* И в составе формы *мĕншĕн* местоимение *мĕн* перестало выражать вопрос, лишь аффикс причинно-целевого падежа *-шĕн* при нем сохраняет причинное значение. И это значение распространилось на всю союзную конструкцию, которая является ныне выразителем причинного отношения между двумя предложениями.

Хотя в конструкции союза *мĕншĕн тесен* компоненты совершенно потеряли свою самостоятельность, фонетический облик словоформ *мĕншĕн* и *тесен* сохраняется. Тем более орфографическая норма сдерживает их слияние, она не допускает слитного написания. Отдельное написание компонентов поддерживает иллюзию их лексической раздельности.

Очень близкими и по значению, и, надо думать, по происхождению к союзу *мĕншĕн тесен* являются союзы *ма тесен* и *мĕн-ма тесен: Куна эпĕ сире тĕп-тĕрĕс калатăп, ма тесессĕн эпир унпа вăрçăра виçĕ çул хушши пĕрле пулнă* (Л. Агаков) «Я говорю вам сущую правду, потому что мы с ним три года на войне вместе»;

Çав Кушак халь савăнсах мăрлать!
Мĕн-ма тесен вăл тĕп складран вăрлать (А. Кăлкан)

«Эта Кошка мурлычет от радости, потому что она ворует из центрального склада».

Фразеологизация лексических и грамматических единиц в составе конструкций *мĕншĕн тесен, ма тесен, мĕн-ма тесен,* надо думать, произошла очень давно, ибо типологически сходные союзы имеются в родственных языках. Ср.: карач.-балк. *не ючюн десенъ,* алт. *нени учун десе,* к.-калп. *неге десен,* кумык. *неге десе.*

Вполне возможно, что процесс коньюнкционализации конструкций типа *мĕншĕн тесен* начался не на чувашской

почве, а еще в древний период истории тюркских языков, когда для этих языков были общие условия, а именно в период распада гуннских племен в отдельные народности, и был завершен, когда языки племен начали развиваться по самостоятельному пути. В пользу данного предположения говорит то, что другой ряд тюркских языков (узбекский, новоуйгурский, крымско-татарский, азербайджанский) имеет причинный союз типа *чунки (чюнки, чӳнкӳ)*, который этимологически восходит к слову *ӳчӳн* и союзному элементу *ки*.

Чувашский союз *мӗншӗн тесен* ближе всего к карачаево-балкарскому союзу *не ючюн десень:* в обоих языках в составе союзной конструкции местоимение употреблено в форме основного падежа, затем – послелог *ючюн*. Но в чувашском языке этот послелог претерпел фонетические изменения и перешел в аффикс причинно-целевого падежа *-шӑн (-шӗн)*. И наконец, балкарское *десенъ* и чувашское *тесен* этимологически имеют большое сходство, оба восходят к 2 лицу единственного числа будущего условного времени.

Кстати, нужно заметить, что структурно-генетическая близость причинного союза этих двух языков не случайна: балкары и волжские болгары по происхождению восходят к древним болгарам, а прямыми потомками волжских болгар являются современные чуваши [6, с. 85–115].

АН ТИВ «пусть, пускай» *Ан тив эп ҫӑмӑлттай пулам, анчах мана никам упӑшки те кирлӗ мар* (А. Кӑлкан) «Пусть я ветреной считаюсь, но ничей муж мне не нужен».

Этот союз восходит к форме отрицательного аспекта 2 лица будущего повелительного времени глагола *тив*. Ср.: *Ма тиветӗн ачана. Ан тив ӑна* «Зачем трогаешь ребенка? Не трогай его!» В первом предложении глагол *тив* имеет форму положительного аспекта 2 лица, единственного числа, настоящего времени, он сочетается с существительным дательно-винительного падежа, единственного числа *ача* «ребенок», во втором предложении он имеет форму отрицательного аспекта, 2 лица, единственного числа, будущего повелительного времени, сочетается с местоимением 3 лица, единственного числа, дательно-винительного падежа.

В сложном предложении *Ан тив ӑна, кайтӑр* «Не трогай его, пусть идет» глагольные формы связаны друг с другом, но эта связь свободная: словоформу *ан тив* можно за-

менить синонимичной формой *ан чăрмантар* или *ан кансĕрле* «не мешай», с ней (с формой *ан тив*) сочетается подчинительное слово *ăна* «его».

Но очень часто форма *ан тив* – при отсутствии поясняющих членов и находясь в препозиции другого глагола в форме 3 лица будущего повелительного времени – призывает собеседника совершить определенное действие. Она придает соседнему глаголу новое грамматическое значение – значение пожелания, адресованного третьему лицу. Например: *Ан тив вулатăр кăмăлĕ туличчен* «Пусть читает в свое удовольствие». В этом предложении у глагольной словоформы *ан тив* наблюдается ослабление или даже утрата лексического и грамматического значений. При глаголе *вулатăр* она употребляется несвязно, в морфологическом плане не имеет отношения к числу собеседников, у нее уменьшено значение императивности. Значит, *ан тив* в вышеописанном плане выступает как частица и употребляется для выражения значения дозволения, допущения, согласия: *Ан тив кăшт хурлантăр, усăллă пулĕ* (В. Алентей) «Пусть погорюет, на пользу будет»; *Ан тив çынсем Çĕнĕ çула хăйсем кăмăлланă пек кĕтсе илччĕр* (А. Ĕçхĕл) «Пусть люди встретят Новый год, как сами желают».

Включаясь же в сложное предложение, *ан тив* полностью изолируется из системы форм глаголов и становится грамматическим средством выражения отношения уступительного противопоставления, т.е. уступительным союзом. Например:

Ан тив çил вĕртĕр çурçĕртен –
Карттуспала çӳрет хĕлле (П. Афанасьев)

«Пусть ветер дует с севера – он (Кирилл) ходит в фуражке зимой».

При этом союз *ан тив* соединяется с противительным союзом *анчах* «но» или *çапах* «но, все же»: *Ан тив хăш-пĕр сăввисене якатса çитереймен пултăр, анчах вĕсенче – чун хĕлхемĕ, вĕсем çирĕп шанчăкпа вĕресе-тапса тăраççĕ* (Г. Ефимов) «Пусть некоторые его стихи не отшлифованы, но в них – искры души, в них бьет ключом крепкая надежда».

Ан тив – единственный союз, возникший на почве чувашского языка и употребляющийся в начале придаточной

части. Вполне возможно, что он возник под влиянием русских союзов *пусть, пускай* [ср.: 12, с. 125–126].

Ряд союзов восходит к союзам других языков. Многие из них заимствованы из русского языка. К таковым относятся подчинительные союзы:

ХУТЬ/ХĂТЬ, ХĔТ, ХУТЯ < *хоть, хотя: Унăн кашни сăввинчех – хуть мĕн çинчен çыртăр поэт – халăх чĕри тапни илтĕнет* («Ком. ял.») «В каждом его стихе, о чем бы ни писал поэт, слышится биение сердца народа»; *Хăть выртса ĕç, хăть кĕрсе çăвăн – шăнкăртатса юхаç шывсем* (И. Ивник) «Хоть пей лежа, хоть искупайся – реки текут журча»; *Хĕт ятлăр мана, хĕт ан ятлăр – урăхла тума пултараймарăм эпĕ* (Г. Краснов) «Хоть ругайте меня, хоть не ругайте – я не могу поступить иначе»; *Хутя эсир, хальхи çамрăксем, ăна-кăна аванах ăнкаратăр та-ха, эпир тĕттĕмрех пулнă та – пурнех тавçăрса çитереймен...* (Хв. Агивер) «Хотя вы, теперешняя молодежь, все это хорошо понимаете, но мы были темными – не могли сообразить все» [8, с. 145–151].

ТУЛĔК/ТУЛЬККĂШ, ТУЛĔККĔШ, ТУЛЬККИШ < *только: Шухăшĕ ку пурне килĕшет-ха. Тулĕк шухăшпах шурă пӳрт лартаймăн* (Н. Максимов) «Мысль эта нравится всем. Только не построишь дом одними мыслями»; *Эс çапла каласса пĕлнĕ эп, тульккăш, шалиш, пурпĕр ман пулăн ак* (Н. Максимов) «Я знал, что так скажешь, только, шалишь, все равно будешь моей»; *Кайса кил эппин. Тулĕккĕш асту, йĕркеллĕ çӳренĕ пул* (С. Аслан) «Но сходи тогда. Только смотри, веди себя достойно»; *Каç кӳлĕм кайăпăр, эс тульккиш никама та ан систер* (И. Лисаев) «Ближе к вечеру отправимся, только ты никому не давай знать».

ЕШĔЛ < *ежели: Ешĕл эпĕ кутăнлансан, час вĕренсе пыраймасан санăн мана хăлхаран туртмалла* (С. Аслан) «Ежели я заартачусь и не буду успевать в учебе, тебе надо будет надрать мне уши».

РАС/РАЗ < сущ. «раз»: *Рас эпир ырă ятшăн кĕрешетпĕр тĕк, ăна çĕнетпĕр* (А. Емельянов) «Раз мы боремся за доброе имя, то мы одолеем его».

АТТУ/АТТУШ, АТТУК < *а то: Хытăрах кăшкăр, атту çынсем илтеймĕç* (Хв. Уяр) «Кричи погромче, а то не услышат»; *Килтисене те лăплантарса хăварам, аттуш пăшăрханаççĕ пулĕ* (Н. Максимов) «Успокою и домашних, а то они, воз-

можно, волнуются»; *Кайран пӳрт-çурт тирпейлĕпĕр, аттук çын курсан тем шутлĕ* (И. Лисаев) «Потом наведем дома порядок, а то люди увидят и подумают невесть что».

ИТТУ/ИТТУШ < *и то: Манран миçе çул аслă эсĕ, иттуш пĕр япалана тăна хураймастăн* (Н. Максимов) «На сколько ты старше меня, и то не запомнишь одно»; *Васкарăм, итту ĕлкĕреймерĕм* «(Я) торопился, все равно не успел».

Заимствование союзов из русского языка нельзя считать завершенным процессом. Через устную речь они проникают в чувашский язык и теперь. Ср.: примеры употребления русских союзов чувашами, отраженного в художественных произведениях:

САТО < *зато: Кирлĕ мар. Сато ун чухне ман телевизор пулать. Çук, ахальли мар, урăххи.* (А. Емельянов) «Не надо. Зато тогда у меня будет телевизор. Нет, не простой, а другой».

КОВТА < *когда: Ăçтан колхоза кĕччĕр хресченсем, ковта Совет хăй кулака уйăрса илме пултараймасть?* (И. Тукташ) «Как крестьяне захотят в колхоз, когда сами Советы не могут различать кулаков?».

АЛЬ < *али, аль: «Уçă çыру» çинчен илтнĕ-и эсĕр? Аль сире те пăшăрхантармасть-и?* (А. Артемьев) «Слышали вы об открытом письме? Или вас ничего не заботит?».

Приведенные в примерах союзы *зато, ковта, аль* не стали достоянием общенародного языка.

Несколько союзов заимствовано из персидского языка:

ЭХЕР «если уж»: *Ĕçлеччĕрех эхер ĕçне кăмăлласа пăрахрĕç пулсан...* (А. Талвир) «Пусть работают, если уж понравилась им эта работа».

ЭХЕР ТЕ МЕХЕР «если вдруг»: *Эхер те мехер хĕллехи улахра е çуллахи вăйăра ют ял хĕрĕ курăнсан, ăна никам та мар, Михуть ăсатасса кĕтсех тăр* (В. Петров) «Если вдруг на зимней вечеринке или в летнем хороводе покажется девушка из чужой деревни, то так и есть, ее проводит Михуть».

Второй компонент парного союза *эхер те мехер* слово МЕХЕР в самом персидском языке выступает со значением «разве». В чувашском же языке оно, по-видимому, под влиянием *эхер* стало употребляться как союз со значением «если, ежели»: *Хĕрĕх тăххăрти çын вăй питти çын пулмалла. Мехер старав пулсан, хĕрсе ĕçлемелле, эпĕ пур – паян-ыран вилĕм кĕтсе пурăнатăп* (Патмар) «Человек сорока девяти лет от роду

должен быть в расцвете сил. Если же здоров, то должен работать с жаром, я же живу в ожидании смерти сегодня-завтра; *Мехер [çын пахчине] татах кӗрес пулсан, чӑлана хупса лартатӑп та кунӗпе çӑкӑр памӑп* (И. Яковлев. Букварь. 1906) «Если же ты еще раз войдешь [в чужой огород], то я запру тебя в чулан и целый день оставлю без хлеба».

Повторяющийся союз *ни... ни* «ни... ни» одни относят к заимствованиям из персидского языка, а другие – из русского языка. Считается, что русский союз *ни... ни* родствен персидскому. По-видимому, чувашский *ни... ни...,* как и союз *не... не* ряда тюркских языков, был заимствован из персидского языка, а не русского. *Ывӑнмасӑрах канма лартӑмӑр. Анчах ни эпӗ сӑмах тапратма пӗлмерӗм, ни Артемий Ефимович чунне уçма хӑймарӗ* (Хв. Уяр) «Мы сели отдохнуть, хотя и не устали. Но ни я не промолвил ни слова, ни Артемий Ефимович не посмел раскрыть душу».

Союз *е* «или», как и *йа* «или» многих тюркских языков, считается персидским заимствованием: *Надя! Чӑнах эсир-и ку, е эпӗ тӗлӗкре куратӑп-и?* (А. Талвир) «Надя! На самом деле это Вы или я вижу сон?»

Несколько загадочным является происхождение союза ЭНЧЕН *(енчен). Енчен те эсир манпа пӗрле вӑхӑт ирттерме кӑмӑл тусан, эпӗ ку ӗçе тепӗр минутранах пӑрахатӑп* (А. Кӑлкан) «Если же вы пожелаете провести со мной время, то я в следующую минуту брошу это дело»; *Енчен йӗркене сыхлакан милиционерсем пулмасан, мӗн хӑтланӗ-ши халӑх?* (В. Элпи) «Если бы не было милиционеров, следящих за порядком, что творил бы народ?».

Еще в дореволюционных чувашских изданиях до самого утверждения орфографии 1938 г. это слово писалось в виде *енчен* и читалось [ен^{I} д^{I} з^{I} е н^{I}] (См.: Ашмарин Н.И. Чӑваш сӑмахӗсен кӗнеки. III т. Шупашкар, 1929. С. 19–20). Оно имеет значение: «если (паче чаяния)». География его широка. По указаниям автора, этот условный союз употреблялся в с. Илебар Николаевской волости Чебоксарского уезда, с. Ново-Якушкино Бугурусланского уезда Самарской губернии, с. Средние Тимерсяны Симбирского уезда, д. Старо-Шаймурзино Буинского уезда. Н.И. Ашмариным указаны его варианты: *ӗнчен* «если вдруг» (т. IV, с. 128), *энчентен* (т. III, с. 20).

Утверждать, что союз является диалектным, нет оснований.

В 1938 г. графическое обозначение союза остается то же, но по неизвестной причине чтение его изменилось: [jен^{l} д^{l} з^{l}ен^{l}]. Он омономичен с формой 3 лица исходного падежа существительного *ен* «сторона», но их значения не связаны.

Происхождение союза остается загадочным. Поскольку появление союзов и в тюркских языках является позднейшим явлением и в плане выражения, и в плане содержания, союз *енчен* не связан ни с одним словом чувашского языка, имеется основание считать его заимствованным из какого-то языка (ср. персидское *энжам*).

В современном языке этот союз является довольно употребительным.

§ 4. Об основных и факультативных подчинительных союзах

В морфологии чувашского языка имеется необходимость в классификации подчинительных союзов по местонахождению в составе придаточной части. Нужно выделить союзы, употребляющиеся в конце придаточной части, и союзы, употребляющиеся в начале ее. Казалось бы, вопрос о месте союза в составе придаточной части не имеет никакого отношения к морфологии и его следовало бы рассматривать в синтаксисе. Но в данном случае с местом тесно связаны происхождение союзов и их семантические свойства.

Природные подчинительные союзы при прямом порядке частей сложноподчиненных предложений в любом случае фигурируют на стыке придаточной части, независимо от того, находится придаточная часть перед главной частью или позади нее. Когда придаточная часть находится перед главной, подчинительный союз располагается в конце придаточной части. Примеры: *Халĕ çын инкеке лекнĕ пулсан ăна пулăшмалла* «Теперь, если человек попал в беду, надо ему помочь»; *Çынсем пĕр-пĕрне ăнланччăр тесе çут çанталăк этеме çивĕч чĕлхе, тулли туйăмсем парнеленĕ* (Д. Гордеев) «Чтобы люди понимали друг друга, природа одарила человека острым языком и полнотой чувств»; *Эсир килмен пулсан та эпир макăрмастăмăр* (Хв. Уяр) «Мы не стали бы плакать, если бы даже вы не пришли».

И наоборот, если придаточная часть находится после главной части, то подчинительный союз располагается в начале придаточной части. Речь идет о сложноподчиненных предложениях, части которых соединяются природными союзами *мĕншĕн тесен, ма тесен* «потому что, оттого что, так как, ибо», выражающими причинно-следственные отношения. В таких случаях в придаточной части приводится обоснование того, о чем говорится в главной части, и трудно утверждать об инвертированном порядке частей сложноподчиненного предложения. Например: *Эпĕ арăмпа питех те телейлĕ пурăнатăп, мĕншĕн тесен эпир пĕр-пĕрне юратса пĕрлешнĕ* (К. Петров) «Я с женой живу очень счастливо, потому что мы поженились по любви».

Заимствованные подчинительные союзы располагаются главным образом в начале придаточной части при нахождении последней перед главной частью. Получается, что вместе с союзами было перенято в чувашский язык и инородное расположение их в структуре придаточной части.

Как показывает языковой материал, заимствованные подчинительные союзы употребляются большей частью в условных и уступительных предложениях. Но только некоторые из них могут выступать в придаточной части в качестве единственного средства соединения ее с главной частью. В этом отношении продуктивнее других придаточные уступительные с союзом *хăть (хуть): Хуть çиллен, хуть ан çиллен, уйрăм лав параймастпăр, Ятман* (К. Турхан) «Хоть сердись, хоть не сердись, Ятман, не можем дать (тебе) отдельной подводы»; *Хуть мĕн кала, вăл хăйĕннех перет* (Ç. Элкер) «Что ни говори, он твердит свое».

Придаточные же конструкции с условными союзами *енчен, ешĕл, рас (раз)* без компонента *пулсан* в языке встречаются довольно редко. Примеры:

ЕНЧЕН «если же, если вдруг»: *Енчен клубра аккордеон пур, çынсене унпа ташлаттарма пулать* (М. Кипек) «Если же в клубе есть аккордеон, то можно с ним организовать танцы»; *Енчен тата сăвăллă романра кашни рифма, кашни танлаштару, эпитет çĕнĕ, халиччен никам каламанни пултăр тесе ыйтма хăю çитеймĕпĕр* (А. Аслут) «Если же в романе в стихах каждая рифма, каждое сравнение и эпитет новы, не посмеем требовать у автора, чтобы они были к тому же никем не использованные».

ЕШĔЛ «ежели, если»: *Ешĕл тепре эсĕ эрех ĕҫнĕ тенине илтетĕп – судне хамах тăватăп* (Н. Никитин) «Ежели услышу еще раз, что ты выпил, то судить буду сам».

РАЗ «раз, если»: *Раз ҫул-йĕрсем пĕрлештермеҫҫĕ те, уйрăласах пулать* (В. Краснов-Асли) «Раз пути-дороги не сводят нас, то необходимо расстаться».

В чувашском языке получило довольно широкое распространение совместное употребление начальных (инородных) подчинительных союзов с конечными (природными) союзами.

Здесь важно попутно отметить, что в конце придаточной части в качестве соединительного с главной частью элемента в чувашском языке на равных правах могут выступать не только подчинительные союзы, но и союзные частицы и словоизменительные аффиксы. Так, в условном предложении союз *пулсан* не единственное средство соединения придаточной части с главной. На месте союза *пулсан* могут находиться и союзная частица *тăк (тĕк)*[*], и аффикс условного деепричастия *-сан (-сен)*. Ср.: 1) *Ҫанталăк уяртать пулсан эпир ыран экскурсие каятпăр;* 2) *Ҫанталăк уяртать тĕк, эпир ыран экскурсие каятпăр;* 3) *Ҫанталăк уяртсан эпир ыран экскурсие каятпăр*. Общий смысловой перевод этих конструкций: «Если погода будет ясной, мы завтра отправимся на экскурсию». Но каждое соединительное средство имеет свои смысловые и стилистические оттенки: в предложениях с союзом *пулсан* и союзной частицей *тăк (тĕк)* отмечается конкретное время действия придаточной части (ср.: *уяртрĕ пулсан, уяртрĕ тĕк*), но предложения с *тăк (тĕк)*, в отличие от предложений с союзом *пулсан,* имеют разговорно-просторечный оттенок, а если в придаточной части сказуемое выражено деепричастием на *-сан (-сен)*, обозначается предшествующее действие без указания на конкретное время.

Так что в условном предложении начальные подчинительные союзы могут употребляться не только при наличии союза *пулсан,* но и в присутствии союзной частицы *тăк (тĕк)*

---

[*] Несмотря на то, что союзная частица *тăк (тĕк)* по происхождению в конечном итоге восходит к русскому соотносительному местоименному слову «так», все же переход его в союзную частицу происходил в чувашском языке, и ее следует считать природным соединительным средством.

и деепричастного суффикса *-сан (-сен): Эхер те çанталăк уяртать пулсан ... Эхер те çанталăк уяртать тĕк ... Эхер те çанталăк уяртать тĕк ... Эхер те çанталăк уяртсан* и др.

Первоначально возникают недоуменные вопросы. Как же получилось так, что при наличии природного соединительного элемента в одной и той же придаточной части одновременно стали употреблять инородный союз для соединения с главной частью? Не является ли он лишним в составе придаточной части? Если не лишний, то с какой целью употребляют его?

Поскольку в чувашском языке природные союзы находятся в конце придаточной части, то трудно предупредить слушающего в начале же высказывания, что в сложноподчиненном предложении речь пойдет об условно-следственной связи. Потребность выделить определенное (условное) значение имеется, а средства для этого в родном языке нет. В таких случаях, конечно, лучше прибегать к заимствованию таких средств из других языков, в которых они имеются. В древний период чуваши заимствовали условные союзы из персидского языка: *эхер, мехер, эхер те мехер, енчен,* позднее – из русского языка: *ешĕл* (< ежели), *рас* (< раз). В разговорной речи современного языка можно наблюдать употребление русского союза *если*; например: *Если вăл пирĕнпе пыраймасть тĕк, унсăр пире йывăр пулма пултарать* «Если он не сможет пойти с нами, то нам без него будет трудно».

Если конечный (природный) союз или союзная частица, а также деепричастный аффикс *-сан (-сен)* несут о с н о в н у ю функцию соединения придаточной части с главной, то начальный (заимствованный) союз употребляется в качестве факультативного элемента. Это мы видим из следующих данных. Основной соединительный элемент способен сам – без факультативного союза – соединять придаточную часть с главной, а факультативный союз, как правило, употребляется лишь в сочетании с основным. Кроме того, как уже было сказано, он придает дополнительные смысловые оттенки значению основного соединительного средства. Тем более союз *пулсан* и союзная частица *тăк (тĕк)* имеют не только условное, но и сопоставительно-противительное значение. Для выделения условного значения о с н о в н о г о с о е д и н и т е л ь н о г о э л е м е н т а используется факультативный союз:

1) *Енчен эсĕ ун пек шутлатăн пулсан, юрĕ* (А. Лазарева) «Ладно, коли ты так думаешь»; *Эсĕ пире хуйхăллă хыпар пĕлтертĕн пулсан, эпир сана савăнмалли хыпар каласа парар* (Ç. Элкер) «Если ты нам сообщил печальную весть, расскажем мы тебе радостную весть»;

2) *Эхер те машина кутăнланма тытăнчĕ тĕк, тӳрех сан патна лав яратăп* (А. Талвир) «Если вдруг машина заартачится, тут же пошлю к тебе подводу»; *Пурнăçра час-часах çапла пулать çав, упăшки вичкĕн чĕлхеллĕ тĕк – арăмĕ йăваш, арăмĕ хаяр – упăшки йăваш* (А. Талвир) «В жизни часто так случается: если муж остер на язык, то жена кроткая, если жена злая, то муж тихий».

Наличие факультативного союза в начале придаточной части предупреждает, что основной соединительный элемент (союз или союзная частица) выступает с условным значением. При отсутствии же такого элемента трудно определить, с каким значением основной соединительный элемент выступает.

Что касается деепричастия на *-сан (-сен)*, то оно тоже неоднозначно – может выступать с условным значением или временным. Конкретное значение деепричастной формы зависит от того, какой формой выражено сказуемое главной части сложноподчиненного предложения. Если же в начале придаточной части находится факультативный союз, то деепричастие на *-сан (-сен)* всегда выступает с условным значением.

В данном случае трудно согласиться с утверждением И.А. Андреева, что слово *ытах* является частицей, усиливающей значения соединительных средств, и что слова *эхер, енчен* имеют тенденцию переходить в частицу [1, с. 204]. Нельзя забывать, что слова типа *эхер, енчен, ытах* могут выступать не только как факультативный, но и как самостоятельный – единственный в составе придаточной части – союз. Ко всему этому надо добавить, что они выступают в качестве дополнительного, уточняющего средства выражения условия. А это отнюдь не равнозначно функции усилительной частицы.

Совместно с основными соединительными элементами – с условным союзом *пулсан,* с союзной частицей условия *тăк (тĕк)* и с аффиксом условного деепричастия *-сан (-сен)* – могут употребляться следующие факультативные союзы.

ЕНЧЕН. Этот союз имеет характер случайности или исключительного действия: *Енчен Кольцов чăннипех айăплă пулсан, ăна тивĕçлипе тип мунча кĕртесси темех мар* (И. Григорьев) «Если же Кольцов в самом деле виновен, то не представляет особого труда задать ему жару»; *Енчен те хуларан тухса каймалла пулас тăк, эсĕ укçана çăл* (Юхма М.) «Если уж придется уйти из города, то ты спасай деньги»; *Енчен çил ытлашши вăйлансан, кран хăех ĕçлеме чарăнать* (И. Григорьев) «Если вдруг ветер усилится, кран сам откажется работать».

ЭХЕР. *Эхер те юрă вăрманта çуралнă пулсан, ан тив вăрмантах пурăнтăр* (В. Ильина) «Если же песня родилась в лесу, то пусть она и живет в лесу»; *Эхер те май пулсан, паянах тухса тарăттăм ăçта та пулин!* (Ф. Вуколов-Эрлик) «Была бы возможность, я бы сегодня же ушёл куда-нибудь»; *Эхер те машина кутăнланма тытăнчĕ тĕк, тӳрех сан патна лав яратăп* (А. Талвир) «Если машина начнет артачиться, я тут же пошлю к тебе подводу».

ЫТАХ. *Ытах курас килет пулсан, ыран ирех килĕр* (Е. Лисина) «Если очень хочется видеть, то приходите завтра рано утром»; *Çанталăкĕ ытах чарăнмасан, кĕçĕрлĕхе хамăр патра та выртма пулĕ...* (А. Лазарева) «Если уж не улучшится погода, то сегодня можно переночевать у нас»; *Ан тив, ытах çине тăран тăк, ĕçлетĕр Медведев бригади* (Н. Максимов) «Если уж настаиваешь, то пусть работает бригада Медведева».

ЕШĔЛ. *Ешĕл малалла вĕренме май килнĕ пулсан, пи-ит чаплă инженер пулчĕччĕ* [*Якку*]... (Л. Агаков) «Ежели бы удалось (ему) учиться дальше, то получился бы [из Якова] замечательный инженер»; *А ешĕл тепре çавнашкал тусан, сирĕнпе урăхла та калаçĕç* (Л. Агаков) «А ежели еще раз поступите таким образом, то с вами поговорят по-другому».

РАЗ. *Раз эпĕ эртелре членра тăратăп тăк, нуша килсе çитсен мана чи малтан урăх никамăн та мар, эртелĕн пулăшмалла* (Хумма Ç.) «Раз я состою членом артели, то при нужде мне в первую очередь должна помочь артель, а не кто-либо».

Эти же факультативные союзы могут находиться и в таких придаточных предложениях с основными подчинительными союзами, которые близки и имеют отношение к союзу *пулсан*. Так, союзы *пулсан та, пулин те* «хотя, если бы даже и, как бы ни» выражают уступительность. Уступительные предложения имеют непосредственную связь с условны-

ми и выражают отсутствие ожидаемого следствия при наличии определенного условия. Значит, факультативные союзы, свойственные придаточной части условия, вполне применимы и в придаточной части уступки: *Эхер те эп вилес пулсан та, мана хисеплĕр коммунист тесе* (Л. Агаков) «Если мне придется умереть, почитайте меня как коммуниста»;

Енчен Оксанăпа пĕрле çĕр çухрăм çуран утмалла пулсан та, вăл халь ним чухлĕ те турткалашса тăмĕччĕ (И. Григорьев) «Если бы даже пришлось пройти сто верст вместе с Оксаной, он нисколько не стал бы отказываться»;

Ешĕл укçан параймасп пулсан та, мушĕт, Лисук тĕррисене илĕн, тĕрĕ нумай пирĕн (А. Артемьев) «Если не смогу вернуть деньгами, может быть, ты возьмешь вышивки Лизы, их у нас много».

Союз цели и условия *тесен* по происхождению может быть связан с условным значением. Поэтому в конструкциях одновременно с данным союзом могут выступать факультативные союзы условия: *Çав кĕнекене ытах туянас тесен, атьăр пирĕнпе* (Н. Евдокимов) «Если очень хочется купить эту книгу, пойдемте с нами»; *Енчен те ушкăнпа пырса курас тесен, çак телефонпа шăнкăравлăр* («Пионер сасси») «Если же пожелаете коллективно посетить, то позвоните по этому телефону».

В составе придаточных уступительных могут употребляться также свои уступительные факультативные союзы: *хуть, кирек, ан тив.*

Хуть те темле тăвăл тухса асса каяс пулсассăн та, пĕрле вĕт! (Хумма Ç.) «Какой бы сильный ураган ни бушевал, мы вместе»; *Блюхер отрячĕ кирек хăш еннелле каяс пулсан та, эсĕ Пăсăлăкра вăрттăн ĕçлеме юлатăн* (В. Паймен) «В какую бы сторону ни ушел отряд Блюхера, ты останешься для тайной работы в Бузулуке».

Употребление союза *ан тив* в качестве уступительного союза – редкое явление. Например: *Ме, кайса туян çур литр, ан тив ху хăналаймасан та, хам хăналам* (В. Игнатьев) «На, поди принеси пол-литра, хоть сам не можешь угостить, я угощу».

Раздел 12

ЧАСТИЦА

§ 1. Понятие о частице

Частицами принято называть служебные слова, придающие различные смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные оттенки значений другим словам, членам предложения, частям предложения и целым предложениям.

Ср.: *Паян çанталăк сивĕ* «Погода сегодня холодная» – *Паян çанталăк сивĕ мар* «Погода сегодня нехолодная»;

Нинăн хĕрлĕ кăранташ пур «У Нины есть красный карандаш» – *Нинăн хĕрлĕ кăранташ пур-и?* «Есть ли у Нины красный карандаш? – *Нивушлĕ Нинăн хĕрлĕ кăранташ пур?* «Неужели у Нины есть красный карандаш?»;

Яшка пиçнĕ «Суп сварился» – *Яшка пиçнĕ-иç!* «Сварился же суп!»;

Çĕрле самаях шăнтнă «Ночью довольно-таки подморозило» – *Çĕрле самаях шăнтнă-мĕн* «Оказывается, ночью довольно-таки подморозило»;

Вĕсем хушшинче хамăр ялсем те пулнă «Среди них были и наши односельчане» – *Вĕсем хушшинче хамăр ялсем те пулнă-тăр* «Среди них, возможно, были и наши односельчане»;

Чим, ан кĕр «Подожди, не заходи» – *Чим-ха, ан кĕр* «Подожди-ка, не заходи» – *Чим, ан кĕр-ха* «Подожди, не заходи-ка» и др.

Из примеров видно, что частица, не изменяя содержания высказывания, вносит в него тот или иной оттенок, смысловое или модальное, эмоционально-экспрессивное значение.

Большинство частиц произошло от полнозначных слов. Поэтому в современном языке часто встречаются омонимич-

ные слова; ср.: *Мĕн вулатăн?* «Что читаешь?» – *мĕн ачаранпах* «с самого детства» – *Тулта сивĕ-мĕн* «Оказывается, холодно на дворе».

В первом предложении слово *мĕн* «что» является вопросительным местоимением. Во втором же предложении у *мĕн* полностью утрачено вопросительное значение. Это слово выступает как препозитивная усилительная частица со значением «предельно близко». В третьем предложении *мĕн* относится к группе постпозитивных частиц, передающих значение неожиданного обнаружения чего-либо (ср. *имĕш, иккен*).

В отличие от других служебных слов (предлогов и союзов), частицы характеризуются тем, что не выражают отношений между предметами и явлениями.

По местонахождению в предложении различают три вида частиц.

1. Некоторые частицы располагаются только впереди слова или впереди части предложения: *чи, чăн* «самый» (*чи пысăк* «самый большой», *чăн варринче* «в самой середине»), *шăп* «как раз, точь-в-точь» *(шăп çак самантра* «как раз в этот момент») и др.

2. Небольшое количество частиц располагается после слова, части предложения или после предложения: *анчах, кăна, çеç* «лишь, только»,*-и, -ши* «ли», *ăшшĕ* «еще», *-нихак* (*-няк*) «кажется, никак», *-çке* «да, же», *-ха* «-ка» и др.; напр.: *Иван çырма урлă каçма тытăнать анчах, çырма сарăлса каять* «Только начал переходить реку Иван, как река разлилась»; *Куçма пиччене те каласа кăтартрăм ăшшĕ, вăл та ырларĕ* (А. Артемьев) «Я рассказал еще и дяде Кузьме, он тоже одобрил»; *Чăнах, темле салтак килет-няк* (А. Артемьев) «В самом деле, кажется, идет какой-то солдат»; *Эсĕ вăрмана кайма пултăнçке!* (Н. Мартынов) «Ты же обещал пойти в лес».

3. Большинство частиц не имеет определенного места, т.е. может располагаться до или после слова, части предложения, а также до или после предложения: *Авă мĕн тери ырă çын иккен эсĕ, республикăн тава тивĕçлĕ врачĕ, халăх тусĕ!* (Л. Агаков) «Вот какой добрый человек, оказывается, ты, заслуженный врач республики, друг народа»; *Леререх авă Владивостока каякан состав тăрать* (Уйăп М.) «Подальше, вон, стоит состав, идущий во Владивосток»; *Аннăн куçĕсем епле илĕртӳллĕ ав* (А. Емельянов) «Вон как привлекательны глаза Ан-

ны». К этому типу частиц относятся *акă* «вот», *ара* «да, так», *ахăр, тен* «видимо, возможно, вероятно», *вăн* «вон, вот», *вĕт* «ведь», *иккен* «оказывается», *имĕш* «будто бы» и др.

Казалось бы, частица не должна выступать без полнозначной языковой единицы (слова, члена предложения и др.), к которой она относится. Но в определенной ситуации, когда в центре внимания собеседника находится рема предшествующего предложения, он может опустить ее и выразить свое отношение к ней (реме) при помощи только частицы.

1) *−Хе-хе! Каларĕ! Ăна (сĕте) Еккĕм хĕрĕ Тарье хăех савнă каччине ĕçтерсе янă тет вĕт!*

− Мар çав (С. Аслан)

«− Ха-ха! Сказал! Говорят, дочь Якима Дарья сама споила его (молоко) своему ухажеру.

− Нет вот»;

2) *− Ăçта? − юриех курмăша хыватăп эпĕ.*

− Ав, ав! − аллине тăсать Рупен (В. Элпи)

«− Где (цветок)? − делаю вид, что не вижу.

− Вон, вон! − рукой показывает Рубен»;

3) *Çĕпĕре çитнĕ çĕре унта юхан шывсенче пăр ларать-çке. "Çке" мар, ларнă ĕнтĕ ку таранччен* (Н. Максимов) «Пока доедем до Сибири, там реки покроются же льдом. Не "же", уже покрылись».

4) *− Ятна пĕлмерĕм те...*

− Элентей-ха эпĕ... Çапла кăна.

− Ма «кăна»? Законлă ят вăл. Лайăх ят (Хв. Уяр)

«− Имени-то твоего не знаю.

− Я Элендей... Только так...

− Почему «только?» Законное это имя. Хорошее имя».

Частицы не имеют словообразовательных средств. Общетюркский фонд частиц в чувашском языке представлен в незначительном количестве: чув. *та (те)* «и, даже (и)» − азерб. *да (дэ),* тат. *да (дә);* чув. *анчах* «только, лишь» − азерб. *анчаг*; чув. *кăна* «лишь, только» − тат. *гына (генә)*; чув. *-тăр (-тĕр)* «возможно, вероятно, видимо» − тат. *дыр (дер)*; чув. *ĕнтĕ* «уже, уж, же» − тат. *инде.*

Фонд частиц пополняется главным образом за счет диахронических изменений полнозначных слов: а) путем утраты лексических значений: *тата* наречие «еще (раз), опять, снова» > *тата* частица «еще, еще более», *ĕнтĕ* наречие «теперь»

> *ĕнтĕ* частица «уже, уж, же»; *çав* мест. «тот» > *çав* частица «вот», «конечно»; б) с сопровождением фонетических изменений: *халь* > *-ха* (*пăх-халь, пăх-ха* «смотри-ка»); в) путем сочетаний двух частиц: *-и* + *-мĕн* > *-им, -ши* +*-мĕн, -шим, -а (-е)* + *-мĕн* > *-ам (-ĕм)*.

Другим важным средством пополнения состава частиц является заимствование частиц из других языков. При заимствовании произошли некоторые изменения в их семантике и фонетическом облике. Главный источник заимствования – русский язык: *-нихак, -няк* «кажется, никак» (< *никак*); *нивушлĕ* (< *неужели*), *вăн* (< *вон*), *вăт, тăк (тĕк)* (< *так*), *вĕт* (< *ведь*), *луччă* (< *лучше*), *-ăшшĕ, -шĕ* (< *еще*), *хуть* (< *хоть, хотя*), *аха* (< *ага*) и др.; гораздо меньше заимствований из татарского языка: *ахăр, ахăр(т)не* < *ахры* «вероятно, наверное», *иçмасса* < *ичмаса* «даже, по крайней мере, хотя бы», *элле* < *элле* «может быть, возможно» (встречаются в основном в произведениях авторов – представителей диалекта «анатри»).

Частица как служебное слово не обладает[1] морфемной структурой, ибо у нее нет денотативной соотнесенности, нет и лексического значения корня. Как известно, лексическое значение частицы тождественно грамматическому. Тем не менее в чувашском языке наблюдается употребление морфологических и словообразовательных показателей непосредственно при некоторых частицах. Не является ли это нарушением языковых правил?

Так, от прилагательного *таса* «чистый» в сочетании с частицей *мар* возможно образование не только словоформ, но и производных слов.

а) *таса мар(р)* – *-и* «тот из них, кто грязен»; *-скер* «один, грязный»; *-тарах* «более грязный»;

б) *таса мар* – *-лăх* «нечистоты, загрязненность»; *-лан* «загрязняться»; *-лат* «загрязнять»;

Употребление словоизменительных и словообразовательных аффиксов рядом с частицей *мар* не означает, что они появились при ней только по требованию ее значения. Все

приведенные аффиксы могут присоединяться к прилагательному *таса* и без частицы *мар*. Значит, аффиксы могут присоединяться к двум равновеликим лексическим единицам: и к прилагательному с положительным значением, и к прилагательному с отрицательным значением. А частица *мар* выступает здесь как аналог словообразовательного аффикса, выражающего значение отрицательного признака.

Ср. также употребление аффиксов после других частиц:

а) прилагательные + частица *кăна* + аффикс *-скер: Çивĕт вĕçĕ, хулăн та кĕске кăнаскер, кăкăрĕ çине выртнă* (В. Игнатьев) «Кончик косички, толстый и короткий, лежал на ее груди». *Виç-тăват çул каялла çеç кунти улăх ячĕшĕн кăнаскерччĕ* (А. Емельянов) «Здешний луг три-четыре года назад был одно название»;

б) инфинитив + частица *çук* + аффикс *-рах: Хулигансен ĕçĕсене чăтма çукрах пулса çитрĕ* (М. Юхма) «Проделки хулиганов становятся невыносимыми»;

в) наречие + частица *çеç* + аффикс *-рех: Сĕтел çинче тата çичшер куçлă пысăк чӳречесем çинче тин çеçрех татса кĕнĕ чечексем лараççĕ* (Ю. Скворцов) «На столе и на больших окнах с семью звеньями стоят недавно сорванные цветы».

г) прилагательное + частица *та (те)* + постфикс *-ччĕ: Пахча çимĕçĕпе ун пек айкашакан çын ялта урăх çук таччĕ*[2] (В. Алентей) «По всей деревне не было человека, кто так же усердно занимался бы огородничеством».

Приведенные примеры ясно показывают, что частицы *мар, кăна, çук, çеç, та (те),* находясь в позиции между двумя морфемами, выступают как аффиксальные морфемы словоформы. Употребление реляционного или деривационного показателя за частицей происходит не по требованию ее значения, а по потребности категориального значения предшествующего полнозначного слова.

Отрицательная частица *ан,* употребляясь в препозиции формы 2 и 3 лица будущего повелительного времени единственного и множественного числа, выражает значение отрицательной формы глагола: 2 л. *ан ил* «не бери», 3 л. *ан илтĕр* «пусть не берет». Семантическая функция *ан* отражается в общем значении словоформы. Значит, она является тоже морфемой. Она заменяет аффикс *-ма (-ме)*, употребляющийся в данном положении в других тюркских языках. Ср.: тат. 2 л. *алма* «не

бери», 3 л. *алмасын* «пусть не берет». Как морфему, употребляющуюся в препозиции, вполне можно рассматривать ее как префикс[3] в составе глагола.

В правописании частиц нередко возникает недоуменный вопрос: когда они пишутся с полнозначным словом слитно, когда раздельно и когда через дефис? В чувашской орфографии пока нет полной ясности в этом отношении. Частица *та (те)*, например, пишется отдельно от слова. Частицу *тăк (тĕк)* теперь стали писать раздельно, а раньше писали через дефис. Какие частицы нужно писать слитно, какие – раздельно и через дефис?

Правописание частиц можно привести в систему, смотря по тому, где они функционируют – в составе словоформ или предложения, а также по тому, принимают они на себя ударение или не принимают, имеют сингармонические алломорфы или не имеют.

Частицы, функционирующие в составе предложения, следует писать раздельно от полнозначного слова. Здесь раздельно пишутся как односложные, так и многосложные частицы. Например: *Çуран çӳрекенни çук та имĕш унта, пурте юланутпа çӳреççĕ* (А. Талвир) «Там, оказывается, совсем нет пеших, все ездят на конях»; *Хăш-пĕрисем çара кайнă хыççăн çĕнĕ çынсем хутшăннă ав бригадăна* (К. Турхан) «После ухода некоторых парней в армию добавились вон в бригаду новые люди».

Частицы, функционирующие в составе словоформы, могут быть написаны слитно, раздельно и через дефис. Здесь выступают главным образом односложные частицы:

а) раздельно пишутся частицы, принимающие на себя ударение, но выступающие без сингармонических алломорфов: *Вăл каяс çук* «Он не пойдет»; *лайăх мар* «нехорошо», *эсĕ çеç* «ты только»;

б) вместе пишутся частицы, имеющие сингармонические алломорфы и принимающие на себя ударение: диал. *Каятна?* «Пойдешь ли?»; *Пĕлетнем?* «Разве знаешь?» (лит. *Каятăн-им? Пĕлетĕн-и-мĕн?*);

в) через дефис пишутся частицы, не принимающие на себя ударения (как имеющие сингармонические варианты, так и не имеющие их): *-и, -ши, -им,-шим, -мĕн, -иç, -няк, -çке, -ха, -халь, -тем, -тăк (-тĕк), -тăр (-тĕр).* В эту группу попадает и

частица *та (те)*. Ее тоже следовало бы писать через дефис, как, например, принято в орфографии узбекского, туркменского языков; узб. *Мен-да шу фикрда* «И я такого (же) мнения» [2, с. 335]; туркм.: *Бизин улагы-мыз-да екды, гошумыз-да* «Мы не располагали ни средствами передвижения, ни вещами» [4, с. 453].

Следует отметить здесь же, что неоправданным является слитное написание частицы *те* с местоимениями *пур(ĕ)* «все», ибо при склонении аффиксы косвенных падежей присоединяются не к *пурте,* а к основе слова *пур-*: *пурин те, пурне те, пуринче те* и т.д. Но по традиции чувашская частица *та (те)* пишется слитно.

В зависимости от того, какие добавочные значения вносят в речь частицы и какую лексико-грамматическую роль они играют, выделяются следующие разряды:

1) частицы, выражающие смысловые оттенки (указательные, уточнительные, ограничительные);

2) частицы, вносящие эмоционально-экспрессивные оттенки (усилительные, вежливости);

3) модальные частицы, выражающие отношение к достоверности явлений действительности (утвердительные, отрицательные, вопросительные).

§ 2. Частицы, выражающие смысловые оттенки

1. Указательные частицы: *ак(ă), вăт* «вот», *ав(ă), вăн* «вон», *веҫ* «вон, вон там». Частицы *акă, вăт* указывают на нечто близлежащее, а частицы *авă, вăн* – на находяшиеся вдали: *Сывалсан эпир акă мĕн пĕлтĕмĕр* (Ю. Скворцов) «Вот что мы узнали после выздоровления»; *Кирилл Васильевич килтĕр-ха ак, ăна каласа парăн* (Митта В.) «Вот придет Кирилл Васильевич, расскажешь ему»; *Авă лере, вăрман хĕрринчи кукуруза ани ҫинче, ҫынсем ĕҫлени курăнать* (А. Артемьев) «Вон там, на кукурузном поле возле леса, видно, как люди работают»; *Вăт мĕнле ҫын иккен вăл Урнашкин* (М. Кипек) «Вот какой он человек, оказывается, Урнашкин»; *Ăна та тиркерĕн, сивĕтрĕн ҫынна, вара вăн, Кураккасси хĕрне илчĕ* (А. Артемьев) «Отвергла ты его, и его чувства остыли, вон взял девушку из Кураккасов»; *Веҫ, лере ав, пир-авăр комбиначĕ туса лартнă, куратăр-и?* (Ст. Павлов) «Видите ли, вон там построили хлопчатобумажный

комбинат?» Эти частицы могут быть употреблены в повторном виде. Повторное *ак-ак* предупреждает, что очень скоро совершится действие: *Ак-ак юр ӳкессĕн туйăнать* (К. Петров) «Кажется, вот-вот выпадет снег». Повторное употребление *вăт-вăт* усиливает значение частицы: *Вăт-вăт, çапла кирлĕ-ха ăна!* «Вот-вот, так ему и надо!»

2. У т о ч н и т е л ь н ы е (определительные) частицы: *лăп, лап, шăп, шăп та шай, шăп та лăп* и др. служат для уточнения смысла последующего слова или выражения в предложении: *Эпĕ хам та шăп çак шухăша каласшăннăччĕ сире* (Н. Терентьев) «Я сам хотел высказать вам как раз эту мысль»; *Вĕрентекене ялтан тытса кайнăранпа лăп икĕ уйăх иртрĕ* (Хумма Ç.) «С тех пор как забрали учителя из деревни, прошло ровно два месяца»; *Пĕлтĕр çулла, лăп та шай çак вăхăтра пулса иртнине аса илчĕ* [*Альбина*] (В. Алентей) «[Альбина] вспомнила, что произошло прошлым летом как раз в это время»; *Çынна тиркетĕн, ху вара шăп та шай туй ачи пек хăтланатăн* (Л. Агаков) «Людей критикуешь, а сам поступаешь точь-в-точь как свадебный дружка».

3. В ы д е л и т е л ь н о - о г р а н и ч и т е л ь н ы е частицы: *çеç (çех), кăна, анчах, тулккиш (тулĕк)* – логически выделяют слова или словосочетания, придавая им ограничительное значение: *Эх, ура çеç сывалтăрччĕ, вара эп хама йăлт урăхла туйăттăм* (П. Чичканов) «Эх, лишь бы вылечить ногу, тогда я почувствовал бы себя совсем по-другому»; *Пĕр тайга кăна шавлать татти-сыпписĕр, тата Амур хĕрринчи хăмăшсем кашласа хумханаççĕ* (И. Тукташ) «Лишь тайга шумит без конца, да, шурша, колышутся камыши на берегу Амура»; *Вăл (куккук) хĕвел аннă вăхăтра анчах мар, хĕвел тухнă чухне те авăтать* (А. Ĕçхĕл) «Она (кукушка) кукует не только на закате, но и на рассвете»; – *Каласа парап, пĕтĕмпех каласа парап... Эс ан хĕне тулккиш* (Л. Агаков) «Расскажу, все расскажу. Ты не бей только!»; *Кампа тулĕк калаçмарăм, Александр Иванова асăнсанах кашниннех кăмăлĕ çĕкленет* (И. Лисаев) «С кем только я не говорил, но при имени Александра Иванова у всех поднималось настроение».

§ 3. Частицы, вносящие эмоционально-экспрессивные оттенки

1. Усилительные частицы: а) постпозитивные: *-ах (-ех)*[4]*, та (те), -иҫ, -тӗр, ӗнтӗ, вӗт;* б) препозитивные: *чи, мӗн, тата* – усиливают выразительность, эмоциональность высказывания: *Тахҫанах кӗтетӗп сана* «Давненько жду тебя»; *Яла юлнӑ ватӑ-вӗтӗпе хӗрарӑмсемех тӑваяс ҫук кун пек ҫула* (Г. Харлампьев) «Одни старики, дети да женщины деревни не смогли бы построить такую дорогу»; *Пирӗн хальхи ӗне те ҫав йӑхах* (И. Тăхти) «И теперешняя наша корова из той же породы»; *Вӑл мана пулӑшатех* «Он мне обязательно поможет»; *Пӗр вӗсен аллине лексен вара чӗрӗ юласса ан та тухӑшла* (М. Данилов-Чалтун) «Попав в их руки, даже не думай остаться в живых»; *Тамара ҫӑвар та уҫмарӗ* (Ю. Скворцов) «Тамара и рта не раскрыла»; *Паян та, ыран та ӗҫлемелле* «И сегодня, и завтра надо работать»; *Атту ҫӗтӗлсе кайнӑ-иҫ, мӗн тӑхӑнса кайӑн?* (А. Артемьев) «Сапоги же твои прохудились, в чем же пойдешь?»; *Ҫиччӗ ҫитесси тата*[4] *ҫур сехет-иҫ, ӗлкӗретпӗр* (Г. Краснов) «До семи же еще полчаса, успеем»; *Тăпри ытлашши кăпăш, тытни-пӗр алăра ванать* (Илпек М.) «Почва очень уж рыхлая, берешь, уже рассыпается»; *Вӑл пӗчӗк мар ӗнтӗ* «Он уж не маленький»; *Борис Ласточкин рабочисем ҫинчен очерксем ҫырма хăнăхса ҫитнӗ ӗнтӗ* (И. Григорьев) «Борис Ласточкин уже привык писать очерки о рабочих»; *Хитре вӗт ял? Хитре! Кун пек яла пăрахса каяс килмӗ* (Д. Гордеев) «Красивая ведь деревня? Красивая! Не захочешь оставить такую деревню».

Для более усиленного выражения степени качества (свойства) частица *чи* может употребляться в удвоенном, утроенном виде: *чи-чи ҫывăххи* «самый-самый близкий», *чи-чи-чи тутли* «вкусный-превкусный». Эта частица может находиться не только перед прилагательным, но и перед существительным, наречием, причастием, деепричастием: *Чи сăртра ларакан тирек...* (М. Ухсай) «Тополь, стоящий на самой вершине холма»; *Чи куҫа курăнакан вырăнта станувуй валли ҫĕнĕ ҫурт тăваççĕ* (Н. Мранькка) «На самом видном месте строят новый дом для станового»; *Никитин ăна чи хăйĕн ĕҫĕ тесе шутлать* (Хв. Уяр) «Никитин это считает самым что ни есть своим делом»; *Кун пек чухне чи вăхăт ҫитнӗ теҫҫĕ* (Я. Ухсай) «В та-

ких случаях говорят: самое время»; *Çак кунсенче «Герой» колхоз ĕçченĕсем ир пуçласа мĕн каçченех хирте* (Хаçатран) «В эти дни трудящиеся колхоза «Герой» с утра до самого вечера в поле»; *Эсĕ мĕн тата кăнтăрлана вăхăтра килместĕн?* (А. Ĕçхĕл) «Ты что же это на обед не приходишь вовремя?»; *Ну, кĕр тата, мĕн чарăнса тăратăн!* (П. Осипов) «Ну, зайди же, что встал!»

2. Частицы вежливости: *-ха, -халь, -халĕ, -çке, тархасшăн* – показывают вежливое обращение говорящего к собеседнику.

Частицы *-ха,-халь, -халĕ,* употребляясь с глаголами будущего повелительного времени, выражают смягчение просьбы, приказания: *Итле-ха, корреспондент юлташ, эсĕ çитес выр-сарникун вăхăт тупса пирĕн района пыма тăрăш-ха* (Л. Агаков) «Послушай-ка, товарищ корреспондент, постарайся-ка ты приехать в наш район в следующее воскресенье».

Чувашская частица *-ха* в данном значении полностью совпадает с частицей *-ка* русского языка. Да и по фонетическому облику эти частицы сильно напоминают друг друга. Но по происхождению чувашская частица едва ли является русским заимствованием, ибо по значению и функции она богаче, чем частица *-ка* русского языка.

Более убедительно предполагать, что *-ха* произошла на почве чувашского языка, в котором бытует наречие *халĕ* (а также сокращенный вариант *халь*) со значением «теперь, сейчас, в настоящее время». Употребляясь в постпозиции не только по отношению к глаголу, но и к другим частям речи, оно значительно утрачивает свое лексическое значение и приобретает оттенок значения вежливого обращения к слушающему.

В подобных случаях всегда возможна взаимозамена *халĕ (халь)* и *-ха,* что однозначно свидетельствует о том, что частица *-ха* является сокращенным вариантом *халĕ: халĕ > халь > -ха.* Ср. примеры:

а) употребление частицы после глагола будущего времени:

Шыв хĕрринче пир сартăм та,
Типĕ-халĕ майĕпе.
Çак самана йывăрлăхĕ
Иртĕ-халĕ майĕпе. («Рабочи юррисем»)

«У берега реки я расстелила холст, высохнет потихоньку.Трудности этого века пройдут помаленьку».

б) после глагола настоящего времени:

П а в л о в: *Матвей Ильич!* (Алă парать.) *Сывă çӳретĕн-и?*

М а т в и: *Çӳретĕп-халĕ майĕпен. Хăвăр мĕнле, Сергей Дмитриевич?* (И. Максимов-Кошкинский)

«П а в л о в: Как поживаешь, Матвей Ильич!

М а т в е й: Живу потихоньку. Сами как, Сергей Дмитриевич?»

в) после глаголов однократного прошедшего времени: *Суйма вĕренеймерĕм-ха, чăннине калама пултаратăп* (М. Кипек) «Врать еще не научился, а правду сказать могу»;

г) после именных форм: *Вăл поселок карттă çинче çукха* (Хаçатран) «Этого поселка нет еще на карте»; *Бригади пĕчĕкрех-ха та, унăн ачисем питĕ харсăрскерсем* (Г. Краснов) «Бригада еще маловата, конечно, зато ребята очень боевые».

Частица *-çке (-ĕçке)* по происхождению является сложной, она восходит к сочетанию усилительной частицы *-ӗç (-ĕç)* с частицей вежливости *-ха (-хе)* // *-ке* и выражает сочувственное, теплое отношение говорящего к высказанной мысли, происходящему событию или разговору: *Кам пĕлет, çав хушăра каччă хăй те ӳснĕ пуль? Вун тăххăрта-çке* (А. Емельянов) «Кто знает, за это время молодой человек, может, вырос? Девятнадцать же ему»; — *Эпĕ чирлеместĕп пулĕ-çке? — чарăнса тăрса ыйтрĕ Ухтиван* (Хв. Уяр) «Уж не заболел ли я?» — спросил Ухтиван, остановившись»; *Эх, ирхи сывлăш уçăçке!* (М. Кипек) «Эх, до чего свеж утренний воздух!»; — *Эсĕ пирĕнпе пыратăн-и? — Пыратăп-çке* «— Ты идешь с нами? — Иду же».

Частица *тархасшăн* употребляется при вежливом обращении, при просьбе и приглашении: *Тархасшăн, çынна ан култар, карчăк* (А. Кăлкан) «Пожалуйста, старуха, людей не смеши»; *Питĕ хавас, Лукерья Семеновна, атьăр-ха, тархасшăн* (Н. Мранькка) «Очень рад, Лукерья Семеновна, пойдемте, пожалуйста».

§ 4. Модальные частицы, выражающие отношение к достоверности фактов, явлений действительности

1. Утвердительные частицы: *аха, ăхă* «ага», *ийя* «да, ага», *ара* «же, да», *çав* «вот, то-то, да; конечно, именно»; *ăнт* «вот, так вот», «вправду» и др. — утверждают чужую мысль или

мысль говорящего: *Эсĕ халь Капитонов патĕнчен тавраҫнатăн вĕт? Аха-и?* (Г. Краснов) «Ты ведь сейчас возвращаешься от Капитонова? Так, что ли?»; *Эсĕ кружок занятийĕнче пултăн-и? – Ахă* «Был ты на занятии кружка? – Да»; *Ҫитес ҫул кайсах илетпĕр [аннене], ийя-и, Лена?* «В следующем году сами поедем привезем [маму]. Да, Лена?»; *Эс института кайиччен килсе курас терĕм, ийя* (М. Трубина) «Я решил навестить [тебя] до твоего отъезда в институт, да»; *– Паллаймарăр-им? Павăл куккăр ывăлĕ эпĕ. Курицын Алексей. – Ара-ҫке! – ура ҫине сиксе тăтăм хайхискер* (Л. Таллеров)» – Разве не признали? Я же сын вашего дяди Павла. Курицын Алексей. – В самом деле! – вскочил я»; *– Ҫук. Ман ял Советне каймалла. – Юрать ара, унтан та кайăпăр* (С. Аслан) «Нет. Мне надо в сельсовет. Что же, годится, и туда пойдем»; *Ҫăмăлччĕ ҫав вăл пур чух ĕҫлеме-е...* (А. Емельянов) «Да, легко работалось при нем»; *Хушаматне... астăваймастăп ҫав* (Л. Агаков) «Да вот не вспомню фамилию-то»;

– Тамара упăшки инҫетрен. Ҫĕмĕрлерен. Ашшĕ-амăшĕсем хресченсемех. Ҫирĕм улттăра. Чăваш. Маттур. Анчах пит пысăк ҫын. Курман эп унашкал пысăк ҫынна.

– Пысăк ҫын?

– Ҫапла. Шутсăр пысăк.

– Ĕҫлеме ăҫта ĕҫлет?

– Кӳршĕ хулара. Шифер заводĕнче. – Ваҫҫа пичче кĕрӳшĕпе мухтанса кăмăллăн хушса хучĕ: – Ăнт! Ҫапла ҫын вăл ман кĕрӳ! (Г. Мальцев)

«Муж Тамары издалека. Из Шумерли. Родители его тоже крестьяне. Ему двадцать шесть. Чуваш. Крепкий. Но очень большой человек. Не видал я таких больших.

– Большой человек?

– Да. Очень большой.

– Где же он работает?

– В соседнем городе. На шиферном заводе: – Дядя Вася, хвастаясь своим зятем, с удовольствием добавил: – Вот! Такой человек мой зять».

2. Отрицательные частицы: *ҫук* «нет, не», *мар* «не, нет», *ан* «не», *ни* «ни».

Частица *ҫук* «нет, не» употребляется при отрицательном ответе, при несогласии с чем-либо, при отказе от чего-либо: *Ҫук, тăхтăр-ха* «Нет, подождите»; *Вăл килес ҫук* «Он не при-

дет»; *Э, Хветле! Ыранах, çук, паянах, кĕçĕрех аттепе аннене сирĕн пата хăтана яратăп* (Хв. Агивер) «Э, Фекла! Завтра же, нет, сегодня же вечером пошлю своих родителей к вам сватать». Для усиления негативности перед отрицательным сказуемым может употребляться частица *çук: Çук, пултараймастăп* «Нет, не смогу»;

Çук, çук, атте, ан чĕн те:
Халь тин киле пыраймăп (К. Иванов)

«Нет, нет, отец, не зови: теперь уж домой вернуться не смогу».

Чувашская частица *мар* имеет меньше функций, чем русская отрицательная частица *не,* но у нее есть свои особенности. *Мар* может присоединиться к спрягаемым утвердительным формам глагола только в форме 1 лица будущего повелительного времени: *каям мар* «Не пойду». В остальных спрягаемых временных формах используются отрицательные аффиксы *-ма (-ме), -мас (-мес), -м.*

К отрицательным же формам глагола частица *мар* может присоединяться и в других временах. При «отрицании отрицания» конструкции имеют положительный смысл. Ср.: а) в настоящем времени: *Ĕçре йывăрлăх тени те тупăнмасть мар* (В. Алентей) «В работе не без трудностей тоже»; б) в однократном прошедшем времени: – *Час таврăнать-ши вăл? – Мĕн, курас килекен пулчĕ мар пулĕ те?..* (Юхма М.) « – Скоро ли он вернется? – Что, уж не захотелось ли повидаться?»

Частица *мар* может стоять после любого отрицаемого члена предложения: а) при сказуемом: *Юр хĕллехи пек шурă мар ĕнтĕ* (А. Емельянов) «Снег уже не так бел, как зимой»; б) при подлежащем: *Н. Михайлов çеç мар çапла шутлать* (Хаçатран) «Не только Н. Михайлов так думает»; в) при дополнении: *Урăхларах та пулать: çыравçă, тĕрлĕ сăлтава пула, хăй халăхĕ çинчен тăван чĕлхипе мар е тăван чĕлхипе çеç те мар çырать* (П. Хусанкай) «По-всякому бывает: писатели по разным причинам о своем народе пишут не на родном или не только на родном языке»; г) при обстоятельстве: *Вăл калаçусене Мурат хăй те пĕрре мар илтрĕ* (Л. Агаков) «Эти разговоры не раз и сам Мурат слышал»; д) при определении: *Комбинатра çирĕм çул ытла ĕçлекен çамрăках мар рабочипе паровоз машинисчĕ хăйсен ĕçри ӳсĕмĕсемпе паллаштарчĕç* (А. Алексан-

дров) «Немолодой уже рабочий и машинист паровоза, проработавшие на комбинате более двадцати лет, ознакомили со своими трудовыми достижениями».

Рассматриваемая частица употребляется не только для выражения отрицания, но и для соединения однородных членов (подлежащих, сказуемых или второстепенных членов), из которых второй представляется более существенным, более значительным. Однородные члены по обеим сторонам частицы *мар,* как правило, оформляются одинаково, но возможно оформление их не только разными основами глагола, но и разными частями речи или разными формами.

1) однородные п о д л е ж а щ и е: *Ёлкăна вĕренекен ачасем çеç мар, вĕсен пиччĕшĕсемпе аппăшĕсем те, ашшĕсемпе амăшĕсем те килнĕ* (И. Максимов-Кошкинский) «На ёлку пришли не только учащиеся, но и их братья и сестры, отцы и матери»; *Купăс мар, Коля чунĕ макăрать* (А. Артемьев) «Не гармошка плачет, а душа Коли»; 2) однородные д о п о л н е н и я: *Сăмахсене анчах мар-ха, тĕрлĕрен хыпарсене те эсĕ таçтан пĕлсе тăратăн* (Ç. Элкер) «Тебе откуда-то известны не только слова, но и самые разные новости»; 3) однородные о б с т о я т е л ь с т в а: *Хăнăхтарусене кукамусем пулăшнипе мар, правилăсене тĕплĕн вĕренсе çырмалла* (С. Мерчен) «Упражнения надо выполнять не с помощью бабушек, а основательно изучив правила»; *Паян мар пулсан, ыран пурпĕр пирĕн ĕмĕт пурнăçа кĕмеллех* (Ç. Элкер) «Наша мечта все равно должна воплотиться в жизнь, если не сегодня, то завтра»; 4) однородные о п р е д е л е н и я: *Ма çапатăн Куçука? Хамăр ача вĕт вăл, çыннăн мар* (Хумма Ç.) «Зачем бьешь Кузюка? Наш же ребенок, не чужой»; 5) однородные глагольные с к а з у е м ы е с частицей *мар* оформляются двояко. В первом случае частица располагается между одинаково оформленными (однородными сказуемыми): *Кушиле тимĕре юратать кăна мар, ăна турăш вырăнне хурса хисеплет* (Хв. Уяр) «Кужиль не только любит железо, но почитает его как икону»; *Праски нихçан та пустуй пуплемест, вăл сăмах панине турĕ. Турĕ çеç мар, сăмах панинчен ытларах сĕт суса илчĕ* (В. Алентей) «Праски никогда не говорит попусту, она сдержала свое слово. Не только сдержала, она надоила молока больше, чем обязалась».

Во втором случае компонент перед частицей *мар* принимает инфинитивную форму, компонент же после частицы

– форму времени: – *Чăтаймарăм, юрласа ятăм. Тен, эсир те илтрĕр?! – Илтме çеç мар, хамăр та пĕрлех юрларăмăр, Арсентий* (А. Ĕçхĕл) «Не стерпел (я), запел. Может, и вы слышали?! – Не то что слышать, и сами вместе пели, Арсентий». Здесь вместо *илтме çеç мар* вполне можно сказать: *илтрĕмĕр çеç мар*.

Инфинитивный компонент с помощью *мар* связывается со вторым компонентом теснее, и противопоставление между ними выглядит яснее, чем между компонентами с одинаковыми формами.

Частица *мар* может связывать также однородные именные сказуемые.

В чувашском языке после временных форм глагола употребляют сочетание отрицательной частицы *мар* с вопросительной частицей *-и* для выражения неуверенной констатации действия или просьбы, желания говорящего и в то же время желательности подтверждения (поддержки) со стороны собеседника: *Эсĕ унпа пĕлтĕртеннпе пĕрле ĕçлетĕн мар-и?* (А. Талвир) «Не с прошлого ли года ты с ним вместе работаешь?»; *Хапха сасси пулчĕ мар-и?* (А. Алка) «Не калитка ли звякнула?»; *Эпир те пулăшар мар-и?* (С. Аслан) «Не помочь ли и нам?»; *Максим Максимч, шахматла выляр мар-и?* (М. Кипек) «Максим Максимыч, не сыграть ли нам в шахматы?»; *Çумăр килет мар-и?* (Л. Агаков) «Не собирается ли дождь?»

Отрицательной препозитивной частицей *ан* пользуются для образования отрицательной формы 2 и 3 лица, глагола повелительного наклонения: *ан кай* «не уходи», *ан кайтăр* «пусть не уходит».

Такой частицы нет ни в одном из тюркских языков. Исследователи чувашского языка Н.И. Ашмарин и В.Г. Егоров считали, что она заимствована в далеком прошлом из финно-угорских языков; ср.: формы 2 лица единственного числа в коми яз. *ен гиш* «не пиши», в удм. яз. *эн люкеты* «не мешай» [1, с. 317; 3, с. 334–335].

В современном языке частицей *ан* нередко пользуются и при образовании отрицательной формы 1 лица единственного и множественного числа повелительного наклонения: *ан каям, ан каяр*. Примеры: *Çапăçса пуçăма хурам – тăшман мăшкăлне ан курам!* (А. Артемьев) «Сражаясь, пусть голову сложу, не стану посмешищем врага!»;

Йĕрсе-хуйхăрса халь ан тăрар,
Хуйхăран чĕресенче ҫу пулмĕ (В. Элпи)

«Не будем горевать-печалиться, от горя сердце не умаслится».

Это, конечно, результат процесса выравнивания парадигмы.

3. Вопросительные частицы: *-и, -ши, -а (-а)* «ли», *-им, -шим, -ам (-ем), -и-мĕн* «ли», *а, э, нивушлĕ* «неужели». За исключением частицы *нивушлĕ,* все они являются постпозитивными. Частицы *-а (-е), -ам (-ем)* употребляются только в говорах низового диалекта.

Частицы *-и, -а (-е)* выступают в вопросительных и относительных предложениях: *Пыратăн-и?* «Придешь ли?»; *Пырать-и, пымасть-и – пĕлместĕп...* Придет ли, не придет ли – не знаю...»; ср. *Куратăн-а?* «Видишь ли?»

Чем же отличается вопрос, выраженный вопросительной частицей, от вопроса, выраженного вопросительным местоимением? Говорящий задает адресату вопрос, используя вопросительное местоимение, чтобы выяснить, каким лексическим содержанием заполнить известный ему член предложения: *Хăҫан тавръăнать пичче?* «Когда вернется старший брат?» В случае же, когда говорящий предполагает лексическое содержание членов предложения, для уверенности он спрашивает собеседника или самого себя, используя вопросительную частицу, вероятно ли его предположение: *Пичче паян тавръăнать-ши?* «Вернется ли сегодня старший брат?»

В большинстве тюркских языков вместо чувашских вопросительных частиц *-и, -а (-е)* употребляется частица *-ма (-ме) / -ба (-бе)...* Отсутствие начального губно-губного согласного в составе чувашской частицы трудно объяснимо. Частицу без губно-губного согласного мы находим в якутском языке – в виде аффикса *-ый (-ий).* Но она употребляется здесь в предложении при наличии вопросительного слова: *Мин тугун билемий?* «Я-то откуда знаю?» [5, с. 50].

В монгольском языке употребляется вопросительная частица или аффикс, состоящий только из гласного *ū: saiˌnu* «хорошо ли», «здоров ли» *iˌrebe* и «пришел ли» [7, с. 148]. Используя данные В. Котвича, можно сказать, что наиболее близ-

ким к чувашской частице *-и* является применяемый в живых монгольских языках аффикс *-i* [6, с. 333].

В разговорной речи, если глагольная форма перед частицей *-и* или *-а (-е)* оканчивается на согласный звук, то она (глагольная форма) нередко может подвергаться фонетическому сокращению: из ее состава может выпасть редуцированный гласный; ср.: *куратăн-и* «видишь ли» > *куратни; куратăн-а* > *куратна; пĕлместĕн-и* «не знаешь ли» > *пĕлместни* и т.д.

Главная разница между частицами *-и* и *-а (-е)* в том, что первая присоединяется ко многим формам знаменательных частей речи (*каяççĕ-и, кайнă-и, лайăх-и, эсĕ-и* и др., а вторая применяется после предикативных временных форм 2 лица (*каят(ă)на, каят(ă)ра*[5], *кайрăн-а, каятăн-а* и др.)

Вопрос, выраженный частицами *-и, -а (-е)*, в большинстве случаев относится ко всему высказыванию: *Кун пек ĕçре чунсăр пулма юрать-и вара?* (А. Ĕçхĕл) «В таком деле разве можно быть бездушным?»; *Институт пирки шухăшна улăштармарăна?* (В. Ухли) «Не изменил ли своего мнения насчет института?» Но вопрос, выраженный частицей *-и,* может относиться и к части высказывания: *Микуç мар-и сасă пачĕ? Мана мар-и чĕнчĕ?* (Е. Афанасьев) «Не Мигусь ли подал голос? Не меня ли позвал?»

Частица *-ши* оформляет вопрос с оттенком сомнения, неуверенности. Подобные вопросы говорящий часто задает самому себе: *Асăрхамарĕ-ши йĕкĕт е юриех курмăш пулса çаврăнса утрĕ?* (И. Григорьев) «Не заметил парень или нарочно сделал вид, что не заметил, повернулся и ушел?»; *Ăçта ĕнтĕ халь эпир? Хамăр патран ытла та инçе-ши?* (А. Галкин) «Где же мы теперь? Слишком далеко ли от своей деревни?»; *Шăллĕнчен çапла пытарма юрать-ши вара?* «Разве можно так скрывать от своего братишки?»

Данной частицей могут пользоваться дополнительно к вопросительному предложению с вопросительным местоимением для придания ему (предложению) оттенка неуверенности, сомнения: *Кун каçа ăçта кăна çитмест-ши вăл (Ануш), мĕн кăна тума ĕлкĕрмест-ши?* (В. Алентей) «За день где только не побывает она (Аня), что только не успевает сделать?».

Частицы *-и, -а (-е), -ши* в сочетании с частицей *-м(ĕн),* а также *вара* выражают недоуменный или риторический воп-

рос: *Эсĕ малалла вĕренме кайма шутламастăн-им?* (Г. Харлампьев) «Ты не думаешь идти учиться дальше?»; *Сахал-им вара кун пек хушаматлă чăвашсем?* (В. Сатай) «Мало ли чувашей с подобной фамилией?»; *Тарăхрăн-ам*[6] *купăсу çине?* (Хумма Ç.) «Неужели сердишься на свою гармонь?»

Çаплах вара, Нарспиçĕм,
Çук-шим манăн ăраскал?
Çаплах сана ют çĕре
Илсе кайĕ-шим усал?
(К. Иванов)

Неужель, Нарспи, несчастье
На меня теперь найдет?
Неужель тебя постылый
На чужбину увезет?
(Перевод П. Хузангая)

Çав çитĕнӳсемпе мухтанма пултараймастпăр-и-мĕн? (И. Мучи) «Разве не можем гордиться этими достижениями?»; *Эсир Нинăпа пĕр ялсем-и вара?* (А. Артемьев) «Разве вы с Ниной из одной деревни?»

Вопросительные частицы *а, э* употребляются в постпозиции ко всему предложению как вопросительный отклик на обращение или при переспрашивании нерасслышанного: *Ăçта каятăр эсир? А-а?* (Ç. Элкер) «Куда вы идете? А-а?»; *Мĕн пулнă сана, а?* (В. Ухли) «Что случилось с тобой, а?»; *Кур-ха эс, хирĕç тавлашма пăхаççĕ, э? Эп сире...* (Хв. Уяр) «Смотри-ка ты, прекословить хотят, а? Я вам!..»; *Анне! Мĕншĕн текех вăрçатăн мана эс, э?* (Ю. Скворцов) «Мама! Что ты меня всё ругаешь, а?»

Заимствованная препозитивная частица *нивушлĕ* в чувашском языке сохраняет особенности русской частицы *неужели*. Она употребляется в значении «разве», «возможно ли»; причем, кроме вопроса, выражает сомнение, недоверие, удивление: *Нивушлĕ манăн савăнăç çынсене те курăнать?* (А. Емельянов) «Неужели моя радость заметна и людям?»; *Нивушлĕ кун пек вăйлă пулă та пур тĕнчере?* (А. Галкин) «Неужели в мире есть и такой силы рыба?»

4. Частица, выражающая значение условия. Выше было отмечено, что в чувашском языке нередко употребляется частица *тăк (тĕк)*, выражающая в основном значение условия. Она богата различными оттенками.

А. В неделимых сочетаниях, функционирующих как члены предложения, частица *тăк (тĕк)* выражает:

а) оттенок внутреннего согласия, принятия, допущения. Эти конструкции отличаются тем, что в их составе могут

сочетаться имена, глаголы, наречия в одинаковых формах: *Колхоз тăк колхоз пултăр, пур ĕçе те харăс, вăхăтра тумалла пултăр* (С. Аслан) «Колхоз так колхоз пускай будет, все работы надо выполнять вовремя, дружно»; *Шухăшланă-татнă, каймалла тăк каймалла* (А. Талвир) «Подумали и решили: идти так идти»; *Çумламалла тăк çумламалла, алăпа тăк алăпа* (А. Ĕçхĕл) «Полоть так полоть, вручную так вручную». *Юр çеç кайтăр, эпир ыран тăк ыран тухма пултаратпăр* (А. Талвир) «Пусть только снег сойдет, можем выйти на сев хоть завтра»; *– Çук, çуран лайăхрах пулать, – терĕ корреспондент. – Тархасшăн. çуран тăк çуран кайăпăр. Хăвăрăн ирĕк...* (Л. Агаков) « – Нет, пешком будет лучше, – сказал корреспондент. – Пожалуйста, пешком так пешком. Воля ваша...»;

б) оттенок точного соответствия называемому. В составе таких сочетаний нередко выступает указательная частица *вăт* «вот»: *– Вăт ку çул тăк çул! – терĕ Кĕркури юсавлă çула ытараймасăр* (Г. Харлампьев) «Вот это дорога так дорога, – сказал Григорий, любуясь исправной дорогой»; *– Вăт маттур тăк маттур! – терĕ темрен тĕлĕннипе çăвар карсах пăхса тăркан Юрков* (А. Алка) « – Вот силач так силач! – сказал Юрков, стоящий разинув рот от беспричинного удивления»; *Вăт ăнать тĕк ăнать пирĕн пурнăç! – пуçне пăркаларĕ Ваçли* (Н. Мранькка) «Вот ладится так ладится наша жизнь! – покачал головой Василий»;

в) оттенок полноты проявления признаков. В составе подобных сочетаний выступает междометие *ну* или частица *вара* со значением удивления: *Ну, çаклантăм, ай çаклантăм тăк çаклантăм* (Н. Терентьев) «Ну и попался я, попался так попался»; *Вăл çапăçрĕ тĕк çапăçрĕ вара!* (В. Сатай) «Ой, сражался так сражался он».

Б. В тех случаях, когда конструкция, имеющая полную синтаксическую раздельность, сочетается со словами, обладающими самостоятельной значимостью, частица *тăк (тĕк)* выражает значение условия. В этом случае в начале придаточной части возможно употребление условных союзов *эхер, енчен, ытах, ешĕл, рас (раз). Пурне те калас тăк, каласа пĕтереймĕн* (Хумма Ç.) «Если говорить обо всем, сразу не перескажешь»; *Эхер те машина кутăнланма тытăнчĕ тĕк, тӳрех сан пата лав яратăп* (А. Талвир) «Если же машина начнет капризничать, то сразу пошлю к тебе подводу»; *Енчен вĕренме кĕресшĕн тĕк,*

ăна пулăшас пулать (В. Ухли) «Если он хочет поступить учиться, то ему следует помочь»; *Ытах çулсем такăр мар тăк, тавай такăрлар* (Митта В.) «Если дороги неровны, то давайте выровним»; *Раз эпĕ эртелре членра тăратăп тăк, нуша килсе çитсен мана чи малтан урăх никамăн та мар, эртелĕн пулăшмалла* (Хумма Ç.) «Раз я состою членом артели, то, когда будет нужда, мне прежде всего артель должна помочь, не кто другой».

5. К группе частиц, выражающих значение с о м н е н и я, относится сравнительно больше единиц, чем к другим группам. Эти частицы можно подразделить на подгруппы по степени употребительности в том или другом диалекте. К низовым говорам относятся частицы *-тăр (-тĕр), ахăр(тне), шет, элле,* к верховым говорам – *тен, тетен, тем, никак (-няк).* Частицы сомнения верховые чуваши нередко возмещают глагольными формами *пулĕ, пулас, пулмалла*. Для урмарско-янтиковского говора среднего диалекта характерно употребление частицы *путь (путех).* Но такое деление частиц по диалектам не означает, что приведенные частицы не выходят за предметы указанных границ. В период развития литературного языка границы употребления частиц постепенно стираются.

Частица *-тăр (-тĕр)* чувашского языка по сравнению с соответствующей частицей других тюркских языков малоупотребительна. Она чаще встречается в произведениях писателей – представителей низового диалекта. Преимущественное употребление данной частицы в низовом диалекте объясняется, пожалуй, влиянием мишарских говоров татарского языка.

Функции частицы *-тăр (-тĕр)* зависят от того, с какой частью речи она употребляется. При сочетании с вопросительным местоимениями *-тăр (-тĕр)* выполняет словообразовательную функцию, она образует неопределенные местоимения[7]. Последние синонимичны неопределенным местоимениям, образованным при помощи префикса *та- (те-)* или частиц *та (те) пулин, та (те) пулсан*. Ср.:

кам-тăр «кто-то, кто-нибудь, кто-либо» – *такам, кам та пулин (пулсан);*

мĕн-тĕр «что-то, что-нибудь, что-либо» – *темĕн, мĕн те пулин (пулсан);*

мĕнле-тĕр «какой-то, какой-нибудь, какой-либо» – *тем(ĕн)ле, мĕнле те пулин (пулсан);*

хăçан-тăр «когда-то, когда-нибудь, когда-либо» – *тах(ă)çан, хăçан та пулин (пулсан)* и др.

Местоимения, образованные при помощи префикса *та-(те-)* или частиц *та (те) пулин, та (те) пулсан* вполне могут заменять местоимения, образованные при помощи частицы *-тăр (-тĕр): Пурте зал хĕррипе тăра-тăра тухнă. Варри пушпушах. Кама-тăр* [= *такама* или *кама та пулин (пулсан)*] *кĕтеççĕ* (И. Егоров) «Все встали по краю зала, середина пуста. Кого-то ждут»; *Алексей Иванович уяв тумĕпе. Мĕншĕн-тĕр* [= *тем(ĕн)шĕн, мĕншĕн те пулин (пулсан)*] *вăл паян училищĕне ирех вĕçтерсе çитнĕ* (Н. Симунов) «Алексей Иванович в праздничном наряде. Сегодня он почему-то (по какой-то причине) примчался в училище очень рано».

Употребляясь после временных форм глагола, частица *-тăр (-тĕр)* выражает значение сомнения, неуверенности в совершении действия (в настоящем, прошлом или будущем): *Уроксем хыççăн ачасене колхоз сыснисене валли йĕкел пухма илсе каяççĕ-тĕр* (С. Аслан) «После уроков ребят поведут, наверное, собирать желуди для колхозных свиней»; *Иван паттăр çӳрет-тĕр халь Ехрем патшан сад пахчинче хĕрсемпе выляса* (Сказка «Иван паттăр») «Отважный Иван ходит, наверное, в саду царя Ефрема и забавляется с девушками»; *Анне те кĕтсе ывăнчĕ-тĕр* (Хв. Агивер) «Пожалуй, и мама заждалась»; *Вăл ура пӳрнисене хускатма пăхрĕ, анчах итлемерĕç, çывăрса кайнăтăр* (С. Аслан) «Он попытался пошевелить пальцами ног, но они не слушались, кажется, онемели».

Предложения, содержащие после сказуемого частицу *-тăр (-тĕр),* нередко совмещают вопрос с догадкой, предположением, сомнением и весьма близки к неопределенно-вопросительным предложениям. Поэтому в конце таких предложений авторы то и дело ставят вопросительный знак: *Тен, вăл та (атте) ман пекех лазаретра ахлатса выртать пулĕ. Е фронтра чăрсăррăн кĕрешет-тĕр?* (Митта В.) «Возможно, он, как и я, лежит в лазарете, охая от боли. Или, быть может, бесстрашно сражается на фронте?»; *Ĕнер эсĕ колхозниксен пухăвĕнче пулнă-тăр?* (И. Тукташ) «Вчера, кажется, ты был на собрании колхозников?»

Значение неуверенности выражается также и при употреблении частицы с именными сказуемыми:

Пур кайăкран та харсăрри-тĕр
Ырма-канма пĕлмен тăри (А. Алка)

«Пожалуй, неутомимый жаворонок является самой бойкой птицей».

Утсенчен ун пек шурри
Çук-тăр пирĕн районра (Я. Ухсай)

«Поди, нет в нашем районе столь белого коня».

Верукĕ Чĕкеçрен те каях мар-тăр, хитре, мур илесшĕ (С. Аслан) «Верук, пожалуй, ничуть не хуже Чегесь, красива, черт побери»; — *Ой-ой, мĕн чухлĕ çыру! Çĕр çыру та пур-тăр кунта* (И. Тукташ) «Ой, сколько писем! Наверное, писем сто есть тут, не меньше».

Следует отметить, что для употребления частицы *-тăр (-тĕр)* при сказуемом характерно то, что одновременно с данной частицей (в начале предложения или рядом с ней) факультативно может стоять другая частица сомнительности: *ахăр(тне)* или *тен*. Это способствует более ясному или подчеркнутому выражению значения неуверенности высказывания: *Вĕсен хушшинче, тен, хамăр ялсем те пур-тăр* (А. Ĕçхĕл) «Среди них, возможно, есть и наши односельчане»;

Ахăр, кунти чăвашсен
Мулĕ пур-тăр çав вĕсен (К. Иванов)

«Знать, у здешних чувашей и богатство есть»;

Ахăртнех, кĕçĕр те çав тăкăрлăка шыраса килчĕ-тĕр вăл çакăнта (Г. Краснов) «Поди, и в этот вечер он явился сюда в поисках того переулка»; *Çавăнтан кайран халиччен те вĕсем тилхепе çинчен сăмах хускатман, хускатас та çук-тăр ахăртнех* (Е. Еллиев) «После этого до сих пор они не заводили разговор о вожжах, да, пожалуй, и не заведут».

Частица *-тăр (-тĕр)* может употребляться не только при сказуемом, но и при второстепенных членах предложения: а) при дополнении — для выделения какого-либо неопределенного объекта из множества: *(Надя) правленирен лашатăр, машина-тăр ыйтса тăмарĕ, пилĕк-ултă çухрăма çуранах çитĕп-ха терĕ* (К. Петров) «Надя не стала просить у правле-

ния какой-либо транспорт, подумала, что пройдет пять-шесть километров и пешком»; *Килте çăкăр пĕçермен кунсенче кӳршĕ хуларан эрнелĕх батон-тăр мĕн-тĕр кайса ил...* (С. Шавли) «В дни, когда дома не пекут хлеб, сходи в соседний город и купи на неделю что-нибудь из хлебобулочных изделий»; б) при обстоятельстве причины – для выражения оттенка неуверенности в причине поступка:

Çакна илтсе вăтаннăран-тăр
Пуçне те çĕклеймест Санюк (А. Алка)

«Услышав это, застеснялась Санюк, от смущения не поднимает голову».

Частица *ахăр*[8] «по-видимому, вероятно» придает предложению или члену предложения оттенок вероятности, возможности, предположительности. Тюркологи полагают, что *ахăр* восходит к арабскому слову *ахïр* «последний» [8, с. 139]; В чувашском языке данная частица имеет варианты *ахăртне, ахăрне* с одним и тем же значением. Она может относиться ко всему предложению или члену предложения, но может находиться или впереди них, или после.

1) *Ахăр(тне)* располагается позади предложения (а) и члена (б):

а) *Мĕн тăвăн-ха, ял çыннисен пирĕн шăпи çавнашкалтарах ахăр* (С. Аслан) «Что поделаешь, по-видимому, у нас, деревенских жителей, судьба такая»; *Маркела хирĕç икĕ самосвал тусан вĕçтерсе килеççĕ, кусем Аким смени валли бетон пушатса хăварнă ахăр* (Г. Краснов) «Навстречу Маркелу мчатся два самосвала, оставляя за собой клубы пыли, вероятно, они разгрузили бетон для смены Акима»;

б) *Мĕн ачаран колхозра ĕç ĕçлесе ӳснипе ахăр, яланах тăван яла аса илетĕп* (В. Сатай) «Я постоянно вспоминаю родную деревню, вероятно, потому, что вырос в деревне, работал с детства в колхозе»; *Пăртакран таçта, Вăтакасра ахăр, темиçе хутчен пăру макăрса илчĕ* (В. Сатай) «Через некоторое время где-то, наверное в Вудакасах, несколько раз промычал теленок».

2) *Ахăр(тне)* находится впереди предложения или члена предложения:

а) *Ахăртнех, пулас коллоквиум хăратать ăна* (Д. Гордеев) «Вероятно, его пугает предстоящий коллоквиум»; *Ахăрт-*

нех, ку калаçу пĕрремĕш хут çеç мар тапраннă пулас (Хв. Уяр) «По-видимому, этот разговор затевается не первый раз»; *Ахăртнех, çав шухăш-туйăм тытса илчĕ пулмалла Николай Алексеевичпа Ваççана, иккĕшĕ те чылайччен шарламасăр пычĕç* (С. Аслан) «По-видимому, раздумья крепко охватили Николая Алексеевича и Василия: оба шли долго, не промолвив ни слова».

Частица *тен* «может быть; возможно, вероятно, пожалуй» не имеет фонетических соответствий в других тюркских языках. Поэтому можно предполагать, что она образована на почве самого чувашского языка. Так, М.Р. Федотов возводит ее к форме 2 лица единственного числа настоящего времени *тетĕн* «говоришь» [7, с. 32]. Пока нет убедительных данных для доказательства перехода какой-либо формы в частицу *тен* ни в семантическом, ни в фонетическом плане.

В разговорной речи верховых чувашей употребляется также частица *тетен* «может быть, возможно», сходная с частицей *тен: Контах полсан, тетен, чĕрех йолăп* [Ашмарин. Т. XIII. С. 312]. «Если буду здесь, возможно, останусь жив». По Ашмарину, частица *тетен* состоит из значимых частей: *те-и тен*, ибо в других говорах возможно такое сочетание частиц: *Ку лавккара йӳнĕрех параççĕ те-и тен* «В этой лавке, возможно, и отпускают подешевле». Едва ли частица *тен* произошла из *тетен*.

Частица *тен* может находиться и в начале предложения, и в конце. По значению она относится главным образом к предложению в целом: *Чим-ха, Сантăр, эсех-и ку? Тен, эпĕ тĕлĕк куратăп?* (А. Ĕçхĕл) «Обожди-ка, Александр, ты ли это? Может быть, я сон вижу?»; *Тен, паян шкула каймасан та юрĕ* (А. Талвир) «Может быть, сегодня не стоит идти в школу». Но она может относиться и к члену предложения: *Çанталăк пĕлĕтлĕ пулмасан куратпăрах, тен, кĕçĕр, тен, ыран* (Н. Терентьев) «Если погода не будет облачной, то обязательно увидим, возможно, сегодня вечером, возможно, завтра».

Близкой по значению к *тен* можно считать частицу *шет,* малоупотребительную в литературном языке, но бытующую в речи низовых чувашей. Она заимствована из персидского языка. Ее оттенок сомнения относится ко всей последующей конструкции. Примеры: *Шет, хăй те пултарнă пулĕччĕ çав пулла çисе яма* (Илпек М.) «Может быть, он и сам смог бы съесть эту рыбу»;

Çĕрле. Шет, икĕ сехетсем
Çыврассăм çук тул çутăличчен (П. Хусанкай)

«Ночь. Возможно, часа два. До утра мне не заснуть»;

Пилĕк килограмм çăмăлрах пулать-ха вăл [хăяр]. Вĕтĕреххисене те шутласан, шет, улттa та çитсе пырĕ (Г. Краснов) «Пять килограммов с лихвой будет. Если учесть и мелкие, то, пожалуй, и на шесть потянет»;

-нихак «никак, как будто, кажется» является частицей русского происхождения, указывает на неуверенность, предположительность высказывания или члена предложения, занимает постпозицию по отношению к предложению или члену предложения. Имеет варианты: *-нек,-няк,-нияк, -никак*. Примеры:

Уйăха яхăн ĕнтĕ района килни, яла вара пырса курмарăннихак (Н. Максимов) «Уже около месяца, как ты приехал в район, а деревню, кажется, не навестил»; *—Ай-уй, Надя, эсĕ-няк ку?* (А. Волков) «Ба-а, никак это ты, Надя?»; *Пирĕн комплекспа кухня çукки ăна çĕрле те канлĕн çывăрттармасть-нек* (Г. Краснов) «Отсутствие кухни в нашем комплексе как будто не дает ему спать даже ночью»; *Лашапалах-нияк хăйсем* (С. Шавли) «Сами они, кажется, на подводе (приехали)»; *Чăнах темле салтак килет-няк* (А. Артемьев) «Кажись, в самом деле приближается какой-то солдат»; *Хритун, сан туртмалли пур никак?* (П. Осипов) «Харитон, кажется, у тебя есть закурить?»

Эта частица главным образом употребляется в разговорной речи. Аналогичной частицей является *тем,* которая восходит к неопределенному местоимению *тем(ĕн)* «что-то»: *Каллех эп айăплă тем?* (Н. Мартынов) «Никак, я снова виноват?»; *— Э, ывăл ача! Эс халĕ те кунтах çӳретĕн тем? Эп сана ĕнерех ларса кайнă тесе...* (Л. Агаков) «Ба, сынок! Кажись, ты и теперь слоняешься тут? Я думал, что ты вчера же уехал».

Частица *путех (путь)* «вероятно, наверное, по-видимому, может быть» является, по всей вероятности, русским заимствованием, восходит к слову *быть* в сочетании *может быть*. Она употребляется главным образом в говорах Урмарского, Янтиковского районов. Частица эта относится как к членам предложения, так и к целому предложению. При наличии данной частицы в начале предложения в конце его может применяться глагольная форма *пулĕ (пуль),* которая, как и частица

путь, выражает оттенок предположительности. Примеры: *Вĕрентекене, путех, тытма килнĕ пулĕ ахăр* (Хумма Ç.) «Вероятно, пришли арестовать учителя»; *Упăтесене хупнă унта [читлĕхе], путех, çынсене кăтартма* (В. Элпи) «Обезьян заперли туда [в клетку], наверное, для показа людям»; *Ку, путех, вĕсен шкулĕ* (В. Элпи) «Это, по-видимому, их школа»; *Вăрман çине çут ӳкнĕ, // Путех, вăрман çунать пуль* («Улах юррисем») «Над лесом виднеется зарево, может быть, это лес горит»; *Ак тамаша! Упасен те ăсĕ пур-мĕн, çынсем пекех музыка итлеме юратаççĕ. Путех, ку чи ăслă упа пулĕ* (К. Чулкаç) «Вот зрелище! И медведи, оказываются, умны, любят музыку, как люди. Наверное, этот медведь самый умный».

Частица *элле* употребляется в вопросительных предложениях и придает им оттенок сомнения, колебания, неуверенности, а также недоумения [7, с. 27–28]: *Сурăхсем питĕ макăраççĕ. Элле, кĕтӳ анать-ши?* (Хв. Уяр) «Овцы сильно блеют. Неужели стадо спускается?»; – *Ара, капла таранах нихăçан та çӳрекен марччĕ-çке. Элле, çула май хĕреснамăшĕ патне кĕрсе юлчĕ-ши?* (Хв. Агивер) «Ведь она (Августина) никогда так долго не пропадала. Неужели попутно зашла к крестной матери»; *Ма чĕнместĕр? Çăварусене тăмпа шăлнă-и элле?* (В. Ухли) «Что же вы молчите? Или ваши рты замазаны глиной?»; *Анне, элле манăн çичĕ пичче пулнă-им?* (Сказка «Хăрхăмпа Пике») «Мама, разве у меня было семь братьев?»; *Кала, ма каламастăн? Элле, чĕлхӳ пыр тĕпне анса кайрĕ-и?* (Хв. Агивер) «Говори, что молчишь? Или язык проглотил?»; – *Мĕн çав тери хуйхăллă вара эсĕ, Якку пичче? Элле, чирӳ иртсех пĕтмест-и?* (М. Ильин) «Отчего так сильно печалишься, дядя Яков? Или болезнь твоя еще не прошла?»; *Пĕри те юрлама пĕлмест-ши, элле пĕлсен те юрламасть?* (М. Сениэль) «Ни один из них не умеет, что ли, петь, или может, но не поет?»; *Мĕн салхулантăн, лейтенант? Начар хыпар илтĕн-и элле?* (В. Сатай) «Что загрустил, лейтенант? Может, получил плохую весть?»; *Хаçатра ĕçлес шухăш-кăмăл пур-и элле?* (К. Петров) «Может быть, имеется желание работать в газете».

У низовых чувашей частица *элле,* как и в татарском языке, употребляется в составе непределенных местоимений: *элле кам* (ср. тат. *элле кем*) «кто-то», *элле хăçан* (ср. тат. *элле кайчан*) «когда-то» и др.

Раздел 13

МЕЖДОМЕТИЕ

§ 1. Понятие о междометии

Междометие – неизменяемая часть речи, лишенная грамматических показателей, служащая для выражения чувств и волевых побуждений.

Междометие употребляется в разговорной речи и фиксируется в языке, оно связано с определенной интонацией, дополняющей его эмоциональное содержание. Междометия пронизаны выразительностью.

Значения междометий могут зависеть от интонации и контекста. В то же время надо помнить, что междометия как выразители эмоций в каждом языке образуют свою общепринятую систему, но могут и заимствоваться из одного языка в другой.

Некоторые считают, что междометия синтаксически обособлены, и отрицают «наличие каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи». С этим трудно согласиться, хотя, действительно, как часть речи междометия во многих отношениях отличаются от полнозначных и служебных слов отсутствием номинации, наличием интонации и др. Но они не являются полностью оторванными от системы частей речи: в предложении могут употребляться рядом со словами других частей речи или с другими предложениями, между ними имеется смысловая связь. И не всегда они грамматически оторваны от полнозначных слов. Часто междометия выступают для усиления качества признака или действия. Здесь невозможно говорить о постоянной синтаксической обособленности междометий. Кроме того, в зависимости от значения, при междометиях могут на-

ходиться отдельные частицы или аффиксы. А то, что от междометий при помощи аффиксов могут образоваться глаголы, также говорит о некоей связи их с полнозначными словами (*ахлат* «охать», *сывпуллаш* «прощаться» и др.)

§ 2. Строение междометий

Междометия неоднообразны по строению. Их можно подразделять на непроизводные (первообразные) и производные.

Непроизводные междометия состоят: 1) из одного гласного звука: *а-а, э-э, у-у, и-и, о*. Примеры: *– А-а! Тинех лекрĕн-и ман алла, юн ĕҫен эрешмен!..* (А. Артемьев) «А-а! Наконец-то попался в мои руки, кровопиец-паук!..»; *А! Герман пулчĕ-çке ку* (П. Хусанкай) «А! Оказывается, это Герман»; *– Э-э, каламарăм-и сана? Мурат вăл, – терĕ ăна хирĕҫ амăшĕ* (Л. Агаков) « – Э-э, разве я не сказала тебе? Мурат это, – промолвила ему в ответ мать»; *И-и, эс нимĕн те пĕлместĕн иккен-ха* (Илпек М.) «И-и, оказывается, ты ничего еще не знаешь»; *У-у-у, ман ачамсем çитрĕҫ! Чей ĕҫме килĕ-ĕр!* (А. Артемьев) «У-у, мои дети прибыли! Проходите чай пить!»; *О-о, чăнах та пысăк комиссар иккен эсир* (В. Паймен) «О-о, вы, оказывается, в самом деле большой комиссар»;

2) из гласного и неслогового *й: ай, уй, эй, ой*. Примеры: *Ай, ура сурать-çке, тупата* (Илпек М.) «Ой, ноги ноют, честное слово»; *«Уй, хăрушă!» – чăнласах шикленсе ӳкрĕҫ хăш-пĕрисем* (К. Петров) «Ой, страшно!» – в самом деле испугались некоторые»; *Эй, мĕн хуйхăрмалла халĕ пирĕн?* (К. Турхан) «Эй, чего нам горевать теперь?»; *Эй, чарăнăр! Ăҫта каятăр эсир?!* «Эй, остановитесь! Куда вы идете?!»; *Ой, хăратрăн та-çке, Лена!* (А. Артемьев) «Ой, и напугала же ты, Лена!»;

3) из гласного и согласного: *ах, ух, их, ох, эх, ых, ăх, ĕх, аф, ыш, уф*. Примеры: *Ых-х! Тĕсӳ ан юлтăр çак килте!* (С. Аслан) «Ых! Духу твоего чтоб не было в этом доме!»; *У-ух... Аван та çав мунча тени!* (Н. Мранькка) «Ух... До чего хороша баня!»; *Ох, усал хыпарта килтĕм, юлташсем!* (Л. Агаков) «Ох, с дурной вестью я пришел (к вам), товарищи!»;

4) из согласного и гласного: *ха, хă, хе, ну, вă, фу, но, фи*. Примеры: *Ха, каларăн! Упире пĕлтĕр кам тухрĕ?...* (Илпек М.) «Ну, и сказал (ты)! А кто в прошлом году был первым в

Убеево?»; *Хă, пĕлмĕш пулать тата!* (К. Турхан) «Вот еще! Притворяется незнающим»; *Хе! Пурте сан пек те ман пек тетне?* (Илпек М.) «Ишь! Думаешь, все такие, как мы с тобой?»; *Ху-у! Паянхи пек ниҫан та ывăнман эп* (В. Краснов-Асли) «Фу-у! Никогда я так не уставал, как сегодня»; *Фу, каллех сирĕн пӳлĕмре тĕтĕм!* (А. Артемьев) «Фу, опять в вашей комнате дымно!»; *Ну лайăх та иккен йĕлтĕрпе ярăнма!* (А. Ерусланов) «Как хорошо, оказывается, кататься на лыжах!»;

5) из гласного, согласного и гласного: *ăхă, аха*[1]*, эхе, урра.* Примеры: *Аха-а! Лекрĕр-и!* (В. Краснов-Асли) «Ага-а! Попались!»; *Эхе, хăраса чакма пуҫларăн* (А. Емельянов) «Эге, испугавшись, (ты) стал отступать»; *Ăхă, куҫҫуль юхтаратăн-и?* (Н. Мранькка) «Ага, слезы льешь?»

Изредка пользуются междометиями, созданными по другим моделям: *аюк, аюй, ия, ăнт, хм, эккей, эп(п)ей*. Примеры: *Аюк, сана качча пымастăп* «Нетушки, не выйду за тебя замуж»; *Ия, эпĕ сана ăнланмастăп...* (Н. Мранькка) «Да-да, я тебя не понимаю»; *Эс пултăн-и, ачам? Эпе-й!* (П. Хусанкай) «Это ты, мой мальчик? Батюшки!»

Гласные и некоторые согласные в междометиях могут удлиняться.

Очень часто междометия могут употребляться в удвоенном и парном виде.

Удвоенные или несколько раз повторенные междометия имеют неодинаковые значения. Эмоциональные междометия выражают степень реакции говорящего на речь собеседника или на какое-либо явление действительности. Например: *Ай-ай-ай! Мĕн айкашатăр эсир?* «Ай-ай-ай! Что же это вы шалите?!»; *Эй-эй! Пешкăна ăҫта куҫартăн?* (А. Артемьев) «Эй-эй! Ты куда подвинул пешку?» Императивные междометия повторяются, чтобы заставить животных повиноваться: *Чух-чух-чух-чух!; Чип-чип-чип!*

К глагольным междометиям может прибавляться аффикс личного множественного числа: *атя* «айда» – *атьăр* «айдате», *ме* «на» – *мейĕр* «нате», *чим* «погоди» – *чимĕр* «погодите». При некоторых междометиях может употребляться вопросительная частица *-и* или *-ши: Аха-и?* «Да, что ли?»; *Ай-ши?* «Так ли?» и др. Для выражения стремления к исполнению желаемого к некоторым междометиям прибавляют аффикс *-чĕ,* восходящий к недостаточному глаголу *иде: ахаччĕ* или *ияччĕ*

«Было бы хорошо, если ж так»; *Аяйччĕ* «Было бы восхитительно»; *Эхчĕ* «Было бы удивительно».

Парные междометия выражают чувства: *Ай-уй, ачам, шăнса кайрăн пулĕ!* «Ах, дитя мое, озяб, поди!»; *Эй-яй-яй! Мĕнле пурăнмалла-ха ĕнтĕ ку сивĕ пӳртре?* «Ай-яй! Как же жить в этой холодной избе?»

Производные, или вторичные, междометия происходят от полнозначных слов.

Полнозначные слова, произносимые с сильной эмоцией, теряют свое лексическое значение и переходят в междометия. Так, в междометия перешли: а) существительные: *Салам!* «Привет!»; *Хурах!* «Караул!»; *Тав!* «Спасибо!»; *Тавтапуç* «Спасибо!»; «Благодарю!»; *Рахмат!* «Благодарю!»; «Спасибо!»;

б) глаголы: *Килях!* «Пожалуйте!; «Прошу, заходите!»; *Сыв пул!* «До свидания!»; *Кай-кай-кай, Валюш, сана капла паллама та çук-иç!* (А. Ерусланов) «О боже, Валюша, так тебя не узнать!»

Среди производных междометий выделяются с о с т а в н ы е. К ним относятся различные сочетания: *Вăй патăр*! «Бог в помощь!» (приветствие работающим); *Аçа çаптăр!* бран. «Разрази (его) гром!»; *тур çырлах* «боже упаси»; *тупата туршăн та* «честное слово»; *турра шĕкĕр* «слава богу»; *Мĕн пулать те мĕн килет!*[2] «Будь что будет!», «Была не была!»; *Мур илесшĕ!* «Черт возьми!»; *Çĕр çăттăр* «К черту!», «Пропади пропадом!»

§ 3. Классификация междометий по значению

По значению междометия делятся на три разряда: 1) эмоциональные междометия; 2) повелительные (или побудительные) междометия и 3) междометия, связанные с формами вежливости.

I. Э м о ц и о н а л ь н ы е м е ж д о м е т и я выражают чувства, эмоции, настроения человека.

Междометия данного разряда в зависимости от контекста могут употребляться в самых различных значениях. Так, междометия э-э[3] может выражать:

а) догадку: *Кам ачи эсĕ? Э-э, пĕлетĕп. Эрнаслу инке ачи. Лар* (А. Талвир) «Ты чей мальчик? А-а, знаю. Тетушки Эрнаслу сын. Садись»;

б) удивление: *Э-э, мĕншĕн-ха вăл çав тери урса кайнă?* (А. Талвир) «О-о, что же он так взбесился?»;

в) возражение: *Э-э, çук, вăхăт çитиччен каламастăп* (Илпек М.) «Э, нет, не скажу раньше времени»;

г) пренебрежение: *Э-э, мĕн калаçмалли пур унта?* «Э, да что там говорить?»;

д) негодование: *Э-э, çитĕ паврама. Хăвăн ăсупа хăвах пурăн* (А. Талвир) «Э-э, хватит трепаться. Живи сам своим умом»;

е) злорадство: *Э-э, лекрĕн-и, ват суннă?!* (А. Артемьев) «А-а, попался, старый хрыч!»;

ж) обращение: *Э-э, мĕнрен эсĕ майра мар?* «Эй-эй, чем ты не барыня?»;

з) восторг: *Э-э, камсене куратăп эпĕ!* «О-о, кого я вижу!»; *Э-э, пирĕн рет хушăнчĕ эппин* (Илпек М.) «О-о, значит, в нашем полку прибыло».

Эмоциональные междометия могут быть разбиты на несколько групп.

1. Междометия, выражающие положительную оценку фактов действительности: *ах, эх, ăхă* «ага» и др. *Ах, ырă-çке çуна çинчи утă шăрши!* (А. Ĕçхĕл) «Ах, как приятен запах сена на санях!»; *Э-эх, тăвайкки ярăнаттăмăр çав!* (П. Хусанкай) «Эх, как мы катались с горки!»; *– Çыру час-час çырăр... – Ăхă,– пăшăлтатрĕ хĕр* (А. Аливанов) « – Письма чаще пишите... – Ага, – прошептала девушка»; *У-у, кама куратăп!* «О-о, кого вижу!»; *У-ух... Аван та çав мунча тени* (Н. Мранькка) «У-ух... Хороша баня».

2. Междометия, выражающие отрицательное отношение к фактам действительности: *фу, фи, аюк* «Нет, не хочу!»; *И-и! Ы-ых! Аюк, аттеçĕм, аюк! Эп унта каяссăм çук* (П. Хусанкай) «Нет, отец, нет! Я туда не пойду»; *И-и, ухмаххипех пуçне çирĕ* (Г. Ефимов) «И-и, по глупости погубила себя»; *Ы-ых, Сетнер, астăвăн: Манăн хĕре эс çирĕн* (К. Иванов) «Ы-ых, Сетнер! Попомни! Ты погубил мою дочь!»; *Эх, ят ярса çӳретĕн çав. Ара, сан ĕç-и вăл?* (В. Ржанов) «Эх, себя позоришь. Твое ли это дело?»; *Эккей, сирĕн чĕлхе йăлтах урăхла-мĕн!* (Ç. Элкер) «Экей, ваш язык, оказывается, совсем другой!»

3. Междометия, выражающие эмоциональные переживания: *Ай турах, кам пулчĕ ара ку!* (В. Элпи) «Батюшки, кто же это такой?»; *Пĕтрĕм пуç! Мĕнле апла пулса тăчĕ-ха?* (Илпек М.) «Вот те на! Как же это случилось?»

II. Повелительно-побудительные междометия выражают проявления человеческой воли. Сюда входят: *Ни-ни!, Алло!, А-у!, Марш!, эй, атя* «айда», *ме* «на», *чим* «погоди», *ш-ш-ш!, тс-с!* и др. *Эй, эй, ăçта каятăн? Кам эсĕ?* (Н. Терентьев) «Эй, эй, куда идешь? Кто ты?»; *Ну, кам хăюллă?* «Ну, кто смелый?»; *А ну, халех пурте тухса кайăр кунтан!* (Л. Агаков) «А ну, сейчас же все вон отсюда»; *Ш-ш-ш! Курмастăн-имĕн, çынсем çывăраççĕ?* (Хв. Уяр) «Ш-ш-ш! Разве не видишь, люди спят?»; *Чăш-ш! Хуллентерех калаçас пулать...* (В. Краснов-Асли) «Чш-ш-ш! Потише надо разговаривать...»

Междометия воздействия на животных делятся на две подгруппы: а) междометия, служащие для призыва, подзывания; б) междометия, служащие для отгона (см. табл.).

Для каких животных	Междометия подзывания	Междометия отгона
лошадь	*пах, пах-пах*	*куты*
корова	*панеç, пăньпа*	*хас, тпучча*
овца	*пыччи, путь-путь*	*тĕр, трр, ĕç-тĕр*
коза	*кач-кач*	*каччa*
свинья	*чух-чух*	*хаç*
собака	*на(х)*	*тох*
кошка	*кĕç-кĕç, кс-кс пĕç-пĕç*	*прис*
куры	*чип-чип, кытьăрр*	*кшша, кăш(ш)*
гусь	*тика-тика*	*кшша, кăш(ш)*
утка	*уть-уть*	*кшша, кăш(ш)*
индюк	*пыр-пыр*	*кшша, кăш(ш)*

К числу междометий воздействия на животных относятся и такие, которые отличаются от вышеуказанных характером повелевания:

чăпăри-и – возглас (или переливающийся свист), которым сопровождается поение коровы или коня, поощряется животное к питью;

ӳс-с-с или *ĕс-с* – междометие натравливания собак на кого-нибудь;

тпру-у или *тр-р-р* – возглас, которым останавливается лошадь.

III. Междометия, связанные с формами вежливости, или междометия бытового обихода. В эту группу включается незначительное количество междометий, связанных с выражением благодарности, вежливости и бытовой обрядности, которым обмениваются встречные в разных случаях жизни (при приветствии, прощании и т.п.).

Слова благодарности: *тав(ах)* «благодарю», *тавтапуç* «спасибо, благодарю», *рахмат* «благодарю, спасибо».

Слова приветствия: *Салам!* «Привет!»; *Вăй патăр!* «Привет труду!», «Бог в помощь!»; *Ырă кун!* «Добрый день!»; *Ырă каç!* «Добрый вечер!»; *Ман килес!* (при появлении в доме) «Мое почтение!»; *Тавсье!* (< *тав сăя*) «Благодарю (за угощение)!» (форма приветствия, употребляемая возвращающимися из гостей при встрече со знакомыми).

Слова прощания: *Сыв пул!* «До свидания!», *Чипер (юл)!* «Счастливо оставаться!»

§ 4. Связь междометия с предложением или отдельным словом

Междометия, выражающие волеизъявление или эмоцию, часто образуют односоставные, нераспространенные самостоятельные предложения: *А-у! Эх!* Они нередко могут включаться в состав сложноподчиненного предложения. В таких случаях междометное предложение, как правило, предшествует двусоставному или односоставному распространенному предложению говорящего лица.

Интонационно богатое эмоциональное междометное предложение может отразить сложные переживания человека. Употребляя эмоциональное или побудительное междометие, говорящий тут же, в следующем предложении, стремится мотивировать причину употребления такого междометия: радость, печаль и т.п. В итоге получается бессоюзное сложное предложение.

Примеры:

1. *Ах, сирĕн йывăç пахчи пит илемлĕ-çке!* (Ç. Элкер) «Ах, до чего же красив ваш сад!» Междометие *ах* выражает восторг, восхищение говорящего, а рядом стоящее предложение показывает, какой именно факт вызывает восторженное чувство: «До чего же красив ваш сад!»;

2. *Ах, çылăхлă пуçăма*	«Ах, куда теперь деваться
Ăçта чиксе хурам-ши?	Мне с преступной головой?
Ах, çылăхлă чунăма	Ах, и как мне со своею
Епле тытса чарам-ши?	Сладить грешною душой?
(К. Иванов)	(Перевод П. Хузангая)

В обоих предложениях междометие *ах* выражает сильное горе, а стоящие рядом с междометием предложения передают суть этого горя: говорящий не знает, куда деваться от переживаний.

3. – *Эхе-ей! Кам та пулин пур-и унта?* (Н. Терентьев) «Эге-ей! Есть там кто-нибудь?» Побудительное междометие *эхе-ей* образует восклицательное предложение. При его помощи говорящий подзывает, окликает кого-либо. Следующее предложение является вопросительным. По отношению к предыдущему оно является мотивирующим: показывает, почему он именно так протяжно окликает (ему неизвестно, есть ли там кто-нибудь).

Если одиночное непроизводное междометие находится в составе другого предложения в интонационной связи со знаменательными словами, то оно выступает здесь «в функции структурного элемента предикативной единицы определенного типа» [4, с. 250] или может оформлять логически акцентируемое обстоятельство и т.п.

Предложения подобных форм характеризуются тем, что обычно строятся на основе повторения знаменательного слова в составе конструкции. Ср. примеры: *Лăпкă мар çав-ха тĕнчере, ай, лăпкă мар* (Илпек М.) «Неспокойно ведь в мире, ох, неспокойно»; *Ытла та нумай кĕттертĕн эсĕ мана, Савтепи, ай-уй, нумай кĕттертĕн* (Хв. Уяр.) «Как долго меня заставила ждать тебя, Савдеби, ой, как долго заставила ждать»; *Эх, хăвăрт иртеççĕ-çке çулсе-ем, эх, хăвăрт иртеççĕ* (А. Талвир) «Ох, как быстро мчатся годы, ох, быстро мчатся».

Примеры хорошо показывают, что междометия играют собственно строевую, или конструктивную, роль в составе предложения.

Литература. Примечания и комментарии

Литература к разделу «Части речи»

1. *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Чебоксары, 1976. С. 3—86. (Труды / НИИ; вып. 66).

2. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. Фонетика. Ч. 2. Морфология. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1898. 392 с.

3. *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928.

4. *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология. Симбирск, 1919.

5. *Сепир Э.* Введение в изучение речи. М.; Л., 1934.

6. *Тимухха Хĕветĕрĕ.* Чăваш чĕлхийĕн крамматикĕ: фонеттик, морфолоки. Шупашкар, 1924.

7. Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 12. Чебоксары, 1955.

8. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 77—100.

Литература к разделу «Морфологические категории»

1. *Гузев В.Г.* Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте // Советская тюркология. 1985. № 2.

2. *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» // Советская тюркология. 1981. № 3.

3. *Бондарко А.В.* О системно-структурной организации грамматических категорий слова // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984.

Примечания и комментарии к разделу «Части речи» и «Морфологические категории»

1. По установившейся традиции, основанной на ложной версии о происхождении форманта множественного числа существительных, первоначальной считается форма *-сен*. При этом не учитывается, что архетипом данного форманта является *-се*, который до сих пор сохранился в диалектах чувашского языка; ср. *Кӳлтĕмĕр-çке лашасе, урисем сакăлта пулнисе* (Фольк.) «Запрягли мы лошадей, у которых ноги с пежинами».

И.П. Павлов, не отходя от ложной традиции, словоформу членит так: *йăнăш-у-сен-че* «в твоих ошибках». Если взять форму притяжательного падежа *йăнăш-у-се-н* «у твоих ошибок», то показателем множественного числа является *-се*, а показателем генетива — *-н*. Это непреложная истина.

Далее автор приводит ложный пример членимости морфем: *йӑнӑш-рах* «более ошибочный», *йӑнӑш-маст-п-ӑр* «не ошибаемся». Всем известно, что в чувашском языке нет композитного аффикса *-маст-* (это ложное нововведение автора). Здесь очень просто: *-мас-* — аффикс отрицательного аспекта, *-т-* — показатель настоящего времени, а это значит, что достоверная членимость такова: *йӑнӑш-мас-т-п-ӑр.*

2. В действительности, начиная с 50-х гг. до 80-х гг. прошлого века определение, что «морфологической категорией общепринято называть систему противопоставленных друг другу морфологических форм с однородным содержанием», считалось единственно верным. Но авторы этой теории не учли два обстоятельства: 1) принципа тотальности употребления морфологических форм; 2) строя агглютинативных языков. На этой основе, с учетом вышесказанного, появились новые определения ГК (грамматической, т.е. морфологической категории): «Под морфологической категорией следует понимать, – пишет В.Т. Гузев, — структурную единицу более высокого, чем форма, порядка – такую, которая может представлять собой как совокупность форм, объединяемых одним или разными, но однородными служебными грамматическими значениями, так и одну отдельную форму с автономной семантикой» [1, с. 8; 2, с. 33] (см. «Литературу» к данному разделу). Мы со своей стороны добавили бы «подчиняющейся принципу тотальности употребления», т.е. употребление того или иного словоизменительного аффикса распространяется на всё множество элементов той части речи, которой она свойственна, является тотальной, универсальной.

А.В. Бондарко писал, что «структура ГК (грамматической категории) может включить не только оппозиции, но и неоппозитивные типы», и тем самым сформулировал закон о необязательности оппозиции в ГК в языках агглютинативного типа [3, с. 29, 34].

3. Лицо и личное число числительных в чувашском языке не могут считаться категориальной формой, поскольку не характеризуются тотальностью употребления (только в пределах от двух до семи: *иксӗмӗр, иксӗр, иккӗшӗ... çичсӗмӗр, çичсӗр, çиччӗшӗ*). Поэтому их лучше именовать некатегориальной формой лица числительных.

4. Что означает словосочетание «вершина слова», непонятно, но И.П. Павлов пишет, «что аффиксы выделения *(-и, -хи, -скер)*, располагаясь на вершине слова, образуют опору для дальнейшего размещения именных аффиксов: *курманн-и-сен-чен*; судя по данному примеру, элемент *курман-* является так называемой «вершиной слова». Эта «вершина» – не что иное, как отрицательная форма причастия прошедшего времени, и членимость этой «вершины» прозрачна: *кур-ма-н(н).*

5. Непонятна членимость таких словоформ, приведенных автором в виде: *вулар-ӑм-ӑр, тӑватс-ӑм-ӑр*, ведь по правилам членимости слов должно быть так: *вула-р-ӑм-ӑр*, где *-р-* — показатель прошедшего однократного времени, а форма *тӑватс-* никак не является основой слова (может быть, автор возвел её к «вершине слова». На самом деле, если |с| считать интерфиксом, то при морфемном членении нужно отвести ей своё достойное место, т.е. *тӑват(с)-ӑм-ӑр.*

Особый интерес вызывает членимость словоформ *иксӗмӗр, тӑватсӑмӑр* и др. По мнению И.П. Павлова, членимость здесь такова: «после основы числительного *ик(ӗ)* располагается аффикс 1 лица *-ӗм*, а между

основой и аффиксом для устранения зияния гласных вставлена интерфонема |*с*|, в конце же формы расположен, как и подобает, аффикс личного множественного числа *-ĕр*: *ик*|*с*|*-ĕм-ĕр*. Как будто все сходится, кроме одного: ведь интерфонема |*с*| вставлена между краткой формой числительного *ик* (ср. *виҫ*|*с*|*-ĕм-ĕр, тăват*|*с*|*-ăм-ăр, улт*|*с*|*-ăм-ăр, çич*|*с*|*-ĕм-ĕр*), а не *икĕ*. Такой же вопрос возникает и в отношении 2 лица: *ик*|*с*|*-ĕр*; с формой 3 лица таких вопросов не возникает: *иккĕ*|*ш*|*-ĕ*. В случае с примером *ик*|*с*|*-ĕм-ĕр* И.П. Павлов отходит от своей позиции так называемых «сложных аффиксов» и разделяет аффикс 1 лица *-ĕм-* и аффикс личного множественного числа *-ĕр*. Следуя примеру исследователей тюркских языков, он мог их представить в виде *-ĕмĕр (-ăмăр)*; ср. *ат-ы* «его конь», где *-ы* показатель 3 лица принадлежности; но *ат-ыбыз* «наш конь», *эт-ебез* «наша собака», форманты 3 лица единственного числа и множественного числа слиты воедино, чего не должно быть (ИСГТЯ II: Морфология. 1956. С. 25—26, 40—41).

Литература к разделу «Имя существительное»

1. *Андреев И.А.* Происхождение формы множественности в свете диалектных данных // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 3. Чебоксары, 1969.

2. *Андреев И.А.* Рец.: Павлов И.П. Современный чувашский литературный язык: морфология. — Чебоксары, 1965. — 343 с. — На чувашском языке // Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары, 1966. С. 193—204. (Учёные записки / ЧНИИ; вып. 32).

3. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Т. 1, 2. Казань, 1898.

4. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань. 1903.

5. *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка: дооктябрьский период. Чебоксары, 1959.

6. *Дмитриев Н.К.* Служебные имена в турецком языке // *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962. С. 114—132.

7. *Егоров В.Г.* Наречие // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары, 1957. С. 273—295.

8. *Егоров В.Г.* Частицы // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары, 1957. С. 331—342.

9. *Золотницкий Н.И.* Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков // Ученые записки Казанского университета. № 2. Казань, 1877. С. 578—590.

9[1]. *Иванов А.И.* Склонение и его роль в чувашском языке // Учёные записки / ЧНИИ. Вып. 34. 1967. С. 67—99.

10. *Корнилов Г.Е.* К вопросу о центральноазиатской прародине тюркских предков чувашей // Учёные записки / ЧНИИ. Вып. 36. 1967. С. 192—195.

11. *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

12. *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология. Симбирск, 1919.

13. *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1. Чебоксары, 1960.

14. *Павлов И.П.* Чăваш чĕлхинче грамматика пĕлтерĕшне фонемăсен ылмашăвĕпе палăртни // Хаçат-журнал чĕлхи: уçăмлăх, сăнарлăх, витĕмлĕх. Шупашкар, 1983.

15. *Рамстедт Г.Й.* Введение в алтайское языкознание: морфология. М., 1957.

16. *Севортян Э.В.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. 1956. С. 38—44.

17. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М.: Наука, 1962.

18. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966.

19. *Сергеев В.И.* Генезис и семантика форманта множественности в чувашском языке // Советская тюркология. 1972. № 3.

20. *Сергеев В.И.* Морфемика: лекцисен текстчĕ. Шупашкар, 1987.

21. *Сергеев Л.П.* Грамматические особенности верхового диалекта // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 21—112.

22. *Сергеев Л.П.* Консонантизм верхового диалекта // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 2. Чебоксары, 1973. С. 39—125.

23. *Сергеев Л.П.* Урмарский говор чувашского языка. М., 1965.

24. *Смирницкий А.И.* Аналитические формы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 41—52.

25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. М., 1988.

26. *Суник О.П.* Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982.

27. *Тимухха Хĕветĕрĕ.* Чăваш чĕлхийĕн крамматикĕ: фонеттик, морфолоки, çинтаксис. 2-мĕш кăларăмĕ. Шупашкар, 1928.

28. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1: Простое предложение. М., 1950.

29. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2, 3. Чебоксары, 1983.

30. *Хабичев М.А.* Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989.

31. *Хакимзянов Ф.С.* Новые булгарские этнографические памятники из Закамья // Чувашский язык: история и этимология. Чебоксары, 1987. С. 32—48.

32. *Чернов М.Ф.* Обособленные члены предложения в современном чувашском языке. Чебоксары, 1963.

33. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77—100.

34. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.

35. *Benzing J.* Das Tschuwashishe // Philologiae Turcicae Fundamenta. T. 1. 1959. S. 695—751.

36. *Prisak O.* Tschuwaschische Pluralsuffixe // Studia Altaica. Wiesbaden, 1957. S. 137—155.

Примечания и комментарии к разделу «Имя существительное»

1. У имени существительного нет категорий направления и степеней сравнения, ибо аффиксы *-ал(л)-* + *-а, -ел(л)-* + *-е,* и *-рах (-рех)* не подчиняются принципу тотальности употребления, должны быть признаны некатегориальными (формообразовательными) аффиксами. Аффикс *-ал (-ел)* восходит к полнозначному слову *ал* «сторона»: ср. *хыç* + *ал* «задняя сторона», *тĕп* + *ел* «главная сторона», «передний угол избы», «почетное место»; ср. тат. *ал* «перед, передний», кирг. *алд* «передняя часть, сторона». Критикуя точку зрения И.П. Павлова насчет направительного аффикса в виде *-а-* + *-лла* (*-е-* + *-лле*), И.А. Андреев также допускает ошибку по членимости словоформы в виде: *вăрман-* + *-алла* и не замечает наличие аффикса дательного падежа *-а* в финальной части словоформы. Правильное членение представляется так: *вăрман-ал(л)-а*. В словоформах *тĕпелелле (тĕп-ел-ел(л)-е)*, *хыçалалла (хыç-ал-ал(л)-а)* элемент *-ал-(-ел-)* удваивается: сначала в виде словообразовательного форманта *-ал-*, а затем в виде направительного формообразовательного аффикса *-ал(л)-, -ел(л)-*; где |*л*| геминируется. Это же явление проявляется и в словоформах *шал(ăш-* + *-ал-) -ал(л)ă*, *мал(ум-* + *-ал) -ал(л)-а*, ср. *шал-а (кĕр), хыç-а (юл), тĕ-пел-е (ирт), мал-а (тух)*, где во всех примерах наличествует аффикс дательного падежа в виде *-а (-е)*.

2. Сказать, что слова *тул* «внешняя, наружная сторона», «пространство вне помещения», *кай* «зад, задняя часть» не этимологизируются, значит, говорить неправду. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов наглядно описали этимологию этих слов. Слово *кай* в других тюркских языках в прямой форме — в изменительном падеже − не употребляется, там оно встречается в форме косвенных падежей; узб., каз. *кейин*; кирг. *кейин*, чув. *кая юл* [*йул*] «оставаться позади», ойр. *кайра*, туркм. *гайра* «назад» и т.д. (Егоров ЭСЧЯ, с. 84—85). По данным М.Р. Федотова, М. Рясянен для чувашского *кай* «зад, задняя часть» восстановил пратюркские формы **kab*, **keb*, при уйг. *kid*, при др. -тюрк. *kid ~ked*, *ket* «конец, задняя часть» (Федотов ЭСЧЯ I, с. 211).

Чувашское *тул* «внешняя, наружная сторона» соответствует тюркским *таш ~ тас*, *тыш ~ даш*, где чередование *л ~ ш* налицо, как и в слове *хĕл ~ кыш* «зима». Согласно М. Рясянену, *taš (таш)* < **tal (тал)* (Федотов ЭСЧЯ II, с. 243—244). Чувашские этимологи обошли молчанием этимологию слова *çӳл* «высь, вышина», возможно, *çӳл* восходит к *çиел: çӳлел* < *çӳлел(лле)* < *çӳл(и ~ ӳ)*.

3. В число аффиксов 1 лица И.П. Павлов сознательно не включает алломорф *-м*, наряду с *-ăм (-ĕм)*: *тус-ăм* «друг мой», *кин-ĕм* «сноха моя»; *кĕнеке-м* «моя книга», *ача-м* «дитя моё». В случаях тавтологического (по И.П. Павлову: плеонастического) употребления аффикса 1 лица он всё же косвенно признает наличие алломорфа *-м*: *чĕлхе-м-ĕм* «родной язык мой»; *хула-м-ăм* «мой любимый город».

4. Приводя примеры (словоформы) *шăрăхĕ, çумăрĕ, хĕвелĕ*: *Çул çинче тем те пулать: шăрăхĕ те, çумăрĕ те* «На дороге всякое бывает: и жара, и дождь»; *Çанталăк шăрăх паян* «Сегодня погода жаркая». В предложении *Хĕвелĕ те çунатлă, çути куçа çиет.* «И солнце с крылышками, свет его слепит», формативы *-ĕ, -и* говорят об аффиксе 3 лица *-ĕ*, что он «употребляется при словах, детализирующих предыдущее обобщающее слово».

На самом деле, сам того не замечая, И.П. Павлов привёл примеры косвенной принадлежности 3 лица единственного числа. Здесь (в этих примерах) представлена не прямая принадлежность, а косвенная, когда принадлежность одного предмета носит условный характер, т.е. *шăрăхĕ, çумăрĕ, хĕвелĕ* конкретно не принадлежат никому, но аффикс 3 лица при них наличествует, отрицать это невозможно.

5. Все примеры, приведенные в пунктах от *а)* до *н)*, считаются изафетными конструкциями (кроме пункта *м*) и являются объектом исследования морфосинтаксиса, ибо они именные определительные словосочетания, оба слова в которых выражены существительными. *Çĕнĕр тайги* «сибирская тайга»; *çур тырри* «яровые хлеба», *пукан ури* «ножка стула», *юман вăрманĕ* «дубовый лес», *кĕвĕçӳ туйăмĕ* «чувство ревности», *çĕр ыйтăвĕ* «земельный вопрос», *Кĕнеке палати* «Книжная палата», *халăх юрри* «народная песня», *шыв тумламĕ* «капля воды», *Нобель премийĕ* «Нобелевская премия», *Хĕветĕр çемйи* «семья Фёдора», *чăваш чĕлхи* «чувашский язык», *çул тăкакĕ* «дорожные расходы».

Среди этих конструкций имеются и примеры косвенной принадлежности: *кăнтăр апачĕ* «обед», «полуденная еда»; *çăка пылĕ* «липовый мёд», *тута купăсĕ* «губная гармошка», *ĕç лаши* «рабочая (тягловая) лошадь», *Пушкин урамĕ* «улица Пушкина», *савăнăç куççулĕ* «слёзы радости». В этих примерах предмет обладания не соответствует лицу (предмету) обладателя.

6. Выдвинутый в 1948 г. тезис Н.К. Дмитриева, что «тюркские языки имеют единый тип склонения», перепал во все грамматики тюркских языков, и до сих пор не могут освободиться от такого «ложного утверждения». Естественно, ни Н.К. Дмитриев, ни исследователи других тюркских языков не могли не обратить внимания на особенности (мы бы сказали: тип) склонения с аффиксами принадлежности 2 и 3 лица единственного числа. В чувашском языке склонение местоимений *эпĕ, эсĕ, вăл* в корне отличается от аналогов других языков; в чувашском склоняемой основой являются *ман, сан, ун*, т.е. формы притяжательного падежа, а в других тюркских языках основы *мен, сен, о* являются формами основного падежа. Это говорит о том, что, говоря о склонении имен существительных и местоимений, следует обратить внимание не только на фонетические варианты падежных аффиксов, но и на склоняемые основы. Обратите внимание на склонение слова *ум* «перед, передняя часть», склонение форм 2 и 3 лица притяжательности отличается наличием форматива *-н-*, который невозможно принять за интерфонему потому, что он размещается между гласным и согласным: *ум-ĕ-н-че* «перед ним (ней)». Невозможно согласиться с мнением о том, что «в форме *çынсен* фонема |*н*| выполняет двоякую функцию: во-первых, входит в состав морфемы множественного числа *-сен* и, во-вторых, является показателем родительного падежа». Естественно, он является показателем родительного падежа.

7. Приведенные примеры *катăкăн-касăкăн* «кусками», *ушкăнăн* «группами», *мăшăрăн* «парами», *вутăн-хĕмĕн* «огнем-пламенем», *кĕмĕлĕн* «подобно серебру» – не наречия, аффикс *-ăн (-ĕн)* выполняет синтаксическую роль и поэтому не может играть роль дериватора.

8. |*н*| является лишь сигналом, что аффикс 3 лица *-ĕ* выпал, а не выполняет роль показателя 3 лица.

9. Автор неправильно выделил аффикс *-ĕн* в словоформе *пӳрт-ĕнче* (*пӳрт-ĕ-н-че*), ибо между гласным *-ĕ* и согласным *ч* не может присут-

ствовать интерфонема |*н*|, но автор не объяснил, откуда появился аффикс *-ĕн* и что он выражает.

10. Примеры даны в русле морфосинтаксиса.

11. Здесь мы имеем дело не с наречиеобразующим аффиксом, а аффиксом направительной формы *-ал(л)-*, *-ел(л)-*, восходящим к самостоятельному слову *ал* «сторона, направление» (ср. тат. *ал* «передний»), сохранившимся в чувашских словах *хыçал* «задняя сторона», *тĕпел* «передний (почетный) угол в избе», *çиел* «верхняя сторона». А это значит, что в чувашском нет аффиксов *-алла(-елле)*, *-лла(-лле)*, а есть направительный компонент *-ал(л)* + *-а, -ел(л)* + *-е*, а ауслаутный *-а (-е)* есть не что иное, как аффикс дательного падежа.

12. У существительных не может быть категории сравнения, ибо аффикс *-рах (-рех)* в существительных подчиняется принципу избирательности (в пределах 28—30 слов: *ачарах, сурăхрах, курăкрах* и др.).

13. Непризнание форм косвенной принадлежности вынуждает автора считать словоформу *çынни* (в сочетании с прилагательным *йĕркелĕ*) в форме выделения. Естественно, значение выделения сочетается со значением принадлежности 3 лица. Даже в сочетании *ĕç çынни* «трудовой человек» это налицо.

14. В словоформе *кунĕнченпе* — *кун-ĕ-н-чен-пе* наблюдается нагнетание аффиксов трёх падежей: *-н-* — притяжательного, *-чен-* — исходного, *-пе-* — творительного.

Литература к разделу «Имя прилагательное»

1. *Андреев И.А.* К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках // Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары. 1966, С. 90—103. (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 32).

2. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

3. *Кононов А.Н.* О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 108—120.

4. *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

5. *Сергеев Л.П.* Грамматические особенности верхового диалекта // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 3. Чебоксары, 1973. С. 21—112.

Примечания и комментарии к разделу «Имя прилагательное»

1. Имя прилагательное обозначает не только признак предмета, но и признак действия (*лайăх вĕрен* «учиться хорошо», «учись хорошо»), а также признак признака (*тĕксĕм кăвак пĕлĕт* «тёмно-синее облако»).

2. Прилагательными следует считать только те слова, которые, подчиняясь принципу тотальности употребления, могут принять аффикс категории сравнения *-рах (-рех), -тарах (-терех)*. С этой точки зрения в чувашском языке некачественных (относительных) прилагательных нет.

3. Аффикс обладания *-лă (-лĕ)* не деривационный, а реляционный, он присущ не только существительным, но и прилагательным: *хастарлă* «бойкий», числительным *иккĕллĕ çип* «двойная нитка», *иккĕллĕ курăн* «двоиться в глазах».

4. Все качественные прилагательные способны принимать аффикс *-ăн (-ĕн)*. Согласно принципу тотальности употребления, его невозможно считать деривационным.

5. Некачественные прилагательные – это то же самое, что и относительные прилагательные, ибо те и другие образуются при помощи аффиксов *-лă (-лĕ), -сăр (-сĕр), -лăх (-лĕх)*. Термин придуман для отвода глаз. По признанию автора, по существу в чувашском языке нет относительных прилагательных.

6. Аффикс *-лă (-лĕ)* двуфункционален: 1) образует качественные прилагательные; 2) выполняет функцию синтаксическую, тогда он выступает как форма обладания, а не как относительное (некачественное) прилагательное.

7. В «Чувашско-русском словаре» 1982, 1985 годов выпуска зафиксировано словосочетание *пуçлă çын* «человек с головой», т.е. «умный человек». Н.И. Ашмарин в словарной статье *пуçлă* снабдил переводом «умный, башковитый», ср. *ураллă кĕлет* «амбар на столбах» (ЧРСл. 1982, с. 514); фразема с компонентом *куçлă*: *куçлă тунката* букв. «зрячий пень» (о человеке несообразительном).

8. В сочетании *çивĕч ăслă кĕнекеçĕсем* прилагательное (определение) относится к существительному *ăс(лă)* в форме обладания.

9. Если переставить местами компоненты словосочетания *пилĕк хваттерлĕ çурт – çурт пилĕк хваттерлĕ, кĕнекеçĕсем çивĕч ăслă*, то становится ясно, что слова на *-лă (-лĕ)* перестанут казаться прилагательными. Аффикс *-лă (-лĕ)*, примыкая к имени существительному *(хваттер-лĕ)*, не изменяет его лексического значения, а указывает на его синтаксическую роль, при словоформе на *-лă (-лĕ)* остаются те же самые определители, что и при реальных существительных: *темиçе, нумай, пысăк хваттерлĕ çурт*.

10. Если слово *алăллă* считать прилагательным, то в языке должно существовать сочетание *алăллă Галимджан*, но такое сочетание логически несовместимо. Есть сочетание *вăйлă* (прил.) *алă* (сущ.) *вăйлă Галимджан*. Это значит, что словоформа *алăллă* не прилагательное, а существительное.

11. Здесь *арлă-арăмлă* не наречие, а существительное в форме обладания *(-лă)* + *н* – в форме образа действия; оба суффикса словоизменительные.

12. *Моторлă кимĕ* (*моторлă* – имя существительное в форме обладания); *моторсăр* – в форме необладания.

13. Словоформы *силослăх, экспортлăх* не прилагательные, а существительные в форме предназначения.

14. Автор на примере *кĕрĕклĕх тир* «кожа (шкура), предназначенная для шитья шубы» так и пишет: «предназначенный для того, что обозначено производящей основой».

15. Категория падежа свойственна также прилагательным, числительным, местоимениям, причастиям.

Литература к разделу «Имя числительное»

1. *Адмони В.Г.* Полевая природа частей речи (на материале числительных) // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

2. *Андреев Н.А.* Имя числительное // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.

3. *Андреев Н.А.* Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными булгарских намогильных надписей // Учёные записки / ЧНИИ. Вып. 14. Чебоксары, 1956.

4. *Ашмарин Н.И.* Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. 1976. (Труды / ЧНИИ; вып. 66).

5. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

6. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903.

7. *Бенвенист Э.* Структура отношений лица в глаголе // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.

8. *Исхаков Ф.Г.* Имя числительное // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. [Ч.] 2. М., 1956.

9. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.) Л., 1980.

10. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.

11. *Матвеев Т.М.* Некоторые особенности чувашских числительных // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1960.

12. *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1965.

13. *Павлов И.П.* Хисеп ячĕсен хăш-пĕр формисемпе усă курасси çинчен // Тăван Атăл. 1972. № 7.

14. *Самойлович А.* Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927.

15. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983.

16. *Яхонтов С.Е.* Грамматические категории аморфного языка // Типология грамматических категорий. М., 1975.

Примечания и комментарии к разделу «Имя числительное»

1. К формам, присущим только числительным, И.П. Павлов отнёс формы количества (*икĕ кĕнеке* «две книги»), но далее он перепутал категорию порядка с формой порядка, на самом деле в чувашском языке есть категория порядка (*иккĕмĕш çурт* «второй дом»), категория распределения *икшер панулми* «по два яблока») и категория образа действия (*пĕччен пурăн* «жить в одиночку», *иккĕн пурăн* «жить вдвоём»), ибо в сочетании *пĕччен пурăн* «жить в одиночку» слово *пĕччен* не выражает значения совокупности.

Аффикс *-шар (-шер)* присущ не только числительным, но и существительным (*улмашар* «по яблоку», *тенкĕшер* «по рублю») и прилагательным *сахалшар* «понемногу», *нумайшар* «помногу». Но ни в существительных, ни в прилагательных нет категории распределения, а есть только некатегориальная форма распределения, поскольку принцип тотально-

сти употребления аффикса *-шар (-шер)* не распространяется на все существительные и прилагательные.

2. В чувашском языке числительные распределены от одного (*пĕр, пĕрре*) до триллиона и триллиарда. В словарях *триллион* зафиксирован, а числительного *триллиард* в словарях нет.

3. Слова *утмăл*, *çитмĕл* в современном чувашском языке воспринимаются как непроизводные, но в древности *-мăл (-мĕл)* действительно имел признаки аффикса, восходящего к числительному *десять*; ср. в хакасском *алт-он > алтон*, букв. *ултă вуннă*, в узбекском *алтмыш* (60), *йетмиш* (70), фактически *-мыш* соответствует чувашскому *-мăл (утмăл)*.

4. В диалектах чувашского языка существует форма *пĕрĕн ~ пĕррĕн* и *пĕччен*, которые не выражают значение собирательности: *Чăх тырă пĕрчине пĕррĕн-пĕррĕн çиет* (Ашмарин X, с. 235). Автор словаря перевёл *пĕррĕн-пĕррĕн* «по одному».

5. Получается нестыковка: аффикс *-мине* или *-м-ин-е (виç-м-ин-е)* и другие: *тăватмине, пилĕкмине, ултмине, çичмине,* а также *виçĕм-тăватăм кун* «три-четыре дня (назад)» – названы порядковыми формами нумератива, но на той же странице автор рекомендует рассматривать *виçмине... çичмине* в классе наречий.

6. Аффикс *-шар (-шер)* этимологически восходит к форманту множественного числа *-лар (-лер)* других тюркских языков *(ш ~ л)*, а некоторые тюркологи в аффиксе *-шар (-шер)* находят два форманта множественности *-ш- + -ар (-ер)*. Ср. хак. *пірер* ~ чув. *пĕрер* «по одному», но *алтылар* ~ чув. *ултшар* «по шести».

7. У числительных нет категории числа; числительные типа *иксĕмĕр, иксĕр, иккĕшĕ,* до семи: *çичсĕмĕр* «мы всемером», *çичсĕр* «вы всемером», *çиччĕшĕ* «они всемером» не подчиняются статусу тотальности употребления, т.е. эти формы не образуются от всех числительных.

8. В словаре Н.И. Ашмарина приведены: *вăтăрсăмăр* «мы тридцать», «тридцать из нас» (Ашмарин V, с. 336), *вăтăрсăр* «вы тридцать», «тридцать из вас»; *çирĕмсĕмĕр* «мы двадцать» (Ашмарин XII, с. 171), не употребляемые в современном языке.

Литература к разделу «Местоимение»

1. *Андреев Н.А.* Местоимение // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 124–150.

2. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

3. *Павлов И.П.* V–VI классенче чăваш чĕлхин морфологине вĕрентесси. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. 110 с.

4. *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецкому // Известия Российской академии наук. Серия VI. №12–18. Л., 1924. С. 289–314; № 1–5. Л., 1925. С. 23–42; № 9–11; Л., 1925. С. 405–426.

5. *Поппе Н.Н.* Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестник научного общества татароведения. Казань, 1927. № 7.

6. *Поппе Н.Н.* Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927.

7. *Поппе Н.Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л., 1937.

8. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 135 с.

Примечания и комментарии к разделу «Местоимение»

1. В чувашском языке нет деривационного аффикса *-ашкал (-ешкел)*, а есть формант *-шкал (-шкел)*, образованный от слова *вышкал* «подобный»: *сана вышкал* > *санашкал* «похож на тебя» (Ашмарин V, с. 220); *-шкал (-шкел)*, управляющий дательным падежом: *ку(н)-а-шкал* «такой» (Ашмарин XVII, с. 383).

В тексте встречаются неуместные термины: «Так, большинство местоимений-прилагательных (?) создано с помощью аффикса *-ашкал (-ешкел)*, вернее *-шкал (-шкел)*, свойственного только местоимениям, а местоимения-наречия (?) – с помощью аффикса *-ла (-ле)*». В этих терминах проявляется неуверенность автора: к какой части речи относятся формы *манашкал* «подобный мне», *пирнешкел* «подобный нам» — к местоимениям или прилагательным? А словоформы *хамăрла* «подобный нам», *пирĕнле* «похожий на нас» названы местоимениями-наречиями, непонятно, к какой части речи они относятся.

Аффикс *-шкал (-шкел)* в чувашском языке скорее реляционный, нежели деривационный, и образует категорию уподобления в словоформоизменении, поскольку этот аффикс примыкает к форме дательного падежа: *ман-а-шкал* «подобный мне», *хамăр-а-шкал* «подобный нам».

2. Слова *кирек, хуть (хăть)*, признанные частицами, не могут быть префиксами.

3. Бинарные (тренарные) словообороты типа: *кирек кам* «кто-либо», *кирек мĕн чухлĕ* «сколько угодно» и др., представленные в таблице, являются объектом морфосинтаксиса, а не «чистой морфологии».

И.П. Павлов написал своё «золотое правило»: «Пуплев пайĕсем уйрăм сăмахсене кăна пĕрлештерсе тăраççĕ, сăмах майлашăвĕсемпе сăмах çаврăнăшĕсене пĕрлештермеççĕ» [3, с. 102–103]. Выходит, что автор не придерживается этого правила, так как в словообороте *кирек кам* «кто-либо», *кирек мĕн* «что-либо» представлены две части речи: *кирек* – частица, *кам, мĕн* – местоимения.

4. Аффикс *-шкал (-шкел)*, возведенный И.П. Павловым к тувинскому послелогу *ышкаш* (*кижи ышкаш* «подобно человеку»), употребляется не только с местоимениями, но и с существительными (*амăшнешкел* «подобный матери»), в итоге со всеми терминами родства.

По мнению Н.А. Андреева, послелог-аффикс *-шкал (-шкел)*, присоединяясь к именам существительным в дательно-винительном падеже, образует прилагательные: *амăшнешкел*, возможно образование *ашшĕнешкел* «подобный отцу», *пиччĕшнешкел* «подобный брату», *куккăшнешкел* «подобный дяде», *этемешкел упăте* «человекообразная обезьяна» [1, с. 91–92].

5. Не совсем понятны такие высказывания автора: «к личным местоимениям, заменяющим имена прилагательные...»; «к личным местоимениям, заменяющим наречия, относятся производные слова, образованные от склоняемых основ личных местоимений с помощью аффиксов

-ла (-ле) и *-ччен*: *манла* «как я», *манччен* «до меня». Эти изречения следует понять так: приведенные выше примеры одновременно являются личными местоимениями и наречиями. До сих пор никто из чувашеведов подобное не высказывал.

6. Словооборот *мĕн чухлĕ (чуль)*, отнесённый автором к разряду вопросительных местоимений, является объектом описания в морфосинтаксисе.

7. По мнению Н.А. Андреева, местоимение *ма* восходит к арабскому *ма* «что» [1, с 134], при этом сделана ссылка на С.Е. Малова.

Литература к разделу «Глагол. Формообразование глагола»

1. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1: Учение о звуках (фонетика). Ч. 2: Учение о формах (морфология). Казань, 1898.

2. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

3. *Закиев М.З.* Выступление на координационном совещании по вопросу категории залога (Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР). Уфа, 1958.

4. *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Л., 1977.

5. *Корнилов Г.Е.* К вопросу о залогах в чувашском языке. Пассив и рефлексив // Чувашский язык и литература. Чебоксары, 1975. С. 44–62. (Труды / ЧНИИ; вып. 53). Была написана в 1969 г., представлена к печати в 1970 г., напечатана лишь в 1975. В этой статье впервые в чувашском языкознании указано на собственно морфологический пассив: *хыртар-ăн, пытар-ăн* и т.п.

6. *Корнилов Г.Е., Холодович А.А., Храковский В.С.* Каузативы и антикаузативы в чувашском языке (Типология каузативных конструкций). Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 238–259.

7. *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

8. *Мигирин В.Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.

9. Современный татарский литературный язык: лексикология, фонетика, морфология. М., 1969.

10. *Фатыхов А.Х.* Категория залога в башкирском языке // Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958.

11. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. [Ч.]3. Чебоксары, 1986.

12. *Чеснокова В.Д.* Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 82–90.

13. *Юлдашев А.А.* Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

Примечания и комментарии к разделу «Глагол. Формообразование глагола»

1. В чувашском языкознании (да и не только!) нет четкого определения термина «формообразование». Ср.: «формообразование — образование грамматических форм слова» (ЛЭС, с. 558); «формообразование – образование форм слов, выражающих несинтаксические категории» (Ахманова СЛТ, с. 506); «формообразование – образование форм одного и того же слова»; ср. словоизменение (Розенталь, Теленкова ССЛТ, с. 512); «формообразование – образование форм слов, прежде всего образование форм одного и того же слова, т.е. словоизменение» (РЯ: энцикл., с. 379); «формообразование — образование грамматических форм слова с помощью словоизменительных аффиксов, постфикса *-ся* и вспомогательных слов (*буду читать*)». Термин «формообразование» также употребляется в значении «словоизменение» (Стариченок БЛС, с. 682–683).

Что такое формообразование? Почему инфинитив в чувашском языке попал «в сети» формобразования? Ответа четкого нет.

2. Принцип тотальности употребления инфинитивных аффиксов *-ма (-ме)* и *-машкăн (-мешкĕн)* дает право включить инфинитив в число неоппозитивных категорий глагола в чувашском языке.

3. В предложении *Апат хыççăн кăшт канма турĕç* «После обеда сделали небольшой отдых» слово *канма* фигурирует в роли имени действия или существительного, а не инфинитива. Слово *канма* стоит в одном ряду с такими словами: *вырма* «жатва», *ларма* «посиделки», *выртма* «ночное», *çулма* «сенокос», *çиме* «еда, пища» и т.д.

4. На нынешнем этапе развития чувашского языкознания все «залоговые аффиксы» признаны деривационными. Мнение о том, что «одни и те же аффиксы, образующие глагол от именных основ (*ăшă-н* “греться”), относятся к словообразовательным, а присоединяющиеся к глагольным основам (*мухта-н* “хвалиться”) рассматриваются как залоговые аффиксы» – оказалось ложным. Ибо, чтобы носить название «категории залога», залоговые аффиксы должны подчиниться принципу тотальности употребления. Здесь наоборот — хозяйничает принцип избирательности, т.е. каждый т.н. залог охватывает лишь незначительную часть глагольной лексики. Это значит, что как в чувашском языке, так и в других тюркских языках категории залога нет.

5. Если считать аффиксы *-тар (-тер), -ттар (-ттер), -ар (-ер), -т, -ат* (*тăрат* «поднять»), *-ет* (*хĕрет* «покрасить») алломорфами (или вариантами), то они примыкают (присоединяются) ко всем глагольным основам, и это дает нам право говорить о категории понудительности, а не о категории понудительного залога.

6. Слово *пушан* «пустеть», «освобождаться» автор считает неделимой корневой морфемой, но в то же время производящей основой выдается глагол, что явно неверно, ибо здесь членимость налицо: *пушă* «пустой» прилагательное + *-ан* > *пушан*; ср. *пушă* + *-ат* > *пушат* «опустошать».

7. Признавая большое сходство образования залогов со словообразованием, тем не менее И.П. Павлов склонен сохранить «категорию залога».

8. Переходность и непереходность глаголов не являются существенным признаком глаголов чувашского языка. Автор дает дань русскому языку и поэтому прибегает к этим терминам.

9. *Тытăнса тăрать* – не сложный глагол, а перифраз (парафраза) – описательное выражение значения.

10. И.П. Павлов критикует чувашеведов, которые говорят «о бесполезности данной категории в чувашском языке», но, сам того не замечая, приходит от переходных и непереходных глаголов к переходным и непереходным значениям многозначных глаголов, это как бы получается не морфологическая (глагольная) категория, а семантическая.

11. Положительный аспект – это чисто логическая (понятийная) категория. По словам Л.В. Щербы, «само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий» (Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 79).

12. Согласно пункту 2, должно быть: *хурлансах.*

13. В словоформе *асăрхамасăр* нет четкости отрицания, видимо, здесь отрицание выражено аффиксом *-сăр*, а элемент *-ма-* – показатель инфинитива.

14. Сведения о древнейшем причастном аффиксе *-сăр (-сĕр)* мы находим лишь в работе И.П. Павлова.

15. В приведенных примерах: *вĕтелен* «обжигаться», *чавалан* «копаться» нет аффикса возвратного залога: аффикс *-н* считается деривационным.

Литература к разделу «Словоизменение глагола. Категория времени глагола. Спряжение глагола»

1. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1. Фонетика. Ч. 2. Морфология. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1898. 392 с.

2. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков М.: Наука, 1979. 274 с.

3. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 474 с.

4. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.

5. *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 151–239.

6. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.

7. *Рамстедт Г.Й.* Введение в алтайское языкознание: морфология. М., 1957.

8. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М.: Изд-во на иностр. языках, 1959. 440 с.

9. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 127 с.

10. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность Л.: Наука, 1974. 428 с.

11. *Poppe N.* Turkish-thuwaschische vergleihende Studien // Islamica. 1925. Bd. I. Iase 4. (Lipsiae).

12. *Prisak O.* Bolgaro-Tschuwschica // Ural-Altaische Jahrbucher. Bd. 30. 1959.

Примечания и комментарии к разделу «Словоизменение глагола. Категория времени глагола. Спряжение глагола»

1. И.П. Павлов пишет: «Аффикс 1 лица обозначает самого говорящего, аффикс 2 лица – его собеседника, а аффикс 3 лица – того, кто не является ни говорящим, ни слушающим, так как не участвует в диалоге или полилоге... Значит, 3 лицо – это неопределённое лицо». Такое банальное утверждение не всегда соответствует действительности. Ср.: *Эпĕ тĕрĕссине каларăм, эсĕ хирĕçлерĕн, тавлашса вăрçсах та каяттăмăр-и тен, анчах вăл пире ăшă сăмахсемпе мирлештерчĕ.* «Я говорил правду, а ты возражал, возможно, споря, и поссорились бы, но он помирил нас добрыми словами». Из этого предложения ясно видно, что 3 лицо участвует в полилоге и не является неопределенным лицом.

2. Тезис И.П. Павлова: «Число относится не к действию, а к лицу. Значит, неверно утверждается, что глагол изменяется по лицам» – не соответствует действительности, данные таблицы 1 говорят об обратном. Ср. *юр-ла-тăп* «пою» (ед. ч.) – *юрлатпăр* «поём» (мн. ч.). Неверно также утверждение И.П. Павлова о том, что «единственное число глагольного лица выражается нулевой морфемой». Данные таблицы 1 опровергают такое утверждение.

3. При исследовании так называемого феномена «время» необходимо учесть то, что время – и философская, и логическая, и лингвистическая (морфологическая, синтаксическая, лексико-семантическая), и понятийная категория.

Понятийные категории в языкознании – смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами. Итак, понятийная категория времени в языкознании выражается а) лексическими средствами: *ĕмĕр* «век», *çамрăклăх* «юность», *ватлăх* «старость», *ĕнер* «вчера», *паян* «сегодня» и т.д.; б) морфологическими показателями (аффиксами): *кур-ат-ăп* «вижу», *кур-т-ăм* «видел»; в) синтаксическими (аналитическими) средствами (словосочетаниями и словооборотами, перифразами): *тухса тарнă* «сбежал», *кайса килес пулать* «надобно (нужно) сходить (съездить)». Последние примеры явно относятся к морфосинтаксическим образцам, ибо значение лица выражается аналитически, препозитивными личными, лично-возвратными местоимениями или именами существительными. Прошедшее периодическое время считается аналитико-синтетической формой.

Эпĕ вулаканччĕ	«я, ты	*Эпир вулаканччĕ*	«мы, вы
Эсĕ вулаканччĕ	он, она	*Эсир вулаканччĕ*	они обычно
Вăл вулаканччĕ	обычно читал(а)»	*Вĕсем вулаканччĕ*	читали»

Эта парадигма – чистейший пример морфосинтаксиса, поскольку показателями лица являются личные местоимения, а аффикс *-ччĕ* – показатель причастного действия в прошлом.

4. По устоявшейся «ложной» традиции автор считает, что аффикс давнопрошедшего времени (первого) *-самт- (-семт-)* является сложным (составным) аффиксом, хотя в начале § 22 черным по белому написано, что давнопрошедшее категорическое время образуется путем прибавления к аффиксу деепричастия *-са (-се)* аффикса однократного прошедшего времени вспомогательного глагола *имĕк* (в виде *-т-*) *çыр-са-тт-ăм* «написал было».

По мнению М.Р. Федотова, «во всех говорах вирьял (верховой) диалекта чувашского языка для выражения действия в прошлом очень широко пользуются деепричастной формой на *-са...*» [9, с. 106–108].

5. Аффикса *-çĕ* как такового в языке нет. И.П. Павлов парадигму спряжения слишком усложнил: в 3 лице в современном языке мы имеем *ĕç-ле-çç-ĕ*, где *-ç(ç)-* – показатель множественного числа (геминированная форма) + *-ĕ* – аффикс 3 лица, а в работе И.П. Павлова словоформа *ĕç-л(е)-ет-(ĕ)-çĕ* вносит лишь путаницу. При членении словоформы 3 лица множественного числа путались многие чувашеведы: ср.: 1) *лар-а-ç-ç-ĕ* (Тимухха Хĕветĕрĕ); 2) *çыр-а-ç-çĕ* (И.П. Павлов); 3) *çыра-ççĕ* (М.Р. Федотов); 4) *сăна-ç-ç-ĕ, пĕл-еç-ç-ĕ* (Л.П. Сергеев);

Çыраççĕ, вероятно, из *çыратĕсем* (?), возможно, что перед *ĕ* звук *т* смягчился в *ч*: *çырачĕсем* > *çырачĕçĕм* > *çырачĕçĕ* > *çырачçĕ* > *çыраççĕ* (В.Г. Егоров).

6. В тюркологии много сказано о происхождении аффикса причастия настоящего времени *-акан (-екен)*. Обычно в аффиксе *-акан (-ағап)* выделяют два структурных элемента: *-а* + *-кан (-ған)*, но при этом происхождение первого элемента *-а* оспаривается (см.: Левитская ИМЧЯ, с. 93–94). Здесь ларчик просто открывается: в других тюркских языках второй элемент *-кан (*лат. *-дап, -дап, -ған)* является аффиксом причастия прошедшего времени, который под влиянием аффикса настоящего времени *-а* (который фигурирует в 19 тюркских языках; ср.: чув. *пыр-а-н*, якут. *бар-а-бын*, тат. *бар-а-м(ын)* утрачивает своё свойство причастия прошедшего времени, и *-акан (-екен)*, *-ағап/-ерен* становится показателем причастия настоящего времени. Между прочим, Н.И. Ашмарин был склонен видеть в первом элементе причастие на *-а* [1, с. 310].

7. Доводы Л.С. Левитской убедительны. Ср. парадигму спряжения краткой формы настоящего времени с будущим:

кĕт-е-п «жду»	*кĕт-ĕ-п* «буду ждать»
кĕт-е-н «ждёшь»	*кĕт-ĕ-н* «будешь ждать»

8. Перед будущим вторым временем обязательно употребляются личные, лично-возвратные местоимения (добавить: и их притяжательные формы) и существительные, а также отрицательные местоимения. Ср.: *Никам та (нихăш те) илес çук* «Никто не будет брать»; *эпĕ илес, ман(ăн) (хамăн) илес*, *эпĕ илес çук, ман илес çук, хамăн илес çук.*

9. То, что было раньше категорией повелительного наклонения, в данной работе И.П. Павлова представлено как б у д у щ е е п о в е л и -

тельное время, и притом парадигма спряжения 1 лица, изредка и 2 лица единственного и множественного числа так усложнена, что напоминает аналоги из якутского языка; ср. чув. 1 л. *васк(а)-а-(ă)м* «потороплюсь-ка я», *кĕт-е-(ĕ)м* «пусть я подожду», якут.: а) *бар-ыым* «пойду-ка я» (близкое будущее время); б) *бараар* «пойди ты потом», *бараарынгытыый* «пойдите же вы потом» (отдаленное будущее время повелительного наклонения).

10. С учетом принципа тотальности употребления аффикса *-сам (-сем)*, присоединяемого к формам единственного и множественного числа 2 лица повелительного наклонения (будущего повелительного времени – по И.П. Павлову), в чувашском языке должна фигурировать категория вежливости, а не форма вежливости.

11. Нет четкости высказывания насчет слов *атя, айта, ме, на, чим, тавай*: они названы то междометными глаголами, то вспомогательными глаголами, а Н.И. Ашмарин назвал их недостаточными глаголами [1, с. 330]. И.П. Павлов утверждает, что «у этих глаголов нет грамматического времени», но тут же сам себе противоречит, говоря, что «они очень сходны с формами будущего повелительного времени»; утверждает, что «нет ни грамматического числа», и тут же отрицает это: «они изменяются по числам, в форме множественного числа принимают аффикс *-ăр (-ĕр): атьăр, мейĕр, чимĕр, тавайăр*».

12. Фактически элемент *-ччĕ*, названный И.П. Павловым постфиксом, который «придает повелительной временной форме значение задушевного желания говорящего совершить действие», т.е. вежливую просьбу: *калаччĕ* «скажи, пожалуйста»; *каçарччĕ, каçар-сам-ччĕ* «прости, пожалуйста» и т.д.

13. Все временные формы, представленные И.П. Павловым, суть объекты морфосинтаксиса: например, отдельно взятая словоформа *куртăм (кур-т-ăм)* – чисто морфологическое прошедшее категорическое (по И.П. Павлову: однократное прошедшее) время, но стоит прибавить к ней личные местоимения: *эпĕ куртăм* «я видел», *эсĕ куртăн* «ты видел», *вăл курчĕ* «он видел», то конструкция моментально становится объектом морфосинтаксиса. В работе И.П. Павлова все временные формы морфосинтаксического толка.

Не все морфосинтаксические временные формы нашли место в исследовании И.П. Павлова. Временные формы перифрастического толка (связанные с перифразами), совсем не затронуты.

В докторской диссертации и монографии «Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект». (Чебоксары: Изд-во Чуваш ун-та, 2011. 307 с.) А.М. Иванова в разделе «Таксисные аналитические конструкции...» представила виды морфосинтаксического времени: а) настоящее время прошедшего причастия *-нă (-нĕ)* + *пул* в настоящем времени: *кайнă пулатăп* во всех трёх лицах единственного и множественного числа; б) будущее время прошедшего причастия (на *-нă (-нĕ)* + *пул*) в будущем времени: *кайнă пулăн* и т.д. Выявлено около 25 морфосинтаксических форм времени.

В английском языке таких аналитических временных форм около 16.

Итак, И.П. Павлов размножил виды временных форм – это похвально, но дело не довёл до логической завершенности.

14. Сведения о древнейшем причастном аффиксе *-сăр (-сĕр)* мы находим лишь в работах И.П. Павлова.

15. В приведенных примерах: *вĕтелен* «обжигаться», *чавалан* «копаться» нет аффикса возвратного залога, аффикс *-н* считается деривационным.

Примечания и комментарии к разделу «Наречие»

1. Определить наречия можно, по И.П. Павлову, по наличию абстрактной семантики и отсутствию конкретного значения. По мнению тюркологов, «в современных тюркских языках наречие представляет собой класс слов с семантикой признака действия и признака признака». Добавим, все наречия времени имеют конкретные лексические значения. Разве можно сказать, что наречия образа действия *хуллен, аран, хăвăрт, сасартăк, чĕвен, çарран* лишены конкретного значения?

Если бы наречия меры и степени были лишены конкретного значения, то они лишились бы права быть представленными в словарях: *сахал* «мало», *чылай, пайтах* «довольно много», *пăртак* «немного» и т.д. Да и сам автор на следующих страницах в § 2 говорит о «значениях семантических групп» наречий.

2. Одним из самых запутанных вопросов является отнесение к деривационным аффиксам следующих реляционных формантов: *-ла (-ле), -ласа (-лесе), -латса (-летсе), -ĕпе (-ипе)*.

3. Следует учесть то обстоятельство, что в словоформах *кун-ĕ-пе, ял-ĕ-пе* основы слова сохраняют лексическое значение имени существительного. Здесь мы имеем дело с косвенной принадлежностью: *-ĕ-* – показатель 3 лица; ср. *Хĕвелĕ хĕртет те хĕртет* «Солнце печёт и печёт»: слово *хĕвелĕ (хĕвел-ĕ)* – форма 3 лица категории принадлежности, но солнце никому не принадлежит, оно общее для всех.

4. Верно то, что наречия не имеют категории сравнения, они имеют лишь некатегориальную форму сравнения. Даже не все наречия времени могут принимать аффикс *-рах (-рех), -тарах (-терех)*: *пĕлтĕртерех (?), кĕçĕртерех (?), кăçалтарах (?)*.

Литература к разделу «Изобразительные слова»

1. *Абакумов С.А.* Современный русский литературный язык. М., 1942.

2. *Ашмарин Н.И.* О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань, 1928.

3. *Ашмарин Н.И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского госуниверситета. Общественные науки. Вып. 1–2, 3–5. Баку, 1925.

4. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. Т. 2: Фонетика и морфология. М., 1952.

5. *Баскаков Н.А.* Рец.: Теория имитативов и данные чувашских диалектов // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 97–99.

6. *Егоров В.Г.* Подражательные слова // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.

7. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

8. *Корнилов Г.Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.

9. Современный казахский язык: фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.

10. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

11. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.

12. *Хузангай А.П.* Рец.: Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. – Чебоксары, 1984 // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 144–146.

13. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительное слово. Л.: Наука, 1987.

Литература к разделу «Послелог»

1. *Андреев Н.А.* Имя прилагательное // Материалы по грамматике чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. С. 62–106.

2. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1: Фонетика. Ч. 2: Морфология. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1898. 393 с.

3. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Примечания и комментарии к разделу «Послелог»

1. По утверждению И.П. Павлова, все слова с аффиксом *-ăн (-ĕн)*: *вăрманăн курăнать* «виднеется лесом», *чĕррĕн таврăнайман* «не смог вернуться живым» – признаются наречиями, а здесь аффикс *-ăн (-ĕн)* выдается за аффикс древнего инструментального падежа: *пиччепе юнашаррăн (ут)* «рядом с братом шагай».

2. В разделе «Имя существительное» лексемы *ай, çи, ум, хыç, çум* признаны существительными, а здесь они выступают как послелоги и притом в сочетании с аффиксом *-ăн (-ĕн)*: *Хурăн айĕн* (*ай-* + *-ĕ* + *-н* (аффикс притяж. пад.) *çул турăм* «Проложил я тропку под берёзами»; *шыв çийĕн* «над водой»; *пӳрт умĕн* «перед домом»; *грузовик хыççăн* «за грузовиком». Создается впечатление, что автор не признает формант *-ăн (-ĕн)* деривационным наречиеобразующим.

3. Словоформы пуçласа (*майăн пĕрремĕшĕнчен пуçласа* «начиная с 1 мая»), тытăнса (*каçран тытăнса ирччене*х «начиная с вечера до утра») не послелоги, а деепричастные формы.

4. В разделе «Глагол» формант *-иччен*: *вĕçне çит-и-ччен* «до конца» признан И.П. Павловым деепричастием, а здесь они выступают в роли послелогов: *вун саккăра çитиччен* «до восемнадцати (лет)».

5. В чувашском языке нет аффикса *-ашкал (-ешкел)*, а есть формант *-шкал (-шкел)*, возводимый к арабскому слову *вышкал* «подобный/подобно»: *сана вышкал* (Ашмарин V, с. 220) > *сан-а-шкал* «подобно тебе», где аффикс *-шкал* следует за аффиксом дательного падежа *-а*. Н.И. Ашмарин в своем словаре так и пишет: «*-шкал (-шкел)*, послелог, управ-

ляющий дат. падежом, означает “подобно (кому, чему)”» (Ашмарин XVII, с. 383). В работе «Материалы для исследования чувашского языка» [2, с. 210] он предположительно высказал мнение, что этот формант арабского происхождения. Н.А. Андреев *-шкал (-шкел)* назвал послелогом-аффиксом; ср. татарский послелог *шкелле* «подобно», «подобный». И.П. Павлов чувашский аффикс *-шкал (-шкел)* – он представил его в виде *-ашкал (-ешкел)* – сблизил с тувинским послелогом *ышкаш* «подобно».

6. Морфемное членение аффиксов *-и-ччен > -иччен, -ма (-ме) -серен > массерен (-мессерен), -нă-çем-ĕн (-нĕ-çем-ĕн)* представлено верно, тем не менее И.П. Павлов считает их композитными (сложными) аффиксами.

Литература к разделу «Союз»

1. *Андреев И.А.* Чаваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. II пайĕ. Шупашкар, 1975.

2. *Колосова Т.А., Черемисина М.И.* Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1987.

3. *Павлов И.П.* О сложноподчиненном предложении с придаточным цели и условия в чувашском языке // Филологический сборник. Чебоксары, 1966. (Учёные записки / ЧНИИ; вып. 28).

4. *Павлов И.П.* Особенности употребления слова *тесе* в чувашском языке // Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960.

5. *Павлов И.П.* Придаточные предложения с союзом *пулсан* // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 26. Чебоксары, 1958.

6. *Павлов И.П.* Сложноподчиненные предложения с союзом *мĕншĕн тесен* в чувашском языке // Вопросы чувашской филологии. [Ч.] 1. Чебоксары, 1974.

7. *Павлов И.П.* Союзы *пулсан та, пулин те* в сложноподчиненных предложениях с придаточными уступительными в чувашском языке // Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. 1. Чебоксары, 1971.

8. *Павлов И.П. Хуть (хăть)* союзпа çыхăнакан пăхăнуллă предложенисем çинчен // Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары, 1966. (Учёные записки / ЧНИИ; вып. 32).

9. *Павлов И.П.* Чăваш чĕлхинчи *тăк/тĕк* татăклă конструкцисем // Вопросы чувашского языкознания и литературоведения. Чебоксары, 1968. (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 26).

10. *Павлов И.П.* Чăваш чĕлхинче хирĕçлев союзĕсем пулса кайни тата вĕсемпе сыпăнуллă хутлă предложенисенче усă курни // Учёные записки / ЧНИИ. Вып. 49 (Филология). Чебоксары, 1970.

11. *Павлов И.П.* Чăваш чĕлхинче хирĕçлев союзĕсем пулса кайни тата вĕсемпе сыпăнуллă хутлă предложенисенче усă курни // Чувашский язык, литература и фольклор. Вып. 1. Чебоксары, 1972.

12. *Тимофеев К.А.* Морфемный статус служебных слов // Служебные слова: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1987.

13. *Черкасова Е.Т.* Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования. М., 1973.

Примечания и комментарии к разделу «Союз»

1. Поскольку «союз выполняет функции синтаксического форманта, будучи не в составе словоформы, а в составе предложения, выполняя роль скрепа между синтаксическими единицами», он является объектом исследования морфосинтаксиса, а не «чистой морфологии». Тем не менее союзы рассматриваются и в морфологии. Академик В.В. Виноградов по этому поводу писал, что союзы, «в сущности, запредельны морфологии» (Русский язык. М., 1972. С. 553).

2. По правилам нынешней орфографии «союзные частицы» (термин И.П. Павлова) пишутся раздельно: *сахал тăк* «если мало», *килтĕн тĕк* «коли пришел».

3. Вызывает сомнение включение в число союзов слов, восходящих к наречиям, среди них *анчах* «только что, недавно». *Темех тăваймарăм эпĕ пĕр уйăхра, тĕрĕссипе каласан, анчах-анчах ĕçе кӳлĕнсе çитетĕп*. «В данном предложении *анчах-анчах* не союз, а наречие времени, равный по значению *халĕ, пĕр... пĕр*: *Сӳс хӳреллĕ хурçă йытă, пĕр кĕрет те, пĕр тухать* «Пёс стальной с хвостом кудельным, то нырнет, то вверх взлетит» (Пер. П. Хузангая). *Пĕр... пĕр* «то... то» здесь признан разделительным союзом, фактически он соответствует краткой форме числительного, а в полной форме *пĕрре... пĕрре*, т.е. *пĕрре кĕрет, пĕрре тухать*. А если мы скажем *виççĕ кĕчĕ, виççĕ тухрĕ* «три раза заходил, три раза выходил» – следует ли признать *виççĕ... виççĕ* союзом?

Признанный разделительным союзом *пĕрре... тепре* «то... то» восходит к двум частям речи: *пĕрре* – числительное, *тепре* местоимение. Как они перешли в разряд союзов – ответа нет. Как быть тогда с пословичным выражением *Çиччĕ виç те, пĕрре кас* «Семь раз отмерь, один раз отрежь»? Следует ли признать *çиччĕ... пĕрре* разделительным союзом? Ответа тоже нет.

Союзы, восходящие к глагольным формам: *пулсан та, пулин те, ма тесен, мĕн-ма тесен, ан тив* – противоречат «золотому правилу» И.П. Павлова: *Пуплев пайĕсем уйрăм сăмахсене кăна пĕрлештерсе тăраççĕ...* «К частям речи относятся только отдельные слова...»

Со времён появления статьи В.Г. Егорова под названием «Союз» (МГСЧЯ 1957, с. 324–330) до сегодняшнего дня число союзов (учитывая эту работу И.П. Павлова) выросло вдвое.

Литература к разделу «Частица»

1. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1: Учение о звуках (фонетика). Ч. 2: Учение о формах (морфология). Казань, 1898.

2. Грамматика туркменского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970.

3. *Егоров В.Г.* Частицы // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1: Морфология. Чебоксары, 1957.

4. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

5. *Коркина Е.И.* Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.

6. *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. М.; 1962.

7. *Поппе Н.Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л., 1977.

8. *Федотов М.Р.* Средство выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары, 1963.

9. *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

Примечания и комментарии к разделу «Частица»

1. Частица – это часть речи, и она является аналогом слова и в то же время морфемой. Сказать, что «частица как служебное слово не обладает морфемной структурой, ибо у нее нет денотативной соотнесенности, нет и лексического значения корня», неверно. Но тут же частичное отрицание вышеизложенного тезиса: «...лексическое значение частицы тождественно грамматическому». К тому же классификация частиц проводится по семантическому принципу, хотя семантика частиц весьма и весьма многообразна. Автор продемонстрировал морфемную членимость частиц *мар, çеç* со словоизменительными аффиксами: *таса марри* «тот из них, кто грязен», *таса марскер* «один из грязных»; *таса мартарах* «тот, кто грязней».

2. Словоформу *çукчĕ* (основу слова *çук*) И.П. Павлов ошибочно принял за прилагательное: *Пахча çимĕçĕпе ун пек айкашакан çын ялта урăх çук таччĕ* «По всей деревне не было человека, кто так же усердно занимался огородничеством». На самом деле, *çук* в этом предложении частица. Если слово *çук* было бы в роли определения *çук çын* «бедняк», «неимущий», его можно принять за прилагательное; ср. *çукрах çын* «человек, который победнее».

3. Префикс [лат. praefixum — прикрепленный спереди]; ср. рус. *приезд, отход*; чув. *никам* «никто», в этих примерах *при-, от-, ни-* прикреплены в словах перед корнем. Но принять частицу *ан* за «префикс в составе глагола» невозможно, ибо *ан* не прикреплен к глаголу, а составляет отдельную морфему, т.е. отрицательную частицу.

4. Частица – это служебная часть речи, и как часть речи они оформляются или раздельно, или через дефис. Само слово *татăк* в чувашском образовано от корня *тат* «отрывать», «разрывать» + аффикс *-ăк* > *татăк* (букв. «разорванное»), т.е. частица. Все частицы чувашского языка пишутся раздельно или через дефис, только один (ложно признанный) формант *-ах (-ех)*, названный частицей, пишется слитно: *тахçанах* «давным-давно», *пулăшатех* «обязательно поможет». Учитывая то, что слово *татăк* говорит о раздельнооформленности данной части речи, а элемент *-ах (-ех)* пишется слитно, то мы вправе назвать его аффиксом [лат. affixus – прикрепленный]. Этот прикреплённый формант (аффикс) подчиняется принципу тотальности употребления со всеми словами и словоформами знаменательных частей речи (и не только!), его можно считать категориальной формой усиления. В примере: *татах кил* «приходи (приезжай) ещё» слово *татах* должно было бы считаться композитой (сложным или составным словом). Если *-ах (-ех)* считать частицей, то словоформы *ачах (ача ачах)* «ребенок есть ребенок», *лайăхах пурăнатпăр* «живем хорошо», *пиллĕк пиллĕкех* «пятёрка есть пятёрка», *кайнă-кайнах* «раз уж пошли (или поехали)»; *Сан ачу сан пекех* «Твой ребенок очень похож на тебя», то все эти словоформы с аффиксом *-ах (-ех)* превратились бы в сложное слово.

Но до сих пор такие словоформы никто не назвал сложным словом, его невозможно назвать деривативом – деривационной (словообразовательной) морфемой.

5. Будучи частицами, *-а (-е)* требуют раздельного или дефисного написания: *Каятăн-а?* (или *Каятăн а?*). Ср. *Мĕн пулнă сана, а?* «Что случилось с тобой, а?»

6. В словоформе *Тарăхрăн-ам?* «Неужто ты обиделся?» частицей является не *-а*, скорее всего, *-ам*, равный по значению частице *-им*: *тарăхрăн-им,* и они должны быть оформлены через дефис.

7. Удивительно, но факт (написано чёрным по белому: «При сочетании с вопросительными местоимениями (частица. – *В.С.*) *-тăр (-тĕр)* выполняет словообразовательную функцию, она образует неопределённые местоимения». Это уже «восьмое чудо» чувашской морфологии, когда частица превращается в дериват. По новым правилам орфографии чувашского языка частица *тăк (тĕк)* пишется раздельно.

8. Что касается слова *ахăр, ахăртне,* то они больше клонятся к модальным словам. В свое время – речь идет о книге «Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи» (1965. С. 367) – И.П. Павлов в действительности слова *ахăр, ахăртне* включил в число модальных слов: *Вырăсла хапха туса лартма хуçисем хальлĕхе, ахăртнех, вăй çитереймен.* Но в рецензируемой нами работе И.П. Павлов модальные слова не включил в число частей речи.

Литература к разделу «Междометие»

1. *Германович Т.А.* Междометия русского языка. Киев, 1966.
2. *Павлов И.П.* V–VI классенче чăваш чĕлхин морфологине вĕрентесси. Шупашкар, 1885.
3. *Сергеев Л.П.* Об одной группе императивных междометий в чувашском языке // Учёные записки / ЧНИИ. Вып. 49. Чебоксары, 1970.
4. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи. М., 1960.
5. Языковая номинация: общие вопросы. М., 1977.

Примечания и комментарии к разделу «Междометие»

1. В разделе «Частица» (§ 4) слова *аха, ăхă* признаны модальными (утвердительными) частицами. Это касается и элемента *ия, ийя*, а в разделе «Междометие» они оказались в другом лексико-грамматическом разряде.

2. Включение в число междометий словесных оборотов типа *Мĕн пулать те мĕн килет!* «Будь что будет!» вызывает большие сомнения. Междометие – это часть речи, а по словам И.П. Павлова: *Пуплев пайĕсем уйрăм сăмахсене кăна пĕрлештерсе тăраççĕ, сăмах майлашăвĕсемпе сăмах çаврăнăшĕсене пĕрлештерсе тăмаççĕ*, т.е. части речи включают в свой состав только отдельные слова.

Междометия, связанные с формами вежливости, слова приветствия: *Ырă кун!* «Добрый день!»; *Вăй патăр!* «Слава труду!» также не укладываются в рамки отдельного слова. В таком случае не только словообороты, но и целые предложения-приветствия необходимо считать междометиями. *Çĕнтеру кунĕ ячĕпе саламлатăп!* «Поздравляю с Днем Победы!»; *Сывă*

пултăр Мартăн саккăрмĕшĕ – Пĕтĕм тĕнчери хĕрарăмсен кунĕ! «Да здравствует 8-е Марта – Международный женский день!»

3. Отдельно взятые междометия, типа *э-э-э*, без соответствующего контекста не могут выражать столь разные значения: догадку, удивление, возражение, пренебрежение, негодование, злорадство, обращение, восторг. Об этом красноречиво сказано автором в § 4 под названием «Связь междометия с предложением или отдельным словом». «Междометие *ах* выражает восторг, восхищение говорящего, а рядом стоящее предложение показывает, какой именно факт вызывает восторженное чувство»: *Ах, сирĕн йывăç пахчи пит илемлĕ-çке!* «Ах, до чего красив ваш сад!»

Ах, çылăхлă пуçăма	«Ах, куда теперь деваться
Ăçта чиксе хурам-ши?	Мне с преступной головой?»
(К. Иванов)	

Междометие *ах* здесь выражает большое отчаяние, а стоящее рядом с междометием *ах* предложение передает суть этого переживания.

Сокращения

Ахманова СЛТ – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.

Ашмарин I–XVII – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки: в 17 т. Репр. изд. – Чебоксары: Руссика, 1994–2000.

Егоров ЭСЧЯ – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 356 с.

ИСГТЯ II – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. 2: Морфология. – М., 1956.

Левитская ИМЧЯ – *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. – 207 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.

МГСЧЯ – Материалы по грамматике современного чувашского языка. – Ч. 1: Морфология – Чебоксары: Чувашиздат, 1957. – 361 с.

Розенталь, Теленкова ССЛТ – *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985.

РЯ: энцикл. – Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энциклопедия, 1979.

Стариченок БЛС – *Стариченок В.Д.* Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.

Федотов ЭСЧЯ – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1996.

ЧРСл – Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. – М.: Русский язык, 1982.

Содержание

Раздел 1. Части речи

§ 1. К истории изучения частей речи..... 5
§ 2. Требования к классификации слов по частям речи..... 9
§ 3. Иерархия частей речи..... 14

Раздел 2. Морфологические категории

§ 1. Понятие о морфологической категории..... 25
§ 2. Установление статуса некоторых морфологических категорий чувашского языка..... 26
§ 3. Систематизация морфологических категорий..... 30

Раздел 3. Имя существительное

§ 1. Общие сведения..... 36
§ 2. Лексико-грамматические разряды имен существительных... 38
§ 3. О так называемых служебных именах..... 41
§ 4. Категория предметного числа..... 46
§ 5. Категория лица имен существительных..... 51
§ 6. Категория личного числа..... 65
§ 7. Категория падежа имен существительных..... 67
§ 8. Склонение имён существительных. Значение падежей..... 83
§ 9. Категория направления..... 104
§ 10. Категория степеней сравнения имен существительных..... 107
§ 11. Категория выделения имен существительных..... 110
§ 12. О двойных падежах..... 117

Раздел 4. Имя прилагательное

§ 1. Имя прилагательное как часть речи..... 120
§ 2. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных..... 122
§ 3. Качественные прилагательные..... 123
§ 4. Категория степеней сравнения имён прилагательных. Общая характеристика..... 126
§ 5. Сравнительная степень..... 126
§ 6. Превосходная степень (как явление морфосинтаксиса)..... 128
§ 7. Усилительные формы (интенсивы) имен прилагательных.. 129
§ 8. Некачественные прилагательные..... 131
§ 9. О склонении имен прилагательных..... 142
§ 10. Категория выделения имен прилагательных..... 146
§ 11. Категория времени имен прилагательных..... 150

Раздел 5. Имя числительное

§ 1. Имя числительное как часть речи..... 152
§ 2. Простые и составные числительные..... 154
§ 3. Категория нумератива. Общая часть категории нумератива.. 158
§ 4. Количественный нумератив..... 160

§ 5. Неатрибутивная форма 161
§ 6. Порядковый нумератив 164
§ 7. Разделительный нумератив 166
§ 8. Субстантивная форма 170
§ 9. Категория лица имен числительных 171
§ 10. Категория времени имен числительных 173

Раздел 6. Местоимение

§ 1. Местоимение как часть речи 174
§ 2. Личные местоимения 177
§ 3. Лично-возвратные местоимения 184
§ 4. Указательные местоимения 186
§ 5. Вопросительные местоимения 188
§ 6. Обобщающие местоимения 189
§ 7. Отрицательные местоимения 190
§ 8. Неопределенные местоимения 191
§ 9. Категория времени местоимений 192

Раздел 7. Глагол

Формообразование глагола

§ 1. Неопределенная форма глагола 194
§ 2. Категория залога 201
§ 3. Основной залог 206
§ 4. Страдательно-возвратный залог 207
§ 5. Взаимно-совместный залог 208
§ 6. Понудительный залог 211
§ 7. Глаголы переходные и непереходные 214
§ 8. Аспекты глагола 215
§ 9. Интенсивная форма глагола 221
§ 10. Категория кратности 222

Словоизменение глагола

§ 11. Категория лица 227
§ 12. Категория личного числа глагола 233

Категория времени глагола

§ 13. Несколько слов об истории изучения вопроса 237
§ 14. Функциональные временные формы глагола 239
§ 15. Предикативные и непредикативные формы 241
§ 16. Абсолютное и относительное время 242
§ 17. Время и наклонение 245
§ 18. Система временных форм 247

Спряжение глагола

§ 19. Однократное прошедшее время 253
§ 20. Многократное прошедшее время 255
§ 21. Прошедшее периодическое время 261
§ 22. Давнопрошедшее первое время 264
§ 23. Давнопрошедшее второе время 267
§ 24. Настоящее первое время 269
§ 25. Настоящее второе время 272
§ 26. Будущее уступительное время 274

§ 27. Будущее первое время 277
§ 28. Будущее второе время 281
§ 29. Будущее долженствовательное время 284
§ 30. Будущее повелительное время 285
§ 31. Формы будущего желательного времени 295
§ 32. Будущее желательное время I 296
§ 33. Будущее желательное время II 297
§ 34. Будущее желательное время III 300
§ 35. Будущее желательное время IV 302

Раздел 8. Наречие

§ 1. Наречие как часть речи 308
§ 2. Лексико-семантическая классификация наречий 309
§ 3. О переходе словоформ и словосочетаний в наречия 313
§ 4. Частичное использование синтаксических аффиксов с наречиями 315
§ 5. Степени сравнения наречий 318

Раздел 9. Изобразительные слова

§ 1. Понятие об изобразительных словах 320
§ 2. Значения изобразительных слов 324
§ 3. О фонемике изобразительных слов 328
§ 4. Усложненные структуры изобразительных слов 332
§ 5. Повторное употребление изобразительных слов 336
§ 6. Парные изобразительные слова 338
§ 7. О словоизменительных формах изобразительных слов 339
§ 8. О сочетании изобразительных слов с другими словами 341
§ 9. Синтаксические функции изобразительных слов 344

Раздел 10. Послелог

§ 1. Понятие о послелоге 347
§ 2. Первообразные и непервообразные послелоги 348
§ 3. К вопросу об управлении послелогов 350
§ 4. Морфологические признаки послелогов 354
§ 5. Классификация послелогов по их значению 355
§ 6. О переходе послелогов в аффиксы 358

Раздел 11. Союз

§ 1. Понятие о союзе 361
§ 2. Классификация союзов 364
§ 3. Разряды союзов по происхождению 366
§ 4. Об основных и факультативных подчинительных союзах ... 378

Раздел 12. Частицы

§ 1. Понятие о частице 385
§ 2. Частицы, выражающие смысловые оттенки 391
§ 3. Частицы, вносящие эмоционально-экспрессивные оттенки.. 393
§ 4. Модальные частицы, выражающие отношение к достоверности фактов, явлений действительности 395

Раздел 13. Междометие

§ 1. Понятие о междометии 411
§ 2. Строение междометий 412
§ 3. Классификация междометий по значению 414
§ 4. Связь междометия с предложением или отдельным словом.. 417

Литература. Примечания и комментарии 419
Литература к разделу «Части речи» 419
Литература к разделу «Морфологические категории» 419
Примечания и комментарии к разделу «Части речи» и «Морфологические категории» 419
Литература к разделу «Имя существительное» 421
Примечания и комментарии к разделу «Имя существительное» .. 423
Литература к разделу «Имя прилагательное» 425
Примечания и комментарии к разделу «Имя прилагательное» 425
Литература к разделу «Имя числительное» 426
Примечания и комментарии к разделу «Имя числительное» 427
Литература к разделу «Местоимение» 428
Примечания и комментарии к разделу «Местоимение» 429
Литература к разделу «Глагол. Формообразование глагола» 430
Примечания и комментарии к разделу «Глагол. Формообразование глагола» 431
Литература к разделу «Словоизменение глагола. Категория времени глагола. Спряжение глагола» 432
Примечания и комментарии к разделу «Словоизменение глагола. Категория времени глагола. Спряжение глагола» 433
Примечания и комментарии к разделу «Наречие» 436
Литература к разделу «Изобразительные слова» 436
Литература к разделу «Послелог» 437
Примечания и комментарии к разделу «Послелог» 437
Литература к разделу «Союз» 438
Примечания и комментарии к разделу «Союз» 439
Литература к разделу «Частица» 439
Примечания и комментарии к разделу «Частица» 440
Литература к разделу «Междометие» 441
Примечания и комментарии к разделу «Междометие» 441

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

ПАВЛОВ Иван Павлович

СОВРЕМЕННЫЙ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

В 2 томах

Том 2

Морфология

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Компьютерная верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано в печать 02.05.2017. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная
Уч.-изд.л. 25,23 а.л. Тираж 200 экз. Заказ №3

Чувашский государственный институт гуманитарных наук является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Отпечатано в РИО БНУ «Чувашский
государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/I